

БЫТЬ РУССКАГО НАРОДА

ЧАСТЬ II.

СВАДЬБЫ.

Сост. А. Перещенки.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ УЧЕБНО-РАЗВЪСЛАВНОМЪ ВОЗНЕСЕНО-УЧЕБНОМЪ ЗАВѢДѢНІИ.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ законченное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17 апрѣля
1847 года.

Ценсоръ А. Мехлинъ.

I. ОБЗОРЪ СВАДЬБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

Обрядъ обрученія въ древности. Многоженство и много-
мужіе, и каменные статуи вмѣсто женъ. Покупка дѣвицъ.
Приданое. Вѣно. Подать съ жениха по черной кунѣ. Кра-
жа дѣвицъ. Предѣлы родства въ язычествѣ, при вступле-
ніи въ бракъ. Разводъ. Значеніе любви и супружескаго
союза, въ гражданскомъ обществѣ. Христіанскій бракъ.
Вѣчаніе. Воспрещеніе развода. Обряды славянскихъ пле-
менъ, при бракосочетаніи. Бывшее многоженство въ Рос-
сін и у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ. Брачная вѣр-
ность и денежныя наказанія за нарушеніе цѣломудрія.
Вѣчная память. Значеніе свадьбы. Отступленіе отъ сва-
дебнаго благонравія. Брачныя записи и платежъ за не-
устойку. Разуваніе сапога. Возрастъ для супружества.
Постель новобрачныхъ. Угощеніе въ банѣ и питье воды,
по омовеніи тѣла. Каравай и нѣсто молодыхъ. Кокошникъ,
кика, коса и повойникъ. Вскрываніе молодыхъ. Особыя
названія при свадьбахъ. Порча молодыхъ. Заключение.

С В А Д Ъ Б Ы.

І. ОБЗОРЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

Жизнь каждаго народа рѣже отражается въ его забавахъ, празднованіяхъ и обычаяхъ семейныхъ, за-вѣтно передаваемыхъ изъ рода въ родъ, и берегомыхъ усердно, какъ святыня. Однако, какъ ни сохраняютъ эти обычаи, но со степенью образованія государствъ, весьма многое въ нихъ измѣняется. Образованность, гра-жданская жизнь и свѣтская изысканность, хотя имѣютъ сильное на нихъ вліяніе, за всѣмъ тѣмъ, свадебные обряды еще много удержали старины. Этому слу-жить доказательствомъ отправленіе ихъ по древнему обычаю, производимому поминѣ въ простонародіи.

У древнихъ и новыхъ народовъ, ни одна свадьба не начиналась безъ сопровожденія брачныхъ обрядовъ. Евреи, при собраніи постороннихъ людей, обручали молодыхъ мерстягами, въ знакъ не разрывнаго союза; давали имъ пить сладкое вино изъ сосуда, закладя яч-менной лепешкою, и клялись въ взаимной любви и вѣрности. Потомъ молодые, бросая на землю нѣсколь-ко гленинхъ кувшиновъ, разбивали ихъ и топтали ногами.

У Грековъ и Римлянъ, употреблялись вѣнцы и обру-чалыи кольца, свѣчи свадебныя, подарки, осыпаніе

Обрядъ
обруче-
нія въ
древно-
сти.

новобрачныхъ имѣлъ, деньгами и хлѣбными сѣменами.

У Римлянъ запрещалось совершать браки дѣвицъ въ правянкъ, а браки вдовъ въ будни для того, чтобы при вѣчаніи первыхъ, могло быть болѣе зрителей, а при вѣчаніи послѣднихъ, сколько можно менѣе: въ праздничные дни народъ развлекался играми, зрѣлищами и гуляньемъ. Супружество дѣвицъ славилъ, а вдовъ срамили, ибо повтореніе брака считалось за распутство.

Много-
женство
и много-
уміе, и
камен-
ныя ста-
тунки
сто-
лець.

На востокѣ дозволялось имѣть много женъ, что доселѣ въ обыкновеніи между послѣдователями Магомета (*). Египтяне, Вавилоняне, Ассиріяне, Мидяне и древніе Персы, считали многоженство необходимою,

(*) По алкорану, султаны турецкіе обязаны жениться на рабыняхъ, и родившійся отъ первой сынъ, провозглашается наследникомъ престола; его мать объявлялась женой султана, и имѣвалась матерью правотѣрныхъ, а вся прочія жены почитали ее султаншею и дѣйствительною женою. Русская паша, Роксолана, первая нарушила этотъ обычай. Солиманъ великодушный, гроза германской имперіи и ужасъ Европы, имѣлъ первую женою отличной красоты черкешенку; рожденный отъ нея сынъ, Мустафа, былъ объявленъ императоромъ; но вторая его жена, Роксолана, успѣла до того овладѣть сердцемъ султана, что соперница ея потеряла его любовь. Роксолана, имѣя отъ него дѣтей, вздумала воззвать сына своего на престолъ, и потому внушала султану, что Мустафа и его мать днущъ погибѣли ему самому и ея дѣтямъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, она настояла у султана, выдать одну дочь свою за Рустана, великаго визиря, бывшаго въ силѣ; потомъ съ намереніемъ сдѣлалась покровительницею магометанской вѣры, къ коей Солиманъ былъ преданъ до суетврѣи, и вознамѣрилась построить великолѣпную мечеть, чтобы пріобрѣсть расположе- ніе народа. По этому предмету она совѣтовалась съ Мустеи, который совершенно одобрилъ ея предначертаніе; но наущен-

(из 1800 г. до Р. Х.). Мидьянамъ приписываютъ введене многоженства, и варварскій обычай держать въ гаремахъ евнуховъ. — Древнiе думали, что многоженство способствуетъ къ скорому размноженiю челоуече-скаго рода; но это ошибочно. Многоженство истощаетъ

ный великий вѣзирѣ, онъ напомнилъ ей, что она, какъ рабыня, не можетъ этого сдѣлать. Она притворилась печальною, впала въ задумчивость, лишила себя всѣхъ радостей и наконецъ возненавидѣла самую жизнь. Султанъ, находясь въ походѣ, услышалъ о ея помышлествѣхъ, и о причинѣ разстройства ума, объявилъ ее свободною. Роксолана по прежнему сдѣлалась веселою, и начала строить мечеть. По возвращенiи Салимана въ столицу, онъ отправилъ къ ней, по обычаю евнуха, пригласить ее раздѣлить съ нимъ ложе. Она отвѣчала евнуху, что ей очень прискорбно, что не можетъ согласиться на волю своего государя; что она всегда готова повиноваться ему, но онъ нарушитъ законъ пророка, и сдѣлаетъ великое преступленiе, пригласивъ свободную жену; что ни одинъ султанъ не дѣлаетъ этого; — но если онъ непремѣнно рѣшился, то она не смѣетъ противиться. Салиманъ, котораго страсти увеличивались при препятствiяхъ, воспламенился еще большею къ ней любовью, за нѣжное предостереженiе, и прибѣгнулъ къ совѣту муфти. Этотъ подтвердилъ во всемъ значенiи Роксоланы самымъ алкораномъ, и чтобы уничтожить всѣ препятствiя, сказалъ ему, что одно только остается средство: объявить ее законной женою. Страстно-любленный монархъ ревностно исполнилъ предположенiе: онъ торжественно женился на ней (въ 1553 г.). До него ни одинъ изъ султановъ не былъ женатъ. — Роксолана неограниченно завладѣла сердцемъ Салимана, и Мустафа былъ лишенъ престола; потомъ, въ глазахъ отца, заколели его, и сынъ Роксоланы провозглашенъ наследникомъ престола. The works of. Wil. Robertson, c. 317—319. vol. II. ed. Lond. 1829 г. — Любопытно было бы изслѣдовать: кѣмъ и когда взята въ плѣнъ Роксолана? Кто она родомъ? Какъ она попала въ сераль? — Роксолана не есть имя русское, и оно, конечно, ей дано послѣ плѣна.

преждевременно силы человека; заглушать въ немъ чистую любовь, обращая ее въ одну слепую потребность. Сколько же раздоровъ между женою! Изъ зависти изъ предпочтенія одной къ прочимъ, всё посягаютъ на семейное счастье. Тогда самые дѣти встаютъ противу отца, губятъ и умерщвляютъ другъ друга съ зѣвскимъ остервененіемъ. Мстѣ потушаетъ тогда священное родство и всё обогрывается кровью. Въ этомъ союзѣ не знаютъ ни добродѣтели, ни нравственности. Прелесть безпредѣльнаго наслажденія чувственностію, — вотъ основаніе многоженства. Последнее еще вредно тѣмъ, что умерщвляетъ оплодотвореніе, и прекращаетъ размноженіе человѣчества.

Между магометанами позволено вступать въ бракъ на условленное время : на годъ и пр. Понинѣ между многими изъ нихъ въ обычаѣ, какъ между нѣкоторыми дикарями, присылать пріѣзжимъ, или иностранцамъ своихъ женъ. Ханскіе жены присылаютъ къ нимъ гаремныхъ дѣвушекъ. Язычники обѣихъ Индій, Японіи и острововъ южной части Азіи, вступаютъ въ бракъ по договору, и произвольному согласію жениха съ невѣстою.

Въ Россіи, между исповѣдующими магометанскій законъ и нѣкоторыми язычниками, существуетъ многоженство. У нашихъ Коряковъ, племена Камчадаловъ, было прежде въ обыкновеніи имѣть, вмѣсто женъ, каменные статуи. Ихъ одѣвали въ платье, дарили съ собою спать, шутили съ ними и забавлялись, какъ бы съ существами чувствующими удовольствіе и радость.

Покупка
дѣвицъ.

Нѣкоторые народы имѣли обыкновеніе, пріобрѣтать женъ и дѣвицъ покупкою, и купленная считалась настоящей женою. Такое понятіе произошло изъ многоженства. Вавилоняне, за 2000 л. до Р. Х., выводили на городскую площадь, однажды въ годъ, продавать женъ

и дѣвицъ. Сначала продавали красавицъ, и кто болѣе
 вѣхъ за нее давалъ, тотъ получалъ ее, и купленная
 считалась неотъемлемою его собственностію и женою.
 За тѣмъ продавали менѣе пригожихъ, а наконецъ не-
 красивыхъ и безобразныхъ. На послѣднихъ никог-
 да не бывало охотниковъ; почему продавцы, изъ вы-
 рученныхъ денегъ за красавицъ и хорошихъ, прикла-
 дывали отъ себя столько денегъ, чтобы мужины со-
 гласились вступить въ бракъ съ некрасивыми или дур-
 ными. Девичьи деньги составляли приданое. По-
 купка и продажа дѣвицъ были укрѣплены граждан-
 скимъ постановленіемъ, и это отнюдь не считалось без-
 честіемъ семейству. Самые брачные обряды соверша-
 лись у нихъ однажды въ годъ. Во Фракіи, за 1500 л.
 до Р. Х., родители выводили взрослыхъ дочерей на
 торгъ и продавали. Купившій себѣ жену, особенно за
 дорогую цѣну, отмѣчалъ на ея челѣ, во что она куп-
 лена. Донынѣ въ Константинополѣ, Египтѣ и на
 многихъ азіатскихъ базарахъ производится торгъ дѣ-
 вицами-невольницами, которыя покупаются богачами
 для своихъ гаремовъ, по ищсѣльну вдругъ; а когда
 онѣ имъ наскучатъ, тогда отпускаютъ ихъ на волю,
 или дарятъ чѣмъ нибудь, въ знакъ своей милости и
 благорасположенія.

Въ древности долго не знали приданого. Дѣвицу ^{Брава-}
 брали, не спрашивая о ея-состояніи. У Евреевъ было
 постановлено, что женихъ долженъ былъ давать не-
 вѣстѣ дѣвицѣ, на убранство, не менѣе 50, а вдовѣ 25
 сикловъ серебра. Греки покупали невѣсту (1500 л.
 до Р. Х.); но въ послѣдствіи сами невѣсты стали
 прибрѣтать жениховъ, объявляя имъ о своемъ прида-
 номъ. Медя (за 1200 л. до Р. Х.) называла несчастны-
 ми тѣхъ Гречанокъ, которыя своимъ богатствомъ жерт-
 вовали на покупку мужей. — Спартаискій законодатель,

Ликургъ, (за 880 л. до Р. Х.) запретилъ невѣстѣ имѣть болѣе трехъ паръ платья, и постановилъ обращать главнѣйшее вниманіе на нравственность дѣвицы, а не на ея состояніе. — Афинскій законодатель, Солонъ, тоже самое ввелъ въ своей республикѣ (за 580 л. до Р. Х.). Римляне не воспрещали вступать въ бракъ; но взаимному согласію; но у нихъ господствовала общее мнѣніе, что невѣста должна приносить приданое своему жениху. Этотъ обычай Римлянъ распространился по Европѣ, гдѣ не ищутъ доброй и образованной невѣсты, но денегъ. Въ Россіи также не смотрятъ на благородныя свойства дѣвицы, а на то, сколько при ней душъ, хотя бы она была безъ души, но пословицъ: *приданое на рядкѣ, а уродъ на рукахъ*.

О бывшей покупке невѣстъ, между всѣми славянскими племенами, при продажѣ косы и мѣста молодой въ свадебныхъ пѣсняхъ, доселѣ сохранилось воспоминаніе. Въ то время, когда молодой хочетъ садиться подлѣ своей невѣсты, братъ ея, или кто другой изъ родственниковъ, не допускаетъ его. Тогда дружка вступаетъ съ нимъ въ торгъ. Сестра умоляетъ брата не продавать ее, а если продавать, то дорого :

Братецъ, постарайся,
Братецъ поломайся!
Не продавай сестру,
Ни за рубль, ни за золото.

Когда братъ продаетъ то поютъ :

Братецъ татаринъ,
Продай сестру за талеръ,
Русу косу за полтину.

Или, изъ червонорусской свадьбы :

Ой татаръ братчикъ, татаръ,
Продавъ сестру за татаръ,
Русу носу за шостахъ,
Быде личько такіа такъ.

По продажѣ молодой садится, а невѣста говоритъ ему :

Садись, доброй молодець,
Не съ гордостью, не со спѣсью;
Садись съ Божьею милостью.

Въ христіанскомъ мірѣ приданое извѣстно подъ именемъ *вѣно*. Между эльбскими и одерскими славянами, оно означало плату, которую женихъ давалъ за невѣсту, отцу или ея сродникамъ (*). Посему языческое вѣно означало вознагражденіе за дѣвическую невинность; слѣдовательно дѣвицы покупали; но жениховъ обязывали особыми договорами, содержать будущихъ своихъ женъ прилично до самой смерти, и въ случаѣ несчастія, или разрыва между ними, надѣлать ихъ особымъ содержаніемъ. — Государи и владѣтельные князья давали, на собственное содержаніе женъ, города и области; вельмежи и богачи, на тотъ же предметъ отписывали часть имѣнія; недостаточные обязывались вознаградить одновременно (**).

У насъ княжескія невѣсты не приносили приданого.

(*) Abhandl. von dem Ehevertrage der Ober-Laufitzsch. Wenden; Gebhardi: Geschichte der Slawen, Anton: Versuch etc.

(**) Магометане покупаютъ невѣсту *калымомъ*, назначеніемъ приданого, которое поступаетъ въ ея собственность, какъ за вознагражденіе дѣвства, такъ и въ обезпеченіе ея вдовства — Чѣмъ дороже калымъ, тѣмъ жена почетѣе. —

Когда Эванда, супруга В. К. Георика, родила Игоря, то онъ далъ ей въ вѣно городъ Ижору съ окрестностями. Равноапостольный В. К. Владимиръ I., женился на греческой царевнѣ Аннѣ, возвратилъ ей дядинымъ городъ Корсунъ, вмѣсто вѣно (*). В. К. Ярославъ I. отдалъ супругѣ своей Ингигердѣ ижорскую страну, вмѣсто вѣна и проч. Слѣдовательно вѣно тогда разумѣлось уже приданымъ, опредѣляемымъ при брачныхъ условіяхъ.

Подать
отъ меча-
ла по
черной
куни.

У насъ существовало еще обыкновеніе, что за дѣвственную непорочность брали съ жениха, вмѣсто подати, по черной куни, въ пользу князя. Эта подать, наложенная В. К. Ольгою (въ началѣ X вѣка), основанная новобрачную проводить первую ночь съ княземъ, или съ тѣмъ, на чьей землѣ жила она. Ольга, уничтоживъ это право, возвысила нравственность семейственной жизни. Въ послѣдствіи сей сборъ обращенъ въ денежный: но онъ долго, до конца XVIII в., назывался *куничнымъ*. Помѣщики брали со свадебъ деньгами. Теперь получаютъ вѣчный поборъ одни священники. При феодалномъ правленіи, также было въ обыкновеніи по всей Европѣ, что владѣтель земель проводилъ съ новобрачною первую ночь (**).

Крѣпко
дѣлать.

Въ древнія времена, вышло въ молодыхъ людямъ въ особую честь пріобрѣтать женъ норвежскимъ. Молодой

(*) Ошибочно показано въ нашей исторіи, что В. К. Владимиръ I. былъ женатъ на родной сестрѣ греческихъ императоровъ Василія и Константина, царевнѣ Аннѣ. Она была имъ племянница, и у нихъ была одна сестра Теофанія, которая выдана за мужъ за германскаго императора Оттона II.—*Marquis de Castellau: Ess. sur l'hist. anc. et. mod. de la nouvelle Russie.* 1. c. 116, ed. Par. 1820.

(**) Татищевъ, И. Р. и. II. с. 45, пр. 135; Успен. Оп. нов. древ. Русскихъ, с. III.

человѣкъ не прежде могъ имѣть дѣвицу своею женою, пока не украдетъ ее. Спартакъ съ дѣтства приучалъ къ искусному воровству; посему никто изъ нихъ не могъ вступить въ бракъ, не похитивъ дѣвицы. Послѣ похищенія, женихъ объявлялъ о томъ своимъ родителямъ, которые хлопотали уже о бракѣ. Неудачное похищеніе наказывалось розгами, а это не считалось порокомъ: похищенная дѣвушка была всѣми признаваема за настоящую жену. Въ первыхъ вѣкахъ монархическаго правленія Римлянъ, было также въ обыкновеніи похищеніе дѣвицъ. По разрушеніи Римской Имперіи, это обыкновеніе продолжалось долго между германскими народами, и потомъ перешло къ славянскимъ племенамъ: Родимичамъ, Вятичамъ и Сѣверянамъ. Во время игръ и плясокъ, мужчины выбирали невѣсть и уводили ихъ съ собою, вмѣсто женъ. Древляне просто похищали. Обычай похищенія дѣвицъ продолжался у насъ очень долгое время. Венды, Алты и дунайскіе Славяне похищали дѣвицъ на празднествахъ, и похищенная дѣлалась женою.

Инженеръ Бопланъ, жившій въ Украинѣ около 17 лѣтъ, описываетъ кражу дѣвицъ, совершавшуюся въ его время, въ половинѣ XVII вѣка (*). Въ Украинѣ, во всякое воскресенье и всякій праздникъ, говоритъ Бопланъ, собираются послѣ обѣда къ корчмѣ кабаки съ женами и дѣтьми. Мужчины и замужнія женщины проводятъ время въ питьѣ, а юноши и дѣвушки забавляются на лугу пляскою, подъ дудку. Сюда приходитъ

(*) De Beauplan. Descr. d'Ukraine. Ed. 1660 г. Первое его изданіе было напечатано въ 1630 г., а второе въ 1660 г. Последнее находится въ Импер. Публич. Библиот. и въ Румянцовомъ Музеумѣ, въ собраніи всемірнаго путешествія, въ исторіи Украинны Энгеля и въ собраніи Тавернье.

помѣщика съ своимъ семействомъ, чтобы посмотрѣть на забавы молодыхъ, иногда и самъ онъ съ своимъ семействомъ принимаетъ участіе въ веселостяхъ. Тогда козакъ, по старому между ними обыкновенію, похищаютъ дѣвицъ, даже дочерей помѣщика. Въ семъ случаѣ необходимы ловкость и проворство. Похититель непременно долженъ ускользнуть въ своею добычею, и скрываться въ лѣсу не менѣе 24 часовъ. Этимъ только онъ спасается, иначе пропала его голова. Открытаго въ лѣсу, до истеченія сутокъ, лишали жизни. Если уведенная дѣвушка пожелаетъ выйти за него замужъ, то онъ обязанъ жениться на ней, въ противномъ случаѣ лишается головы. Если же дѣвица не изъявитъ желанія выйти за него замужъ, то онъ свободенъ отъ смерти. Увести благородную дѣвицу слишкомъ опасно: надобно имѣть быстрыя ноги и предварительное согласіе самой дѣвушки (*).

(*) Карпинъ, посещавшій золотую орду въ XIII ст., говорить о Татарахъ, что мушны покупали у родителей дочерей, и купленная считалась настоящею женою. Voyage de Carpine en Tartarie въ 1246 г.; помѣщено въ Собр. Бержерона, изд. 1735 г. in. 4, с. 28. Татищевъ, Ист. Рос. Кн. 1. с. 588, рассказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ обряда похищенія невесты между Татарами, когда онъ ѣхалъ изъ Кунгуръ (Пермск. губ.) въ Сибирь на заводы (въ 1721 г.). Богатый Башкирецъ просилъ его захватить къ нему на свадьбу (мая 15). Онъ согласился, и пріѣхалъ къ нему вечеромъ. До его пріѣзда было уже собрано 40 вооруженныхъ Татаръ. Поутру, съ разсвѣтомъ, женихъ отправился съ нимъ въ деревню невесты. Батыръ, или предводитель, отправилъ отъ себя развѣдать, гдѣ находится невеста? Посланный донесъ, послѣ некотораго времени, что невеста гуляетъ въ полѣ. Батыръ, подѣлавъ изъ деревни съ людьми, скрылся въ лѣску, а женихъ съ тремя челоуками отправился искать невесты. Завидя ее гуляющую съ нѣсколькими

До какой степени родства въ язычества допускалось вступать въ бракъ—на это не совѣмъ можно отвѣчать удовлетворительно. У Египтянъ дозволялось брату жениться на сестрѣ, исключая жрецовъ. Азіятскіе народы: Финикійяне, Ассирійяне, Вавилоняне и Мидяне, не запрещали братьямъ жениться на родныхъ сестрахъ. Едва ли не то самое было въ малоазійскихъ грече-

Предѣлы
родства
въ язы-
чествахъ
при всту-
пленіи въ
бракъ.

женщинами, онъ обскакалъ ихъ, схватилъ свою невесту и тотчасъ, посадивъ ея на лошадь, ускакалъ съ нею. Женщины начали кричать и плавать. Отецъ похищенной, узнавъ о причинѣ ихъ слезъ, ударилъ въ бубны. Собралось около 30 человекъ въ панцыряхъ и съ ружьями и погнались за похитителемъ. Женихъ, пріѣхавъ съ своею невестою домой, ввелъ ее въ избу, гдѣ мать и прочія жены, числомъ болѣе 20, сидѣли на коврахъ. Невѣста со слезами пала предъ матерью, которая посадила ее подлѣ себя, а служанки тотчасъ стали раздевать ее. Батыръ остановился съ своею толпою на концѣ деревни, приготовясь къ бою. Отецъ похищенной немедленно прискакалъ сюда съ своею дружиною. Вступили съ обѣихъ сторонъ въ переговоры. Между тѣмъ, жениха съ невестой, по прочтеніи надъ ними молитвы, отвели въ особый покой, а тесть прибылъ мирно къ его дому. У крыльца стояли привезанными быкъ и лошадь. Тесть, какъ бы въ отмщеніе за обиду, отсѣкъ своею саблею шею у лошади, а шуринъ у быка. Животныхъ тотчасъ стали рѣзать, и готовить обѣдь. Кумысъ и буза были заготовлены женихомъ. Зять востратилъ тестя у крыльца и просилъ прощенія, а тесть заманивался на него саблею. Потомъ помирились, пошли въ избу, гдѣ пировали безъ женщинъ; женщины же угощались въ особой избѣ, и тамъ кончился увозъ.

Жениху дозволяется, внести половину, или третью часть калыма, ходить къ невестѣ во всякое время и спать съ нею. Такое посѣщеніе его называется *за пазуху ходить*. Когда же родятся отъ него дѣти, тогда женихъ увольняется отъ уплаты, а она дѣлается его женою.

Но у татаръ нынѣ покупаютъ невестъ, внося родителямъ калымъ, договоренную сумму денегъ, и потомъ женятся.

скихъ постановленій: ибо изъ законовъ Солона видно, а законы сие почерпалъ отсюда, что брату можно было жениться только на сестрѣ по матери, а не по отцу. Вообще, въ древности, долгое время не разбилось кровосмѣшеніе. Брать могъ жениться на вдовѣ своего брата, какъ это было прежде и осталось доннынѣ у Евреевъ. Спартанскіе законы умалчиваютъ о близкомъ родствѣ; тамъ строго воспрещалось выходить дѣвушкамъ замужъ ранѣе 20 л., а мужчинамъ 30 л. По смягченіи греческихъ нравовъ, въ блистательный вѣкъ Перикла (за 430 л. до Р. Х.), родство было почтено: женились уже въ третьемъ колѣнѣ, что однако не всегда соблюдалось. Римляне сначала допускали брачную свободу, и, можно сказать, что это продолжалось до вѣремъ Императоровъ, болѣе 700 л.—Христiанская вѣра положила предѣлы брачному родству.

У Калмыковъ—язычниковъ, не могутъ сочетаться бракомъ изъ своего рода, но берутъ женъ изъ другихъ племенъ.

Разводъ. Древніе народы допускали разводъ, при изобличеніи жены въ нарушеніи вѣрности. Тамъ, гдѣ господствовало многоженство, мужъ произвольно давалъ разводъ своей женѣ, часто по одной прихоти, и никто ему не воспрещалъ брать другую. Въ послѣдствіи времени постановлено закономъ, что мужъ, отпуская жену, обязывался обезпечить ее содержаніемъ.—Евреи разводились при всякой винѣ жены. (*)

Въ старину существовалъ у насъ произвольный разводъ, напоминавшій остатки язычества. Если супруги, по дальнему разстоянію Епископа отъ ихъ жительства, не могли явиться къ нему, для испроше-

(*) Второзак. гл. 24; Матв. гл. 19.

нія позволенія на разводъ, то они выходили за деревню, и остановившись на перекрестной дорогѣ, развѣртывали утиральникъ, который вдвоемъ держали по концамъ, а свидѣтели раздѣывали его по срединѣ, и этимъ оканчивался разводъ. Тогда мужъ говорилъ разводной: ступай себѣ, куда хочешь. (') У донскихъ козаковъ разводили супруговъ съ согласія круга. Мужъ являлся въ казачій кругъ съ женою, и объявлялъ старшинамъ, что онъ не согласенъ жить съ нею. Тогда жена оборачивала своего мужа переди набѣз, и потомъ покидала его,—этимъ все и оканчивалось (**). Такой обычай, по рассказамъ стариковъ, существовалъ и между дѣшевскими казаками.

Въ предосторожность невиннаго порицанія неvěсты, отдавалъ родителямъ на ихъ сохраненіе брачную рубашку неvěсты. Такой обычай долгое время господствовалъ по всей Европѣ. Изъ исторіи нашей видно, что Царь Феодоръ Алексѣевичъ, полюбивъ Агафію Семеновну Грушецкую, объявилъ рѣшительное желаніе на ней жениться. Мама и дядьки хотѣли женить его на другой, а потому клеветали еѣ; но царь, призвавъ послѣ браня старыхъ бояръ и клеветниковъ, показалъ имъ свою молодую въ рубашкѣ (***). Петръ I. строго воспретилъ сіе обыкновеніе (****). Магометане разводятся по произволу; но у нихъ рѣдко случается, чтобы жена просила развода, исключая тиранскаго съ нею обращенія. Одна жена просила развода, потому что

(') *Idem*, in tractatu de Sarmatia, novm. inter scriptores Rer. Moscov. C. 154.

(**) Korb. *Diar. itineris in Moscoviam*, ed. Vien. in f. C. 209.

(***) Татищ. *Ист. Рос. Кн. 1. стр. 594, 595.*

(****) Это обыкновеніе за всѣмъ тѣмъ не всегда уничтожилось и въ наше время.

мужу ея обрѣзали носъ за воровство. Кадіе позволяли ей вступить въ бракъ съ другимъ.

Разводы происходили и происходятъ, — отъ неуваженія половъ одного къ другому, и отъ стремленія къ одному сладострастію; последнее принимаютъ за дѣйствительность любви, не понимая настоящаго нравственнаго ея смысла. Въ юные, кипучіе годы, всё кажется любить; но всё ошибаются: въ эти годы только влюбляются; любить же можно, при одиномъ здоровомъ рассудкѣ; и тогда наступаетъ жизнь настоящей любви.

Значеніе
любви и
супружескаго
союза, изъ
граждан-
скихъ об-
ществъ.

И дѣйствительно, жизнь только тамъ, гдѣ здравая любовь; потому любовь есть ничто иное, какъ внутренній міръ души, отрадное бытіе человѣка. Одни эгоисты никого не могутъ любить, кромѣ самихъ себя, потому что въ нихъ задавлено нравственное развитіе; но они составляютъ исключеніе изъ всеобщаго понятія, о дѣйствительности міра любви. Сердце и разумъ не всегда живутъ въ согласіи: первое есть одно чувство нѣжности, а второй чувство справедливости, — и отсюда проистекаетъ естественное понятіе о значеніи человѣка, его удовольствіи и торжественнаго союза любви, образовавшей бракъ, который установленъ, самымъ гражданскимъ обществомъ, для его собственнаго благоденствія, если бы даже и не освятила его христіанская церковь. Пробѣжимъ мысленно появленіе любви, какъ основы брачнаго союза. — Востокъ, колыбель народовъ, первый выразилъ на себѣ чувство сердца, но сердца пламеннаго: тамъ все было основано на чувственномъ стремленіи одного пола къ другому; все ограничивалось одной заботливостію о страстномъ наслажденіи, — и потому тамъ люди не были выше животныхъ. Такое развитіе востока, сколь ни противно понятію чистой нравственности, утвердило

въ немъ семейственность; тамъ общества жили отдѣльными семействами, и законы давались для нѣсколькихъ семействъ; вотъ шаткій камень восточныхъ государствъ! Восточный житель, глава семейства, считалъ для себя первой заботой, — оставить послѣ себя потомство. Не имѣть дѣтей, — было знаменіемъ небеснаго гнѣва. У Іудеевъ безплодные женщины были побиваемы камнями. Отцы женили своихъ сыновей еще отроками. Братъ долженъ былъ жениться на вдовѣ своего брата, чтобы не прекратился родъ въ его семействѣ (*). Отсюда родилась законная полигамія (многоженство), которая издревле господствовала у мидійскихъ народовъ, основавшихъ гаремы, которые тамъ же подкрѣплены были общественнымъ мнѣніемъ. Тѣ ошибаются, которые считаютъ гаремы исключительной выдумкою исламизма. Восточный житель всегда смотрѣлъ и теперь смотритъ на женщину, какъ на необходимое условіе его удовольствія. Отъ нея онъ требуетъ одной покорности; для него она вещь, игрушка, очень мило устроенная для его наслажденія. Для востока не существуютъ ни идеалъ красоты, ни идеалъ женщины: тамъ всѣ понятія сосредоточены въ вожделѣніи, въ сладострастіи, въ одной идеѣ вѣчной воспроизводительности подобныхъ себѣ существъ.

Не такое чувство любви проявилось въ Греціи. Тамъ она была идея красоты; тамъ въ самыхъ минахъ излилась мысль любви, въ общей дѣйствительности всемірной жизни, — въ Эротѣ, — послѣ коего проистек-

(*) Кн. 5 Моисея, второзакон. гл. 24 и гл. 25. Если бы братъ не захотѣлъ жениться на вдовѣ, то она требовала его къ суду, и тутъ снимала сапогъ съ ноги его, и плюнувъ ему въ лице, говорила: сице да сотворить челоуку, иже не созидаетъ дому брата своего во Израилѣ.

до рожденіе женской красоты, — въ Афродитѣ. Едва она вышла на берегъ, родившись изъ пѣны морскою, то немедленно пристали къ ней любовь и желаніе. Этотъ сладостный мигъ красоты объясняетъ очищенное понятіе о прекрасномъ и изящномъ. Грекъ плѣнился красотой, а красота возвышала понятіа до сравненія ее съ божествомъ. Не одна земная прелесть Вены привязывала пламеннаго Грека къ здѣшней земли: онъ создалъ еще три любви: небесную, олицетворенную въ Ураніи, обыкновенную въ Пандемосѣ, и предохранительную въ Апострофії. Это нравственное чувство лежало въ основѣ эллинскаго духа. По этому на Эрота Греки смотрѣли какъ на страшнаго бога, для котораго было забавою губить невинность. Этотъ маленькій крылатый божекъ вполне оправдывалъ ихъ мнѣніе: онъ изображался съ коварной улыбкою на устахъ, съ натянутымъ лукомъ въ рукѣ и стрѣлами въ кочанѣ, висѣвшимъ за плечомъ. Сколько легендъ оставилъ послѣ себя лукавый Эротъ! Сколько онъ поредилъ несчастій отъ страстной любви, оканчивавшейся смертію безъ достиженія взаимнаго ея участія, какъ напримѣръ Сафо къ Фаону, или же казню раздраженныхъ боговъ, за преступную связь между братьями и сестрами, дочерями и отцами, сыновьями и матерями! Но сколько было нѣжности и неисчерпаемой радости въ той любви, которая увеличивалась чистѣйшею взаимностію! Греки не безъ причины выразили поэтическую мысль брачнаго сочетанія любви съ душою, — Эрота съ Психеею. — Павзаній прекрасно объясняетъ нѣжное чувство любви, статуей *стыдливости*, которая изображала дѣвушку: голова ея была наклонена и накрыта покрываломъ. Но эта статуя стыдливости, представлявшая Пенелопу, взята изъ самаго событія. Улиссъ, женившись на Пенелопѣ, рѣшился возвратиться въ свое царство,

Итакъ. Тогда престарѣлый царь Лакедемонскій, Икаръ, не вынося мысли о разлукѣ съ дочерью, умолялъ Улисса остаться у него. Улисса ничто не тронуло; онъ уже готовъ былъ сѣсть на корабль, но царственный старецъ палъ къ его ногамъ. Улиссъ, обратясь къ нему, сказалъ, чтобы онъ спросилъ свою дочь: кого она выберетъ между ними: отца или мужа? Пенелопа, не говоря ни слова, накрылась покрываломъ. Изъ этого безмолвнаго и нѣжно-страстнаго движенія, старецъ понялъ, что мужъ для нея дороже отца, но что робость и стыдливость оковали уста ея. — Въ ученіи Платона, любовь возвышена до небснаго созерцанія. «Наслажденіе красотою, говоритъ онъ, возможно въ этомъ мірѣ, по одному воспоминанію о той истинной красотѣ, которая стремится къ первоначальной ея родинѣ — къ горней красотѣ, къ божественному источнику всякой красоты. — Развратный стремится къ красотѣ, не понимая, что онъ носитъ ея имя; подобно четвероногому онъ ищетъ одного чувственнаго наслажденія. Посвященный въ таинство нравственности, изображаетъ красоту богоподобнымъ сіяніемъ и радостно трепещетъ предъ ея величіемъ: онъ, видя въ ней одно прекрасное, обожаетъ уже ее; онъ воздвигъ бы ей олтари, если бы не зналъ, что его назовутъ безумнымъ!» — Вообще женщина для Грека, была прекрасная, и назпаченіе ея было чувство изящной страсти. Боги и смертные называли троянскую Елену безстыдной, за не сохраненіе стыдливости; но Киприда покровительствовала ей; за нее сражались цари и народы.

Прекрасно выражена стыдливость въ антологіи Батюшкова:

О радость! здѣсь они сей поясъ разрѣшили,
Стыдливости двической оплоть.

Вы видите кругомъ разсыяны небрежно
 Одежды пышныя надменной красоты,
 Покровы легкіе нвъ дымки блѣскающей,
 И обувь стройная и свѣжіе цвѣты :
 Здѣсь вся развалины роскошнаго убора,
 Свидѣтели любви и счастья Никогора!

Здѣсь женщина, наслажденіе ; а стыдливость, упоеніе любви! Страсть насытилась, но любовь создаетъ новые предметы очарованія. Грекъ оставался вѣрнымъ чувству изящнаго, и въ осень дней своей владычды, онъ смотрѣлъ на любовь, какъ на изящное наслажденіе.

Ты въ красотѣ не измѣнилась,...

И для любви моей

Отъ времени еще прелестнѣе явилась,

Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень,

И въ осень дней твоихъ не погаснетъ пламень,

Текущій съ жизнію въ крови.

Или :

Но мнѣ мигли ея потупленные взоры

И слезы горести внезапной на очахъ.

Я въ сумерки, вчера, одушевленный страстью,

У ногъ ея любви все клятвы повторялъ.

Смущенный, я прижалъ ее къ груди моей :

Что случилось, скажи, что случилось съ тобою?

— Спокойна, ничего, безсмертными клянусь!

Я мыслию была встревожена одною :

Вы все обманчивы, и я.... тебя страшусь!

Вотъ гдѣ мука страсти, отторгнувшейся отъ изящнаго наслажденія! Это вопль женщины, оплакивающей свое паденіе; это скорбная память сердца, пораженнаго минутнымъ упоеніемъ!

У Грековъ любовь и совершенство ея, чувство и сочувствіе, находились въ вѣчной борьбѣ съ земными силами, — съ страстями; но разумное сознаніе восторжествовало въ образѣ олимпійскихъ боговъ, и Греки олицетворили чувство любви, въ сочетаніи боговъ съ людьми.

Въ средніе вѣки любовь проявилась въ дыхательномъ романтизмѣ. Это произошло не отъ ошибки, не отъ недостатка просвѣщенія, отъ невѣжества. Въ Греціи все боролось съ совершенствомъ боговъ, а въ Европѣ, въ средніе вѣки, все создавалось безразсудной фантазіею, потому что все носило на себѣ печать противорѣчія и бессмыслицы, и тогда снова разлилось туманное понятіе востока, объ истинной любви и красотѣ. Движеніе чувствъ было сердечное и страстное; но оно не совершалось во имя разсудка. Рыцарская вѣрность была высшей мудростію, а смерть была жизнь, которая развивалась въ словахъ будущей таинственности: *такъ, мы будемъ не разлучны!* Все жило надеждой безъ дѣйствительности, желаніемъ безъ достиженія цѣли. Чувствованія были тревожныя, а жизнь безпокойною. На тѣло смотрѣли, какъ на темницу для души, не думая о томъ, что въ здоровомъ тѣлѣ обитаетъ здоровая душа. Дикія противорѣчія шли рука объ руку: злодѣйство и преступленіе прикрывались притворнымъ покаяніемъ; набожность и святотатство, обрядными моленіями; честь и справедливость заключались въ формѣ, а не въ самомъ дѣлѣ. Рыцарь считалъ безчестіемъ отказываться отъ вызова на поединокъ, а между тѣмъ не стыдился грабить по дорогамъ. Любовь не была дѣйствительная жизнь, но ароматнымъ обояніемъ, между тѣмъ какъ женщина была царицею! Умереть за одинъ ласковый взглядъ ея, было наградою! Доказывать, что владычица его души, добродѣтельныя и оча-

ровательство всехъ богинь-красавицъ въ міръ, было обыкновеннымъ дѣломъ : мечъ былъ судью, а наградою иѣжное слово : *мой рыцарь!* Это значило, — мой защитникъ. Каждый рыцарь смотрѣлъ на избранную свою красавицу, какъ на существо безплотное : имя ея призывалъ въ битвахъ, и умиралъ съ ею именемъ! Но это благоговѣйное чувство, ни сколько не шло ему жениться на другой, или быть въ связи постыдной со многими женщинами. Вступить въ бракъ съ владычицею своего сердца, значило осквернить безотчетно святѣйшія къ ней вѣрованія, увидѣть ее до простой женщины, и увидѣть въ ней обыкновенное земное существо. Если молодой юноша, влюбившійся въ дочь вассала, слышалъ изъ устъ красавицы привѣтъ любви, то онъ считалъ себя невыразимо счастливымъ. Если же, по несчастію, не было отвѣта на сочувствіе, то онъ умиралъ съ горя : бракъ былъ тогда гробомъ для любви. Но когда царица души дѣлалась женою, тогда поступали съ нею со всею необузданностію воли и по праву сильнаго. Царица была унижена до рабыни : безропотное ея рабство было добродѣтельнымъ, терпѣніе — утѣшеніемъ въ жизни. При малѣйшемъ сомнѣніи въ вѣрности ее убивали, или зарывали живую въ землю. И вотъ любовь рыцарскихъ временъ! — У Грековъ, красота сосредоточивалась въ изящныхъ формахъ воодушевленнаго тѣла, а въ средніе вѣки, въ выраженіи одежды, глазъ, лица и поступи. У первыхъ самыя статуи представлялись нагими и полунагими, а у вторыхъ онѣ облекались въ покровъ неопредѣленности.

Свѣтъ просвѣщенія, разрушивъ неопредѣленный міръ олимпийскихъ и рыцарскихъ богинь, произвелъ потребность духовной природы: любовь чистую, нравственную.

Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣ сердце есть основа, а любовь красугольный камень счастія; что и нынѣ человекъ безъ сердца и любви—призракъ. Сердце не есть уже игра пламенной фантазіи, а любовь уже не поэзія. Но горе тому, кто заданіе своего блаженства вздумаетъ нынѣ соорудить на одномъ сердцѣ! Если кто захочетъ жить только сердцемъ, и въ женщинѣ искать цѣль и весь смыслъ жизни, то онъ непременно дойдетъ до противорѣчія о любви, до холоднаго эгоизма, который только живетъ для себя; тогда мужчина и женщина должны отказаться отъ благороднаго какъ назначенія самой природою. Въ наше время общество не угнетаетъ человека, за возвышенные помыслы сердца, не отрываетъ его отъ общественной дѣятельности. Жизнь и дѣятельность, есть уже необходимость, не для одного мужчины, но и для женщины. Въ наше время женщина есть такъ же дѣятельный и полезный членъ общества: ограничить ея дѣятельность, въ дѣвическомъ состояніи, одною скромностію и невинностію, а въ замужествѣ, спальнею и кухнею, — значитъ лишить ее всѣхъ обязанностей человека. — Скажутъ: женщина должна быть только матерью, а должность матери весьма трудна и священна: воспитать своихъ дѣтей. Но воспитать не значитъ выкармливать, — это дѣлаетъ всякое животное, по природному влеченію. Воспитать, значитъ дать благородное направленіе сердцу и уму, а для этого требуется не одна наука, но основательныя свѣдѣнія, или лучше сказать, самосознаніе о назначеніи дѣтей для пользы общества; слѣдовательно, міръ знамя, столько же долженъ быть открытъ женщинѣ, сколько и мужчинѣ; на этомъ основаніи жена у мужа, и мать и хозяйка. Странно слышать, что жена только умѣетъ любить мужа и дѣтей своихъ, а больше ничего и знать не хочетъ. О, тогда

она жалка и недостойна любви! Жалокъ и недостойнъ женской любви и тотъ мужчина, который только способенъ любить жену и дѣтей. Истинно человѣческая любовь состоитъ въ взаимномъ уваженіи другъ въ другъ чловѣческаго достоинства, а это провозводитъ равенство и свободу въ взаимныхъ отношеніяхъ. Мужчина тогда уже не властелинъ, а женщина не раба. Вѣрность дѣлается тогда долгомъ, ибо она въ постоянномъ сочетаніи сердца и любви. — Человѣкъ нашего времени не можетъ уже плѣняться одними низшими формами красоты: онъ хочетъ видѣть въ ней возвышенныя достоинства, какъ чловѣка, какъ гражданина. Идеалъ женскихъ совершенствъ существуетъ только въ горячей фантазіи! Но въ чемъ, по понятію нашего времени, состоятъ возвышенныя качества женщины и блаженства любви? Первые: въ нравственномъ существованіи и простомъ уразумѣніи, даже высокихъ предметовъ; а вторыя въ сознаніи дорожить существомъ, одареннымъ благородной душою. Наша любовь проще, естественнѣе, духовнѣе и нравственнѣе всѣхъ предшествовавшихъ развитій въ чловѣчествѣ. Мы не бросимъ женщину, какъ наскучившую намъ игрушку, какъ было на востокѣ; не преклонимъ уже колѣнъ предъ женщиною, за то только, что она прекрасна, какъ дѣлали Греки; не станемъ драться, чтобы заставить признать любимую нами женщину, за идеалъ красоты и добродѣтели, какъ это дѣлали рыцари; не станемъ утверждать, что женщина безплотное существо, какъ это было въ средніе вѣки, — мы уважимъ въ женщинѣ дѣйствительныя ея права. Для насъ уже не существуетъ идеалъ дѣвы не земной; идеалъ нашего времени не живетъ въ мірѣ мечтаній, а въ дѣйствительности любви, а потому брачныя узы

союза, происшедши изъ нравственнаго назначенія чело-
вѣка.

Изложивъ мнѣнія о любви, основанныя на поняті-
яхъ разныхъ вѣковъ, надобно сказать, что брачная
любовь есть одна изъ чистѣйшихъ нравственныхъ по-
ложеній; что супружеская любовь должна непремѣн-
но быть освящена и обществомъ и церковію.

Творецъ, создавъ первыхъ двухъ человѣкъ, соединилъ <sup>Христи-
анскій</sup> ихъ и благословилъ. Этими самыми Онъ показалъ намъ, ^{бракъ.}
что ни многомужіе, ни многоженство не соотвѣтствуютъ
природѣ челоѣка: поэтому единоженство утвердилось
во всемъ христіанскомъ мірѣ.

Единоженство водворяетъ спокойствіе семейное, обла-
гороживаетъ и возвышаетъ чувствованія челоѣка и
укрѣпляетъ священный союзъ любви. Любить многихъ
вмѣстѣ нельзя, и въ жизни любить можно только од-
нажды. Если любить многихъ, то это не есть любовь,
но страсть, удовлетворяющая одну чувственность. Мо-
лодость лѣтъ, обворожительная наружность, увлека-
тельная красота, возбуждаютъ, говоря обыкновеннымъ
языкомъ, всеобщую любовь; но это минутное очарова-
ніе, произведенное прелестями красавицы. Явится дру-
гой предметъ, очаровательнѣе перваго, всѣ влюбятся
въ него, и забываютъ, что прежде любили. Есть ли
это любовь? Настоящая любовь постоянна и неизмѣн-
на; она можетъ существовать въ одномъ только еди-
ноженствѣ; въ многоженствѣ же она не имѣетъ мѣста.
Дѣти отъ одного отца, но отъ многихъ матерей, воз-
стаютъ противу отца и матерей, и семейство обли-
вается кровью.

Апостолъ Павелъ опредѣлилъ и священникамъ имѣть
по одной женѣ. Восточная Церковь приняла это за у-

законоученіе; западная же церковь, основываясь на его словахъ: *добро есть, аще кто удержится во всемъ*, запретила священникамъ вступать въ бракъ, и это ввелъ папа Григорій VII. Гильдебрантъ, въ XI в.—Протестанты считаютъ бракъ необходимымъ для священниковъ.

Восточная церковь допускаетъ три законныя жены. Старѣе 60 лѣтъ воспрещается вступать въ бракъ. Все это принято нами. Въ язычествѣ награждали вѣнкомъ тѣхъ женъ, кои имѣли одного мужа, признавая повтореніе брака за распутство. При посвященіи въ Весталки, дочь Полліона была предпочтена дочери Фонція Агриппы, потому что ея мать имѣла одного мужа. (*) Единоужнія жены пользовались еще многими преимуществами, и между прочимъ тѣмъ, что онѣ могли возлагать на голову богини Счастія вѣнецъ. Въ надгробныхъ надписяхъ означали: *одномуужная*,—это такъ много значило, что почитали достойнымъ славы. Либаній, говоря, что мать Іоанна Златоуста, будучи сорока лѣтъ, вдовствовала еще 20 л., произнесъ съ восторгомъ: «Боже Великій! какія жены въ христіанствѣ!» Это служить доказательствомъ, что тогда эти примѣры были уже рѣдки, и что вдовы проводили жизнь непорочную.

Въ нача-
ніе.

Обрученіе и вѣнчаніе сопровождаются повсюду чтеніемъ молитвъ и наставленіемъ для сочетавающихся; а самый бракъ въ нашей православной церкви составляетъ одно изъ семи Св. таинствъ (**).

(*) Tacit. Annal. кн. 3 гл. LXXX. VI.

(**) Супружество есть начало и конецъ жизни, потому оно необходимо должно быть освящено постановленіями Церкви. Но какъ оно соединяетъ на всю жизнь, то вступающіе въ бракъ должны сочетаваться по истинной любви другъ къ другу, по сему и бракъ долженъ быть неразрывнымъ. Въ канонѣ Церкви наша утвердила важность брака, это можно

Въ первые вѣки христіанства бракосочетаніе прои-
водилось дома или въ церкви, безъ особыхъ свадѣ-
телей; но въ послѣдствіи, когда стали отрицаться отъ
браковъ и свободно разводиться; тогда постановлено
совершать обрядъ въ церкви, при собраніи народа и
свидѣтеляхъ, дабы не могли отречься отъ вступленія
въ бракъ. Самъ спаситель воспретилъ разводы. (*)

Въ нашей церкви запрещено вступать въ бракъ до
седьмого колѣна, между тѣмъ какъ у протестантовъ
и реформатовъ, родные братья могутъ жениться на род-
ныхъ сестрахъ, изъ другаго семейства, или брать на
двоюродной сестрѣ, съ разрѣшенія духовнаго началь-
ства.

Какіе обряды совершались между славянскими пле-
менами, — объ этомъ мы весьма мало знаемъ. Несторъ го-
воритъ, что Поляне были нрава кроткаго и тихаго; стыдъ
укрепляетъ женскій полъ. Женихъ не ходилъ на невѣ-
стою; но вечеромъ привоили ее къ нему, а поутру
привосили ее приданое.

Древляне жили въ лѣсахъ, подобно звѣрямъ; въ
осорахъ убивали другъ друга, и браковъ не знали, но
уводили дѣвицъ. Сѣверяне, Родимичи и Вятичи имѣ-
ли одинъ обычай: жили звѣрьми въ лѣсахъ, срамосо-
зили предъ отцами и женщинами. Браковъ также не зна-
ли. Молодые люди обоего пола сходились на игры между
селеніями, плясали и пѣли *блесовскія пѣсни*, потомъ
уводили съ собою невѣстъ; жили съ ними безъ совер-
шенія обрядовъ, но по одному согласію — *съ нѣю сова-
щашею*. Хороводная пѣснь, которая понынѣ въ упо-

видать изъ обрядныхъ постановленій церкви. См. подробности:
Требникъ, изд. Кіево-Печерской Лавры 1808 года, въ статьѣ:
Послѣдованіе обрученія и вичанія, листъ 45-61.

(*) Матв. гл. XIX ст. 3. 4 и 8.

требленіи: «А мы просо сѣли, сѣли и т. д.» напоминаетъ, въ словахъ: *нашею поля прибыло, а нашего убыло*, древній обычай похищенія женъ, и тогда не считалось за безчестіе держать по двѣ и по три жены, и болѣе. Похищеніе дѣвицъ продолжалось долгое время; но когда именно уничтожилось оно, а равно и несовершеніе браковъ по языческому обряду?—нѣтъ ни какихъ объ этомъ свѣдѣній. Нѣтъ сомнѣній, что христіанская вѣра дѣйствовала на нихъ благотворно, но извѣстно, что она не могла вдругъ искоренить, и что языческое обыкновеніе отправлялось долго, долго, пока правительственныя мѣры не прекратили ихъ. Между нѣкоторыми расколами бракъ не считался дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Такое обыкновеніе было въ употребленіи еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ витебской губерніи: динабургскомъ, рѣжецкомъ, люценскомъ и проч. между раскольниками. Тамъ молодые парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье, называемое *кирмашъ*: плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали къ чему клонилось веселье, потому-что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ нею съ кармаша, и посадивъ на сани, отправлялся съ нею въ лѣсъ къ завѣтному дубу: объѣзжалъ его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье, а она дѣлалась его женою. Въ люценскихъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ; мушны, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, — и бракосочетаніе было дѣйствительное. Мужъ жилъ съ похищенною неопредѣленное время, и могъ въ одинъ годъ вязаться много разъ. Кромѣ кирмаша могли жениться и въ другое время, но не иначе, какъ чрезъ

ожигался съ ними на костръ. Вдове мнѣнъ безчестнаа семейство. Но при всемъ этомъ жены находились въ рабствѣ: онѣ не смѣли ни въ чемъ противорѣчить мужу, ни жаловаться, и думали, что супруга должна служить мужу и на томъ свѣтѣ.

Прелюбодѣніе наказывалось жестоко. У нольскаго Славянъ отдавали виновному на выборъ: сдѣлать вънухомъ или умереть. (*) По уставу о церковныхъ судахъ, который несправедливо приписанъ В. К. Ярославу, половины XI вѣка, но вѣроятно сочиненный въ XIV вѣкѣ, предоставлено епископамъ исключительное право судить: оскорбленіе невинности и уголовныя дѣла, и за такое преступленіе опредѣлена денежная плата (**).

*) Нестор. по Кенигсб. сп. с. 12.; Кар. Н. Г. Р. т. I. с. 61 и 62, пр. 126 и 137.

(*) Если кто уводилъ дѣвушку или незаконничать ее, и она была изъ знатнаго боярскаго рода, то ей платилось за безчестіе 5. гривенъ золота, и епископу тоже; изъ незначитѣльнѣею гривну золота, столько же и епископу; изъ добрыхъ людей 5. грив. серебра. За разводъ боярыни безъ ея вины, платилось женѣ за безчестіе 5. грив. золота, столько же и епископу; изъ почетныхъ гражданъ 8. рубль, и епископу тоже. Кто похитилъ дѣвушку а другой стаде бы поносить ее безчестной, то съ уведшаго взымалось 4. грив. серебра. Если мужъ имѣлъ связь незаконную съ другой женою, тогда онъ отдавался суду епископскому, а Князь наказывалъ виновнаго смерью. Если мужъ вступалъ въ бракъ съ другой женою или дѣвушкой, не разведшись съ первой своей женою, то по суду епископскому мужъ долженъ былъ жить съ первой, а вторую выкупилъ ея родственники отъ церковнаго наказанія. Мужу не дозволялось разводиться съ своею женою, если бы она страдала недугами, сѣхотѣю или продолжительной болѣзнію, и на боротъ, по тѣмъ же причинамъ жена не могла просить разводъ. Если кумъ имѣлъ связь незаконную съ своею кумою, то на нихъ налагалась эпитимія а епископу платилась гривна золота. Кто грѣшилъ съ сестрою, тотъ съ нею подвергался эпитиміи, а епископу платилось 100. грив. серебра. Бракъ въ близкомъ родствѣ разводился, а въ пользу епископа вносили 80. грив. Кто жилъ съ двумя женами, тотъ долженъ развестись

Около того же самого времени вошли въ обыкновен- Въ ис-
ходъ по-
мѣтъ.
ные письменныя свидѣтельства, которыя давались ду-
ховными на совершеніе бракосочетанія и назывались
свѣдѣтельными памятниками. Собираемые за нихъ деньги об-
ращались въ епископскій доходъ. Петръ I. повелѣлъ

съ послѣдней и жить съ первой; но если бы онъ обходился
съ нею дурно, то его присуждали къ смерти. Кто произволь-
но разводился съ женою, то съ него взымали въ доходъ епи-
скопа 12. грив. Если свекоръ грашилъ съ снохою или черни-
цею, то съ него 100. грив.; съ деянъ сестрами 30 грив., съ
мачихою 40 грив.; два брата съ одной женою 100 грив. Если
дочь или сынъ вступали въ бракъ по принужденію родителей,
то послѣднихъ отдавали суду епископскому. Если кто жену изъ
знатныхъ бояръ поносилъ безчестнымъ именемъ, то ей пла-
тилось 5. грив. золота, столько же и епископу; кто же без-
счестилъ жену княжескую, того казнили. За поношеніе жень
изъ знатныхъ бояръ, платилось имъ по 3. грив. золота, жъ
горожанъ 3. грив. серебра, а изъ простыхъ одна гривна се-
ребра. Если чернецъ или черница, поплъ или попадѣл, или про-
скурица (пекущая проевиры) согрѣшати съ камъ либо, то ихъ
отдавали на судъ епископу, безъ участія мірляе или власти
свѣтской. —

Въ латинскіи Несторовой и Русской правды достоинство
гривны обозначается цѣнностію металла, но какъ самая древняя
гривна равнялась вѣсомъ фунту своего металла, а въ послѣдст-
віи полуфунту, то можно приблизительно опредѣлить достоинст-
во гривны по вѣсу настоящаго металла, такъ: фунтъ золота ра-
венъ 350 р. сер. а фунтъ серебра 30 р. сер. Въ XI. вѣкѣ гри-
вна серебрянная вѣсила полуфунта серебра, по этому нынѣш-
нихъ серебрянныхъ рублей полагать можно десять. Въ XVI.
вѣкѣ рубль В. К. Василія Іоанновича содержалъ въ себѣ около
пяти нынѣшнихъ серебрянныхъ рублей (Основательное изло-
женіе о гривнѣ, см. Кар. Ист. госуд. рес. т. I. прим. 298. и
т. II. прим. 79. изд. 1818 г.)

Уставъ Ярослава подложенъ и писанъ самыми духовными, но
дѣйствіе его нисколько не до XVII вѣка. Владиміровъ уставъ
(конца X. вѣка) равно подложный и сочиненный не позже XIII.
вѣка, отдаетъ на судъ духовенству, между многими далами,
распри и неварностью супруговъ и т. д. — Melenij: de Russor.
relig. et ritib. ed. 1581 г., говоритъ между прочимъ о прелю-
бодѣліи: *pro adulterio non computant, si vir habens uxorem,*
cum solita concuberit, excepte uxore alterius. Eos quoque, quod
publice peccant, ex communicatione persequuntur, quod eorum
lingua obscena vocant. — См. еще Гваньина: *in tractatu de Sar-*
matiae, nom. inter scriptores rerum Moscovitarum, q. 154.

(указ. 1709 г. гоним. 25.), обратитъ этотъ сборъ на больницы.

Значеніе... Игры между селеніями заѣмали свадебныя обряды.
свадебн. Откуда же произошло названіе свадьбы? — Толкуютъ различно. Иные думаютъ, что *свадьба*, сходствующая съ латинскимъ словомъ *свада* (Svada), богиня веселій у Римлянъ, обратилась въ значеніе нашей свадьбы (*); другіе производятъ отъ глагола *сводить*; соединять, основываясь на томъ, что бракъ есть соединеніе двухъ лицъ; другіе производятъ отъ *святости*, утверждаясь на томъ, что Славяне свято чтятъ бракъ; другіе отъ *свата*, — свидѣтеля свадебнаго сговора; но *свадьба* произошла отъ древняго слова *свататься*, означавшее прежде сговариваться, соглашаться (**).—Въ подтвержденіе послѣдняго мы видѣли примѣры между нѣкоторыми славянскими племенами, въ томъ, что женихъ уводилъ дѣвицу *и съ нею совлѣдаться*,—слѣдовательно бракъ тогда означалъ сговариваніе и согласіе. Выраженіе же играть свадьбу, произошло отъ употребленія игръ и забавъ во время свадебнаго веселія—

Въ одной нашей лѣтописи употреблено слово *каша*, вмѣсто свадьбы. Когда Александръ новскій женился (въ 1239 г.) въ городѣ Торонцѣ, то онъ праздновалъ здѣсь кашу, потомъ по возвращеніи въ Новгородъ другую,—т. е. давалъ здѣсь свадебный столъ (***). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи хранился еще обычай, что молодой послѣ первой ночи разбивалъ палкой на дворѣ горшокъ каши, а дружка добивалъ его. Это означало торжество супруга надъ невинностію молодой.—Будучи въ Германіи, я видѣлъ, что свахи били горшки или склянки на

(*) Снегир. Русск. прост. праздн. и пр. вып. I. с. 60.

(**) Кар. И. Г. Р. т. I. пр. 136.

(***) Воскрес. лѣт. т. II. с. 206. подъ годомъ 6747. (1239 г.)

дорогѣ, не только предъ окнами молодыхъ, но ходя по улицамъ—знаменуя снѣгъ, что завтра или чрезъ нѣсколько дней будетъ свадьба и веселье молодого.

Радость также выражала у насъ свадебное веселье и свадьбу,—и это значеніе было самое древнее; оно встрѣчается въ XII вѣкѣ. Какъ нынѣ, такъ и прежде, радость сопровождалась пѣснями.

Отшельникъ Іаковъ, современникъ Нестора, жаловался митрополиту Іоанну, что свадьбы между простымъ народомъ совершаются безъ благословенія, что только вѣнчаются одни бояре и князья. Митрополитъ Іоаннъ, названный современниками пророкомъ Христа (жив. въ концѣ XI вѣка), осуждалъ тогдашнее обыкновеніе великихъ князей, выдававшихъ дочерей за государей латинской вѣры; налагалъ эпитимію на тѣхъ, которые вступали въ бракъ съ правнучатами, или женились безъ вѣнчанія; отлучалъ отъ Церкви священниковъ, благословившихъ союзъ мужа съ третьею женою, и установилъ духовное покаяніе, для преступниковъ благонравія и цѣломудрія. Изъ посланія В. К. Владиміра Мономаха къ князю Олегу (въ XII в.), видно, что свадьбы сопровождалась пѣснями.

Отступленіе отъ свадебнаго благонравія.

Митрополитъ Фотій, жившій въ XV вѣкѣ, наказывалъ трехлѣтнею эпитиміею мужа и жену, вступившихъ въ бракъ безъ благословенія церковнаго, и потомъ позволялъ сочетаться имъ церковнымъ обрядомъ; велѣлъ вѣнчать послѣ обѣда, но не въ цоладень, а вечеромъ и въ полночь. Позволялъ третій бракъ молодымъ людямъ, не имѣвшимъ дѣтей, и съ условіемъ, не ходить въ церковь пять лѣтъ, и не давать въ теченіе этого времени причастія; пившимъ до обѣда, воспрещалъ давать хлѣба Св. Богородицы, и преслѣдовалъ лихихъ бабъ съ узлами, ворожбою, заговорами

и *заливъ* (*). Изъ столпа видне (гл. 15), что въ половинѣ XVI вѣка, во время свадебнаго веселія, играли *глумотворцы, артистники, смѣхотворцы, музыкальни*, и пѣли бѣсовскія пѣсни. Когда ѣхали вѣнчаться, тогда священникъ ожидалъ ихъ со крестомъ, и предъ нимъ скакали со *огъми бѣсовскими* мирами. Не мудрено послѣ этого, что свадебныя забавы именовались *духовешствомъ бѣсовскими*. Даже невѣнныя увеселенія: хороводы и рождественскія забавы, сопровождаемыя гаданіемъ, переряживаніемъ, колдованіемъ и проч. именовались ими же *сотанинскими* и *чревоблснованіемъ*.

Священникамъ и причетникамъ запрещалось, по церковнымъ правиламъ, участвовать на брачныхъ играхъ.

Брачнныя
записи и
платежъ
за неустойку.

Многія обыкновенія, употребляемыя понынѣ въ простонародіи, съ нѣкоторыми измѣненіями, принадлежатъ глубокой древности. По исторіи нашей извѣстно, что княжескихъ невѣстъ привозили въ великокняжескія палаты, и потомъ совершали обрученіе въ крамѣ. Однако иногда женихи ѣздили для сговора къ невѣстамъ и давали записи, по коимъ назначали день сочтенію и самому обряду; опредѣляли платежъ за неустойку, соразмѣрно съ приданнымъ невѣстѣ. Если за нею было 1000 руб., то за неустойку платилось столько же. Это обыкновеніе господствовало долгое время между боярами и князьями. Иногда женихи дѣлали сговоръ, не видя невѣсты, отъ чего происходила несогласія съ обѣихъ сторонъ: потому что приводили къ вѣнцу не тѣхъ невѣстъ, за коихъ сватались. Сей обычай и записи продолжались до временъ

(*) Кар. Н. Г. Р. т. 5. ст. 239-240., въ послан. росс. митрополитовъ, трансл. въ Синод. библ. № 164.

Петра I, который указомъ 1701 года постановилъ, что если бы жениху не понравилась невѣста, или она была бы не та, за которую онъ сватался, то, хотя бы она была въ церкви, онъ можетъ отказаться отъ нея. Родители же не должны принуждать ни дѣтей, ни слугъ своихъ къ бракосочетанію, безъ собственнаго ихъ согласія.

Родители, опекуны и помѣщики обязаны были присягою или подтвердить письмомъ, подъ страхомъ суда Божьяго, что они не принуждаютъ къ вступленію въ бракъ (Ук. 1724 г. января 5). Но это постановленіе не ограничивало родительскаго вліянія на участь дѣтей, и дѣтямъ не давалось права поступать безъ совѣтовъ, согласія и благословенія ихъ. Дѣти всегда должны помнить: *благословеніе бо отчье утверждаетъ дома чадѣ, клятва же матерня искореняетъ до основанія*(^{*)}. *Прокляты безчестны отца своего, или матери свою; и рекуть вси людіе: буди!* (^{**})

Невѣста, въ знакъ всегдашней покорности, обязана была въ первую ночь снять сапогъ съ ноги мужа. Женихъ клалъ въ правый сапогъ деньги, а въ лѣвый плеть. Когда невѣста бралась прежде за лѣвую ногу, тогда женихъ, вынувъ плеть, билъ ее; когда за правую, тогда отдавалъ ей деньги. В. К. Владиміръ, плѣненный красотою Рогнѣды, дочери полоцкаго князя Роговольда, которая была сговорена за В. К. Ярополка, требовалъ чрезъ пословъ ея руки (980 г.); но она отвѣчала ему: *не хочу изуми робичича* (не хочу разуть сына рабыни), потому что мать Владиміра была ключ-

(*) Сираха Премудр. гл. III. ст. 9.

(**) Кн. 5 Моисея, второзак. гл. 27. ст. 16.

ицею В. К. Ольги (*). Для его, Добрыня, поносил надмѣнность Рогнеды, присовѣтовалъ ему взять ее силою, и жениться.

Баронъ Герберштейнъ и Олеарій упоминають въ своихъ путешественныхъ запискахъ, что въ бытность ихъ въ Москвѣ, (**) совершался обычай разуванія при княжескихъ и боярскихъ бракахъ. Послѣ брачнаго стола, вводили невѣсту въ почивальню, гдѣ она ожидала своего жениха, въ спальномъ платьѣ. Женихъ садился на кровать, держа въ рукѣ плетъ. Невѣста подходила къ нему, и снимала съ ногъ его сапогъ. Онъ билъ ее три раза по плечамъ и спицѣ, для напominанія, что она, сдѣлавшись его женою, должна повиноваться своему мужу. Повиновеніе женъ продолжалось у насъ, до введенія чужеземнаго воспитанія. В. К. Владиміръ Мономахъ (скончав. въ 1125 г.) въ духовномъ завѣщаніи къ своимъ дѣтямъ, говоритъ между прочимъ: *жену свою любите, но не давайте ей надъ собою власти.* Англійскій посланникъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVI в., говоритъ, что въ числѣ подарковъ, которые женихъ посылалъ невѣстѣ съ ящикомъ, и въ коемъ находились иголки, нитки, шелковыя и льняныя матеріи, ножницы, винныя ягоды, взюмъ и другія вещи, занимала первое мѣсто—*плетка*.

Избраніе жениха и невѣсты зависло отъ воли родителей. Это обыкновеніе заимствовано отъ Татаръ.

(*) Мать Владиміра называлась Малуша. Она была дочь мальчика, простаго жителя города Любеча. Городъ этотъ находился недалеко отъ Чернигова; теперь онъ не существуетъ.

(**) Первый былъ въ нач. XVI. в. два раза, а второй въ нач. XVII в.

Однако, ни женихъ, ни невѣста не могли видѣть другъ друга до сговора, что соблюдалось не только между простымъ сословіемъ, но и между государями. Когда посолъ римскаго императора Фридриха III, отправленный къ В. К. Іоанну III (въ 1498 г.), для испрошенія въ супружество одной изъ его дочерей за своего родственника, прибылъ въ Москву, и объявлялъ причину своего прибытія; тогда онъ просилъ, чтобы ему позволили видѣть одну изъ какихъ нибудь княженъ. Ему отвѣчали, что Великій князь не дозволить видѣть своихъ дочерей прежде совершенія сватовства; что это было бы противно издавна принятому обычаю, чего князь не намѣренъ нарушить.

Предки наши имѣли обыкновеніе женить своихъ дѣтей въ малолѣтствѣ, и это было въ обычаѣ не только между простымъ сословіемъ, но между дворянствомъ и великими князьями. Всеволодъ Георгіевичъ, В. К. Владимірскій женилъ десятилѣтняго сына своего Константина (въ 1195 г.) на внучкѣ умершаго князя смоленскаго, Романа. Въ бракъ вступали почти дѣтьми: это видно изъ посланія митрополита Фотія (въ 1410 г.) къ новгород. архіеп. Іоанну, гдѣ онъ строго воспрещаетъ выходить дѣвицамъ замужъ прежде двѣнадцати лѣтъ. У одного иностраннаго писателя XVI в., сохранилось извѣстіе, что дѣвицы десяти и одиннадцати лѣтъ бывали уже женами. При вѣнчаніи священникъ спрашивалъ невѣсту: будетъ ли она попечительною матерью и хозяйкою? будетъ ли она любить мужа, если онъ потеряетъ зрѣніе, прійдетъ въ дряхлость или лишится какого либо члена? Когда она все это подтверждала, тогда священникъ клалъ на ея голо-

Возрастъ
для су-
пруже-
ства.

ву деревянный, зеленый ѡбщъ, съ надписью вокругъ:
раститесь и множитесь (*).

Еще въ недавнее время, между поселянами, совершалось супружество въ юношескихъ и даже въ дѣтскихъ лѣтахъ: но это обыкновеніе потреблено чынѣ. Петръ Великій первый запретилъ дворянству (указ. 1714 г. марта 23) вступать въ браки: мужескому по-лу ранѣе 20-ти, а женскому 17 л. Екатерина II повелѣла (указ. 1775 г.), чтобы обѣнчанныхъ мужескаго пола, моложе 15 л., а женскаго 13; разводить; сянщениниковъ же лишать сана. Нынѣ не дозволено вѣнчаться, если невѣстъ нѣтъ 16, а жениху 18 л.; ниѣ-ющимъ же болѣе восьмидесяти лѣтъ отъ роду, вос-прещено вступать въ бракъ (**).

Послѣ
повобра-
чанія.

Новобрачныхъ не клали спать въ жилой набѣ, но въ пустой и нетопленной, хотя бы это было зимою. Нѣкоторые нарочно строили для этого отдѣльные покои. Постель была изъ соломы, и покрывалась шелотномъ. Одинъ изъ родственниковъ, или знакомыхъ, во всю ночь ѣздилъ верхомъ около брачной комнаты, съ голою саблею, и онъ назывался дружкою. Сіе названіе произошло отъ дружбы, потому что женихъ избиралъ въ дружки одного изъ лучшихъ своихъ друзей.

Угоще-
ніе въ
банѣ, и
пите
водою, по
описанію
тѣла.

Послѣ первой ночи, водили молодыхъ въ баню, и вотомъ угощали въ постелѣ кашею. При выходѣ изъ бани, осыпали ихъ хмѣлемъ, или деньгами. Осыпаніе производилось еще послѣ вѣнчанія, по выходѣ изъ церкви, и при входѣ въ домъ.

(*) Кар. И. Г. Р. т. 3. ст. 80., т. 5. ст. 239—240.; Посл. Рос. Митропол., хранящ. въ Синод. библ. № 164.; Reutenf. de reb. Moscov. с. 230; de russor. relig. et ritib., ed. 1581 г.

(**) Св. зак. гражд. т. 10. с. 3—4., изд. 1842 г.

Въ-старину, многіи жены, замѣтивъ перасположеніе къ нимъ своихъ мужей, прибѣгали къ суевѣрнымъ дѣйствіямъ: омывъ свое тѣло водою, давали ее пить мужьямъ, вѣря, что онѣ послѣ этого, будутъ ими любимы. Сіе обыкновеніе въ XII с. было столь обще, что черноморецъ Кирикъ, спрашивалъ разрѣшенія у новгородскаго епископа (въ 1156 г.), чтобы на таковыхъ налагать недѣльную аспитимію (*).

Въ свадебной комнатѣ стоялъ на столѣ каравай <sup>Каравай и мѣсто
много-малыхъ.</sup> (круглый высокій хлѣбъ, съ разными изображеніями), окруженный другими небольшими караваемъ, медовыми пирогами, перепечами и сладкими лавашами. Столы были дубовые, скатерти бранныя, посуда деревянная, меды крѣпкіе. Новобрачные первые вкушали каравай, который изображалъ собою брачный союзъ. Молодыхъ сажали въ углу, подъ иконами, на ржаныхъ снопахъ, и угощали ихъ медомъ и пивомъ.

Надѣваніе на новобрачную кокошника и кичи, или ^{Кокошникъ, кичи, коса и повойникъ.} кокуя, плетеніе и раздѣленіе коосы, и покрываніе головы повойникомъ, ведется изстари. Дѣвицъ, отправлявшихся подъ вѣнецъ, сопровождали дружки и родственники; волосы на головѣ не заплетали въ косу, а оставдали разбросанными по плечамъ. По совершеніи бракосочетанія, свахи отводили новобрачную въ трапезу или на паперть, оставивъ молодаго въ церкви на вѣнчальномъ мѣстѣ. Съ головы невѣсты снимали дѣвичій уборъ, и раздѣливъ волосы на двое, заплетали двѣ косы, и обвертѣвъ послѣднія вокругъ головы, надѣвали кокошникъ; потомъ покрывали фатой и подводили къ новобрачному. На другой день совершали

(*) Кирикото вопрошеніе, особливо напечатанное, и въ исторіи Карам. т. 2. стр. 380.

обрѣзаніе косы, которое сопровождалось рыданіемъ молодой. — Обрѣзаніе производилось, въ ознаменованіе перехода, изъ дѣвическаго въ замужнее состояніе.

Вскры-
ваніе мо-
лодыхъ.

Было еще обыкновеніе — вскрывать молодыхъ. Это заимствовано, какъ должно думать, отъ восточныхъ народовъ, у коихъ оно совершалось до XVII в.

Особые
названія
при сва-
дбѣхъ.

При свадебныхъ радостяхъ и поѣздахъ, давали особыя названія молодымъ: женихъ назывался *княземъ* а невеста *княгиней*. У всѣхъ славянскихъ племенъ *солнце* именуется *княземъ*, а *луна* *княгиней*, — и это названіе употребительнѣе у дунайскихъ Славянъ. — У насъ, доселѣ народъ величаетъ солнце *княземъ*, а луну *княгиней* (*). Древняя церковь обручала жениха золотымъ кольцомъ, какъ знаменіемъ солнца, а невесту серебрянымъ кольцомъ, какъ знаменіемъ мѣсяца, въ предъявленіе подчиненности послѣдней первому. Въ довершеніе вѣчнаго союза, возлагали на нихъ вѣнцы, отъ чего вошло въ пословицу: *вѣнцы, всему дѣлу конецъ* (**).

(*) У Литовцевъ сохранилась древняя пѣснь, о вступленіи въ союзъ солнца съ мѣсяцемъ:

Xiążyc pojął słońce,
To była pierwsza wiosna.
Słoneczko wstawało rano,
A xiążyc gkrył się w dali.
Xiążyc samotnie chodził,
Zakochał się w jutrzeńce.
Za co się rozgniewał Perkun,
Rozdwaił do mieczem.

Na coś ty słońce opuścił?

Na cos się w jutrzeńce rozmiłował?

Narb. Dzieje staroż. narod. litewsk. т. I. с. 128.

(**) У древнихъ Грековъ и Римлянъ, кольцо вообще означало

Нашею церковью также положено, чтобы при обручении молодых, вручать жениху золотой перстень, а невестѣ серебряный (*).—Пріятеля жениха, участвовашіе въ поѣздѣ, назывались *болярами*, распоряжавшіе веселіемъ, *дружками*. Тѣ же самыя лица, со стороны невесты были *болярыни* и *дружки*. — *Тыслцкія* занимали почетное мѣсто у князя, а *сваты* окружали его съ болярами, обслуживали и принимали гостей. — Еще до свадьбы, сватъ преимущественно заботился о выборѣ невесты, сговорѣ и приданомъ. Невѣста и женихъ, обязывались письменно, или при свидѣтеляхъ, объявить приданое, какого бы рода оно ни было. Все это переписывалось. Въ случаѣ развода, имущество отдавалось женѣ, и сверхъ этого, мужъ долженъ былъ наградить ее. Изъ самыхъ древнихъ великокняжескихъ браковъ мы знаемъ, что польскій король Казиміръ, выдавая дочь свою (1046 г.) за В. К. Ярослава, прислалъ ему въ вѣно 800 человекъ; когда же самъ Казиміръ женился на Маріѣ, сестрѣ Великаго Князя, то получилъ за нею великое множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, и иныхъ драгоценныхъ украшеній (**). Свадебный пиръ у молодыхъ назывался *кляженецкимъ* и *кляжимъ столомъ*.

Думали, что счастію молодыхъ мѣшаютъ ^{Порча}волшебство и колдовство, что одни кудесники могутъ ^{волго-амлѣ}отвратить отъ чаръ и порчи, и потому самыя свадь-

дружбу и любовь. Брачное кольцо украшалось маленькимъ ключикомъ, въ знакъ того, что мужъ поручалъ своей женѣ все домашнее хозяйство.

(*) Требникъ 1808 г. Кіевъ, см. послѣдованіе обрученія на об. 46 л.

(**) Кар. И. Г. Р. т. 2. с. 31. изд. 1816 г.

бы были неразлучны съ суевѣрными примѣтами. Приглашали *мажарей*, которые одни были въ состояніи предохранить новобрачныхъ отъ неминуемой бѣды. Самые Великіе Князья разводились съ своими женами, по этому суевѣрному предубѣжденію. В. К. Симеонъ Гордый отослалъ супругу свою Евпраксію (въ 1345 г.) къ ея отцу, за то, что она на свадьбѣ была испорчена, и всякую ночь казалась ему мертвецомъ; но не смотря на то, она вышла во второй разъ замужъ за Кн. Оомирскаго, Оеодора Краснаго, а Симеонъ женился въ третій разъ, на княжнѣ Тверской, Маріи.

Заключеніе.

Сначала происходило обрученіе. Послѣ обрученія, слѣдовало торжественное вънчаніе, (*) при свидѣтеляхъ; на молодыхъ возлагали вѣнцы, на пальцы надѣвали кольца, молодые держали въ рукахъ зажженныя свѣчи. Читали молитвы, водили около наложки и давали пить вино или медъ изъ чаши. Молодые топтали ногами сосудъ, изъ коего пили. Женщины разбрасывали хмѣль и ленъ по переквѣ, съ прошептаниемъ словъ: *о, святые защитники наши! отградите отъ новобрачныхъ зло, и наставьте насъ всему доброму.* Но люди съ предразсудками, наблюдали тутъ всѣ движенія молодыхъ, и по нимъ въводили счастливыя и несчастныя предзнаменованія для ихъ будущей жизни. — Даже до поѣзда въ церковь,

(*) Прежде было въ обыкновеніи, что молодые, за нѣсколько дней до брака, постились, исповѣдывались и принимали Св. Тайны. Такое обыкновеніе соблюдается доселѣ между Армянами: оно и должно быть такъ, потому что бракъ есть таинство. Поэтому вступающіе въ новую жизнь, должны прежде очистить себя отъ всѣхъ грѣховъ; потомъ скрывать предъ церковью свой обѣтъ въ незамѣнной любви и непорочности.

всякую встрѣчу и поступъ судили по своему : если, при выходѣ изъ дома, встрѣчался кому либо изъ молодыхъ заяцъ, старуха, или кто изъ молодыхъ вступалъ въ церковь лѣвой ногою, то предвѣщало несчастье (*).

(*) Дедерлейнъ : *Antiquitates gentilitatis Nordgaviensi*. См. ст. подъ буквою О., ed. Regensb. 1734 г. с. 85.; *Eckhart. de observ. pagana vel inchoatione rei alicujus*, с. 424. и слѣд. О бракѣ см. *de Russor. relig. et ritib.* ed. 1581 г.

II. СВАДЬБЫ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЯ.

I. Феодосія, дочери В. К. Іоанна III. — II. В. К. Василія. — III. В. К. Іоанна IV.

•

II. СВАДЬБЫ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЯ.

I. ОБОДОСИ, ДОЧЕРИ В. К. ЮАННА III.—II. В. К. ВАСИЛІЯ.—III.

ЮАННА IV.

Мы совершенно лишены свѣдѣній о старинныхъ <sup>Слуд-
костъ
преданій</sup> свадьбахъ, отправлявшихся въ простомъ и дворянскомъ <sup>о ста-
ринныхъ
свадь-
бахъ.</sup> сословіяхъ. Кой-гдѣ говорится о нихъ, иностранными писателями, не прежде XVII ст., и то съ большими пропусками, невѣрностями и сбивчивостію. Что сказалъ одинъ, то повторялось всѣми, съ прибавленіями, или съ извращеніемъ смысла. Никто изъ иностранцевъ не передалъ намъ ни одной свадебной пѣсни, ни одного причитанья. Въ сочиненіяхъ ихъ говорится только о нѣкоторыхъ обрядахъ, и преимущественно объ однѣхъ странностяхъ, ими же вымышляемыхъ, или осмѣивавшихъ то, что было принято и освящено обычаемъ и временемъ, не думая, что обрядныя дѣйствія ихъ страны, для другихъ не менѣе смѣшны и странны.

Описаніе свадебъ появляется у насъ самихъ, только съ половины XVIII в., и то съ большими недостатками. Въ началѣ XIX в., стали думать о собираніи свѣдѣній о народныхъ обычаяхъ.

1. Феодо-
сия,
дочери
В. К.
Иоанна
III.

Въ началѣ XVI в. находимъ ны описаніе однихъ великокняжескихъ свадьбъ, и что замѣчательно, вѣнчаніе совершалось весьма часто митрополитами. В. К. Иоаннъ III., любя меньшую дочь свою, Феодосію, не хотѣлъ разстаться съ нею, и потому не искалъ жениховъ ей внѣ отечества. Къ этому побуждало его и горестное супружество первой дочери его, Елены, бывшей за В. К. Литовскимъ Александромъ (*). Онъ избралъ для нее Кн. Василя Холмскаго, сына знаменитаго Данила, прославившагося побѣдами подъ Казанью, и сочеталъ ихъ (въ 1500 г.). Въ поѣздѣ съ женихомъ находилось болѣе ста князей, и много дѣтей боярскихъ изъ знатнаго рода. Кн. Данилъ Александровичъ Пенько-Ярославскій былъ въ тысяцкихъ, а Кн. Петръ Васильевичъ Нагой-Оболенскій въ дружкахъ, при коемъ былъ *поддатникъ-дружкою*, окольничій Ив. Вас. Чебетъ, и три разсылщика: Иванъ, Никонъ и Петръ Осокины. Дѣлки назначали свѣчниковъ, коровайниковъ и фонарьниковъ. Одни чиновники стояли у изголовья мѣстнаго, а другіе несли подушки въ церковь; подъ ноги жениха и невесты,

(*) При отравленіи Елены къ ея жениху, Александру, въ 1495 г., былъ данъ тайный наказъ кн. Ряполовскому, чтобы ее вѣнчали въ греческой церкви, въ русской одеждѣ, и на вопросъ епископа о любви ея къ Александру, отвѣчала бы: «любъ ми и не остави ми его до живота, ни коя ради бо-лазни, кромѣ закона; держать мнѣ греческій, а ему не вудитъ меня къ римскому». — Рос. вѣст. т. XIV. с. 1—21. При обрученіи княжны въ Москвѣ, литовскій посолъ Станиславъ Гастольдъ, занималъ мѣсто жениха, потому что старшему послу, Воеводѣ Петру, имѣвшему вторую жену, не дозволили быть дѣйствующимъ лицомъ въ семъ обрядѣ.

сдали камни. Которъ княжій держалъ Никол. Ангеловъ, переѣхалъ съ Изв. Баршомыиъ. У саней Великихъ Княгинь : Софїи и Елены, шли бояры.—Митрополитъ вѣнчалъ молодыхъ въ храмѣ Успенїа. Попъ Афанасїй стоялъ съ престомъ у постели. — Веселились и пировали во дворцѣ до ночи. Конюшїй Гридя Афанасовъ, окруженный 15 дѣтьми боярскими, ѣздилъ на жеребцѣ, около новобрачной почивавши (*).

Наши Великіе Князья вступали первоначально въ брачныя союзы и съ иностранными принцессами; но раздѣленіе Россіи на удѣльные княжества, размноженіе удѣльныхъ князей, порабошеніе нашего отечества Татарами, принудило ихъ вступать въ родство, смотря по политическимъ обстоятельствамъ, то съ своими единоплеменниками, то съ татарскими властителями.—Нѣкоторые изъ Великихъ Князей высматривали для себя невестъ внутри своего государства, и преимущественно выбирали красавицъ, ни мало не уважая знатности, и это продолжалось включительно до начала XVIII ст., до временъ Петра I. Тогда нарочные ѣздили смотрѣть невестъ по всей Московїи; искусныя и опытыя бабки осматривали тайныя ихъ прелести; счастливейшая изъ дѣвицъ-невестъ наименовалась въ тотъ же день нареченною невестою, и провозглашалась по церквамъ.—Когда В. К. Василій вступалъ въ первый бракъ, тогда было собрано ко дворцу 1500 дѣвицъ; изъ числа ихъ онъ выбралъ Соломонїю Юрьевну Сабурову, и послѣ двадцатилѣтняго съ нею супружества, онъ развелся съ нею за неплодіе ея.—По избранїи невестъ прочїя дѣвицы или надѣлялись подарками, или онѣ отдавались за молодыхъ придворныхъ.

II.
Свадьба,
В. К. Василия.

(*) Древ. Рос. шл. ч. XIII. изд. 1790 г. с. 1-5., и Бажетова Разряд.

В. К. Василій, женись (въ 1326 г. гоним. 21.) на княжну Елену Глинскую, праздновалъ свадьбу величественно, а дворецъ его блеснулъ пышностію. Нарядясь въ одежду женова, онъ сядетъ совсѣмъ своимъ покоемъ въ брусняной столовой избѣ. Невѣста его Елена шла изъ своего дома въ среднюю палату: съ женою тысяцкаго, двумя сваями, боярынями и многими знатыми людьми. Передъ нею несли дѣи брачныя свѣчи въ фонаряхъ, два каравая и серебряныя деньги. Въ палатѣ были приготовлены два мѣста, покрытыя бархатомъ и кашками; на нихъ лежали два изголовья и два сорока черныхъ соболей, а третій сорокъ былъ приготовленъ для опахиванья жениха и невесты. На столѣ, покрытомъ скатертью, стояло блюдо съ клочками и солью. Изъ хороша средней палаты вышла Елена въ сопровожденіи жены тысяцкаго, свакъ, боярынь и бояръ. Предъ княжною несли свѣчи и каравая, а на караваяхъ лежали по девяти яблышекъ большикъ серебряныхъ, съ одной стороны золоченыхъ и чеканенныхъ, а съ другой бѣлые и гладкіе. Елена сѣла на свое мѣсто, сестра ея Анастасія на жениковомъ; жена тысяцкаго и свакъ, находившеся по своимъ мѣстамъ, около княжны; съ лѣвой стороны свакъ держали свѣчи и каравая; боярыни стояли вокругъ стола.—Василій прислалъ туда брата своего, кн. Юрія, который, занявъ большое мѣсто, велѣлъ звать жениха. Посланники сказали: *Князь Великій Государь князь Юрій Ивановичъ велѣлъ тебѣ говорить: зови тебѣ Государю идти къ вѣнцу дѣлу.* В. К. вошелъ съ тысяцкимъ и со всеми чиновниками, поклонился иконамъ, свелъ Анастасію съ своего мѣста и самъ сѣлъ. За этимъ читали молитву. Жена тысяцкаго чесала гребнемъ голову Василію и Еленѣ. Свѣчами богоявленскими, которыхъ горѣли въ навечеріи Богоявленія Христова, при освященіи водъ;

зажгли брачныя, обетнутыя соболями и вѣдѣтыя въ кольца. Невѣстѣ подали кивку и фату. На золотой мнѣж лежали по тремъ угламъ: хмѣль, 27 соболой, 27 однопѣстныхъ платковъ: бархатныхъ, атласныхъ, камчатныхъ, мѣрою каждый въ длину аршинъ съ четвертью, а въ ширину аршинъ съ вершикомъ, и пѣнаи числомъ по девяти въ каждомъ углу, величиною въ червонецъ или меньше. — Жена тысяцкаго осыпала хмѣлемъ Великаго Князя и Елену, а потомъ опахивала соболями. — Дружка Государевъ, благословясь, изрѣзалъ перепечъ и сыры для всего поѣзда; Еленинъ дружка раздавалъ ширинки. По встаніи Великаго Князя и Княжны, положили на ихъ мѣста по 40 соболой, — и потомъ они отправились въ церковь Успенія: Государь съ братьями и вельможами, а Елена въ саняхъ съ женою тысяцкаго и дѣтми большими свахами; за нею шли бояры и чиновники, а передъ нею несли караван и свѣчи. — Княжна Анастасія отправилась съ боярынями въ хоромы Великой Княжны. Женихъ стоялъ въ первѣхъ на правой сторонѣ у столба, невѣста на лѣвой, гдѣ находились зажженные свѣчи и лежали караван; у другаго столба на лѣво поставили скамью съ засланнымъ ковромъ и двумя красными изголовьями. Они шли къ вѣнчанію по разостланнымъ камкамъ и соболямъ: знатѣйшая боярыня держала скляницу съ фряжскимъ виномъ; митрополитъ подалъ ее Государю и Государынѣ: оба пили съ одной скляницы. Государь, когда вышелъ за другимъ разомъ вино, бросилъ склянку на землю и самъ растопталъ ее ногою (*).

(*) Скляница значитъ стеклянный сосудъ. Олсварін, въ бытность его въ Россіи, пишетъ, что въ это время употреблялись позолоченные кубки; съ которыми такъ же и поступали, какъ со склянницами, именно: новобрачный, бросивъ кубокъ на землю,

Когда совершился священный обрядъ, тогда новобрачные сѣли на двухъ красныхъ изголовьяхъ. Митрополитъ, князья и бояры, поздравляли ихъ; пѣвчіе пѣли многолѣтіе. Государь отправился потомъ во дворецъ, прежнимъ ходомъ, а Государыня одна поѣхала на своихъ саняхъ, прямо въ свои хоромы; за ней тысяцкая шобѣ свахи. По пріѣздѣ ея во дворецъ, сѣлъ на ее сани ясельничій, и поѣхалъ на конюшню. Свѣчи съ коровами отнесли въ спальню, называемую *спѣлникъ*, который внутри былъ обтянутъ запономъ, и поставили въ кадѣ ишеничную. — Колець со свѣчей не снимали три дня, потомъ, по обычаю, велѣно хранить ихъ въ церкви. Въ четырехъ углахъ спѣлника были воткнуты стрѣлы, и тамъ лежали на столикахъ калачи съ соболемъ; у кровати лежало два изголовья, двѣ шапки, одѣло кунье и шуба, покрытая простынею; на лавкахъ стояли *оловянники* съ медомъ; въ головахъ кровати были иконы: Рождества Христова, Богоматери и крестъ *воздвиженный*; на стѣнахъ висѣла икона Богоматери, державшей на рукахъ младенца Іисуса Хри-

и попирая его ногами, говорилъ : « да будутъ такъ попораны ты, которые имѣютъ намѣреніе посвятить между нами несогласіе и вражду. » Это обыкновеніе уже не существуетъ нынѣ, но доселѣ пьютъ вино изъ одной чарки, попеременно три раза. Сей обычай принятъ нами съ первымъ принятіемъ христіанства. Пить изъ одного сосуда и прикасаться къ нему своими губами, было у Грековъ и Римлянъ знакомъ любовной страсти и волокитства. Они думали, что любовь возбудить можно черезъ питье изъ одного сосуда, даже чрезъ прикосновеніе къ нему однихъ своихъ губъ. Ревнивая Юнона упрекала часто Юпитера, что онъ пьетъ изъ одного сосуда съ Ганимедою. — Въ царствованіе императора Августа было уже въ обычаи, что женщины не отдавали мушкетамъ своего сосуда, изъ котораго онѣ пили ; но волокиты старались выхватить изъ ихъ рукъ, только чтобы приложить свои губы къ тому месту, къ которому прикасались женскія уста.

ста; надъ дверью, окнами, внутри и снаружы почтительно, находились кресты. Постель слали на 27 ржаныхъ снопахъ. Великій Князь завтракалъ съ людьми ближними; потомъ онъ ѣздилъ верхомъ по монастырямъ и обѣдалъ со всѣмъ своимъ дворомъ. Князь Юрій опять сидѣлъ на большомъ мѣстѣ, а В. К. Василій рядомъ съ Еленою. Передъ ними поставили жаренаго пѣтуха, но дружка, взявъ его, обернулъ верхнею скатертью и отнесъ съ калачемъ и солонкою въ спальню, куда вскорѣ повели молодыхъ. Знатѣйшій бояринъ выдавалъ въ дверяхъ Великую Княгиню и говорилъ рѣчь. Жена тысяцкаго, надѣвъ двѣ собольи шубы, взяъ коня одну на выворотъ, вторично осыпала новобрачныхъ хмѣлемъ; а дружки и свахи кормили ихъ курицею. Во весь обѣденный столъ и во всю ночь, конюшій Государевъ ѣздилъ на жеребцѣ подъ окнами спальни, держа въ рукахъ обнаженный мечъ. На другой день ходили новобрачные въ мыльню, и тамъ ѣли кашу на постелѣ. Во время свадебнаго веселія, называвшагося еще *радостію*, играли на сурнахъ, трубахъ и били въ накромы (бубны); во весь день и ночь пѣли пѣсни, а иногда псалмы.—Небогатые люди не имѣли музыки, но веселили себя пѣснями, и потому свадьбы тогда уже были съ *трубами и безъ трубъ*, т. е. съ музыкою и безъ музыки.

Царь Алексѣй, празднуя свое бракосочетаніе съ Наталіею, велѣлъ, чтобы вмѣсто трубъ, органовъ и свадебныхъ потѣхъ, пѣли его пѣвчіе попеременно стихи духовнаго содержанія, какъ выражено въ современномъ извѣстїи: *драгія вещи со всякимъ благочиномъ* (*).

Употреблявшіяся и нынѣ употребляемыя, при свадебныхъ обрядахъ хлѣбныя произрастѣнія и другія вещи, имѣютъ особой свой смыслъ.—Хмѣль,—означаетъ лю-

(*) Новик. Древ. Рос. дивл. ч. XIII. с 5 - 19.

боясь, ричаные ошны и пшеница, — чадородіе; соборы и дашьга, богатство; брачныя свѣчи, зажженные бого-
явленскими, предохраненіе отъ порчи и волшебства; топ-
таніе склянки ногами, — попираніе враговъ семейнаго
счастія; иконы, благословеніе.

III.
Свадьба
В. К.
Іоанна
IV.

В. К. Іоаннъ IV, цо востшествіи своемъ на престолъ
(въ 1547 г.), немедленно разослалъ вятныхъ сановни-
ковъ по всей Россіи, чтобы они смотрѣли всѣхъ дѣвицъ
благородныхъ, и лучшихъ изъ нихъ представили бы
ко двору. Въ Новгородѣ былъ посланъ окольнічій И. Д.
Шенинъ, а въ Вязму кн. И. С. Мезецкій и дворцо-
вый дьякъ Гаврило Щенокъ, съ грамотами: «ве-
лѣлъ есми (Царь) смотрити у васъ дочерей дѣвокъ,
намъ невѣсты, ... а которой дочь дѣвку у себя утантъ
и тому быть въ великой опалѣ и въ казни». Жители
Вязмы и Дорогобужа не хотѣли отпустить своихъ доче-
рей, потому было повторено имъ: «вы дочерей своихъ
не везете, а нашихъ грамотъ не слушаете, и вы то чи-
пите не гораздо.» Изъ представленныхъ невѣстъ Царь из-
бралъ Анастасію Романовну, дочь вдовы Захарьиной (*).
При вступленіи его въ третій бракъ, было привезено въ
Александровскую слободу 2000 невѣстъ, изъ коихъ
онъ избралъ Марю Васильевну Собакину, дочь новго-
родскаго купца, и въ то же время (1571 г.) избралъ
невѣсту для старшаго своего Царевича, Евдокію Бог-
дановну Сабурову (**).

(*) Собр. государ. грам. т. II. с. 43

(**) Кар. И. Г. Р. т. IX. с. 187 прим. 364. — Описанія старин-
ныхъ свадьбъ: кн. Андрея Ивановича, Царя Іоанна IV, бра-
та его Юрія, кн. Владиміра Андреевича, казанскаго царя
Симіона, кн. Ив. Дм. Бѣльскаго, короля Арцымагнуса, перва-
го Іжедимитрія, Царя Василя Шуйскаго, царевича Михаила
Кавбулина, напечатаны Новиковымъ въ Древ. визл. ч. XIII. изд.
1790 г. Я не помѣстилъ ихъ здѣсь, потому что всѣ онѣ одно-
образны и отличаются только числомъ позѣжанныхъ и гостей.

Ш. СВАДЬБЫ ЦАРСКІЯ.

I. Царя Михаила Феодоровича II. Царя Алексія Михайловича и III. Царевны Анны Петровны.

I. Царя Михаила. — Нареченіе невесты. Ручь жениху и благословеніе родителями его. Одежда жениха, свадебныхъ чиновъ и украшеніе грановитой палаты. Ожиданіе невесты въ своихъ хоромахъ, и свадьба и принадлежности. Шествіе молодыхъ въ грановитую палату. Совершеніе обрядовъ въ грановитой палатѣ. Совершеніе обрядовъ въ церковь. Возвращеніе молодыхъ въ грановитую палату и угощеніе ихъ. Выдача невесты и свиникъ. Кормленіе молодыхъ, музыка, обеды и подарки.

II. Царя Алексія. — Выборъ невесты. Свадебные чины. Обедъ наканунѣ свадьбы. Слушаніе молебствія предъ свадьбою. Украшеніе дворцовой палаты. Платье молодыхъ и свадебныхъ. Прибытіе молодыхъ и свадебныхъ. Прибытіе молодыхъ въ палату и благословеніе. Угощеніе. Чесаніе косы, укручиваніе и подарки. Вѣчаніе. Наставленіе протоіерея и возвращеніе молодыхъ въ палату. Угощеніе, уводъ новобрачныхъ въ спальню и конюшій. Спрашиваніе о добромъ здоровьи молодыхъ. Хожденіе въ баню и подарки. Книжій и киягининъ столъ, сопровождаемый музыкою. Обедъ съ подарками. Обедъ для духовныхъ и свѣтскихъ людей и обдариваніе ихъ. Милостыня и выпускъ преступниковъ на волю.

III. Царевны Анны. — Извѣщеніе старинныхъ обрядовъ. Свадебное устройство и свадебные чины. Извѣщеніе о свадьбѣ и совершеніе бракосочетанія.

IV. Свадьба благородныхъ и простолюдиновъ, по извѣ-

стію Кошикина, жившаго въ XVII вѣкѣ. — Сватовство. Приданое. Смотрѣльница. Запись. Свадебный обрядъ. Хожденіе молодыхъ въ баню и обдариваніе ихъ. Правила ко вступленію въ бракъ. Вычитаніе второбрачныхъ. Однообразіе въ совершеніи свадьбъ. Обманы при выдачѣ невестъ и наказаніе.

V. Свадьба начала XVII вѣка, по извѣстію Петра. Сватовство. Смотръ невесты и жениха. Вычитаніе. Посыпаніе молодыхъ и веселіе. Плеть. Дареніе.

.VI. Свадьба около половины XVIII вѣка, по извѣстію Олсарія. — Опредѣленіе степени родства для вступленія въ бракъ. Свадьба благородныхъ. Сватовство. Скрываніе и подлогъ невестъ. Свадьба знатныхъ людей и приготовленіе брачной постели. Чесаніе головъ молодымъ и обмываніе колець. Повзды. Вычитаніе. Пированіе и отправленіе молодыхъ въ свинникъ. Мыслия новообратныхъ. Веселіе. Свадьба простаго сословія и горожанъ.

III. СВАДЬБЫ ЦАРСКІЯ.

I. ЦАРЯ МИХАИЛА, П. ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ И III. ЦАРЕВНЫ АННЫ.

I. Свадьба Царя Михаила Феодоровича, 1626 г. февр. 5.

За три дни до свадьбы Царя Михаила, ввели въ Государскіе хоромы невесту его Евдокію Лукьяновну Стрешневу, и нарекли Царевною. Потомъ объявили кому быть на радостѣ въ свадебныхъ обязанностяхъ, съ строгимъ подтвержденіемъ, чтобы никто не считался мѣстничествомъ, и чтобы никто не укорялъ другъ друга ни въ чемъ.

По утру въ воскресенье, въ день свадьбы, Государь слушалъ раннюю обѣдню, потомъ благословлялся своего отца, святѣйшаго патріарха и говорилъ ему рѣчь: «Великій Государь отецъ нашъ, Филаретъ Никитичъ, святѣйшій патріархъ московскій и всея Россіи! По волѣ Всеблагаго и соизволенію вашему и матери нашей, многи Великой Государыни Марѣы Ивановны, назначено быть нашей свадьбѣ, а сего дня моя радости. Святѣйшій патріархъ! благослови своего сына.» Патріархъ, благославляя сына, говорилъ: «Всемогушій и неизреченный въ милости, вознесшій тебя на Царскій престолъ за благочестіе, Тотъ и благославляетъ тебя. Да подастъ Онъ тебѣ и супругъ твоей, долгоденствіе и размноженіе роду. Да узришь на престолѣ сыны сыновъ твоихъ и дщери дщерей твоихъ, и да защититъ Онъ всѣхъ васъ отъ враговъ, распространить мо-

Нареченіе невесты.

Речь великому, и благословеніе его родителю.

гущество ваше отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до концевъ вселенныя.» — Потомъ патріархъ благословлялъ его образомъ Св. Богородицы.

Одежда
жениха,
одежде-
бныхъ ча-
новъ и
украше-
ніе гра-
новитой
палаты.

Послѣ этого Государь ходилъ молиться въ монастыри и церкви, и наконецъ испрашивалъ благословенія у своей матери, которая благословила его образомъ Св. Богородицы Эдигитрія.

Государь, по изготовленіи себя къ свадьбѣ, отправился въ золотую среднюю палату, бывъ одѣтый въ золотый аксамитный кожанъ на соболяхъ, и въ русскую соболью шубу, крытую золотнымъ бархатомъ, которой полы заметалъ назадъ за плеча; поясъ его былъ изъ конанного золота. Предъ женихомъ шли поѣзжаныя; стольники, дворяне, бояры, князья и дружки, все они въ золотыхъ одеждахъ, ожерельяхъ и черныхъ шапкахъ. Дружками съ его стороны были: бояр. кн. Дм. Мам. Черкасскій и бояр. кн. Дм. Мих. Пожарскій, а со стороны невесты бояр. Мих. Бор. Шенинъ и сынъ кн. Пожарскаго, Романъ. Государя велъ подлѣ руну тысяцкій, бояринъ кн. Ив. Бор. Черкасскій. По прибытіи въ палату, женихъ пошелъ образомъ и сѣлъ на лавкѣ, заглавной персидскимъ бархатомъ. Тысяцкій и дружки сѣли на большой лавкѣ, а поѣзжаныя на другой.

Чертожное мѣсто (царское) было приготовлено за рѣшкою для молодыхъ, въ грановитой палатѣ: оно было обито чернчатымъ бархатомъ и покрыто двумя бархатными изголовьями, шитыми золотомъ; на немъ лежали по сороку соболей, а третія сорокъ, назначенныя для опахиванія, держалъ дьякъ Андр. Подлѣсовъ. Предъ чертожнымъ мѣстомъ находился столъ, накрытый тремя скатертями; на нихъ лежали перепечъ; ширинки; сыръ и стояла пустая солонка; на столѣ, подлѣ перепечи, была солонка съ солью. Грановитая палата была

украшеніе образами, а лавки застланы поволокиными и сукошными коврами, съ изображеніемъ на нихъ львовъ.

Невѣсту нарядили въ дорогое платье и на голову ея на- Опи-
саніе по-
ѣздки въ
своихъ
хоро-
вахъ и
свадеб-
на при-
надлеж-
ности.
дѣли золотой вѣнецъ съ жемчужинами, осыпанный дорогими
каменьями и жемчугомъ. Тогда она сѣла въ своихъ хо-
ромахъ, съ своими сватами и боярами. Сватами со сто-
роны жениха были: боярыни-княгини Елена Алексѣев.
Черкасская и Праск. Варв. Пожарская, а со стороны
невѣсты: бояр. Мар. Мих. Щенна и кн. Авдот. Анфр.
Пожарская. На столѣ лежали короваи, обшитые червча-
тымъ бархатомъ. Государевъ коровай былъ обшитъ зо-
лотымъ турецкимъ бархатомъ, а Государыни золотымъ
участковымъ атласомъ; на верху короваевъ были нашиты
по 27 серебряныхъ золоченныхъ пѣнызей: съ одной сто-
роны золоченные чеканенные, а съ другой бѣлые гладкіе.
Тутъ стояли двѣ свѣчи, обернутыя въ обручи широкіе,
чеканенные и золоченные по краямъ, изъ коней свѣчи же-
ниха вѣсили въ три пуда, а невѣсты въ два пуда. У свѣчей
и фонарей находились особые свѣчники, а у короваевъ кар-
андашники: свѣчки и фонарьники были изъ столбчиковъ.

Вѣнценосный женихъ отправилъ по невѣсту ея Шестое
слово
длинъ въ
гранови-
тую на-
зату.
дружковъ. Она шла изъ своихъ хоромъ черезъ пала-
ту; впереди ея шли свѣчники, фонарьники и карандаш-
ники, одѣтые въ золотыхъ на соболѣ терликахъ, а въ
черныхъ лисьихъ шапкахъ. Обручальныя и Богоявлен-
скія свѣчи, несли стряпчіе; за ними несъ осыпало, на
золотой мисѣ, думный дякъ. На мисѣ лежали по тремъ
угламъ хмѣль, 27 соболей, 27 бѣлыхъ мѣховъ, 27
золотыхъ участковыхъ платковъ, каждый длиною одинъ
аршинъ пять вершк., шириною полъарш.; 18 золоченныхъ
пѣнызей и 9 венгерскихъ червонцевъ. Потомъ шли дружки
и они берегли путь, чтобы никто не переходилъ его; за
ними шелъ благовѣщенскій попъ Иванъ наѣдка, ко-
торый кропилъ путь святой водою. Государыню,

вели подъ руку старшія свахи, за пою шли боярыни; жена постельничаго несли куклу, прочія боярыни несли убрисцы и шаринки.

По прибытіи въ грановитую палату, благовѣщенскій попъ окропилъ чертожное мѣсто святой водою, потомъ посадили невѣсту, а на мѣсто жениха посадили съ нею кн. Якова Куден. Черкаскаго. Свахи стояли у стола, боярыни сидѣли на большой лавкѣ, за другими сто-ломъ; на правой сторонѣ стояли со свѣчами, а съ лѣвой съ коровами и фонарями. Мѣсто посаженнаго отца и матери занимали: бояр. Иванъ Никитичъ и жена его Ульяна Феодоровна Ромаповы.—Посаженный отецъ, посидѣвъ не много, послалъ за женихомъ кн. Дан. Из. Мезецкаго, который говорилъ ему: «бояринъ Иванъ Никитичъ, велѣлъ тебѣ говорить, прося у Бога милости: время тебѣ Государю идти къ своему дѣлу.»

Государь, помолившись образамъ и принявъ крестное благословеніе отъ благовѣщенскаго протопопа, отправился совѣми своими поѣзжаемыми и дружками. Его велъ подъ руку тысяцкій, впереди шелъ благо-вѣщенскій іерей и кропилъ путь святой водою; за Царемъ шелъ, съ колпакомъ въ рукѣ, кн. Татевъ.—Свадебнымъ порядкомъ распоряжались два дѣла.

Вошедши въ грановитую палату, протоіерей провозгласилъ: Достойно есть, и благословилъ Царя крестомъ. Старшій дружка свелъ съ мѣста кн. Як. Черкаскаго, а Царь сѣлъ на его мѣсто, подлѣ своей невѣсты. Всѣ прочіе, сидѣвшіе на своихъ мѣстахъ, остались въ прежнемъ порядкѣ.

Совер-
шеніе о-
брядовъ
въ гра-
новитой
палатѣ.

Спустя нѣсколько времени протоіерей читалъ молитву покровенію головы, послѣ того сваха чесала гребнемъ головы молодымъ, омакивая гребень въ медовую чару, а думный дѣлкъ держалъ мису съ осыпаломъ. Въ то время зажгли обручальныя свѣчи богоявленскими ве-

чернями. По зачесаніи волосъ, надѣли на голову невесты кичку, и закрыли фатой, которую покрыли убрусомъ, унизаннымъ жемчугомъ съ золотомъ. Потомъ сваха осыпала ихъ хмѣлемъ. Старшій дружка Царя рѣзалъ перепечъ и сыръ, а старшій дружка невесты поднесъ жениху, отъ имени невесты, низанный жемчугомъ тафтяный убрусецъ, ширинку и коровай, а патриарху и инокинь Марѣѣ Ивановѣ, убрусы, ширинки перепечъ и сыръ. Меньшій дружка невесты, кн. Ром. Пожарскій, разносилъ корован, сыръ и ширинки посаженнымъ родителямъ, тысяцкому, сидячимъ боярынямъ и поѣзжанымъ. Постельнымъ боярамъ и боярынямъ, бывшимъ у постели молодой, онъ разносилъ сдѣлъ ширинки. Царицѣ Даріи, бывшей супруги Іоанна IV., отправили съ нарочнымъ въ Тихвинъ: убрусецъ, ширинку, коровай и сыръ (*). Дорогу молодыхъ устилали камками черчатыми, а у лѣстницы дворцовой

(*) Дарья Ивановна Колтовская, происходившая изъ простаго рода, была шестою женой Іоанна Грознаго. Царь не разсудилъ требовать свѣдѣтельнаго разрѣшенія на этотъ бракъ, который совершился въ 1573 г., но совѣтъ заставила его просить епископовъ, объ утвержденіи сего брака. Созванный соборъ по этому случаю, *проливалъ слезы*, боязнуя о кающемся, такъ сказано въ дѣяніи этого собора, и положилъ утвердить бракъ ради *теплаю покалїя*; но Царь развеялся въ послѣдствіи съ нею: бѣ постригла въ монахини въ Веденскомъ тиввинскомъ монастырѣ, и тутъ она была погребена скимницюю въ 1627 г. — Въ исторіи Карамз. т. IX. с. 193. изд. 1821 г., сказано, что четвертая жена Іоанна была Анна Алексѣевна Колтовская — Полагать надобно, что имя Анны написано имъ по ошибкѣ, потому что въ описаніи свадьбы Царя Михаила, она названа Дарією. — Царь Михаилъ, вступая въ бракъ два раза: въ 1623 и 1626 г., посылалъ свадебные подарки не Аннѣ, а Даріи, которую признавали за вдовствующую Царицу.

приготовили аргамака. Государя, сѣвши на лошадь, ѣхалъ площадью; впереди его ѣхали поѣзжаные, болѣе 40 челомъ, за ними дружки, а съ боку жениха тысящикъ; около лошади молодого шелъ пѣшкомъ бояринъ ин. Лыковъ. Невѣста ѣхала за поѣздомъ жениха въ большихъ саняхъ инаацовскихъ, обитыхъ золотымъ атласомъ; противу нея сидѣли четыре свахи; за санями шли: окольниковъ, дьякъ, 23 дворянина, большею частію изъ няжвскаго рода, и 20 боярскихъ дѣтей. Послѣдніе берегли путь, чтобы никто не переходилъ его. Потомъ молодые отправились въ Успенскій соборъ.

Въ это время первую снатерть, на которой рѣзали коровай и сыръ, спали и отдали ключницу на сохраненіе, а лѣвъ остались на столѣ, Изголовье жениха, на коемъ онъ сидѣлъ, положили на изголовье молодой; а поверху его два сорока соболой.

Свер-
шеніе о-
брадовъ
въ цер-
кви.

Съ молодыми вошли въ церковь: дружка, свахи и тысящикъ. Невѣсту ввели подъ руки старшія свахи, а меньшія шли позади. Свѣчи, фонари и короваи внесли впереди всѣхъ. Поѣзжаные ѣздили въ то время на своихъ коняхъ: за аргамакъ конюшій кн. Лыковъ, а въ саняхъ окольникъ ин. Волкомскій.—Боярскія дѣти берегли путь.

Молодые стояли противу царскихъ дверей; со свѣчами стояли съ правой стороны, а съ короваями съ лѣвой, близъ крылоса. У лѣваго столба стояла скамейка, застланная кизыльбаскимъ (краснымъ) золотымъ повромъ; на немъ лежали два бархатныя золотистыя изголовья, покрытыя сукномъ. Скамья стояла на двухъ колодкахъ (столбахъ), обитыхъ золотымъ участкомъ. Свивъ вавое червчатую камку куфтеръ, длиною въ три аршина, спали ее подъ ноги молодымъ, а поверху камки положили 40 соболой.

Благовѣщенскій протоіерей Максимъ вѣнчалъ ихъ;

и: ерѣ подавалъ имъ ширѣ фряжскон вина изъ склянны-
ды, три раза, которую держалъ бояринъ Вас. Морозъ.
Эту склянницу тогда же отдасть Государь въ сѣтарь,
чтобы тамъ хранили ее. Послѣ вѣнчанія сѣли новобрач-
ные у столба, на приготовленномъ дѣтеловѣ: молодой
по правую а молодая по лѣвую сторону. Протоіерей
поучалъ ихъ; а потомъ поздравлялъ; за нимъ принесли
да поздравленіе тысяцкій и дружки; пѣчіе сѣли мно-
голѣтіе большими дѣтеловомъ.

Государь, взявъ новобрачную за руку, вынималъ <sup>Возвраще-
ніе</sup> ея изъ церкви; потомъ онъ сѣлъ на арсѣмаки, а нов-
обрачная въ сани, съ дѣтми свахами. По прибытіи <sup>и о-
дѣхъ въ
гранови-
тую па-
лату и у-
гощеніе.</sup>
къ грановитой палатѣ, Государь опять взялъ за руку
свою молодую и ввелъ ее во дворецъ; путь имъ устла-
ли червчатими кошками. Въ то время сѣлъ на арсѣмаки
конюшій и отправился къ сѣннику; онъ ѣздилъ около
него до утра, держа въ рукахъ обнаженный мечъ. Сани
отвезъ вселыничій а свѣчи и цорован поставили на преж-
нихъ мѣстахъ. Въ грановитой палатѣ сѣли новобрач-
ные на прежнихъ мѣстахъ, а за ними сѣли, на своихъ,
боярыни и поѣзжаные. Потомъ принесли кушанья и
фряжскія вина, и поставили ихъ предъ поѣзжанными.
Послѣ третьяго кушанья подали имъ <sup>Выдача
новобру-
ченны</sup> ~~сердечного цыпленка.~~
Старшій дружка молодого, обернувъ перечень и осло-
ну съ блюдомъ, другою скатертью, отнесъ въ сѣнникъ;
Тогда молодой, вставъ изъ-за стола и взявъ за ^{руку}
руку молодую, отправился съ нею въ сѣнникъ. Бояринъ
Иванъ Никитичъ Романовъ проводилъ ихъ до дверей
палаты, идя впереди; потомъ онъ выдавалъ невесту у
дверей, и говорилъ: «по волѣ Всемогущаго, благосло-
венію твоихъ родителей, ты сочетался приведеннымъ
бракомъ. И ты свою Царицу, а нашу Государыню, лю-
би, какъ предписано Божіе.» Потомъ онъ имъ по-
кланялся. Прочіе бояре и сидѣли боярыни приносили

ли ихъ до сѣнника; тутъ боярыня Ульяна Феодоровна, посаженная мать, встрѣтила ихъ въ собольей шубѣ на маворотѣ, и осыпала хлѣбомъ.

Свѣчи и короваи поставили въ сѣнникѣ: одну въ пишеничной кадкѣ, а другую у постели; сѣнникъ былъ точно такъ же убранъ, какъ описано въ свадьбѣ В. К. Василія, только что поверхъ 27 ршанныхъ сноповъ, было послано семь пернѣхъ и бумажныхъ; изголовья (подушки) бархатныя, камчатныя и атласныя, были покрыты одѣяломъ. Въ ногахъ лежали: коверъ, одѣяло и двѣ собольи шубы; надъ дверьми у сѣнника были золотыя кресты съ мощами.

Провода новобрачныхъ въ спальню, бояры сѣли за большой столъ по правую сторону, поѣзжанные и дворяне по лѣвую; мать посаженная отправилась съ боярынями въ хоромы Царицыны.

Спустя нѣсколько времени Государь потребовалъ къ себѣ бояръ, посаженныхъ родителей, тысяцкаго, дружекъ, свахъ, ближнихъ и постельныхъ боярынь. Посаженные родители и ближніе бояры кормили Государя въ сѣняхъ предъ сѣнникомъ, а Государыню въ сѣнникѣ ея, свахи и боярыни.

Кормленіе молодыхъ, музыканты, обѣды и подарки

На другой день, въ понедѣльникъ, Государь ходилъ въ мыльню и тутъ кушалъ; потомъ онъ угощалъ ближнихъ бояръ и окольничихъ разными яствами и романеею въ кубкахъ. Послѣ кушанья новобрачные были въ сѣнникѣ; съ ними находились посаженные родители, тысяцкій, ближніе боярыни и свахи. Посаженный отецъ, поднимая покровъ стрѣлою, вскрывалъ Царицу. Царь между тѣмъ принималъ въ сѣнникѣ: бояръ, окольничихъ и думныхъ людей. За тѣмъ молодыхъ кормили кашею, изъ двухъ фарфоровыхъ горшечковъ, поставленныхъ на одномъ блюдѣ, и обвернутыхъ двумя парами соболѣй. Кашу Государя держалъ старшій его дружка, а кашу Госуда-

Государыни старшая сваха. Во весь день играли во дворцѣ въ сурмы и трубы, и били въ шапры (родъ бубенъ). Въ тотъ же самый день былъ обѣдъ у Государя въ грановитой палатѣ; молодые сидѣли вмѣстѣ за золотымъ столомъ, близь стѣны; свахи стояли подлѣ нихъ и подчивали гостей. Посаженные отецъ и мать, тысяцкій и сидячіе бояры сидѣли за большимъ столомъ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ сидѣли, за отдѣльными столами, всѣ поѣзжанные и участвовавшіе въ свадьбѣ. На другой день былъ обѣденной столъ въ хоромѣхъ новобрачной; такое же угощеніе возобновилось и на третій день, по прежнему обряду. Въ четвертый день, въ среду, Государь извѣстилъ своего отца патриарха о благополучномъ совершеніи свадьбы, и ожидалъ его въ малой золотой палатѣ. Отецъ былъ встрѣченъ сыномъ въ сѣняхъ. Послѣ *достойно есть*, патриархъ оскѣнилъ его крестомъ, окропилъ святой водою, поздравилъ его и благословилъ образомъ Пречистой Богородицы. Потомъ Государь и патриархъ сѣли на золотыхъ подушкахъ. Князь Львовъ подносилъ Царю дари отъ имени патриарха; потомъ митрополитъ крутицкій, епископъ, архимандриты и игумены подносили отъ себя: серебряные кубки, стопы, золотые атласы и соборы; за ними дарили бояры и думные сановники, послѣ приходили съ подарками торговые люди, но Государь не принималъ отъ нихъ подарковъ. За тѣмъ Царь отправился съ отцемъ въ хоромы своей Царицы, въ сопровожденіи знаменитаго духовенства и бояръ. Патриархъ встрѣтилъ Государыню съ воздвизательнымъ крестомъ, кропилъ ее святой водою, поздравлялъ и благословлялъ образомъ и золотымъ крестомъ. Духовные и бояры приносили ей поздравленіе и дары. Въ этотъ день обѣдалъ патриархъ у Царя со всѣмъ своимъ

Часть VIII. 3

духовенствомъ, въ грамовитой палатѣ. Кушаніе, закусы и овощи ставили на столъ по свадебному обряду. Смыъ угощеніемъ заключилось свадебное торжество (*).

(*) Новик. Древ. зивл. ч. XVI. с. 144. 177.—Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ праздновалъ второй свой бракъ гораздо пышнѣе, нежели первый, потому я избралъ здѣсь для описанія вторичное его бракосочетаніе.—Въ первый разъ онъ былъ женатъ на Маріи Владиміровнѣ, дочери кн. Влад. Тимое. Долгорукого, (въ 1625 г. сентяб. 19), но она въ томъ же году померла, генв. 7. (по старому исчисленію), и погребена въ Вознесенскомъ девичь—емъ монастырѣ. Замѣчательно, что въ оба его свадьбы были посажеными родителями бояр. Иванъ Никитичъ Романовъ съ своею женою; святѣйшій патріархъ Филаретъ не участвовалъ въ брачномъ обрядѣ, но напутствовалъ своего сына торжествомъ—но во храмъ, и не поздравлялъ его во время первой свадьбы.

II. СВАДЬБА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА, БЫВШАЯ УЪ 1648 г. ГЕНВ. 16.

Царь Алексѣй Михайловичъ, вскорѣ послѣ своего ко- ^{Выборъ невесты.}
ронежанія (1646 г. сев. 28) совѣтовался съ патриархомъ,
духовными чинами, боярами и думными людьми, о
вступленіи его въ бракъ. Патриархъ и духовные чи-
ны благословили, а бояры приговорили. Царь сѣдевъ,
что у одного изъ приближенныхъ его была дочь
отличная умомъ и красотою, сердцемъ добрая и по-
ступкою величавая, приказалъ взять ее къ себѣ во двор-
ецъ, и ее поручилъ попеченію своихъ сестеръ Царе-
вентъ, съ оказываніемъ ей царской почести. Бояры и
ближніе люди, у коихъ были дочери, но о коихъ Царь
не думалъ, равно отцы и матери тѣхъ дѣвицъ, которыя
жили у Царевентъ, стали завидовать счастію невесты и
умыслили погубить ее, потому ополли зельемъ, думая, что
послѣ этого Царь возьметъ за себя дочь знатнаго бояри-
на или приближеннаго. Скоропостижной смертію на-
реченной, Государь весьма опечалился: нѣсколько дней онъ
не принималъ пищи и не думалъ о знатныхъ дѣвицахъ.
По прошествіи многого времени случилось ему быть въ
церкви, и здѣсь онъ увидѣлъ двухъ дочерей дворянина
Мамы Милославскаго. Одна изъ нихъ, Марія Ильинич-
на, такъ ему понравилась, что онъ тотчасъ поручилъ

придворнымъ дѣвицамъ взять ее къ себѣ въ верхъ, и послѣ обѣдни посѣтилъ ее : смотрѣлъ и полюбилъ. Тогда онъ отдалъ ее на попеченіе своимъ сестрамъ и богобоязливымъ боярынямъ, нарекъ ее Царевною и облекъ въ царскія одежды. Однако свадьба не скоро совершилась: перанѣе двадцати мѣсяцевъ (въ 1648 г. генв. 16) отъ смерти первой невѣсты.

Свадеб-
ные чи-
ны.

Государь избралъ въ свадебные чины людей не по родамъ и не по мѣстамъ, а какъ ему вздумалось. Думные дѣяки представили ему роспись за скрѣпкою, съ означеніемъ обязанности каждаго и съ наказомъ: чтобы всѣ были готовы къ извѣстному дню, въ томъ чинѣ, въ какомъ кому написано. Кто же изъ бояръ, окольныхчихъ, думныхъ и ближнихъ людей станеть считать ся породомъ, мѣстами, чиномъ и дѣлать skutu и помашку, за то казнить ихъ смертію, безъ всякой помшады; помѣстья и вотчины отписать на Царя. Послѣ свадьбы ни кому ни кого не поносить, кто кого былъ въ чинѣ ниже; не величаться, кто кого былъ выше; въ противномъ случаѣ виновный подвергнется великой опалѣ и наказанію.

Свадебный чинъ со стороны Государя былъ устроенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первомъ чинѣ сядѣли посаженные родители, во второмъ поѣзжаные, протопопъ съ крестомъ и тысяцкій, потомъ Царь и восемь бояръ. Поѣзжаные, присутствовавшіе при вѣчаніи и за столомъ, сядѣли выше всѣхъ. Въ третьемъ чинѣ находились по 12 сидячихъ бояръ и 12 сидячихъ боярынь, которые сядѣли гостями за столомъ, съ посаженными родителями, и въ церковь не отправлялись. Въ четвертомъ чинѣ былъ дворецкій, съ своими обрядовыми товарищами; онъ смотрѣлъ за кушаньемъ и питьемъ. Со стороны Царьцы, въ первомъ чинѣ: родные ея отецъ и мать, во второмъ сидячіе бояры и боярыни; въ треть-

емъ дружка, свахи, дружковы жены, свѣчникъ и коровайники. Свадебные чины, которые распорядили радостію, были слѣдующіе: дружки, подружье, свахи, свѣчникъ, коровайники и конюшій. Дружка и подружье сорывали гостей на свадьбу, говорили рѣчи отъ имени тысяцкаго и Царя, и разносили подарки; свахи и дружковы жены укручивали Царицу (одѣвали), наряжали и снимали съ нея платье; свѣчу держалъ свѣчникъ, предъ укручиваніемъ Царицы; коровайники носили корованъ въ церковь и изъ церкви, на носилкахъ, обитыхъ бархатомъ золотымъ и закрытыхъ шитымъ покрываломъ и соболями; конюшій разъжалъ съ своими товарищами на коняхъ.

На канунъ радости былъ обѣдъ у Царя для бояръ ^{Обѣдъ на канунъ свадьбы.} боярынь и родителей невесты. Государь сидѣлъ съ нареченной Государынею за своимъ столомъ, а бояры и боярыни за другимъ. Царскій духовникъ благословлялъ крестомъ Царя и Царицу предъ кушаньемъ, и требовалъ, чтобы они поцѣловались. Тогда бояры и боярыни поздравили ихъ съ обрученіемъ.

По утру въ день свадьбы Царь былъ въ соборной церкви Успенія, и слушалъ молебствіе. Послѣ молебни патриархъ благословлялъ его крестомъ, окроплялъ св. водою и благословилъ его на вступленіе въ бракъ. Государь прикладывался здѣсь къ образамъ и иконамъ угодниковъ; потомъ ходилъ въ другую соборную церковь (архангельскій соборъ), гдѣ погребены прежніе Цари; слушалъ по нимъ за упокой, испрашивалъ у нихъ гробовъ прощенія и потомъ отправился къ себѣ во дворецъ.—

Во дворецѣ убрали одну палату бархатомъ, полы застилали турецкими и персидскими коврами. Царское мѣсто устроили предъ столомъ, и поставили еще особые столы, за которыми сидѣли бояры и боярыни. ^{Украшеніе дворцовой палаты.}

На столахъ, застланныхъ ситоротью, положили хлѣбъ-сыръ.

Плато
и оло-
днхъ
свадеб-
никъ.

Государь нарядился въ царскія одежды, какъ предъ коронованіемъ; Царевну одѣли въ царскія украшенія, за исключеніемъ короны, и вмѣсто вѣнца убрали голову вѣшникомъ. Вояры, свадебные чины, стольники, стрипцію, московскіе дворяне, дьяки, полковники, головы и гости, блестя золотыми одеждами.

Приби-
тіе въ
палату
и благо-
словеніе.

Когда все было готово, тогда извѣстили Царя, который приказалъ всѣмъ идти въ дворцовую палату, вмѣстѣ съ Царевною и ея родителями, и ожидать его пріестствія. По приходѣ въ палату, Царевну посадили на устроенное мѣсто, а потомъ сами сѣли на своихъ мѣстахъ, по росписи. Царю доложили, что всѣ уже заняли свои мѣста. Тогда онъ объявилъ своему духовнику, что часъ ему идти. Духовникъ читалъ молитву, а Государь, со свадебнымъ чиномъ, молился св. образамъ. Послѣ молитвы духовникъ благославлялъ его и всѣхъ съ нимъ. Друзки и свадебный чинъ просили благословенія на поѣздъ къ невѣстѣ, у посаженныхъ родителей; потомъ самъ Царь просилъ у нихъ благословенія, которые, благославляя его, говорили: *благослови Боже*, и всѣ уже отправились. Предъ Государемъ несли корованъ и хлѣбъ. Въ палату прежде всѣхъ вошелъ духовникъ, за нимъ свадебный чинъ и потомъ Царь; тогда всѣ встали. Читали молитву и всѣ молились. Потомъ дружки и подружки испрашивали благословенія у родителей невѣсты, чтобы садиться молодымъ на свои мѣста. Они благословили ихъ, говоря: *благослови Боже*. Молодые сѣли на одной подушкѣ, а потомъ и всѣ расѣлись по своимъ мѣстамъ, за особыми столами.

Угоме-
ніе.

Стольники начали разносить кушанье, которое прежде всѣхъ ставили предъ новобрачными, по одному

му блюду, а предъ свадебнымъ чинемъ по пяти блюдъ одного кушанья, потому что они ели другъ отъ друга далеко. По восстановленіи кушанья, духовникъ читалъ «Отче нашъ». Друзья и подружки просили благословенія у родителей невѣсты чесать косу, а духовникъ и весь поѣздъ, стали ѣсть и пить, для одного обряда. Предъ молодымъ ставали только кушанье и немедленно снимали со стола, потому что онъ ничего не долженъ быть ѣсть. По расчесаніи косы, дружки и подружки испрашивали благословенія у родителей невѣсты, — кружить ее (одѣвать).

При чесаніи косы и укручиваніи, закрыли модо- Чесаніе
лыхъ покрываломъ, съ вышитымъ на немъ крестомъ; коомъ, о-
покрывало держали свѣчники; свахи расчесывали ко- кручива-
су и одѣвали. Предъ Царемъ тогда же поставили, на нію и по-
большомъ блюдѣ, хлѣбъ и сыръ, которые разрѣзыва- держи.
ли на куски; клали на тарелки, по верху хлѣба и сыра, подарка со стороны невѣсты, — ширинки (платки), ко-
торые бывали бѣлые тафтяные, шитые вокругъ золо-
томъ и серебромъ, и съ таковыми же кистями, и ихъ
разносили по росписанію: прежде духовнику, родите-
лямъ невѣсты, тысяцкому, а потомъ Царю, потѣша-
нымъ, сидичемъ боярамъ, боярынямъ, дружкамъ, сна-
хамъ, конюшему и сверенному съ окружающими его.
Дружка невѣсты разносила такіе же подарки: поса-
женнымъ родителямъ, Царевнамъ и прочимъ назначен-
нымъ по росписи; патриарху послали бѣлое полотно.
По окруживаніи покрыва молодыхъ прежнимъ покрыва-
ломъ, и тогда сняли вѣнокъ съ головы невѣсты и
отдали на сохраненіе. Духовникъ при третьемъ ку-
шаньи читалъ послѣ-обѣденую молитву.

Дружки обратились тогда къ посаженнымъ родите- Вѣнча-
лямъ, и просили ихъ благословенія на поѣздъ къ вѣн- нію.

ну. — Молодыхъ благословили окладными въ золото образами, покрытыми жемчугомъ и драгоценными каменьями. Отецъ и мать невѣсты, взявъ ее за руку, отдали Царю и простились съ нею. Духовникъ благословилъ всѣхъ крестомъ, и всѣ отправились въ церкскую домовую церковь. Молодой велъ свою невѣсту за правую руку, и во время шествія звонили въ колокола, по всѣмъ церквамъ; яредъ дверями церкви духовникъ благословилъ молодыхъ крестомъ, и всѣхъ съ нимъ. Молодые стали по срединѣ церкви, противъ алтаря, на золотной обьярѣ. Царь держалъ подъ руку дружка, а Царевну сваха. При совершеніи вѣнчанія снлаи покрывало съ Царевны; протоіерей возложилъ брачныя вѣнцы, и самъ снималъ ихъ, когда подносилъ имъ пить красное французское вино. Потомъ на Царя была возложена корона, вѣсто вѣнца.

Настав-
леніе
протоіе-
рей и
возвраще-
ніе
и о л о.
днхъ въ
палату.

По окончаніи обряда протоіерей поучалъ ихъ жить въ миролюбіи: не сердиться другъ на друга, и подтвердилъ жемъ быть въ повиновеніи у мужа, который, въ случаѣ ея вины, можетъ поучити ея слегка жезломъ; чтобы они жили въ чистотѣ и богобоязни, постылись бы въ понедѣльникъ, среду и пятницу; соблюдали бы праздники и въ эти дни *грѣха не сотворили бы*; постигали церковь, давали подаяніе, совѣтовались бы съ отцомъ духовнымъ, *той бо на вся блазая научитъ*. — Послѣ поученія онъ взялъ Царицу за руку, передалъ ее Государю, и требовалъ, чтобы они поцѣловались; потомъ покрыли Царицу, и всѣ поздравили молодыхъ съ вѣнчаніемъ. Во время вѣнчанія посаженные родители, сидячіе бояры и боярыни, ожидали молодыхъ въ прежней дворцовой палатѣ, а протоіерей, когда онъ совершилъ вѣнчаніе, разоблачился и вышелъ изъ церкви,

со всѣми присутствовавшими, чтобы встрѣтить молодыхъ у дверей палаты, и тутъ благославлялъ ихъ крестомъ. При шествіи новобрачныхъ звонили въ колокола повсюду, а тысяцкій послалъ дружину къ посаженнымъ родителямъ, сидячимъ боярамъ и боярынямъ, сказать, что Царь и Царица вѣitchались въ добромъ здоровьи и идутъ къ нимъ. Они отвѣчали, что ихъ ожидаютъ. Посаженные родители благословили ихъ образами и по-здравили съ вѣitchаніемъ; за ними бояры и боярыни.

Новобрачные сѣли за свой столъ, а всѣ прочіе за свои столы, и потому разносили кушанье и напитки; всѣ шли и ѣли до принесенія жаренаго лебедя. Въ то время дружина испрашивала благословенія у родителей и тысяцкого, чтобы вести новобрачныхъ <sup>Угоме-
ніе, у-
водъ по-
вобрач-
ныхъ въ
спальню
и коню-
шій.</sup> спать, на что они отвѣчали: *благослови Боже*. Ихъ провожали до спальни: отецъ, мать, не многіе бояры и боярыни, и потомъ всѣ они возвратились къ своему столу, за конемъ ожидали вѣщестія отъ Царя о его добромъ здоровьи. Во всю ночь до разсвѣта ѣздили конюшій верхомъ, около спальни, съ обнаженными мечемъ.

Спусти часъ послѣ увода молодыхъ въ почиваль- <sup>Спраши-
ваніе о
добромъ
здоровьи.</sup> ную, родители и тысяцкій послали дружину къ новобрачнымъ спросить о ихъ здоровьи. И когда Царь объявилъ, что все въ добромъ здоровьи, тогда явились къ нему родители и весь свадебный чинъ.

Поздравившіе молодыхъ съ добрымъ здоровьемъ, получили отъ нихъ въ подарокъ кубки и ковши; потомъ новобрачнымъ дали поѣсть самого легкаго кушанья, ибо они постились во весь тотъ день. Послѣ кушанья Царь отпустилъ домой всѣхъ свадебныхъ, и приказывалъ имъ съѣзжаться на другой день къ обѣду, на-

закононому князю *иляжю* *стола*, а снѣгъ легъ снѣтъ отъ Царицею.

Хомле-
нѣ въба-
ню и по-
даривъ.

Поутру готовили для нихъ баню, въ коей бани-
гельмъ Царь, дружка и постельничій; послѣ мылись
надѣли на него бѣлую рубашку и новое платье, а
прежнюю рубашку отдали на сохраненіе постельни-
чаго; послѣ онъ слушалъ заутреню, пока Царица на-
ходила въ мыльнѣ. Съ молодой были мать, свекра и
близкія знакомыя и ее одѣли по выходѣ изъ мыльни.
Когда она была одѣта, тогда дали знать о томъ
Царю, который со всѣмъ своимъ пѣздомъ отпра-
вился къ ней. Она была уже во всѣхъ царскомъ одѣ-
ніи и съ царскимъ вѣнцемъ на головѣ. Молодыхъ по-
дравили, а Царица обдаивала мыльными подарками,
начиная отъ Царя до послѣдняго гостя свадебнаго. Она
дарила рубашками и spodнимъ платьемъ, которая были
шелотняныя и тафтяныя, шитыя золотомъ и серебромъ.
Потомъ Царь отправился на благословеніе къ патриарку;
отъ него въ разныя церкви, гдѣ слушалъ молебствіе.

Князю
и княги-
нѣ
отолъ
съ шу-
зыкой.

По наступленіи времени *иляжю* *стола*, Царь и Ца-
рица обѣдали въ прежней палатѣ за своимъ столомъ
на *мастатъхъ* (на тронѣ); а прочіе гости за своимъ сто-
лами. Послѣ обѣда подавали сахаръ, ягоды и разныя
овощи, которые раздавали гостямъ, и послѣдніе прини-
мали ихъ стоя. Посаженыя родители Царицы, судячіе
бояры и боярыни и тысящій, благословили ихъ
окладными образами, а потомъ дарили бархатомъ,
атласомъ, камками, золотыми и серебряными обьяра-
ми, соболыми и серебряными кубками; пили за ихъ
здоровье и потомъ разъѣхались. На третій день былъ
дашъ отъ Царицы обѣдъ, называемый *иляжнѣ*, съ
таковымъ же обрядомъ какъ *иляжю*.

На царскомъ дворѣ и въ передней играли во vro-

ни обѣда въ трубы и сурени, и били въ литавры; а на дворѣ жгли дрова во всю ночь, по разнымъ мѣстамъ, вмѣсто освѣщенія.

Въ четвертый день обѣдали у Государя: патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и келары; послѣ обѣда все духовенство благословляло молодыхъ образами, и дарило. Царь и Царица подносили имъ кубки и ковши съ напиткомъ, а духовные, выпивъ за ихъ здоровье, разѣзались. Потомъ новобрачные посылали имъ на домъ подарки, состоявшіе изъ денегъ, полотна, кушанья и напитковъ.—Іереевъ, дьяконовъ и весь причетъ церковный угощали на царскомъ дворѣ, нѣсколько дней сряду; нѣмъ посылали, даже на домъ, кушанье и напитки; дарили деньгами по десяти и пяти рублей, и не меньше полтины, чтобы они молились за ихъ здоровье; разсылали стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ по церквамъ и монастырямъ всей Россіи съ денежными подарками, полотномъ и платками, которые раздавались духовенству, чтобы оно молебствовалъ о царскомъ здоровьи. Привезшихъ подарки, духовные благословляли образами и дарили, чѣмъ могли.—Въ слѣдующіе дни давались обѣды для стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ, гостей сотенныхъ, старостъ, городовыхъ, выборныхъ и посадскихъ. Они подносили молодымъ подарки, которые принималъ одинъ Царь.

Послѣ свадьбы Царь съ Царицею посѣщалъ монастыри, гдѣ совершались молебны; тамъ они кормили монаховъ и раздавали каждому изъ нихъ подарки денежные, отъ 20 до 2 р., по два платка и полотенцу. Монашествующіе же благословляли ихъ окладными образами и хлѣбомъ. Потомъ молодые ходили по богадѣльнямъ и тюрьмамъ, раздавали милостыню, надѣляли нищихъ

Обѣда
для ду-
ховныхъ
свя-
скихъ
людей
и обла-
рованію
ихъ.

Мило-
стивы и
вышше-
ніе пре-
студни-
вость.

и убогихъ, давая каждому не менѣе полтины. — Изъ всѣхъ городовъ Россіи выпускали изъ тюрьмы преступниковъ, исключая убійцевъ. (*)

(*) Коших: о Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, гл. 1. С. 4-12; Новик. Древ. визл. Ч. XIII. — Ст. 174-233.

Царь Алексѣй Михайловичъ женился на дочери Иліа Даниловича Милославскаго. Этотъ болринъ до того возторжился въ послѣдствіи, что сдѣлался несноснымъ самому Царю, который нередко собственноручно смиралъ его надмѣнность. Нѣмецкій посланникъ бар. Маербергъ, бывшій въ Москвѣ 1661 и 1662. г., говоритъ, что Царь и Царица называли своего отца, просто *Иліа*, но никогда *батюшкой*. Маербергъ, *Voyage en Mosc.* С. 297-299, ed. Leid. 1688, г.

III. СВАДЬБА НАРЕКИМ АЛИИ ПЕТРОВНЫ, СОВЕРШЕННАЯ ВЪ 1725 г.
МАЯ 21.

Съ наступленіемъ XVIII столѣтія русскія свадьбы <sup>Наступе-
ніе ста-
ринныхъ
обра-
довъ.</sup> стали мѣняться въ высшемъ сословіи и дворянствѣ. Инозенные обычаи, которые во многомъ не соответствовали тогдашнему времени, быстро потрясли въ самомъ основаніи древніе обряды. Свадьбы старинныя часто осмѣивались уже съ намѣреніемъ: тогда думали, что со введеніемъ новизны, распространятся науки, поселится вкусъ и образованность, которая водворилась въ Европѣ съ умной медленностію, въ теченіи многихъ вѣковъ. Преобразования нельзя вводить насильно: оно растетъ по ширѣ счастливыхъ успѣховъ гражданственности. Благоразумное споспѣшествованіе и поощреніе, суть необходимыя условія для усиленія народнаго образованія, а не повѣщенное во всемъ извѣщеніе и подряжаніе. Отъ таковыхъ дѣйствій народъ дѣлается подражательнымъ и теряетъ свою самобытность. Время и потребность вѣка, вотъ истинные путеводители благоразумныхъ развитій, и при этомъ всегда надобно дорожить отечественнымъ. Прадѣдовскіе обряды и преданія старинны,

не умирають въ народѣ: она живутъ въ немъ и оживляютъ его душу плѣнительнымъ воспоминаніемъ.

Я сказалъ, что въ началѣ XVIII вѣка свадьбы нѣмѣлись, и это видимъ въ совершеніи свадьбы Царевны Анны, дочери Петра В., которая праздновалась Императрицей Екатериною I. Съ этого уже вѣка дочери нашихъ Государей начали вступать въ брачныя союзы съ иностранными владѣтелями. Вѣчное осужденіе Царевенъ, оставаться въ дѣвушкахъ и постригаться въ монахини, тогда же кончилось.—Простой народъ, крѣпко любящій отеческія нравы и обычаи, сохранилъ ихъ, если не во всей силѣ, то по крайней мѣрѣ дорожить ими.

Свадебное устройство въ XVIII вѣкѣ.

Царевна Анна при жизни своего отца, Петра Великаго, была обручена имъ за Шлезвигъ-голштейнъ-готторпскаго герцога Карла, а свадьба совершилась послѣ уже смерти Императора. Въ мѣстѣ дворца, находящемся воннѣ въ мѣстѣ садѣ, былъ построенъ великолѣпный залъ, длиною 20 а шириною 7 сажень, и въ немъ были поставлены два балдахина. Слѣдѣвшій кн. Мениковъ занимался симъ устройствомъ. Залъ украсили богатыми обоями; балдахинъ невесты былъ украшенъ гербомъ и короною российской имперіи, а балдахинъ жениха, поставленный насупротивъ невестинаго, былъ украшенъ герцогскимъ гербомъ. Вмѣсто тѣсакъ былъ уже маршалъ: женихъ былъ кн. Мениковъ и генералъ-прокуроръ Ягупинскій, а вмѣсто дружокъ было 24 шажера. Посажеными отцами были: генералъ-адмиралъ гр. Апраксинъ и государственный канцлеръ гр. Головкинъ; посаженными матерями: Цесаревна и герцогиня мекленбургская Екатерина; дочь Іоанна I, и слѣдѣвшая кн. Меникова. Мѣста братьевъ занимали: генералъ фельдцейхмейстеръ гр. Брюсъ и подполковникъ гвардіи Вутурлинъ. Мѣста сестеръ: канцлерша гр. Головкина и Вутурлина.

Въ близкихъ дѣлцахъ, замѣчательнѣе дружескѣ, были: Цесаревна Елисавета, Великая Княжна Наталья, а крайнимъ былъ кн. гессенъ-гобургскій.

Мая 18 разѣзжали по городу особые офицеры съ <sup>Новомо-
нскіе о
свадьбѣ
и совер-
шеніи
брака о-
сочета-
ніи.</sup> трубачами и литавришками, возвѣщая жителей о предстоящемъ бракосочетаніи; мая 21, въ пятницу, въ день самой свадьбы собирались въ новосостроенную залу, въ седьмомъ часу утра, приглашенные маршалы, шаферы, сенаторы, генералитетъ, знатные чиновники и чужестранные министры, а дамы собирались въ одиннадцатомъ часу. Въ полдень отправлялись маршалы, въ сопровожденіи особыхъ чиновниковъ, въ свои каретахъ во дворецъ жениха; впереди ихъ ѣхали трубачи и литавришки, въ богатыхъ одеждахъ. Пробывъ полчаса во дворцѣ, они отправлялись въ лѣтній дворецъ Императрицы, въ прежнемъ порядкѣ; за ними уже ѣхали: прапорщикъ, два геть — фурьера и нѣсколько гренадеровъ; потомъ шелъ штатъ герцога, за нимъ ѣхалъ верхомъ двора его оберъ-камергеръ и гофмаршалъ, послѣ ѣхалъ въ каретѣ самъ женихъ; по сторонамъ его кареты шли его кавалеры; за ними ѣхали его министры, въ особыхъ каретахъ; между каретами шли лакеи, а возлѣ каретъ пажы. Въ первомъ часу по полудни всѣ прибыли въ лѣтній дворецъ; тутъ встрѣтили жениха посаженные родители и братья. Его отвели въ комнаты Императрицы. Отсюда герцогъ отправился съ Цесаревной въ Троицкой соборъ, (*) въ уборной нефтной баржѣ, (крытой линейкѣ), въ коей сидѣли: Цесаревна Елисавета, герцогиня Екатерина и Великая

(*) Она донынѣ на прежнемъ мѣстѣ, на петербургской сторонѣ. Она уже вѣтхій деревянный, и окруженъ плаучими берегами. Сколько государственныхъ событій совершилось въ этомъ храмѣ!

Княжна Наталія. Въ прочихъ баржахъ ѣхали: маршалы, родители посаженные, братья и дамы въ пылномъ богатомъ платьи. — Невѣста была въ Императорской коронѣ, украшенной брилліантами и дорогими камнями, и въ шорфиръ изъ пурпуроваго бархата, подбитой горнесталини. По приближеніи къ церквѣ, зазвонили въ колокола. Государыня вскорѣ поѣхала за ними въ печальной баржѣ, одѣтая въ траурное платье; впереди ея несли штандартъ. Цесковскій архіепископъ Теофанъ, окруженный епископами: тверскимъ и бѣлогородскимъ, архимандритами и многочисленнымъ духовенствомъ, совершилъ вѣнчаніе. По окончаніи брачнаго обряда, Императрица надѣла на новобрачную орденъ Св. Екатерины, съ краснымъ бантомъ, и поздравила новобрачныхъ, которые послѣ принимали поздравленіе отъ всего двора. Потомъ всѣ отправились, въ 4 часу по полудни, въ лѣтній дворецъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ: изъ Петропавловской крѣпости, адмиралтейской пристани и яхты.

Молодые прибыли въ большую залу и сѣли кушать подъ устроенными балдахинами. Подъ первымъ балдахинномъ сидѣла невѣста съ Великими Князьями: Елисаветой, Екатериной, Наталіей, княгиней Меншиковой, графиней Головкиной и Бутурлиной. Подъ вторымъ, устроеннымъ противу невѣсты, сидѣлъ женихъ съ гр. Апраксинымъ, гр. Головкинымъ и Бутурлинымъ. За прочими столами сидѣло до 400 званныхъ гостей, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ. Въ продолженіи обѣда стрѣляли изъ яхты и играли на трубахъ, съ литавринымъ боемъ. Въ 7 часу Императрица вышла на лугъ, (нынѣ царскій лугъ), къ стоявшей въ строю гвардіи. Тогда открыли два фонтана, которые заструились краснымъ и бѣлымъ виномъ. Императрица остановилась посреди луга; гвардія привѣтствовала ее бѣлымъ огнемъ изъ

ружей. Послѣ стрѣльбы пили солдатъ виномъ, струившимся изъ фонтановъ; угощали кушаньями, жареными быками и баранами, нарочно здѣсь разставленными на столахъ.

Въ 9 часу Императрица отпустила молодыхъ, которые поѣхали въ свой дворецъ въ Императорской каретѣ, въ прежнемъ порядкѣ. Потомъ разъѣхались всѣ гости. — На другой день въ субботу, новобрачные прибыли въ 4 часу по полудни въ лѣтній дворецъ, и обѣдали у Императрицы. Молодые сидѣли уже вмѣстѣ за однимъ столомъ. Ихъ встрѣчали маршалы. За обѣдомъ присутствовали придворныя особы; въ продолженіи обѣденнаго стола стрѣляли изъ пушекъ. Послѣ обѣда всѣ гуляли въ саду. На третій день былъ обѣдъ у герцога. Императрица сидѣла за особымъ столомъ, окруженная молодыми, Великими князьями, В. К. Петромъ и герцогиней мекленбургской; за прочими отдѣльными столами, сидѣли знатные сановники, иностранные министры и придворныя дамы. Во время обѣда не было музыки; играли только на трубахъ и стрѣляли изъ пушекъ. Герцогскимъ обѣдомъ заключилось трехдневное торжество. (*)

(*) Новик. Древ. авл. ч. XIII. с. 235-247. Въ первой день свадьбы многіе получили первостепенные орденскіе знаки и повышены чинами. — Родившійся отъ брака Цесаревны Анны, Карлъ Фридрихъ Урликъ, въ 1728 г. февр. 10; а поимымаъ 3, вызванъ былъ въ послѣдствіи, родной его теткою Императрицею Елисаветой, въ Россію, и объявленъ Императоромъ, подъ именемъ Петра III. — Онъ померъ въ 1762 г. іюл. 6., въ Ропшѣ.
Часть VIII. 6

IV. СВАДЬБА БЛАГОРОДНЫХЪ И ПРОСТОЛЮДИНОВЪ, ПО ИЗВѢСТІЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКА НАШЕГО КОШИХИНА, ЖИВШАГО ВЪ ХІІІ ВѢКѢ.

Старинныя свадьбы совершались единообразно во
всѣхъ сословіяхъ и отличались только богатствомъ, ибо
вездѣ были одноименные свадебные чины и у княжес-
кихъ и простыхъ родовъ: тогда господствовала простота,
и нарушить свадебный порядокъ, считалось великимъ
грѣхомъ. Небольшое отступленіе отъ невыполненія нѣ-
которыхъ обыкновений, было уже предметомъ осуж-
денія и нареканія. Вотъ почему всѣ наши древніе
свадьбы, до начала ХVІІІ в., были общія, народныя.

До насъ дошли извѣстія о дворянскихъ и про-
столюдинскихъ свадьбахъ, соотечественника нашего
Кошихина, однако не ранѣе ХVІІ в. Изъ его описаній
видно, что онѣ совершались единообразно, быть мо-
жетъ, какъ было еще до него за триста лѣтъ или
болѣе.

Свято-
слав.

Бояринъ или дворянинъ, намѣревавшійся вступить въ
бракъ, провѣдывалъ сначала невѣсту, и если она ему
нравилась, по одному даже слуху, то онъ посылалъ
къ ея родителямъ кого либо изъ своихъ друзей, изъ

жуиницъ или жениницъ, — сватать за него, и потомъ пораспросить: есть ли какое за нею приданое? и, въ чемъ оно состоитъ: въ плати ли, деньгахъ, вотчинахъ или дворовыхъ людяхъ? Если предложеніе или сватовство не отвергалось, то отецъ отвѣчалъ, что онъ радъ выдать свою дочь за мужъ, только подумаетъ о томъ съ своею женою, родственниками, и, подумавъ, давалъ рѣшительный отвѣтъ. Когда же онъ не соглашался на выдачу своей дочери, тогда прекращалось сватовство.

По сообщеніи между собою родственниковъ и родителей, о выдачѣ дочери за мужъ, составлялась роспись приданому, заключавшемуся въ деньгахъ, серебряной посудѣ, плати, вотчинахъ и дворовыхъ людяхъ; и посылалась эта опись къ жениху чрезъ доверенныхъ отъ него. — Невѣсты ничего не говорили объ этомъ, до самаго замужества. Когда жениху правилась невѣста по приданому, то онъ просилъ дозволенія видѣть ее; но родители всегда отвѣчали, что они охотно ее покажутъ, только не ему, а ближнимъ его родственникамъ: отцу, матерѣ, сестрѣ или сродственницѣ, и отправлявшаяся смотрѣть невѣсту, называлась смотрѣльщицею.

Невѣсту наряжали въ лучшее платье, и сажали за столъ; гостей собирали изъ сродственниковъ. Смотрѣльщицу принимали съ почестію и сажали подлѣ невѣсты, которую она занимала различными разговорами, чтобы испытать ея умъ; всматривалась въ лице и глаза, чтобы пересказать потомъ жениху все, что замѣтила. Когда дѣвушка была хромая, косноязычная, лицомъ дурная, на глазъ не добрая или не правилась смотрѣльщицѣ, почему либо; тогда она доносила обо всемъ жениху и отсвѣтывала ему жеваться. Невѣста добрая, красивая и умная, приходилась всегда по сердцу: тогда женихъ объявлялъ, что онъ

Приданое.

Смотрѣльщица.

полюбилъ ее и посылалъ прежнихъ довѣренныхъ къ ее родителямъ, для совершенія сговора и записи.

Зависъ

Отецъ и мать невѣсты приглашали тогда жениха къ себѣ, съ немногими его довѣренными. Онъ наряжался въ самую лучшую одежду, и отправлялся къ нимъ съ отцемъ и родственниками. Ихъ принимали у дверей съ почестию; вводили въ хоромы и сажали по чину. Посидѣвъ не много, отецъ или сродственникъ жениха объявлялъ, что они пріѣхали сюда для добраго дѣла. Отецъ невѣсты отвѣчалъ, что онъ весьма радъ ихъ пріѣзду, и готовъ приступить къ сговору. — Тогда условливались съ обѣихъ сторонъ о приданомъ и времени свадьбы; дѣлали запись, въ коей ния невѣсты стояло въ третьихъ; въ случаѣ неустойки кого либо противу условій, взыскивали за радъ на виновномъ 1000, 5,000 и 10,000 р., сколько между ними было соглашено. Въ продолженіи сговора угощали кушаньемъ и напитками; но ни женихъ, ни невѣста, не видали другъ друга. Въ то же время мать невѣсты, замужняя сестра или жена сродственная, дарила жениха ширинкою, отъ имени невѣсты.

Когда женихъ послѣ сговора отказывался отъ невѣсты, или невѣста отъ жениха, узнавъ другъ про друга что либо дурное; тогда родители били челомъ патріарху на виновнаго, за нанесенное имъ безчестіе, и просили удовлетворенія. Патріархъ приказывалъ изслѣдовать, и съ виновнаго взыскивалось, сколько было положено по записи за неустойку, въ пользу праваго жениха или оправданой невѣсты, и каждому изъ нихъ не запрещалось потомъ вступать въ бракъ.

Свадебный обрядъ.

Женихъ приглашалъ на свадьбу родственниковъ и знакомыхъ, изъ коихъ составлялись поѣзжаные, точно такіе же, какіе при царской свадьбѣ. Тоже самое было со стороны невѣсты. Въ день радости готовили столъ

въ домѣ молодыхъ. Женихъ отправлялся за невѣстою потому порядку, какъ происходило въ царской свадьбѣ; напередъ носли короваи на носилкахъ, послѣ ѣхали поѣзжанные верхомъ, если это было лѣтомъ, а зимою въ саняхъ; священникъ держалъ въ рукахъ крестъ, потомъ ѣхали бояры, тысяцкій и женихъ. По приѣздѣ на дворъ невѣсты, всѣ входили въ хоромы по чину; отецъ невѣсты и гости встрѣчали ихъ почетомъ. Предъ поѣздомъ къ вѣнчанію, дружка испрашивалъ у родителей невѣсты благословленія для новобрачныхъ. Ихъ благославляли образами, говоря: *благослови Боже*, и взявъ за руку дочь, вручали ее молодому. Весь свадебный чинъ, попъ и молодой, который шелъ съ своею невѣстою подъ руку, выходили изъ хоромъ, въ сопровожденіи родителей. Молодой сажалъ невѣсту въ колымагу или каптапъ, съ нею садились двѣ свахи со стороны новобрачныхъ, а женихъ ѣхалъ верхомъ или въ саняхъ, съ своимъ поѣздомъ. Отецъ невѣсты и гости возвращались въ свои покои, гдѣ пили и веселились, до полученія вѣсти о благополучномъ совершеніи вѣнчанія; таковая же вѣсть посылалась къ отцу новобрачнаго. Послѣ вѣнчанія весь поѣздъ отправлялся въ домъ молодого. По прибытіи на дворъ, родители, родственники и гости встрѣчали новобрачныхъ; жениха и невѣсту благославляли образами, подносили хлѣбъ—соль и сажали ихъ за столъ. Потомъ угощали ихъ и всѣхъ гостей, и тогда только открывали лице молодой. За третьимъ кушаньемъ дружка испрашивалъ благословенія у посаженныхъ родителей, чтобы вѣсть новобрачныхъ въ почивальную. Тутъ дружки снимали платье съ жениха, а свахи съ невѣсты. Уложили ихъ спать, они возвращались къ пирующимъ гостямъ, а посаженные родители и тысяцкій, спустя часъ, посылали дружку къ жениху, чтобы спросить его о доб-

ромъ здоровъ. Когда молодой отвѣчалъ, что все въ добромъ здоровьи, тогда боярыни отправлялись въ почивальную, поздравляли молодыхъ и пили задравные кубки, а тысяцкій посылалъ дружку съ родителями невѣсты, сказать, что новобрачные въ добромъ здоровьи. Они, за доставленіе радостной вѣсти, подчивали его и дарили ширинкою, и потомъ всѣ гости разѣзжались. Молодыхъ же оставляли поживать. Конюшій ѣздилъ до разсвѣта верхомъ около спальни, съ обнаженными мечемъ.

Ходя-
шіе мо-
лодые
въ баню
и обда-
риваніе
ихъ.

Потру новобрачные ходили въ баню, сначала одинъ молодой а потомъ молодая: молодой мылся съ дружкой а молодая съ свахою и близкими ея знакомыми. Послѣ мыльни надѣвали на молодыхъ новое бѣлье и платье. Новобрачная обдаривала поѣзжаныхъ мыльными подарками: рубашками и споднею одеждою. Потомъ молодой съ дружкой, ѣздилъ просить гостей на обѣдъ. Родителей же своей жены онъ благодарилъ за то, что они вскормили; вспоил и выдали за него въ добромъ здоровьи свою дочь. Если же она оказывалась лишненною добродѣтели, то онъ укорялъ ихъ въ тихомолку. По съѣздѣ гостей новобрачная подносила поѣзжаннымъ подарки. До обѣда ѣздилъ новобрачный, со всѣмъ поѣздомъ, бить челомъ Царю, Всѣ они кланялись Государю въ землю, который сидѣлъ, не снимая шапки, и спрашивалъ про его здоровье и его жены. Царь поздравлялъ его съ супружествомъ; послѣ молодой кланялся въ землю; Царь благословлялъ его, а молодую заочно, окладными образами: назначалъ ему жалованья по сорока соболей, дарилъ бархатомъ, атласомъ, золотною обьярью, камкою, тафтою, серебряною посудою; подносилъ тысяцкому, молодому и всему поѣзду по кубку романен (греческое вино) и

ковшу зиницаго меда; потому они отъезжали въ объѣду.

Молодая посылала отъ себя подарки Царицѣ и Царевнамъ, какъ то: убрusy (полотенца) тафтяные, шитые золотомъ, серебромъ и жемчугомъ. Онѣ принимали и посылали отъ себя спрашивать о ея здоровьи.

Молодой не ѣзжилъ съ поклономъ къ Царю, когда его молодая не сохраняла дѣвственности: потому что Государю доносили обо всемъ, до его пріѣзда, и ему воспрещалось являться предъ царскія очи.

За объѣдомъ пили и ѣли вдоволь; послѣ объѣда родители и гости благословляли новобрачныхъ образами и дарили, кто чѣмъ могъ, и наконецъ разѣзжались по домамъ. На третій день новобрачные и гости съѣзжались на объѣдъ къ родителямъ молодой, гдѣ послѣ объѣда снова благословляли образами и обдабривали пѣхъ. Этимъ оканчивали веселіе, къ коему не приглашали дѣвицъ, и на немъ не бывало музыки. Играли только на трубахъ и били въ литавры. Такой точно совершался обычай при сочетаніи вдовыхъ.

Священникъ вѣнчалъ съ разрѣшенія патріарха или другой духовной власти, и иначе, какъ получивъ письменное свидѣтельство за печатью. Ему поставалось въ обязанность изслѣдовать въ точности, чтобы женихъ и невѣста не были между собою въ кумовствѣ, сватовствѣ, крестномъ братствѣ, свойствѣ по шестому и седьмому колѣну, и чтобы мужъ и жена не были четвертаго брака. Если онъ все это не узналъ и вѣнчалъ, то лишали его священническаго сана; если же онъ сдѣлалъ съ намѣреніемъ, то не только лишали его званія, но налагали на него большую пеню и сажали на годъ на покаяніе. Новобрачныхъ разводили и имъ, кромѣ грѣха, ничего не виѣняли и даже дозво-

Правильно
ко всту-
пленію
въ бракъ.

дѣлось имъ вступать въ новый бракъ, исключая, если они были уже трехбрачные.

Вѣнча-
ніе вто-
робрат-
ныхъ и
трехбра-
чныхъ.

При вѣнчаніи второбрачнаго вдовца съ дѣвицею, клали ему вѣнецъ на правое плечо; трехбрачному вдовцу на лѣвое плечо, — дѣвицѣ же на голову. Томе самое совершали со вдовою, выходившею въ другой и третій разъ за мужъ. Свадьбу же праздновали по обыкновенію. Вступившіе въ бракъ, вдовецъ со вдовою, не вѣнчались, но читали надъ ними молитву и свадебный обрядъ отмѣнялся.

Однобра-
чныя въ
совер-
шеніи
свадьбы.

Сговоры и свадьбы совершались одинаковымъ образомъ: у стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ, только что они не ѣздили къ Царю бить челомъ; ибо этою милостію пользовались думные люди, спальники, ихъ дѣти и знатные роды. — Между купеческимъ сословіемъ, свободными людьми и крестьянами, тотъ же совершался свадебный обрядъ; отличались же онѣ одеждою и угощеніемъ.

Обманъ
при вы-
дачѣ не-
весты и
наказа-
ніе.

Случалось, что родители во время сватовства показывали смотрѣльницѣ дочь красавицу, а выдавали за мужъ увѣчную, безобразную и не ту, которую показывали. Женившійся на такой, не могъ вдругъ ее разсмотрѣть, потому что при совершеніи свадьбы она закрывалась. Хромую же водили свахи подъ руки. Мужъ жаловался тогда патріарху или другой духовной власти; назначалось слѣдствіе, и если оказывалось, что дочь выдана обманомъ и противу записи, то ихъ разводили и съ виновнаго взыскивали пеню. Иногда отца невесты наказывали кнутомъ. Если женихъ просилъ на невесту, что она увѣчная или безобразная, и таковою онъ ее видѣлъ при сватовствѣ, то ему повелѣвалось жить съ нею, чтобы онъ зналъ, на комъ женился. Иногда вмѣсто настоящей невесты наряжали горнишнюю дѣвушку или красивую вдову, и вы-

водили къ смотрѣльщицѣ. Малорослыхъ и коротконогихъ ставили на подставки такъ искусно, что ничего не было замѣтно. Обманъ открывался только на другой день послѣ веселія. Въ такихъ случаяхъ мужъ совѣтовалъ своей женѣ постричься въ монахини; если она не соглашалась, то онъ билъ ее, мучилъ и не спалъ съ нею, пока она не пострижется. Родственники мучимой жены, когда она не хотѣла идти въ монастырь, жаловались на мужа патріарху или другой духовной власти. Тогда наряжался поварный обыскъ, и если оказывалась жалоба справедливою; то мужа ссылали въ монастырь на годъ и полгода, и потомъ приказывалось ему жить въ любви съ женою. Когда же онъ не жилъ въ согласіи, тогда ихъ разводили; имѣніе дѣлили между ними по поламъ, и до семи лѣтъ воспрещалось обоимъ вступать въ новый бракъ. Бывало, что мужъ, когда его женили на увѣчной или безобразной, самъ постригался съ горя въ монахи, а иные мужья и жены опаивали другъ друга отравками. — Старыхъ и уродливыхъ дѣвицъ сами родители отдавали въ монастырь.

Женихъ, который самъ смотрѣлъ невѣсту, потомъ говорилъ объ ней дурно, безчестилъ и отбивалъ отъ нея другихъ жениховъ, обязывался по духовному приговору жениться на ней. Если же онъ до приговора успѣлъ жениться на другой, то платилъ за безвѣстіе первой невѣстѣ. Имѣніе помершей отъ родовъ, но оставившей послѣ себя дѣтей, доставалось ей дѣтямъ; умершей же безъ дѣтей, отбиралось имѣніе отъ мужа и отдавалось назадъ, кому принадлежало. (*)

(*) Коших.: о Рос. въ царствов. Алексѣя Михайловича гл. XIII. с. 119—126; Beschrg. der Reis in die Moskow, so Gr.

Warbotſch geſhan ч. 1., помѣщ. въ собр. Вим. с 195 и 196. Варбачъ, описавшій свое путешествіе въ концѣ XVI в., также говоритъ, что женихъ выдалъ свою невесту только на другой день послѣ свадьбы, Mottley: The hist. of the life of Peter the great ч. 1. с. 128 и 129. Онъ говоритъ, что для развода надобно сильныя доказательства; но если вступались разводомъ, то мужъ могъ идти въ монахи: Struys: Voyag. en Moscov., Tartar. Persae и пр. с. 127-132, ed. 1681 г.; Korb. diar. itin. in Moscov., ed. Vien. in f. с. 209-212. Отецъ, вручая жену дочь свою, билъ ее слегка плетью и говорилъ: «любезнѣйшая дочь моя! я бью тебя въ послѣдній разъ, ибо власть моя надъ тобою кончилась; теперь ты должна повиноваться своему мужу: онъ заступилъ мое мѣсто, а этою плетью онъ будетъ наставлять тебя, если забудешь свой долгъ.» — Тогда онъ передавалъ плеть ея мужу, который говорилъ въ оправданіе своей невесты: я не думаю, чтобъ была надобность въ плети.

У. СВАДЬБА НАЧАЛА XVIII ВѢКА, ПО ИЗВѢСТІЮ ПЕТРЕЯ.

Объ обрядныхъ дѣйствіяхъ свадьбъ сохранились еще сказанія двухъ иностранцевъ—самовидцевъ: Петрея и Олеарія. Первый былъ въ началѣ XVIII в., а второй въ половинѣ того же вѣка.

Молодой человѣкъ, желавшій жениться, объявлялъ Сватов-
ство. о томъ своему отцу. Это соблюдалось весьма строго, не только между простолюдинами, но вельможами и всякаго сословія людьми. Ни женихъ, ни невѣста не могли сами дѣлать предложенія, — это было дѣло отца. Родитель невѣсты, освѣдомленный о сватовствѣ, совѣтовался съ своими пріятелями и отправлялся съ сватомъ къ родителямъ жениха, гдѣ узнавалъ о его богатствѣ, родѣ, умѣ и достоинствахъ, и разсматривалъ его внимательно, говорилъ ему, если онъ нравится ему: мой милый! твои родители, мои добрые друзья, а ты мнѣ по сердцу: честенъ, добръ, любезенъ и можешь быть любимымъ всѣми, потому я хочу отдать за тебя свою дочь, если она понравится тебѣ. Я на-

гражу ее приданымъ и всякого рода украшеніями: сергами, платьемъ, серебромъ, золотомъ, скотомъ, лошадьми, прислугою и домашними вещами. — По согласіи съ обѣихъ сторонъ, свать отвѣчалъ за жениха: тебѣ угодно выдать за меня дочь, а меня имѣть своимъ сыномъ, — я подумаю прежде. Объ остальномъ распроси моихъ родителей и друзей, и что ими будетъ сдѣлано и утверждено, тѣмъ я буду доволенъ. Если сватовство съ обѣихъ сторонъ не встрѣтило препятствій, и самое приданое обоюдно утверждено, то назначали день свадьбы.

Смотри
невѣсты
и жени-
ха.

Отецъ и друзья жениха просили тогда показать не-
вѣсту, но ея отецъ отвѣчалъ: этого нельзя; о ней
освѣдомиться можно отъ постороннихъ. Вы знаете,
кто она такова, и этимъ можете быть довольны; объ
остальномъ узнаете по совершеніи свадьбы. — Тогда
отецъ и свать говорили ему: если нельзя видѣть
жениху, то позволь намъ, чтобы удостовѣриться въ ея
недостаткахъ и свойствахъ. — Отецъ, мать и двѣ ближ-
ныя родственницы отправлялись къ невѣстѣ. Если
она зажиточная и богатая, въ домѣ много покоевъ и
свѣтлицъ; то она сидѣла въ своей свѣтлицѣ, убран-
ная и наряженная. Если безъ состоянія и бѣдная,
въ домѣ нѣтъ ни одной свѣтлицы, то она сидѣла въ
углу избы за занавѣсомъ, безъ всякаго наряда. Мать
жениха, подойдя къ ней, просила вытти, и взявъ ее за
руку, ходила съ нею, рассматривая со вниманіемъ: не
сдѣланная ли она, или хромоногая, или нѣтъ другихъ ка-
кихъ либо недостатковъ. Если ничего не было найде-
но, то она садилась съ веселымъ лицомъ за столъ. По-
слѣ того мать невѣсты отправлялась къ жениху и рассмат-
ривала его подобнымъ образомъ, и не найдя въ немъ
никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ, приступали обоюдо
къ писменному условію, въ томъ, что если кто не

сдержать своего слова, тогда должны записать по записи оправдленную сумму денег. Не смотря на это, продолжались съ обѣихъ сторонъ частыя осматриванія молодыхъ, дабы не ошибаться, и чтобы дѣтъ не исполнилась пословица: понравилась сатана, лучше яснаго сокола. (*) Были примѣры, что не разсматрѣвъ молодыхъ, они оказывали въ послѣдствіи другъ къ другу холодность, отъ чего происходили семейные раздоры. — Дѣвицы высшаго сословія всегда находились въ затворничествѣ, и ихъ непрежде могли виѣтъ, какъ только въ день свадьбы.

По наступленіи свадебнаго дня, для котораго готовили <sup>Вѣче-
ніе.</sup> въ изобиліи кушанья и напитки, и въ этотъ день всѣ пили, отправляясь въ церковь весь свадебный причетъ и съ нимъ родители молодыхъ. Лице невесты покрывалось фатою. Священнику подносили прежде пироги; онъ тогда благословлялъ молодыхъ и пѣлъ изъ псалма 127: Блаженни вси болящіеся Господа, ходящіи въ путехъ его. Труды плодовъ твоихъ съѣси, и т. д.; (**) потомъ, подступивъ къ молодому, клалъ на его голову свою руку и говорилъ: ты берешь молодую и милую: будешь ли ее любить въ радостяхъ и бѣдности? Не будешь ли издѣваться надъ нею и поступать съ нею грубо? Если она состарѣется, здѣлается немощною или больною, то не покинешь ли ее?—Женихъ отвѣчалъ: *нѣтъ*. То-

(*) Quisquis comat rapam, rapam putat esse Dianam.

(**) У Петра ошибочно приведенъ 128 псаломъ вмѣсто 127., ибо псаломъ 128 начинается такъ: множицею брашася со мною отъ юности моея, да речетъ убо Израиль: множицею брашася со мною отъ юности моя, ибо не премогша мя. На хребтѣ моемъ дѣлаша грѣшницы: продолжиша беззаконіе свое, и т. д.—

гда онъ обращался къ невестѣ и говорилъ: ты еще молодая и неопытная, будешь ли жить съ мужемъ въ согласіи, какъ слѣдуетъ доброй женѣ? Будешь ли смотрѣть за хозяйствомъ? Пребудешь ли ему вѣрною, когда онъ состарѣется и ослабѣетъ?—Она отвѣчала: да!—Послѣ этого священникъ бралъ вѣнцы, клалъ на ихъ головы и говорилъ: *раститесь и множитесь*. Читалъ потомъ молитву, благословлялъ ихъ три раза крестомъ и произносилъ: что Богъ соединяетъ, того не разсторгнуть человеку. — Затѣмъ всѣ зажигали восковые небольшія свѣчи.—Послѣ священникъ подавалъ новобрачнымъ позволенную чашу съ медомъ, изъ которой они пили, и наконецъ поздравлялъ ихъ со вступленіемъ въ бракъ. Потомъ молодые бросали на землю чашу, топтали ее ногами, приговаривая: да будутъ такъ попораны наши враги, которые захотятъ поселить между нами ненависть и раздоръ.

Посыпаніе молодыхъ и восславіе.

При выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, женщины осыпали ихъ конопляннымъ сѣмянemъ, желая имъ здорovia и долголѣтней жизни. Потомъ всѣ возвращались домой, гдѣ веселились и пили во всю ночь. — На другой день отводили молодыхъ въ тотъ домъ, гдѣ они должны жить, съ великимъ плачемъ и воемъ.

Плеть. Молодой, лежа съпать, билъ плетью свою молодую, и потомъ вѣшалъ ту же плеть на стѣнѣ, въ ознаменованіе его любви, ибо жены думали, что если мужа бьютъ ихъ часто, то этѣмъ они доказываютъ къ нимъ свою любовь, въ противномъ случаѣ онѣ жаловались на своихъ мужей, говоря всѣмъ, что мужа разлюбили ихъ.—

Дареніе. Въ продолженіи свадебнаго пированія дарили молодыхъ, каждый соразмѣрно своему состоянію, разными вещами, которыя укладывали потомъ въ сундуки и это составляло ихъ приданое.

Русскія матери чрезвычайно любят своихъ дѣтей, говоритъ Петрей, а отцы болѣе любятъ сыновей, нежели самыхъ женъ своихъ (*).

(*) *Petræjum: Histor. und Bericht von dem Großfürstenthum Moskow*, с. 627 — 637, edit. Лейпцигъ 1620 года. Петрей находился въ Россіи четыре года, въ самыя смутныя ея времена, когда самозванцы, сосадніе враги и искатели Русской короны, терзали ее войнами. Онъ былъ сюда посланъ шведскимъ королемъ Карломъ IX., вмѣстѣ съ предводителемъ войскъ Яков. Де-ле-гарди, и участвовалъ въ переговорахъ и политическихъ дѣлахъ со стороны своего правительства.

VI. СВАДЬБА ОКОЛО ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКА, ПО ИЗВѢСТІЮ ОДВАРІЯ.

Опредѣ-
леніе
степеней
родства,
для всту-
пающихъ
въ бракъ.

Русскіе весьма строги въ брачныхъ союзахъ; всякому позволяется жениться на одной; вдовцу дозволялось жениться въ другой и третій разъ, но въ четвертый никому не позволялось. Священникъ, вѣнчавшій кого либо въ четвертый разъ, лишался своего сына. При вступленіи въ бракъ наблюдались родственныя степени: два брата не могли жениться на однихъ сестрахъ, равно и на тѣхъ, съ коими принимали дѣтей отъ купели.

Свадьба
благород-
ныхъ и
сватов-
ство.

До совершенія брака происходило сначала сватовство. Ни молодой человѣкъ, ни дѣвушка не имѣли возможности видѣться преждевременно, а тѣмъ болѣе соглашаться о вступленіи въ бракъ,—это было дѣло родителей. Отецъ взрослой дочери отправлялся въ домъ, гдѣ женихъ по его мыслямъ. Онъ говорилъ съ нимъ, его родителями или его друзьями, о своей невѣстѣ; хвалилъ ее и возбуждалъ въ немъ желаніе жениться на ней. Если предложеніе было принято, то желали напередъ видѣть въ домѣ, его. Онъ сначала уклонялся, потомъ дозволялъ посмотрѣть, только матерѣ и ея знакомымъ. Если не

находили недостатки : не была слѣпая, или хромоногая ; то договаривались о приданомъ.

Люди сколько нибудь значительные, воспитывали своихъ дочерей въ запертыхъ теремахъ и скрывали ихъ отъ людей, потому женихъ могъ видѣть свою не-вѣсту, когда онъ принималъ ее въ своей спальнѣ. По этой причинѣ часто происходили обманы: вмѣсто пригожей, давали дурную или уродливую; вмѣсто дочери боярской, какую нибудь дѣвку. Такіе примѣры бывали и между знатными людьми, посему не удивительно, что мужья жили съ женами, какъ кошка съ собакой, и ихъ крѣпко били.

При княжескихъ и боярскихъ свадьбахъ наблюдали слѣдующіе обряды : со стороны жениха и невесты назначались, по одной свахи, которыя всѣмъ распоряжались въ томъ домѣ, гдѣ игралась свадьба. Сваха невесты отправлялась, въ день свадьбы, въ домъ жениха и приготовляла тамъ брачную постель ; за свахой несли на головахъ, около ста лакеевъ, одѣтыхъ въ кафтаны, всѣ тѣ вещи, которыя принадлежали къ постелѣ и украшенію спальни. Постель слали на 40 ржаныхъ снопахъ, за рѣшѣ приготовленныхъ женихомъ ; вондѣ постели ставили кадъ съ пшеницей, ячменемъ и овсомъ.

По окончаніи всѣхъ приготовленій, женихъ отпра-
влялся вечеромъ съ своими друзьями, въ домъ не-
весты ; съ нимъ ѣхалъ священникъ, который долженъ
былъ вѣнчать. Друзья невесты принимали жениха
съ его друзьями, весьма ласково; старшихъ или бли-
жайшихъ друзей, сажали за столъ, на коемъ стави-
ли три кушанья, но ихъ однако никто не трогалъ. На
первомъ мѣстѣ сидѣлъ мальчикъ ; подлѣ него женихъ,
который постоявъ нѣсколько минутъ, совѣтовался съ сво-
ими друзьями о занятіи имъ своего мѣста; потомъ онъ
сводилъ его учтиво съ мѣста и самъ садился. Послѣ

Чесаніе
головъ
моло-
дымъ и
обидѣмъ
полюетъ.

приходили невѣсту, закутанную въ дорожное платье, сажали ее подлѣ жениха; но чтобы никто изъ нихъ не видалъ другъ друга, то два мальчика держали между ними красную тафту. Сваха расчесывала волосы невѣсты, распускала ихъ по плечамъ; потомъ плела въ нихъ косы, надѣвала на голову вѣнокъ (должно быть чинку) и открывала лицо. Вѣнокъ дѣлался изъ плющеного золота или серебра, и подбивался матеріей; по краямъ его висѣли, близъ ушей, четыре, шесть и болѣе жемчужныхъ нитокъ, которыя циспадали на грудь. Платье невѣсты и рукава ея рубашки, которые бывали около трехъ аршинъ шириною, и воротникъ, вышивались жемчугомъ. Такое платье стоило болѣе одной тысячи талеровъ (*). Башмачи дѣлались съ подборами, вышиною около четверти локтя, что едва можно было ходить; нивы носили сапоги. — Другая сваха чесала голову жениху, между тѣмъ прочія женщины, ставъ на скамьи, пѣли веселыя пѣсни. Послѣ приходило двое молодыхъ подружьевъ (Gesellen), одѣтыхъ весьма хорошо, и приносили на поднось: соболи, сыръ и хлѣбъ; послѣдній назывался короваемъ. Священникъ благославлялъ сыръ и коровай, который несли потомъ въ церковь. На столѣ ставили серебряное блюдо, на коемъ лежали атласъ, тафта, гладкія четвероугольныя деньги, хмѣль, ячмень и овесъ. Сваха закрывала невѣсту и осыпала бояръ и всѣхъ гостей тѣми вещами, какія были положены на блюдо; они подбирали съ земли атласъ и деньги, если хотѣли, между тѣмъ, въ то же самое время пѣлись пѣсни. Родители молодыхъ, ставъ съ своихъ мѣстъ, разбрасывали кольца у молодыхъ.

(*) Талеръ по нынѣшнему курсу около 24 к. сар.

Послѣ сихъ обрядовъ свата сажала невѣсту въ сани, ^{подъ} покрывала ее фатой и ѣхала съ невѣстой въ церковь. Запряженную лошадь въ сани и хомутъ, обшивали лисьими хвостами. Женихъ съ своими друзьями и святиишникомъ ѣхалъ за невѣстою верхомъ; подлѣ саней шли дружки и прислуга, и всѣ пѣли веселыя пѣсни.

То мѣсто въ церквѣ, на коемъ совершалось вѣнчаніе, ^{вѣнча-} застилалось красной тафтою, а подѣ ноги молодыхъ ^{ніе.} слали особую ткань. Предѣ вѣнчаніемъ подносили священнику пирога и перепечъ, а надѣ головами молодыхъ держали большія иконы.—Священникъ, благословивъ ихъ, бралъ жениха за правую руку а невѣсту за лѣвую, и спрашивалъ у нихъ по три раза: любятъ ли они другъ друга, и будутъ ли взаимно уважать? Послѣ троекратномъ да, онъ водилъ ихъ вокругъ цалоя и пѣлъ: *Исаія* *лнмуй...* Потомъ клалъ имъ на головы вѣнцы (*Жаженъ Жѣнз(сн)*) и говорилъ: *раститесь и множитесь*; за тѣмъ соединялъ ихъ и произносилъ: что Богъ соединяетъ, того человекъ не разторгнуть. Прѣсудствующіе зажигали въ церквѣ не большія восковыя свѣчи; священнику подавали деревянную позолоченную чашу, или стеклянный покатъ, съ краснымъ виномъ: онъ пилъ за здоровье новобрачныхъ, которые въ свою очередь пили три раза. Потомъ женихъ бросалъ на землю сосудъ, и топталъ его съ невѣстой, говоря: такъ должны погибнуть тѣ, которые захотятъ поселить между нами раздоръ и не согласіе. Женщины обсыпали новобрачныхъ лнянымъ и коноплянымъ сѣменемъ, и желали имъ счастья. Нѣкоторые дергали невѣсту за платье, показывая видъ, будто они хотятъ увести ее, но молодые держались другъ за друга. Послѣ женихъ проводилъ свою невѣсту до

саней, садился на свою лошадь; возлѣ саней несли шесть восковыхъ свѣтильниковъ а поѣзжаемые пѣли всякія пѣсни.

Паро-
ше и от-
правле-
ніе моло-
дого въ
отпущеніе

По прибытіи въ домъ жениха, гости садились съ молодымъ за столъ: тутъ они ѣли, пили и веселились, а невѣсту между тѣмъ раздѣвали и клали въ постель. Лишь только молодой начиналъ ѣсть, тотчасъ требовали его къ невѣстѣ. Тутъ ему освѣщали впереди, шесть или восемь мальчиковъ, зажженными факелами. Молодая, услышавъ о его приближеніи, вставала и накинувъ на себя соболевую шубу, привѣтствовала дорогого гостя наклоненіемъ головы. Мальчики втыкали горящіе факелы въ кадъ съ пшеницей и ячменемъ, и получали за то въ подарокъ по парѣ соболей и уходили. Женихъ садился съ невѣстой за накрытый столъ, которую только теперь онъ могъ видѣть въ лице. Имъ подавали кушанье и между прочими жареного пѣтуха; молодой разрывалъ его на части, бралъ крыло или ногу, бросалъ черезъ себя, и потомъ ѣлъ. Послѣ непродолжительного ужина, молодые ложились въ постель; за дверьми оставался только старый служитель, который расхаживалъ взадъ и впередъ. Между тѣмъ родители и знакомые обѣихъ сторонъ, гадали и ворожили о счастіи молодыхъ. Служитель, спустя нѣсколько времени, спрашивалъ: совершилось ли дѣло? Молодой отвѣчалъ: уже. Тотъ часъ раздавались трубы и литавры, и всѣ предавались радости.

Мыльня
ново
брач-
ныхъ.

Вскорѣ послѣ этого, молодые отправлялись въ отдѣльныя мыльни; тутъ ихъ мыли водой, смѣшанной съ медомъ и виномъ. Послѣ бани юная жена дарила своего молодого мыльной сорочкою, коей воротникъ бывалъ унизанъ жемчугомъ, и новымъ дорогимъ платьемъ.

Веселіе.

Слѣдующіе два дни проводили въ роскошныхъ угощеніяхъ; тутъ играла музыка, танцевали и веселились,

какъ только можно. На сихъ то пирахъ, когда мужья порядочно подгуливали, жены находили случай позабавиться съ посторонними мужчинами...

Во время свадьбы простого сословія или горожанъ, Свадьба простого сословія в горо-
нахъ. женихъ посылалъ неvěсть, за день до ея свадьбы: новое платье, шапку, пару сапогъ, ящичекъ съ румянами, гребень и зеркало. Въ день свадьбы приходилъ священникъ съ серебрянымъ крестомъ: два мальчика освѣщали ему путь восковыми свѣчами. Онъ благословлялъ сначала мальчиковъ, потомъ гостей; молодые садились за столъ и между ними держали красную ткань. — Когда сваха убирала неvěсту, тогда молодая и молодой смотрѣли въ зеркало, и оба любовались собою. Потомъ сваха осыпала ихъ и гостей хмѣлемъ. За тѣмъ всѣ отправлялись въ церковь, гдѣ совершалось вѣнчаніе прежнимъ порядкомъ.

По вступленіи въ бракъ, жены содержались въ заперти: онѣ никакія не посѣщали общества, никого не принимали къ себѣ изъ своихъ знакомыхъ и сами ихъ не посѣщали (*).

(*) Олеар. *Öftt begehrte. Beschf. der Neuen orient. Reise.* с 137—141. ed. Лейпц. 1647 г. —

Позанимываясь свадьбами изъ Петрея и Олеарія, наполнины во многихъ мѣстахъ странностями, которыя конечно должно приписать неварности взгляда самыхъ самонадцевъ; но во всякомъ случаѣ ихъ описаніе любопытно. Никто не долженъ осуждать правы предположъ, ибо то въ ихъ время было причинъ то теперь оно смѣшно и даже можетъ быть неблагопріистой. На все свое время. Если мы удивляемся многимъ странностямъ, описаннымъ Петреемъ и Олеаріемъ, — а этому прошло болѣе 200 л.; — то, что сказать о нашихъ нравахъ во истеченіи столѣтій же лѣтъ? Вѣроятно многое будетъ осуждено, и то, что мы считали утонченнымъ, святошествомъ и изыскан-

ностию,—не будетъ ли предметомъ размышленія? Потомки наши будутъ удивляться: какъ мы не могли видѣть своихъ слабостей и недостатковъ, и не могли исправить ихъ!—Такъ и мы судимъ о своихъ предкахъ.—Мы могли увлекаться некоторыми вещами, предаваться многимъ постыднымъ увеселеніямъ и забавамъ, и между ними преимущественно картежной игрѣ! Нѣтъ сомѣнія, что послѣдняя забава будетъ болѣе всего осмысливаема, а съ нею и мы!—Но ужели нашъ вѣкъ осужденъ на изученіе однихъ картъ? Не ужели самое образованіе сосредоточилось въ картахъ?—На самомъ дѣлѣ это такъ. Отъ ученого до школьника, отъ звѣтнаго до очаровательной невинности,—все погружено въ изысканіе картежной премудрости. — Горе намъ! но еще больше горя, что доселѣ не подумаемъ, въ какихъ мы впали ошибки, и какіе истекаютъ отсюда пороки, .напримѣръ: страсть къ игрѣ, которая сокращаетъ нашу жизнь, потому что она вся проходитъ въ картахъ.

VII. ИЗМѢНЕНІЕ СВАДЬБЪ.

Вышедшіе изъ обычая многіе обряды. Выраженіе свадебныхъ пѣсней. Обрядъ простонародной свадьбы до конца XVIII вѣка.

VIII. ОЧЕРКЪ НЫНѢШНИХЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

Разнообразіе свадьбы. Сватанье. Сговоръ. Повзжанье. Девичникъ. Расчесываніе косы. Выдача невесты. Отдѣланіе предъ вѣнцемъ. Появленіе дружки. Поводъ къ вѣнцу и вѣчаніе. Угощеніе. Веселіе. Уводъ молодыхъ въ стѣны. Свадебный расходъ.

IX. СВАДЬБА ВЪ ПСКОВСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Рукобитье. Смотрины. Отправленіе приданого. Баня. Вечеръ бояръ и дѣвичникъ. Окончательный свадебный обрядъ.

X. СВАДЬБА ВЪ КОСТРОМСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Сговоръ. Калымъ, лапша и баня. Продажа косы. Девичникъ. Замѣчаніе о снѣ невесты. Обряды предвѣщныя. Обряды послѣ вѣчанія. Дополненіе.

XI. СВАДЬБА ВЪ ОРЛОВСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Сговоръ. Девичникъ. Продажа невесты. Поводъ молодыхъ. Пріемъ молодыхъ.

ХІІ. СВАДЬБА ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБ.

Сватовство. Плачь невесты послѣ заporученья или рукобитья. Сводъ жениха и невесты. Дѣвичникъ. Обрядъ предвѣщальный. Окончательный обрядъ.

ХІІІ. СВАДЬБА ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Сосватокъ. Дѣвичникъ. Окончаніе свадьбы.

ХІV. СВАДЬБА ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБ.

Сватовство или доброе дѣло. Советливый сговоръ. Рукобитье. Приготовленіе къ свадьбѣ. Благословеніе молодыхъ. Угощеніе въ домъ невесты. Уводъ молодой въ стѣны. Обдариваніе молодыхъ. Юнецъ въ честь молодыхъ.

ХV. СВАДЬБА ВЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Вечеринка у невесты. Благословеніе. Окончательный обрядъ.

ХVІ. СВАДЬБА ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Смотрины. Запой. Дѣвичникъ. Вечеринки. Сборъ вечеринки. Обрядъ отъ начатія поѣзда до встрѣчи молодыхъ отъ вѣнца. Встрѣча молодыхъ и окончательный обрядъ. Голосовыл пѣсни.

ХVІІ. СВАДЬБА ВЪ СМОЛЕНСКОЙ ГУБ.

Главными лица въ засватаніи. Запѣвальный обрядъ. Благословеніе. Обдариваніе. Дѣвичникъ. Благословеніе. Окончательный обрядъ.

ХVІІІ. СВАДЬБА ВЪ БѢЛОРУССІИ.

Сватовство. Заручины. Надѣлъ. Выкупъ молодой. Провожаніе къ вѣнцу и отъ вѣнца. Обдариваніе и окончаніе свадьбы.

ХІХ. СВАДЬБА ЛИТОВСКАЯ.

Заботливость дѣвушскъ. Сватовство. Малая попойка. Сговоръ. Окончаніе свадебнаго обряда.

ХХ. СВАДЬБА МАЛОРОССІЙСКАЯ.

Свѣдѣніе иностранца объ малороссійской свадьбѣ. Свойство веселья. Сватовство. Похвала молодымъ. Приходъ жениха. Сговоръ. Пированіе. Избраніе дружекъ. Печеніе короваевъ. Дѣвичникъ. Обрядъ предъ вѣнчаніемъ и послѣ вѣнчанія. Встрѣча молодаго. Продажа невесты. Танцы. Кушанье. Покрываніе. Провоженіе молодыхъ и радость о благополучіи молодой. Покровеніе головы. Веселіе свадебныхъ гостей въ продолженіи недели.

ХХІ. СВАДЬБА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ МАЛОРОССІЯНЪ, САРАТОВСКОЙ ГУБ.

Сватовство, Пированье. Вечеръ у жениха. Печеніе короваевъ. Собираніе дружекъ. Благословеніе. Сажаніе на посадь. Отправленіе молодаго къ невестѣ. Молодые на посадь. Обрядъ до вѣнчанія. Послѣ вѣнчанія. Пріемъ молодаго тещею. Покупка молодой. Сажаніе молодыхъ за столъ. Покрываніе молодой. Отвозъ приданнаго.

ХІІ. ЗАМѢТКИ О СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ:

калужской, пермской, енисейской, эстляндской, въ земляхъ донскихъ казаковъ и между уральскими казаками.

ГІІ. ИЗМѢНЕНІЕ СВАДЬБЪ.

Обрядъ свадьбъ боярскихъ, дворянъ и простаго лю- Введен-
іе изъ
обыча-
евъ
и
обрядовъ.
діа, былъ весьма долгое время единообразно общимъ, и отличался только пышностію поѣзда и клязьминскими пирогами; свадебное же веселіе заключалось болѣе въ однихъ угощеніяхъ, ибо ни танцевъ, ни музыки тогда не знали еще. Не ранѣе половины XVII в. появились музыкальныя забавы, и то при дворѣ. Правда въ половинѣ XVI вѣка встрѣчаются гусельники и гудочники; но они веселили простой народъ по праздникамъ. Когда Петръ I. ввелъ, почти во всё забавы музыку, тогда она появилась на свадьбахъ. — Въ царствованіе Елисаветы измѣнились свадьбы еще болѣе, а нынѣ дворянство и простое сословіе отправляетъ ихъ совершенно отдѣльно. Дворянство, особенно живущее въ столицахъ и большихъ городахъ, заимствуя иностранныя обыкновенія, отчуждалось отъ своихъ отечественныхъ, и тогда уже названія дружекъ, сватовъ, свахъ, князя и княгини, уже исчезли. Въмѣсто дружекъ ввелись шаферы. Вѣнчаніе сопровождается пышнымъ поѣздомъ, а свадьба замѣняется нерѣдко балною музыкою и роскошнымъ вечернимъ угощеніемъ. Тутъ все парующее пьетъ шампанское за здоровье молодыхъ, съ провозглашеніемъ и

счастія на многія лѣта. Музыка отаѣчаетъ на поздравительное провозглашеніе тушемъ, и послѣ угощенія разѣзжаются гости. — Всѣ роды танцовъ втѣснились въ брачное веселіе. Польской занялъ первое мѣсто. Коровай, перепечъ, жареный пѣтухъ, уже считаются простонародными. Коровай замѣнили сахарными хлѣбами, украшаемыми цвѣтами и плодами. Варенья, конфекты и шоколадъ, вытѣснили медовые напитки. Хожденіе молодыхъ въ баню и купанье каши въ постели, совсѣмъ изгнаны изъ употребленія. — Благословеніе молодыхъ иконою и хлѣбомъ солью, посаженнымъ отцемъ и матерью, еще въ употребленіи. — Посыпаніе жиделью и дешыганъ, опахиваніе соболями, снаніе въ холодной комнатѣ на ржафыхъ снопяхъ, обереганіе новобрачной спальни дружкой, который иѣлую ночь ѣздила верхомъ на лошади съ обнаженной саблею, забыто во многихъ мѣстахъ. Раздѣваніе молодой въ спальнѣ, въ присутствіи посаженной матери и нѣкоторыхъ подругъ, еще продолжается. Въ наше время уже считается неприличнымъ, чтобы давать и свадебные пиры, называя это *купеческимъ разгуломъ*. По торжественномъ вѣнчаніи съѣзжаются гости, какъ говорится, на одну чашку чая и потомъ разѣзжаются. Это однако введено въ недавнее только время. Въ хорошемъ обществѣ избѣгаютъ утомительныхъ свадебныхъ веселій, и уже отъ воли молодыхъ, чтобы, въ замѣнъ свадебнаго пѣра, дать балъ или обѣденный столъ, спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы. Дѣвичникъ, расплетаніе и заплетаніе косы, сопровождаемыя пѣніемъ пѣсенъ, еще въ употребленіи въ простомъ сословіи. Надѣваніе кики съ фатою, замѣнено, между дворянами, убираніемъ головы цвѣтами и вѣнками, и особымъ модѣйнымъ покрываломъ, а вмѣсто цвѣтнаго платья, въ которое произвольно одѣвали молодую, нынѣ наряжаютъ въ бѣлое,

и весь наряд бѣлый, отъ головы до ногъ. Подруги молодой одѣваются тоже въ бѣлое платье, а голову укрываютъ платками. Женихъ, если онъ военный, бываетъ въ своей формѣ; гражданскіе же одѣваются по общепринятому обыновенію. Самое замѣтаніе косы и уборка головы, производится парикмахеромъ, за нѣсколько часовъ до свадьбы, которая теперь по большей части происходитъ вечеромъ. — Вѣчаніе днемъ бываетъ весьма рѣдко, даже между купеческимъ сословіемъ. — Въ Петербургѣ обѣды и пиры свадебные часто приготавливаютъ по заказамъ.

Вообще, едва остались слѣды прежнихъ свадебъ между дворянствомъ, и должно сказать къ чести купеческаго сословія, особенно простаго, что оно бережетъ еще преданія старины.

Простонародныя свадьбы и свадебныя пѣсни, произведенныя сердечными изліяніями чувствъ, выражаютъ дѣйствіе семейной радости или печальной разлуки. Тутъ каждое дѣйствіе запечатлѣно особыми припѣвами и причетами. Сговоръ, дѣвичникъ, расплетаніе косы, одѣваніе и пр. напоминаютъ каждой дѣвушкѣ будущую обязанность жены и хозяйки, счастливую и несчастливую ея жизнь, горестъ и радость; однимъ словомъ : ей напоминаютъ, въ жалобныхъ пѣсняхъ, потерю счастливаго ея состоянія, когда она бывало лежала подъ крыломъ нѣжной матери; оставленіе ею родимаго дома, отъѣзда въ дальнюю сторону, которая въ нашихъ пѣсняхъ называется чужою, ибо въ старину, оставить родительскій домъ, значило жить на чужой сторонѣ, — все это было для невесты не свое, не родное. Самый женихъ, который въ свадебныхъ и хороводныхъ пѣсняхъ величается *соборомъ* а невеста *черною кунью* или *куницей*, былъ для нее *суженой* или *суженой*, потому что онъ назначался родителями. Тогда же вошло въ пословицу: *суженого конемъ не обвѣдаютъ*, ибо

Выра-
женію
свадеб-
ныхъ пѣ-
сней.

кого прибрали родители, тотъ былъ для нее уже не однимъ суженымъ, но и назначеннымъ судьбою, и невеста не могла думать иначе, говоря: *такое мое судьба!* Самый обрядъ вѣнчанія, назывался въ старину *Божьею судьбою*. Это видно изъ самыхъ свадебныхъ пѣсней, наприм.:

Ивановъ конь рязовъ, (рязов)
 Машеньку везетъ,
 Ко Божьему суду,
 Ко золотому вѣнцу

Или:

Я возьму тебя по праву руку,
 Поведу тебя къ суду Божьему,
 Къ суду Божьему, къ золотому вѣнцу,
 Отъ злата вѣнца къ себѣ на дворъ.

Иные думаютъ, что *куничное* и *куница*, употребляемыя въ старинныхъ свадебныхъ пѣсняхъ, происходятъ отъ норманскаго слова *кона* или *кина*, означавшее женщину. Но по чему *куничное* или *куница* обращено въ символическое значеніе женщины?—не obviously словопроизводителями. Имъ хотѣлось только показать, что они знаютъ норманское слово *кона*, не имѣющаго никакого смысла съ *куничнымъ*. У Литовцевъ и даже во всей Европѣ было долгое время извѣстно слово *купъ*, и оно означало окупъ за дѣвицу. Последнее значеніе болѣе всего ближе къ той истинѣ, что за невесту платили прежде, а это значило, что ихъ приобретали покупкою. У насъ было въ обычае, еще въ началѣ Х. вѣка, что каждый молодой вносилъ подать за сирью невесту по черной кунѣ, и это дѣлалось имъ для того, чтобы освободить необрачную проводить первую нечъ съ своимъ господиномъ, следовательно *куничное* или

нах кунити, сначала опустъ за невісту. — Въ Литвѣ и Малороссіи былъ обычай: наказывать дѣвицъ, нарушившихъ цѣломудріе: ихъ сажали пра дверяхъ приходской церкви на желѣзной цѣпи. Эти цѣпи въ Литвѣ назывались *куницами* и *кунами*, а въ Малороссіи *калдылами*, — но и этотъ обрядъ съ значеніемъ кунитыиъ, никакого не имѣетъ сходства.

Самыя древнія свадебныя пѣсни, какія дошли до насъ, суть не ранѣе XVII вѣка, покрайней мѣрѣ древнѣе ихъ не знаемъ. Упоминаемыя въ нихъ *ладо*, *туръ* и *люли*, обращенныя потомъ въ *люли*, суть припѣвы: а не имена языческихъ (славянскихъ) божествъ, какъ многіе объ этомъ думали, и доселѣ утверждаютъ нѣкоторые приверженцы старинныхъ предлѣговъ.

Простонародныя свадьбы совершались до конца XVIII в., почти какъ въ старину (*). На канунѣ вѣнчанія приглашался въ домъ жениха семи или шести-лѣтній мальчикъ, для укладки вещей въ ларчикъ, купленныхъ для невісты, и въ тотъ же вечеръ женихъ отвозилъ ей подарокъ, который состоялъ изъ башмаковъ, серегъ, опашала, пражки, бѣлалъ, румянъ, перчатокъ, иголокъ, нитокъ и шовнищъ. Въ тотъ самый день готовили баню для жениха и невісты: они ходили отдѣльно съ своими знакомыми, послѣдніе разглашавшія о предстоящей свадьбѣ. Отъ хожденія молодыхъ въ баню, вошло въ поговорку: *по рукамъ да въ баню*. —

Образъ
просто-
народ-
ной
свадь-
бы до
конца
XVIII в.

(*) Это подтверждается, кромѣ приведенныхъ примѣровъ изъ Кошкина, Петра и Олгаріи, еще иностранными самовидцами XVIII вѣка: Phillips: *The Russian catechism*, изд. 1723 г.; King: *The rite and ceremonies of the greek church in Russia*, с. 228—252.

При празднованіи дѣвичника, садился женихъ съ невестою на мохнатой шубѣ, для изгнанія чаръ и порчи. — На другой день, предъ поѣздомъ въ церковь, тотъ же мальчикъ или братъ съ невестинной стороны, обувалъ невесту въ башмаки и продавалъ ея косу за гривну золотую. Чѣмъ дороже она продавалась, тѣмъ болѣе было чести для невесты. Косу хранили родные, а иногда сама невеста, которая, при видѣ своей косы, всегда вспоминала о дѣвической своей радости съ горькими слезами. Разстаться дѣвушка съ косою, значило разстаться съ своею свободою.

Передъ поѣздомъ въ церковь, садился женихъ съ невестою рядомъ, на какой либо мѣхъ; свахи чесали имъ головы, обмакивая гребень въ медъ или въ вино, которое держалъ нарочный въ ковшѣ. — Потомъ осыпали ихъ осыпаломъ, т. е: деньгами, хмѣлемъ и зернистымъ хлѣбомъ; тутъ бывали брачныя свѣчи, вѣсомъ иногда по пуду; ихъ зажигали богоявленской свѣчою. Въ церковь возили съ собою вино въ склянницѣ, которое священникъ давалъ пить жениху и невестѣ; за третьимъ разомъ женихъ разбивалъ склянницу объ полъ, и топталъ ее ногою. — Въ церкви, во время вѣчанія, подстилали молодымъ подъ ноги камку или коверъ, а по верхъ ихъ соболи, кунницы или другой какой либо мѣхъ. Послѣ вѣчанія молодой долженъ былъ взять за руку свою молодую, и вестъ ее къ иконамъ, не опуская ея руки, иначе вѣчное будутъ между ними несогласіе. — Если при вѣчаніи не надѣвали вѣнца на голову невесты, по причинѣ ея головного убора, или кто либо изъ дружекъ только держалъ вѣнецъ надъ ея головою; то замѣчали, что тотъ бракъ будетъ несчастливъ, и жена непременно будетъ имѣть многихъ мужей и любовниковъ. Кто же изъ молодыхъ первымъ ступалъ на коверъ, подстилаемый подъ ноги,

тотъ будетъ имѣть власть во всемъ домѣ. — Поэтому предразсудку каждый изъ молодыхъ старался стать прежде на коверъ, и безъ ссоры выходила ссора.

При входѣ неvěсты въ домъ жениха, ея встрѣчали тестъ и теща съ благословеніемъ и хлѣбомъ — солью. Ова же съ своимъ молодымъ падала имъ въ ноги, три раза; ихъ столько же разъ поднимали, и потомъ сажали на почетное мѣсто и угощали. Гости пѣли радостныя пѣсни, величали княземъ и княгиню. Послѣ шумной веселости, раздавались иногда нескромныя пѣсни.

Городъ Торопецъ (псковской губ.), кажется отличался особымъ нарушеніемъ приличія. — Тамъ женихъ и всѣ его домашніе нарочно приглашали дѣвокъ, чтобы встрѣтить неvěсту, когда она входила въ домъ жениха такимъ образомъ: дѣвки, стоя на крыльцѣ, приветствовали ее: *намъ чиль бы Василисчишка, во трахъ зубашъ! Ажно она беременна. Ты несеши ли молочку? ты ведеши ли нянечку? оглянись-ко ты назадъ, полюбобки-ли стоять, да по грамоткѣ держать* (*).

Новобрачныхъ вводили въ свадебную комнату при пѣніи; ихъ сажали подъ образами за дубовымъ столомъ, покрытымъ браными скатертями (**); послѣ потчивали ихъ медомъ и перепечью; гости предавались во весь день веселостямъ и угощались, дружною и свахою. Потомъ открывали обѣденный столъ, на коемъ, между многими хлѣбами, калачами, перепечью, медо-

(*) Чулков. Абевера русск. суевѣр., с. 46. изд. 1786 г.

(**) *Браными* значило хорошо убранными или украшенными искусной работою, которыми застилались столы въ большіе праздники и радостные дни, (свадьбы).

выши и олееными пирогами, столъ богатый порочай. Когда подавали на столъ жаркое, тогда дружка, обернувъ блюдо съ жаркимъ, калачемъ и солонкою, верхней скатертью, относилъ въ сѣнникъ и ставилъ на столъ у постели. По раздѣзываніи коровай, подносили первый кусокъ молодымъ съ чаркою вина, и потомъ уводили ихъ въ холодный сѣнникъ. Пирующіе оставались въ свадебной комнатѣ, и продолжали ѣсть и плясать подъ звукъ трубъ и бубенъ, а иногда ор-гановъ и волюшки, до самаго разсвѣта.

У головахъ постели ставили брачныя свѣчи, вѣсивъ ихъ въ кадъ съ пшеницею, которую не снимали въ продолженіи всего года. — Сѣнникъ приготовлялся съ особыми обрядами: по всѣмъ четыремъ стѣнамъ покоя вѣшали образа, а въ головахъ постели, надъ окнами и дверьми, ставили по *созвездіальному* кресту; по четыремъ угламъ втыкали по стрѣлѣ, на ней по соболю или куницѣ; недостаточные же вѣшали простые мѣха и втыкали по калачу; на лавкахъ разставляли по угламъ оловянки съ медомъ. —

Отецъ посаженный славалъ новобрачную въ дверяхъ сѣнника, нареченному ей мужу, и говорилъ: *иди на дѣло благословенное.*

Молодой садился на постель, а молодая снимала съ него сапогъ; въ то время онъ билъ ее три раза по спинѣ плетью. — Тысяцкая, надѣвъ на себя двѣ шубы, одну какъ должно, а другую на выворотъ, осыпала молодыхъ осыпаломъ и кормила ихъ жаркимъ на постелѣ. Во всю ночь ѣздила дружка на конѣ, около сѣнника, съ обнаженной саблею. По утру приходили свахи, тысяцкая и дружка, чтобы разбудить молодыхъ, и поднимали одѣяло стрѣлою. Въ случаѣ нецѣлѣмудрія невѣсты, тогда подносили ей матеръ стаканъ со скважиною, наполненный пивомъ или медомъ. Ко-

гда мать брала стаканъ въ руки, тогда питье текло чрезъ скважину, которую сваха, прижавъ пальцемъ, скрывала отъ всѣхъ. Благополучныхъ молодыхъ водили въ мыльню ; послѣ ихъ кормили въ постелѣ кашею ; молодая дарила своихъ гостей платочками, лентами, полотенцами и плодами. — Когда молодой паходился съ своею женою въ мыльнѣ, тогда теща присылала ему новое платье въ подарокъ. — Родные новобрачныхъ дѣлали отъ ихъ имени обѣды для знакомыхъ, которые взаимно угощали ихъ, и такимъ образомъ протекала вся недѣля на *радостяхъ*. — Первый мѣсяцъ новобрачныхъ именовался *медовымъ*, и это названіе произошло отъ того, что молодыхъ подчивали однимъ медомъ, угощали и веселили ихъ. Въ наше время первый мѣсяцъ молодыхъ принять въ превратномъ смыслѣ, — а потому любятъ поговорить на ихъ счетъ. —

VIII. ОЧЕРКЪ НЫНѢШНИХЪ СВАДЪБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

Разно-
образіе
свадьбъ.

Невозможно начертить однообразнаго отправленія простонародныхъ свадѣбъ, потому что онѣ не только чрезмѣрно различныя, но переменчивыя, и это зависитъ отъ мѣстныхъ привычекъ и образа жизни. Самыя пѣсни, употребляемыя при сватахъ, сговорахъ, выходѣ замужъ, женитьбѣ, осыпаніи невѣстъ, подаркахъ, прощаніи съ родителями и. т. п., не вездѣ поются одинаково; но повсюду главныя дѣйствующія лица: свахи, сваты и дружка. Ими затѣвается *доброе дѣло*, и ими оно оканчивается. Безъ нихъ нельзя обойтись ни невѣстѣ, ни жениху.

Чтобы познакомить нѣсколько съ общимъ духомъ *радостей*, я почелъ излишнимъ слить ихъ въ представляемомъ здѣсь образцѣ, который отнюдь не касается отдѣльной какой либо мѣстности, или какаго нибудь края; но выражаетъ общую мысль нынѣшнихъ отправленій. Такое предварительное ознакомленіе, казалось мнѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что я видѣлъ повсюду разнообразіе. Безъ общаго взгляда нельзя объять вдругъ многообразныхъ свадѣбъ, хотя

въ сущности и значеніи одинаковыхъ, однако при совершеніи не сходныхъ.

Лучшая пора для свадьбы бываетъ осенью, послѣ снѣтія хлѣба, и зимою. Тогда въ деревняхъ и городахъ веселіе. Молодые обоюго пола забавляются не одними играми и не въ однихъ играхъ ищутъ своей радости, но въ сердечныхъ признаніяхъ. Они какъ бы не любили другъ друга, но безъ согласія родителей не могутъ приступить къ важному дѣлу. — Родители, замышляя взаимно любящихся, долгое время ничего не говорятъ имъ, будто бы ничего не знаютъ: они ожидаютъ или ихъ признанія или обрядныхъ дѣйствій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда со стороны кого либо предвидится затрудненіе. —

Сватъ или сваха берутъ на себя покончить дѣло. См. тамъ же. Если сваха отправляется за добрыми дѣлами, такъ называется сватанье, то обыкновенно со стороны дѣвушки. Нарядившись какъ можно по лучше, она являясь въ домъ жениха съ поклономъ. Ставъ въ порогахъ, она молится образамъ, потомъ кланяется хозяину, хозяйкѣ и ея сыну, а наконецъ во всѣ четыре стороны. Они давно знаютъ за чѣмъ пришла сваха, потому просятъ ее садиться и спрашиваютъ ее: откуда идешь? съ далека ли? — Изъ далека, отвѣчаетъ она родимые мои; дороженека трудная и я крѣпко поустила. Зная напередки, что вы добрые люди, зашла къ вамъ обогрѣться. Не прогнѣвайтесь, безъ дѣла мнѣ бы не ятти. Я шла одинохенька, по черному лѣсу; тутъ бѣжалъ соболю и мнѣ дороженьку перебѣжалъ, и по той тропинкѣ, къ вашей избушкѣ, довелъ меня. Иду со сторонущи дальшой, не родной; но отъ родимыхъ красной дѣвицы. Изнываетъ ее сердечушко по добромъ молодцу; она сохнетъ въ одиночествѣ, будто травка на горячемъ пескѣ. Полюбила красная душа—дѣвица,

дѣтишушку : и не жалѣй ей Вожій свѣтъ ! Хотя жалѣй, сударь, не жалѣй, отвѣтъ то надобно дерзнуть. — Женихъ краснѣетъ, на него посматриваетъ сваха и продолжаетъ : кормилецъ мой, батюшка ! не кидается дѣвица на цвѣтное платье, кидается дѣвица на лебного снопа. Ты охочь, умная головушка, дѣвушка сманивати ; скажи, охочь ли дѣвицу дарить, не рублемъ, не подтиною, а своимъ дорогимъ словцомъ ? Ты скажи, на что прельстился ? съ кѣмъ тебѣ вѣнъ вѣковать ? Я порадоюсь радостью подлѣ суженаго, подлѣ суженаго, подлѣ ряженаго, съ родимомъ матушкино, съ родимымъ батюшкою. Если женихъ не отвѣчаетъ, то мать его говоритъ : дитя мое, дитятко, дитя мое ! не напрасно ты расчесывала свои кудри черныя, передъ зеркальцемъ хрустальнымъ ! Не напрасно умывалася ранешенько, ключевой холодною водою ! Станетъ ли ихъ завирати красная дѣвица, ахъ вѣтъ, совѣтъ да любовь надобенъ тебѣ. Развиваются кудри отъ топки и отъ кручинушки, отъ веселья и отъ радости. Тебѣ съ суженою не часъ часовати, ни годъ годовати, тебѣ красную дѣвицу не воспоминави, дѣвицъ съ нею вѣковать ; вѣковать съ женою. — Сынъ отѣчества уже про то благословение Вожіе, да ваше, батюшка и матушка, чтобы вѣнцы золотые положить.

Послѣ простодушныхъ съ обѣихъ сторонъ разговоровъ, подносятъ свахѣ чарочку зеленого, съ честью и любовью. Пьютъ за здоровье другъ друга, и тогда сойдутся между собою въ условіяхъ на бракосочетаніе и самое приданое ; тогда отецъ и мать разбираютъ съ своей стороны свата, для окончательныхъ переговоровъ съ родителями невѣсты.

Сватъ одѣвается въ новый армякъ, подпоясывается краснымъ поясомъ, надѣваетъ на голову шагольскую шляпу съ кистью или перомъ савинымъ ; шаю обя-

зываетъ пестрымъ, преимущественно краснымъ платкомъ. — Этотъ нарядъ горожанъ больше и зажиточныхъ деревенскихъ. Онъ отправляется въ домъ съ посылками, сначала одинъ. У дверей принимаютъ его какъ незнакомца; онъ кланяется св. образу, потомъ хозяевамъ, а наконецъ во все четыре стороны. Здравствуй хозяйинъ съ хозяйкой, начинаетъ онъ говорить первый, съ твоими дѣтьми и твоей красною дѣвицею. Ыхалъ и запутался: ночь темная и не мѣсячная; тутъ засѣлся у васъ во теремѣ огонекъ. — Родимый, отвѣчаетъ хозяйинъ, для добрыхъ людей наша избушка, — добро жаловать. Но кто ты батюшка? господинъ баринъ, аль купецъ? товары али какіе везешь, и знати далече. — Свать, поглаживая бороду и поспатривая на сторону, говоритъ: мы товариры развозимъ, батюшка родимый, для праздничевъ радостныхъ, для дѣвицъ суженыхъ. Къ тебѣ мы ѣдимъ не гостить, не правдоновать; но пиры подымати. Мы слышали, а про те намъ сказывали добрые люди, у тебя, во высокомъ терему, живетъ красная пригожая. Она то намъ надобна. На то-ль цвѣты растутъ, чтобы вянуть. На то-ль во пиру ряжаная, чтобы сердце кручинить? — Невѣста не смѣетъ поднять глазъ, мать молчать. Обѣ въ недоумѣніи; не знаютъ что отвѣчать. — Красная дѣвица думаетъ думу съ своей родной матушкой. Смѣлый свать, угалывая изъ робкое молчаніе, продолжаетъ: ростомъ онъ топокъ и высокъ, лицомъ бѣлъ и румянъ; кудри русые по плечамъ лежать; брови дугой любовной свились; глаза ясные, соколиные; губы сахарные, поцѣлуйные, жемиться велятъ. Не одиночествовать дѣвущкѣ, — съ милымъ дружкой ей жить. — Мать отвѣчаетъ: о, свать мой, сватушка! весна цвѣтетъ и разцвѣтаетъ, по обычаю своему; и красъ не всегда цвѣсти, и отцвѣтъ ее наступаетъ; не все матушкѣ жити

съ дочкою, не все ее дѣлѣти: намъ написана съ нею разлука, и мнѣ уже ея не любоваться; и не красоваться: ея красоваться доброму молодцу. Дѣвушка всему хорошо выучена: цѣтики сажать, яблонки поливать, ткать, прѣсть и золотомъ узорки вышивать; давно лежатъ для ней, въ большихъ сундукахъ: атласы, бархаты, сарафаны самоцѣтные, съ пуговицами золотными, каменья, жемчуги и крупныя зарукавница; полотна тонкія и дорогія, бѣлы скатерти камчатныя; пуховая постель, кисейное изголовье со алыми бантиками; одѣялицо соболіное и всякаго разнаго цѣта уборы запасныя. — Не надобнѣ намъ, матушка сударыня, отвѣчать свать, ни каменье въ дорогихъ, ни самоцѣтныхъ платьевъ; надобнѣ намъ сговоръ величать. — Хозяинъ въ это время не принимаетъ участія въ ихъ разговорѣ; онъ только слушаетъ, но видя, что жена соглашается на выдачу дочери замужъ, велитъ подать на столъ калачи, хлѣбъ-соль и подносить первую рюмку свату, который, выпивая за здоровье всѣхъ ихъ, желаетъ невѣстѣ счастья и *богатства*. Потомъ, поговоривъ о сговорѣ, назначаютъ время бракосочетанію. — Дѣвица — невѣста сидитъ и ничего не говоритъ; она уже знаетъ своего суженаго, или, если не знаетъ, то должна повиноваться волѣ родителей, которые сами избираютъ ей мужа. Однако, нынѣ и въ деревняхъ дѣвушки сами избираютъ себѣ жениховъ.

Сговоръ. Послѣ взаимныхъ соглашеній къ свадебному приготовленію, молодые обсылаютъ другъ друга подарками. Невѣста посылаетъ своему жениху штору ширинку, ризными шелковыми узорами, а женихъ ларчикъ съ лентами, иголками и витками, иногда съ сурьомъ (прумянами), бѣлилами и шелковою плетью. Или женихъ въ сопровожденіи свата, дружки и другихъ сво-

ихъ знакомыхъ, ѣдетъ къ невѣстѣ и самъ даритъ свою суженую и ея родителей золотой парчею : эти подарки по ихъ сердцу, и тогда теща ласковая и тесть поклонистый, ибо суженая-ржаженная запоручена за поруки крѣпкія, вѣковыя. Родные жениха съѣзжаются въ домъ невѣсты, и поруки довершаются сговоромъ полюбившимъ. Свахи и сваты, участвующие здѣсь, усаживаютъ всѣхъ за дубовые столы, крытые бѣлымъ полотномъ ; ставятъ на столы яства медовыя, пряженныя, перепечи, калачи, хлѣбы пшеничныя, пироги съ начинкой; сыту, медъ, вино разноцвѣтное : зеленое, травяное съ кардамономъ, шафраномъ, гвоздикомъ, съ перцемъ, корицею и пряники медовыя и орѣхи каленыя. — Гостепріимство увеличиваетъ общую радость. Женихъ съ невѣстой сидятъ рядомъ. Чарка круговая ухаживаетъ гостей, а молодые посматриваютъ другъ на друга.

Сговоръ часто превращается въ свадебное веселье. Тамъ сваха и сваты хвалятъ богатое приданое, и поютъ пѣсни сговорныя въ честь молодыхъ и родителей. При пѣніи произносятъ имена тѣхъ, кому поютъ.

Не тесанъ теремъ, не тесанъ,
Только хорошо украшенъ,
Разными красками разцвѣченъ.
Не ученъ Лука, не ученъ Ивановичъ,
Только хорошо снаряженъ.
Снаряжала его матушка,
Отпущала въ гости къ тещенкѣ.

Зеленъ сосенька желтый цвѣтъ !
Почто тебѣ Лука дома нѣтъ?
Почто тебѣ Ивановичъ дома нѣтъ?
Ждала я тебя день, ждала другой,
Не бываешь! — Писала бы письмо, не умѣю,

Послала бѣ посла, не ситиъ,
 Сама бѣ я пошла, стыжуся ;
 Роднова батюшки боюся,
 И родной матушки.

Ты зоря ль моя, зорюшка,
 Ты душа ль моя Прасковьюшка,
 Ты душа ль моя Андреевна,
 Городомъ пришла зарею,
 Ко двору пришла тучею,
 Вдарила въ ворота бурей,
 Пустила по двору сильный дождь,
 Сама поплыла уткою,
 На крыльце взошла павою,
 Во новы сѣни лебедемъ,
 Садилась за столонъ съ молодцомъ,
 Махнула платкомъ во теремъ. —

Вы раздайтесь бояре,
 Разступитесь дворяне!
 Чѣмъ меня батюшка жалуетъ?
 Не большимъ даромъ, — теремомъ.
 Чѣмъ меня матушка жалуетъ?
 Вѣдь большимъ — женихомъ.
 Вѣковымъ дружкомъ Лукой,
 Вѣковымъ дружкомъ Ивановичемъ.

Пѣніе сговорныхъ пѣсень сопровождается иногда пирующими гостями. Воспѣвая любовь двухъ молодыхъ, касаются часто, какъ сначала полюбились молодые.

Не ходить было Прасковьюшкѣ,
 Не ходить было Андреевнѣ,
 На широкій дворъ гулять,
 Въ хороводы играть.

Не смотрѣть было Прасковьюшкѣ,
 Не смотрѣть было Андреевѣ
 На молодыхъ молодцовъ,
 На молодыхъ измаряженныхъ.
 Приглянулся Прасковьюшкѣ
 Приглянулся душѣ Андреевѣ.
 Молодой молодецъ,
 Молодой измаряженный
 Лука сударь Ивановичъ,
 Не хочетъ съ нимъ растатися,
 Но хочетъ насъ оставить, —
 Позабывши батюшку и матушку.

Женныхъ боится, чтобы не вывели его любовныхъ похожденій, обыкновенно превращаемыхъ въ вносказанія.

Леталъ соловьюшка
 По зеленому по кустарничку,
 По чистому по березничку;
 Залеталъ соловьюшка
 На вѣточку, не вѣдаючи.
 Ужъ та-ль вѣточка приманивала,
 Ужъ та-ль зеленая прилюбчивая,
 Соловью показалася,
 Громкому понравилася,
 Не хочетъ съ ней и растатися.

Гулялъ Лука господинъ,
 Лука сударь Ивановичъ
 По чистому полю, по зеленому,
 По зеленому по широкому.
 Загулялъ, господинъ Лука,
 Лука сударь Ивановичъ,
 Къ Ефиму въ домъ не знаячи,
 Къ Гавриловичу не просячи.
 Смотрѣлъ на дванцу красную

Прасковьюшку душу Андрееву.
 Ужь она-ль, свѣтъ Андреевна,
 Хороша, пригожа уродилася,
 Не можетъ съ ней разстатися,
 А хочетъ съ ней обвѣнчатися.

Хваля прелести, красоту и доброту неvěсты, не забываютъ напомнить ея отцу, что гости не даромъ къ нему собрались : гости ряженые, въ бархатныхъ кафтанахъ и золоченныхъ сарафанахъ, съ поѣздомъ большимъ и конями многими.

У Андрея Петровича
 Новыя свѣи разряжались,
 Новыя крылечки понавѣсился.
 Что изъ тѣхъ ли, изъ новыхъ свѣей
 Вылетала пташечка, перепелочка,
 Перепелочка, свѣтъ Прасковьюшка,
 Златокрылая Андреевна.
 Какъ на встрѣчу ей идетъ
 Батюшка родимой,
 Андрей Петровичъ,
 Идетъ, самъ приговариваетъ :
 Ты зачѣмъ рано вонъ вылетаешь?
 Вонъ вылетаешь изъ высокаго терема,
 Изъ высокаго терема, изъ косящета окошечка!

Отвѣтъ держать Прасковьюшка,
 Свѣтъ Андреевна :

Не сама я вылетаю,
 Не своею я охотою :
 Выдастъ меня, сударь, батюшка,
 Снаряжаетъ родна матушка,
 Къ чужому отцу, къ матери,
 Къ чужому роду, племени.

Всякій сговоръ, есть начало свадьбы. Послѣ него молодые имѣютъ право видѣться между собою чаще. На сговорѣ, или какъ въ другихъ мѣстахъ называютъ на *помолвкѣ*, надобно всѣмъ веселиться, чтобы не приключились несчастія молодымъ, а потому сваха и сваты не жалѣютъ ни яствъ, ни кушанья: то и дѣло что подчиваютъ.

Когда сговоръ кончился весело и благополучно, тогда ^{Поѣзжаные.} составляются *поѣзжаные* и разъѣзды. — Сваха и свать съ своими дружками, ѣздить по сосѣдамъ просить ихъ на *радость великую*, в рѣдкій домъ, который выпустить ихъ не угостивши. — Чаше случается, что самъ женихъ, въ сопровожденіи дружки, тысяцкаго и бояръ, ѣздитъ просить на свадьбу. Онъ обыкновенно бываетъ одѣтъ въ новое платье; шапка его перевивается разноцвѣтной лентою, а у прочихъ на шапкѣ ленточный цвѣточекъ или прикалываютъ просто ленты, которыя раздаются со стороны жениха. Также поступаетъ невѣста: она съ своими дружками, тысяцкою и боярынями разъѣзжаетъ по знакомымъ въ нарядной одеждѣ и просить ихъ на празнество: ее дарятъ, кто чѣмъ богатъ, и угощаютъ медомъ и водочкою. Онѣ ѣздить на повозкахъ, которыя бываютъ разрисованы разными красками: зеленою, голубою, синею и красною; сбруя лошадей вычищенная, или новая. — Сопутствующіе въ поѣздѣ невѣсты и жениха, называются *поѣзжанными*. Въ дружки избираются лучшіе друзья и пріатели жениха; тысяцкіе и бояры составляютъ свиту молодыхъ: чѣмъ она многочисленнѣе, тѣмъ болѣе чести и уваженія для молодыхъ. — Хотя вся деревня или городъ знаютъ про свадьбу, но никто не явится на нее безъ приглашенія: такъ заведено исполнѣнъ вѣка. — Къ празнеству приглашаютъ, смотря по состоянію, гудочниковъ, скрипача, литаврщиковъ

съ бубнами и басомъ. О, тогда веселіе неумолкаемое :
скачутъ и пляшутъ до упаду, кто какъ гораздъ.

По приглашеніи естество, готовится со стороны
жениха свадебный пиръ, а со стороны невесты при-
готавливаютъ приданое. Подруги собираются къ невестѣ,
чтобы укладывать въ сундуки ея приданое, и поютъ :

Яблочко въ саду ростеть,
Наливное на вѣточкѣ.
А кто-жъ у насъ яблочко?
А кто-жъ у насъ наливное?

Ой ляли, ляли,
Наливное яблочко!

Яблочко Прасковьюшка,
Ой свѣтъ Андреевна!
Какъ за Прасковьюшкой батюшка
Даетъ приданого :
Гусака чубараго,
Да и гусыню сѣрую,
Да и коня съ конюшни,
Да и село съ помѣстьями.
Государь ты, мой батюшка!
Какъ гусакъ ѣда моя,
Какъ конь гульба моя,

Ой ляли, ляли,
Село со помѣстьями!

Дѣвич-
никъ.

Не рѣдко въ тотъ самый день бываетъ дѣвичникъ,
который всегда совершается вечеромъ, на канунѣ
свадьбы. Какъ при свадебныхъ обрядахъ, такъ и на
дѣвичникѣ поются особыя пѣсни и причитанія, выра-
жающія разставаніе невесты съ своей свободою. — Дѣ-
вушки собираются въ избу невесты, въ нарядныхъ

платьяхъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, нечувствительно завязывается разговоръ о предстоящемъ празднествѣ.—Если замѣчаютъ, что невѣста печальная или уже въ слезахъ; то стараются утѣшить ее: уговариваютъ и ласкаютъ. Потомъ разсматриваютъ ея уборы, примѣряютъ къ ней и хвалятъ ихъ. Когда смеркнется, тогда зажигаютъ нѣсколько свѣчей и ставятъ ихъ на столѣ, покрытомъ бранною скатертью; послѣ приносятъ хлѣбъ-соль и коровай. Хлѣбомъ солью напоминаютъ, что отецъ и мать давно ее благословили на *доброе дѣло*, а короваемъ, что свадьба уже готовая.—Невѣсту сажаютъ на возвышенное мѣсто; подружки дѣлаютъ около нея кругъ; одна изъ нихъ, избранная въ *причитальщицы*, для произношенія припѣвовъ, покрываетъ голову невѣсты фатою, и причитаіями своими напоминаетъ всѣмъ, что *Парасковьюшка* оставляетъ веселый ихъ кругъ, и навсегда растается съ ними и съ дѣвической радостію. Невѣста и подруга плачутъ.—Нѣтъ правилъ для дѣвичника: иногда всѣ дѣвушки поютъ причитальную пѣсню, а иногда одна причитальщица, и тогда ей отвѣчаютъ за невѣсту. — Нѣкоторыя изъ пѣсень на дѣвичникъ весьма трогательныя.—Причитальщица поетъ:

Свѣтъ ты, моя волюшка,
Свѣтъ ты, моя изгупка,
У родимой матушки!
Куда-то свою волюшку
Мнѣ пустить будетъ?
Пуцу я мою волюшку
Во чистое поле,
Во темной лѣсъ.
Во темномъ лѣсъ она заплутается.
Нѣтъ пуцу я мою волюшку,
По мылымъ подруженькамъ.
Покрасуйтея подруженьки,

Покрасуйтея любезныя,
 Поколь вы у батюшки!
 Поколь вы у матушки!
 А я горькая, горемычная,
 Я уже открасовалась,
 Отшутила я съ вами
 Вся шутки шутливыя. —

На слова причитальщицы отвѣчаютъ :

Не кличь, не кличь лебедушка,
 Не кличь во полѣ бѣлая!
 Не плачь, не тужи Прасковьюшка,
 Не плачь, не грусти, душа Андреевна!
 По батюшкѣ и по матушкѣ,
 По громкомъ соловью во саду!
 Какъ свеноръ ли батюшка
 Къ тебѣ будетъ милостивъ,
 Какъ свекровь ли матушка,
 Къ тебѣ будетъ милостива.
 Лука, сударь Ивановичъ
 У тебя соловей во саду,
 Во высокомъ терему, .
 Во высокомъ наукрашенномъ.
 Девчнкъ онъ кричитъ,
 И всю ноченьку поетъ.
 Тебя ли Прасковьюшку,
 Тебя ли свѣтъ Андрееву
 Забавляетъ, утѣшаетъ,
 Спать долго не жьшаетъ,
 Къ объднямъ разбужаетъ.

Разче-
 сываю.
 косы.

По снятіи фаты, разчесываютъ волосы гребнемъ ;
 потомъ одна изъ дѣвушекъ, расплетая косу, поетъ :

Коса моя, косынька,
Коса дорогая,
Русая, золотая!

Дѣвушка, помогающая расплетанію, отвѣчаетъ:

Рано тебя расплести,
И въ дальній путь,
Въ дальній снаряжать!

Когда расчешутъ голову и приступятъ къ заплетанію косы, тогда невѣста поетъ протяжно и съ плачемъ:

Не жаль мнѣ золота,
Не жаль чистаго серебра,
Жаль одного:
Дѣвичьей красы
Русой косы.

Ей отвѣчаетъ одна изъ подругъ:

Не плачь, не плачь душа Прасковьюшка,
Красныхъ дѣвушекъ не кручини!
Не слези лице былое,
Рученокъ не ломай!
Не вѣкъ намъ дѣловати,
И волюшку распѣвати.

Расплетаніе косы всегда сопровождается горестными воспоминаніями (*)

(*) Весьма известна пѣснь вдохновеннаго Цыганова, про житье дѣвичье. Весьма известно такъ же, что эта пѣснь содѣлалась народною, потому что въ ней весьма справедливо подмѣчена грусть дѣвушки.

Когда заплетают косу, тогда поют:

Свѣтъ ты коса моя, русая ;
Свѣтъ ты, мой шелковой косникъ !
Плети ты, моя невѣстуха,
Плети косу мелко на-мелко,
Вяжи узлы крѣпко на—крѣпко !

Заплетаніе косы происходить съ изысканностію: волосокъ подбираютъ къ волоску; переплетаются и перевязываютъ осторожно черными шнурочками, потомъ плетутъ въ одинъ рядъ. Въ то время пріѣзжаетъ со стороны жениха братъ, сваха или кто другой, чтобы купить косу.

Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ.

Не входи родимуха,
По пусту въ изъездъ!
Равно мою косынку
На дѣв расплетать. —

Прикажи мнѣ русую
Въ ленту убирать!
Пушай не покрывая
Шелковой фатой,
Очи молодости
Веселить собой!

То ли житье дѣвичье,
Чтобъ его извѣять,
Торопиться замужество,
Озвать да вздыхать?

Золотая вѣлюшка
Мнѣ милѣй всего!
Не хочу я съ вѣлюшкой
Въ свѣтъ ничего!

«Дитя, мое дятятко!

Дочка милая!
Головка побѣлала,
Неразумная!
Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонокъ распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхать!
Поблѣкнуть на шеченькахъ
Маковы цвѣты....

Прискуцать забавуши,
Стоскуешься ты!
А мы — и при старости
Себя веселимъ :
Младость вспоминаючи,
На дѣтей глядящи :
И я молодешенька,
Была такая ;
И мнѣ тѣ же въ дѣвухать
Пѣлися слова!»

Эта самая пѣсня поется часто на дѣвичникахъ въ самомъ лучшемъ кругу. Тогда невѣста не нашутку припоминаетъ себѣ, что она навсегда разстанется съ дѣвической свободой, и совсѣмъ заманчивыми ея прелестями.

Братъ невѣсты, котораго мѣсто зястунаеть часто ^{Покупка} дѣвушка, торгуется съ нимъ за косу. На покупку косы ^{косы.} поють :

Не трубушка трубила рано на зарѣ,
Свѣтъ дѣвица плакала по русой косѣ :
Вечеръ мою косыньку перевыли,
И жемчугомъ косыньку унизали,
Какъ Богъ суди Луку Ивановича,
Прислалъ ко мнѣ сваху немилостиву,
Учала мою косыньку рвать, порывать,
И золото съ косыньки обрывать,
И жемчугъ съ руся разсыпати.

Покупающій косу стоитъ у двери и кланяется; онъ уже идетъ за косою, но дѣвушки останавливаютъ его; невѣста плачетъ и рыдаетъ. Она обращается къ своему брату, умоляетъ его защитить ее и не продавать ее косы, а если продать, то уже продать дорого. Дѣвушки поють :

Братецъ постарайся,
Братецъ поломайся!
Не продавай сестру
Ни за рубль, ни за золото.

Братъ поетъ одинъ :

Брату мила сестра,
А золото миглѣй.

Всѣ дѣвушки :

Братецъ Татаринъ,
Продай сестру за талеръ,
Русу косу за полтину.

Въ червоноѣ Россіи поють :

Ой Татаръ братчикъ, Татаръ,
 Продавъ сестру за таларъ,
 Русу косу за шостахъ,
 Быле лычко за такій такъ. —
 Видеусься брате видъ сестры,
 Сяде ближнійшій нижлы ты.

Выдача
 невесты.

Купившій косу, подходитъ къ невестѣ, беретъ ее за косу, а въ знакъ того, что она уже продана, кладетъ деньги на столъ, а братъ выдаетъ свою сестру.

Какъ вечеръ канарейка
 Да громко щекотала,
 Но утру рано
 Не слышать ее стало,
 Щекотать перестала.
 Знать, что къ нашей канарейкѣ
 Соколы прилетали
 И съ собой ее взяли,
 Соколу въ руки дали,
 Молодому вручали:
 Ты владѣй, владѣй соколъ,
 Нашей канареечкой;
 Не давай ее въ обиду
 Ты ни ласточкамъ, ни касаточкамъ,
 Ни молоденькимъ пташечкамъ.
 Да вечеръ, свѣтъ Прасковьюшка,
 Да громко говорила;
 По утру ли рано,
 Не слышать ее стало,
 Говорить перестала.
 Знать, что къ нашей Прасковьюшкѣ
 Да бояре привѣжали
 И съ собой ее взяли,
 Молодцу въ руки дали,
 Молодому вручали:

Ты владѣй, владѣй Лука,
 Еще нашей Прасковьюшкой
 Андреевнѣ душою.
 Не давай ее въ обиду
 Ты ни свекору, ни свекрови,
 Ни деверямъ, ни золовущкамъ;
 Ты давай выспаться ей
 До девятого часу.

Выносятъ наряды невѣсты и ими любятъся. Потомъ сажаютъ ее за дубовый столъ и поютъ коровайную:

Ужъ какъ коровай
 Для всей семьи годенъ!
 Молодой княгинѣ,
 Завтра кушать,
 Молодому князю
 Да княгиню любить.

Въ иныхъ мѣстахъ есть предубѣжденіе, что если невѣста на канунъ свадьбы отъѣдаетъ коровай; то мужъ не будетъ любить ея. Послѣ коровайной пѣсни, поютъ еще многія другія, сообразуясь съ духомъ невѣсты: веселая ли она, или печальная? Мать невѣсты угощаетъ дѣвушекъ, и послѣ угощенія онѣ расходятся по домамъ, и на слѣдующій день собираются по утру убрать невѣсту къ вѣнцу.

Предвѣчный уборъ сопровождается пѣніемъ пѣсней. Платье молодой обыкновенно бываетъ новое: <sup>Одѣ-
нъ и сѣ
продъ
вѣнцомъ</sup> сарафанъ парчевый, изъ подъ котораго нарочно выка-
 зываютъ рукава бѣлой рубашки; башмаки цвѣтные:
 красные или голубые; на груди монисто изъ кораль-
 ковъ красныхъ или бисера разноцвѣтнаго; въ ушахъ
 серги длинныя съ каменьями, на пальцахъ кольца зо-
 лотыя; шелкова душегрѣйка по верхъ сарафана, и цвѣ-

ной пестрый платокъ; голова бываетъ перевита цвѣтами. При поѣздѣ къ вѣнцу покрываютъ голову платкомъ. Горожане изъ мѣщанъ и купцовъ, зашѣли сарафаны цвѣтными и длинными платьями, которые вовсе имъ нейдутъ. Нашъ сарафанъ съ кокошникомъ и фатою, — прелестный, восхитительный нарядъ !

Невѣсту сажаютъ предъ зеркаломъ на почетное мѣсто, и одѣваютъ ее. Сколько тогда новыхъ слезъ ! Она сидитъ пригорюнившись, а подруги утѣшаютъ. Вотъ она уже одѣтая ; она крѣпко призадумалась и спрашиваетъ своего брата : куда ее снаряжаютъ ?

Братецъ, мой братецъ,
Куда меня снаряжаютъ?
Въ дальнюю сторонушку :
Къ чужому отцу,
Къ чужой матери.
Мать моя матушка,
Какъ мнѣ жить на чужой сторонѣ ?
Дитя мое, дитятко !
Надо жить
Умѣючи,
Разумѣючи.

Показано
нѣко
друж-
жамъ.

Уже пріѣхалъ дружка объявить, что пора ѣхать къ вѣнцу : но невѣста въ недоумѣніи, спрашиваетъ свою родимую : что значить, что въ полѣ пыльно а на дворѣ поѣзжаные ?

Матушка, что во полѣ пыльно?
Сударыня, что во полѣ пыльно?
Дитятко, кони разыгрались ,
Свѣтъ мое милое, кони разыгрались.
Матушка, на дворъ гости ѣдутъ,
Сударыня, на дворъ гости ѣдутъ.

Дитятко не бойся, не выдамъ;
 Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
 Матушка, на крылечко гости идутъ,
 Сударыня, на крылечко гости идутъ.
 Дитятко не бойся, не выдамъ;
 Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
 Матушка, въ нову горницу идутъ,
 Сударыня, въ нову горницу идутъ.
 Дитятко не бойся, не выдамъ,
 Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
 Матушка, за дубовый столъ садятся,
 Сударыня, за дубовый столъ садятся.
 Дитятко не бойся, не выдамъ
 Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
 Матушка, образъ со стены снимають,
 Сударыня, образъ со стены снимають.
 Дитятко не бойся, не выдамъ,
 Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
 Матушка, меня благословляють,
 Сударыня, меня благословляють.
 Дитятко! Господь Богъ съ тобою,
 Свѣтъ мое милое, Господь Богъ съ тобою.

Братъ ея беретъ образъ, подаетъ матерѣ, которая благословляетъ свою дочь. — Подруженьки провожаютъ ее въ церковь, а мать прощается :

Прощай, родимо дитятко ! Я виела, кормила, лелѣла свою душку, а на старость, на хворость ты покинула меня ; бѣдную горемычную, оставила сиротѣй. —

Мать горько плачетъ, какъ будто зарываетъ дочь въ могилу, и слезы съ обѣихъ сторонъ не притворныя ! Съ нею плачутъ и ея подруги. — Надобно видѣть, съ какимъ сердечнымъ соболѣзнованіемъ расстаются родные съ своей дочерью, а дѣвушки съ своей подругою, не смотря, что всѣ увѣрены въ добромъ яв-

тѣ. Семейная привязанность у нихъ сильнѣе, нежели въ другомъ какомъ либо сословіи.

Повѣздъ
въ описаніи
и описаніи

Повѣздъ зависитъ отъ состоянія молодыхъ: чѣмъ они богаче, тѣмъ повѣздъ пышнѣе. Достаточные окружаютъ себя толпою услужниковъ. Жениха величаютъ княземъ а невесту княгиней. Князь бываетъ одѣтъ въ кафтанъ багрецового сукна: шаравары на немъ черныя бархатныя, рукавицы замшевыя, сапоги юхтовые съ оторочкой, шляпа съ павлинымъ перомъ, шея перевязана краснымъ платочкомъ; волосы подстрижены въ кружокъ. Дружка и тысяцкій стараются одѣться какъ можно пощеголеватѣе: на нихъ кафтаны новыя суконныя, шляпы съ цвѣткомъ, часто какъ у самого жениха; красныя отвороты рубашки, нарочно выказываются впередъ. Князь и его спутники ѣдутъ въ церковь верхами, что не всегда случается; болѣе отправляются на телегъ или саняхъ (*). По прибытіи въ церковь, посылаютъ за невестою, которая немедленно пріѣзжаетъ съ своими дружками и прочими спутницами. —

Дружки подводятъ ихъ къ палюу, священникъ начинаетъ обрядъ вѣнчанія. Надъ головами молодыхъ дружки держатъ вѣнцы. Считаютъ неблагопріятнымъ для супружества, если вѣнцы держать надъ головами; надобно, чтобы они лежали на головахъ. Если вѣнецъ, для облегченія невесты, не накладываютъ на ея голову, то народъ не считаетъ такой бракъ дѣйствительнымъ и предсказываетъ бѣду. — Если надъ

(*) Если повѣздъ молодыхъ сопровождается небольшимъ дождемъ, или только ихъ смочитъ: то это къ счастію, какъ вообще дождь означаетъ благодать.

головною урочать вѣнецъ, то вѣрное несчастье. Подъ ноги молодыхъ не подстилаютъ ковра, но бѣлое полотно, которое обрамляется потомъ въ собственность попа. —

Дѣлаютъ замѣчанія по тѣмъ свѣчамъ, которыя держатъ молодые: горятъ ли онѣ ровно, или съ трескомъ? плывутъ ли, или нѣтъ? Если ровно, то жизнь будетъ спокойная; съ трескомъ, раздорная; плывутъ ли, одно горе; не плывутъ, мужъ будетъ тихій и вѣрный. При благословеніи на супружество, священникъ надѣваетъ имъ кольца, и потомъ связавъ руки бѣлымъ полотномъ, водить около наоя. По совершеніи этого обряда, онъ даетъ пить красное вино, три раза; за послѣднимъ разомъ женихъ иногда бросаетъ на землю кубокъ (рюмку) и топчетъ его ногою. Послѣ вѣчанія священникъ заставляетъ молодыхъ цѣловаться, въ присутствіи всего народа. — Случалось видѣть это и въ столицѣ, на купеческихъ свадьбахъ.

Родственники, друзья и знакомые, поздравляютъ молодыхъ и желаютъ имъ счастья. Всякое движеніе ихъ по выходѣ изъ церкви, замѣчаютъ и толкуютъ по своему: старухи и знахарьки. Простолушныя родители даже прибѣгаютъ къ ихъ совѣтамъ, прося, чтобы они такъ сдѣлали, чтобы молодые вѣчно миловались и цѣловались. За самое лучшее и надежнѣйшее средство, для супружескаго согласія, почитаютъ замки, по сему старухи кладутъ подъ порогъ, дверей и въ то время, какъ молодые переступятъ порогъ тотъ часъ поднимаютъ замки и замыкаютъ: ключъ бросаютъ въ рѣку или колодезь, чтобъ мужъ и жена жили въ любви. Женихъ возвращается съ молодою въ свой домъ; тамъ у дверей встрѣчаетъ сваха, и осыпаетъ зерновымъ хлѣбомъ и хмѣлемъ. По входѣ въ избу, благословляютъ ихъ посаженные родители, иконою и

хлѣбонъ-солью. Молодые падаютъ имъ въ ноги три раза. Въ посаженные отды избираютъ преимущественно извѣстныхъ высокой нравственности, и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ. —

Угощеніе.

Послѣ благословенія сажаютъ молодыхъ на первое мѣсто за столъ, на коемъ давно лежатъ приготовленные пироги, калачи, сайки, вотрушки и пряные куврижки; вино, медъ и пиво стоятъ въ большихъ склянкахъ. Молодыхъ подчиваютъ прежде, а тамъ гостей, въ числѣ коихъ бываетъ священникъ съ своимъ причетомъ. Дружка и сваха заботятся объ угощеніи. — Спустя нѣсколько времени, открываютъ обѣдъ, который бываетъ довольно сытный и разнообразный: въ числѣ ихъ холодныя, приправленныя кореньями, щи и жаркія. Ъдятъ деревянными ложками, изъ муравленыхъ чашъ. Оловянные ложки встрѣчаются у однихъ зажиточныхъ. Жаркое берутъ пальцами, изрѣзанное въ куски на деревянной тарелкѣ. При крестьянскихъ столахъ но нынѣ не употребляютъ тарелокъ и вилокъ, какъ бы не находя въ нихъ надобности. Недавно начали подавать полотенца для утиранія рукъ, а прежде обтирали ихъ объ полу и сапоги. — Сидятъ на лавкахъ, вокругъ стола. Ъдятъ и пьютъ досыта, и та свадьба славная, гдѣ всего было вдоволь. — Въ концѣ стола дружка разрѣзываетъ коровай, и первый кусокъ подноситъ молодымъ, а другую часть несетъ въ холодную спальню молодыхъ, и кладетъ подъ подушки. Другіе оставляютъ въ кадкѣ, съ зерновымъ хлѣбомъ. Этотъ коровай ѣдятъ молодые поутру. Та свадьба считается счастливою, на коей бьютъ посуду. Иные нарочно бьютъ тарелки, рюмки, чашки и стаканы. (°)

(°) Бить въ это время посуду, или во время крестинъ и

Послѣ обѣда угощаютъ орѣхами, грибами, коврижками, медовыми маковками, яблоками, изюмомъ и сахаристыми закусками.

Когда гости поразгуляются, тогда появляются лице-^{Веселіе.}дѣи и музыканты: первые, въ шутовскихъ одеждахъ, открываютъ пляску; вторые музыку. Волынка и бубны раздаются не умолкну; гудокъ и флейта разносятъ свой звукъ по всей окрестности: свистать и пичкать, не выразимо отчаянно; но громогласное одобреніе гуляющихъ, ободряетъ продолжать свистъ и пискъ. Скрыпачъ, который ни отъ кого не слышать себя похвалъ, бьетъ по струнамъ во все стороны: и пальцами и руками, и рѣжетъ смычкомъ на пропалую. Все устаютъ отъ плясокъ, но музыканты дерутъ! Вообще веселое расположеніе возбуждаетъ во всехъ охоту къ новымъ пляскамъ. Молодые и не робкіе парни, выходятъ изъ толпы; гости раступаются и даютъ имъ просторъ. Молодецъ, надѣвъ шапку на бокрень, выходитъ на средину, разхаживаетъ спесиво и поглядываетъ на красныхъ дѣвицъ. Одна, которая ему давно нравится, составляетъ предметъ его поисковъ, — онъ ищетъ ее, онъ напелъ ее здѣсь; подходитъ къ ней, и снявъ шапку правой рукою съ важностію, проситъ, наклономъ головы, начать съ нимъ русскую. Выходитъ дѣвица — душа: молодецъ первый начинаетъ плясать. Подбоденная одной рукою, онъ пламенными тѣлодвиженіями выражаетъ любовь свою: то манитъ къ себѣ,

пирушекъ, — хорошая примата. Это повѣре выдуманно, какъ должно думать, для того, чтобы разбитыя вещи не-нарушали спокойствія и удовольствія хозяевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не лишали бы веселости гостей. —

те прижимаетъ свою руку къ груди, мысленно обнимаетъ и разстается печально. Но вдругъ онъ измѣняется весь: веселится, скачетъ и забываетъ ее, — онъ манитъ другую красавицу, — другую уже полюбилъ! — Его дѣвица душа выходитъ впередъ, медленными шагами и съ грустной душою: на ея лице тоска и горе, въ движеніяхъ безнадѣжность. Она упрекаетъ его въ непостоянствѣ, и указывая на свое сердце, которое такъ долго любило невѣрнаго, увѣряетъ его, что онъ и теперь ей дорогъ, — но онъ безмолвенъ! — Она рисуется предъ нимъ задумчивой картиною: то поднимаетъ руки вверхъ, то опускаетъ ихъ со вздохомъ, и останавливаясь, подумавъ немного, складываетъ руки на грудь, и плыветъ съ поникшей головою, словно горемычная лебедка, съ тяжелой кручинушкой: поглядываетъ со вздохами и опускаетъ голову. Однажды сердце любить, и она рѣшается это высказать ему: прикладываетъ еще разъ руку къ сердцу, показываетъ, какъ оно бьется, и забилося только для него; напоминаетъ ему, что онъ можетъ полюбить другую, но не любить, и той измѣнить. Кто разъ измѣнилъ, тотъ измѣняетъ всегда! Она закрываетъ лице руками, плачетъ по своей любви, и какъ одинокая голубка, воркуетъ съ однимъ горемъ: для ней уже нѣтъ милаго въ свѣтѣ. Опустивъ обѣ руки вдоль сарафана и склонивъ горемычную головку, она трепещетъ и доплываетъ съ очаровательной задумчивостію до того мѣста, гдѣ стоитъ ея молодецъ. Парень потряхиваетъ черные свои кудри, выставляетъ ногу впередъ, и потомъ выходитъ ей на встрѣчу: онъ прижимаетъ ее съ привѣтствіемъ любовнымъ, она, — въ неописанной радости! Она отвѣчаетъ ему любовью и оба, взявшись за руки, дѣлаютъ кругъ посрединѣ и раскланиваются другъ другу. — Общее одобреніе раздается повсюду. Вызываютъ другихъ охот-

никовъ, еще пройти русскую.—Невозможно описать этого народнаго танца: онъ постоянно измѣняется самыми пляшущими, которые разнообразять ее до безконечности, потому что всякій выражаетъ то, что у него на душѣ. — Послѣ русской начинается разнообразное веселіе: скачутъ и поютъ, а музыканты играютъ безумолчно.—Веселіе продолжается до полночи.

Во время еще веселія ^{Уводятъ молодыхъ въ комнату, а гости остаются пировать, не рѣдко до разсвѣта.} уводятъ молодыхъ въ холодную комнату, а гости остаются пировать, не рѣдко до разсвѣта. Новобрачныхъ провожаютъ сваха и свать; ихъ кладутъ на ржанныхъ снопахъ; въ углахъ постели, ставятъ, однако не повсюду, свѣчи, которыя были на вѣчаніи: ихъ ставятъ въ кадки наполненные пшеницею и рожью. Молодую раздѣваетъ сваха и одна изъ молодыхъ женщинъ. Во всю ночь ѣздитъ дружка верхомъ на лошади, вокругъ сѣнника, съ обнаженной саблею. На утро приходятъ къ молодымъ съ поздравленіями: сваха, свать и дружка. Сваха, осмотрѣвъ бѣлье невесты, объявляетъ о ея непорочности. Послѣ молодые отправляются въ баню; потомъ кормятъ ихъ кашею и жаркимъ съ короваемъ. Въ тотъ же день молодые ходятъ на поклонны къ своимъ родителямъ, которые угощаютъ ихъ по домашнему. Сюда уже не приглашаютъ постороннихъ: все свои родные и родственники.

Верховая ѣзда дружки, хожденіе въ баню и кормленіе, не вездѣ теперь въ обыкновеніи; однако нѣкоторыя донинѣ считаютъ необходимымъ выполненіе старинныхъ обрядовъ.

Совершеніе свадьбы не только въ большихъ городахъ, но и въ деревняхъ обходится дорого. ^{Свадебный расходъ.} — Угощеніе и приготовленіе веселья, обходится не менѣе 50 руб. серебр., не считая подарковъ отъ невесты и жениха новымъ своимъ родственникамъ, друж-

камъ, свахамъ, боярамъ и поѣзжанымъ, что обходится до 30 руб. сер. Обыкновенные свадебные расходы не простираются менѣе 30 руб. серебр., а крестьянину это чрезвычайно дорого, и все бы не казалось дорогимъ, если бы не были чрезмѣрные поборы священниковъ за вѣнчаніе.

IX. СВАДЬБА ВЪ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ псковской губерніи, особенно въ Торопѣ, за-^{Свято-}ступаютъ мѣста сватовъ, между зажиточными людьми, верѣдко сами священники. Если жениху понравится дѣвушка, то онъ объявляетъ объ этомъ своему отцу, прося женить его. Отецъ проситъ священника своего прихода, высватать понравившуюся ему дѣвушку. — Священникъ отправляется въ домъ невѣсты и заводитъ разговоръ : сначала о постороннихъ предметахъ, потомъ намекаетъ отцу невѣсты, что онъ пріѣхалъ посмотреть товаръ, или что у него есть купецъ на ихъ товаръ. — Родители, понимая его рѣчь, отвѣчаютъ ему: мы батюшка теперь не посправились, или : мы батюшка теперь не исправны, намъ надобно подумать; это дѣло вѣчное, а не часовое. Мы поговоримъ и посоветуемся съ нашими родными, и спросимъ согласія нашей дочери. — Невѣста, какъ бы не любила жениха, и самые ея родители, сколько бы ни желали объявить свое согласіе, съ перваго раза, но по заведенному изстари обыкновѣнію, откладываютъ дѣло на нѣсколько дней, чтобы лучше обдумать, и не обидѣть своихъ родственниковъ, не спросясь у нихъ, хотъ въ

приличія, ихъ совѣта. — Священника подчиваютъ виномъ или угощаютъ чашкою кофе и чаю, и просятъ его пріѣхать за отвѣтомъ, въ назначенный ими день. Обо всемъ этомъ онъ даетъ знать родителямъ жениха. — Въ опредѣленный день пріѣзжаетъ священникъ въ домъ неvěсты, и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, онъ говоритъ, что теперь уже ожидаетъ, чтобы она *порѣшили* его. Если родители и родственники не согласны, то обыкновенно отвѣчаютъ: нѣтъ, батюшка, мы *ненамѣрены* выдать свою дочь; наша неvěста еще молода, мы еще *неисправны* и не богаты, и нашей неvěсты годы не уйдутъ, — найдутся женихи. Если родители согласны, то говорятъ: что же, батюшка, мы согласны выдать свою дочь; она не выходитъ изъ нашего повиновенія, покорна нашей волѣ. — Тогда священникъ проситъ, чтобы ему показали товаръ, а его нареченную прихожанку. Родители зовутъ свою дочь, сядящую съ дѣвцами въ особой комнатѣ. Она выходитъ, священникъ благословляетъ и спрашиваетъ: Елизаветъ Петровна! вы согласны вытти за мужъ за Андрея Григорьевича? — Да, батюшка. — Вы его знаете? — Да, батюшка, — онъ кажется не глупой человѣкъ, и хорошей. —

Руко-
батье.

Тогда священникъ, надѣвъ на себя епитрахиль, обращается къ иконѣ, читаетъ въ слухъ *достойно есть*, и потомъ даетъ родителямъ и неvěстѣ цѣловать крестъ или образъ. Затѣмъ неvěста уходитъ въ свою комнату, и тогда уже начинается угощеніе, называемое попойкою. Женихъ въ то время посылаетъ отъ себя дьячка въ домъ неvěсты, чтобы узнать: чѣмъ кончилось его дѣло? Дьячку объявляютъ, что дѣло кончилось благополучно, и вызываютъ неvěсту, чтобы она сама объ этомъ объявила. Она говоритъ дьячку: мое дѣло кончилось и кланяйтесь моему жениху,

называя его по имени; а родители ея прибавляютъ: и отъ насъ кланяйтесь нашему свату и нашей сватушкѣ, называя по имени родителей жениха. При отправленіи дьячка, родители невѣсты дарятъ его бѣлымъ или шелковымъ платкомъ, или матеріею на жилетъ. Дьячекъ, прибывъ въ домъ жениха, объявляетъ его родителю, ему самому и собравшимся родственникамъ: пу, слава Богу! дѣло кончилось хорошо.—Тогда всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и молятся Богу; потомъ начинается у жениха попойка. Все это дѣйствіе, когда дѣвица изъявила согласіе на выходъ замужъ, называется рукобитьемъ, (помолвою), при чемъ однако не присутствуетъ женихъ. Во время подчиванія священника, угощаютъ родственниковъ и подругъ невѣсты сухими плодами: изюмомъ, черносливами, вишнями, ягодами, яблоками, грушами, пряничными орѣхами, вареньями, конфетами, и все это называется *богомольщиною*. — При выходѣ священника дарятъ его бархатомъ, сукномъ, демикатономъ, диверласомъ (шелковой матеріею), смотря по состоянію родителей, и навазываютъ въ платокъ *богомольщину*, которую онъ отвозитъ, въ тотъ же вечеръ, жениху и его родственникамъ, ожидающимъ его съ нетерпѣніемъ. Его тутъ угощаютъ снова разными напитками. Когда священникъ выйдетъ изъ дома невѣсты, тогда подруги ея бѣгутъ за ворота и поютъ просватанье. Этимъ дается знать сосѣдямъ, что невѣста просватана, а жениху, что къ нему ѣдетъ священникъ. Невѣста сидитъ одна въ своей комнатѣ и плачетъ; дѣвушки, стоящія за воротами, произносятъ имена просватанныхъ и поютъ:

Услышь, услышь, великий князь Андрей Григорьевичъ,
 Что играемъ (°) боярыню, великую княгиню Елисаветъ
 Петровну,

Услышь и поскорѣй къ намъ прїѣзжай. —
 Развесели нашу боярыню
 Княгиню Елисаветъ Петровну.

Тѣмъ оканчивается. — Дѣвушки входятъ въ комнату. Родители выводятъ свою дочь изъ плакальной комнаты. Она, помолившись Богу, падаетъ родителямъ въ ноги и плачетъ. Родители поднимаютъ ее и сажаютъ за столъ; она, облокотившись объ столъ, начинаетъ вновь плакать а дѣвушки поютъ; иногда поетъ сама невѣста :

Воля моя и нѣга моя,
 И красота моя дѣвичья!
 И косу русу распускаютъ
 Что я вамъ государь мой батюшка досадила ?
 Что я вамъ государыня матушка наскучила ?

Обращаясь къ братьямъ, сестрамъ и подругамъ :

Любезные братцы! уговорите своего государь батюшку
 И свою государыню матушку,
 Что я имъ досадила, что я имъ напрокутила!
 Любезныя сестрицы, подружки и ластушки :
 Уговорите государи батюшку
 И государыню матушку,
 Что я имъ досадила, что я имъ напрокутила!

(°) Играемъ, — поемъ. Во многихъ мѣстахъ говорятъ *играть пѣсню*, вмѣсто пѣть пѣснь ; *разыгрывать пѣсню*, вмѣсто распевать пѣснь.

Такимъ образомъ это причитаніе призывается ко всѣмъ роднымъ и родственникамъ, коихъ она упрасиваетъ, чтобы они уговорили отца и мать не выдавать за того жениха, который ей не по сердцу. Часто случается, что дѣвица сирота или дочь выдается за мужъ по принужденію и противу ея воли.

При этомъ причитаніи плачетъ мать, если она любитъ свою дочь, и горѣдко самъ отецъ. Во время причитанія мать расчесываетъ косу бѣлымъ костянымъ гребнемъ. Если братья или сестры въ отсутствіи, то невѣста заочно поетъ причитаніе :

Любезные братьи! прилетите на этотъ часочекъ,
И уговорите государя батюшку и т. д.

Когда мать расчесываетъ косу, тогда дочь, обхвативъ отца руками, оплакиваетъ свою судьбу :

Государь мой батюшка,
Что я тебя досадила,
Что я тебя напроскучила,
Своимъ глупымъ разумомъ.

Отецъ уговариваетъ ее и успокоиваетъ : что же дѣлать, мое дитятко ! Не вѣковати вѣкъ въ дѣвушкахъ. — Онъ добрый и хорошій человекъ, а Богъ благословилъ васъ на ваше счастье. — Потомъ дочь и мать, обнявъ другъ друга руками, и вмѣстѣ плачутъ горько. При чемъ дочь говоритъ :

Государыня моя матушка!
Что я тебя досадила?
Что я тебя напроскучила?
Уговори своего милаго друга.
А моего государя батюшку. —

Ихъ разнимають, чтобы онѣ не плакали, и уговариваютъ невѣсту, которая ко всѣмъ подходитъ и всѣхъ оплакиваетъ: родныхъ и подругъ. Когда она всѣхъ переплачетъ, тогда всѣ расходятся и этимъ оканчивается рукобитье.

За не имѣніемъ родителей, она оплакиваетъ заступающихъ мѣсто родителей. —

Дѣвушки, лежа съ спать, кладутъ подъ голову *богомольщину*, загадывая ею про будущую свою судьбу. Нѣкоторые говорятъ, что это дѣлаетъ даже невѣста, но скротно.

На другой день женихъ посѣщаетъ утромъ свою невѣсту и спрашиваетъ у нее: какія надобны подарки для смотринъ, назначаемые обыкновенно на третей день отъ рукобитья, и какіе для нее самой? Если дѣвушка не достаточная, то она отвѣчаетъ: къ чему, мой другъ, входить въ изысканъ на подарки! Мои родственники и знакомые не взыщутъ, если я не буду дарить ихъ. — Богатый женихъ, не смотря не отсоединеніе своей невѣсты, покупаетъ для нее подарки, кои она раздаетъ послѣ свадьбы: родителямъ и родственникамъ жениха. (*) Женихъ же даритъ въ смотрины: родителей и родственниковъ невѣсты. Часто невѣсты отказываются отъ подарковъ жениха, — это чудо! — по крайней мѣрѣ такъ увѣряють, но многіе женихи, по свойственной имъ въ то время щедрости, сами навязываются на подарки. —

Смотря-
имъ.

Ввечеру приходитъ женихъ въ домъ невѣсты, съ своимъ братомъ, или другимъ какимъ нибудь родственникомъ, или съ хорошимъ своимъ пріятелемъ, который называется *дружкой смотринъ*; самые смот-

(*) Свадьба обыкновенно бываетъ въ воскресенье.

рины называютъ небольшою частю *семданьемъ*, на ко-
 емъ бывають всѣ родственники, знакомые и подруги
 невѣсты. Подруги гостять у невѣсты до самой свадь-
 бы. Женихъ одѣвается въ лучшее платье, по тому вку-
 су, какой ему нравится, а невѣста, если бы ходила
 прежде въ нѣмецкомъ платьѣ, то въ этотъ день ис-
 ключительно одѣвается въ русское платье: въ русскую
 кисейную, вышитую рубашку; въ ферезъ изъ обьяри,
 или въ штофную и шелковую; подпоясывается шел-
 ковымъ цвѣтнымъ поясомъ, съ золотыми кистями; на
 шеѣ бархатъ, а самая шея унизана жемчугомъ: въ
 ушахъ жемчужныя серги, а на головѣ жемчужный
 вѣнецъ, съ привязанной широкой лентою, на подобіе
 пояса, въ длину всей косы; косу распускають по пле-
 чамъ съ переплетами; башмаки черныя козловые и
 сазьянные, чулки бѣлыя узорчатые. Ея подруги въ
 такомъ же нарядѣ, за исключеніемъ, что коса не бы-
 ваетъ распущена, а голову прикрываютъ платкомъ,
 припиленнымъ къ вѣнцу. Женщины въ кокошникахъ
 подъ платками, а другія бывають въ нѣмецкомъ пла-
 тьи, и таковыя сидятъ выше тѣхъ, которыя одѣты по
 русски. Невѣста садится на первомъ мѣстѣ, по пра-
 вую руку ея подруги, а по лѣвую мать, пока не прій-
 детъ женихъ. Если свиданье бываетъ богатое, то мно-
 гіе приходятъ сюда незваные, изъ одного любопыт-
 ства. На столахъ стоитъ на 40 и 80 тарелкахъ: ва-
 ренье, сладкіе плоды, пряничныя орѣхи и разныхъ
 родовъ орѣхи это называется *закускаю*. До прихода
 жениха ни кого не угощаютъ, но дѣвушки поютъ въ
 то время пѣсни, для жениха и невѣсты, которыя на-
 зываются *обыранными*. Поютъ жалобно и протяжно.
 За пѣніе дѣвицъ ничего не даютъ. —

Обручалась боярыня Елисаветъ Петровна,
 Съ княземъ со боярыномъ Андреемъ Григорьевичемъ.
 И все наше миновалось :

Перешутые частое,
 Посидылки веселыя,
 И гости наши любезныя,
 Съ подружкой съ ластушкой
 Съ бывлой лебедушкой,
 Съ княгиней Елисаветъ Петровной.

Отвѣтъ держать боярыня,
 Княгиня Елисаветъ Петровна :
 Подружки мои ластушки,
 Еще бывлыя лебедушки,
 Рада бы я съ вами хотъ вѣкъ вѣновать,
 А у своего государя годъ годовать,
 И въ государыни матушки,
 Недѣлю недѣлывать, —
 Пришелъ же на меня,
 Печальный день!
 Въ воскресенье свѣтъ,
 Расплетутъ русу косу,
 Разлучать меня съ отцемъ, съ матерью,
 Съ родомъ со племенемъ,
 Съ ближними пріятелями,
 Съ подружками, ластушками.

Подружки мои, ластушки,
 Еще бывлыя лебедушки!
 Мнѣ не вѣкъ съ вами вѣновать,
 Ни годъ годовать, ни недѣлю недѣлывать,
 А все только одну дочку почитать. —

Ни близко, ни далеко,
 Молодой соловей гнѣздо совиласть,
 Молодой тепло согрѣласть;
 Завѣсь ни низко, ни высоко,

Павлины перья роняетъ ;
 Здесь не навухка по двору ходить,
 Не павлино сизо-перья роняетъ ;
 Здесь около терему по двору ходить,
 Около терему около високова. —
 Здесь ходила, здесь гуляла,
 Свѣтъ княгиня боярыня Елисаветъ Петровна,
 Около терему около високова. —
 Она ходючи и гуляючи,
 Горячи слезы роняючи,
 Таковыя слова говорячи :
 Мой именной замокъ отомкнися,
 Отомкнися, отомкнися ;
 Полушенная цѣнь отложися,
 Отложися, отложися !
 Кипарисная дверь отворися,
 Отворися, отворися !
 Государь батюшка пробудися,
 Государыня матушка проснися.
 Мнѣ вѣтъ у васъ не годъ годовать,
 Ни недѣлю недѣлывать ;
 Мнѣ ни съ батюшкой,
 Думушку думовать ;
 Мнѣ не съ государыней матушкой ;
 Рѣчь говорить,
 Мнѣ не съ братцемъ и не съ сестрицей,
 Советъ советывать ;
 Ни съ подруженьками, голубушками,
 Мнѣ разставатися :
 А съ родомъ племенемъ,
 И со ближними пріятелями,
 Мнѣ прощатися.

Что у насъ свѣтъ княгини, боярыни,
 Да княгиня Елисаветъ Петровна,
 Во високомъ терему,
 Не весело сидитъ !

Со слезами отца съ матерью смотритъ.
 Подружки мои ластушки,
 Еще бывши лебедушки!
 На что жъ мнѣ глядя радоваться?
 На что жъ мнѣ глядя веселиться?
 Полная гостей горница,
 Но милаго друга нѣту,
 Свѣтъ великаго князя,
 Князя боярыня Андрѣя Григорьевича.
 Ты прійди, прійди поскорѣй,
 Свѣтъ великій князь,
 Да великій князь Андрѣй Григорьевичъ!
 Развесели у насъ боярыню, княгиню,
 Да свѣтъ княгиню Елисаветъ Петровну.
 Она очень стосковалась,
 Что давно не видалась.

Изъ за горь ли, горь высокихъ,
 Изъ за лѣсу, лѣсу болотенаго,
 Вылетало стадо гусиное,
 А другое лебединое.
 Отставала лебедушка,
 Что прочь отъ стада лебединого;
 Приставала лебедушка,
 Что къ стаду ко сврымъ гусямъ.
 Не успѣла лебедушка,
 Не успѣла бвлешенька,
 Къ сврымъ гусямъ пристать;
 Начали лебедушку,
 Гуси сврыя щипать,
 Бвлешенькую клевать,
 А лебедушка кричать:
 Ахъ вы гуси сврыя,
 Не щипайте вы меня!
 Не сама я къ вамъ залетѣла,
 Не своей охотою;
 Занесло меня великой погодою.

Не утѣла лебедушка,
 По илькимъ ручьямъ плавать,
 По лебединому кричать.
 Что отставала свѣтъ,
 Да княгиня да боярыня,
 Свѣтъ княгиня Елисаветъ Истровна.
 Прочь отъ роднаго государя отъ батюшки,
 Отъ родной государыни матушки;
 Прочь отъ роду, отъ племени,
 И отъ ближнихъ пріятелей. —
 Что приставаала лебедушка,
 Свѣтъ княгиня боярыня,
 Княгиня Елисаветъ Петровна,
 Что ко чужому ко роду, ко племени,
 Ко чужому свекру государю батюшки,
 Ко чужой свекрови государыни матушки.
 Не утѣла свѣтъ головушки оправить,
 Началъ свекоръ батюшка журить,
 А свекровь матушка бранить,
 А свѣтъ княгиня боярыня плакать,
 И роднаго батюшку кликать:
 Что вы меня, свекоръ батюшка журитъ?
 И что вы меня, свекровь матушка бранитъ?
 Не сама я къ вамъ залегла,
 Не своей неволею,
 Но большой несгодою;
 Завезли меня добры кони,
 Добры кони вороны,
 Свѣтъ великаго князя Андрея Григорьевича.
 Какъ удобрился великій князь, да бояринъ,
 Да свѣтъ Андрей Григорьевичъ,
 Паче роднаго отца и матери;
 А какъ улютился,
 А какъ разсердился великій князь,
 Да свѣтъ Андрей Григорьевичъ,
 Паче лютыя зыби. —

Когда услышать, что женихъ подъѣзжаетъ ко двору невесты, тогда поютъ ;

Вьютъ на водѣ увивается,
 Зять у тещи у воротъ убивается :
 Теща моя! теща ласковая!
 Отворяй широки ворота,
 Давай коню стойло,
 Давай коню вороному,
 Пшена яраго. —
 Теща изъ терема выходила,
 Рать милому говорила :
 Есть у меня, есть у меня,
 Про милаго зятя.
 Про твоего коня стойло ;
 Есть у меня, есть у меня,
 Про твоего коня вороного.
 Пшена яраго.
 Это моему милому зятю,
 Ни въ честь, ни въ жалованье,
 Ни въ низкіе поклоны.
 Есть у меня, есть у меня,
 Про милаго зятя,
 Наливное яблочко,
 Это ему ни въ честь, ни въ жалованье,
 Ни въ низкіе поклоны. —
 Есть у меня, есть у меня,
 Скатная жемчуженка,
 Это ему ни въ честь, ни въ жалованье,
 Ни въ низкіе поклоны.
 Есть у меня, есть у меня,
 Про милаго зятя
 Его суженая,
 Его ряженая,
 Свѣтъ великая княгиня
 Боярыня Елисаветъ Петровна. —
 Это ему, это ему, —

Ни въ честь, ни въ жалованье,
 Ни въ низкіе поклоны. —

По приѣздѣ жениха съ поѣзжанвыми, родственники
 невѣсты встрѣчаютъ его за дверьми, а дѣвушки съ
 пѣснями въ самомъ покоѣ :

Не буйные вѣтры понавѣяли, —
 Не званые гости понавѣхали!
 Обломались сѣни новыя,
 Обломились съ переходами,
 Растоптали, раздавили,
 Чару золоту, чару финисову.
 Выпугали, выпугали.
 У саду соловья молодого, залетнаго.
 Какъ расплакалася свѣтъ,
 Да разстужилась великая княжна,
 Болыня да свѣтъ Елисаветъ Пестровна,
 О своемъ высокомъ теремѣ :
 Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ,
 Изрубить сѣни новыя?
 Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ,
 Сольетъ чару золоту?
 Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ,
 Сольетъ чару финисову?
 Кто же въ моемъ, кто же въ моемъ,
 Во саду сядетъ соловьемъ,
 Молодымъ и залетнымъ?
 Кто же меня, кто же меня,
 Рано будетъ будить?
 И кто же меня рано будетъ кликать?
 И кто же меня рано будетъ будить?
 Отвѣтъ держалъ великій князь,
 Да свѣтъ Андрей Григорьевичъ :
 Ты не плачь, не плачь, и не тужи,
 Великая княгиня, болыня,
 Да свѣтъ Елисаветъ Пестровна,

О своємъ высокомъ теремѣ :
 Я самъ тебѣ зарублю свои новыя,
 Я самъ тебѣ зарублю съ переходами,
 Я самъ тебѣ солью чару золоту,
 Я самъ тебѣ солью чару финисову,
 Я самъ въ твоємъ саду
 Сяду соловьемъ молодымъ, залетнымъ,
 Я самъ тебя рано буду свѣтъ кликать,
 Я самъ тебя рано буду будить.

Женихъ войдя въ комнату, молятся сначала образамъ, потомъ онъ цѣлуетъ свою невѣсту въ губы, которая взаимно отвѣчаетъ на его поцѣлуй; послѣ цѣлуются женихъ со всѣми родными невѣсты. Отецъ и мать невѣсты, или сама невѣста, просятъ своего жениха садиться подлѣ нея. Тогда начинаютъ угощать: плодами, пряниками, орѣхами, винами и разными закусками, смотря по состоянію. Когда отецъ невѣсты начинаетъ подчивать жениха виномъ, тогда невѣста подноситъ ему подарки на подносѣ, которые зависятъ отъ состоянія. Иная даритъ сукномъ и матеріей шелковой на жилетъ; потомъ она даритъ тѣмъ же самымъ его дружкѣ. Женихъ обдариваетъ невѣсту матеріею на фerezъ, жемчугомъ и т. п.—Дѣвицы поютъ :

Услышь, услышь, великій князь,
 Да свѣтъ бояринъ Андрей Григорьевичъ!
 Что играемъ боярыню и княгиню,
 Да свѣтъ Елисаветъ Петровну,
 Съ великимъ княземъ да свѣтъ
 Со бояриномъ Андреемъ Григорьевичемъ.
 И радуйся и веселись! —
 Глухое дитя, не разумное,
 Великій князь да свѣтъ,

Бояринъ Андрѣй Григорьевичъ.
 Что даешь боярыню, великую княгиню,
 Да свѣтъ княгиню Елисаветъ Петровну
 Изъ такого изъ рода,
 Изъ такого изъ племени,
 Изъ семьи изъ веселой. —
 И у моемъ счастливомъ роду :
 Все попы, все дьяконы,
 Бургомистры и ратманы ;
 А въ твоємъ безчастномъ роду
 Свѣтъ великій князь бояринъ,
 Да свѣтъ Андрѣй Григорьевичъ :
 Увсе мужики, да деревенскіе.
 На выгонъ повыгнанные,
 Да на уборъ повыбранные!
 Лягушки растутъ,
 Въ избу просятся. —
 А въ его то матушка,
 Богу помолилась,
 Да и тиболка свалилась ! (*)
 На сговоръ тебѣ даешь,
 Да свѣтъ великій князь, да бояринъ,
 Да свѣтъ Андрѣй Григорьевичъ :
 Великую княгиню боярыню,
 Княгиню да свѣтъ Елисаветъ Петровну.
 Береги у насъ боярыню,
 Великую княгиню, да княгиню,
 Да свѣтъ Елисаветъ Петровну. —
 Она въ насъ чаемъ и кофеемъ упоена,
 И сдобнымъ крейделемъ вскормлена. —
 Не давай толочь и молоть,
 Не давай воды носить,

(*) Головной уборъ, который называютъ въ насмѣшку тиболкою.

И не давай свѣтъ, великій князь,
 Да свѣтъ бояринъ Андрей Григорьевичъ!
 И въ приданомъ не давай,
 Къ обѣдамъ ходить.
 А заставь ее въ приданомъ
 Печь топить,
 А въ своемъ къ обѣдамъ ходить. —

На горѣ росла малинникъ,
 А подъ горою калинникъ.
 Сломлю жъ я эту малинникъ,
 И приложу къ калинникъ. —
 Что не быть калинникъ,
 Супротивъ малинникъ;
 И что и не быть велику князю,
 Да свѣтъ боярину,
 Да свѣтъ Андрею Григорьевичу,
 Супротивъ великой княгини, да бояринъ,
 Да свѣтъ Елисаветъ Петровны. —

Веселіе продолжается до полночи, и тогда уже подаютъ ужины; послѣ ужина всѣ расходятся по домамъ. Подруги невѣсты остаются гостить у ней до свадьбы. —

Отправ-
 леніе
 придан-
 ного.

Въ продолженіи предсвадебнаго времени, дѣвушки помогаютъ невѣстѣ шить приданое, а женихъ посѣщаетъ ее каждый вечеръ. — За два дни до свадьбы отправляютъ приданое въ домъ жениха, со свахою или родственницею, въ сопровожденіи мальчика, который несетъ образъ; тамъ дарятъ ихъ. — Постель стелетъ родственница невѣсты; привезшихъ же приданое, угощаютъ чаемъ, винами и закусками. Предъ отправленіемъ приданого просятъ священника, достаточные люди, отслужить молебень съ водосвятиемъ; потомъ онъ благословляетъ невѣсту, окропляетъ все приданое во-

дой и говорить: съ Богомъ! — Тогда начинаютъ укладывать, а неvěста плачетъ. Сначала она оплакиваетъ отца, мать и всѣхъ своихъ родныхъ, которые присутствуютъ здѣсь, съ тѣми же причитаніями, какія произносились на рукобитыи. Ее упрасиваютъ перестать плакать, и увѣщаютъ, что не вѣкъ быть ей въ дѣвушкахъ, что Богу такъ угодно. Потомъ садятся и посидѣвъ не много, молятся Богу, испрашивая Его благословенія. Послѣ она кланяется въ ноги отцу и матери, а они благословляютъ ее образомъ и хлѣбомъ-солью. Когда все уложатъ, тогда родители и неvěста, провожаютъ приданое до воротъ. Дѣвицы выходятъ на улицу и поютъ :

Услышъ, услышъ, великій князь, и т. д. съ тою только разницею, что ее поютъ уже веселѣе и громче, чтобы всѣ слышали и знали, что везутъ приданое. Тогда стекается народъ отовсюду, чтобы смотрѣть : богатое ли везутъ приданое ? и какое ? Между тѣмъ неvěста отправляетъ съ приданнымъ разные плоды и варенье, на 60 и болѣе тарелкахъ, которые оставляютъ въ ея спальнѣ до самой свадьбы. Этимъ угощаетъ она, въ своей спальнѣ, всѣхъ тѣхъ, которые ходятъ изъ любопытства смотрѣть убранство ея спальни и приданое. —

Предъ днемъ свадьбы, по большой части предъ воскресеньемъ, женихъ и неvěста ходятъ отдѣльно въ баню. Тогда въ самой бани плачетъ неvěста, подружки утѣшаютъ ее, но предъ отходомъ въ баню, мать расчесываетъ ей голову и отправляетъ ее съ подругами, благословивъ хлѣбомъ и солью. Послѣ бани угощаютъ чаемъ и кофеемъ. — Если у неvěсты нѣтъ родителей, то она ѣздитъ на ихъ могилы, чтобы просить ихъ благословенія. — Въ банѣ льютъ на каменку медъ, кидаютъ хмѣль и хлѣбъ зерновой, чтобы молодымъ жить въ меду и богато. — По-

слѣ бани женихъ посылаетъ дружку, просить всѣхъ пріятелей на вечеръ, который называется *бояры*. Невѣста такъ же посылаетъ одну изъ своихъ подругъ, просить всѣхъ своихъ дѣвушекъ на вечеръ, который въ то время называется *дѣвичникомъ*.

Вечеръ
бояры и
дѣвич-
никъ.

Предъ вечеромъ пріѣзжаетъ за женихомъ священникъ, который и везетъ его въ церковь съ боярами. Отслуживъ вечерню, онъ возвращается въ его домъ, совсѣмъ своимъ причетомъ, гдѣ онъ *здравствуетъ ему*, т. е. служить молебствіе. Тотъ часъ послѣ молебня подають ужинъ, а священникъ отправляется въ домъ. Такое же здравствование происходитъ и въ домѣ невесты. — Послѣ ужина бываетъ у жениха пляска и пѣніе. — У невесты дѣлается ужинъ для дѣвицъ, которыя, отужинавъ съ невестой, собираются въ другой комнать и садятся за столъ, убранный плодами. Тутъ поютъ тѣже самыя пѣсни, какія на смотринахъ, и сверхъ того какія задумаютъ. —

Вспомни мой любезной, въ дальней сторонѣ обо мнѣ,
А я про тебя, душа моя, терзаюсь всегда!
Не вижу я въ ночки спокоею часа.
Казалась мнѣ нощушка за бывлой денекъ,
А вы мои частыя звѣзды, за бѣлую зорю,
А батюшка свѣтелъ мѣсяцъ, за красное солнце.
Я льсомъ шла ко милу дружку, —
Казалось мнѣ лишь шелкова травушка,
Сидѣлась мой слѣдъ; лавровый листокъ,
Лавровые листочушки въ головѣ шумять. —
Ахъ, не шумите вы, лавровые листочки въ моей головѣ!
И такъ мое сердечушко изныло во мнѣ.

Съ подкамышка съ подбѣлаго, ручеекъ бѣжить,
Съ подкамышка съ подбѣлаго цимбалики бьютъ.
Вотъ знать мою любезную Елисаветушку, къ вѣнчанію
всдутъ.

Одинъ ведетъ за ручечку, а другой за другую,
 А третій идетъ да слезы льетъ.
 Поилъ, кормилъ сударушку, да за себя наровилъ,
 Досталась моя любезная мному, да не мнѣ, но брату моему.

Женихъ прїѣзжаетъ на дѣвичникъ съ своими боярами и своими родными обоого пола. Невѣста всѣхъ угощаетъ кофеемъ и чаемъ; послѣ чая уходятъ родственники жениха и бояры, а наконецъ, спустя нѣсколько времени, отправляется женихъ домой. — Невѣста на дѣвичникѣ бываетъ одѣта въ лучшемъ нарядѣ; коса у ней расплетена, на головѣ вѣнецъ, изъ подъ коего выпускается широкая лента. —

Въ день свадьбы идетъ женихъ къ поздней обѣднѣ, а неvěста готовится къ вѣнцу. Въ этотъ день женихъ и неvěста не ѣдятъ до самаго вѣнца. Послѣ обѣдни бояры провожаютъ жениха домой пѣснями, а священникъ приходитъ сюда служить молебень: Его угощаютъ здѣсь закускою. Послѣ угошенія дружка идетъ съ боярами къ неvěстѣ и подаетъ ей, отъ имени жениха, просвиру, и проситъ ее, чтобы она была готова къ вѣнцу. Она угощаетъ дружку и бояръ, дѣвушки корятъ ихъ шуточными пѣснями:

На что же ты, друженька, въ дружки ставился,
 Да съ умомъ не справился?
 Ты и самъ на себя не наглядѣлся,
 Что не твой кафтанъ на тебѣ надѣтъ!
 На ногѣ сапогъ скрипнуть,
 А въ матеревомъ горшкѣ борщъ кипятъ. —

Тузу, тузу,—любишь ли козу?
 Два года ходила,
 А въ третій годъ
 Въ отставку отпустила, —
 Къ ласовой козѣ пристала.

Всѣхъ корятъ :

Пріѣхали вы съ чистотомъ,
И всѣ тарелки почистили. —
Чтобы васъ полопало!
Чтобы васъ потрескало! —

Когда бояры идутъ домой ;

Скажите великому князю,
Свѣтъ боярину великому князю,
Андрію Григорьевичу
Что не дадимъ боярину,
Свѣтъ великой княгини,
Елисаветъ Петровны,
Великому князю,
Свѣтъ боярину Андрію Григорьевичу. —

По уходѣ бояръ плачетъ невѣста и оплакиваетъ всѣхъ своихъ родныхъ. —

Дьяконъ приходитъ къ жениху съ обыскомъ, (т. е. съ книгою, въ коей записываютъ вступающихъ въ бракъ) а отъ жениха онъ идетъ къ невѣстѣ. Родители молодыхъ дарятъ дьякона платкомъ, или матеріею на подрясникъ. — Свидѣтели бракосочетанія записываются въ церквѣ.

Невѣсту убираютъ къ вѣнцу ея родилыя и подруги, и обыкновенно одѣваютъ ее въ кисейную шитую рубашку, съ широкими рукавами и съ манжетами, которые бывають пришиты къ рукавамъ ; потомъ въ ферезъ, обложенную серебрянымъ и золотымъ гасомъ ; поясъ на ферезъ шелковый, плетеный или тканый съ золотомъ ; шею убираютъ жемчугомъ, уши жемчужными сергами, а на головѣ парчевый вѣнецъ съ жемчужной рясою ; башмаки цвѣтныя. Женихъ бываеъ одѣтъ

по-русски. Священникъ прѣзжаетъ къ жениху и благословляетъ его ѣхать къ вѣнцу, что называется *дѣлать отпущку*. Тогда женихъ отправляется въ церковь съ родными и дружкой. Между тѣмъ священникъ ѣдетъ къ невѣстѣ, если она его прихода, въ противномъ случаѣ бываетъ у нея тотъ священникъ, котораго она прихода, и онъ отслуживаетъ мелебень. *Послѣ достойнаго*, онъ благословляетъ ее крестить, и *дѣлаетъ отпущку*; тогда уже благословляютъ ее родные. Но до прѣзда священника, коса у невѣсты бываетъ заплетена, а на головѣ ея находится вѣнецъ; она сидитъ въ особой комнатѣ съ своей матерью и дѣвками. Потомъ, когда прѣдетъ священникъ, ее выводятъ къ нему: она облачается объ столъ и плачетъ; одна изъ ея подругъ снимаетъ вѣнецъ съ ея головы, а *молодецъ* (*) беретъ ее за обѣ руки, концы она держитъ свою косу, и *отнимаетъ* у нее: невѣста долго не даетъ, но ее уговариваютъ. Когда она отдастъ, тогда, тотъ же молодецъ, расчесываетъ косу и надѣваетъ на голову жемчужный вѣнецъ. — Иногда вѣчаютъ и съ расчесаной косою. — Потомъ угощаютъ священника и гостей, пивомъ и водкою, а наконецъ всѣ присѣдаютъ; посидѣвъ немного, молятся Богу. Отецъ и мать благословляютъ дочь двѣмя иконами, и хлѣбомъ-солью. Съ нею ѣдутъ въ церковь *приданные* т. е. побѣжденные изъ мужскаго и женскаго пола. Старшая подруга невѣсты, называемая *подневѣстницей*, занимаетъ первое мѣсто подлѣ невѣсты, во время поѣзда и въ церкви, и она столетъ въ церкви, подъ ноги молодыхъ, платокъ или шелковую матерію.

(*) Братъ или кто либо изъ родныхъ, но изъ холостыхъ.

Потомъ совершается вѣнчаніе, и послѣ вѣнчанія *по-сыпаютъ ее*, т. е: надѣваютъ кокошникъ и связываютъ платкомъ, а косу заплетаютъ на двое, и прячутъ ее подъ кокошникъ. Съ жениховой стороны приходятъ родственница, покрываетъ новобрачную *платомъ*, (*) и потомъ дѣритъ ее. Послѣ всѣ отправляются въ домъ молодаго. Ихъ принимаютъ у дверей отецъ и мать: хлѣбомъ, солью и образомъ, и сажаютъ на первыя мѣста. Родные и гости невѣсты, занимаютъ первыя мѣста подлѣ невѣсты, а жениховы вторыя.

Потомъ угощаютъ кофеемъ, а тамъ подаютъ обѣдъ. —Послѣ ужина набирается десертный столъ. Въ то время невѣста ходитъ съ придаными смотрѣть свою постель, и угощаетъ ихъ заѣсъ плодами. Тогда ~~то~~ начинается музыка, и всѣ веселятся за полночь. Когда всѣ гости разъѣдутся, тогда дружка вводитъ молодыхъ въ спальню. Мать, посаженная со стороны жениха, приходитъ за дружкой и благословляетъ молодыхъ.—

На другой день посылаютъ *стряпуху* къ родителямъ молодой, *со здоровьемъ*, т. е: съ возвѣщеніемъ о благополучіи молодой. Стряпуха поздравляетъ ихъ двумя графинами вина или наливки, полно паантыми и обвязанными розовыми лентами. Родители принимаютъ ее радостно, и подчиваютъ. Въ неблагополучномъ случаѣ доставляется вино не полное въ графинахъ, чѣмъ обнаруживается поношеніе дому родителей.

Счастливый молодой посѣщаетъ съ своею молодою, ея родителей. Тутъ подчиваютъ ихъ молочными блинами и разными закусками. За тѣмъ они отправляются къ себѣ въ домъ, куда пріѣзжаютъ, съ обѣихъ

(*) Платкомъ, который въ иныхъ мѣстахъ называется *фатою*.

сторонѣ, родственники и гости. У молодого въ первые три дня: понедѣльникъ, вторникъ и среду, бываетъ обѣдъ для всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ. Родственники молодого посылаютъ новобрачной по утру, въ первые три дня: живыхъ и битыхъ гусей, а въ слѣдующіе три дня: четвергъ, пятницу и субботу, родители молодой даютъ обѣды для знакомыхъ и родственниковъ. Въ субботу дается преимущественно обѣдъ для дѣвушекъ молодой. Въ продолженіи недѣли молодые посѣщаютъ: родственниковъ, знакомыхъ и тѣхъ, съ коими желаютъ быть знакомы. — По вечерамъ бываютъ танцы и пляска: послѣдняя сопровождается разыгрываніемъ пѣсней; иногда самая пляска совершается подъ напѣвъ плясовой пѣсни.---

XX. СВАДЬБА ВЪ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Руко-
битыя.

Парень, нмѣющій на примѣтѣ дѣвушку, обращается къ своимъ родителямъ, говоря : батюшка и матушка, благословите жениться. Я спозналъ дѣвушку, она мнѣ по сердцу.—Если родители знаютъ ее, то говорятъ : хорошо, но дай времячко на раздумье, и тогда да благословить тебя Христось и Божая Матерь. — Если не знаютъ ее, то говорятъ : пораспросимъ добрыхъ сосѣдей и подумаемъ. Дѣло важное жениться, вѣкъ вѣковати. — Родители спрашиваютъ сосѣдей и совѣтуются съ своими родственниками. Когда нѣтъ никакого порока за дѣвушкой, тогда даютъ сыну позволеніе снарядить съ посольствомъ сватовъ, избираемыхъ изъ родныхъ; но самое дѣятельное участіе принимаютъ здѣсь свахи. — Онѣ знаютъ всю подноготную въ семейномъ быту, а потому за ранѣ заботятся уладить дѣло. —

По приходѣ сватовъ въ домъ невѣсты, они молятся образамъ и кланяются отцу и матерѣ невѣсты. Здравствуй батюшка Антиповичъ и матушка Степановна, говорятъ они. Мы послы, не даромъ зашли. Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь. Мы люди изъ ближняго селенія, и идемъ къ вамъ на заporученіе (для сватов-

ствѣ); наше слово впередѣ, а вашего жди. — Кланяетесь имъ. — Вотъ вамъ хлѣбъ-соль, — прикажите подожить на столъ. — Предваренные родители о ихъ посядствѣ, давно уже совѣтовались между своими сродственниками: выдавать ли дочь, или мѣтъ? Въ первомъ случаѣ охотно принимаютъ хлѣбъ-соль, а во второмъ не весьма охотно, и принимая говорятъ: хлѣбъ-соль беремъ, и vaporушеніе на судъ людямъ отдаемъ. Согласные же родители отвѣчаютъ: хлѣбъ-соль беремъ и вѣсь вырывать зовемъ. — Обрадованные сваты таковымъ отвѣтомъ, вступаютъ съ ними въ условіе о времени сватовара и о томъ вспоможеніи, какое будетъ ими оказано для обзаведенія молодыхъ. Это дѣлается тогда, если женихъ безъ родителей, но если у него родители въ живыхъ, то оставляютъ покончить это дѣло имъ самимъ. Сваты угощаются водкою и закускою. — Водку подносить мать невѣсты. —

На утро, или въ другой какой либо день, но уже Сговоръ определенный, приходитъ женихъ въ домъ невѣсты съ сватами и своими родителями. Ихъ принимаютъ ласково, саждаютъ на почетномъ мѣстѣ за столъ, который накрывается бѣлой скатертью, а прелѣ божницею уже затеплена свѣча; они молятся прежде Богу, а потомъ садятся. Посидѣвъ не много, родители жениха заводятъ рѣчь о сватовствѣ. Родители невѣсты вызываютъ ее и говорятъ: ну, дочь наша, хочешь ли замужъ? Вотъ женихъ. Ты не выходила изъ нашего послушанія, и мы прилагали радѣніе о тебѣ. — Воля ваша, батюшка и матушка, коли онъ вамъ по душѣ. — Такъ, что же теперь остается намъ дѣлать, свать и свашинька? говорятъ родители невѣсты, родителямъ жениха. Ахъ по рукамъ, ахъ нѣтъ? — Вѣстимо по рукамъ, отвѣчаютъ они. — Отцы обѣихъ сторонъ берутся за полы платья и бьютъ по рукамъ, а въ то время

велятъ молодымъ поцѣловаться. Когда они поцѣлуются, тогда укрѣпляется засватанье. Послѣ взаимнаго угощенія, приступаютъ къ сговору, который совершается въ присутствіи знакомыхъ и обоюдныхъ родственниковъ. Тутъ возобновляется угощеніе, сопровождаемое питьемъ водки а дѣвушки поютъ пѣсни на разставанье съ помолвленной. Когда всѣ развеселятся, тогда раздаются пѣсни среди пожилыхъ мужчинъ и женщинъ. Здѣсь поютъ до самой ночи, и поютъ по большей части веселыя, шуточные и протяжныя пѣсни. Такое же угощеніе бываетъ и въ слѣдующій день, въ домѣ родителей жениха. Если сговоренные изъ зажиточныхъ людей, то угощеніе продолжается по нѣсколько дней. —

Послѣ сговора собираются къ невѣстѣ ея подруги, и гостятъ у нея до самой свадьбы. Во время угощенія онѣ готовятъ платье и наряды. Дѣвушки же, не бывшія въ дружбѣ съ невѣстою, посѣщаютъ ее только для своего развлечения.

Отецъ между тѣмъ отправляется въ городъ для покупокъ вещей свадебныхъ, и возвращается съ подарками, часто отъ имени жениха. Невѣста, увидѣвъ возвращающагося своего отца, поетъ ему навстрѣчу жалобнымъ голосомъ :

Кормилецъ мой батюшка,
Ужъ долго ты гулялъ!
Не на меня ли красну дѣвицу?
Не на мою ли дѣвью красоту?
Не на русу ли косу, ленту алую,
Запоручалъ меня, родимой,
За поруки крѣпкія?
Запоручалъ меня горькую,
Батюшка-то родной!
Ты торгомъ торговалъ,

Моей волнистой косой. —
 Не прогнѣвайся родимой,
 Что я не встрѣтила тебя,
 Среди двора широкаго;
 Дверей не растворяла,
 Поклономъ не встрѣчала,
 Сопротивъ креста не стояла. —
 Не за спесью, не за гордостью,
 За великимъ горемъ:
 За кручипушкой бѣдовой, —
 За порукой вѣковой!
 Запоручалъ меня сударь,
 Батюшка-то родной.

Отецъ раскладываетъ предъ нею свои покупки и подарки отъ жениха. — Она говорить :

Не надо мнѣ даровъ дорогихъ,
 Ни золота, ни серебра;
 Подари меня, батюшка,
 Волюшкой золотой!

Дѣвушки утѣшаютъ ее :

Не тужи, свѣтъ Аинушка,
 Не плачь Михайловна!
 Сударь родной батюшка,
 Сударыня матушка,
 Не волей ли ужъ выдають?
 Выдають за соколика,
 Добраго молодца.
 Онъ былъ челомъ батюшкѣ,
 Кланялся матушкѣ:
 Все до тебя доступаючи,
 Все тебя выпрошаючи.
 Какъ звѣзды частыя,
 Ярко на небѣ горять,

Такъ очи ясныя,
 У Ивана твоего;
 Кудри золотыя,
 По плечамъ его лежать!
 Серебромъ приуцаны,
 Жемчугомъ приуцаны. —
 Но кто жъ въ намъ приляжетъ?
 Приляжетъ, приляжется,
 Свѣтъ наша Аннушка,
 Дѣвица Михайловна!

Калмыкъ,
 лопухъ и
 баня.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ городѣ Нерехтѣ, покупаютъ невѣсту за деньги. Не только бѣдные, но богатые поселяне почитаютъ себя за безчестіе, отдать дочь безденежно. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты, о чемъ провозглашается немедленно по деревнѣ. Продажная цѣна называется *калымомъ*, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ обрядъ позаимствованъ отъ Татаръ, во время ихъ господствованія надъ нашими предками.

Женихъ посѣщаетъ свою невѣсту, почти ежедневно, и рѣдко приѣзжаетъ къ ней безъ подарковъ. Сопутствующимъ ему молодцамъ, онъ даетъ по штофу вина и ведру пива; а невѣста угощаетъ жениха и дѣтей лапшю. Во время масленицы, онъ непременно долженъ особо угостить парней и подругъ своей жены, а невѣста должна кататься съ нимъ въ саняхъ, одѣтая какъ можно побогаче, съ блестящимъ кокошникомъ, который надѣвается на нее однажды послѣ вѣчанія. — Ношеніе кокошника выходитъ здѣсь изъ употребленія.

За двое сутокъ до вѣчанія, крошатъ лапшу, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, и пекутъ пироги на яйцахъ. Родственницы жениха такъ же крошатъ лапшу, и посылаютъ невѣстѣ въ пода-

режъ три колоба на блядѣ. (*) Невѣста съ своими подругами принимаетъ колобы, разсучиваетъ его и искривляетъ съ лапшу, отсылаетъ обратно на томъ же блядѣ, въ своему жениху, но съ подарками для его родственниковъ и родственницъ, какъ то : съ лентами, башмаками, платками и милыми деньгами. — По обрученіи молодыхъ, кормятъ ихъ на крутыльномъ столѣ, на коемъ рѣзали лапшу, и преимущественно той лапшой, которая была искривлена отъ трехъ колобовъ, въ томъ предубѣжденіи, что сердца молодыхъ соединитолъ въкосячкной любовью.

За день до вѣнчанія, невѣста прашается въ родители ; если она сирота, то ходитъ на кладбище и испрашиваетъ у нихъ благословеніи : *родимые мои, ба-
тюшка и матушка ! Не кады мнѣ ни золота, ни се-
ребра, я испрашиваю родительскаго благословенія.* То же самое дѣлаетъ женихъ. — На канунѣ свадьбы дру-
жна топятъ баню для молодыхъ. — При отправленіи невѣсты въ баню съ своими подругами, родители бла-
гословляютъ ее хлѣбомъ-солью и иконою. Послѣ бла-
гословленія она подбиваетъ своихъ сродниковъ, а въ банѣ
своихъ подругъ, рюмкою вина; потомъ всѣ дарятъ ея. —
Дружка поддаетъ паръ пивомъ, или медомъ, думая се-
дѣлать чрезъ то брачную жизнь сладкою. Другія поддаютъ
паръ водкою, въ томъ мнѣніи, что этимъ можно скрѣпить
супружескія сердца вѣжной дружбою. Потомъ дружна под-
носятъ отъ себя, всѣмъ моющимся, по рюмкѣ водки. Нѣ-
которыя дѣвушки, выходя изъ бани, бьютъ въ заслонъ и
снеговороды, давая этимъ знать, что невѣста нарядна. По-
слѣ подносятъ ей закуску, состоящую изъ пряниковъ и тол-
стыхъ блиновъ на дрожжахъ, называемыхъ *опекуми*. Она

(*) Прасное тѣсто, замѣшанное на молокѣ и маслѣ.

возвращается домой при иѣи, и когда приведутъ въ нѣбу, сажаютъ ее за обѣденный столъ, накрытый для нее и ея подругъ. Родные и родственники, когда она находится въ банѣ, обѣдаютъ отдѣльно. Отецъ, разломивъ благословенный хлѣбъ, подаетъ ей а она дѣлитъ его между своими подругами. Нѣкоторыя изъ нихъ за-вязываютъ въ узелки кусочки хлѣба съ солью, и хранятъ его, думая, пока онъ будетъ сохраненъ, дотолѣ будетъ продолжаться миръ и согласіе между мужемъ и женою. Послѣ обѣда угощаютъ невѣсту пряниками, орѣхами и сушеными плодами.—Женихъ ходитъ въ баню въ тотъ же самый день, съ своими молодцами, и всегда послѣ невѣсты, часто въ ту же самую баню. Его дружка поддаетъ паръ водкою, и угощаетъ водкою всѣхъ парящихся. Его обдариваютъ, кто чѣмъ хочетъ. Женихъ же даритъ дружку пестрымъ шейнымъ платкомъ, или краснымъ кушакомъ. На закуску подаютъ блины, и потомъ идутъ обѣдать къ жениху. Послѣобѣденное время проводятъ въ пѣніи веселыхъ пѣсней, а подъ вечеръ собираются на дѣвичникъ. —

Прода-
жа ко-
см.

Дѣвушки сидятъ наряженными, ожидая гостей. Дружка появляется прежде всѣхъ; онъ приноситъ невѣстѣ подарокъ отъ жениха: зеркало, покрытое полотномъ, и ящикъ съ гребенками, лентами, бѣлилами, чулками, башмаками, наперсткомъ, иголками и платочкомъ. Въ это зеркало не смотрится невѣста, пока не позовутъ ее къ вѣнцу. За спиною невѣсты сидитъ дѣвочка, называемая *заспдициєю*. Дружка покупаетъ у нее косу, кланяется низко и ласкаетъ красными словцами; она не продаетъ. Невѣста обращается къ дѣвочкѣ, которая замѣняетъ мѣсто брата, и говоритъ папѣвомъ:

Ты послушай, милый братецъ,
 О чемъ тебя просить я буду :
 Не здавайся, милый братецъ,
 На слова на ласковы,
 На поклоны низкіе,
 На гостинцы дорогіе,
 На казну и на золото.
 Ни съ золотомъ мнѣ жити,
 Мнѣ жити и любить,
 Друга одного моего.
 Нахваляли мнѣ молодца :
 Былѣ онъ сыгву былого,
 Румяны пивту алаго,
 Но молодецъ-то не мой !
 Черны онъ соболя,
 Хитры хитрой лисы,
 Съ морозами со лютыми
 Зазябнуть рѣчи во сердцѣ. —

Дружка подноситъ ей стаканъ меду, и когда она
 возьмется пить, или выпьетъ ; тогда онъ кладетъ на
 поднось деньги, говоря : *просимъ ильсто опорожнить*.
 Онъ садится подлѣ невѣсты, и это означаетъ, что ко-
 са продана. Невѣста говоритъ ему со слезами :

Ужъ ты доброй молодецъ !
 Не садись возлѣ меня.
 Не твое это мѣстечко,
 Ужъ какъ твое мѣстечко,
 Съ парнями за воротами ;
 А мое мѣстечко
 Съ матушкой сидѣть,
 И съ нею ивѣни пѣть. —

Сваха встаетъ и кланяется гостямъ ; потомъ подхо-
 дитъ къ невѣстѣ и говоритъ : дитя, дитятко ненагляд-

ное! Мы не товаръ привезли, а сами за товаромъ пришли.—Она приступаетъ расшлетать проданную косу. Тогда дѣвицы поютъ :

Коса моя, косонька
 Русая коса!
 Вечоръ тебя, косонька,
 Матушка плела.
 Золотомъ, серебромъ увивала,
 Скатымъ жемчугомъ нивала, —
 По утру раненько,
 Пріѣхала сваха;
 Зачала мою косу,
 Невъжливо рвати.
 Все рвала, обрвала,
 И крупный жемчугъ рассыпала, —
 И на двое косоньку расшлепа. —

Во время пѣнія сваха нарочно рветъ косу, снимаетъ съ нее алую ленту, и показывается видъ, что она разрываетъ ее. Этимъ самымъ уничтожается дѣвическая свобода. Невѣста тогда въ слезахъ, — ее утѣшаютъ.

Дѣвич-
никъ.

У простолюдиновъ происходятъ свадьбы по большей части въ воскресенье, поэтому въ субботу, въ день дивичника, посылаетъ женихъ своей невѣстѣ гостинцы, состоящія изъ пряниковъ, колобовъ, орѣховъ, сушеныхъ плодовъ и яицъ, а невѣста посылаетъ ему въ замѣнъ почти тоже самое, или красный платокъ на шею. Впрочемъ, это зависитъ отъ выбора невѣсты.

Въ то самое время собираются гости, которые состоятъ преимущественно изъ родственниковъ молодыхъ: тещи, тетокъ, тестя, братьевъ и сестеръ, а въ томъ числѣ друзей, сважь и тысяцкого. Когда род-

свѣтеникъ жениха вынимаетъ гостинцы, тогда поютъ подруги :

Ужъ что я сижу, думаю?
 Ужъ что я сижу, гадаю?
 У меня ли не чуткое?
 У меня ли горя круты горы,
 Аль слезъ рѣки полныя?
 Всѣ поля слезами полны,
 Всѣ сады горемъ изсажены. —
 Не дали мнѣ горемычной,
 Во дѣвушкахъ насидѣться;
 Не дали мнѣ молоденькой,
 Съ подругами наигратися;
 Не дали разуму созрѣти,
 Липу блѣдному разцвѣсти.—
 Русу косу распусти,
 Алу ленту сорвали.

Это напоминаніе дѣлаютъ дѣвушки къ тому, что сваха безвозвратно лишила ихъ подругу золотой волюшки. Приходитъ женихъ и кланяется: сначала образамъ, потомъ гостямъ, а наконецъ самой невѣстѣ. Поставивъ не много, онъ подходитъ къ своей молодой и садится подлѣ нея. Невѣста говоритъ ему:

Сядись, доброй молодецъ,
 Не съ гордостью, не со спесью,
 Сядись съ Божьею милостью.
 Бери, чтобъ не каяться,
 Жить въ любви не маяться.

Онъ подаетъ ей ключи на тарелкѣ или на подносѣ, въ ознаменованіе, что на нее возлагаются всѣ домашнія заботы по хозяйству.

Родственники поздравляют ее, а женихъ, послѣдствъ не много, уходитъ домой. За нимъ идутъ вскорѣ его отецъ, мать а потомъ всѣ родственники. Есть еще обыкновеніе, что когда женихъ ѣдетъ съ родственниками, тогда стараются держать въ домѣ затворенными ворота, и чтобы въ то время было на дворѣ тихо. Сватъ или дружка ѣдетъ впереди и отворяетъ ворота, въ которыя въѣзжаетъ поѣздъ. Всѣ, кромѣ невесты, выходятъ на крыльцо встрѣтить жениха. Лошадей у поѣзда отбираютъ и становятся въ конюшни, считая безчестнымъ оставлять ихъ на улицѣ. —

Невеста, сколько ни старается быть веселою въ это время, но воспоминаніе о предстоящей для нея жизни, переноситъ ее воображеніе къ печальнымъ мыслямъ. Она обращается за совѣтами къ своей родственницѣ, по большей части къ теткѣ, и проситъ научить ее: какъ жить въ чужихъ людяхъ?

Тетушка, тетушка,
Тетка дорогая!
Ты пойди, поучи,
И горе-то смягчи. —
Я думаю думушку,
Думушку крыпкую,
Скажи мнѣ безо лжи:
Какъ жить въ людяхъ чужихъ?

Тетка отвѣчаетъ:

Ты послушай мое племячко,
Я скажу тебѣ потайности:
Въ чужихъ людяхъ живучи,
Много нужды наприимашься!
День денной на работѣ,
А почишки не доспишь:
И холоду и голоду!

А лучше бойся тещи.
 Носи платье, не спашивай;
 Терпи горе, не сказывай!
 Надо быть покорчиву,
 Головки поклончивой,
 Ко всемъ людямъ приветливой,
 И на всяко дѣло смѣтливой. —

Предъ уходомъ гостей, дарятъ ихъ не одинаково, смотря по состоянію: платками, лентами, башмаками, чулками и другими вещами. — Тогда уже расходятся. Случается, что невѣста до ихъ ухода, прощается съ своими родственниками, и прежде всѣхъ оставляетъ ихъ. —

Обрядныя дѣйствія часто требуютъ, чтобы невѣста спрашивала у своихъ родителей совѣта: какъ ей жить въ чужихъ людяхъ? или просила бы ихъ, чтобы они позабыли ее:

Родимой мой, батюшка,
 Пой гостей до пьяна;
 Чтобы гости позапили,
 И меня позабыли.
 Родимой мой, братецъ,
 Бери коня удалова,
 Поѣзжай въ темный боръ:
 Сруби березоньку,
 Завали имъ путь дороженьку.
 Родимая родная,
 Дари гостей не по ряду;
 Не дари-тко двухъ гостей:
 Друженьку-разлученьку,
 И свашеньку косу-рвжку.

Невѣста ложится спать подъ иконами, за покры- Занѣча-
діе о смѣ
 тымъ скатертью столомъ. На немъ лежить хлѣбъ-соль невѣстѣ
 Часть II.

и стоитъ стаканъ пива или квасу. Этими хлѣбомъ-солью благословляютъ впоследствии молодыхъ, и имъ встрѣчаютъ послѣ вѣнца. — Точно такъ же спитъ и женихъ. Первый сонъ замѣчаютъ и толкуютъ ворачен. Невѣсту разбуживаетъ по утру мать или подруга молодой. Хорошее предзнаменованіе, если она спала долго, — это означаетъ спокойную жизнь. Вставаніе безъ разбуживанія, предвѣщаетъ прекрасную жизнь. Послѣ вставанія обращается невѣста къ своимъ родителямъ :

Богвиный ты, мой батюшка,
И радѣщица моя матушка!
Ты скажи-тко мой батюшко,
Со пріятушкой, со матушкой :
‘Что спалась ли вамъ темна ноченька?
‘Что спалась ли, не спалась,
А мнѣ-то горемышней
Головкѣ моей бѣдной,
Не спалось во всю ноченьку.
Не хорошъ мнѣ сонъ привидѣлся,
Ужъ что привидѣлось-то мнѣ ;
Что вставали вихры буйные,
Уносили то мою постелюшку
Въ незнаему сторонушку,
Къ чужому отцу матери,
Къ незнаему роду племени.

Обряды
предѣль-
нечиво.

Въ этотъ же день обсылаютъ невѣсту и жениха : хлѣбомъ-солью, калачами и водкою ; а женихъ иногда вновь посылаетъ своей невѣстѣ, какіе нибудь подарки съ хлѣбомъ и солью. Последнее часто хранится въ семействѣ, какъ залогъ согласія и богатства. Все утро проводится въ уборкѣ молодой и жениха. Съ обѣихъ сторонъ занимаются особенно, чтобы про-

вестъ это время, какъ можно веселѣе и радостнѣе, дабы радоваться во всю жизнь. Избѣгаютъ всякихъ неблагопріятныхъ встрѣчъ, и стараются быть ко всѣмъ ласковыми и снисходительными. Женихъ, въ знакъ памяти о себѣ, даритъ своихъ близкихъ родныхъ и друзей, чѣмъ можетъ; а невеста своихъ подругъ: бѣлилами и румянами, извѣстными въ простонародіи подъ именемъ *мазилей*; или она дѣлитъ между ними гостинцы своего жениха. —

Когда уже приближается время поѣзда къ вѣнцу, тогда начинаютъ убирать невесту. Одна изъ подругъ расплетаетъ косу; при этомъ случаѣ не только сама невеста, но и подруги плачутъ съ нею. Невѣста спрашиваетъ у нихъ жалобно:

Скажите, подруженьки,
Куда меня собираете?
Куда наряжаете?
Не гулять ли на ярмонкъ?
Не во луга ли зеленые?
Не во лѣса ли темные?
Не собираете ль горемычную,
Къ Божьей церкви? —
Ужъ какъ надѣнуть вѣнецъ,
Всѣмъ радостямъ конецъ. —

Молодые не употребляютъ пищи до самаго вѣнца. То же самое дѣлаютъ родственники. Отецъ и мать, предъ поѣздомъ молодыхъ въ церковь, благославляютъ ихъ иконами. За невестой пріѣзжаетъ иногда женихъ, но большей частію другъ, который ѣдетъ тогда верхомъ, позади своего поѣзда; онъ кланяется встрѣчнымъ и говоритъ: милости просимъ къ нашему князю и къ нашей княгинѣ, хлѣба-соли откупать. — Молодой называется въ то время княземъ а молодая княги-

нею. — Если поѣздъ бываетъ вечеромъ, то жгутъ на дорогахъ солому, для предохраненія молодыхъ отъ вѣхистой силы. — Дѣвушки невѣсты, завидѣвъ ѣдущаго дружку, поютъ :

Не лѣса ли преклоняются,
 Не воды ли разливаются,
 У батюшки широкова двора,
 У матушки новой гореньки? —
 Не гуся ли заговорили? —
 Заговорили добрые люди,
 Сватушки прѣзжіе,
 Мои то разлучники.
 Не вершина въ избу клонится,
 Клонится друженька, Богу молится,
 Всѣмъ людямъ поклонится :
 Батюшкѣ съ матушкой покоряется.
 Я не знаю друженька,
 Ни ния твоего, ни отечества;
 Не бери меня, друженька,
 За праву за рученьку ;
 Не веди меня, друженька,
 Къ вѣнцу золотому ;
 Не сажай меня, друженька,
 За столы дубовые,
 За скатерти бранныя. —

Послѣдніе три стиха поются, по большей части, когда невѣста сидитъ съ женихомъ за столомъ. Дружка, прибывъ въ избу, молится сначала иконамъ, а потомъ кланяется на всѣ четыре стороны. Двери избы запираютъ ; всѣ садятся, и посидѣвъ нѣсколько минутъ, молятся, а невѣсту благословляютъ. Она говорить съ плачемъ :

Ни прощу я, батюшка,
 Ни злата, ни сребра;
 Прошу я батюшка,
 Благословеня твоего. —
 Ужъ я ли горькая,
 Слезы лью горючія?
 И меня ли кто утѣшитъ,
 На житье вѣковѣчное!

Не прощу я, матушка,
 Ни злата, ни сребра;
 Прошу я матушка,
 Благословеня твоего. —
 Ужъ я ль думала, гадала,
 Во чужихъ живати?
 Стенучи и плачучи,
 Къ вѣнцу повзжати!

По отправленіи молодыхъ къ вѣнцу, приготавлиють ^{Обрядъ} ^{послѣ} ^{вѣнча-} ^{нія.}
 обѣденный столъ, который застилають чистымъ поло-
 тнемъ. На немъ занимають первое мѣсто, благосло-
 венный хлѣбъ и коровай. Послѣ вѣнчанія надѣввають
 на молодую, въ притворѣ, сначала кокошникъ, въ ко-
 торомъ она сидитъ за свадебнымъ столомъ, а потомъ
 сваха накидываетъ на ея голову наметку и въ этомъ
 уборѣ везутъ ее съ женихомъ домой. Тутъ въ две-
 ряхъ, встрѣчаетъ ихъ сваха въ шубѣ, надѣтой на вы-
 воротъ, и старается испугать молодую, чтобы она бы-
 ла боязливая и почтительная. Отецъ или мать, бро-
 саетъ въ лицо соль, чтобы предохранить новобрачныхъ
 отъ раздора; или отецъ слегка бьетъ плетью по спи-
 нѣ новобрачной три раза, чтобы она забыла преж-
 нихъ жениховъ и любила одного мужа. Молодые
 кланяются въ ноги своимъ родителямъ, а послѣ сваха
 беретъ невѣсту за руку, и окручиваетъ ее съ обрядны-
 ми дѣйствіями, совершаемыми слѣдующимъ образомъ:

сваха придвигиваетъ къ стѣнѣ вѣщальнымъ, зажженныя свѣчи и сажаетъ новобрачныхъ подѣ свѣчами, на разосланномъ бараньѣмъ шѣхъ или вообще на овчинѣ. — Послѣ, двѣ свахи: одна со стороны неvěсты, а другая со стороны жениха, расплетаютъ косу молодой, и плетутъ внизъ подѣ руку. По заплетеніи волосъ въ двѣ косы, накидываютъ на молодую повойникъ, и съ тѣхъ поръ она не можетъ ходить простоволосою, даже при родныхъ, и ходить безъ повойника, считаютъ за великій грѣхъ. — Потомъ одна изъ свахъ бьетъ въ стѣну бревномъ, чтобы отбить сердце у молодой, т. е: чтобы молодая была добрая и не сердитая, — такое дѣйствіе называется крученіемъ. —

Когда усадятъ молодыхъ и гостей, тогда подчиваютъ всѣхъ: но прежде новобрачныхъ а потомъ гостей. — За тѣмъ набираютъ обѣдъ на крутильномъ столѣ. За обѣдомъ подаютъ благословенный хлѣбъ, который называется крутильнымъ. Во время стола подчиваютъ водкою и пивомъ. Послѣ обѣда начинается уже пиръ, и тогда почитается невѣжливостію для молодыхъ и вновь сговоренныхъ, ѣсть что либо, исключая коровая. Молодымъ готовится особый ужинъ. На пиръ привозятъ два пирога: отъ неvěсты и жениха; пирогъ послѣдняго кладется на верхъ пирога неvěсты, въ ознаменованіе власти мужа надъ женою. Пирогъ начинается мясомъ и яйцами. Кушанье и пирогъ разрѣзываетъ тысяцкій, какое званіе носить крестный отецъ жениха. Сидящій дружка подлѣ тысяцкаго, раздаетъ гостямъ рѣзанный на куски пирогъ. Въ продолженіи пира поютъ свадебныя пѣсни и пляшутъ; бьютъ съ намѣреніемъ посуду, чашки и тарелки, и тѣмъ болѣе бьютъ, тѣмъ супружество счастливѣе.

Ночью уводятъ молодыхъ спать въ подклѣтъ или сѣнникъ. Молодая разуваетъ своего мужа, и когда она снимаетъ сапогъ, въ коемъ лежатъ деньги, тогда онъ бьетъ ее слегка плетью по плечамъ. Это обыкновеніе однако не вездѣ уже выполняется.—Около подклѣта ходитъ ночью сваха или вооруженный дружка; чтобы колдуны не испортили молодыхъ. На другой день провозглашаютъ молодую. Если на нее не падаетъ безсчастное имя; то молодой благодарить ее отца и мать; въ противномъ случаѣ онъ не ходитъ къ нимъ на поклонъ.

Дружка заранѣе приготовляетъ баню, и приглашаетъ париться: сначала молодыхъ, а потомъ ихъ родственниковъ. Новобрачная даритъ дружку полотенцемъ, которое она нарочно приносить съ собою, и оставляетъ развернутымъ на кадкѣ. Послѣ бани угощаютъ новобрачныхъ блинами, а за обѣдомъ, какъ ихъ такъ и родственниковъ, разными кушаньями и напитками, приготовленными въ домѣ молодой.—Тутъ она даритъ свекра и свекровь рубашками, а прочихъ платками. Богатые свекровь и свекоръ, обдариваютъ ее взаимно: полотномъ, мукою и пивомъ. Вечеромъ отправляется новобрачный съ своей молодою на ужинъ, къ своему тестю и тещи. На столъ, между прочими кушаньями, подаютъ приготовленные на яйцахъ блины, концы съ намѣреніемъ перепутаны и скрыты, а женихъ, не разрѣзывая блина, долженъ распутать ихъ. Тогда онъ признается удаюю головою, непроводчивымъ, и жена уже не проведетъ его.—

ДОПОЛНЕНИЕ.

Въ уголкахъ дальнихъ селеній и деревень, господствуетъ простота и въ образѣ жизни и въ изліяніи сердечныхъ мыслей. Тамъ сельскія празднества и удовольствія, выражаются не принужденно. Поетъ ли поселянинъ или гуляетъ, — онъ дѣйствуетъ какъ чувствуетъ его сердце. Раздается ли свадебное веселіе, — онъ празднуетъ его съ непритворной душою — Вотъ образецъ простоты той сельской радости, которая совершается въ Боршевскомъ селеніи, Нерехтовскаго уѣзда, костромской губерніи (*).

Самое дѣятельное участіе въ свадьбѣ принимаютъ здѣсь : свахи, сваты и дружки, — послѣдній распоряжается еще пиромъ и веселіемъ. Когда уже окончень сговоръ, тогда онъ ѣздитъ просить сосѣдей : откушать хлѣба-соли, и попить. Приглашая на веселіе отъ имени жениха, невѣсты и ихъ родителей, онъ проситъ каждое семейство съ поклономъ, говоря :

Бьютъ челомъ, бачка Андрѣвичъ
 Бьютъ челомъ, мачка Ивановна,
 Къ новобрачному князю,
 Къ молодой княгинѣ
 Хлѣба кушати. —

По приглашеніи гостей въ домъ невѣсты, онъ заботится о порядкѣ ихъ приѣма ; привѣтствуетъ каждого приличными словами, встрѣчаетъ и провожаетъ. При

(*) Описаніе этой свадьбы помѣщено г. Снегиревымъ въ его прекрасномъ сочиненіи : Русскіе и простонар. праздн. и суевѣр. обряды, вып. IV. с. 132—142. Изъ этого сочиненія извлечены одинъ только свадебныя пѣсни.

появленіи отца и матери жениха, онъ именуешь ихъ сватушкой и свахонькой, и проситъ сначала у нихъ благословенія,—потомъ у родственниковъ молодыхъ, а тамъ у всѣхъ гостей.

Еста сватущка кореной и свахонька коренная!

Вы сродниковъ созывали,
Храброй поездъ собирали,
Новобрачнаго князя снаряжали,
Въ цвѣтно платье одѣвали,
За столы дубовые сажали.—
За столами за дубовыми,
Сидятъ гости собраниые.

Поютъ, прохлаждаются,
Храбрымъ поступкомъ похваляются:
У тебя де, сватущка, на дворахъ на широкихъ
Стоять кони снаряженные,
Во дороженьку припасенные;
Стоять кони, поминаются,
Съ широкова двора порываются,
Новобрачнаго князя дожидаются.
Новобрачной князь собирается,
Во цвѣтно платье одѣвается,
Стоитъ на рѣзвыхъ ногахъ,
Проситъ родительскаго благословенія.
Благословите, сватущко, свое дитя,
Изъ мѣста встать,
Святымъ помолиться.

Благословите!

Изъ за столовъ итти изъ за дубовыхъ,
Изъ за скатертей изъ за бранныхъ,
Изъ за вѣстницевъ изъ за сахарныхъ
Изъ за питьицевъ изъ за медяныхъ,
По горенкѣ итти по новой,
Черезъ порогъ переступить.
По мосту по калинову,

Не лисенъки не брусчатовой,
 Широкииъ дворомъ итти,
 Ко добру коню притти,
 На добра коня садиться
 Съ широка двора съвзжать,
 Гладкой улицей провзжать,
 Въ чистое поле вывзжать,
 По лугамъ вхати по зеленыиъ,
 По цвѣтамъ по лазоревымъ. —
 Цвѣтки разцвѣтали,
 Поднебесныя пташки расптывали,
 Новобрачнаго князя увеселяли. —
 Ъдетъ де нашъ, новобрачный князь,
 По свою новобрачну княгиню,
 Сужену взяти, сужену взяти,
 По Божьему повелѣнью,
 По царскому уложенью,
 По господскому приказанью,
 По мирскому приговору
 Благословите!

Потомъ обращается къ гостямъ :

Еста, добрые люди,
 Гости полюбовиные
 Званыи и незваныи,
 Усатыи и бородатыи,
 Холостыи и не женатыи,
 У воротъ приворотнички,
 У дверей притворнички. —
 По полу ходючи,
 По середѣ стоячи,
 Изъ кута по лавкѣ,
 По кривой по скамейкѣ.
 Благословите!

Молодые женщины, одѣтыя въ нарядныя шубы или платья, сидятъ на лавкахъ въ чинномъ порядкѣ. Друзья обращается къ нимъ и говоритъ :

Молоды молодки!
Хорошія находки
Куньи шубы,
Соболиныя пухи,
Съ поволоками глаза,
Съ помахи голова,
Золоты кокошники,
Серебряны сережки,
Дочери отецки,
Жены молодецки,
Благословите!

Дѣвушки, наряженныя въ яркія съ пестрыми цвѣтами одежды, съ зачесанными волосами и перевитыми косами, сидятъ рядомъ молчаливо.—Дружка кланяется имъ вѣжливо и говоритъ :

Красныя дѣвицы!
Пирожныя мастерицы
Чосаныя головы,
Круглыя голени
Сметанку снимали,
Кокурку мѣсили,
Подъ застречь хоронили,
Молодцевъ дарили,
Благословите!

Дружка привѣтствуетъ потомъ дѣтей и наконецъ отправляется съ своимъ поѣздомъ къ жениху, который ѣдетъ съ нимъ въ то селеніе, гдѣ его невѣста.— Не доѣзжая до села, дружка оставляетъ жениха въ полѣ со всеми поѣзжанными, и идетъ съ однимъ подружкою

къ свату, который встрѣчаетъ ихъ съ пивомъ на дворѣ. Дружка, принявъ пиво, говоритъ:

Еста, сватушка кореной!
 Я иду самъ третей съ ковшомъ,
 Рѣзвы ноги съ подходомъ,
 Былы руки съ подмосомъ,
 Ковшикъ съ питьемъ,
 Голова съ челобитьемъ:
 Ковшикъ тебѣ принять да пить,
 После того здорову быть:
 Въ ручки, въ ножки,
 Въ буйну голову,
 Въ ретиво сердечко.
 Ковшикъ прійми да вкушай,
 А меня тамъ въ горнищѣ,
 Выслушай!

Идутъ въ троемъ въ избу, кланяются сначала образамъ, потомъ на всѣ четыре стороны и садятся, а дружка говоритъ:

Еста сватушка и свахонька кореные!
 Нашъ свать и сваха приказали про васъ распросить,
 Про свое разсказать:
 Нашъ свать и сваха и добры и здоровы,
 По сяковъ день и по сяковъ часть, —
 Какъ васъ Богъ несетъ?

Свать просить ихъ сѣсть. Дружка садится за столъ; ихъ подчуютъ пивомъ и водкою. Дружка напоминаетъ свату, что пора показать невѣсту, и увидѣвъ ее, просить снарядить въ благословенный путь. Отецъ соглашается, дружка беретъ ее за руку и сажаетъ за столъ; подноситъ свату кружку пива, убѣждаетъ отца посадить подлѣ ее стражу, чтобы она не ушла. Случалось,

что невѣста, не дождавшись жениха, уходила изъ за стола, потому сажали подлѣ нее стражу изъ подружковъ, которые берегли ее до прибытія жениха.—Отецъ соглашается приставить стражу, дружка на—крѣпко наказываетъ смотрѣть за быстроногою, совѣтуетъ не слушать ее словесъ и беречь княгиню молодую. Посидѣвъ не много за столомъ, встаетъ и говоритъ, что ему теперь надобно ѣхать въ чистое поле, въ которомъ, за темными лѣсами, за зелеными лугами и быстрыми рѣками, ожидаетъ храбрый его князь; что молодой князь, подъ шатромъ полотнянымъ, гуляетъ съ своею дружиною; пьетъ изъ чаши медяной и похваляется своимъ тестемъ.

Обычай, оставлять жениха въ полѣ съ поѣздомъ, позаимствованъ отъ Татаръ и онъ удержанъ здѣсь понынѣ.

Поклонившись свату, дружка выходитъ изъ избы, но не дойдя до дверей, говорить :

Еста сватушка, я дружка съ подруженью
 Пріѣхалъ къ тебѣ на широкой дворъ. —
 Широки дворы осматривалъ,
 Новые стойлищы опрастывалъ,
 Добра коня въ путь поворачивалъ
 Заточенные столбы привязывалъ.
 Ваша милость встречали,
 Въ нову горницу звали.
 Я ходилъ въ нову горницу,
 Богу помолился ;
 Съ вашей милостью поклонился.
 Ваша милость встречали,
 За дубовые столы сажали.
 Посидѣлъ, погостилъ,
 Что надо, себѣ получилъ,
 Новобрачну княгиню за столъ посадилъ.

На тань просто уѣзжалъ,
 А сторожа оставлялъ.
 Богу помолился,
 Съ вашей милостью прощался,
 Изъ новы горницы выходилъ,
 На новой дворъ выступалъ,
 Къ доброму коню приходилъ,
 На добра коня садился,
 Съ широка двора съѣзжалъ,
 Широкия улицы проезжалъ,
 Въ чисто поле выезжалъ,
 Храбрый свой потѣздъ искалъ.
 Мой крабрый потѣздъ
 Стоитъ въ чистомъ полѣ, далече :
 За тѣнными лѣсами,
 За зелеными лугами,
 За черными грязями,
 За быстрыми рѣками
 Подъ ходячими облаками,
 Подъ чистыми звѣздами,
 Подъ краснымъ солнышкомъ,
 Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ,
 Подъ лебединымъ крылушкомъ,
 Подъ полотнянымъ шатеркомъ :
 Цѣлуютъ, ѣдятъ нѣтъ чашы медяной,
 И хваля, про свата выпрашиваютъ:
 Есть ли-ста дворы широкіе,
 На дворахъ столбы точеные,
 Кольца золоченыя,
 Ясли крашеные,
 Ковры шелковые ?
 Ну, сватушка, у меня ѣдетъ великъ потѣздъ :
 Сто вершниковъ,
 Пятьдесятъ тележниковъ—
 А рюмочку поднесешь, такъ я убавлю ;
 А другую поднесешь, такъ половину убавлю;
 А третью поднесешь, такъ самъ о себѣ пріѣду.

Дружкѣ подносятъ чарку вина, а свать извѣщаетъ согласіе, что онъ радъ принять весь его поѣздъ. Дружка отправляется за женихомъ, который, въ сопровожденіи его и своихъ вершниковъ, въѣзжаетъ на дворъ. Ворота до толѣ затворенныя, растворяются самимъ хозяиномъ; у крыльца же встрѣчаетъ жениха свать, который вводитъ его за руку въ избу и сажаетъ подлѣ невѣсты. Всѣ садятся по своимъ мѣстамъ; потомъ подчуютъ ихъ пивомъ, а дружка, вставъ съ своего мѣста, напоминаетъ гостямъ и свату, что пора ѣхать молодымъ къ вѣнцу и принять законъ Божій по мірскому приговору.

Еста, сватушка корешой,
И свахонька кореная!
Благословляйте новобрачнаго князя,
Съ новобрачной княгиней
Изъ мѣста встать,
Богу помолиться
Добрымъ людямъ поклониться,
У отца и матери благословиться.
Изъ за столовъ итти изъ за дубовыхъ,
Изъ за скатертей изъ за браныхъ.
Изъ за ѣствицевъ изъ за сахарныхъ,
Изъ за пѣтицевъ медяныхъ.
По горенкѣ итти по новой,
Черезъ порогъ переступить,
По мосту по камишову,
По лѣсенкѣ по брусчатой,
Широкимъ дворомъ итти,
Къ добрымъ конямъ притти.
На добрыхъ коней садиться.
Съ широка двора съѣзжать,
Гладкой улицей проѣзжать.
Ѣхать по чистымъ полямъ,

По зеленымъ по лугамъ,
 По лазоревымъ цвѣтамъ. —
 Цвѣты рацѣтали,
 Поднебесныя птички распевали,
 Новобрачныхъ увеселяли.
 Ёдетъ новобрачной князь,
 Съ новобрачной княгиней,
 Ко вѣнчанію.

Подъ вѣнецъ стоять,
 Законъ Божій принять,
 Суженую взять,
 Ряженого взять,
 По Божьему повѣщенію
 По царскому уложенію
 По господскому приказанію,
 По мірскому приговору.

Благословляйте !

Всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ; женихъ беретъ за руку неvěсту и обратившись къ образамъ, онъ молится съ нею; за ними молятся всѣ присутствующіе. Потомъ обращаются молодые къ родителямъ, падаютъ имъ въ ноги и просятъ у нихъ благословенія. Ихъ благословляютъ сначала иконами, которые кладутъ имъ на голову, а послѣ благословляютъ хлѣбомъ-солью. —

Мальчикъ, — братъ неvěсты, а если нѣтъ брата, то кто нибудь другой, — беретъ въ руки икону, выходитъ прежде всѣхъ изъ избы и провожаетъ молодыхъ въ церковь. Хлѣбъ-соль относится въ подклѣтъ молодыхъ. — Подклѣтъ бываетъ холодная, постель стелется на ржаныхъ снопахъ и покрывается одѣяломъ и шубами.

Когда князь съ княгиней выйдутъ изъ избы, тогда дружка снова обращается къ гостямъ, съ тѣми же приговорами, какія произносилъ прежде. Женихъ и неvěста отправляются въ церковь. — При совершеніи вѣн-

чанія замѣчаютъ, кто ступить прежде на коверъ или кто станетъ прежде по правую руку.—тому господствовать въ домѣ. Новобрачныхъ встрѣчаютъ съ радостными припѣвами и поздравляютъ ихъ. Угощеніе начинается водкою, и потомъ всѣ садятся за столъ. Послѣ обѣда бываютъ пляски, и поются веселыя пѣсни. По наступленіи времени увода молодыхъ въ почивальную кѣть, дружка сопровождаетъ ихъ, но говорить сначала :

Еста сватушка кореной,
И свахонька коренная!
Благословляйте своихъ дѣтей, —
На подклѣть итти,
Подъ шубой спать,
Подъ куньей спать;
Кунью шубу къ ногамъ топтать,
Здоровенько спать,
Веселенько вставать. —

На другой день ходятъ молодые въ баню, и ее топить дружка. Потомъ родные и родственники собираются на обѣдъ къ молодымъ.—Этимъ оканчивается сельская свадьба. — Въ теченіи почти цѣлой недѣли, приглашаются новобрачные на обѣды и пирушки, которыя даются ихъ родственниками. Тутъ уже обдариваютъ ихъ, кто чѣмъ богатъ.

XI. СВАДЬБА ВЪ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сего-
дня.

Главное дѣйствующее лице въ продолженіи всей свадьбы, есть старшій свать. Онъ, по желанію жениха или его родителей, отправляется сватать невѣсту, преимущественно между знакомыми ему дѣвушками. Свать, войдя въ избу, молится сначала съ иконами, потомъ кланяется на всѣ четыре стороны и спрашиваетъ хозяина. — Этотъ выходить и спрашиваетъ: откуда Богъ несетъ? — Изъ дальней сторонки; Дорогой мой сосѣдушко, отвѣчаетъ онъ, мы нарочно сюда прибыли, и вѣстимо не безъ дѣла. — Просишь милости, отвѣчаетъ хозяинъ, указывая ему мѣсто на лавкѣ. — Благодарствуемъ, говоритъ онъ, мы прибыли сюда по дѣлу, вѣстимо по дѣлу, сосѣдушко. Сделать, есть у васъ продажный товарецъ, — дай вамъ; Господь милосердный, здоровья, а мы найдемъ на него купца. Иногда говорятъ: я слышалъ, что у тебя есть товаръ, а у меня есть купецъ; твой товаръ, я слышалъ, дорогой, хорошій и нележалый, а у меня есть купецъ: богатый, хорошій и неженатый. — Хозяинъ смекнувъ, въ чемъ дѣло, говоритъ: дай Богъ въ доброй часъ. — Онъ проситъ свата садиться, не чинясь, и узнавши, отъ кого наряженъ по дѣлу, распра-

шестать о здоровья стариковъ. (*)—Старики-то и живы и здоровы, семейка твоя и низко кланяются, себя сына ка выросали, а мама ему невесту ясна въпросили. После этого, свать спрашиваетъ позволенія прійхать съ дочкой, приговаривая: вѣдь у насъ сторонущая православная, не бусурманская; въ ней не вѣнчаютъ молодыхъ безъ погладу.—Отецъ, изъявивъ согласіе, угощаетъ свата, и это называется *малой пропой*. Къ слѣдующему утру все готово въ домѣ невесты, чтобы принять жениха, его родителей, родню свою и знаменыхъ. Убранная дѣвушка, какъ можно лучше, сидитъ въ заднемъ углѣ. Дверь въ избѣ запираютъ крѣпко: не крѣпко. — Свать, прійхавши съ женихомъ, подходитъ къ избѣ, но замѣтъ, что дверь заперта, начинаетъ стучать. — Кто тамъ? спрашиваютъ изъ избы. — Прощайте, добрые люди. — Что надо? — Выхватите обогрѣться, обидѣя съ дороги. — А откуда проѣзжіе? — Слѣсь пускается свать въ сказки и притяжки, до концы аудать достоинства свата, а потому набираютъ для этого случая опытнаго балагура. Въ время разсказовъ отворяется дверь. — Проѣзжіе чай передрагли съ козодутко, говорятъ отворяющій дверь, и подносятъ полный стаканъ водки. — Свать входитъ въ избу, выпиваетъ и говоритъ: водка водкою, а старички твердятъ: вай да ума, не пропей, и дѣло разумѣй. — Потомъ онъ осматриваетъ избу, и обойдя около лавокъ три раза, начинаетъ осматривать невесту. После осмотра вступаетъ онъ въ переговоры, при которыхъ выхваляетъ досто-

(*) Когда отецъ не согласенъ выдать свою дочь за мужа, тогда онъ отзѣцаетъ ему прямо: товаръ не по кущахъ, или: товаръ еще не готовъ.

нства жениха, увеличивая ихъ сколько можно болѣе, и спрашивать позволенія у неvěсты ввести жениха въ избу. — Получивъ на то позволеніе, онъ беретъ голыкъ (истертый вѣникъ) и прометаётъ дорогу, отъ дверей до неvěсты; потомъ отворяетъ дверь, — протягиваетъ руку жениху и задеетъ его по прометеной дорожкѣ къ неvěстѣ.

Сговоръ. Женихъ и неvěста, посмотрѣвшись другъ на друга, изъявляютъ согласіе вступить въ бракъ. Отецъ неvěсты благодаритъ жениха, что онъ не побрезгалъ его дочерью, снимаетъ со стѣны св. иконы, и вмѣстѣ съ своей женою, а если нѣтъ ее, то со старушкой, близкой родственницею, образуютъ (благословляютъ) жениха и неvěсту. Послѣ образованія, цѣлуются молодые. Сватъ вынимаетъ изъ за пазухи водку, и подзываетъ всѣхъ гостей, бывшихъ при образованіи, — это называется *большой пропой*. — Въ этотъ самый день, а иногда на другой, совершаютъ обручаніе въ присутствіи священника, или безъ него. Молодыхъ ставятъ на разостланномъ, овчинномъ платкѣ, вывороченномъ шерстью вверхъ, и обручаютъ ихъ.

Дѣвичникъ. На дѣвичникъ пріѣзжаетъ женихъ съ подженишникомъ, сватомъ и дядькою (*), и привозятъ изъ дома обѣдъ, который состоитъ: изъ вареной и жареной говядины, барянины, поросенка, ветчины, птицъ, хлѣбнаго печеня, водки, наливки, пива, меда и браги; ставятъ все это на столъ, до пріѣзда родни неvěсты. По собраніи всѣхъ гостей, садятся за столъ. Женихъ и неvěста не обѣдаютъ за общимъ столомъ, а сидятъ порознь въ углу избы. Послѣ обѣда выходятъ въ сѣ-

(*) Обязанность дядьки: одѣвать жениха и прислуживать ему во всѣхъ прихотяхъ.

ни женихъ съ дядькою. Сваха и младшіе вѣять (такъ называютъ свата со стороны невѣсты), покрываютъ рядомъ (холодомъ) всѣхъ дѣвушекъ, сколько бы ихъ ни было на дѣвичникѣ. Вслѣдъ за этимъ является женихъ, который непременно долженъ узнать, между покрытыми дѣвицами, свою нареченную, — для этого онъ обходитъ нѣсколько разъ, всѣхъ поочередно. Узнавъ невѣсту, сбрасываетъ съ нее рядно и цѣлуетъ, по приговору пѣвицъ, *во уста сахарныя*. Тогда садятся молодые за столъ, а дѣвицы поютъ :

Черна, черна былака
На горѣ стояла,
Главу преклоняла.
Гора ль моя, горка!
Скажи мнѣ всю правду:
Скоро ль зима станетъ,
И какая будетъ?
Лютые ль морозы?
Глубокіе ль сныги?
Буйные ли вѣтры?
Грозныя ли тучи?

Эту пѣснь поютъ еще :

Былака чернобылка,
На горѣ стояла
Лели, лели, лели, лели!
Къ горѣ припадала,
Горушку пытала,
Лели, лели, лели, лели!
Ты скажи, скажи горушка,
Какова зима будетъ?
Лели, лели, лели, лели!
Какова зима будетъ?
Морозы лютые,
Лели, лели, лели, лели!

Мофонг-лятые,
Свѣтъ глубокіе?

Лели, лели, лели, лели!

Катеринушка платитъ,
Къ столу припадаетъ!

Лели, лели, лели, лели!

Къ столу припадаетъ,
Матушку пытается.

Лели, лели, лели, лели!

Ты скажи, скажи матушка:
Какова доля будетъ? —

Лели, лели, лели, лели!

Житѣе золотое. —

Каковъ Иванъ будетъ? —

Лели, лели, лели, лели.

Умомъ и разумомъ? —

Да не жарко горитъ лучина,
Да не жалко плачетъ (тамал-то)
Не разжалобить никого:
Ни своего батюшки роднаго,
Ни сударыни матушки родненской. —
Да когда захочу, разжалю:
Выплету уплеты съ русскихъ кость,
Повышу уплеты на приклять,
Куда моей матушки въ клятъ ходить;
Въ клятъ идучи, заглянетъ,
Изъ кляти идучи, заплачетъ:
Это моей дочушки уплеты,
Она эти уплеты носила,
Подворье мое красила. —
Моей дочушки не стало,
Мое подворье завьяло. —

Растопная ты баринья
 Разгорная ты жаринья!
 Ты рассыпни, билый пестуток;
 Да по черному ли по баринту;
 По серебряну ли по билудечну. —
 Ты расплачься ли, Марьюшка;
 Ты расплачься ли, Степановна
 Предъ батюшкой ебючи,
 Утренними, вечерними зарями; —
 Все своими горючими слезами.

Ахъ ты ель, ты елущетка.
 Золотая ель, макушечка!
 Похились ты ель, туда, сюда. —
 Ахъ все ли твои ветійки?
 Ахъ все ли да мои ветійки? —
 Только нтъ да верхушечки,
 Золотой моей макушечки.
 Молодая свѣтъ Катеринушка
 Оглянись ли туда, сюда,
 Посмотри ты во все стороны. —
 Ахъ! весь ли тутъ твой родъ, племя?
 Ахъ! весь ли тутъ мой родъ, племя?
 Только нтъу мойво батюшки,
 Только нтъу мойво роднаго, —
 Мой батюшка, у Господа Бога
 Просился, на сыру землю,
 Посмотрѣть свое рожденье;
 Хорошо ли оно да снаряжено,
 Да на мѣстѣ ли посажено?
 Снаряжено, какъ лебедушка;
 Посажено, какъ спиретушка. —

Черезъ поле полетѣло,
 Черезъ сѣнь морещице,
 Тамъ лежала досточка, —
 Досточка дубовая. —
 Да никто по досточкѣ,
 Да никто не хаживалъ;
 Никого за рученьку,
 Никого не воживалъ.
 Перешелъ Иванушко
 Перешелъ Елѣгровичъ;
 Перевелъ Катериноушку,
 Перевелъ Степановну;
 Перевезши, цѣлуются,
 Цѣлуются, мѣлуются.

Въ полюшкѣ лебедушка вскрикнула,
 Во теремъ Катериноушка всплакнула,
 Жалостно на матушку пеняла:
 Богъ тебѣ судья, родимая матушка!
 Молоду въ чужіе люди отдаешь,
 Останется зеленый садъ безъ меня,
 Поблѣкнуть все цвѣтны въ саду:
 Аленькій, мой миленькій цвѣточикъ. —
 Вставай моя матушка, раненько,
 Поливай мои цвѣтики частенько. —

Продвѣна
 не вѣстна.

Пирушка длится за полночь. — Дружка прекра-
 щаетъ ее приглашеніемъ гостей на свадьбу. —

Утромъ готовится поѣздъ къ вѣнцу. — Женихъ съ
 сватомъ, дружкой, подженишникомъ, дядькой, поса-
 женнымъ отцомъ и матерью, везутъ, въ домъ невѣ-
 сты, три стравы (кушанья). — Поѣзжаные, войдя въ
 дворъ, поютъ :

Ужь какъ вынулъ снѣжень, —
 Чуть видѣвъ слѣдочъ;
 А мы по слѣдочку. —
 Кони притомились,
 Сами приморились.
 Здѣсь коней накоршнѣ,
 Здѣсь сами отдохнѣ.

Сѣнная дверь, затворенная до тѣхъ поръ, открывается по маменьку. — По какому виду? по какому слѣдочку прѣехали сюда? спрашиваетъ братъ или родственникъ невесты, который стоитъ возлѣ нея, въ углу сѣней, и держитъ въ рукахъ скамью или ухватъ. — Себя неказать, а насъ поглядѣть, — кричатъ повзжайные. — Выходить свать и говорить: вы слышали, что у тебя есть товаръ продажный. продажи его намъ; коли полюбится, мы купимъ его. — Мы дорого просимъ, отвѣчаетъ родственникъ. — А мы дорого дадимъ, ни кому не уступимъ; оставимъ за собою, — что возьмешь? — Золотую гривну, мѣди полтину, да четыре стакана водки. — Какой величій стаканы? — Стоящій возлѣ невесты, показываетъ стаканы, свать наливаетъ немедленно, разъ за разомъ: — Въ избѣ четыре угла да пятый столбъ, говоритъ продавецъ, — когда осушить четыре стакана. — Тогда свать наливаетъ пятый. — Ну, вотъ и товаръ вашъ, говоритъ продавецъ, указывая на косу невесты. — Свать бьетъ его плетью и кричитъ: вонъ изъ избы! — Привезенныя стравы женихомъ, немедленно ставятъ на столъ. —

Закусивши слегка, всѣ ѣдутъ въ церковь. Молодой кладутъ за поясъ: мыло, рабину и сѣть рыбу, и это она должна хранить во всю свою жизнь, въ томъ предубѣжденіи, что мыло охрываетъ нечистоту,

Позади
 ного-
 дить.

рябина даетъ твердость, а отецъ будетъ держать мужа въ повиновеніи.—Женихъ отправляется со сватомъ впередъ, чтобы встрѣтить невѣсту у паперти церковной. Невѣста ѣдетъ съ своими свахами и подругами: она сидитъ въ закрытой повозкѣ, называемой буткою. Занятыми ѣдутъ особыя телеги, съ пирогами и виномъ. Встрѣтившійся кто либо съ повозомъ, долженъ своротить съ дороги, за что подносятъ ему водки; въ противномъ случаѣ посылаются побой. — Поѣздка продолжается болѣе пяти часовъ; какъ бы ни было близко къ церкви; ибо на всякомъ перекресткѣ останавливаются; поютъ много и мирно (поютъ) пѣсни. При появленіи дружки у священника, непременно должно поставить ему на столъ, по крайней мѣрѣ полъ ведра водки и цѣлой обѣдней припасъ.

— Когда все готово въ путь, тогда поетъ поѣздъ.

Повозжайте боляре,
Снимайте собольи шапки.

Снимаютъ шапки.

Вы хватайте боляре,
Хитлиныя перья.

При этомъ обсыпаютъ шапки зерновымъ хлѣбомъ; попавшія зерна въ шапку, берутъ для посѣва. Этотъ обрядъ называется *обсыпанье хлѣбомъ*. Когда двинется поѣздъ, тогда запѣваютъ повозжаные:

Повозникъ кудравый!
Пріударь коня боляно,
Чтобы конь бѣжалъ бодро.
Чтобы я не слыхалъ,
Мамъ матушка плачетъ.

Какъ матушка плачетъ
Родномъ выдыхаетъ. —

Когда отъѣдетъ поѣздъ отъ дома.

Пала, припала, молодая поросня,
На той на порошкѣ, слядинкѣ лежала;
По той по слядинкѣ, кунья пробѣжала;
За тою-кунью, охотнички вѣдять;
Охотнички вѣдять, гаркають и свищуть. —
Куныбъ братъ, Катерину Степановну ищуть.
Коней утомили, кунью изловили. —

Полетѣть соколикъ, полетѣть :
Только крылушкою всаивать :
Повхалъ Ванитца, повхалъ,
Только плеточкой самакала.
Молодая сватьяшки запѣли,
Золотыя подводы зазвѣли. —

Послѣ вѣнчанія расплетаетъ молодой князь своей
молодой княгинѣ, ея косу на двое, вѣдъ церкви; потомъ
двигается поѣздъ и поетъ :

Вскрикнули гуси,
Оку переплывши,
Трѣсими перемѣши
И на горку выведи:
Свѣтъ мой волжника,
Батюшки подворье !

Обращаясь къ невѣстѣ :

Рыка ль моя речейка,
Рыка ль моя быстрая,

Что тещи, не мамыши,
 Изъ бережковъ не выластаетъ?
 Что сидишь припечалившись?
 Что сидишь, не усмехнешься?
 Говоришь не улыбаешься. —
 Вы сестрицы, подруженьки,
 Ахъ! какъ же мнѣ веселой быть?
 Нѣтъ уже у меня роднинькихъ,
 Нѣтъ ни батюшки, ни матушки. —

Подъѣзжая къ дому :

Измѣшкали темну ночку,
 Прождалась соколица—матушка. —
 Соколика долго нѣтъ :
 Его красныя дѣвки,
 Въ высотъ теремъ заводятъ,
 Тертыми калачами кормили,
 Сытовой ведою поили.

Пріемъ
 молодо-
 дежъ.

До пріѣзда молодыхъ, все въ домѣ выметаютъ, что-
 бы никогда не было ссоры между молодыми, и не по-
 портили ихъ враги, которые, по мнѣнію простодушныхъ,
 часто портятъ ихъ за то, что не пригласили ихъ на сва-
 дьбу, или пригласили, но угостили плохо. Иные дума-
 ютъ, что на свадьбу являются скрытно молдуны, и пор-
 тятъ наговоромъ на водѣ, соли и куреніемъ ладана. —
 Молодыхъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ—солью, и обыска-
 ютъ хмѣлемъ : они падаютъ въ ноги родителямъ, ко-
 торые благословляютъ ихъ. Потомъ заводятъ ихъ за
 столъ и угощаютъ. Черезъ нѣсколько времени подаютъ
 обѣдъ для гостей, но новобрачные не ѣдятъ ничего.
 По окончаніи обѣда, дѣвушки катаютъ новобрачнаго
 на постелѣ, на коей онъ долженъ спать съ молодою,
 въ томъ мнѣніи, что укутанный новобрачный, будетъ

во всегдашнемъ повиновеніи у своей жены.—Постель стелется на ржаныхъ колосьяхъ. Потомъ свахи уводятъ молодыхъ въ брачную кѣть. При раздѣваніи молодаго, должна молодая снять съ правой ноги его сапогъ, и положенныя въ немъ деньги, она беретъ себѣ.—

На другой день топятъ дѣвушки баню, за что молодой даетъ имъ деньги на вѣники. Послѣ бани посѣщаютъ новобрачные всю свою родню, и приглашаютъ ее на княжій пиръ. Съ ними ѣздитъ свать: онъ стучится каждому въ дверь, называетъ по имени хозяина и говоритъ: коли дома, скажись; коли нѣтъ, откажись. Пойди къ нашимъ молодымъ поближе, они тебѣ поклонятся пониже. Бьетъ князь молодой со княгинею, буйною головою, винной чарой; чарочку выпивай, молодыхъ подарай,—рублемъ аль полтиною, либо золотою гривною; а коли твоя честь, такъ рублевиновъ шесть; а чушку за ушко, ярочку за поярочку; кобылку за гризку, моровку за головку. Наше дѣло нановѣ, намъ много надобно: на шильце, на мыльце, на рушяицы, на бѣлилы. — Послѣ этого свать проситъ каждого помолаться, чтобы цѣловались молодые. —

Возвратясь домой, новобрачные застаютъ у себя гостей, приглашенныхъ на княжій столъ. — Дѣвушки поютъ:

Иванушка да Григорьевичъ!
Кто тебѣ рубашку прялъ?
Кто прялъ тебѣ да кужельную?
Пряла тебѣ да Катериனுшка. —
Она тонко пряла,
Часто вышивала;
Было бѣлила,
Съ своячиной мыла. —

Ще, вышиваю,
И блески сажаю.

Полонъ столъ гостей вокругъ застольица,
А во всей избѣ да снадобнаго !
Печь полнымъ полна да сядомаго,
Уста Катериношки да сладнаго,
Лице Ванюшки да красиваго,
А привѣтъ гостямъ въ лицѣ бабюшки,
А мордашка въ речахъ сватушки.

Передъ сватомъ ставятъ стаканъ водки и рюмку
ютъ его :

У Пахомыча на дворѣ,
Виноградѣ развѣло,
И немножко выпивѣли,
Четыре только ягодки :
Пахомычъ ягодка, (имя свата)
Филатовна ягодка, (имя жены его)
Киценцыюшка ягодка, (сына свата)
Феклустушка ягодка, (дочери его) —

Послѣ княжяго пира, приглашаютъ молодыхъ къ
обѣду, родные и знакомые или дають особыя имъ
вечеринки. — Пированіе продолжается по состоянію.

III. СВАДЬБА ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ.

Свадебные обряды олонецкаго края, во многомъ отличаются отъ совершаемыхъ внутри Россіи. — Паренки, соскучивъ одиночествомъ, просятъ у своихъ родителей позволенія жениться. — Желаннымъ родителямъ говорить онъ, отпустите меня на чужую чужбину : я достану себѣ молодцу, красную дѣвицу. — Его отпускаютъ съ благословеніемъ. — Иди съ Богомъ, дитятко, говорятъ родители, иди рожене!

Онъ идетъ искать невѣсту вдалекѣ отъ своего селенія или деревни. Избравъ для этого друзей своихъ и двухъ сватовъ, въ которые беретъ изъ родственниковъ, онъ отправляется съ ними въ то мѣсто, гдѣ у него на примѣтѣ дѣвица. Они не входятъ прямо въ домъ, а стучатъ въ окно, спрашивая: можно ли войти? Имъ отвѣчаютъ: милости просимъ. — Войдя въ избу, они молятся сначала образамъ, а послѣ кланяются родителямъ невѣсты; родители просятъ гостей садиться; они благодарятъ, говоря: намъ нѣкогда сидѣть, мы пришли за добрымъ дѣдомъ, за сватовствомъ. — Гости упрасиваютъ сѣсть, и начинаютъ поднимать лавы

Сватовство.

ницею и пряженными пирогами. Въ то время зажигаютъ свѣчу предъ образомъ, и если невѣстъ не поправится женихъ, то она гаситъ свѣчу.—Это отказъ.—Когда просватаютъ невѣсту, тогда она плачетъ. Въ то время накрываютъ ее фотою и сватамъ объявляютъ приказъ, т: е: когда будетъ порученье (обрученье) а когда свадьба. Приказъ сопровождается звономъ въ колокольчикъ, рукобитьемъ и благословеніемъ. Сватъ бьетъ по рукамъ со всѣми родными невѣсты, захвативъ полу своей сибирки. —

Плачу невѣсты,
но замочу
рученье,
или рукобитье.

Послѣ совершенія рукобитья, помолвленная провозитъ съ плачемъ: улетѣла моя любимая, вольная волюшка! за горюшки высокія, за дѣсушки темныя за озерушки широкія. Обневолили меня желанные родители за чужаго чужанина, на чужую сторону. Какъ то будетъ привыкать мнѣ къ чужому чужанину, къ чужимъ родителямъ, къ чужой сторонѣ? Мнѣ ужъ не долго красоваться волюшкой у своихъ родителей, и у братцевъ ясныхъ соколовъ. Видно я имъ наскучила, видно была имъ не работница и не заботница. Видно пріустала, мои родители меня поюча, кормючи, узки плечики одѣваючи, рѣзвы ножки обуваючи! Выйду я, бѣдная дѣвушка, въ зеленую дубравушку; посмотрю на всѣ четыре стороны: не увижу ли я гдѣ летаетъ моя любимая волюшка? Обернусь я, красная дѣвица, къ косясчету окошекъ; посмотрю на широкую улицу: исполна ли печетъ красное солнышко, бѣжитъ свѣтелъ мѣсяцъ? Погляжу я красная дѣвушка, на брусовую гладкую лавочку: исполна ли сидятъ мои родители, на брусовой красной лавочкѣ? Исполна, исполна: лишь нѣтъ моей любимой волюшки! Ахъ, любимыя подруженьки! У васъ цвѣтутъ желанныя волюшки, на буйныхъ головушкахъ; у меня у бѣдой горюшницы, распушена косалика, нѣтъ моей

вольной волюшки! Не держите вы ее по рядовымъ денечкамъ, а держите по годовымъ праздничкамъ. Поднимись, ручка правая, на буйную головушку! Опустись, ручка правая, противъ вздоха тяжелаго. Первый поклонъ положу я за кормилица батюшку, второй поклонъ за родитель-матушку, третій поклонъ за крестнаго батюшку, четвертый поклонъ за крестную матушку. И еще поднимись ручка правая, на горемычную головушку. Ты, Покровъ Богородица! покрой меня дѣвушку пеленой своей нетлѣнною, ити на чужую сторону! Введение мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку! Стрѣтеніе мать Богородица! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!

Невѣста ходитъ ежедневно, рано по утру, въ дома родныхъ и поетъ причитанье плачевное. Если нѣтъ у нея родителей, то ходитъ на ихъ могилу и тамъ рыдаетъ. Таковыя причитанія она распѣваетъ до самой свадьбы. Вотъ для образца.

Плачь невѣсты, выдаваемой за мужъ противу воли.

Скучно мнѣ дѣвушкѣ сиротинушкѣ,
Безталанной, бѣдной головушкѣ.
При отцѣ росла я при родимомъ!
Я у матушки у сударини,
Сиживала подъ окошечкомъ,
Почесывала буйну головушку,
Поплестывала трубчату косу.
Теперь батюшка да какъ чужъ чужанинъ,
Родная матушка хуже мачихи.
До зореньки красныя понапилися,
До свѣту Божьяго, понапилися —
Пропили меня дѣвушку, сиротинушку,
Пропили головушку безпріютную,
Не глядя на слезы, на жаленьице,

Забросили дѣтище въ немобину сторону:
 Да на горюшко, на кручинушку.
 Да не плакальс, да на вѣчное. —

Плачь невѣсты на могилѣ родныхъ :

Не плала млада и не вѣла я,
 Мнѣ не спалося, не дремала я;
 Точно двѣушкѣ мнѣ, томистиницѣ,
 Больно сердичку, и большепинько.
 Раступись ты мать, сыра земля!
 Подымись, вскройся гробова доска;
 Встань ты, братецъ мой, встань родиминькой.
 Приюти меня безпріютную;
 Приголубь меня, позабытую;
 Роду племени я чужой стала,
 Отцу матери я покидышемъ.

—Ж—

Что на горь-то дубъ стоитъ,
 Онъ безъ вѣтра мотается,
 Безъ дождя увивается.
 Много, много у сыра дуба,
 Много вѣтвей и повѣтей,
 Много листу зеленого.
 Только нѣтъ у сыра дуба,
 Золотой нѣтъ вершиночки,
 Позолоченой маковки.
 Что теперь было надобно,
 Что къ этому то времячку,
 Что къ лѣту ко красному,
 Ко веснѣ ко разливной.

Много, много у дѣвушки,
 Много ближнихъ пріятелей,
 Только нѣту у дѣвушки,
 Нѣту родителя матушки.
 Что теперь было надобно,
 Что по этому по времени
 Ко благословенію великому.
 Смарать мѣду есть кому,
 Благословить мѣду нѣкому :
 Благословляютъ чужіи люди
 Чужіи люди, посторонные,
 Всѣ сосѣды нарядовые. —

Плачъ невѣсты утромъ, на крыльцѣ своего дома.
 Также она плачетъ и въ домѣ своихъ родственни-
 ковъ. —

Грустно сердечку, нудно бѣдному ;
 Ахъ знобить его да невгодушка :
 Отца батюшки приказанье,
 Родной матушки повелѣнье.
 Куда не брошусь я, куда не взгляну я,
 Ахъ! вездѣ тоска не усыпучая,
 Вездѣ невгодушка не минукая.
 Оглянуся я на далекій лѣсъ :
 Во сосновинькомъ да темношесенько,
 А въ груди моей и еще темнѣй.
 Оглянуся я на широкій дворъ
 Ахъ! на дворикъ да грушнехонько,
 А на сердцѣ мнѣ и еще грустнѣй.

Всѣ эти припѣвы, время отъ времени выходятъ изъ
 употребленія, и если существуютъ во всей силѣ, то въ
 селеніяхъ весьма отдаленныхъ отъ городовъ.

Подруги невѣсты, принимая въ ней участіе, прово-
 дятъ съ нею время до свадьбы, и утѣшаютъ ее. Во

все это время, онѣ готовятъ ей свадебные уборы и поютъ съ нею пѣсни, по большей части грустныя.

Не чаяла меня матушка вѣкъ сбыти,
 Меня вѣкъ сбыти, со двора изжити.
 Изжила меня матушка во единый часъ,
 Во единый часъ, во минуточку.
 Жарко, жарко въ теремѣ свѣчи горять,
 Всѣ горять свѣчи, воску яраго!
 Жалко, жалко плакала красная дѣвица
 По своей косѣ русой....
 Унимала ее родной батюшка,
 Уговаривала родитель-матушка :
 Ты не плачь, наша умная!
 Не тужи, душа разумная!
 Ужь вѣдь мы тебя не въ полонѣ дадимъ,
 Ужь вѣдь мы тебя за мужъ выдадимъ.
 Отдаемъ тебя за умнаго,
 Что за умнаго за разумнаго.
 Ужь какъ мы тебя не одну спустимъ;
 Мы тебя дадимъ провожатыхъ.
 Ты не твѣжь, не твѣжь, родной батюшка!
 Не уговаривай родимая матушка!
 Провожатые всѣ разѣдутся;
 Я одна молодешенька, остануся,
 Съ удалымъ добрымъ молодецмъ.

Желтые кудри за столъ пошли,
 Русу косу за собою повели;
 Желтые кудри доброй молодень,
 Русая коса красная дѣвица.
 На улицѣ дождикъ накрапываетъ,
 Доброй молодецъ у красной дѣвушки выспрашиваетъ:
 Ты скажи, скажи, красная дѣвица!

Кто тебя изъ роду милъ?

Милъ мнѣ милешенскъ,

Батюшка родной. —

Красная дѣвица мол!

Это неправда твоя, не истинная;

Свое сердце тышишь, а мое гиввишь.

На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,

Доброй молодецъ у красной дѣвушки высрашиваетъ:

Кто тебя изъ роду милъ? —

Милъ мнѣ милешенскъ, доброй молодецъ

Красная дѣвица душа!

Это правда твоя, истинная:

Свое сердце тышишь, мое веселишь.

Ты скажи-ка, чужой чужбанишь!

Ужъ ты гдѣ меня повысмотрѣлъ?

Ужъ ты гдѣ меня повыглядѣлъ?

На горкѣ катаючись,

О Христовомъ дни качаючись,

Аль на тихой смирной бесѣдуишь?

И тогда у меня молоденькой

Было туку (*) принабавлено,

Было росту принаставлено:

Накладно да лицо былое,

И бывишь (**) было набывеное,

Алымъ (***) да нарумянено.

Въ опредѣленный день прѣзжаетъ женихъ со свата-Свата-
ми и свахами, которые сводятъ жениха съ невѣстою. жених
Жениха ставятъ въ большой уголъ подѣ иконы, а
отм.

(*) Полноты.

(**) Бѣлыми.

(***) Румянами.

невѣсту въ малой уголь близъ печи. По обѣ стороны жениха стоятъ двѣ сватьи, а по обѣ стороны невѣсты двѣ брудги (*). Невѣста держитъ въ рукахъ тарелку, на коей лежитъ фата, сложенная нѣсколько разъ въ средину углами. Сватьи бьютъ въ воронецъ (**), приговаривая брудгѣ: ну сватьюшка, поварачивайся; давай невѣсту, женихъ скучаетъ. — Жениха и невѣсту ведутъ медленно; брудгѣ говорятъ: въ нашей пшеницѣ нѣтъ торицы (торной, гладкой дороги). — Сватьи жениха стѣбчаютъ: въ нашемъ житѣ хоронѣ ростокъ. — Потомъ, приведя на средину избы, сходятъ жениха съ невѣстой, — т. е. ставятъ другъ подле друга. Женихъ разгибаетъ углы фаты и при каждомъ углѣ, имъ разгнутомъ, цѣлуетъ свою невѣсту. Когда разогнетъ всѣ углы, тогда накрываютъ невѣсту фатою, даютъ ей въ руки подносъ съ виномъ, и потомъ она начинаетъ поднимать всѣхъ гостей, изъ коихъ каждый кладетъ на подносъ деньги, сколько кто можетъ. Въ слѣдъ за невѣстой ходятъ: проводница и плакальщица; послѣдняя неумолчно оплакиваетъ ее. Обнеся всѣхъ, невѣста подноситъ вино женаху, который даритъ ей, между прочими вещами, башмаки, но оза, взявъ ихъ, бросаетъ а плакальщица поетъ укоризны. Иногда поютъ брудги.

Не дарика, чужой чужбинникъ!
Ты шипенскими подарками,
На церковномъ крыльцѣ вопросы.
Ужъ я жила, молодешенька,
У родимаго у батюшки:

(*) Брудги, корельское слово, значить сваха или сватьи. Названіе брудгъ носятъ одиѣ свахи со стороны невесты.

(**) Въ доску, привѣшанную къ перекладинамъ потолка. —

Я носила, молоденькая,
 По Христовымъ воскресеньцамъ —
 Я башмачки козловые,
 Чулочики бумажные;
 По годовымъ по праздничкамъ —
 Я чулочики шелковые,
 И башмачики сафьяные.
 Ты послушай, чужой чужбинникъ!
 Съ моимъ родомъ спознаться —
 Прозакладать все житье бытье,
 И хоромное строенье.
 Какъ дарить тебѣ, отдаривать?
 Мой родъ племя, великое!
 У меня родня, широкая:
 Сорокъ тетушекъ, сорокъ дядюшекъ,
 Шестьдесятъ желанныхъ дядюшекъ.
 Въ моемъ-де роду племени,
 Все попы, отцы духовные,
 И причетники церковные;
 По губерніямъ губернаторы,
 По городамъ городничіе,
 По уездамъ исправники,
 По правленіямъ славны головы,
 Да по земскимъ пятисотскіе.

Обойдя всѣхъ съ подносомъ, невѣста останавливает-
 ся у стола; дружки снимаютъ съ нее фату, концами Дѣвич-
никъ.
 плети.

Послѣ свода или порученія, наступаетъ дѣвичникъ,
 но на камушъ его бродяги топятъ баню, въ которую во-
 дятъ невѣсту и подружки, при нѣмъ заунывномъ. Тамъ ее
 маютъ льномъ, при которомъ потомъ дѣлаютъ чайникъ (*),

(*) Чайники суть шнуры, продвигаемые въ сподное муже-
 ское платье.

для новаго платья жениха. На дѣвичникъ собирается, со стороны помолвленныхъ, вся родня. Жениха и не-вѣсту заводятъ за столъ; противу не-вѣсты садятся ея подружки, а противу жениха его поѣзжаппые и ты-сяцкій, избираемый изъ крестныхъ отцевъ, и заступа-ющій мѣсто посаженного отца. Молодыхъ подчиваютъ прежде всѣхъ, и въ то время, когда подносятъ не-вѣстѣ вино, она встаетъ и кланяется будущимъ своимъ род-нымъ; дѣвушки поютъ :

Сборы, сборы широкіе,
Широкіе сборы, дѣвичьи!
(имя и отчество не-вѣсты)

Сбирала подружекъ за свой столъ,
Садил подружекъ высоко;
Сама садилась выше всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ :
Какъ будетъ притти въ чужи люди ?
Какъ будетъ назвать люта свекра ?
Батюшкомъ назвать не хочется,
Свекромъ назвать—разсердится.
Убавлю спеси гордости,
Прибавлю ума разума,
Назову свекра батюшкою,
Люту свекровушку матушкою.
Съ этого я худа не буду,
Съ блага лица не спаду,
Съ алыхъ щечекъ румянцомъ не сойду. —

Молодыхъ заставляютъ поцѣловаться, и послѣ ихъ поцѣлуя раздается общее одобреніе. Женихъ подноситъ своей не-вѣстѣ подарки, которая отдариваетъ его плат-комъ и уходитъ въ особую комнату; гости садятся за столъ.

Спустя нѣсколько времени, выходитъ покрытая фа-той не-вѣста. — Она несетъ поднось и ставитъ его

на столъ. Невѣста наливаетъ рюмку вина, и подноситъ своему жениху, женихъ наливаетъ другую рюмку и подноситъ ей. Каждый изъ нихъ первымъ старается влить вино въ рюмку другъ друга, и кто успѣетъ это сдѣлать прежде, тотъ будетъ первенствовать; зрители одобряютъ радостнымъ крикомъ. Если женихъ успѣетъ налить первымъ, то неvěста оборачивается къ нему и поетъ съ покорностію.

Охъ-ты мнѣ, да охъ-ты мнѣшненько,
Хоть мнѣ долго издѣваться,
Будетъ бѣдной покориться!
Подойти да молодешенькѣ,
Ко столу, да ко княжескому;
Ко кругу, да молодецкому,
Поклониться да низешенько.
Ужъ мнѣ снятъ фату алую. —
Не помни, чужой чужбининѣ!
Ты не лихой моей,
Да не грубой моей грубости.
Ты гляди, чужой чужбининѣ,
Господинѣ души, отецкой сынѣ!
Мнѣ прямо въ было лицо,
Въ точь ясны очи.
Я двушка не корыстная!
Тебѣ брать, чтобы не каяться
Мнѣ бы жить, чтобы не плакаться
На чужой дальней сторонущкѣ!...

Тогда поѣзжанные съ жениховой стороны, вскакиваютъ изъ за стола и кричатъ: покорилаcь,—наша взяла! наша взяла! Тутъ начинается снова подчиванье, а неvěста, сопровождаемая двушками и женщинами, собираетъ посолье: она подходитъ къ каждому мужицѣ и каждой женщинѣ съ приличной пѣсней, кото-

руко носить со сватами или свдаушими женщинами или
только благодарить ихъ причитаюмиъ :

Спасибо доброй молодецъ,
На приносъ, на подносъ,
На дорогихъ твоихъ подаркахъ.

Причитая тоже самое каждой женщиной и дѣвушкой,
она говоритъ первой: спасибо добрая тетюшка, а
второй: спасибо моя сестричка, и потомъ заключаетъ
поклономъ. Обойдя всѣхъ, она обращается къ своимъ
родителямъ и прощается съ ними :

Прости, красно мое солнышко,
Желанный кормилецъ-батюшка,
И родительница моя матушка!
Охъ-ти мнѣ, да охъ-ти мнѣшненько,
Дочь кручинная головушка!
По послѣднему денечку,
Я сидѣла молодешенька,
Я во светлой своей свѣтлицѣ,
Во высокой новой горницѣ.
Ужъ я шла волю золотомъ,
Обшивала чистымъ серебромъ;
Я смотрѣла, молодешенька,
Изъ косячета окошечка,
На озеро на Онежское:
Изъ за озера за Онежскаго,
Летятъ птицы заморскія:
Соловей птица свистущая,
Орелъ птица говорящая:
Орелъ слыть да на окошечко,
Соловей слыть подъ окошечкомъ.
Орелъ слыть да выговаривать,

Соловей сталъ да выщелкивать (*):
 Не сяди жена голубушка!
 Подъ космичетымъ ошкеткомъ.
 Ты не трать чиста серебра,
 И не порти красна золота.
 По сегодншнему денечку,
 Быть саду да вполонному,
 Всему роду покеренному;
 Волюшки быть во вполонномъ,
 Дзвущки быть во заботущихъ.
 Не за долго поры времени,
 Проскрипавъ дубовы еани,
 Пробрящала золота узда,
 Просветела шелкова плеть:
 Пріѣзжалъ злотый, большой свать;
 Насулилъ онъ батюшки
 Много пива, много пьянаго.
 Говорилъ желанный батюшка:
 Мит-ка нить, да незапиваться;
 Не промвнито любовь дочери,
 Я за винную за рюмочку.
 Выводилъ да злотый, большой свать,
 Много злата, много серебра,
 Много скатнаго жемчугу.

(*) Вместо этого поютъ еще:

Соловей сталъ да выщелкивать.

Если дзвущка бойкая и не застычивая, то говорятъ: эка ты моя соловейка, — щебетунья! выражая этимъ, что она говорить такъ пріятно, какъ поетъ соловей. — Олонцкіе соловьи поютъ не хорошо, самые напевы ихъ очень редко слышны. — Вообще, въ северной полосѣ Россіи, трели соловьевъ перерывистыя и невзвонкіи, и далеко отстоятъ отъ сладкозвучныхъ южнаго края.

Говорить родина матушка :
 Серебромъ-то не шлювы шдують,
 Золотомъ-то не тыны тынить,
 Жемчугомъ да не сады садить.
 Пропились да промотались,
 Желанные мои родители ;
 Пропили мою головушку,
 Не за пивную за кружечку,
 Не за винную за рюмочку.
 Вѣрно я да молодешенька,
 Наловля да наскучила!
 Видно, бѣдная я, напровучила
 Своимъ долгимъ дѣвичествомъ,
 Глупымъ малымъ ребячествомъ!
 Я прѣла, молодешенька,
 Всѣ я стоги пятигодные.
 Да заски нескходныя!
 Проносила, молодешенька,
 Всѣ я цвѣтныя платьица!
 Придержала молодешенька,
 Всю безсмѣтную золоту казну!
 Какъ при мнѣ да молодешенькѣ,
 У моихъ свѣтъ у родителей.
 Ужъ какъ въ полѣ не родилось,
 На дворѣ да не плодилось,
 На столѣ да не спорилось!
 Изживаютъ меня, бѣдную,
 Будто ворога изъ города,
 Люта зѣбря изъ темна лѣса.
 Погоди родина матушка!
 Схватишься, да догадаешься,
 Какъ не будетъ меня бѣдной;
 И по бережку находишься,
 Камешковъ наприбираешься,
 И къ сердцу наприжимаешься.
 Рада будешь, красно солнышко!
 Черезъ поле въ глаза видѣти,

Черезъ лѣсъ да голосъ слышати,
 Черезъ рѣку рѣть говорити.
 У меня у молодешеньки,
 Будеть волюшка спрошена,
 Красота да доложена.
 Мнѣ захочется тошнешенько
 На родимую сторонушку,
 Да отхочется скорошенько:
 У меня день пройдетъ спрашаючи,
 Другой день да вадоложаються,
 Недвѣлку снарижаються
 На родимую сторонушку.
 Осенью да бездѣрожняще,
 А весною да безпольище,
 Лѣтомъ лѣтнія работушки,
 Зимой зимушка студеная.
 И не спустятъ меня, бѣдную,
 На родимую сторонушку...
 Ужъ мы свидимся,—понаплачемся,
 Разойдемся, натоскуемся.

За этимъ возобновляется подчиванье со стороны неvěсты родителей, и послѣ того дружки жениха приглашаютъ всю родню неvěсты, жениха и гостей, на княжескій столъ, который бываетъ послѣ вѣчанія. — За этимъ угощеніемъ всѣ рахоятся. —

Въ день поѣзда молодыхъ въ церковь, женихъ прі-
 ѣзжаетъ за неvěстой съ своими дружками и сватьями. обрядъ предвѣ-
сальный.
 Его сажаютъ за столъ въ кутнѣмъ углѣ, подѣ обра-
 зами; по правую его руку садятся дружки, а по лѣ-
 вую сватьи. Въ то время дѣвушки одѣваютъ въ дру-
 гой избѣ неvěсту, и кладутъ ей за пазуху крайчикъ
 посоленого хлѣба и гашиникъ, сплетенный изъ того
 льна, которымъ она мылась въ банѣ. При одѣваніи
 поютъ дѣвушки, а иногда сама неvěста:

По послѣднѣму дѣвечку
 Нанесло тучку черную,
 Со громами со трескучими
 Съ молніями со сверкучими,
 На батюшковъ выскѣ теремъ,
 На матушкину горенку.
 Пріѣзжалъ чужой чужбинѣ,
 Съ храбрыми своимъ поводомъ,
 Съ повзжавшими молодыми.
 Гдѣ-то есть у молодешеньки
 Соколъ—братецъ, братецъ родименькой,
 Голубчикъ алатокрыленькой;
 Запонка да воротовая,
 Сердоликъ, дорогой камень.
 Наряжу я молодешенька,
 Службицу я не великую,
 Да работку не тяжолую:
 Ты сходи-ка братецъ, соколъ мой,
 Въ постоялую конюшеньку;
 Ты возьми-ка братецъ, соколъ мой,
 Что ни лошадь саму лучшую;
 За прыги-ка братецъ, соколъ мой,
 Въ саночки да въ самокаточки;
 Повзжай-ка, братецъ, соколъ мой,
 Въ славный городъ Вытегру,
 Въ лавочки торговая,
 Запусти-ка братецъ, соколъ мой,
 Горинтуру мнѣ чернаго,
 И шелковъ семи разныхъ.
 Гдѣ-то есть у молодешеньки
 Тайны, милыя подруженьки,
 Дорогія поросеночки. — (однаголка). —
 Вы новышейте, голубушки!
 Заузорчетую зашавесь:
 Вы на первомъ углѣ вышейте
 Вы Литву, да со Татарамъ;

На другомъ углѣ выйдите
 Вы Москву, да со боярами ;
 Вы на третьемъ углѣ выйдите,
 Царя да со Царицею ;
 На четвертомъ углѣ выйдите,
 Короля со королицею.
 На середочкѣ же выйдите
 Красно солнышко, со мѣсяцемъ,
 Да со частыми звѣздочками.
 Ты повѣсь-ко, братецъ, соколъ мой !
 Заузорчатую занавѣсь
 Ко крыльцу, до ко перильному,
 И ко столбику точному,
 Ко колочку золоченому.
 Какъ повѣсть да чужой чужбиннѣ,
 Въ городахъ онъ не бывающій,
 Мудрости мало выдающій :
 Разглядится, да рассмотрится
 На узорчатую занавѣсь,
 И оставить молодешеньку
 На родимой на сторонущихъ,
 У желанныхъ у родителей. —
 Глухая я, красна дѣвица,
 Неразумная головушка !
 Какъ повѣсть чужой чужбиннѣ :
 Впереди его вожатые,
 Позади же провожатые,
 По сторонѣ да сбережатые,
 Въ городахъ они бывалые,
 Много мудрости выдалые.
 Не отпущать молодешеньку
 На родимую сторонущию.
 Не вуснай-ка братецъ, соколъ мой,
 Безъ допросу на крытое крыльцо,
 Безъ доклада красной дѣвицѣ.

Когда начнутъ заплетать косу, тогда стараются заплести ее какъ можно крѣпче: для того перепутываютъ косу и завязываютъ ее узами. — Когда невѣста совершенно готова, тогда крестный отецъ, занимающій мѣсто посаженого, сажаетъ ее на квашни. Сватья и дружки отправляются за невѣстою. Дружки получаютъ отъ невѣсты въ подарокъ ленточные банты, а сваха начинаетъ расплетать косу. — Дѣвушки поютъ:

Я не знала, не вѣдала,
 Когда сваха прѣехала,
 Спешивая, горделивая.
 Она ступить не ступила,
 Слова не смолила;
 Хотя жъ она ступила,
 Хотя жъ она смолила:
 Снаряжайся-ка умная!
 Снаряжайся, разумная!
 Что въ ту ль Божию церковь,
 Что къ тому-ль Божьему суду.
 Отойди же прочь, обманщица!
 Отойди подговорщица!
 Мнѣ и такъ ужъ тошнохонько
 Разставаться со родителями:
 Усюда вѣдь ноги ломятъ,
 Подъ вѣнцомъ голова болитъ.

Расплевши косу, сватья надѣваетъ на голову невѣсты *волю* (*). Въ то время дарятъ сваху, чѣмъ нибудь. Потомъ сватья, взявъ невѣсту за руку, подводитъ къ жениху и сажаетъ рядомъ съ нимъ на подушкѣ. Кре-

(*) Волосникъ тоже что повойникъ, только нѣсколько меньше его.

стный отецъ невѣсты, разставляетъ на всѣ четыре стороны иконы: Покровъ Пр. Богородицы, Срѣтеніе Пр. Богородицы и благословенную икону, которую везутъ съ невѣстою въ церковь. Жениха и невѣсту выводятъ изъ за стола, и подводятъ подъ благословеніе родителей, которые стоятъ у стола на разостланной шубѣ шерстью вверхъ; возлѣ нихъ стоитъ крестная мать невѣсты, держа въ рукахъ хлѣбъ, съ посыпанной на немъ солью. Невѣста снимаетъ съ головы своей *соло* и отдаетъ родной сестрѣ, а если нѣтъ сестры, то кому либо изъ подругъ, и поетъ плачь. — «Улетѣла моя любимая вольная волюшка, за грушки высокія, за лѣсушки темныя, за озерушки широкія! Обневолили меня желанныя родители за чужаго чужанина, на чужую сторону. Какъ те будетъ привыкать мнѣ къ чужому чужанину, къ чужимъ родителямъ, къ чужой сторонѣ? Мнѣ не долго красоватися волюшкой у своихъ родителей и у братцевъ, левыхъ соколовъ. — Видно я имъ наскучила, видно была не работница и не заботница. Приустали, видно, мои родители, меня поючи, кормючи, ужи плечики одѣваячи, рѣзвы ножки обуваючи! Выйду я, бѣдная дѣвушка, въ зеленую дубровушку; посмотрю на всѣ четыре стороны: не увижу ли я, гдѣ летаетъ моя любимая волюшка? обернусь я, красная дѣвица, къ косясчету окошечку; посмотрю на широкую улицу: исполна ли печать красное солнышко? исполна ли свѣтитъ свѣтелъ мѣсяцъ? Погляжу я, красная дѣвушка, на брусовую гладкую лавочку: исполна ли сидятъ мои родители, на брусовой красной лавочкѣ? Исполна, исполна: лишь нѣтъ моей любимой волюшки! Ахъ, любимыя подруженьки! У васъ цвѣтутъ желанныя волюшки на буйныхъ головушкахъ, у меня у бѣдной горюшницы, распущена косавька, нѣтъ

моей волевой волюши ! Не держите вы ее по рядовымъ денечкамъ, а держите по годовымъ праздникамъ ! Поднимись, ручка правая, на буйную головушку ! опустись, ручка правая, противъ вздоха тяжелаго. Первый поклонъ положу я за кормилица батюшну, второй поклонъ за родителя матушку, третій поклонъ за крестнаго батюшку, четвертый поклонъ за крестную матушку. И еще поднимись, ручка правая, на горемычную головушку ! Ты, Покровъ Богородица ! покрой меня дѣвушку, пеленой своею нетлѣнною, веди на чужую сторону ! Введемъ мать Богородица ! веди меня на чужую сторонушку ! Срѣтенье мать Богородица ! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ !»

По произнесеніи причитаній иконамъ, она падаетъ въ ноги своимъ родителямъ; крестный отецъ снимаетъ со стѣны каждую икону по очередно, передаетъ крестной матерѣ, родителямъ невѣсты а они благословляютъ свою дочь. Потомъ женихъ и невѣста падаютъ имъ въ ноги, которые благословляютъ ихъ хлѣбомъ-солью и иконою благословенною ; потомъ поднимаютъ и сажаютъ за столъ на полушкѣ. Тутъ одинъ изъ друзей подаетъ жениху огниво и кремень ; другой обворачиваетъ ихъ полотномъ, а жениха сѣткою; сватья покрываетъ невѣсту фатой, которая ниспадаетъ по распущеннымъ на плечахъ волосамъ (*). Дружко беретъ за руку жениха, этотъ невѣсту а она сватью; такимъ образомъ выходятъ изъ за стола и отправляются въ церковь (**).

(*) Такъ отправляется невѣста въ церковь и такъ ванчается.

(**) Всѣ лошади, на которыхъ везутъ молодыхъ, обвязаны колокольчиками, а подъ дугой особой колокольчикъ.

Невѣста отдается на руки жениху, и ѣдетъ съ нимъ выѣсть (*).

При вѣнчаніи замѣчаютъ горькіе брачныя свѣчи : если тѣмъ либо изъ молодыхъ погаснетъ неожиданно, тому неминуемо умереть скоро.

По совершеніи вѣнчанія, провожаютъ новосочетавшихся въ домъ жениха. Невѣсту моютъ, а иногда бѣлятъ и румянятъ, за тѣмъ переодеваютъ ее въ платье молодухи и выводятъ съ покрытой фатою. Тогда свать, ударивъ три раза на крестъ по столу, новой плетью, чтобы отогнать всякія чары, говоритъ : какова то наша добыча ? — и концемъ кнутовища сбрасываетъ съ невѣсты фату. Всѣ кричатъ : молода и хороша !

Тогда всѣ садятся за княжій столъ, прежде молодыхъ ; родные обходятъ три раза вокругъ стола.

Одинъ изъ друзей привозитъ въ домъ новобрачнаго, во время обѣда, все приданое новобрачной. — Въ числѣ приданого находятся новыя рубашки мужскія и женскія, для подарка мужниной родни. — Послѣ обѣда ставятъ свать передъ молодою, тарелку съ рюмкою, наливаютъ сюда вина и, поднимая кнутовищемъ каждую рубашку, выкликаетъ по имени и отчеству родныхъ молодого : они подходятъ, пьютъ вино, берутъ рубашку и кладутъ на тарелку деньги. По раздачѣ подарковъ, стелютъ молодымъ постель, на которую ложится брудга. Ее должно дарить, чтобы она уступила постель ; за тѣмъ на ту же постель ложится дружка,

(*) Если у невѣсты есть сестра-дѣвушка, то она съ сватьей берется за столъ и тащитъ его до порога. — Иногда сама невѣста тащитъ столъ, это для того, чтобы сестрамъ ея выйти скорѣе за мужъ. —

которую тоже дарят. Это называется откупить постель. Откупивъ постель, кладутъ молодыхъ спать постельныя проводницы. Во время сна оберегаютъ ихъ, отъ всякихъ чаръ, клѣтвики, разбѣзжая ночью вокругъ дома.

На другой день по утру рано, идутъ будить молодыхъ, постельныя проводницы, которыя послѣ ведутъ ихъ въ баню, а ее настапливаютъ дружки. Когда ведутъ молодыхъ въ баню, тогда бьютъ въ сковороды, стрѣляютъ, пляшутъ и поютъ. Пока остаются они въ банѣ, всѣ провожатые пляшутъ вокругъ бани, кидаютъ камни, бьютъ горшки и кричатъ. Послѣ бани молодая снова даритъ мужнину родню и дружекъ; потомъ всѣ садятся за столъ, приготовленный у молодого. По прошествіи нѣскольکو времени, молодой отправляется съ дружкою и сватомъ, къ своей тещѣ на яичницу, которую она сама подаетъ ему. Новобрачный вырываетъ кусокъ изъ середины яичницы, а дружка наливаетъ туда масла; чашку же, въ которой было масло, онъ разбиваетъ. Это тогда дѣлается, когда новобрачная выйдетъ замужъ дѣвицею; въ противномъ случаѣ новобрачный разрываетъ яичницу на куски, дружка вколачиваетъ надъ дверьми гвоздь, на который вѣшаетъ хомутъ, отдаетъ матери масло и ведетъ новобрачную подъ хомутомъ въ дверь, въ сопровожденіи самой матери, несущей масло, и проводитъ ее до воротъ; потомъ возвращается съ нею въ избу. Тогда веселіе прекращается, и всѣ кричатъ съ негодованіемъ: *водили подъ югу! подъ югу!* (*) Масло, которое несла мать, означаетъ, что она болѣе занималась коровами, нежели нравственностію дочери. —

(*) Юга, латинское слово *jugum*, означаетъ ярмо, а въ переносномъ смыслѣ хомутъ. — Въ древности Римляне

На другой день отецъ новобрачной дѣлаетъ обѣдъ, называемый хлѣбными, къ коему приглашаетъ всю свою родню. Тутъ пляшутъ и поютъ.—По окончаніи стола, молодой приглашаетъ всѣхъ къ себѣ гостей на обѣдъ, называемый отворотный столъ. На третій день разѣзжаютъ молодые по роднымъ и знакомымъ, которые угощаютъ ихъ закускою и виномъ, и этимъ оканчивается свадьба. — Между тѣмъ, каждый изъ участвовавшихъ въ свадьбѣ, даетъ отъ себя вечеринку или обѣдъ для молодыхъ.

осмачали, для своей памяти, наступившій годъ вколочиваніемъ гвоздя въ стѣну храма и по числу гвоздей они вели счетъ прошедшимъ годамъ. Обычай вбиванія гвоздя, переходя отъ преданія къ прелавію, потерялъ настоящее свое значеніе, и оно употребляется теперь въ смыслъ памяти, ибо если мужъ грозить своей женѣ, то онъ говоритъ ей: *эй жена! вбей себя гвоздикъ для памяти.*

ХІІІ. СВАДЬБА ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Въ городахъ, а тѣмъ болѣе въ селеніяхъ и деревняхъ, нѣтъ великолѣпно-утомительныхъ баловъ,—это го поприща побѣдъ столичной молодежи, — за то по праздникамъ и воскресеньямъ свои тамъ гулянья и свои заманчивыя посидѣлки. — Здѣсь сходятся молодцы и дѣвицы, и эти сходбища служатъ основаніемъ свадьбъ. Послѣ каждого праздника молодцы толкуютъ между собою о красотѣ и достоинствахъ дѣвицъ, а дѣвицы судятъ, съ своими родными, о достоинствахъ парней. —

Святов-
ство.

Молодецъ находитъ по своему сердцу дѣвушку и тайно любитъ ее. Эту тайну онъ долго носить въ себѣ самомъ и ходитъ задумчиво, но собравшись съ духомъ, онъ открывается отцу и матерѣ, и проситъ ихъ благословенія. Они, если ничего не находятъ предосудительнаго въ его выборѣ, и избранная дѣвушка такъ же нравится имъ, то благословляютъ сына. Послѣ этого онъ представляетъ своимъ родителямъ свата, ко-
ему дается наставленіе: чего требовать за невестой въ приданое, — и отпускаютъ его домой, обыкновенно вечеромъ послѣ угощенія. Сватъ отправляется

въ волость, и по прїѣздѣ сюда, не тотъ часъ принимается за дѣло: невѣстный всѣмъ въ селеніи, онъ возбуждаетъ во всѣхъ догадки и толки. Между тѣмъ, чтобъ прикрыть свое посѣщеніе, онъ гоститъ нѣскольکو дней у одного изъ своихъ знакомыхъ, и въ то время узнаетъ, что ему надобно. — Потомъ посылаетъ нарочно, къ родителямъ невѣсты, извѣщеніе о своихъ посольствѣхъ и о желаніи поговорить съ ними. — Родители, стараясь скрыть отъ своей дочери посѣщеніе свата, высылаютъ ее изъ дома на время, куда нибудь за дѣломъ, или погостить. Послѣ первыхъ привѣтствій, свать обращается къ отцу невѣсты, съ этими словами: Ну, любезный Афонасьевичъ, у тебя есть товарецъ а я знаю купца на него. — Милости просишь: свой товаръ мы лицомъ продадимъ. — Такъ чѣмъ же ты наградишь, свою любимую дочь? — Тутъ или подають ему уже готовую роспись, или пашутъ со словъ отца. Сдѣлавши условіе о приданомъ и обо всѣмъ, что нужно, свать отправляется къ отцу жениха и передаетъ ему обо всемъ.

Въ назначенный день отправляются родители съ своимъ сыномъ и близкими родственниками, въ то село, гдѣ живетъ невѣста, и останавливаются у сосѣдей. Въ то время наряжаютъ невѣсту, ея подруги; по уборѣ ея, отецъ и мать приглашаютъ жениха, со всѣми его родными. Они, входя въ избу, молятся Богу; потомъ кланяются и становятся въ переднемъ углѣ. «Ну, любезный Афонасьевичъ, говоритъ отецъ жениха, мы прїѣхали къ тебѣ за дѣломъ: посмотришь твою любимую дочь.» Тогда подруги выводятъ невѣсту изъ куты (*) на средину избы, и сажаютъ ее на скамейку.

(*) Изъ угла избы противу печи.

Женихъ и родные подходить и осматриваютъ: лице, шею, уши, руки, и если это бываетъ вечеромъ, то еще со свѣчою въ рукахъ.—Осмотрѣли, невѣста встѣтъ нравится. Но еще просятъ ее пройти по комнатамъ. Когда невѣста сядетъ снова на скамейку, тогда женихъ показываетъ ей свою походку. Если родные жениха остались недовольны, назначеннымъ приданнымъ невѣсты, то говорятъ объ этомъ отцу и просятъ дополнить. Когда не сходятся обѣ стороны, тогда женихъ выходитъ съ своими родными на дворъ, чтобы подумать. Отсюда идутъ переговоры чрезъ свата. Въ этомъ совѣтѣ первенствуетъ голосъ жениха; ему представляютъ на волю: согласиться или отказаться. Отецъ и мать только совѣтуютъ ему, но все рѣшаетъ онъ самъ. Послѣ уступокъ съ той и другой стороны, посылаютъ, съ согласія жениха, за священникомъ. Между тѣмъ накрываютъ столъ. Отцы жениха и невѣсты, закрывъ полою кафтана правую руку, подають ее одинъ другому, въ присутствіи священника, въ знакъ вѣрности, или какъ говорится здѣсь: бьютъ по рукамъ и молятся Богу. По совершеніи *сосватокъ* (сговора), поютъ подруги невѣсты:

На сегодняшний бѣлой день,
Выпала роса холодная,
Оздобила мое сердце ретивое.
Благослови (*) Боже истинный,
Божья мать—Богородица,
Запѣвать пѣсню новую,
Новую не пѣванную. —
Что не ключики брикнули,

(*) Благослови.

Да не замочили щелинули, —
 По рукавъ приударили.
 Запоручилъ сударь-батюшка,
 И родимая матушка,
 Да меня молодешеньку
 За поруки за кривилъ,
 Да за заряды великіе.

Послѣ этого садятся за столъ : сперва священникъ, потомъ отецъ и мать жениха, послѣ женихъ, и наконецъ его родственники и свать. Мать или сестра невесты, выходитъ изъ куты съ блюдомъ, на которомъ, поверхъ развернутаго платка, лежитъ тонкое полотенце. Концы его украшены вышиваньемъ и кружевами; все это сдѣлано руками невесты. — Полотенце подносятъ жениху, какъ даръ невесты. Затѣмъ приносятъ другое, не такъ хорошо отдѣланное, и дарятъ священника. Почти такими же или не много лучше, дарятъ родителей и всѣхъ родственниковъ жениха. По обдариваніи ставятъ на столъ кулебяку. — Отецъ невесты подноситъ жениху рюмку вина, а онъ обращается съ нею къ священнику, который благословляетъ ее. Женихъ, отвѣдавъ немного или какъ говорится, *надкушавъ*, зоветъ изъ куты невесту и подноситъ ей рюмку вина. Она выпиваетъ нѣсколько капель и уходитъ опять въ кутъ. Это не укрывается отъ зоркихъ глазъ ея подругъ, и онѣ съ упрекомъ поютъ ей :

Государыня свѣтъ-наша,
 Ты подружка-голубушка ;
 Хорошо намъ тебя назвать,
 Того легче и возвеличать.

Назовемъ тебѣ по имени,
 Возвеличаемъ по отчеству.
 Ты сказала подруженька,
 Ты скарала голубушка :
 Я не пью пива пьянаго,
 И вина-то зеленого.
 Ужъ ты пьяница, пьяница,
 Душа красна двяница!

Невѣста не отвѣчаетъ имъ, но упрекъ подругъ сильно трогаетъ, и она со стыдливостію потупяетъ глаза въ землю. — За тѣмъ угощаютъ другихъ, и когда доходить очередь до свата, тогда поютъ :

Государь ты мой батюшка,
 И родимая матушка,
 Ужъ вы всѣхъ подчуйте;
 Одного гостя не подчуйте,
 Ужъ вы свата лесливаго. —
 Ходилъ же лесливый свать,
 Не путемъ, не дороженькой, —
 Онъ по заячьимъ тропочкамъ.
 По собачьимъ лазеечкамъ. —
 Онъ полями по запольцамъ,
 Деревнями по задворьщамъ.
 Истопталъ же лесливый свать,
 Трои лапти березовы;
 Исподпиралъ же лесливой свать,
 Онъ три банные ожога (*).
 Высокъ теремъ пошатился, —
 Въ другой разъ поколотился, —
 Зауголки отпадали;
 Въ третій разъ поколотился, —
 Всѣ оконечки выпали.

(*) Деревянная палка, которая служитъ вмѣсто кочерги.

Привелась-то я молода
 Я у пещи соляничной,
 Да у жисточна цыричникаго. —
 Покатилася у меня,
 Моя буйная голова ; —
 Опустилися у меня,
 Мои бывлыя рученьки;
 Подогнулися у меня,
 Мои рывыя ноженьки.
 Государь ты мой-батюшка,
 Ты возьми свата за воротъ,
 Поведи свата за двери,
 Поваля его на дровни,
 Да повези его на поле.
 Ты подай свату борону,
 Чтобъ разчесалъ буйну голову.
 Уже, дай Боже сватушку
 Ему за эту за выслугу :
 На пещи бы заблудитися,
 Сквозь напылиникъ провалитися,
 Да во щажъ ему сваритися,
 На поваренкѣ бы свата выняли.
 Киселемъ бы подавитися,
 Да молокомъ бы захлебнутися.
 Еще дай Боже, сватушку,
 Ему за эту за выслугу,
 Ему сорокъ бы сыновей,
 Да пятьдесятъ ему дочерей, —
 Сыновей бы не женить,
 Дочерей не выдавать. —

Укоры не очень пріятны свату, но онъ не сердит-
 ся на дѣвицъ. Онъ еще старается залобрить ихъ, и
 разсыпаетъ имъ лакомства и лесть. Подруги невѣсты
 перестаютъ тогда дѣлаться надъ сватомъ.

По разъѣздѣ гостей, укладываютъ въ постель невѣ-

сту ея подруги. Но она не весела; ея голова склонилась къ груди: укоръ подругъ не выходитъ изъ ея памяти. — Не успѣли раздѣть ее, и она съ слезами и печальнымъ голосомъ отвѣчаетъ, на упрекъ подругъ :

Государыни, свѣтъ мой,
Вы подружки голубушки!
Мнѣ не хитѣ въ голову вступитъ,
Да не морозъ къ ретиву сердцу;
Пошла гроза молодецкая,
Да похвальба княженецкая.

Подруги утѣшаютъ ее и потомъ расходятся по домамъ; на другой день тѣже подружки, какъ голубки, собираются ворковать съ нею и причитать ей. — Это бываетъ каждый день послѣ сговора, и продолжается до вечера. —

Сколько подруги ни любятъ невѣсту, однако, по обрядному обыкновению, встрѣчаютъ ее съ упреками, по этому поютъ :

Среди широка двора,
Стоитъ яблонь кужлявая.
Подъ этой подъ яблонью,
Сидитъ красная дѣвица.
Она собой похваляется,
Она собой попомашется:
Изъ подъ этия яблонцы
Никому меня не вываживать,
Ни кумовствомъ и ни сватовствомъ,
И ни крестнымъ братовствомъ.
Похвалялся добрый молодецъ,
Дворянникъ да отецкій сынъ:
Ужъ я выведу, выведу,
Душу красную дѣвицу,
На своемъ на добромъ конѣ. —

Невѣста видитъ теперь, что подруги, которыя прежде такъ любили ее, покидаютъ; ей остается нѣсколько дней, чтобы раздѣлить съ своими голубушками свое горе, и она говорить имъ :

Красуйся, моя красота,
Веселись, буѣна голова,
Радуйся, ретиво сердце
Покаместъ-то я молода.
Въ своей волѣ вольною,
Въ своей нѣгѣ нѣжною,
У родимаго батюшки,
Да у родимыя матушки,
У голубчиковъ милыхъ братцевъ,
Да у сестрицъ у лебедушекъ.
Мнѣ не долго посидѣти,
Да во душахъ красныхъ дѣвицахъ;—
Мнѣ не годъ же годовати,
Не зиму-то зимовати,
Не весну красовитую;
Мнѣ не лѣто-то теплое, —
Мнѣ не лѣтніе празднички, —
Мнѣ гулять красоватися,
Съ подружками голубушками.

Все время до свадьбы, невѣста и ея подруги, готовятъ подарки для жениха и родныхъ его, для нее же шьютъ платье. Невѣста груститъ и задумывается, и печальныя думы свои высказываетъ со слезами:

Ужъ я что засидѣлася?
На кого засмотрѣлася?
Не въ саду загулалася,
Не на садъ заглядѣлася,
Не на яблонь кужлявую

Не на грушу зеленую. —
 Я засиделась молода,
 Во высокомъ во теремъ;
 Заглядываясь молода,
 На подружекъ, голубушекъ;
 И на ихъ буйны головы,
 И на ихъ дивны красоты.
 Какъ у нихъ буйны головы,
 Они гладко учесаны;
 Какъ у нихъ косы русыя,
 Во узоры выплетены.
 По конецъ косы русыя,
 Алы ленточки вплетены;
 А ихъ дивны то красоты,
 Они баско (°) наложены,
 И поставно поставлены. —
 Ужъ какъ я про ся думаю,
 Про свою буйну голову.
 Что моя буйна голова,
 Одна не гладко учесана;
 Какъ моя коса русая,
 Не во узоры выплетана,
 По конецъ косы русыя,
 Голуба лента вплетена; (*).
 Моя-то дивна красота,
 Не баско наложена,
 Не поставно поставлена;
 Она раститъ себѣ крыльце,
 Посеребряно перъене;
 Она хочетъ улетѣти,
 Далече во чисто поле,

(°) Красиво.

(*) Голуба лента поется, когда у невесты есть отецъ и мать; если же котораго нибудь изъ нихъ нѣтъ, то говорится черна лента.

Во риволье широков.
 Да и сидеть дьявля красота,
 Не березну кужавую.
 И пройдет же эта пора,
 Это время минуется,
 И придет холодная зима.
 У зимы-то холодныя,
 Будет весна красовитая ; —
 У весны красовитыя,
 Будет лето то теплое. —
 И пойдут мои подруженьки
 По шелковые вбички,
 Съ топорами со острими.
 Подсыкут эту береаеньку,
 Уронять дьявлю красоту.
 На траву на шелковую.
 Что и тутъ дьявль красоть,
 Ея не мѣсто, не мѣстечко,
 Да не мѣсто красовитое. —
 И пойдутъ добры молодцы,
 Со косами, со винтовками; —
 И подкосять шелкову траву,
 И уронять дьявлю красоту,
 Ее на щетку колючую.
 Что и тутъ дьявль красоть,
 Ея не мѣсто, не мѣстечко
 Да не мѣсто красовитое.
 Она вспорхнеть да и улетитъ,
 На болота зыбучія.
 И сидеть дьявля красота,
 На скрипучее деревцо.
 Деревню разскрывается,
 Мое сердце растоскуется.
 Что и тутъ дьявль красоть,
 Ея не мѣсто, не мѣстечко,
 Не мѣсто красовитое. —
 Она вспорхнеть да и улетитъ, —

И полетитъ дѣвья красота
 Она на славную Сухоню,
 И приплыветъ дѣвья красота
 Внѣтъ ко славной по Сухонѣ,
 Изъ славныя Сухони,
 Во матушку Вологду. —
 И приплыветъ дѣвья красота;
 Ко Насону ко городу (*)
 Ко дѣвичью монастырю.
 Тутъ и выйдетъ же старотка,
 За водою ключевою,
 Съ дубовыми ведрани:
 Размахнетъ да и почерпнетъ, —
 И почерпнетъ дѣвью красоту,
 Во ведро дубовое.
 И возьметъ дѣвью красоту
 На свои руки бѣлая,
 Она станетъ выпрашивать:
 Ужъ ты чья дѣвья красота!
 Ты котораго города?
 Ты которыя волости? —
 Ты которыя деревни?
 Ты которыя дѣвицы?
 Ты красно красовалася,
 У родимаго батюшки, —
 Да у родимыя матушки, (**)
 Да у голубчиковъ милыхъ братцевъ,
 Да у сестрицъ у лебедушекъ. —

(*) Такъ называлась въ древности Вологда. Еще и теперь помнятъ некоторые сторожилы, находившуюся на столбѣ надпись, въ селѣ Коровничьемъ: *городъ Насонъ*. Названіе Насона давно было крепости, построенной Царемъ Іоанномъ IV. грознымъ, въ память святаго апостола Іасона,

(**) Такъ поютъ, когда у невѣсты въ живыхъ отецъ и мать. Если же нѣтъ кого нибудь изъ нихъ, то вместо трехъ послѣднихъ стиховъ, поютъ:

Хотя она принимается за работу и кажется забываетъ, что готовится для *ельковыхъ записокъ*, однако это только кажется: ея мысли тревожныя, онѣ переносятся въ будущность и развертываются въ мрачныхъ картинахъ.

Что вчера о эту пору,
 Пораثة маленько
 Мимо батюшкинъ широкій дворъ,
 Мимо матушкинъ-то высокъ теремъ,
 Мимо мой темный кутничекъ (*),
 Пролетѣлъ младъ ясенъ соколъ.
 Онъ махнулъ правымъ крылушкомъ,
 Онъ черкнулъ сизымъ перышкомъ:
 Ты не плачь, не плачь дѣвица,
 Не плачь дочь отецкая.
 На чужой-то на сторонѣ,
 Я повадно и весело,
 Всѣ добры да и ласковы
 До тебя молодешеньки;
 На чужой-то на сторонѣ,
 Три поля проса навяны,
 Три горы знакочены,
 Зеленымъ виномъ поливаны,
 Весельемъ огорожены,
 Радостью изподпираны.
 И соколу не облетѣти,

Ты не красно красовалася
 Безъ родичаго батюшки,
 Да безъ родимыя матушки;
 Ты темнѣй ночи темнѣла,
 Ты чернѣй грязи чернѣла.—

(*) Часть избы, которая отъ печи до лицевой стороны дома, отдѣляется *воронцомъ*, загородкою, а иногда занавѣскою.

Часть II.

16

И конному не объехать,
А пшечму не подумати. —

Что вчера о эту пору,
Поранте малешенько
Мимо батюшкинъ широкой дворъ,
Мимо матушкинъ новъ, высокъ теремъ,
Мимо мой темный кутничекъ,
Пролетала лебелушка.
Она махнула правымъ крылушкомъ,
Она черкнула былымъ хвостышкомъ:
Ты поплачь, поплачь дванца,
Поплачь дочь отецка!
На чужой-то на сторонѣ,
Не повадно, не весело;
Всѣ не добры и не ласковы,
До тебя молодешеньки.
На чужой-то на сторонѣ,
Надо жить-то умнѣючи,
Говорить разумѣючи, —
Голову держать поклончиву,
Ретиво сердце покорчиво,
Молодому поклониться,
Старому покориться. —
На чужой-то на сторонѣ,
Растутъ лѣса-то выливые,
Да живутъ люди лукавые,
Продадутъ да и выкупятъ,
Проведутъ да и выведутъ
Они тебя молодешеньку.

Мой-то высокъ теремъ
 На пути на дороженьки,
 На проезжей на улицѣ,
 Да близъ славныхъ Сухои.
 Идутъ конные тутъ и пѣшіе,
 Чужі люди, не знамие.
 И говорятъ люди добрые,
 Что во этомъ во теремъ
 Сидитъ дѣвица просватана ;
 Что у этия дѣвцы
 Нѣтъ ни горя, ни кручины,
 Нѣтъ печали великія.
 Ужъ какъ я про ся подумаю,
 Про свою буйну голову.
 Какъ у меня горя, кручины,
 Полна буйная голова ;
 Много печали великія,
 Въ моемъ ретивомъ сердцѣ:
 Какъ по славной-то Сухонѣ
 Идутъ суда-то купечіе,
 И корабли-то военные.
 На родиной на сторонѣ
 Кораблямъ-то припавшице,
 Молодцамъ-то приставшице,
 Да краснымъ дѣвицамъ гулянье. —

Ужъ я что сижу, задумавшись,
 Чужихъ басень заслушавшись?
 Говорятъ мои подруженьки,
 Говорятъ мои голубушки,
 Про шитье, да про браньеце,
 Про чистое да подтыльце.
 Ужъ какъ я про ся подумаю,
 Про свою буйну голову.
 Мнѣ ничто-то на умъ не идетъ:

Ни шитьеце и ни браньеце,
 Ни чистое рукодельеце.
 Дума душу побиваетъ,
 Одна дума съ ума не идетъ —
 Чужа дальняя сторона,
 Да чужой отецъ съ матерью,
 Да дородный-то молодецъ. —

Ахъ ты вспомни-ка, матушка,
 Какъ меня-то попустила, —
 Ты хлѣба соли лишалася. —
 Ты еще вспомни-ка, матушка,
 Какъ меня-то породила, —
 Ты скорой смертью кончалася, —
 Всѣмъ святымъ общалася :
 Ты расти, расти дитятко,
 Добрымъ людямъ на завидость,
 Отцу матери въ честь, хвалу.
 Когда вырастешь, дитятко,
 Такъ заведу тебѣ, родимое,
 Я по плечу платье цвѣтное ;
 Да подъ лице двѣю красоту
 Я подведу предъ окошечко.

Зелень садъ съ виноградьепомъ,
 Да со кужлявою яблонью,
 И со сладкими яблоками. —
 Какъ теперь моя матушка
 Ты всѣ законы перестушила,
 И всѣ завѣты переложила.
 Хоть завела ты мнѣ матушка,
 И по плечу платье цвѣтное,
 И подъ лице двѣю красоту, —
 Въмѣсто саду зеленого,
 Подвела подъ окошечко,

Въ чужу дальнюю сторону;
 Вывесто кумлявыя яблоки,
 Ты чужаго отца съ матерью;
 Вывесто сладкихъ-то яблоковъ,
 Ты дороднаго молодца. —

На проходѣ у насъ бѣлый день,
 На закатѣ красно солнышко,
 На разлетѣ красны соколы,
 На разъездѣ добры молодцы,
 Да на расходѣ пошли подруженьки.
 Я прошу васъ, подруженьки,
 Я прошу васъ, голубушки,
 На роду-то впервые,
 Да на вѣку-то впоследствии:
 Посидите, подруженьки,
 Посидите, голубушки,
 Цѣлый день да до вечера,
 Съ вечера до полуночи.
 Ужъ дамъ вамъ провожатаго,
 Я родимаго батюшку;
 Буде мало покажется,
 Голубочка, мила братца,
 И сестрицу лебедушку.
 Буде мало покажется,
 Такъ и сама пойду молода.
 И пошли мои подруженьки,
 Всѣ по высокимъ по теремамъ,
 Да по отцамъ, да по матерямъ.
 Мнѣ куда будетъ дватися?
 Мнѣ куда притулится
 Да отъ темныхъ ноченьки?
 Ужъ я стану молиться
 Я родимому батюшкѣ,

У рязныхъ догъ катятся:
 Мы пойдемъ еударь-бачишиа,
 Мы на тѣхъ тишныи,
 Гдѣ бы дѣтѣ не вѣди,
 Гдѣ бы люди не вѣди
 Съ чужи-дальнѣя стороны. —

Такъ проводить невѣста и ея подруги каждый день, сидя за шитьемъ. Отецъ ея ѣздитъ въ городъ для закупки вещей. Онъ привозитъ съ собою не только съѣстные припасы, но платки и матеріи для подарковъ, въ день свадьбы.

Дѣвичникъ.

Наступаетъ послѣдній день дѣвичьей жизни, — это дѣвичникъ. Въ этотъ день спать невѣста долѣе обыкновеннаго, такъ что подруги чуть не застанутъ ее въ постелѣ: она только что успѣла умыться и одѣться; только, чтобъ можно было показаться подругамъ. Послѣ первой встрѣчи, она жалуется имъ на бессонницу и проситъ ихъ растолковать видѣнный ею сонъ:

Государыни свѣтъ мои,
 Вы, подружки голубушки!
 Мнѣ почесь-то мало спалось,
 Да во снѣ много видѣлось.
 Ужъ я видѣла, подруженьки,
 Я гору высокую,
 Среди горы крутая,
 Лежитъ бѣлый горючъ камень.
 На этомъ на камени,
 Сидитъ орелъ итица острѣя,
 Во когтяхъ держитъ лебедушку.
 Подъ горой подъ высокою,
 Лѣса растутъ темныя
 И шипица колючая,
 Да и крапива-то жгучая,

Да и осота рѣзучая.
 Во этомъ темномъ лѣсу,
 Ходить медвѣдь съ медвѣдицей.
 Разсудите подруженьки :
 Мнѣ къ чему сонъ приваѣлся?
 Буде вы не разсудите,
 Такъ скажу вамъ, подруженьки,
 По словечку единому.
 Эта гора-то высокая,
 Чужа даланимъ сторона ;
 Бѣлый-то камешекъ,
 Чужой-то высокъ теремъ ;
 А орелъ, птица острая,
 Чужой это чужининъ,
 Да дородный-то молодецъ.
 Онъ въ когтихъ держитъ лебедушку —
 Да меня молодешеньку ;
 А лѣса-то растутъ темные , —
 Чужи люди, не знаемые ;
 Что медвѣдь съ медвѣдицей,
 Богоданный-то батюшка,
 Съ богоданою матушкой,
 Шипица колючая,
 Богоданы милы братцы ;
 Крапива-то жгучая,
 Богоданныя сестрицы. —

Последній день своей дѣвической жизни, невѣста
 хочетъ провести, какъ можно лучше и веселѣе, а по-
 тому хочетъ красоваться (прощаться).—И въ то время,
 когда она произноситъ красованье (прощальную пѣсню),
 осматриваетъ все въ домѣ, и прощается съ отцовскимъ
 домомъ.

Государь ты мой батюшка,
 И родимая матушка!

Ужь мнѣ дайте благословеніе
 Походить, покрасоватися,
 Мнѣ по свѣтлой по свѣтлицѣ,
 Но столовой-то горнищѣ.
 Мнѣ въ остальные, въ послѣдніе,
 Мнѣ въ душахъ красныхъ двинкахъ,
 Мнѣ въ двинчей, въ честной красотѣ.
 Уже встать было молодѣ,
 На свои рѣзвы ноги,
 Мнѣ на чулочки бумажные,
 Мнѣ на башмачки сафьянные,
 Мнѣ на гвоздь полуженое.
 Ты не гнишь-ко половичка,
 Не ложись переводника;
 Что не я тяжела иду, —
 Тяжело горе, — кручина
 Ты красуйся моя красота,
 Веселись буйна голова,
 Унывай ретиво сердце!
 Вы ходите рѣзвы ноги
 Подо мной, не сгибаючись;
 Вы машитесь бѣлы руки,
 Ко сердцу не прижимаючись;
 Вы глядите ясны очи,
 Во слезахъ не мутитесь;
 Вы говорите сахарны уста,
 Во рѣчахъ не мѣшайтесе.
 Ты катайся руса коса,
 По моей становой спинѣ,
 Съ плечика да на плечико,
 Съ праваго да на лѣвое,
 Съ лѣваго посередь спины.
 Закатись коса русая,
 Ты на мои груди бѣлая,
 Передъ мои очи ясныя.
 Я возьму косу русую,
 Во свои во бѣлы руки.

Мнѣ къ чему носу русую,
 Мнѣ къ чему приложить будетъ?—
 Мнѣ къ лицу приложить ее.—
 Такъ лице ознобить будетъ.
 Разсыпайся, руса коса,
 По единому волосу.
 На всякомъ на волосъ,
 По жемчужинѣ скаченой,
 По золотой по проталинкѣ.
 Да уже съестъ было молодъ,
 Мнѣ во мѣсто любимое
 Подъ окошко переднее,
 Приотдвинуть мнѣ ставочки,
 Приотставить оконеньки.
 Я подамъ свой звученъ голосъ
 По деревнѣ, какъ по городу,
 А по избамъ какъ по теремамъ;
 По сосѣдямъ, какъ по гостямъ,
 По сосѣдкамъ, какъ гостейкамъ,
 По подружкамъ голубушкамъ.
 Собирайтесь подруженьки
 Ко мнѣ на горе, на кручину! —
 Государыня, свѣтъ моя,
 Ты родимая матушка!
 Ты пойдѣ ко мнѣ, подступи,
 Какъ была лебедь подлети.
 Не убойся ты матушка,
 Моего горя кручины.
 Какъ мое горе кручина,
 Не огонь да не поломя,
 Не ожжетъ да не опалитъ
 Твоего лица блага,
 Твоего платья цвѣтнаго.
 Ты посмотри, моя матушка,
 Ко мнѣ всочъ во было лице. (*)

(*) Всочъ вмѣсто очи, значить прямо въ глаза. Это слово упо-

Я было ли забавлялась?
 Румяно ли марушилась?
 Я постанно ли жаловалась,
 Честну дашечко-то красоту?

Мать отвѣчаетъ :

Ужъ ты свѣтъ, мое дитятко!
 Ужъ ты свѣтъ, мое родимое!
 Я берегла тебя, дитятко,
 Я отъ вѣтру, отъ вихорю,
 Я отъ частаго дождичка,
 И отъ краснаго солнышка.
 Я не могла тебя уберечь,
 Отъ чужи-дальнѣя стороны.

Невѣста продолжаетъ :

Государыня, свѣтъ моя,
 Ты родимая матушка!
 Ты заимѣть, моя матушка,
 Меня на этошъ на мѣстечкѣ:
 Ужъ что-то тутъ выростеть?
 Буде выростеть, матушка,
 Тутъ яблонь кужлявая:
 Такъ мнѣ житье будетъ хорошее.
 Буде выростеть, матушка,
 Тутъ береза кужлява:
 Мнѣ житье будетъ по среднему.
 Буде выростеть матушка,
 Тутъ осина-то горькая:
 Мнѣ житье будетъ послѣднее.—

требуется домыслѣ простолюдинами, и пѣтъ сомнѣнїя, что оно
 изъскривлено.

Послѣ красованья, она изливаетъ грусть свою въ пѣняхъ, которыя прежде пѣла съ подругами. Заслышавъ звонъ колокольчика, она содрогается, потому что это предвѣстіе о женихѣ, идущемъ съ своими поѣзжанными.

Потянулъ холоденъ вѣтеръ,
Съ чужи-дальніа стороны ;
Ознобилъ холоденъ вѣтеръ,
Мое сердце ретивое.
Государь ты, мой батюшка,
И родимая матушка !
Ты садъ да усаживай,
Ужъ ты пой да упивай,
Всѣхъ гостей да пріѣзжихъ,
Съ чужи-дальніа стороны.

Предчувствіе невесты оправдалось : пріѣхалъ женихъ съ поѣзжанными и родными. Они вошли уже въ избу, молятся Богу и потомъ раскланиваются на всѣ стороны. Женихъ идетъ къ своей невестѣ, сидящей въ кутѣ, и цѣлуетъ ее; потомъ подноситъ ей подарки : зеркало, гребень, бѣллы, румяны, мыло, алые сафьянные башмаки и пряжки. Подруги обращаются съ упрекомъ къ невестѣ, цѣловавшей при всѣхъ добраго молодца своего :

Государыя свѣтъ наша,
Ты подружка голубушка !
Не хорошо да не пригоже,
Цѣловать добра молодца,
При отцѣ и при матери,
При всѣмъ родѣ да племени,
При чужихъ при стороннихъ,
При подружкахъ, голубушкахъ. —

НѢВѢСТА ОТВѢЧАЕТЪ ЕМУ :

Я не крѣлась, покорилась,
 Не клонясь, поклонилась ;
 Поклонилась у меня ,
 Моя буйная голова ;
 Покорилась у меня ,
 Мое сердце ретивое.
 Я не гостинички приняла ,
 Я приняла молодешенька ,
 На свои на были руки ,
 Я грозу молодецкую .

Женихъ, послѣ взаимныхъ поцѣлуевъ, возвращается въ передній уголъ, къ своимъ роднымъ. Отецъ невѣсты сажаетъ ихъ за столъ, а мать даритъ всѣхъ ихъ платками или полотенцами. — Первую рюмку подносятъ жениху. Онъ встаетъ изъ за стола и идетъ съ рюмкою къ невѣстѣ, которая непременно должна выпить, хотя нѣсколько капель водки. — Подруги поютъ :

Государыня свѣтъ наша,
 Ты подружка, голубшка !
 Хорошо намъ тебя назвать ,
 Того легче и взвеличать .
 Назовемъ тебя по имени ,
 Взовеличаютъ по отчеству .
 Ты сказала подруженька ,
 Ты сказала голубушка :
 Я не пью пива пьянаго ,
 И вина-то зеленого .
 Ужъ ты пьяница, пьяница !
 Душа красная дѣвица .

Послѣ угощенія всѣ разѣзжаются по домамъ. Женѣ, поцѣловавъ свою невѣсту, отправляется такъ же домой съ своими родными. Едва онъ успѣетъ перешагнуть черезъ порогъ избы, невѣста отвѣчаетъ подругамъ, на ихъ укоръ :

Государыни свѣтъ мой,
Вы подружки, голубушки !
Мнѣ не хмель въ голову вступилъ,
Да не морозъ къ ретиву сердцу ;
Пошла гроза молодецкая,
Да похвальба княжецкая.

Она дѣлится гостинцами съ своими подругами, которыя отправляются потомъ гулять, распѣвая пѣсни по деревнѣ. Нагулявшись, онѣ возвращаются въ домъ невѣсты при громкомъ пѣніи, и во время пѣнія выполняютъ все то, что выражаетъ пѣснь. При прошеніи у невѣсты, чтобы она надѣлила ихъ красотою, онѣ кланяются ей низко.

Смѣть ли намъ подъявитися?
Смѣть ли намъ подступитися,
Ко Насону, ко городу,
Къ подружнину терему ?
Мы возьмемъ двери за скобу,
И отворимъ ихъ на пату,
Мы на правую на руку.
Намъ которой ногой ступить ?
Ступимъ мы ногой правою.
Вы раздайтесь-ка всѣ гости,
Раступитесь-ка гостейки,
Гостеньки по правую руку,
Гостейки по лѣвую руку.
Ужъ намъ дайте путь, дороженьку,
Да единую половочку, —

Ужь намъ дайте дойти, доступить,
 Намъ до темнаго кутнища,
 Въ забратную аманисочку —
 Ужь намъ дайте въ очи видѣти,
 Намъ подружку голубушку.
 Государыня свѣтъ наша,
 Ты подружка, голубушка!
 Хорошо намъ тебя называть,
 Того легче и взвеличать.
 Назовемъ тебя по имени,
 Взвеличаемъ по отчеству.
 Мы о чемъ тѣ побьемъ челомъ,
 Мы о чемъ подокушаемъ,
 На роду-то во первые,
 На вѣку-то въ послѣднѣе.
 Ты пожалуй, подруженька,
 Честну дѣвичью-то красоту

Невеста отвѣчать :

Государыня свѣтъ моя,
 Вы подружки, голубушки!
 Подождите, подруженьки,
 До поры да до времени,
 Вы до дня-то до срочнаго,
 Да до часу до урочнаго.
 Что вавтра, о эту пору,
 Поранѣе малешенько,
 Прїѣдутъ ко батюшкѣ,
 Съ боемъ да сограбемъ;
 Что ограбятъ же батюшку,
 Да полонятъ мою матушку.
 Повезутъ меня молодую,
 На чужую на сторонушку —
 Первѣе чужой стороны,
 Меня ко церкви божественной,
 Ко вѣнцу ко златому, —

И перстню обручальную.
 И поставяя меня женою,
 Передъ двері передъ парснѣя,
 На единой подпеченничей,
 Со дороднымъ со молодецкѣмъ.
 Тутъ я выйду съ священной пою,
 Съ большой явнѣю, — Евангеліемъ.
 Онъ первой-то листъ возложитъ,
 Божье слово возговоритъ:
 Вы снимайте со дѣвнѣю,
 Вы фату троекляточку.
 Онъ другой-то листъ возложитъ,
 Божье слово возговоритъ:
 Вы снимайте со дѣвнѣю,
 Золотую грибачку,
 Да семишелкову ленточку.
 Онъ третій-то листочекъ возложитъ,
 Божье слово возговоритъ:
 Приведитесь, подруженьки,
 Приведитесь, голубушки,
 О эту пору, времячко,
 За моею становой, синѣю. —
 Вы берите, подруженьки,
 Честну дѣвичью-то красоту,
 На свои на были руни:
 Вы носите, сберегаючи,
 Все меня, вспоминаячи.
 Вы носите, подруженьки,
 Вы носите, голубушки,
 Ее въ годъ по три праздника.
 Берегите, подруженьки,
 Берегите, голубушки,
 Ее отъ вѣтру, отъ вихорю,
 Ее отъ частаго дождичка,
 И отъ краснаго солнышка.
 Вы носите, сберегаючи,
 Вы меня вспоминаячи.

Помните, подруженьки,
 Ежедень да на всякій день.
 Буде часто покажется,
 Въ три недели одиноча.
 Буде часто покажется
 Хоть въ годочикъ одиноча.
 Мнѣ легошенько икнется,
 Да тяжелешенько вздохнется :
 Поминаютъ подруженьки,
 На родиной на сторонѣ.—

Оканчи-
 ваніе.
 свадьбъ.

Этимъ оканчивается дѣвичникъ. (*) На канунѣ сва-
 дыбы топятъ баню подвѣчную. Невѣсту провожаютъ
 сюда съ пѣснями. — Въ день свадьбы сходятся дѣ-
 вушки къ своей подругѣ, чтобы одѣть ее къ вѣнцу,
 Женихъ съ своими поѣзжанными отправляется въ цер-
 ковь. По совершеніи бракосочетанія, всѣ возвращают-
 ся пировать въ домъ жениха. Тутъ, послѣ общаго ве-
 селія, уводятъ молодыхъ спать ; за тѣмъ совершают-
 ся обычные обряды при подниманіи новобрачныхъ съ
 постели, и послѣ радости пирующихъ, о благополучіи
 молодой, возобновляютъ пированіе. Отецъ молодого
 даетъ обѣдъ роднымъ новобрачной, а тамъ дѣлается
 обѣдъ въ домѣ новобрачного. На другой или на тре-
 тій день, ѣздятъ новобрачные съ посѣщеніями ко
 всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ, которые угоща-
 ютъ ихъ, или дѣлаютъ для нихъ особыя вечеринки.
 Тѣмъ заключается свадьба.

Считаемо не излишнимъ помѣстить здѣсь двѣ при-
 пѣловочки и двѣ бесѣдныя пѣсни, которыя поются въ

(*) По недоставленію окончательныхъ обрядовъ мы долж-
 ны были въ заключеніи ограничиться общими чертами о
 свадьбѣ вологодской.

вологдской губ. (*) Всѣ свадебныя пѣсни известны
здѣсь подѣ именемъ *привѣоцекъ*.

Пгннѣвоцкѣ.

Разливалася рѣченька,
Разливалася быстрая,
По ирутинѣ по бережанѣ,
По лугамъ по зеленымъ,
По травамъ по шелковымъ.
Унесло, улегвляло,
Душу красную дзвицу
На чужу дальню сторону,
На чужу незнакомую.
Провожала ее маменька (*),
Что до быстрой до рѣченьки;
Говорила ей маменька:
Воротись мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыла трон золоты ключи:
Ужъ какъ первые ключики,
Отъ дзвичей отъ красоты;
А другіе то ключики,
Тѣ отъ нѣги у матушки. —
Говорило ей дитятко:
Ужъ я рада воротиться,
У меня воля не своя:
Чужь чуженинъ мнѣ не велитъ,
И добры коня не стоять. —

(*) Эти пѣсни напечатаны въ журналѣ Москвитиннѣ, 1841.
года № 5.

(**) Упоминаемое здѣсь слово маменька, имѣть сомнѣнія встав-
лено въ недавнее время; но вся пѣснь сама по себѣ старин-
ная.

Припѣвочная дѣтская.

Що при мартѣ при мисецѣ,
 При дивѣцѣмъ при вечерѣ,
 Отставала лебедь бѣлая,
 Що отъ стада лебединово.
 Отставала красна дѣвица,
 Що отъ сызыхъ то голубушекъ,
 Що отъ милыхъ то подруженокъ.
 Приставила лебедь бѣлая,
 Що ко стаду ко сырѣмъ гусямъ (*).
 Ее стали гуси клевати,
 Незнакомы стали щипати.
 Вы не клюйте, гуси сырѣя,
 Ни щиплите незнакомыя:
 Ни сама я къ вамъ заходила,
 Ни своею волею, охотою.
 Одавау—то меня батюшка.
 Снакруцала (**) меня матушка,
 Выводили меня братціи,
 Вывозили жо добры кони,
 Що добры кони Ивановы,
 Що Ивана свѣтъ Васильица —
 Тебѣ біу целомъ припѣвочка
 Що Ивану свить Васильицю —

(*) Къ сырѣмъ гусямъ.

(**) Снакруцала, сваряжала; снакруцать, сваряжать; скрутитъ, нарядъ.

По окончаніи припѣвочки, жѣнѣхъ встаетъ и низко кланяется пѣвицамъ. На его поклоны отвѣчаютъ причитаньемъ :

Просужъ цюжъ цюженинъ,
 Высуценъ да вышколенъ,
 Сиуценъ въ люди доброе.

Бесѣдныя пѣсни (*).

Ахъ вы госыя, вы наши госыючки,
 Дорогіе госыя, все любимые!
 Погостила въ гостяхъ малешенько,
 Що малешенько, да смиренненько,
 Нѣтъ ни вѣтру жо, нѣтъ ни вихорю,
 Ни цыстово дожда осенново;
 Що отъ моря жо, моря синево,
 Що отъ моего дружка милого.
 Нѣтъ ни вистоцьки, нѣтъ ни грамотки,
 Ни словясново целобитьица.
 Вотъ въ четвертой, отъ (*) годъ, годинокъ отъ,
 Пришла вистоцька, пришла грамотка,
 И словясно ея целобитьице.
 Я назадъ пишу ко милому дружкѣ,
 Ни перомъ пишу, ни перьями,
 Своими жъ пишу горящими слезами.

Воуга рѣка разлиласе,
 Выпала снягу пороша.
 Гдѣ моя мила хороша?
 Гдѣ мнѣ съ милымъ повидаться?
 Сойдемся на пясочикъ,
 Свидимся на денечикъ,
 Сдѣлаемъ отцю на досаду.
 Лукъ, песенокъ пощипала;

(*) Бесѣдная, бесѣдая. Эти пѣсни поются при большихъ праздникахъ, называемыхъ пивными. — Хозяйка великъ целоваткъ въ домъ и никто изъ гостей не начнетъ пѣть, пока хозяйка не пропоетъ бесѣдной пѣсни. Тогда начинается праздничный разгулъ.

(**) Отъ, — вмѣсто вотъ.

Былу канусту заломала,
Тетерезя поймала,
Тетерезя ошпишала. —
Перье сво на подушки,
Пушки сво на упушки,
Масо сво на закуску. —

ХIV. СВАДЬБА ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Парень, достигшій совершеннолѣтія, ищетъ въ сво-^{Сватов-}
ей деревнѣ невѣсту; если онъ не находитъ ее здѣсь, то ^{ство или}
обращается въ дальнюю деревню или село, но никакъ ^{доброе}
не обходится сватовство его безъ свахи или свата, хо-
тя бы парень и молодая дѣвушка, давно любили
другъ друга, и какъ это выражается на ихъ языкѣ,
непротисники другъ другу. О намѣреніи вступить въ
бракъ, женихъ самъ объявляетъ своимъ родителямъ,
которые благославляютъ его на *добрый путь*. Женихъ
избираетъ свата изъ своихъ родственниковъ или друзей,
и повѣряетъ ему совершить *доброе дѣло*. Сватъ дол-
женъ быть разговорчивъ и умѣть хорошо говорить,
т. е.: восхвалять достоинства жениха. Онъ наряжается
какъ можно лучше, подпоясывается леголеватымъ
поясомъ и отправляется въ домъ невѣсты. Если она жи-
ветъ далеко, то сватъ отправляется на красной лошади, съ
привѣшеннымъ на ее шею бубенчикомъ, или въ щеголь-
ской повозкѣ. Если невѣста живетъ близко или въ одной
съ нимъ деревнѣ, то онъ идетъ пѣшкомъ. Въ дорогу онъ
запасается попойникомъ, снятымъ съ бабьей головы,
который держитъ у себя скрытно, думая этимъ скорѣе
обабить невѣсту. При выходѣ изъ его избы, молодухи и

бабы бросаютъ въ него сапогами, башмаками и лаптями, и приговариваютъ: на счастье и на веселье. Онъ отвѣчаетъ имъ: дай Боже и вамъ тоже. Иной свать, не говоря ни слова, старается уйтти поскорѣе, и когда онъ бѣжитъ, тогда замѣчаютъ его движеніе, и заключаютъ объ успѣхѣ и неуспѣхѣ сватовства.

Нерѣдко свахи берутъ на себя обязанность высватать жениха. Такими свахи выбраются изъ родственнаго круга невѣсты и должны быть смѣтливныя.

Свать, подъѣзжая ко двору невѣсты, слезаетъ съ коня, если онъ пріѣхалъ верхомъ; подходитъ осторожно подъ красное окно избы, стучить въ него, говоря: здравствуй сватушка со свахонькой, хозяинъ со хозяйкой и со всѣми дѣтушками. — Хозяинъ и хозяйка, понимая изъ его привѣтствія, о чемъ идетъ дѣло, и если родственники выдать свою дочь замужъ, или поирайней ширѣ поговорить о женихѣ; то немедленно приглашаютъ его войти въ избу, произнося: милости просимъ, ради добрымъ гостямъ. — Свать, вошедши въ избу, молится у порога иконамъ, потомъ кланяется козинкамъ и здоровывается съ ними, называя ихъ сватецъ и свахоту; хотя бы онъ никогда не зналъ ихъ. — Если родители невѣсты не хотятъ принять свата, зная о немъ дурно или о его женихѣ, или по другимъ какимъ нибудь причинамъ, то отвѣчаютъ ему: сватушки и свахоньки нѣту-ти дома. — По принятіи же свата, сажаютъ его на лавкѣ въ красномъ углѣ, подлѣ божницы и послѣ нѣсколькихъ разговоровъ о разныхъ предметахъ, подають на столъ хлѣбъ-соль или домашнюю закуску съ водкой, и просятъ его выпить съ дороги. Выпивая чару вина, свать приговариваетъ: славно вино! отъ него зарумянишься, какъ красная дѣвица, и вѣдь не вымолчишь ни словечка. Потомъ наливаетъ другую чару и водноситъ

ее хозяйну: ну, выпей же свать, на веселье! — Под-
 жося хозяйкѣ: а ты свяхонька, ней на порученье (сго-
 воръ). Когда свать замѣчаетъ, что слова его не про-
 тивны имъ, продолжаетъ: у васъ есть товаръ а у ме-
 ня купецъ; товаръ-то красная дѣвица, а купецъ уда-
 лый молодецъ: отдайте вашу дѣвицу за моего молод-
 ца, — не воскаетесь! (*) Согласно родители выдать
 свою дочь, отвѣчаютъ: для купца, удалаго молодца,
 наша дѣвица хотъ куда; но напредки просимъ милости
 посмотрѣть намъ вашего купца: товаръ то лицемъ на-

(*) Пушкинъ прекрасно выразилъ сатирико.

У васъ товаръ, у насъ купецъ;
 Собою парень молодецъ,
 И статней и проворной,
 Не задорной, не газорной.
 Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
 Не впадаетъ въ полсъ,
 А какъ болринъ между тѣмъ
 Живеть, не безпечалъ;
 А подарить неждѣтъ вдругъ
 И ласку шубу, и жемчугъ,
 И перстни золотые,
 И платья парчевыя.

.
 Не по рукамъ ли, да со двора,
 Да въ церковь съ образами?
 Согласно, говоритъ отецъ.
 Ступай благополучно,
 Моя Наташа, подъ вѣнецъ.
 Одной въ свѣтелкѣ скучно.
 Не вѣтъ дѣвицей вѣковать, —
 Не все мечтатъ респирать.
 Пора гнѣздо устроить,
 Чтобъ дѣтушекъ покомить.

Собр. соч. Пушкина, изд. С. П. Б. 1838 г. т. IV. баллада
 женихъ с. 19-20.

добень. — Несогласные выдать свою дочь, ничего не отыщутъ ему, или же говорятъ прямо: спасибо на любви. — Тогда свать беретъ шапку и уходитъ не простившись. —

Глядины. По взаимномъ соглашеніи, родители дочери отправляются на другой день, или въ какой нибудь другой условленный, глядѣть жениха, и это называется глядинами. Тутъ ихъ принимаютъ со всею почестію: отецъ и мать жениха встрѣчаютъ ихъ на крыльцѣ, кланяются и привѣтствуютъ; потомъ, введя въ избу, всѣ молятся Богу, а женихъ между тѣмъ, одѣтый въ лучшее платье, стоитъ у порога и кланяется имъ. — Родителей невесты сажаютъ въ красномъ углѣ, разговариваютъ съ ними дружески и весело, и спустя нѣсколько времени, накрываютъ столъ бѣлымъ полотномъ и ставятъ на него закуску съ виномъ. Во все это время, пріѣхавшіе на глядины, смотрятъ украдкой на молчаливаго жениха, и замѣчаютъ всѣ его движенія, по которымъ гадаютъ о счастливой будущности. Когда женихъ имъ покажется, тогда они просятъ его садиться съ ними за столъ; онъ сначала нейдетъ и кланяется имъ. По повтореніи нѣсколько разъ приглашенія, его родители говорятъ ему: не отказывайся отъ чести поподчивать гостей. Онъ подходитъ къ нимъ, и садится, потупивъ глаза. Отецъ же его наливаєтъ чарку водки и сначала угощаетъ глядѣльщиковъ, за тѣмъ свою жену, а потомъ себя, произнося: за здоровье добрыхъ гостей! — Поразсмотрѣвъ еще нѣсколько жениха, глядѣльщики, если имъ по сердцу женихъ, просятъ его къ себѣ въ гости и потомъ уѣзжаютъ домой. Если женихъ не по ихъ мыслямъ, то отказываются отъ другой чарки водки и уѣзжаютъ, поблагодаривши за хлѣбъ-соль. —

Родители, коимъ понравился женихъ, приглашаютъ къ

себѣ своихъ родственниковъ и своихъ хорошихъ знакомыхъ, и объявляютъ имъ, что для нихъ дочери нашлся женихъ, или, что Богъ имъ послалъ жениха умнаго, добраго и повиннаго (покорнаго); но какъ они не советамъ его узнали, то просятъ дать имъ советъ: выдавать или за него свою дочь?—Всякій изъ нихъ даетъ свое мнѣніе, и если на советливомъ сговорѣ послѣдуетъ одобреніе, то рѣшаютъ дѣло, чтобы выдать. — Невѣста, подслушавшая ихъ разговоры, съ волненіемъ ожидаетъ приговора, и когда услышитъ,—выдать; тогда она немедленно отправляется къ своимъ подругамъ советоваться: выходить ли ей замужъ? и не знаютъ ли онѣ что дурное про него? — Знающія или слышавшія что либо дурное про него, остерегаютъ ее и не советуютъ выходить замужъ. — Тогда начинается суматоха въ домѣ ея родителей: ее уговариваютъ не слушать и не вѣрить рассказамъ, и если не убѣдятъ, то расходятся до ея успокоенія (раздумья). Впротивномъ случаѣ женихъ получаетъ отказъ.—Когда онъ приходитъ смотрѣть свою невѣсту, тогда она не выходитъ къ нему.—Подруги, одобравшія выборъ жениха, отправляются въ домъ невѣсты съ радостными пѣснями. Советливое собраніе встрѣчаетъ ихъ весело, и поздравляетъ невѣсту съ женихомъ.

Радостныя подруги уводятъ невѣсту въ свѣтелку, и тамъ наряжаютъ ее въ лучшее цвѣтное платье; голову убираютъ цвѣтами; волосы переплетаютъ лентами красными. Наряженная невѣста сидитъ съ своими подругами въ комнатѣ, а недостаточная за занавѣской.—Топотъ на дворѣ отъ конскихъ ногъ, пробуждаетъ ея вниманіе: это значить, что пріѣхалъ женихъ съ своими родителями и дружкой, который избирается изъ молодыхъ его родственниковъ или друзей. Родители дочери и гости, принимаютъ ихъ весело; мать, отецъ и

Руко-
батье.

женихъ, кланяются вѣнцу; дружка ведетъ ихъ къ столу и сажаетъ за столъ; родители дочери садятся со стороны жениха. Послѣ непродолжительнаго молчанія, дружка, который долженъ быть балагуръ и весельчакъ, произноситъ: купецъ здѣсь, а товара не видно. Всѣ молчатъ, но сваха беретъ жениха за руку и ведетъ его къ невѣстѣ. Женихъ, раскланявшись предъ нею, садится подлѣ нея и заводитъ разговоръ; потомъ, взявъ ее за одну руку а сваха за другую, вводятъ къ гостямъ. Жениха и невѣсту сажаетъ сваха за столъ; молодые разговариваютъ здѣсь между собою и разсматриваютъ другъ друга. Въ то время угощаютъ ихъ разными сладостями, а прочихъ виномъ; такое угощеніе называется *пропой кельсты*, потому что пьютъ безпрестанно за ея здоровье, но лишь въ томъ случаѣ, когда замѣчаютъ, что она нравится жениху. Дружка между тѣмъ, или сватъ, поговоривъ нѣсколько съ женихомъ, объявляетъ, что пора совершить рукобитіе по товару. Женихъ встаетъ и кланяется родителямъ невѣсты. Сватъ жениха беретъ руку отца невѣсты и бьетъ по ней слегка своею; женихъ разнимаетъ ихъ руки, въ ознаменованіе своего согласія, а сватъ вынимаетъ изъ своего кармана замочекъ, и замкнувъ его, кладетъ къ себѣ въ карманъ: это дѣйствіе называется рукобитьемъ, а въ нѣмъ порученьемъ. При совершеніи рукобитья дѣвушки поютъ:

Какъ со горъ то-ли
Свѣги тали,
Изъ дворовъ то-ли
Гости ѣхали.
Уже всѣ дворы пробхали,
Ко Ивану на дворъ въхали.
Невѣстушка испугалася,

За дѣвушкѣ хоронилася :
 Схороните меня дѣвушки,
 Схороните, святѣ подруженьки,
 Отъ лихаго набѣздника!
 Ты, мой родимой батюшка,
 Чѣмъ тебѣ я досадила?
 Или полъ я протоптала?
 Или дверечки расхлопала?
 Или лавочку просидѣла?
 Вотъ идетъ поплъ съ крестомъ,
 Унесетъ красоту съ вѣнцомъ.
 Красота моя дѣвичья,
 Куда ты отъ меня денешься?
 И руса коса моя разовьется,
 На двое расплетется;
 И сердце дѣвушки забьется,
 И вѣкогда не уймется.
 Мнѣ не ровнюшка муженечекъ,
 Не дастъ разгуляться;
 Хоть отпустить,
 Самъ во слѣдъ за мной поидетъ.
 Меня молоду за рученьку возьметъ,
 И домой поведетъ.

Тогда же посылаютъ немедленно за священникомъ, который чтеніемъ надъ ними молитвъ и благословеніемъ, скрѣпляетъ рукобитіе. Вѣсьма часто, что скрѣпленіе рукобитья совершается безъ священника; тогда молодые, въ присутствіи вѣхъ гостей, должны поцѣловаться три раза.

Въ этотъ день назначаютъ, когда быть свадьбѣ, и тогда начинается веселая попойка, которая сопровождается пѣніемъ разныхъ пѣсней. Повеселившись порядочно, родители жениха уѣзжаютъ домой съ нимъ и дружкой его.

Приго-
товленіе
къ сва-
дбѣ.

Подруги помолвленной, гостятъ у нея до свадьбы, занимаясь приготовленіемъ приданаго : шитьемъ платья и бѣлья. Онѣ веселятъ ее пѣніемъ радостныхъ пѣсней, и не допускаютъ до черной работы. Родители же обонихъ молодыхъ готовятъ для свадьбы подарки, покупаютъ пряники, орѣхи ; пекутъ пироги, варятъ пиво, запасаются всѣмъ съѣстнымъ вдоволь, не забывая водки, безъ коей не можетъ быть веселья. Женныхъ, дружка и поѣзжанные отправляются къ знакомымъ въ нарядномъ платьи, просить ихъ на свадьбу. —

Поѣзжанные ѣздятъ большей частію верхами, впереди ихъ ѣдетъ женихъ съ дружкой ; лошадь жениха болѣе всѣхъ украшается: гриву ея переплетаютъ разноцвѣтными лентами, на шею ея привѣшиваютъ колокольчикъ а около ушей бубенчики. Лошадей выбираютъ свѣтлой масти ; вороныхъ вовсе не берутъ : ихъ считаютъ дурнымъ предвѣстіемъ.

Состороны невѣсты отправляется просить на свадьбу одна сваха , иногда сама невѣста съ своими подругами, но побольшей части она сама ходитъ къ своей роднѣ и хорошимъ ей знакомымъ. Когда невѣста ходитъ съ своими подругами, которыя одѣваются въ цвѣтные сарафаны, увивая головы лентами, а невѣста украшаетъ свою голову цвѣточнымъ вѣнкомъ ; тогда поютъ пѣсни. Родственники и знакомые дарятъ молодую на обзаведеніе, домашними вещами.

Благо-
словеніе
моло-
дыхъ.

По наступленіи свадьбы, которая въ деревняхъ совершается по большей части въ воскресенье, женихъ отправляется по утру въ церковь слушать заутреню; потомъ слушаетъ обѣдню. Между тѣмъ дружка и поѣзжанные пріѣзжаютъ къ нему, и проводятъ съ нимъ въ послѣдній разъ *молодеческую жизнь*, напоминая о ней пѣніемъ разныхъ пѣсней. Въ то время невѣста убирается

подругами въ подвѣчное платье. Когда все бываетъ готово къ поѣзду въ церковь, тогда каждый изъ молодыхъ благословляется родителями въ своемъ домѣ, слѣдующимъ образомъ: придвигаютъ столъ къ углу подъ иконы, и покрываютъ его бѣлымъ полотномъ; потомъ кладутъ на столъ ржаной хлѣбъ съ солью, пирогъ и бѣлый хлѣбъ; затепливаютъ свѣчи и лампаду подъ образами; всѣ домашніе и родственники молятся съ невестой. Послѣ отецъ и мать надѣваютъ на себя шубы, вывороченныя шерстью вверхъ, а отецъ крестный беретъ правой рукой жениха за одну его руку, держа въ правой своей рукѣ вывороченную шубу; за другую руку жениха беретъ дружка или братъ, и поводятъ его къ родителямъ, которые стоятъ за столомъ: отецъ съ иконою а мать съ хлѣбомъ. Дружка говоритъ: «любезный батюшко! благослови милое чадо златъ вѣнецъ пріятя, и плодъ съ райскаго дерева снять». Онъ повторяетъ эти слова три раза, а женихъ три раза падаетъ въ ноги своему отцу, на разостланной шубѣ, которую приготовилъ свать. За тѣмъ отецъ благословляетъ его иконою крестообразно, которую цѣлуетъ сначала самъ, потомъ даетъ цѣловать ее сыну, а наконецъ цѣлуютъ другъ друга. Точно такимъ образомъ благословляетъ мать сына; потомъ отецъ и мать благословляютъ его по очереди хлѣбомъ-солью, и отпускаютъ къ вѣнцу.

Женихъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ отправляется за невестой: впереди ѣдетъ дружка, за нимъ женихъ, а тамъ всѣ поѣзжаные и гости. Подъѣзжая къ воротамъ невестиннаго дома, дружка стучитъ въ ворота, чтобы отпирали. На дворъ въѣзжаютъ съ шумомъ, а въ избу входятъ тихо: сначала женихъ и дружка, потомъ весь поѣздъ. — Входя въ избу, женихъ роняетъ на полъ кольцо; одинъ изъ родственниковъ не-

Угомо-
не въ
домъ не
взоты.

вѣсты поднимается и спрашиваетъ : кто потерялъ кольцо ?—Всѣ осматриваются, глядятъ другъ на друга; тогда дружка отвѣчаетъ : кольцо вѣдетъ кольцо, а кто его нашелъ, того счастье. Иные говорятъ : а гдѣ кто нашелъ, тамъ быть свадьбѣ.—Гости съ пожеланными садятся за столъ, а женихъ съ дружкой и сватомъ идутъ къ невѣстѣ. Поздоровавшись съ своей невѣстою, женихъ беретъ ее за одну руку, а дружка за другую, входятъ втроемъ къ собравшимся гостямъ и кланяются имъ ; невѣста же здоровывается со всѣми своими знакомыми, потомъ садится рядомъ съ женихомъ за столъ, на вывороченной шубѣ.—Гостей подчиваютъ виномъ и разными кушаньями. Брату невѣсты подноситъ дружка вино, съ опущенной копѣйкою на днѣ стакана, говоря : ну братецъ, выпей, да отдай сестрицу намъ. Пей-ка, на днѣ копѣйка ; еще попьемъ, такъ и грошъ найдемъ.—Братъ выманивъ, отвѣчаетъ : берите ее и къ себѣ возите.—Молодые ничего не пьютъ и не ѣдятъ. За переѣною каждого кушанья, дружка стучитъ объ столъ ложкою : ну-ка свахонька! давай-ка переѣночки; что есть въ печи, на столъ мечи. Въ это время сваха жениха разноситъ подарки; родителей невѣсты она даритъ деньгами, брата ея бумажнымъ платномъ, родственниковъ тоже платками, смотря по состоянію жениха, а прочихъ пряниками и орѣхами. — По окончаніи явра, родители благословляютъ свою дочь образомъ и хлѣбомъ-солью, а гости выходятъ изъ избы и садятся въ сани или на повозки. Дружка никому не позволяетъ двинуться съ мѣста, пока онъ не обойдетъ вокругъ повѣда, три раза, съ образомъ благословеннымъ, и читаетъ молитву, по большей части *Отче нашъ*, чтобы никакого не случилось съ ними несчастія на пути. При чтеніи молитвы всѣ снимаютъ шапки и крестятся, а по совершеніи молитвы

онъ сажаетъ молодыхъ въ одни сани или повозку, или молодые ѣдутъ порознь: неvěста съ братомъ, свахою и ближайшими подругами, а женихъ на лошади, покрытой богатой попоною, или выѣстъ съ дружкой на тѣлегѣ, запряженной тройкою лихихъ коней, управляемыхъ братомъ его или лучшимъ пріятелемъ. Дружка выѣзжаетъ впередъ, держа въ рукахъ икону; за нею движется весь поѣздъ.—Пріѣхавъ къ церкви, дружка является къ священнику и объявляетъ ему о прибытіи молодыхъ. — Тогда бьютъ медленно въ колоколъ три раза, извѣщая народъ о свадьбѣ; но никто не смѣетъ войти въ церковь до прихода священника, и какъ скоро отворится церковь, сваха беретъ жениха и неvěсту за руки, и вводитъ ихъ.—Сваха расплетаетъ косу неvěсты на церковной паперти или на крыльцѣ, до прихода еще священника, и покрываетъ ее голову фатою или большимъ платкомъ. Послѣ вѣнчанія она заплетаетъ ее волосы въ двѣ косы, и подбираетъ ихъ подъ чепецъ, или какъ здѣсь называется: *убираетъ лобавки*, и передаетъ неvěсту жениху, который, взявши ее за руку, выходитъ съ нею изъ церкви и отправляется съ нею въ санихъ или на повозкѣ въ свой домъ. Отецъ его и мать встрѣчаютъ молодыхъ на крыльцѣ съ хлѣбомъ и квасомъ, и въ то время, когда они падаютъ имъ въ ноги, ихъ осыпаютъ ячменемъ, пшеницею и хмѣлемъ; потомъ вводятъ ихъ въ избу и сажаютъ за столъ на первое мѣсто; за ними садятся всѣ гости. Тогда сбѣгаются въ изъ деревни смотрѣть молодыхъ, но неvěста бываетъ закрыта фатою. Дружка однако открываетъ фату и общій голосъ раздается по избѣ: румяна, какъ ягодка малинная; хороша, какъ цвѣточекъ; кроткая, какъ голубка; нечего сказать: что мила, то мила!—Эти одобренія раздаются тѣмъ чаще, чѣмъ чаще подтива-

ваютъ гостей, и послѣ отвозятъ молодую въ домъ ея отца, на нѣсколько дней, пока женихъ приготовится запастись всѣмъ нужнымъ для принятія гостей. Когда все приготовлено, женихъ отправляется съ своимъ поѣздомъ за молодою, въ домъ коей онъ застанетъ собравшихся гостей, сидящихъ уже за столомъ; но ворота для жениха закрыты, онъ останавливается съ поѣзжаными, дружка стучитъ въ ворота, говоря: отворите! — Нельзя, отвѣчаютъ ему, не сюда вамъ дорога; а хотите проѣхать, заплатите. — Сколько надобно? — А сколько васъ людей? спрашиваетъ предворотникъ. — Душъ двѣсти, отвѣчаетъ дружка. — По рублю съ человѣка, да и то мало, говоритъ предворотникъ, — у насъ княгиня молодая, никому не велитъ ѣздить чрезъ ея земли. — А у насъ князь молодой, говоритъ дружка, мы люди сбройные, ворота отобьемъ и силой выйдемъ. — Онъ начинаетъ стучать покрѣче, но предворотникъ говоритъ ему: не пушу! развѣ силой возьмете. — Тогда дружка начинаетъ объясняться съ нимъ по ласковѣ: эй, любезный другъ! намъ нѣкогда долго ждать, намъ пора ѣхать. Хочешь ли выпить чару зеленого? — Почему же не такъ, — отвѣчаетъ предворотникъ, — беретъ стаканъ съ водкою и выпиваетъ; дружка даетъ еще, потомъ еще и дотолѣ подаетъ, пока не упонитъ. — Тогда поѣзжанные сами отворяютъ ворота, и выѣзжаютъ съ шумомъ на дворъ. — Дружка, войдя въ избу съ женихомъ и поѣзжаными, бьетъ кнутомъ по полу и лавкамъ; гости выходятъ изъ за стола а поѣзжанные садятся на ихъ мѣста. Братъ или сваха молодой, подноситъ жениху на тарѣлкѣ платокъ, вышитый молодою; принимая платокъ, онъ кладетъ на тарѣлку нѣсколько денегъ. За тѣмъ дружка беретъ жениха за руку и подводитъ къ его молодой, которая сидитъ съ своими подругами.

Молодой обдариваетъ ея подругъ, потомъ беретъ ее за руку и ведетъ за столъ. Тогда усаживаются всѣ гости; ихъ подчиваютъ виномъ и приготовленнымъ обѣдомъ. За столомъ поютъ въ честь молодыхъ, восхваляя ихъ щедрость и гостепріимство. Дружка, по окончаніи обѣда, обдариваетъ гостей пряниками, орѣхами, ширинками и лентами, а родителей молодой полотномъ и деньгами. Послѣ, при звукѣ пѣсней, всѣ выходятъ изъ избы. Въ это время поѣзжанные встрѣчаютъ молодыхъ стрѣлою изъ пистолетовъ, молодые между тѣмъ садятся въ свою телѣгу, а за ними всѣ гости по своимъ телѣгамъ, но никто не трогается съ мѣста, пока дружка не обойдетъ всѣхъ съ образомъ, прежнимъ порядкомъ, три раза. Выѣхавъ на поле, всѣ останавливаются: дружка снова обходитъ ихъ съ иконою, и обошедши, благословляетъ той же иконою въ счастливый путь. Удалые поѣзжанные снова стрѣляютъ на дорогѣ, и продолжаютъ стрѣлять до самого дома жениха. Тутъ родители встрѣчаютъ молодыхъ съ образомъ и хлѣбомъ-солью, просятъ всѣхъ гостей пожаловать въ избу и откусать хлѣба-соли. Всѣ садятся за столъ, покрытый кушаньями: молодые сидятъ на первомъ мѣстѣ, на вывороченной шубѣ, а со стороны ихъ поѣзжанные и гости. Сватъ и сваха, прося гостей кушать, подносятъ имъ по стаканчику водки, минуя молодыхъ, которыхъ ничемъ не угощаютъ. Только при пивѣ водки, если кто скажетъ: горькое вино! или: горько! больно горько! молодые должны поцѣловаться, чтобы подсластить вино, и кто ни скажетъ горько, молодые должны всякій разъ цѣловаться, и только слышны непрерывные ихъ поцѣлуи. Дружка, распоряжаясь всѣмъ въ домѣ, покрикиваетъ на сваху съ самодовольной гордостью: ну свахонька, повора-

чивайся! давай переминычи: что есть въ печи, на
столь мечи. При каждой перемины онъ подноситъ го-
стямъ водку и пиво, а родителей и родныхъ невѣсть,
сверхъ подчиванія, даритъ еще ея сапогами, приго-
варивая: «мало-то, пріймите, а большому сроку дай-
те:» мать котами (полусапогами), сестеръ платками,
прошався предъ ними: «пріймите и насъ полюбите»
братьевъ красными рубахами, говоря имъ: «берите и
нашу невѣсту не держите.» Подгулявшіе гости по-
ютъ:

Какъ по улицѣ по швецкой
Въ свободѣ было нѣмецкой,
Молодой маіоръ гуляетъ
Самъ во скрипочку играетъ;
За собой онъ водить дѣвку,
Дѣвку нѣмку иноземку.
Дѣвка нѣмка иноземка,
Съ парнемъ рвти говорила:
Дума сивеньскій голубчикъ,
Разудаленькій молодчикъ!
Слышу, милый, хочешь жениться,
Ты поѣдешь мнѣ въчаться,
Заважай ко мнѣ прощаться:
Поставь коня среди поля,
Средя поля при долинь;
Привяжи-ка коня къ кусту,
Къ тому ль кусту къ калинь.
Сорви ягодку калину,
Ты' изволь ее покусить.
Напова горька калиня,
Тѣково мнѣ жить за малинь;
Мнѣ за малинь ты за рожней,
Не за рожней за малинь.

Какъ по улицѣ по нивецкой,
 Въ слободѣ была нивецкой ;
 Молодой майоръ гуляетъ,
 Самъ во скрипочку играетъ,
 За собой онъ водить дѣвку,
 Дѣвку нѣмку нноземку.
 Дѣвка нѣмка нноземка
 Съ парнемъ рѣчи говорила :
 Душа сизенькій голубчикъ !
 Слышу, милый, хошь жениться,
 Ты поведешь мнѣ вѣнчаться,
 Завожай ко мнѣ прощаться ;
 Поставь коня среди поля,
 Среди поля при доминѣ ;
 Привалю-ка коня къ кусту,
 Къ тому кусту къ рябинѣ,
 Ты изволь ее откусать.
 Какова кисла рябина,
 Таково мнѣ жить за старымъ,
 Мнѣ за старымъ не заровней,
 Не заровнюшкой за старымъ.

Какъ по улицѣ по нивецкой
 Въ слободѣ была нивецкой,
 Молодой майоръ гуляетъ
 Самъ во скрипочку играетъ,
 За собой онъ водить дѣвку,
 Дѣвку нѣмку нноземку.
 Дѣвка нѣмка нноземка,
 Съ парнемъ рѣчи говорила :
 Душа сизенькій голубчикъ,
 Разудаленькій молодчикъ !
 Слышу, милый, хошь жениться.
 Ты поведешь, мнѣ, вѣнчаться,
 Завожай ко мнѣ прощаться ;
 Поставь коня среди поля,

Среди поля при долине;
 Привяжи-на нощи къ аусту,
 Къ тому кусту малины,
 Сорви ягоду малину,
 Ты изволь ее откушать.
 Какова сладка малина,
 Таково мнѣ жить за ровней,
 Мнѣ за ровнюшкой за мильнѣ.
 Мнѣ за мильнѣ веселенько. —

При окончаніи обѣда, подаютъ молодымъ большой прививекъ. Они, положивъ на него лѣвую руку, ломаютъ правой. Тутъ замѣчаютъ, кто изъ нихъ за однимъ разомъ отломить побольше, тотъ будетъ *большикомъ* (старшимъ въ домѣ). —

Уводитъ
 молодой
 въ сѣ-
 нникъ.

Послѣ этого молодые выходятъ изъ за стола. Отецъ жениха, поставивъ молодыхъ по средѣ избы, даетъ сыну штофъ съ водкою а невестѣ поднось и рюмку; новобрачный наливаетъ и проситъ отца и мать выпить рюмку водки, изъ рукъ его молодой; потомъ проситъ братьевъ, за ними сестеръ а наконецъ всѣхъ гостей. Каждый, осушивъ рюмку, кладетъ за поднось нѣсколько денегъ и цѣлуетъ молодого и молодую въ губы, приговаривая: сладко! Потомъ молодой кладетъ на свою голову хлѣбъ, и уводитъ свою молодую въ сѣнникъ, въ коей уже приготовлена постель на ржаныхъ снопахъ. Молодую раздѣваетъ сваха, и когда она уложитъ ее въ постель, тогда даетъ знать дружкѣ, вышедшему съ женихомъ изъ сѣнника на время. Тогда этотъ самой дружкой вводитъ жениха, и пожелавъ ему *медовой ночи*, запираетъ дверь на крѣпко. Гости между тѣмъ разѣзжаются по домамъ, за исключеніемъ свата и свахи, которые остаются въ домѣ молодого до утра. Дружка же во всю ночь сторожитъ молодыхъ. — На утро вхо-

дѣтъ въ спальню одна свѣжа, и посылаетъ свата къ родителямъ молодой, чтобы поздравить ихъ съ благополучіемъ дочери ; въ противномъ случаѣ она посылаетъ къ нимъ дырявый сосудъ: кувшинъ или чашу. Тогда безчестіе для родителей дочери ; стыдъ и насмѣшки распространяются по всей деревнѣ. Однако это обыкновеніе уже смягчается нынѣ : стараются скрыть семейный позоръ, притворной радостію жениха.

На другой день собираются въ домъ молодого родителя новобрачной и ея родственники ; ихъ угощаютъ съ большой веселостію. Молодые вновь получаютъ благословеніе отъ своихъ родителей, а молодой падаетъ въ ноги своему тестю и тещѣ, и благодаритъ ихъ за воспитаніе дочери. Послѣ угощенія, за конемъ уже ѣдутъ и пьютъ новобрачные, дарятъ ихъ родители и родственники разными вещами для дочашняго обзаведенія : посудой, полотномъ, зерновымъ хлѣбомъ, скотомъ, птицею и пр., смотря по состоянію каждого. Въ слѣдующіе за сими дни новобрачные угощаются родственниками, и такое угощеніе продолжается почти всю недѣлю.

Новобрачные носятъ здѣсь названіе *молодежень* (молодыхъ), до субботы святой недѣли. Въ эту субботу собираются рано по утру парни, товарищи молодого, и поютъ подъ его окнами *юнецъ* :

Обла-
заніе мо-
лодыхъ.

Юнецъ
въ честь
моло-
дыхъ.

У юнца молодца, было три сестрицы :
Большая сестрица на дворъ выходила,
Въ конюшню входила, коня обротала ;
Вторая сестрица, коня обсыдала ;
Меньшая сестрица на дворъ выходила,
Юнца посадила, кудеречки разчесала,
Шляпу надввала и юнца спросила:
Куда юнецъ ѣдетъ? —
Омъ ей отвѣтилъ :

На пареную службу,
Царю послушати. —
Она спросила :
Дожой скоро ль будешь? —
Я въ те поры буду,
Какъ коня изъѣзжу.
Свдечечко поотру,
Плеточку изхлещу.

Юница молодая
Новы свиничка жела,
Гусельны нашла ;
Юницу молодому отдала.
Онъ играсть, поиграсть
Въ звенчатыя свои гусли ;
Онъ потышитъ, потышитъ
Молоду свою жену :
Ты не плачь-ка, молодая моя жена!
О своей сторонѣ, о своемъ отцѣ и матери.
Песерель двора юничнаго,
Дубовы столы стоять,
На этихъ столахъ
Бѣлы скатерти лежать,
Медвяны питья стоять.
А кому ты питья пати?
Кому разносити? —
Пить питья окликальщикамъ,
А разносити питья
Юнцу — молодцу. —

По пропѣтію этой пѣсни, молодежь угощаетъ парней: пирогами, яйцами и водкой. Въ другихъ мѣстахъ ходять дѣвицы пѣтъ юнецъ ; ихъ угощаютъ дивомъ, медомъ и пирогами, а онѣ дарятъ, бывшую свою по-

другу, мѣлочными вещами: ленточками, нитками, иглами, крашеными льнами, — кто чѣмъ можетъ. Зажиточныя дарятъ полотномъ, платками, крашенной и пр. Съ этихъ поръ молодой называется мужикомъ (мужемъ), а молодая бабою (женою). —

ХГ. СВАДЬБА ВЪ НЕВЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Святой-
отцо.

Отецъ, у коего сынъ выходитъ изъ восемнадцатилѣтняго возраста, по расчисленію самого батюшки, отправляется къ приходскому священнику для справки о вѣрности годовъ своего сына. Когда удостовѣрится, что онъ не ошибся въ своемъ расчисленіи, тогда проситъ священника справиться о лѣтахъ той невѣсты, которую онъ имѣетъ въ виду. Если и здѣсь онъ получитъ желаемый отвѣтъ, то проситъ его благословенія къ началу добраго дѣла. Принявъ благословеніе, онъ отправляется домой поспѣшно, съ радостной для жены и сына вѣсточкою. И вотъ надобно посылать потомъ засватывать.—По этому отецъ призываетъ крестныхъ родителей своего сына, предлагаетъ имъ сходить къ отцу невѣсты, и проситъ его согласія, чтобы породниться съ нимъ. Крестные родители не отказываются отъ исполненія порученія, потому что женихъ ихъ воспріемникъ. Они, между страхомъ и надеждою, отправляются хлопотать о невѣстѣ. Пришедши къ отцу, они сначала говорятъ о чѣмъ нибудь постороннемъ и обиняками доходятъ до дѣла. Тутъ истощаютъ все свое умѣнье, чтобы уговорить выдать

дочь, потому что есть обыкновение, чтобы поломаться въ такомъ случаѣ. Если послѣдуетъ отказъ, то ужъ дѣлать нечего; а если согласіе, то засватавшіе, помолясь Богу, отправляются къ отцу жениха съ извѣстіемъ, что Богъ помогъ въ началѣ, что-то будетъ дальше. Спустя нѣсколько дней, сваха идетъ къ невестѣ съ гостинцемъ.—Для этого она печетъ кудебюку. Свахи принимаютъ съ ласкою и уваженіемъ; она ведетъ разговоръ *почтительно*, и доходитъ до того, что сами родители начинаютъ хвалиться руководіемъ своей дочери. Это она дѣлаетъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы узнать отъ нихъ: занималась ли чѣмъ нибудь невеста? и можетъ ли одѣть своего будущаго мужа?—Если у невесты есть руководіе, то она трудящая, и не шаталась въ дѣвкахъ, а это, какъ признакъ нравственности, цѣнится дорого въ бытѣ крестьянъ.

Послѣ этого уговариваются *о кладкѣ (складкѣ)*: Вечеринка у невесты. отецъ невесты получаетъ нѣсколько денегъ, вина, мяса, масла и другихъ съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ для совершенія пира. За этимъ условливаются о датѣ свадьбы, но на это они испрашиваютъ разрѣшенія у священника, который приглашается сюда со всѣмъ своимъ причетомъ; не забываютъ пригласить отца жениха, чтобы *почестить* дѣло. Послѣ угощенія всѣхъ ихъ, женихъ сзываетъ своихъ родныхъ, чтобы идти на вечеринку къ невестѣ. Женихъ готовится принять родственниковъ, слѣдующимъ образомъ: одѣвшись хорошо и положивши три земныхъ поклона, онъ садится за столъ, ожидая крестныхъ родителей и остальныхъ своихъ родственниковъ. Каждый изъ нихъ приноситъ ему коровай, курацу, и не большое количество денегъ. Онъ принимаетъ отъ нихъ, перекрестясь, и цѣлуетъ каждого.

Невеста предъ своей вечеринкой ходитъ въ баню съ

подругами, которые еще съ утра должны отправиться
къ жемуху за мыломъ. Идя въ баню, онѣ поютъ
громко и весело:

Выходила дѣвчончка,
За новыя ворота;
Становилась дѣвчончка,
У притворнаго столба;
Опускала дѣвчончка,
Были руки во карманъ.
Изъ кармана вынимала,
Алой розовой платокъ.
Утирала горьки слезы,
Любезному своему,
Какъ утерши горьки слезы,
На тѣ горы и пошла.
На тѣ горы, на тѣ доли,
Гдѣ свѣчалася любовь.
Любовь наша небольшая,
Жизнь, разлука тяжела,
Разлучаетъ насъ неволя;
Чужа дальняя сторона.
На чужой ли на сторонкѣ,
Тамъ дѣвчонки хороши.
Взявъ дѣвчонку за рученку,
Сказать: милая прощай!
Зрѣстуть пути-дорожки,
Все травю муравой,
И широкимъ лагузомъ,
И высокими камышомъ (*).

Когда всѣ соберутся къ жемуху, тогда, помянувъ Бѣ-
гу, произнесутъ: дай Богъ въ добрый часъ! — Отправляютъ

(*) При отправленіи въ баню, онѣ поютъ пѣсни по произволу.

слѣдѣ невестѣ и жесутъ ей ютцу вышверенную кладу. Ихъ принимаютъ съ радушіемъ и сажаютъ за столъ по чину, именно : жениховъ отца впередъ, а по сторонамъ его; съ правой: крестного отца а съ лѣвой сватаго жениха, вождѣ его родную и крестную матерей; за ними остальныхъ родственниковъ. — При входѣ невесты, выводятъ жениха изъ за стола и становать обомъ въ срединѣ избы рядомъ; тутъ они должны цѣловаться при всѣхъ, и крѣпко. Избранный дружка угощаетъ послѣ этого виномъ всѣхъ званыхъ гостей, а невеста даритъ ихъ своимъ рукодѣлемъ. Выпившіи чару водки и принявши подарокъ, утирается имъ; потомъ кладутъ отдарокъ, состоящій въ деньгахъ, по состоянію каждого, и за тѣмъ садятся на свое мѣсто. При подаваніи вина молодые кланяются каждому, прѣся выпить; иной ломается, говоря : горько! это значитъ, что они должны поцѣловаться три раза. — Вскорѣ подають ужинъ, за комъ отецъ невесты разнесетъ свое вино, а жена его хлопотетъ накормить гостей. Отблагодаривъ сватуху съ сваховскою, за хлѣбъ-за-соль, всѣ идутъ въ домъ отца жениха, но послѣдній не уходитъ, не простившись съ своей молодею. — Тогда подруга нарочно прячутъ ее въ уголъ, и завѣшиваютъ платномъ. Это дѣлается для испытанія силы жениха: онъ вырываетъ платокъ изъ рукъ невесты и цѣлуетъ ее поцѣлюю. — Иные пляшутъ дорогою въ присылку, а другіе воютъ; но имъ предстоить еще позавтракать, отъ коей отказаться было бы, съ нѣкоторыхъ сторонъ, неумѣстно, а для отца жениха обидно. Пришедши въ домъ, всѣ помѣщаются за столами косякомъ, а хозяйки разставляютъ яства и подчуютъ отъ избытка радости. —

На другой день, назначенный для совершенія брака-Благо-
словеніе
сочетанія, дружки должны притѣловать три или четы-

ре тройни лошадей, съ звонками. На одной изъ нихъ они отправляются къ невѣстѣ: съ рубашкою, кумачникомъ, котами, чулками и шубою. Въѣстъ съ этими привозятъ хлѣбъ и пироги, съ которыми главный дружка поступаетъ такъ: отрѣзавши отъ хлѣба горбушку, онъ отдаетъ свой хлѣбъ отцу невѣсты, а отъ него беретъ другой, отъ котораго такъ же отрѣзываетъ горбушку, и двѣ горбушки кладетъ въ свою шапку.

Дружки приѣзжаютъ къ жениху съ вѣстіемъ, что невѣста готова. Тутъ начинаютъ наряжать жениха. Нарядъ его состоитъ изъ красной рубахи, полосатыхъ лощеныхъ портокъ, смазныхъ сапоговъ и шерохова тѣлана; голова бываетъ приглажена масломъ. Потомъ онъ является къ своимъ родителямъ: крестнымъ и посаженнымъ, для принятія отъ нихъ благословенія. Родной отецъ, ставъ среди избы съ иконою, заставляетъ сына положить три земныхъ поклона. Выполнивъ приказаніе, онъ прикладывается къ иконѣ и целуетъ отца со слезами. Потомъ родная мать, а за нею крестная, напутствуютъ его благословеніемъ на новую жизнь. По окончаніи благословенія, сажаютъ жениха за столъ, и сами обсаживаются вокругъ его, справа и слѣва. Изъ этого обряда не исключаются всѣ присутствующіе, сколько бы ихъ ни было здѣсь: они должны присѣсть. Тутъ вынимаютъ по стакану вина, закусываютъ хлѣбомъ-солью, и помолясь Богу, встаютъ, и когда отецъ жениха произнесетъ: ну, съ Богомъ! тогда крестный отецъ отправляется съ женихомъ по невѣсту. Впереди ихъ ѣдетъ дружка съ благословеннымъ образомъ, а на остальныхъ лошадяхъ поѣзжанные. Дружка запасается склянкою водки, чтобы отворили ворота, которыя бывають заперты. — За воротами стоитъ или братъ невѣсты, или

кто изъ постороннихъ по приглашенію. Дружка поспѣшно вскакиваетъ съ виномъ и стучить. Стоящій за ними спрашиваетъ: кого нада? — Отопри! кричитъ дружка. — Не отопру, отгѣчаетъ другой. — Дѣлать чего! онъ вынимаетъ изъ пазухи вино и подаетъ въ подворотню. — Тотчасъ отворяются ворота и весь поѣздъ выѣзжаетъ на дворъ. Войдя въ избу, садятся и дожидаются, пока выведутъ неvěсту; потомъ ставятъ ее съ женихомъ посреди избы. Здѣсь родители обѣихъ сторонъ благословляютъ ихъ; послѣ сажаютъ за столъ, а потомъ, съ Божію помощію, отправляютъ ихъ въ церковь. — Съ женихомъ, коего повязываютъ платкомъ какъ женщину, садится крестный его отецъ и дружка, а съ неvěстою, покрытой шелковой фатою, мать крестная. Подружки, которые называются *подружки*, перевязываются платкомъ, съ праваго подъ лѣвое плечо. —

Когда готовъ весь поѣздъ, тогда дружка съ благословеннымъ образомъ а подружки съ хлѣбомъ-солью, обходятъ его три раза вокругъ, и потомъ ѣдутъ въ церковь. На одной телегѣ находится брага и вино, для угощенія встрѣчныхъ на дорогѣ. — Въ другихъ мѣстахъ лежитъ обязанность на подружѣ, идущему съ хлѣбомъ и солью за дружкою, чтобы онъ при обходѣ поѣзда, припрыгивалъ и дригалъ ногою, что, по понятію простолюдиновъ, значить: отгонять всѣ опасности, могущія случиться съ молодыми во время поѣзда ихъ въ церковь и обратно. Напрыгавшись вдоволь, подружки садятся на лошадь и ѣдетъ впередъ; за нимъ весь поѣздъ. Проѣхавъ сажень сто, онъ долженъ воротиться назадъ для выкупа постели; но съ тѣмъ, чтобы догнать послѣ и даже обогнать поѣздъ. Заплативъ сестрамъ за постель или подругамъ неvěсты, онъ беретъ съ собою постель, укладываетъ ее въ особый ящикъ и снѣсши

перегнать цѣвздь, чтобы ему была путеводителемъ въ церковь.

Оконча-
тельный
обрядъ.

По совершеніи вѣнчанія священникъ требуетъ, чтобы молодые поцѣловались три раза. Крестная мать отводитъ невесту въ притворъ, и перекрестясь, начинаетъ заплетать ей въ двѣ косы; потомъ она надѣваетъ волосники или кокошникъ. Иные изъ новобрачныхъ приѣзжаютъ домой въ вѣщахъ. Родители встрѣчаютъ молодыхъ на крыльцѣ, съ хлѣбомъ-солью и свѣчою; а одна женщина стоитъ въ снѣгахъ за дверью, съ блюдеиъ овса и хмѣлемъ, и когда они идутъ въ избу, тогда она осыпаетъ ихъ, желая имъ богатства.

Молодые, поцѣловавъ хлѣбъ-соль, входятъ въ избу; здѣсь сажаютъ ихъ на нѣсколько времени. Отецъ и мать цѣлуютъ ихъ и поздравляютъ со вступленіемъ въ новую жизнь. Отецъ говоритъ новобрачной: вотъ тебѣ одонье ржи, а другое сама важни.—Давъ усѣсться всѣмъ, дружка выводитъ молодыхъ изъ за стола въ клѣтъ, гдѣ приготовленъ для нихъ столъ и брачное ложе. Здѣсь онъ подноситъ имъ по стакану вина и вынимаетъ изъ пазухи тѣ горбушки, которыми они рѣзали, когда ѣдигъ съ нарядомъ къ невестѣ, и подаетъ имъ. Послѣ закуски укладываютъ ихъ въ постель, съ наставленіями, о коихъ говорятъ здѣсь неумѣста, и потомъ отправляются въ избу для размѣщенія гостей, приготовившихся пировать за гарачимъ столомъ.—Пока продолжается обѣдъ, дружка выбѣгаетъ къ молодымъ навѣдываться: не проснулись ли они? Когда проснутся новобрачные, тогда онъ выбѣгаетъ въ избу и беретъ съ собою крестную мать молодой. Поднявши ихъ съ постели, одѣваютъ и ведутъ къ гостямъ, которые отъ радости бьютъ горшки, стаканы, и все что попадется имъ на глаза; топаютъ, прыгаютъ и кричатъ. — Послѣ этого молодой отправляется на блины,

къ тещѣ. Его молодая посылаетъ съ нимъ гостинцы, къ своимъ сестрамъ или подругамъ. Съ приходомъ его къ тещѣ, она сажаетъ его за столъ, и въ тужъ мину-ту затапливаетъ печь и печетъ блины. Молодой, выпивъ чарку водки и закусивъ блинами, возвращается въ свой домъ, гдѣ, съ его приходомъ, начинается снова пиръ, — ради гостя дорогаго, хотя ожидавшіе его давно уподчивались.

Между тѣмъ, какъ продолжается эта пирушка, отецъ молодой *сзываетъ* всѣхъ своихъ родственниковъ и спѣшитъ съ ними къ своему свату съ поздравленіемъ. Толпа собравшихся родственниковъ, называется тогда *гарною* (избранными). Пришедши съ гарными въ домъ, отецъ и матъ молодой, поздравляютъ свата съ окончаніемъ дѣла, а тотъ благодаритъ ихъ за доброе поведеніе дочери. Тутъ снова пьютъ.

Въ такомъ точно пиршествѣ проходятъ два и три дня, въ продолженіи коихъ не перестаетъ литься вино и брага. Этимъ оканчивается пиръ у отца молодого, по отцу его надобно отплатить свату своимъ посѣщеніемъ. По этому, пригласивъ къ себѣ нѣсколько ближайшихъ родственниковъ, онъ виѣстѣ съ молодыми отправляется на послѣднее пиршество.

XVI. СВАДЬБА ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сва-
то-
в-
с-
т-
во.

Отецъ взрослого парня, избираетъ опытнаго свата изъ своихъ родныхъ или хорошихъ пріятелей, и поручаетъ ему высватать невесту (*). Сынъ указываетъ тогда свату на дѣвокъ, или на ту, которая ему полюбилась. Во время совѣщаній о сватовствѣ, угощаютъ свата; послѣ угощеній онъ отправляется въ тотъ же день или на другой, въ домъ невесты. Здѣсь онъ выхваляетъ достоинства жениха, и если получить согласіе на выдачу дочери, то извѣщаетъ объ этомъ родителей жениха.

Сватовство поручается, во многихъ мѣстахъ этой губерніи, искусной и опытной свахѣ. (**). Войдя въ избу она старается, не начиная разговора, взглянуть прежде всего на матицу, — брусъ, поддерживающій потолокъ, в сѣсть противу него. Это она дѣлаетъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дѣло пошло успѣшнѣе. По-

(*) Сватъ въ хвалынскомъ уездѣ называется смутчикомъ.

(**) При описаніи этой свадьбы, выставлена здѣсь сваха дѣйствующимъ лицомъ.

томъ она вступаетъ въ разговоръ о дѣлѣ, представляетъ умъ и состояніе жениха, отъ чего называютъ ихъ хвастуныями. Если родители невѣсты изъявляютъ согласіе выдать свою дочь, то сваха говоритъ : ну сватушка, прикажите мамѣ прійти съ женихомъ. Тѣ отвѣчаютъ : просимъ милости. — При выборѣ невѣсты обращаютъ главное вниманіе на ея нравственность, а не на красоту, окоей такъ говорятъ простолюдины : мамѣ не мзаться лица (т. е. не цѣловать его); мамѣ нужно, чтобы она слушалась и любила мужа, который бы не ходилъ безъ рубахъ. А видъ отъ хорошей яблони, хорошие плоды.

На другой день родители жениха приглашаютъ къ себѣ человекъ пять, изъ близкихъ родныхъ, чтобы одѣть жениха, котораго одѣваютъ : въ красную рубаху, синее споднее платье, а если есть, то въ пилсовые шаравары, синій кафтанъ, или нанковый халатъ, и отправляются всѣ со свахою въ домъ невѣсты. Родители несутъ съ собою гостинецъ, состоящій изъ хлѣба-соли. Прійдя въ домъ, молятся Богу и кланяются на всѣ стороны; потомъ кладутъ на столъ гостинецъ и говорятъ : здорово сватушка и свахонька ! можете ли гораздо ? — Они отвѣчаютъ : Слава Богу ! сватушка и свахонька; садитесь-ка у насъ : мы рады добрымъ людямъ. — Женихъ садится за столъ, подлѣ жениха сваха, которая, посидѣвъ нѣсколько минутъ, говоритъ отцу невѣсты : ну сватушка ! смотрите нашъ товаръ, а свой покажите намъ. — Тотъ часъ сваха выводитъ невѣсту изъ чулана, одѣтую въ самый лучший сарафанъ, съ шелковымъ платкомъ на головѣ, иногда съ одной развязкой, т. е. съ непокрытой головою, но съ гладкой прическою. — Сваха подаетъ невѣстѣ рюмку съ виномъ, женихъ встаетъ съ мѣста а невѣста подноситъ ему. Онъ беретъ, и подержавъ не

Часть II.

многе въ рукахъ, отлааеть обратно. Тогда свата вытѣкаетъ изъ за стола, подходитъ къ невестѣ и спрашиваетъ, улыбаясь: скажи красавица, какъ тебя звать? — Дуниша, отвѣчаетъ она. — Между тѣмъ свата поднимаетъ ея руки вверхъ, для удостовѣренія: не выломлены ли у ней руки? Или, не безрукая ли она? Ворочаетъ ее туда и сюда, чтобы осмотрѣть: нѣтъ ли за ней какого порока? За тѣмъ она выводитъ жениха изъ за стола, беретъ зажженную лучалу или зажженный пучекъ и подноситъ его подъ глаза жениха, чтобы убѣдить смотрящихъ, что онъ не слѣпой. Потомъ она заставляетъ его пройтись по избѣ, для доказательства, что онъ не хромой. — Послѣ смотра садится женихъ за столъ, а невеста укладываетъ въ свой чуланъ, гдѣ она наряжается въ другое платье; потомъ выводитъ ея по прежнему порядку, и это продолжается до трехъ разъ. При этомъ смотрѣ не бываетъ угощенія: женихъ только всматривается въ невесту, чтобы оцѣнить ея достоинства. Осмотрѣвъ съ ногъ до головы, всѣ поднимаются изъ за стола и уходятъ. На дворѣ или за домомъ, свѣтуются всѣ между собою, и если невеста понравилась жениху, то онъ замѣчаетъ: какой еще невѣсты! Ступай батюшка, радишь кладкою. Тогда отецъ съ сватомъ возвращается въ избу невесты, а всѣ остальные идутъ домой съ женихомъ. Если бы невеста не понравилась жениху, то уже не возвращаются а идутъ всѣ домой. Но приходѣ въ избу сватъ говоритъ: ну сватушка, по рукамъ та въ бѣню. — Мы рады, отвѣчаетъ онъ, породниться съ тобою сватушка. Послѣ этого садятся и начинаютъ рядиться о нарядѣ. Отецъ невесты: выпрашиваетъ нѣсколько рублей денегъ, три сарафана, шубу палмовую, платокъ шелковый, кашемирный, коты, кошъ

персицедій, рукава миткалевые и касандровскіе (*), нѣ-
сколько аршинъ ситца, два ведра вина, буда три го-
вадины, два пуда солода, для приготовленія браги, и
нѣсколько фунтовъ меда.—Если согласится на кладкѣ,
то назначаются родичѣ жениха, со стороны неvěсты: от-
цу его льняная рубашка, матерѣ его кусокъ полотно и
платокъ, брату рубаха изъ сариньки (сарентской хол-
стинки); женоѣ брата его, полотно на рукава рубашки или
платокъ, крестному отцу и крестной матерѣ отдаютъ на
ведю неvěсты: чѣмъ она хочетъ, тѣмъ и дарить. Если
родителямъ неvěсты или ей самой, не покажется же-
нихъ, то они выпрашиваютъ, при рядѣ о кладкѣ,
столько, чтобы отецъ не былъ въ состояніи дать, и
тогда отецъ съ свахою догадываются, что женихъ не
показался, расходятся и тѣмъ оканчивается сватовст-
во. Если выпрашиваемаго отцемъ неvěсты не согласенъ
дать отецъ жениха, то онъ говоритъ: *сватушка!*
вы просите болѣе мною. Нельзя ли уступить, сватуш-
ка, коли хотите быть въ родичѣ съ нами. — Отецъ
невѣсты говоритъ: нѣтъ сватушка, мнѣ никакъ
уступить не лзя. Вы сами знаете: вѣдь много выдать
и отъ насъ даровъ. Коли вы будете *выдавать* мене-
ше даровъ, то я уступлю. — *Порядились въ клад-*
кѣ, отецъ неvěсты угощаетъ ихъ хлѣбомъ, солью и
водкою. Потомъ поднимаются домой, при чемъ сваха
говоритъ: прикажите намъ сватушка поблагодарить
насъ, за вашу хлѣбъ соль и за ваше хорошее угоще-
ніе. Завтра ожидайте насъ къ себѣ съ женихомъ. —
Онъ отвѣчаетъ: просимъ милости, а мы станемъ го-
товиться. —

По утру отецъ неvěсты собираетъ своихъ родныхъ, Запов.

(*) Касандрейка, — красная, пестрая.

а невеста своих подружекъ. — Отецъ жениха, по собраніи своихъ родныхъ, ставитъ на столъ закуску и водку, при этомъ онъ подноситъ только по одной рюмкѣ вина, и закусивши, всѣ они отправляются въ повозкахъ въ домъ невесты. Они привозятъ съ собою коровай (ржаной хлѣбъ съ солью), штофа два вина, кусокъ говядины, курицу или гуся и столешникъ (скатерть). — Поздоровавшись между собою, накрываютъ столъ своимъ столешникомъ, потомъ ставятъ вино и послѣ рѣжутъ для закуски, что привезено. Одинъ изъ родныхъ жениха наливаетъ чарку вина и обращается съ нею : сватушка и свахонька ! подходите къ намъ поближе, поклонитесь другъ дружки пониже. — Родные невесты говорятъ : ну, сватушка, благослови! — Господи! во святыи часъ. — Послѣ этого они садятся за столъ, а женихъ и его родные становятся у дверей. Тутъ подносятъ имъ водку и угощаютъ привезенной закускою; послѣ угощаютъ ихъ родные невесты. По угощеніи всѣхъ родственниковъ жениха говоритъ : сватушка и свахонька ! не бесуйте (не осудите), какова случилась наша хлѣбъ-соль. Они отвѣчаютъ : слава Богу, сватушка, мы довольны ; просимъ милости садиться. — Самы выходятъ изъ за стола, женихъ садится въ переднемъ углѣ за столъ, повѣсивъ голову и опустивъ глаза ; сваха садится съ правой стороны жениха, а родные съ лѣвой его стороны. Дѣвушки стоятъ въ чуланѣ, подлѣ невесты ; тамъ ея сваха приготовляетъ даръ жениху : шейный платокъ, который она кладетъ на деревянное блюдо. Тогда выходятъ дѣвушки къ гостямъ съ невестою и свахою ; послѣдняя несетъ даръ и все кланяются съ нею. За тѣмъ подходитъ невеста къ столу, беретъ рюмку, наливаетъ водки и подноситъ жениху, кланяясь ему низко. Онъ беретъ рюмку, держитъ ее нѣ-

сколько минутъ въ рукахъ и отдастъ невѣстѣ; потомъ беретъ нѣтъ рукъ свахи платокъ и утирается имъ; за тѣмъ, взявъ невѣсту за уши, цѣлуетъ ее три раза. Тогда дѣвушки запѣвають пѣснь, сначала невѣстѣ а потомъ жениху.

Невѣстѣ.

Вы цвѣты ли мои цвѣточки,
 Вы цвѣты мои лазоровые!
 Да васъ много было свѣжо,
 Да не много уродилосьъ.
 Вы души мои, красны дѣвицы!
 Васъ много было въ терѣзѣ,
 Да не множко оставалось, —
 У насъ не было измѣныщицы, прелестницы,
 А нынѣ у насъ проявилась,
 Любимая наша подруженька,
 Душа красна дѣвица,
 Авдотья Степановна (невѣста).
 Она прельстилася, влюбилася,
 Въ удалаго добра молодца,
 Александра Яковлевича (жениха).
 Она клялась прежде, и божилась,
 За мужъ не рѣдилась.
 Говорила: въ монастырь пойду!
 Свѣтъ подруженьку манила,
 Свѣтъ любимую свою подружку,
 Душу Аннушку.

Жениху.

Какъ у насъ ли во нынѣшнемъ году,
 Уродился виноградь во саду,
 И калина со малиною,
 Черна ягодка смородина.
 Уродился во саду еще розовой пѣвтокъ.

Ждали, гуляли доброй молодежи во саду,
 Срывали онъ съ розы розовой цвѣтокъ;
 Оцъ и самъ цвѣтку дивуется:
 Что это за цвѣточекъ за такой?
 Этотъ цвѣтокъ итженъ и хорошъ,
 А я молодецъ теперь холостъ, не женатъ.
 Былъ молодецъ во матушкѣ во Москвѣ,
 Не нашелъ я тамъ невѣсты по себѣ;
 А теперь нашелъ въ Саратовѣ въ городу,
 Нашелъ я себя невѣсту хорошу,
 И хорошу и пригожу.
 Свѣтъ Дунючку душу.
 Нони я по нарядкѣ наражусь.
 Пойду въ церковь, Богу помолюсь,
 Создалъ Богъ мнѣ невѣсту хорошу,
 И хорошу и пригожу,
 Да и школьную, мамерную
 Къ тому же руководящую.

Во теремъ во новомъ,
 Что свѣтло горитъ?
 Горятъ свѣчи восну драго.
 Шла дары душа Дунаша,
 Сошивши дары,
 На столъ положила,
 Сама она слезно плакала,
 Въ слезахъ она слово молвила:
 Нянюшки, мамушки,
 Красны дѣвушки!
 Подите-ка послушайте,
 Чѣмъ дарятъ тятиньку?
 Дарятъ его славнымъ городомъ. —
 Знать тятинькѣ родимому,
 Городъ милѣ мнѣ.
 Нянюшки, мамушки,

Красны дѣвушки! .
 Подите-ка послушайте,
 Чѣмъ дарятъ маменьку?
 Дарятъ ее алымъ бархатомъ. —
 Знать маменьку родиминькой,
 Бархатъ мылъ же меня.

Нанюшки, мамушки,
 Красны дѣвушки!
 Подите-ка послушайте,
 Чѣмъ дарятъ Александра? —
 Дарятъ его душой Дуняшой,
 Дуняшой черноокой.
 Знать Дуняша, звать Дуняша,
 Ему мыльй всего. —

Какъ вечеръ-то мы красны дѣвушки
 Во миру были, во бесѣдушки!
 Мы не медъ-то пили, мы не подчиво;
 Мы пили, красны дѣвушки,
 Сладку водочку.
 Прошли мы, красны дѣвушки,
 Свою любимую подруженьку
 Авдотью Степанову.
 Прошли ее не за сто рублей,
 Не за тысячу;
 За едину винную чарочку,
 За добраго молодца
 Александра Яковлевича. —
 За его ли буйну голову,
 За умъ его, разумъ, удачу молодца, —

Женихи и невѣсты:

Повыли, повыли, вѣтры — вихри;
 Растворились, растворились ворота новые;

Незначай, незначай гости възыхали,
 Незнамые, незнамые, незнакомые;
 Половъ дворъ, половъ дворъ все кареть-берлинъ,
 Полны стойлы, полны стойлы вороныхъ моней;
 Полны сѣни, полны сѣни кучеровъ, лакей,
 Полно зало, полно зало все князей, бояръ;
 Половъ теремъ, половъ теремъ княженецкихъ женъ,
 Полна спальня, полна спальня красныхъ дѣвушекъ.
 Подломились, подломились сѣни новыя,
 Со частыми, со мелкими переходами.
 Раздавали, раздавали золоту чару,
 Золоту чару со фенисю;
 Выпугали, выпугали соловья изъ саду;
 Выпугали, выпугали молодого изъ зелени.
 Восплакала, восплакала душа Дуныша:
 Свѣтъ мой, свѣтъ мой сѣни новыя,
 Свѣтъ моя, свѣтъ моя золота чара со фенисю,
 Кто меня будетъ, кто меня будетъ,
 Поутру рано будить?
 Кто станетъ, кто станетъ скоро дѣлу учить?
 Возговорить, возговорить-то Александръ господинъ,
 Возговорить, возговорить то Яковлевичъ дворянинъ:
 Ты не плачь, ты не плачь душа Дуныша,
 Не тужи, не тужи свѣтъ Стопановна,
 Сострою тебѣ, сострою тебѣ сѣни новыя,
 Со частыми, со мелкими переходами;
 Солю тебѣ, солю тебѣ золоту чару,
 Золоту чару, золоту чару со фенисю.
 Я у тебя, я у тебя соловей во саду,
 Я у тебя, я у тебя, молодой во зеленошъ,
 Стану тебя, стану тебя поутру рано будить,
 Стану тебя, стану тебя скоро дѣлу учить.

При поднесеніи водки родителямъ жениха и его
 родственникамъ, поютъ дѣвушки каждому изъ нихъ
 отдѣльно, а невѣста, если свадьба богатая, обдари-
 ваетъ всѣхъ ихъ.

Женихову отцу.

Хвалится сватушка
 Житьемъ, бытjemъ :
 Много у меня житя, бытjа,
 Частова серебра сундуки стоять!
 Цвѣтна платьена шесты вносить. —
 Да ты сватушка, догадайся,
 Да ты сватушка, надумайся,
 Въ платкѣ серебро раскутайся :
 Слышишь ли, сватушка?
 Тебѣ пѣснь поемъ. —
 При всей честной компаньи нѣ,
 Тебя величаемъ. —

Жениховой матерѣ.

Какъ по сѣннимъ по сѣничкамъ,
 Переходичкамъ ;
 Тутъ гуляла, погуливала,
 Молодая боярыня
 Марья Васильевна.
 Во рукахъ носить блюдечко,
 На блюдечки яхонты,
 Драгоценныя запонки.
 Положите вы, малехонька,
 Поколю я молодехонька,
 Безъ бѣлилъ я блѣхонька,
 Безъ румянъ румяхонька,
 Безъ сурмиль брови черныя. —

Женихову брату съ его женою.

Какъ во саду кровать, люли,
 Во зеленомъ тесовая, люли,
 На кровати перина, люли,
 На перинѣ одвяло, люли,
 Подъ одвяломъ лежить, люли,
 Святъ Николай господинъ, люли,

Яковлевичъ дворянинъ, люли,
 Надъ нимъ писари стоять, люли,
 Офицеры говорить, люли,
 Разбудить его хотять, люли,
 Да ты Колышка сумаръ, астанъ, люли,
 Свѣтъ Яковлевичъ пробудеть, люли.
 Съ-чистымъ серебромъ упомъ, люли,
 За Машинкой за душой, люли,
 За Гавриловкой госпожой, люли.
 Или самъ ты пойдешь, люли,
 Или насъ пошлешь, люли.
 Ужъ вы безтолковые болре, люли,
 Неразумны господа, люли!
 Да я самъ-то пойду, люли,
 Да и васъ съ собой возьму, люли,
 Я корабликъ перейму, люли,
 Да я Машинку сѣмю, люли,
 Гаврилевну госпожу, люли;
 Возгъ себя посажу, люли,
 Поцѣлую, обойму, люли! —

Во горникъ во полей, во мовой,
 Стоялъ столикъ дубовой, дубовой.
 Покрытъ тафрой голубой голубой,
 Съ золотю бахромой, бахромой.
 На столикъ дубовомъ, дубовомъ,
 Стоялъ кубчикъ золотой, золотой,
 Положъ водки малитой, малитой.
 Семенушка господинъ, господинъ,
 Онъ по горенкѣ ходилъ, ходилъ,
 До столика доходилъ, доходилъ,
 Рюмку водки наливалъ, наливалъ,
 Хозяюшкѣ подносилъ, подносилъ.
 Ты хозяйюшка моя, ты моя!
 Приими, выишей уиши, уиши,
 У добраго мелодна, мелодна.

Роди да сына сонюда, бокола, :
 Бвлымъ лицемъ те себя, те себя ;
 А разумомъ во меня молодца, молодца,
 Будемъ сына растити, растити,
 И грамотъ учити, учити,
 И грамоту перомъ писати, писати,
 Перомъ писати, по французски говорити (*).

Какъ свахонька хороша,
 А ты свахонька пригожа!
 Изнижали бы тебя на жерелья,
 И послали бы тебя въ воскресенья.
 А ты свахонька надумайся,
 Въ платкъ золото распутайся.
 Слышишь ли свахонька?
 Тебѣ пасмъ поемъ,
 При всей цветной компаньи
 Тебя величаемъ.

Женатымъ родственникамъ жениха.

Какъ по снѣжмъ, снѣжмъ, свѣчкѣмъ ;
 По новымъ снѣжмъ рѣшетчатымъ;
 Что ходила, погуливала,
 Молодая душа боярыня,
 То Татьяна Ивановна.
 Что будила, побуживала,
 Своего ли друга милаго,
 Да того Оеина Михайловича.
 Ужъ ты встань, пробудись госмодинъ !
 Отвязался твой доброй конь.
 Отъ столба ли, столба ли точенаго,
 Отъ колечка позволоченаго.

(*) Народъ думаетъ, кто говорить по французски.
 чепъ и умепъ.

Онъ ушелъ, онъ ушелъ,
 Во чисто поле гулять;
 Изъ чиста поля во зеленой садъ.
 Поломалъ въ саду вишенью,
 Со калиной со малинушкою,
 Зелесу грушу со вишенью.
 Какъ возговорить Осниъ господиъ,
 Какъ возговорить Михайлычъ дворяниъ:
 Ты не плачь, моя милая!
 Не тужи, моя разумная!
 То Татьяна Ивановна,
 Еще насъ Богъ помилуетъ,
 Государь — Царь пожалуетъ,
 Тремя славными городами:
 Первымъ городомъ Саратовымъ,
 Другимъ городомъ Симбирскимъ,
 Третьимъ городомъ Хвалынскимъ.
 Во Саратовъ самы будемъ жить,
 Во Симбирскимъ сына женить,
 Во Хвалынскимъ дочъ отдавать.

Женихову товарищу.

На моръ на моречкѣ,
 На томъ тихомъ заводѣ
 Стоять дерево кипарисово;
 На томъ деревѣ кипарисовомъ,
 Сидятъ пташечки заморскія,
 Поютъ пѣсенки ростовскія (•)
 Да кому у насъ быть боярыномъ?
 Кому слыть воеводою?

Пѣсенки ростовскія, — вѣроятно употреблено здѣсь для
 рифмы, и должно думать, что надобно сказать пѣсни райскія.

Быть боярниномъ Иванушкѣ,
 Воеводою слыть Даниловичу,
 Сберегать своего князя молодого,
 Нашего гостя дорогаго. —
 Ты слышишь ли Данилушка?
 Тебѣ пѣснь поемъ,
 И честно величаемъ. —

Когда передарятъ всѣхъ гостей и обнесутъ имъ по рюмкѣ водки, тогда сваха беретъ невѣсту за руку и сажаетъ ее за столъ, рядомъ съ женихомъ. Спустя немного, подаютъ обѣдъ, приготовленный со стороны отца невѣсты. Во время кушанья угощаютъ брагою и водкою. Дѣвушки между тѣмъ отправляются разъѣзжать въ повознахъ по улицѣ, на лошадахъ жениховыхъ, и тогда поютъ голосовыя пѣсни. (') Сваха выводитъ молодыхъ изъ за стола и провожаетъ ихъ въ чуланъ. Тутъ подбиваетъ жениха нареченная его теща, разными кушаньями и водкою. По приѣздѣ дѣвушекъ съ катанья, гости поднимаются домой; невѣста даритъ жениху перчатки своей работы, и послѣ всѣхъ отправляются домой. — Этимъ оканчивается запой. — По удаленіи гостей, невѣста причитаетъ своимъ роднымъ. Подойдя къ отцу, она обнимаетъ его и поетъ жалобно.

Отцу.

Кормилецъ ты мой, батюшка!
 Что это у насъ были за пиры, за бесѣдушки?
 За гульба, за прокладушки?—
 Были гости незваные,

(') Голосовыя пѣсни помѣщены на концѣ этой свадьбы.

Незванные, нежданные !

Знать это вы батюшка, пропивали

Мою буйну головушку :

Что ты батюшка, на меня прогитвался ?

Или я тебя, батюшка,

Была не скорой посоль ?

Не скорой посоль, не работница !

Или я тебя, батюшка,

Вгрязь лицомъ ударилъ ?

При добрыхъ людяхъ прибесчестилъ !

Матеръ.

Родная ты, моя матушка !

Смалась ли тебѣ темная поченка ?

А мнѣ горькой горюшникъ, не смалось,

Во снѣ мнѣ видѣлось.

Видѣлось мнѣ горькой,

Темные лѣса, круты горы.

Темные тѣ лѣса, чужа семья ;

Круты тѣ горы, тяжела работудка.

Привыкать мнѣ къ крутымъ горамъ,

Къ темнымъ лѣсамъ труднехонька,—

Я у васъ еще молодехонька.

Брату.

Родимой ты мой братецъ !

Не помни ты моихъ грубостей,

Какъ я тебѣ сгрубляла, досаждала.

Сорядите вы меня, братецъ,

Со родимымъ своимъ батюшкой,

Хорошенька.

Не давайте вы меня, братецъ,

Чужимъ людямъ на срамъ, на позорища.

Чужи люди, чтобы не смѣялися,

А вы много не чуждайтесь. —

Шабренка (*).

Поди-ка ты, любимая моя шабренушка,
 Да ты на меня не погизвайся,
 Что я тебя не встретила.
 Ни за спесью, ни за гордостью, —
 За своимъ горемъ великіймъ!
 Запоручили мою буйну головушку,
 На чужу, дальнюю сторонушку. —
 Я спрошу тебя, понадеячи,
 А ты мнѣ скажи, жалбуючи:
 Каково житье въ чужихъ людяхъ?

Шабренка отвѣчаетъ:

Въ чужихъ людяхъ нада жить умбючи,
 Да все разумбючи.
 Поди-ка ты, красная дѣвушка!
 На быстру рѣку,
 Спроси гусей старыхъ:
 Каково гусямъ плыть,
 Встрѣчь быстрой рѣки? —
 Таково-то жить, во чужихъ людяхъ.
 Чужой батюшка свенорь,
 Безъ вины журить;
 Свекровь митушка,
 Безъ порядку марьякаетъ.

По окончаніи причитанія, прощаются съ невѣстой подружки ея и уходятъ домой. —

По утру собираются снова къ невѣстѣ ея подруги. ^{дѣвуш-}
 Она отпираетъ свой сундукъ, въ коемъ сложено ея ^{вѣщи.}
 приданое: платье и холстъ; послѣдній отдаетъ дѣву-

(*) Шабренка, соседка, — татарское слово. —

вушкамъ, которыя кроютъ изъ него рубашки для жениха и невѣсты, и самые рукава на ея сарафанъ, и тогда же приготавливаютъ все нужнее для свадьбы.—Днемъ занимаются шитьемъ а вечеромъ забавляются, и продолжаютъ это до самой свадьбы. Все это время называется дѣвешникомъ, который у иныхъ бываетъ около мѣсяца.—

По вечерамъ приходятъ сюда родные съ женихомъ, женатые и парни (*): послѣдніе играютъ и поютъ съ дѣвушками пѣсни. За тѣ пѣсни, которыя дѣвушки поютъ парнямъ, женатымъ и молодымъ виѣсть или порознь, получаютъ деньги въ награду.

Жениху.

Во теремъ гусли лежали,
 Во новомъ звончатыхъ.
 Вотъ и нѣкому во гусли играти, —
 Александра Яковлевича дома нѣту,
 Яковлевича не случилось :
 У тестюшки онъ пируетъ,
 У тещеньки онъ столуетъ.
 Теща зятя угощала,
 Рюмку водки наливала,
 Своему зятюшкѣ подносила,
 Любезному говорила :
 Ты пей зятекъ, не упивайся,
 Надъ Дуняшей не ломайся,
 Надъ Дуняшей не величайся.
 Вотъ и Дуняша дитя нѣжное:
 Не заставляй разувати,
 Былы рученьки замараешь,
 Золоты кольца переломаешь,

(*) Женихъ, со времени обряда запоя, посѣщаетъ свою невесту днемъ и вечеромъ

Дорогіє мамин разетеряеть.
 Какъ и зѣтъ тебѣ отвѣчать :
 Бѣлыя рученьки можно вымыть,
 Золотыя кольца можно снятьъ,
 Дорогіє мамин можно вставить.

Долина долинушка,
 Раздолье широкое !
 Ой люли, люшеньки,
 Раздолье широкое !
 Раздолье широкое
 Приволье широкое,
 Ой люли люшеньки,
 Приволье веселое !
 По той ли равнинушке,
 Ходилъ, гулялъ молодець.
 Ой люли, люшеньки,
 Ходилъ, гулялъ молодець !
 Связалъ свою голову,
 Тафтою зеленою
 Ой люли, люшеньки,
 Тафтою зеленою !
 Фатою жъ шелковой,
 Лентой лиловою,
 Ой люли, люшеньки,
 Лентой лиловою !
 Надѣлъ шляпонушку муховую,
 Съ бахромой шелковою.
 Ой люли, люшеньки,
 Съ бахромой шелковою !
 Увидѣла матушка,
 Со высокаго терема ;
 Закричала матушка,
 Своишь громкииъ голосомъ,

Ой люли, люшеньки,
 Своимъ громкимъ голосомъ !
 Дитя ль мое, дитятко,
 Дитя ль мое, милое,
 Ой люли, люшеньки,
 Дитя ль мое милое !
 Что ходишь не весело,
 Гуляешь не радостно ?
 Ой люли, люшеньки,
 Гуляешь не радостно !
 Сударыня матушка,
 Чему веселитесь ?
 Ой люли, люшеньки,
 Чему веселитесь ?
 Вся братья товарищи,
 Да все поженялись,
 Ой люли, люшеньки,
 Да все поженялись !
 А я у васъ матушка,
 Холоста, не жената кому,
 Ой люли, люшеньки,
 Холоста, не жената кому !
 Женись, женись дитятко,
 Женись, мое милое,
 Ой люли, люшеньки,
 Женись мое милое !
 Возьми мое дитятко,
 Князью или барышню,
 Ой люли, люшеньки,
 Князью или барышню !
 Енеральскую доченьку,
 Хорошу, пригожую.
 Ой люли, люшеньки,
 Хорошу прихожую !
 Енеральская доченька,
 Она мнѣ не правится
 Ой люли, люшеньки,

Она нѣтъ не нравилась!
 У сосѣда двинулась;
 Да нѣтъ показалась,
 Лицемъ приглажулась.
 Ой люли, люшеньки,
 Лицемъ приглажулась!
 Нѣтъ лучше барышнимъ,
 Авдотьи Степановны,
 Ой люли, люшеньки,
 Авдотьи Степановны!
 Безъ былъ она блехонька,
 Она нѣтъ милехонька.
 Ой люли, люшеньки,
 Она нѣтъ милехонька!

Нѣвѣсть.

Во горнищѣ во свѣтлицѣ,
 Два голуба на пиасѣ:
 Они пьютъ и льютъ,
 Въ цимбалы бьютъ,
 Во гусли играютъ
 Душу Дуняшу, душу Дуняшу
 Забавляютъ,
 Всегда потѣшаютъ.
 Александръ Яковлевичъ,
 По залу гуляетъ.

Убрана головушка,
 Разными цвѣтами;
 Унизаны были рученьки,
 Золотыми веретеньями.
 Отсвѣчиваютъ они отъ Дуниши,
 Разными лучами.
 Душа Дуняша! душа Дуняша!
 Васъ тятинька кричить.

Подруженьки любезныи!
 Скажите, не слыжала. —

Душа Дуляша ! душа Дуляша !
 Васъ маленька причить.
 Подружки любовныя,
 Скажите, не слыжала.
 Душа Дуляша ! душа Дуляша !
 Васъ Александръ причить.
 Подруженьки любовныя !
 Скажите, сей часъ буду.

Разшталася грушница,
 Разшталася зеленая,
 Передъ яблонкой садовою. —
 Расплакалася красная дѣвица,
 Разстужилася Степановна,
 Передъ батюшкой стоячи,
 Передъ матушкой плачащи.
 Государь ты, мой батюшка !
 Государыня, моя матушка !
 Нельзя ли думушку раздумати ?
 Не можно ли дѣло бросити ?
 Сватѣмъ отказать,
 Меня въ чужи люди не отдавать.
 Ужъ ты, дитятко !
 Ужъ ты, мое милое !
 У насъ дума-та вздумана,
 И дѣло-то сдѣляно.
 Быть пиру, быть бесѣдушкѣ,
 Собраны красны дѣвушки.
 Любимыя твои подруженьки,
 Изготовили тебѣ къ вѣнцу,
 Цвѣтно платьеце.

Товарищамъ жениха.

Ужъ вы соколы,
 Залетныя пташечки !

Куда вы летали?
 Мы летали въ зеленой садъ,
 Съ куста на кустъ перелетывали,
 Изъ моря на моречко. —
 Что вы тамъ видели? —
 Мы видели тамъ свру утушку,
 Среди моря на островъ.
 Что вы ее не поймали? —
 Хотя мы ее не поймали?
 Свры крылушки ощипали,
 Опять въ синее море пустили.
 Вы бояры Александровы (жениха)
 Куда вечеръ звали?
 Мы звали, поживали,
 Изъ города въ городъ
 Перезживали.
 Что вы тамъ видели? —
 Мы видели тамъ,
 Красну дѣвушку,
 Авдотьюшку;
 Красну дѣвушку въ терему. —
 Что вы ее не взяли?
 Хотя мы взять-та
 Не взяли,
 Русу косу расплели,
 Въ теремъ опять пустили.

Брату съ сестрою.

Сладка ягодна малинушка,
 Разномодильской дѣтинушка;
 Удалой, доброй молодецъ,
 То Василій Ивановичъ.
 И еще кто тебя породилъ молодца?
 Породела неся матушка,
 Вспонилъ, вскормилъ родной батюшка,
 Велевали няньки, мамушки,

На тессовой провакунить,
 На пуховой на перянуникъ,
 На батистой подушечкѣ,
 Нодѣ атласнымъ одялениемъ.
 И еще кто тебѣ головушку чесалъ?
 И еще кто тебѣ русы кудри завивалъ?
 Завивала кудерюшка,
 Мнѣ сестрица любезная,
 Да то Марья Ивановна.
 Вила кудря, приговаривала:
 И еще, дай Боже! моему братцу,
 Ему счастье хорошо получить,
 Въ магистратѣ магистратскимъ судьей,
 А при думѣ быть степеннымъ головой,
 При своемъ домѣ хозяиномъ.

Изъ рюмочки водка плещется,
 По подносу разливается,
 По подносу по серебряному,
 По узору мелкотравчатому.
 Какъ и брать сестрой хвалятся,
 Какъ любезной похваляется:
 У меня братцы, сестрица хороша!
 Хороша душа Машинька.
 Безъ былиль лице былое,
 Безъ румянъ щеки алыя,
 Безъ сурмиль брови черныя.
 У ней взоры веселыя,
 А походка дворянская,
 У ней рѣчь деликатная.
 Дворомъ идетъ, словно павушка шмыветъ;
 Рѣчь возговаривать, — лебедушникомъ.

Холостымъ.

Да кто у насъ умный,
 Кто у насъ разумный?
 Андрианъ умный,

Федорычъ разуишь ..
 Ой люшени, люи,
 Федорычъ разуишь!
 Онъ щепитъ (*) ходитъ,
 Манежно ступаетъ
 Ой люшени, люи,
 Манежно ступаетъ.
 Сады не лаетъ,
 Чулокъ не мараетъ,
 Ой люшени, люи,
 Чулокъ не мараетъ!
 На коня садится,
 Лишь конь веселится.
 Ой люшени, люи,
 Лишь конь веселится!
 Къ лугамъ подымаютъ,
 Луга зеленютъ.
 Ой люшени, люи,
 Луга зеленютъ!
 Къ сараямъ подъезжаютъ,
 Сады зеленютъ.
 Ой люшени, люи,
 Сады зеленютъ!
 Во саду девушки гудели,
 Андрея встричали.
 Ой люшени, люи,
 Андрея встричали,
 За руки принимали,
 За столъ посадили.
 Ой люшени, люи,
 За столъ посадили!
 Вина чары пиливали,

(*) Ловко.

Андрея поили.
 Ой люшеньки, люли,
 Андрея поили !
 Андреюшка былей
 Федорычъ некушай.
 Ой люшеньки, люли,
 Федорычъ некушай !
 Не пью вина незеленого,
 Я кушаю водку,
 И то для охотки:
 Ой люшеньки, люли,
 И то для охотки.

Душа мята,
 Да вся поломата 2.
 Алые цветяки,
 Въ саду разцвѣтали 2.
 Да кто у насъ холостъ ?
 Да кто у насъ не женатъ ?
 А Васиенька холостъ,
 Ивановичъ не женатъ 2.
 По горницамъ ходить,
 Въ туалетъ глядятся 2.
 Красота движется :
 Какой я хорошей,
 Какой я пригожей ! 2.
 Хорошо уредился,
 Моднo нарядился 2.
 Жилецъ надѣвается,
 Галстухъ оправляется 2.
 Сюртукъ надѣвается,
 Жилецъ оправляется 2.
 Шляпу надѣвается,
 На крылечко выходить, 2.
 Конь къ нему подходить :

На коня садится,
 Конь веселится 2.
 Онъ тросточкой машетъ,
 А конь подъ нимъ пляшетъ. 2.
 Онъ лугами едетъ,
 Луга зеленеютъ; 2.
 Онъ садами едетъ,
 Розы разцветаютъ, 2.
 Пташки распеваютъ.
 Къ дому подъезжаетъ,
 Матушка встрѣчаетъ :
 Сыночекъ мой милый !
 Орелъ сизокрылый! 2.
 Боязъ тебя мнѣ скучно,
 И въ горнице пусто. 2.
 Маменька родная !
 Открывайте окна,
 Подавайте гуси :
 Я стану играть,
 И васъ забавляти. —

Во городе во Саратовѣ,
 Во московской славной улицѣ,
 Во палатѣ белокаменной,
 Разгуливалъ доброй молодецъ.
 Онъ стоялъ сопроти зеркальца хрустального,
 Онъ чесалъ кудри свои русыя,
 Чесалъ кудри, приговаривалъ :
 Вы завейтесь мои кудерюшки,
 Вы завейтесь мои русыя !
 Поедину русу волосу.
 Къ моему ли лицу блѣдному,
 Къ моему ли румянному,
 Къ моимъ ли бровямъ чернымъ,
 Къ моимъ очамъ веселымъ. —

Стоить Ванюшка
 Во Божьей церкви, у саутрахи.
 Какъ на Ванюшкѣ на Степанчикѣ
 Сертукъ баркатный,
 Жилетъ розовый,
 Галстухъ шелковый,
 Платокъ въ рукѣ батистовый.
 Да все люди, да все добрые,
 Въ Божью церковь сходившея,
 Всѣ бояры со слугами сооткашися,
 Красотѣ Ванюшкѣ ась дивовалися.
 Да всѣ дѣвущины, да всѣ красныя,
 Засмотрѣлися.
 Онѣ между себя разговаривали,
 Ванюшку одабривали :
 Какъ онъ скромный!
 Какъ въжливъ!
 Никуда онъ не оглянется,
 Да все Богу молится.

Какъ на молодцѣ
 Какъ на добрынь,
 Платье цвѣтное.
 На головушкѣ, на русыхъ кудряхъ,
 Шляпонка пуховая.
 Какъ сертукъ на немъ
 Гарнишелевой (*).
 А рубашенка кавелева (**)
 Салогіи на немъ все козловые.

(*) Гарнишель, полуселковая съ пестрыми крапинками матерія.

(**) Кавель, гладкая шелковая матерія, въ коей основа красная а утокъ зеленой.

Онъ холма, гуляя,
По всѣмъ улицамъ;
Во рукахъ держалъ,
Трость серебряну.

Какъ во трапезныхъ,
Ленточки бунатовы.
Да все люди сѣу дивовалися,
Красоту его удивлялися :
Чіе это дитя милое?
Не свѣтель ли мѣсякъ,
Воспоишь, воспарилъ?
Не часты ли звѣзды, возмолвилъ?
Породила его матушка,
Воспоишь, воскормилъ
Сударь батюшка.
Возмолвила няньки, мамушки,
Свѣтны дѣвушки. —

Какъ Осеипушка щеголевать
Изъ горницы во горинду перебѣгаетъ,
Кармазинъ кафтанъ надѣваетъ,
Во карманъ руки опускаетъ,
Золоту гривну вынимаетъ.
Насъ дѣвушекъ задаряетъ,
Намъ на бывлыя бѣлды,
На красныя румяны.
Набѣлимся, нарумянимся!
Добрыѣ молодцамъ,
Лучше приглашаемъ

Во саду, во сажу,
Во зеленомъ виноградномъ,
Стояла разукрашена бесѣдка.
Разукрашена, принаряжена,

Золотой бахромой убрана.
 Во той во бестынь,
 Сидыгъ доброй молодцы,
 Разудалая головушка,
 Разхорошенькой Иванушка.
 Онъ игралъ, поигрывалъ,
 Во гуселюшки серебряны.
 Припевалъ пѣснь новую,
 Любимую,
 Пѣсенку московскую.
 Здравствуй любушка,
 Хорошая моя!
 Про тебя у меня,
 Много пива и вина.
 Сладка водочка анисовая...
 Ровно ты красавица,
 Росписанная.
 Твоя нѣжность, красота,
 Заставила любить тебя. —
 Взаглядъ твой,
 Мнѣ премилъ;
 Ты ласкаешь меня,
 Мило-нѣжно!
 Свиданье съ тобой веселое,
 Разстанье печальное.
 Кротка ты душою,
 Быстра красотою. —
 Дѣвушка тяжело вздыхаетъ,
 Дружка къ сердцу прижимаетъ.
 Тебя, мой миленькой, извиню,
 Собыкались съ тобой честию.
 Мы другъ дружку обещались,
 Безъ слезъ съ тобой не разставались. —

Какъ у сокола,
 Какъ у лосаго,
 Волатъ крылушки.
 Нельзя соколу,
 Нельзя лосому,
 По лѣсамъ летать.
 Какъ у молодца,
 Голова болить;
 Нельзя молодцу,
 Во саду гулять.
 Не одинъ гулягъ,
 Съ боярами,
 Съ петербургскими омерзанами.
 Красотъ его дивовалися,
 Еще, чѣмъ это за дитятино?
 Что это за милое?
 Не зоря ли его воспородила?
 Не свѣтелъ ли мѣсяць,
 Воспоилъ, воскормилъ?
 Не часты ли звѣзды возлѣгали? —
 На отвѣтъ сказалъ,
 Доброй молодець:
 Ужъ вы неразумные,
 Господа князя!
 Воспородила жепя,
 Родна матушка;
 Воспоилъ, воскормилъ,
 Родной батюшка,

Какъ на дубчикахъ голубчики сидятъ,
 Промежъ себя рязъ говорятъ,
 Про Ивана Степановича. —
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Какъ Иванушка богатъ, богатъ живетъ,
 Свѣтъ Степановичъ богатъ живетъ,
 Ой ли, ой люшеньки, люли!

Онъ изъ гривенки на гривенку ступаетъ,
 Со полтинничкомъ по улицѣ гуляетъ —
 Ой люли, ой люшеньки, люли!
 Цѣлковникомъ ворота запираетъ,
 По пяти рублей двѣдущекъ даритъ.
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Ужъ вы двѣдущи, свѣтихъ,
 Былыя лебедушки!
 Помолитесь обо мнѣ,
 Объ удаломъ добромъ молодцѣ,
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Объ удаломъ добромъ молодцѣ,
 Объ Иванѣ Степановичѣ.
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Я не охотникъ города геродать,
 Не охотникъ напусту садить.
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Во сырохъ бору погулявати,
 Красныхъ дѣвокъ приунывати.
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 А вы двѣдущи,
 А вы былыя лебедушки,
 Помолитесь обо мнѣ. —
 Ой ли, ой люшеньки, люли!
 Объ удаломъ добромъ молодцѣ,
 Объ Иванѣ Степановичѣ,
 Ой ли, ой люшеньки, люли!

Вече-
ринки.

Въ продолженіи двѣдущника, женихъ дѣлаетъ отъ
 себя нѣсколько разъ вечеринки. Онъ пріѣзжаетъ сюда
 съ своими родными и пріятелями, и всегда съ гостин-
 цами для невѣсты: съ орѣхами, платкомъ, ситцемъ,
 и т. п. Для гостей привозитъ: закуску, пиво, водку,
 пшениникъ и курникъ (круглый пирожекъ, начиненный ку-
 рицею). Со стороны невѣсты собираются, на этотъ ве-
 черъ, ея родные, знакомые и подруги. — Жениха и

его родныхъ принимаютъ ааство, сажають съ поче-
стію за столъ. Женихъ идетъ уже прямо къ невѣстѣ,
въ ея чуланъ, и отдаетъ ей подарки. Здѣсь онъ разгова-
ривается съ своей невѣстой, а теща угощаетъ его, гово-
ря: ты родимой, рѣдко ходишь къ намъ; невѣста ску-
чаетъ по тебѣ. Ходи къ намъ почаще.—Родныхъ между
тѣмъ и всѣхъ гостей угощаютъ въ избѣ, и въ то вре-
мя катаетъ женихъ свою невѣсту и ея подругъ, на
своихъ лошадяхъ. При катаніи поютъ голосовыя пѣс-
ни (*). Послѣ катанья расходятся гости по домамъ, за
исключеніемъ: жениха, его пріятелей и дѣвушекъ,
которые просиживаютъ на вечерникахъ до полночи и
играють пѣсни.

Пойду по улицѣ, 2.
Два двора вижу юти,
Третій послушаю:
Что люди говорятъ,
Какъ батюшку бранять.
 Пьяница, пропойца, 2.
 Дуяшинъ батюшка. —
 Пропилъ святъ, Дуяшну,
 За медъ, за герълаку.
Дуяшина мати, 2.
Не умѣла гадати,
За кого отдати.
Васимкина мати,
Умѣла гадати,
У кого вяти. —
 Мела, мела свѣи,
 Да бросила вѣникъ.
Теперь мои свѣи 2.
Подметены будутъ,

(*) Голосовыя пѣсни помянуты на концѣ этой свадьбы.

Теперь моя хата,
 Теперь моя хата,
 Истощена будетъ,
 Теперь мои дѣти,
 Теперь мои дѣти,
 Накормлены будутъ (*).

Проводивъ время весело, поднимается женихъ съ своими пріятелями домой. При выходѣ онъ благодарить за угощеніе тещу и тестя, кланяясь имъ въ ноги съ своей невѣстою; потомъ цѣлуетъ свою невѣсту и прощается съ нею. Но невѣста и дѣвушки провожаютъ жениха, съ его товарищами, до воротъ, и потомъ возвращаются въ избу.

Невѣста, вставъ по утру прежде всѣхъ своихъ домашнихъ, причитаетъ имъ снова заунывнымъ голосомъ:

Родимой мой батюшко!
 Кормилица матушка!
 Спалось ли вамъ,
 Тихою ночушкой?
 Мнѣ горькой мало спалось,
 Много во снѣ видѣлось:
 Будто я злыдарка горькая,
 Ходила по крутой горѣ,
 Потеряла свой золотой кесникъ,
 Съ серебряной рзшечкой,
 Со шелковой косоплеточкой. —
 Родимой мой батюшка и матушка!
 Запоручили вы мою головушку!

(*) Сверхъ этой пѣсни поютъ тѣ же самыя, которыя выше приведены, т. е. тѣ, которыя относятся до молодыхъ и холостыхъ.

За поруки крещія.
 Ты брeсeдeся, батюшка,
 На ихъ слова ласковы.
 Они тебя уговорили, —
 Поднесли тебѣ золотую чашу.

На другой вечерникъ жениха избираются: дружка, поддружье (поддружки), тысяцкій, посаженный отецъ и третякъ, который потому такъ называется, что онъ составляетъ третій чинъ послѣ поддружья (*). Всѣ эти лица здравствуютъ здѣсь между собою; — это значить, что они подчуютъ самыхъ себя за здоровья жениха, который съ этихъ поръ носить названіе князя, а невеста княгини. У богатыхъ людей бывають еще дворяне, кои набираются для увеличенія поѣзда. Дружка заѣдываетъ всей свадьбою, поддружье помогаетъ ему въ распоряженіи, тысяцкій оберегаетъ приданое молодыхъ, а посаженные родители благословляютъ и провожаютъ въ церковь, и стоятъ подлѣ жениха во время вѣчанія. Женихъ одариваетъ платками весь свой поѣздъ, который перевязывается чрезъ плечо, а самъ женихъ надѣваетъ платокъ на свою шею, по женскому обычаю. —

Изъ дому молодого готовится брага, вино, разное кушанье и печется пирогъ, называемой *люкшань* (**) , такой величины, какой только можетъ влезть въ печь. Этотъ люкшанъ — прѣка печется для дѣвицъ, помогавшихъ невестѣ въ приготовленіяхъ ея

(*) Иногда на одномъ вечерѣ, данкомъ отъ жениха, собираются свадебные чины, которые однако не всегда имѣютъ эти названія.

(**) Это въ употребленіи между Мордвою, въ хвалынскомъ и кузнецкомъ уездахъ.

къ свадьбѣ. — Чтобы онъ не разошелся въ мечкѣ, обзываютъ его лыками, и ими обвиваютъ шею той дѣвушки, которой достается послѣдній кусокъ пирога. —

За три дня до свадьбы, собираются въ домъ жениха всѣ его родственники. — Подруги невесты ходятъ въ нему за сусломъ, при чемъ поютъ пѣсни, цѣлихъ задумаютъ. Тутъ угощаютъ ихъ обѣденнымъ сусломъ, потомъ они идутъ къ невестѣ, распѣвая дѣрской пѣсни и неся ведро пива отъ жениха. Этими пѣснями они подчуютъ собравшихся здѣсь гостей. Венерѣ за дѣвушками прѣзжаетъ весь полкъ жениха; тутъ невеста благодаритъ ихъ. При отъѣздѣ же нѣтъ дружка сажаетъ образа съ полка, обходитъ вокругъ цѣледа три раза и отправляется къ жениху. В тотъ же день или на другой, собираются всѣ въ домъ невесты. Дружка вводитъ князя въ избу, вводитъ его за столъ и самъ садится подлѣ жениха. Потомъ онъ говоритъ: суженного прійми а риненую подай. Это намекъ, чтобы выводили невесту, которая спрашиваетъ. Сваха выводитъ ее и сажаетъ рядомъ съ женихомъ; имъ подносятъ пиво и они здравствуютъ: е: пьютъ за здоровье другъ друга; за чѣмъ подаютъ вино гостямъ и начинается широкое, сопровождаемое пѣніемъ. Тутъ благодарятъ родственниковъ жениха. Когда всѣ сядутъ обѣдать и дружка, взявъ ложку, скажетъ бѣть, тогда коритъ дѣвушки: сватушка престога, съѣлъ нобеля борзоба. — Послѣ обѣда всѣ идутъ къ жениху, а дѣвушки провожаютъ ихъ пѣсню:

Улю-лю, собаки!

Улю-лю, борзая!

Улю-лю, косыя!

На канунъ свадьбы топится баня для невѣсты, ея родными или подругами, которыя приносятъ сюда мыло и брагу отъ жениха. За баню благодарить невѣста своего брата и свою невѣстущку :

Спасибо тебѣ, родной братецъ,
На дровахъ сухихъ перелетовыхъ,
А тебѣ родная невѣстущка,
На пару, на банькѣ,
На мягкомъ на вѣничкѣ.

Вскорѣ послѣ этаго подруги сажаютъ невѣсту на скамейкѣ и начинаютъ заплетать ей косу. Невѣста опускаетъ свою голову и причитаетъ :

Заплетите-ка,
Вы любимыя
Мои подруженьки,
Русу косу мелехонька,
По среди-та русой косы,
Заплетите шелковъ косникъ,
Алу ленточку ;
А по концѣ-то, русой косы,
Саблю острую ;
Чтобъ привязія свахоньки,
Руки перерезади. —

Любимая моя подруженька,
Куда мнѣ свою красотушку,
Дѣвать будетъ?
Мнѣ въ лѣса ее пустить?
Она заплутается.
Во луга пустить?
Загуляется.
Въ быстру рѣку пустить?

Занутается. —

Я пушу свою красотушку,
На любимую подруженьку,
Душу красну дѣвушку,
Олиньку душку.
Тутъ моя красотушка,
Укроится,
Нягушка утѣжится.
Есть у ней родимая матушка,
И родимой батюшка,
Есть братцы, ясны соколы,
Лебедушки — невѣстушки.

Любимыя мои подруженьки!
Прійдетъ къ вамъ,
Весна красная,
Лѣто теплое.
Пойдете вы гулять,
Во чисто поле,
Во зеленые луга:
Всѣ ваши цвѣточки стоятъ,
Алымъ алекомькинь.
А мой посохъ, приobleкъъ,
Къ землѣ присохъ.
Сорвите вы,
Мой цвѣтокъ печальный;
Привнесите его,
Къ родимой матушкѣ:
Чтобы она, цвѣточекъ мой,
Не клала ни въ сундукъ, ни въ коробочку;
Поставила бы его, —
На красное окошечко. —

По заплетеніи косы набираютъ для дѣвушекъ
обѣдъ. Здѣсь невѣста подчиняетъ ихъ тѣмъ пивомъ

или той брагою, которая приносится отъ жениха, и
изливаетъ предъ ними горестныя свои чувствованія :

Спасибо вамъ,
Любимыя мои подруженьки :
За труды ваши,
За вашу мнѣ службу;
Болѣе того,
За вашу дружбу.
Подруженьки мои, красавицы!
Труды ваши были великіе :
Приубрали вы меня,
Приухатыли (*)
Цвѣтна платьица,
Мнѣ нашили ;
Буйну головушку,
Мнѣ причесали.
Во путь, во дороженьку,
Меня сѣрядили.
Во путь, во дороженьку,
На чужу сторону.
Какъ во темной лѣсъ,
Во чужу семью :
Незнамую, незнакомую.

Послѣ обѣда собираются къ невѣстѣ ея родные, ко-
торые, приходя къ ней, здравствуются и кладутъ
деньги, сколько кто можетъ, въ *лакомку*, (карманъ)
привѣщенную съ ея боку. Когда всѣ усалятся, тогда
подруги, окруживъ стоящую невѣсту посреди избы,
или подлѣ стола, поютъ :

(*) Приухатать, приубрать.

Шла Душана по росѣ,
 Плакала жадно по вѣсѣ,
 Ахъ свѣтъ ты моя косышка!
 Русая коса!
 Вечеръ тебя косышка;
 Дѣвушки плели,
 По утру ранехонько,
 Матушка плела,
 Золотомъ серебромъ увививала,
 Мелкимъ жемчугомъ унизивала.
 Богъ судья Александру!
 Прислалъ ко мнѣ свадницку,
 Немилостивую! —

Безъ вѣтра, безъ вихоря,
 Вереюшка пошатнулася;
 Воротушки отворилися
 И бояре на дворъ въѣхали,
 Молодые на крыльцо вошли.
 Женихъ Богу молится,
 Всѣмъ онъ низко клонится.
 Закидались, забросались,
 Дѣвицы красавицы. —
 Свѣтъ невестушка,
 За дѣвушекъ хоронилась.
 Схороните меня подруженьки,
 Прибыль погубитель мой!
 Разлучить мою головушку,
 Съ отцемъ съ матерью,
 Съ роднымъ племенемъ.

Когда разѣдутся гости, тогда невеста причитаетъ
 своимъ родителямъ :

Кормилецъ мой батюшка!
 Кинулся ты, мой батюшка,
 На золото, на серебро. —
 Кормилица моя матушка,
 Кинулась ты, моя матушка,
 На изветно платье,
 Запоручили меня горькую
 Зеленехоньку.
 Ахъ кормилецъ ты, мой батюшка!
 Ахъ кормилица ты, моя матушка!
 Не принимайте вы вишней чарочки. —
 Не посылъ вамъ, вишня чарочка;
 Не посылъ, не перемънушка.
 Своего посла вы избываете,
 Своего посла вольного,
 Слугу зыряного,
 Безоответнаго. —

Въ другихъ мѣстахъ, именно въ волгскомъ уѣздѣ, ^{Сборъ} ^{вечерин-}
 бываетъ вечеринка на камунѣ свадьбы въ домъ невесты, и эта вечеринка замѣняетъ общепотребительный ^{всѣмъ} ^{сборъ}
 повсюду дѣвишникъ, который называется здѣсь: ^{сборъ}
 вечеринки. — Отецъ невесты посылаетъ своего сына или
 родственника, звать всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ,
 на сборную вечеринку. Онъ, придя въ домъ, при-
 вѣтствуетъ: миръ хозяину и дому сему. Батюшка
 кланяется вамъ и приказалъ просить васъ на пиръ,
 на вечеринку. — Хозяинъ отвѣчаетъ: спасибо, что не
 забыли насъ. Хорошо, мы придемъ. — Каждый при-
 глашенный приноситъ съ собою коровай, кусокъ сви-
 ны, курицу или утку. Отецъ жениха даѣтъ же соби-
 раетъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, и когда всѣ соберутся,
 тогда онъ беретъ щюфъ вина и подмощъ стаканъ
 водки тому, кого выбираетъ въ дружки и пол-
 дружье. Женихъ падаетъ каждому въ пикъ въ ноги,

и дарить избранныхъ ~~бѣ~~ платками. По набраніи свадебныхъ чиновъ, всѣ они отправляются въ домъ невесты, гдѣ не начинаютъ пиръ до прибытія гостей. Отецъ невесты встрѣчаетъ своихъ сватовъ, зятя и весь его побѣдъ, и привѣтствуетъ каждого изъ нихъ: милости прошу сватушка, извольте проходить и садиться. Женихъ садится впереди, сваха подлѣ него съ одной стороны, а крестный отецъ съ другой.—Дѣвушки сидятъ съ невестой въ особой комнатѣ, гдѣ сваха невесты приготовляетъ дары для жениха, назначенные уже невестою. Когда положить даръ на деревянное блюдо, тогда выходитъ невеста изъ комнаты, въ сопровожденіи свахи и своихъ подругъ. Она кланяется гостямъ на три стороны, подходитъ къ столу и останавливается напротивъ жениха. Одинъ изъ ея родныхъ наливаетъ рюмку водки и подаетъ невестѣ; она подноситъ жениху, который беретъ, но не пьетъ: подержавъ не много въ рукахъ, онъ отдаетъ ей обратно. Въ то время сваха подноситъ ему даръ: онъ принимаетъ, утирается имъ и цѣлуетъ невесту три раза; потомъ отдариваетъ деньгами а дѣвушки поютъ ему :

Хорошаго Александрюшку,
 Матушка породила.
 Межъ обдани въ заутрени,
 Малиною парила,
 Сытою оканчивала,
 Сама сыну банла :
 Да ты дитятко,
 Да ты мое милое!
 Какъ будешь на возрастяхъ,
 Задумаешь жениться,
 Ты пойдешь вдоль улицы,
 Вдоль улицы Саратова,
 По Сергіевской широкой;

Ты взойдешь на тещесть дворъ.
 Не пускай коня на двору,
 Привяжи коня къ столбику,
 Къ колеченку серебрану.
 Приставай къ коню конюха,
 Какъ большаго-то шурна.
 Ты войдешь въ новы станички,
 Не кладя плетъ на лавочку
 Подоткни плетъ подъ стропотку. (*)
 Ты войдешь въ нову горнишку,
 Ты не долго Богу молися,
 Ты не низко тещю кланяйся :
 Ты пониже своей тещеньки.
 Да ты теща моя, тещенька!
 Поназванная матушка!
 Ты бери съ жени ряжени,
 Ты отдай мою ряжену.

Послѣ этой пѣсни подходятъ женихъ цѣловать свою невесту; подружки прячутъ ее за собою и спрашиваютъ у жениха: кого вамъ надобно Александръ Яковлевичъ? Миѣ надобно Авдотью Степановну, мою невесту. — Дѣвушки говорятъ ему: здѣсь нѣтъ ея. — Если женихъ не смѣлый, то онъ идетъ назадъ; если смѣлый, то онъ отвѣчаетъ: нѣтъ, отыщу! — Идетъ впередъ, расталкиваетъ дѣвушекъ, ловитъ невесту и схвативъ ее, беретъ за уши и цѣлуетъ три раза, а послѣ цѣлуетъ всѣхъ дѣвушекъ и даритъ ихъ за пѣснь. Это онъ дѣлаетъ всякій разъ, не только когда поютъ ему, но и его невестѣ. — За тѣмъ обращаются дѣвушки къ невестѣ и поютъ ей :

(*) Строчка или матица, все равно; это брусъ, на коемъ лежатъ потолки.

Вы, вѣсны рѣзунки,
 Сахарныя пруты березки,
 По сахару вытекли!
 На тѣхъ крутыхъ бережкахъ,
 Стояли два бѣлыхъ шатрака.
 Стояли два золотныя.
 Во первомъ—то во шатришъ,
 Душа красна двинца,
 Авдотія Степановна. —
 Позволила душа Дуниша
 Изъ шатра во шатерь пройти,
 Въ золоты гуселюшки играть.
 Пронграла-та Дуниша,
 Со головоюшкы ленточку,
 Изъ русой косы кисточку;
 Пронграла еще Дуниша,
 Красоту ли свою двинью,
 Своему другу милому
 Александру Яковлевичу.
 Какъ расплакалась душа,
 Красна двинца,
 Передъ удалымъ добрымъ молодцемъ.
 Ты отдай—ка, мой милый другъ!
 Отдай мое все проигранное!
 Мнѣ не дорога, душа двинца,
 Твоя ленточка,
 Изъ русой косы кисточка;
 Да мнѣ дорога, добру молодцу,
 Красота твоя двинья.

По пропѣтіи этой пѣсни, сваха идетъ въ комнату невѣ-
 сты, складываетъ подарки на бѣло, а невѣста ожи-
 даетъ ее съ дарами. Когда она принесетъ, тогда одинъ
 изъ родственниковъ невѣсты наливаетъ рюмку водки
 и подаетъ невѣстѣ. — Она подноситъ своему свекру,
 а сваха говоритъ ему: сватушка! прійми рюмочку и

прійми дарикъ, а блюдечко осеребри, не рублемъ не полтиной, одной золотой гривной.—Свѣтъ выпиваетъ вино, беретъ подарокъ, которымъ утирается, цѣлуетъ невѣсту три раза и отдариваетъ ее деньгами; за пропѣтую же пѣснь онъ равномерно даритъ дѣвушкамъ деньгами, которыя относятъ парни, и они цѣлуютъ тогда всѣхъ дѣвушекъ. Точно такъ же дѣлаютъ мужья и жены, передавая дѣвушкамъ деньги черезъ парней. Этимъ порядкомъ обдариваетъ невѣста всю родню жениха, а дѣвушки, при подносѣ дара, поютъ пѣснь каждому обдариваемому. —

Отцу жениху.

Какъ сватушка хорошо знаетъ,
Яковлевичъ пригласи сѣсть.
Онъ ходилъ по двору широкому,
Приглазывалъ слугамъ своихъ работникамъ:
Запрягайте-ка слуги мои, работники!
Да мнѣ нару вороныхъ коней.
Поведу я подрай города на свои заведенныи,
На заводы на фабрики.
Посмотрѣть на фабричныхъ,
Поглядѣть на работу ихъ.
Встрѣчаютъ же сватушку,
Всѣ молоды прикащички;
Подаютъ же сватушкѣ,
Всѣ щеты ему, всѣ реэстречки. —

Матери жениха.

Ужъ сватонька щебетуха,
Васильевна щеголюха!
Она носить платья новыи,
Она всему городу примѣтна:
Во Божью церковь ишкодь не ходить,

На каласочкахъ развѣснѣсть.
 Подъ ней конь-та вороны,
 Кучера все удалые, молодые.
 Слуги у ней дорогіе,
 Служаночки красны дѣвушки. —

Дружка.

Дружка мужикъ богатый,
 Федоровичъ тароватый.
 Онъ съ гривны на гривну ступаетъ,
 Рублемъ ворота часты запираетъ,
 Полтинною стѣны двери замыкаетъ, —
 Онъ по улицѣ гуляетъ.
 Слышешь ли Иванъ?
 Тебѣ пѣсню поемъ.
 Федоровичъ! тебя величаемъ.
 Не одного, съ молодею твоею хованюшкой,
 Прасковей Ивановой. —

Тысяцкому.

У тысяцкаго у свѣта, бородка хороша,
 По бородкѣ его Царь любить,
 Во большія мѣста его сажаетъ,
 Воеводой называетъ.
 Воевода ль ты, воеводушка!
 Повѣжай-ка ты во чисты поля,
 Въ чисты поля, въ лагери.
 Осмотри силу войсковую,
 Донеси мнѣ о ея здоровьѣ,
 Расскажи мнѣ обо всѣхъ начальникахъ,
 Слышешь ли, тысяцкой?
 Тебѣ пѣсню поемъ.
 Петровичъ! тебя величаемъ.
 Съ товаркою со душою

Съ Марьюшкой со душой,
Съ молодой твоей женой,
Акимовной госпожой. —

Воеводѣ и боярыню.

На морѣ на моречкѣ,
При тихомъ заводѣ,
Стоитъ дерево кипарисовое. —
На томъ деревѣ кипарисовомъ,
Сидятъ пташечки заморскія,
Поютъ пѣсенки ростовскія,
Да кому у насъ быть бояриномъ?
Кому слѣтъ воеводою?
Быть, слѣтъ бояриномъ,
Иванушкѣ;
Воеводой слѣтъ Даниличу.
Ты слышишь ли, Иванушка?
Въ чины тебя назначили,
Въ чины великіе, въ князьевы бояры.
Ты слышишь ли еще Иванушка?
Тебѣ пѣсню поемъ. —

Женатымъ.

Плавала чарочка во сладкіимъ меду,
Плавала серебряна во сыщенѣмъ.
Кому чару эту принимать?
Кому будетъ подносить?
Принимать чару Ивану,
Подносить чару Палагеюшкѣ душѣ,
Васильевнѣ госпожѣ.
Ты выпей душа Палагеюшка! —
Правда, правда сударь,
Пить не хочется. —
Видитъ Богъ!
Мнѣ не хочется.

Какъ я молода;
 Всю ночь не спала. —
 Добру коню коверъ вышила.
 Какъ добру-то коню,
 На всю красету. —
 И встѣмъ боярамъ,
 На дивованьце.
 Да этотъ доброй конь,
 Моего милаго дружка свѣтъ,
 А вашего господина.
 Какъ на этомъ онъ конь,
 Во бесѣду отъезжаетъ. —
 На веселье, на катаньше,
 На прокладное гулянье. (*)

Какъ по свѣмъ по свѣчкамъ,
 По частымъ перерубочкамъ, (**)
 Тутъ гуляла, погуливала,
 Молодая боярыня.
 Будила она, побуживала,
 Молодаго боярина.
 Ты встань, пробудись,
 Милой другъ!
 Пробудись душа, боярской сынъ.
 Отвѣзаясь твоей доброй конь,
 Отъ столба, столба дубоваго,
 Отъ колечушка серебрянаго.
 Онъ ушелъ во чисто поле,
 Изъ чиста поля во зеленые луга;

(*) Прокладное гулянье, — разгульное веселье, когда шируютъ отъ всей души, отложивъ все свои работы.

(**) Перерубочки, — приступки или отлучки на крыльцо. —

Изъ луговъ зеленыхъ,
 Во зеленой садъ. —
 Поламалъ сады зеленые,
 Садъ зеленой со аншошью.
 Не тужи, моя хозяйшика!
 Наживесть сады зеленые,
 И калину со малиною.

Какъ у чарочки у серебряной,
 Золотой у ней виночаекъ.
 Какъ у Ванюшкин у Васильевича,
 Дорогой у него обычаи:
 Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ,
 Почевать домой приходить.
 Воротишки отворять,
 Широкиа отворять.
 Онъ Катеньку вызывастъ:
 Да ты Катенька, встрѣчай!
 Не случай тебя встрѣчать,
 Сына милого качаю,
 Чернышны себя наю. —
 Смоху молодую,
 Гостью дорогую. —
 Дочку милую качаю,
 Перевутьеца желаю,
 Зятя молодого,
 Гостя дорогаго.

Чрезъ сны, сны новыи,
 Летали гуси сарыи.
 На лету гуси воагаринули:
 Кому у насъ быть воеводою?
 Кому слыть воеводшею?

Воеводою быть Герасину,
 Воеводишею слыть Матрешушкѣ. —
 Слышешъ ли, Герасимушка?
 Тебѣ вѣдомо вѣсть, Николасевичъ,
 Тебѣ вѣстася. —
 Не одного, — со Матрешушкой
 Съ душой Антоновной, госпожей. —

Во матушкѣ, во каменной Москвѣ,
 Стоять деревни, золоты кресты.
 На нихъ крыши всѣ крашенныя.
 Чѣмъ это мысли замысли?
 Мысли это замысли,
 Андриевы утѣшаютъ,
 Свою молодую жену,
 Степаниду Елизаровну:
 Не тужи моя хозяйюшка!
 Не горюй, свѣтъ Елизаровна!
 Мы выстроимъ себѣ палаты,
 Бѣлыя каменныя;
 Мы будемъ жить во забавномъ житѣ,
 Во матушкѣ, во каменной Москвѣ. —

Изукрашены всѣ круты горы,
 Зелеными кустами,
 Травами шелковыми,
 Цвѣтами лазоревыми.
 Изукрашенъ свѣтъ Гаврилушка господишъ,
 Принаряженъ свѣтъ Филинъевичъ.
 Нарядила его молодая хозяйюшка,
 Акулина Герасимовна:
 Во рубашечку кисейную,

Во порточки синія ладжиныя (*)
 Чапанъ на немъ межигороцкой, (**)
 Кушачекъ красенькой суконной.
 Онъ сидитъ во шире бестдушкѣ,
 Во честной большой компаньцѣ.
 Похвалается своей молодой женой :
 Хороша моя хозяйюшка,
 Личикомъ былинъка
 Бровями черненька.
 Слышишь ли, Гаврилушка ?
 Чуешь ли Филищевичъ ?
 Тебѣ пѣсню поемъ
 Не одному поемъ, со твоей хозяйюшкой,
 Со душой Кулинушкой
 Съ госпожей Герасимовной.
 Вивствъ васъ величаемъ,
 Подарочка отъ васъ ожидаемъ. —

Жениху.

Ты Александрюшка догадайся,
 Яковлевичъ не улыбайся,
 За занавѣсочку къ намъ передайся,
 Съ нами дѣвушками повидайся.
 Намъ дѣвушекъ не множию,
 Сорокъ дѣвицъ со дѣвицею,
 Пятьдесятъ молодицъ съ молодницею. —
 Сужена твоя дожидается тебя,
 Съ тобой хотеть повидаться,
 А мы дѣвицы на тебя посмотримъ,
 Съ суженой твоей тебя выхваляемъ.

(*) Ладжинна,—самодѣльная полосатая холстина : въ ней одна полдса синія а другая бѣлая.

(**) Чапанъ, ариакъ, межигороцкой,—нижегородской, и для него употребляется преимущественно сукно сарое. —

Слышитъ ли Александрюшка?
 Тебя пьеску поетъ,
 Яковленичъ! тебя величаютъ,
 Во скоромъ времени
 Тебя ожидаютъ ;
 Дорожнѣ тебѣ прочищаемъ,
 Съ честью, лестно тебя принимаемъ.

Невѣсты.

На сняемъ морсчизъ,
 На томъ тихомъ заводѣ,
 Тутъ плавали свры утушки,
 Огъ плавали, сами разговаривали,
 Да все они дивовалися. —
 Не дивуйтесь утушки!
 Не дивуйтесь свры!
 Отстаю я утушка,
 Отъ сняя моря ;
 Отстаю я сврая,
 Отъ свѣжей воды.
 Пристаю я ко болотищу,
 Ко болотищу ко мутной водѣ.
 Не дивуйтесь дѣвушки!
 Не дивуйтесь красныя!
 Отстаю я отъ отца, отъ матери,
 Пристаю я ко чужимъ людямъ,
 Ко чужимъ людямъ, не знамымъ,
 Не знамымъ, не знакомымъ.

По обдариваніи всѣхъ, подается обѣдъ, который бываетъ до 10 блюдомъ ; за столомъ угощаютъ безпрестано пивомъ и водкою. Мать невѣсты, подчивая гостей, говоритъ почти каждому изъ нихъ : кушайте, сватушка и свахонька ; покушайте родимые, понабейтесь, чѣмъ Богъ послалъ. Они отвѣчаютъ : спаси-

бо свахонька, довольны; хлѣба-соли въ волю. — Уго-
 шевіе нерѣдко продолжается за полночь, потомъ рас-
 ходятся по домамъ, благодаря родителей невѣсты. —
 Отецъ жениха и его сваха, уговариваются съ родите-
 лями невѣсты: въ какое время пріѣзжать поѣзду же-
 ниха за невѣстой? потомъ идутъ они домой съ свои-
 ми родственниками, и по приходѣ садятся за столъ.
 Дружка подносятъ имъ по чаркѣ водки. Отецъ жени-
 ха наказываетъ поѣзду собираться завтра въ его домъ,
 какъ можно пораньше, и послѣ расходятся.

По утру сходятся подружки къ невѣстѣ, чтобы одѣть Образъ
отъ на-
чатія по-
ѣзда, до
встрѣчи
и оло-
дѣтъ отъ
рѣзца.
 ее къ вѣнцу. Тутъ она прощается съ своими родны-
 ми:

Любезный ты мой батюшка!
 Спалось ли тебѣ, родной мой?
 Не спалось мнѣ во всю темну ночь,
 Во всю потеньку я думу думала.
 Не темно стало на дворѣ уже,
 Заря занимается —
 Мои недруги, разлучники,
 Собираются.
 Разлучаютъ меня съ отцемъ съ матерью
 Съ моимъ роднымъ племенемъ.

Родимой ты мой братецъ!
 Ты поди-ка въ темный лѣсъ,
 Ты сруби, сруби березоньку,
 Загради ты путь дороженьку,
 Чтобы моимъ недругамъ
 Нельзя было ни пройти, ни проехать.

Ты поди-ка, моя подруженька!
 Не прогивайся, моя любезная,
 Что тебя я не встрѣтила,

Посреди пути, дороженьки,
 Посреди двора широкова,
 Сопротивъ крыльца высокаго.
 Не по снѣси, не по гордости, —
 За своимъ горемъ великимъ.
 Вы не будете ко мнѣ ходить,
 Звать на улицу широкую.
 Заростетъ ваша дороженька,
 Травой муравною;
 Западутъ ваши слѣдочки,
 Былымъ утрепнимъ снѣжкомъ.

Потомъ она спрашиваетъ совѣта у опытной женщины :

Ты поди-ка моя милая,
 Я прошу тебя надѣючи,
 Ты скажи меня жалѣючи :
 Каково жить во чужихъ людяхъ .

Она отвѣчаетъ ;

Надо жить во чужихъ людяхъ,
 Ужбяючи,
 Разумѣючи. —
 Чужи люди,
 Равно темный лѣсъ,
 Словно туча грозная.
 Безъ мороза сердце вызябнетъ.
 Во чужихъ людяхъ будь :
 И покорна,
 И неловна (ласковая).

Послѣ этого нехѣста, не обращаясь ни къ кому, изливаетъ свои горестныя чувствованія :

Свѣтъ ты, моя волюшка!
 Свѣтъ ты, моя пугушка!
 У родимой у матушки,
 Куда-то мою волюшку,
 Мнѣ пустить будетъ?
 Пущу я мою волюшку,
 Во чисто поле;
 Пущу я мою волюшку,
 Во темный лѣсъ.
 Во темномъ лѣсу она заплутается.
 Нѣтъ, пущу я мою волюшку,
 По милымъ подруженькамъ.
 Покрасуйтея подруженьки,
 Покрасуйтея любезныя,
 Поколь вы у батюшки,
 Поколь вы у матушки,
 А я горькая горемычная,
 Я уже отирасовалася;
 Отшутила я съ вами,
 Всѣ шутки шутивыя. —

Сваха расчесываетъ и заплетаетъ косу. Невѣста плачетъ а подруги поютъ :

Свѣтъ ты, моя русая коса!
 Свѣтъ ты, мой шелковой косникъ!
 Плети, моя свашушка,
 Плети косу мѣлко на мѣлко,
 Вяжи узлы крѣпко на крѣпко. —

По заплетеніи косы, одѣваютъ невѣсту въ сарафанъ или кумашникъ, обложенный мишурными кружевами; голову покрываютъ платкомъ, который иногда называется фатою, и потомъ сажаютъ ее за столъ. —

Женихъ одѣвается въ красную или пеструю сорочку, шею повязываетъ бумажнымъ платкомъ, концы его выпускаетъ по груди; надѣваетъ порты пестрые, кафтанъ

синій или голубой. Потомъ дружка велеть князя подѣ благословеніе ; молодой кладетъ три земныхъ поклона св. иконамъ, которыя держитъ его отецъ ; послѣ благословляетъ его отецъ, сынъ цѣлуетъ образъ ; за тѣмъ онъ подходитъ подѣ благословеніе матери и посаженныхъ родителей. Послѣ благословенія надѣвають на него шапку, и нахлобучивъ ее на глаза, сажаютъ за столъ ; подлѣ него садятся всѣ поѣзжанные, пьютъ вино и закусываютъ. Черезъ нѣсколько времени встаютъ, молятся Богу и опять садятся ; наконецъ вставъ, выходятъ изъ избы. При выходѣ изъ избы, каждый долженъ переступить чрезъ порогъ правой ногою и креститься. На дворѣ дружка указываетъ каждому свою лошадь, и каждый садится на нее ; потомъ онъ провозноситъ громко : *слушай весь честный поѣздъ ! скидайте шапки*. Всѣ снимаютъ, читаютъ молитву и крестятся, потому что въ то время дружка ходитъ вокругъ поѣзда съ образомъ. Обошедши вокругъ три раза, онъ останавливается и говоритъ :

Міръ крещенный !
 Народъ священный !
 Благословите нашего князя,
 Ко кресту и ко вѣнцу.

Богъ васъ благословитъ и мы благословляемъ, отѣчаютъ поѣзжанные ; за тѣмъ обращается дружка къ стоящему народу :

И вы тетѣи — лебедки,
 Молодые молодки,
 Куньи шубки,
 Собольи опушки,
 Золотыя сережки,
 Сафьяны сапожки,
 И вы благословите нашего князя !

Богъ благословить васъ и мы благославляемъ, отвѣчаютъ онѣ. Тогда дружка отдаетъ образъ посаженному отцу и отправляется совѣтши къ невѣстѣ.

Побѣздъ, прибывъ къ дому, находитъ ворота запертыми. Дружка, разсерженный этимъ, слѣзаетъ съ лошади, стучится въ ворота и кричитъ : отопрѣ ! — Стоящій за воротами отвѣчаетъ : не отопрѣ ! Купи мѣсто. — Дружко спрашиваетъ : что оно стоитъ ? — Заворотный говоритъ : чарку вина и золотую гривну. — Дружко наливаетъ стаканъ вина и подаетъ ему съ деньгами, черезъ подворотню. — Тотъ беретъ деньги, выпиваетъ и отпираетъ ворота ; побѣзданные въѣзжаютъ на дворъ. При въѣздѣ ихъ, поютъ подружки невѣсты :

Не поля вода на широкой дворъ
Къ моему батюшкѣ Валевала,
Валевали мои недруги.
Хотятъ они разлучить меня,
Съ отцемъ съ матерью,
Съ роднымъ племенемъ.
Встрѣчай ты, мой батюшка,
Своихъ друзей, моихъ недруговъ,
Недруговъ разлучниковъ.
Разлучать они меня,
Съ отцемъ съ матерью,
Съ роднымъ племенемъ.

Дружко входитъ въ избу съ стаканомъ вина, подноситъ его родителямъ невѣсты и проситъ позволенія ввести жениха, который стоитъ за дверми. Дружко увидѣвъ, что братъ сидитъ подлѣ княгини, бьетъ сердито по столу плетью и кричитъ на него : а ты за чѣмъ сѣдъ не на свое мѣсто ? Вонъ итъ за стола! — Не пойду ! отвѣчаетъ братъ, я продаю сестру ; купи

ее.—А что тебѣ надобно?—Стаканъ вина и золотую гривну.—Иной говоритъ : стопу денегъ и рѣшето вина.—Дружко подносить ему вино и деньги. Онъ выпиваетъ, беретъ деньги и выходитъ изъ за стола. Тогда вводитъ дружко князя и сажаетъ его рядомъ съ княгинею. Въ иныхъ мѣстахъ братъ, продающій сестру, сидитъ подлѣ нея съ ламтемъ и качадыкомъ (лапотнымъ шиломъ), или съ табашнымъ горшкомъ и рошкомъ. Дружко покупаетъ у него мѣсто, и лишь женихъ подойдетъ къ невѣстѣ, дѣвушки поютъ :

Щука рыба, ты мечися,
Ты жива въ руки не давайся,
Вонъ идетъ цыловати :
Черезъ три стола дубовые,
Черезъ три скамьи кленовыя,
Черезъ скатерти шиты, браныя,
Черезъ лѣстнице сахарное,
Черезъ пойлице медовое.

Темно, темно на дворѣ,
Темнѣе того въ теремѣ.
Бояре ворота облегли,
Торгуютъ, торгуютъ Дуняшу.
Торгуйся, торгуйся братецъ,
Не отдавай мня дешево.
Проси за меня сто рублей,
За мою косыньку тысячу,
За мою красоту смѣты нѣтъ.
Подите бояры !
Подите бояры !
Давно мы васъ ждали. —

По продажѣ невѣсты, братъ и молодой братуются между собою: они становятся рядомъ и цѣлуются. —

Родители благословляютъ сначала молодую, потомъ молодаго. За тѣмъ князь, по приказанію отца княгини, беретъ ее за руку и садится съ нею за столъ; за ними садятся всѣ. Гостей подчиваютъ виномъ и закуской. Молодые ничего не пьютъ и не ѣдятъ. Предъ ними лежатъ свернутыя на столъ скатерти и ложки, послѣднія положены на оборотъ и въ противоположенную сторону.

Прилетѣли вольныя пташечки,
Изъ за моря, моря синяго;
Перепархиваютъ пташечки,
По чисту полю, по кустикамъ:
Всѣ любятъся по парочкѣ.
Только доброй молодецъ, Александрюшка,
Во свѣтъ бѣломъ сиротинушка,
Онъ тоскуетъ, какъ горькая кукушка,
Горючими слезами заливается,
Безпріютная головушка!
Никто къ дѣтинушкѣ бѣдному,
Никто въ свѣтъ не пришатнется;
Словомъ ласковымъ привѣтливымъ,
Никто сиротинушку не радуетъ.
Онъ пойдетъ ли во чисто поле,
Чтобы размыкать тамъ кручинушку,
Свое горе и тоску—печаль,—
Тоска, горе безотвѣтныя!
Онъ пойдетъ ли во темныя лѣса, —
Не брѣжить его кручинушка,
Изянываетъ его сердечушко,
Отъ печали въ добромъ молодцѣ.
Вянетъ, сохнетъ въ одиночествѣ,

Будто травка среди поля дикаго.
 Не милъ молодцу и Божій сѣть !
 Одна Дуняша сжалилась
 Надъ бѣднѣжкой, сиротинушкой ;
 Приласкала, приголубила,
 Безпріютную головушку.
 Полюбила красна дѣвушка,
 Александрюшку дѣвинушку ;
 Придѣла фатой шелковой,
 Назвала его дружкой милынькимъ,—
 И прошла его печаль кручинушна.

Не было вѣтра, да повѣяло,
 Не было гостей, да навѣхало :
 Полонъ дворъ золотыхъ каретъ,
 И бояръ и князей.

Выпугали, выпугали
 Соловья изъ саду зеленаго.
 Расплакались дѣвнцы,
 Разстужились красныя
 О своемъ соловушкѣ,
 О красѣ дѣвнчьеѣ.
 Не плачь, не тужи !
 Солью тебѣ золоту чару.
 И поймаю соловья во саду.

Черна ягодка смородица,
 Прилегала къ круту берегу :
 Прилегали кудри русыя,
 Къ лицу блѣмому, румяному.
 Русы кудри по плечамъ лежатъ,
 По плечамъ Александра Яковлевича ;
 Брови черны что у соболя,
 Очи ясны что у сокола,

Слышешь ли, Александръ Яковлевичъ?
 Мы тебѣ пѣсню поемъ,
 По имени называемъ
 По отечеству величаемъ. —
 Станешь дарить, —
 Станемъ хвалить;
 Не станешь дарить,
 Станемъ корить. —

Женихъ обдариваетъ дѣвушекъ, а онѣ обращаются
 съ пѣніемъ къ свахѣ:

Ты хорошая боярыня,
 Хорошо наряженная,
 Въ большое мѣсто посаженная,
 Марья Васильевна! —
 Слышешь ли? мы тебѣ пѣсню поемъ
 По имени называемъ,
 По отечеству величаемъ.
 Станешь дарить,
 Станемъ хвалить;
 Не станешь дарить,
 Станемъ корить. —

Потомъ онѣ поютъ поѣзжанымъ, называя каждого
 изъ нихъ по имени:

Ахъ ты умная головушка,
 Ты окладистая бородушка!
 Ты охотникъ по пирамъ ходить,
 Пѣсни слушати;
 Ты охочъ дѣвицъ дарить,
 Не рублемъ дарить, не полтиною,
 Не полтиной, золотой гривною,
 Слышешь ли? и т. д.

Пропѣвъ молодымъ и свадебнымъ чинамъ, онѣ обращаются къ невѣстѣ и поютъ въ честь ея :

Ты камка, камочка моя!
 Ты камка мѣлкотравчатая,
 Мѣлкотравчатая, узорчатая!
 Не давайся никому развѣртываться,
 Ни князю, ни боярину,
 Ни сыну гостинному.
 Онъ волю надъ тобою взялъ
 Шелковую фату приподнялъ,
 Онъ свою невѣсту выглядывъ,
 Выглядывъ, повысмотрывъ

Послѣ этого дружка провозноситъ : пора!—Молодые молятся Богу и подходятъ подъ благословеніе; дружка приговариваетъ :

Благослови батюшка, матушка,
 Къ Божьей церкви вѣсти;
 Подъ золотымъ вѣнкомъ стояти,
 Законъ Божій принять.

Невѣста, выходя изъ за стола, дергаетъ за уголокъ скатерти, для того, чтобы подружки ея вышли скорѣе за мужъ. —

Послѣ благословенія перевозятъ въ домъ жениха постель невѣсты и ея приданое, уложенное въ сундуки. Ключъ отъ сундука остается въ рукахъ свахи, и вручается уже молодой послѣ вѣнчанія. — Всѣ выходяшіе изъ избы, переступаютъ черезъ порогъ правою ногой. — Молодыхъ выводятъ посаженные родители. Дружка обходитъ поѣздомъ съ образомъ три раза; покрытая фатой невѣста, садится въ телѣгу или кибитку, въ коей часто находится ее приданое, а подар-

ки привѣшиваются къ верху кибитки ; молодая плачетъ. облокотясь. Съ нею сидятъ двѣ ближайшія ея родственницы, называемыя *урсальни* (*): онѣ оберегаютъ ее отъ чаръ, а дружка стоитъ позади кибитки, съ длиннымъ торомъ (**), которымъ онъ пересѣкаетъ колдовство. Когда все готово, тогда молодая, ставъ по срединѣ кибитки, кланяется на всѣ стороны, приговаривая: прости мое широкое подворище ! — Молодой, посаженный отецъ, тысяцкій и весь поѣздъ ѣдутъ верхами. Если свадьба происходитъ зимою, то молодые садятся въ сани ; отѣхавъ не много отъ дома, поѣзжанные останавливаются и смотрятъ : не скрылась ли княгиня ? а дружка и полдружье ѣдутъ въ домъ молодой, чтобы выкупить ея постель. Здѣсь даритъ дружка деньгами, оставшихся дѣвушекъ. Послѣ выкупа постели, ѣдутъ безостановочно до церкви. На пути угощаютъ встрѣчныхъ виномъ, чтобы никто не взглянулъ или не перешелъ дороги, вѣря, что это можетъ разладить супружество. У церковнаго подъѣзда высаживаетъ молодыхъ дружка; посаженные родители ведутъ ихъ, а полдружье отправляется за священникомъ : съ ведромъ вина, пирогомъ, мукою и крупами. Тѣмъ самымъ надѣляютъ церковный причетъ. При вѣнчаніи молодая старается стать на подосланный подъ ноги коверъ, прежде молодого, чтобы управлять мужемъ. Замѣчаютъ здѣсь, что если у кого изъ молодыхъ сгоритъ скорѣе свѣча, тому умереть прежде. При поѣздѣ въ церковь и при отѣздѣ изъ церкви, обязываютъ перекрестокъ, молясь и крестясь, чтобы избавиться отъ *лихаго человека*, который будтобы прячется здѣсь. По отъ-

(*) Слово мордовское, означающее близкихъ родственниковъ ; этотъ обрядъ въ употребленіи по хвалынскому уезду.

(**) Торъ, слово мордовское, значитъ ножъ

ѣздѣ въ церковь, дружка приглашаетъ на *зарный столъ*, или какъ говорятъ другіе, *съ зарни* (*). Священникъ, по исполненіи брачнаго обряда, заставляетъ молодыхъ поцѣловаться три раза.—Въ церковной трапезѣ перемѣняютъ головной уборъ новобрачной: надѣваютъ пелойникъ или кокошникъ и повязываютъ фатой, по женскому обычаю. —

Женихъ, посадивъ невѣсту въ телѣгу, отправляется съ поѣздомъ, прежнимъ порядкомъ, въ свой домъ. На пути дружка и полдружка кланяются всякому встрѣчному и просятъ на пиръ княжій, говоря: милости просимъ на сыръ, на коровай. —

Обрядъ отъ поѣзда до встрѣчи молодыхъ, совершается еще такъ. — До собранія еще поѣзда, женихъ бываетъ уже совершенно приготовленъ. Онъ одѣвается въ красную рубашку, синее spodнее платье, синій чапанъ или калатъ (въ родѣ армяка), подпоясывается кушакомъ краснымъ или шерстянымъ, или бумажнымъ; голову покрываетъ поярковой шляпою, если это лѣтомъ, или шапкой, если это зимой. Верхъ шапки павсовый, а околышъ черный курній (*). Когда всѣ съѣдутся, тогда дружка вводитъ жениха въ избу для благословенія. Отецъ беретъ образъ и коровай хлѣба. Женихъ дѣлаетъ два покло-

(*) На *зарный столъ*, *съ зарни*, значитъ на обданный пиръ жениха, тоже самое, что *внѣженецкій столъ*, и нѣтъ сомнѣнія, что это испорченное малороссійское слово *зарный*, — хорошій, прекрасный. Нѣкоторые уѣзды саратовской губерніи заселены переселенцами Малороссіянцами, и Русскіе, живущіе между ними, переняли отъ нихъ многіе обычаи, и даже говорятъ со смѣсью малороссійскаго нарѣчія.

(*) Черный *курній*, изъ черныхъ курчавыхъ барашковъ; — *курній*, — курчавый.

на предѣ образомъ, а за третьимъ падаетъ въ ноги отцу. Потомъ прикладывается къ образу и хлѣбу; послѣ уже цѣлуетъ отца. Такимъ образомъ благословляетъ его мать, за нею посаженные его родители. Послѣ благословенія сажаютъ жениха за столъ; подлѣ него садится сваха его, разговорчивая. Между тѣмъ дружка и полдружье, отправляются въ повозкѣ въ невѣстѣ, съ повѣсткой (съ извѣщеніемъ), что женихъ готовъ; повозкою править полдружье. Въѣхавши во дворъ, дружка входитъ впередъ въ избу, за нимъ полдружье, съ заткнутымъ за кушакомъ кнутомъ. Дружка, входя въ избу, произноситъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Отецъ невѣсты отвѣчаетъ: аминь.—Дружка кланяется и говоритъ: здорово сватушка и свахонька! можете ли вы здорово? — Родители невѣсты отвѣчаютъ: слава Богу! сватушка. — Дружка спрашиваетъ: сватушка! готова ли невѣста къ вѣнцу? Готова, — говоритъ отецъ, — хоть теперь за столъ; просимъ милости съ поѣздомъ. — Дружка возвращается съ полдружьемъ къ жениху, который заводитъ его за столъ въ прежнемъ порядкѣ. Тутъ подають небольшую закуску и порюжкѣ водки. За тѣмъ крестятся, встають и молятся Богу. Дружка выводитъ жениха изъ избы за руку, за нимъ идетъ весь поѣздъ, и переступая черезъ порогъ избы и сѣней, читають молитву: Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ. — Потомъ садятся на лошадей и выѣзжаютъ со двора; но при выѣздѣ дѣлають выстрѣлъ. Вовсю дорогу поють, какія вздумаютъ пѣсни.— До прѣбытія поѣзда дѣвушка наряжаютъ невѣсту, въ ея чуланѣ, который замѣняетъ на ту пору ея уборную. На невѣсту надѣваютъ двѣ рубашки, опоясывая голое тѣло рыбной сѣткою. Потомъ надѣваютъ два сарафана, подпоясываютъ двумя

поясами и насыпаютъ проса въ башмаки. — Двѣ рубашки надѣвають въ свидѣтельство ея непорочности, и когда укладываютъ молодую спать, тогда снимаютъ одну. Оповѣсываютъ сѣткой для того, чтобы еретики не испортили молодую. (*) Одѣвають въ два сарафана для того, чтобы хранить одинъ во всю свою жизнь, и въ немъ она ходитъ въ церковь и дома, только по праздникамъ, какъ въ заветномъ, который даже не вѣшаетъ и не держитъ между другими платьями. — Одѣтую невесту выводятъ изъ чулана въ избу, гдѣ родители ея дожидаются съ образами и хлѣбомъ—солью, чтобы благословить. Невѣста обращается къ нимъ съ воплемъ :

Разодвиньтесь вы люди добрые,
На всѣ четыре сторонушки!
Допустите вы меня горькую,
Да батюшкиныхъ до рѣзвыхъ ногъ.
Не была березонька къ землѣ клонится,
А я горькая кланяюсь батюшкѣ,
Къ рѣзвымъ ногамъ.

Она упадаетъ въ ноги отцу и продолжаетъ рыдать у ногъ, говоря :

Ни злата я у тебя, батюшка, прошу,
Ни злата, ни серебра.
Прошу я у тебя, батюшка, благословенья.
Благослови-ка ты меня, батюшка,
Во чужіи люди, во незнамые;
Во незнамые, незнакомые.
Какъ то мнѣ батюшка,
Во чужихъ людяхъ будетъ жить?

(*) Подъ словомъ еретики разумѣются здѣсь злые духи.

Какъ то мнѣ, родимой,
 Чужимъ людямъ будетъ служить?
 Во чужихъ людяхъ жить гермохоново,
 Во чужихъ незнамыхъ,
 Служить тяжелехонько. —

По совершекии причитанія, она встаетъ, молится образамъ и дѣлаетъ два поклона *маловыхъ* (*); третій кладетъ отцу въ ноги. Послѣ она цѣлуетъ образа и хлѣбъ-соль. Потомъ благословляетъ ее мать, послѣ нея посаженные родители, прежнимъ обычаемъ. Благословивъ невѣсту, ее сажаютъ за столъ; съ одной стороны молодой садится сваха ея, а съ другой братъ, съ скалкою въ рукахъ (**). — Въ то время входитъ дружка, молится и кланяется; потомъ онъ спрашиваетъ: сватуха! готова ли невѣста? приготовлено ли мѣсто? — Ему отвѣчаетъ свать: все готово, сватуха. — Дружка, увидѣвъ сидящаго брата подлѣ невѣсты со скалкой въ рукѣ, подходитъ къ нему и говоритъ: кто тебя братецъ посадилъ сюда? — Батинька, говоритъ онъ. — Дружка кричитъ на него грозно: вонъ! вонъ! — Братъ невѣсты показываетъ ему скалку и грозитъ: вотъ она! не дюжа греми (не крѣпко шуми). — Дружка выходитъ изъ избы и вводитъ въ нее жениха за руку. — Черезъ порогъ онъ переступаетъ съ прежней молитвою. При вводѣ жениха въ сѣни, дѣвушки поютъ:

Вянули вѣтры вдоль улицы,
 Вдоль слободы, вдоль широкой,
 Привянули ко Степанову двору (отцу невѣсты),

(*) Такъ называютъ большіе поклоны.

(**) Скалка, деревянная обглаженная палка, коюю катаютъ лапшу, тесто и бѣлье. —

Отворились ворота.
 Ушли сороки у Василияны (матери невесты)
 Бранили слезы у Авдотьины (невесты);
 Бросила Авдотьишка золоты ключи,
 На дубовой столъ:
 Батюшка! прибери ключи.
 Я тебя не ключница,
 Я тебя матушка не ларинница:
 Я ключница буду чужому отцу,
 Я ларинница буду чужой матеръ.

При входѣ поѣзда въ сѣни, поютъ:

Наступили бояры на новые сени,
 Покачивали сени,
 Разложили золотую чару.
 Расплакалась душа Дуняша! —
 Улыбал Дуняшу.
 Вся князь, бояры:
 Не плачь, не плачь!
 Ты Дуняша душа.
 Срубаешь сени новые,
 Сольешь чару лучше той. —
 Женихъ твой доброй,
 Человекъ рабочій,
 Мы ему поможемъ, —
 Онъ тебя дороже всего!
 Онъ тобою хвалится,
 А намъ за то вѣщается.

Когда въ избу войдетъ женихъ, совсѣмъ поѣдомъ,
 тогда поютъ:

Прилетали сны голуби,
 Прикрыли носу горшину,
 И прихватали.
 Прилетать съ ними,

Малыя восты сокола,
Залетная пташечка!
Доброй молодцы
Садился подь окошечкомъ,
На серебряну причелинику (*).
Онъ будилъ красну дѣвушку,
Авдотью Степановну.
Услыхала ея родна матушка,
Будила ея, побуживала:
Встань, проснись мое дитятко!
Привичай (**) къ себѣ яснаго сокола,
Залетнаго добраго молодца, прѣзжаго.
Ты родимая моя матушка!
Я рада бы его привичала,
Мое сердце не воротится,
Уста кровью запекаются,
Глаза слезами заливаются. —

Всѣ входятъ въ избу, дружка прѣдѣстуетъ вмѣ-
стѣ съ поѣздомъ: здорово сватушка и свахонька!
Можете ли вы гораздо?—Они отвѣчаютъ: слава Бо-
гу! — Дружко, не говоря ни слова, обращается къ
брату, который сидитъ съ скалкою: что ты другъ
сидишь здѣсь? Вонъ, вонъ отсюда! — Полдружье
замахивается на него кнутомъ и бьетъ по столу.
Братъ невѣсты сидятъ и говорятъ: не боюсь! Вотъ!
(скалка), не дюжа прыгайте, уирыгаетесь. — Потомъ
дружко начинаетъ говорить ему ласково: намъ на-
до сажать жениха.—Братъ невѣсты отвѣчаетъ: выпу-
ки сперва мѣсто.—Дружко спрашиваетъ: сколько ты
возьмешь? — Золотую гривну да пива рѣшето.—Друж-

(*) *Причелинка*, пташечка надъ окошечкомъ. Иногда называютъ причелинникомъ подоконникъ.

(**) *Привичай*, — привыкай. —

ко и братъ невѣсты спорятъ, пока не сойдутся въ условіи. Невѣста сидитъ за столомъ, повѣсивши голову, которая бываетъ накрыта краснымъ платкомъ. Когда братъ продастъ ее, тогда онъ поднимаетъ платокъ, прощается и цѣлуетъ ее. На мѣсто его садится женихъ. Дружко кладетъ на столъ хлѣбъ-соль, которую онъ привезъ съ собою. Дѣвушки поютъ :

Щука рыба, мечися!
 Дуняша берегися;
 Хочетъ тебя Александрюшка цѣловать:
 Черезъ пуговки золотыя,
 Черезъ петельки шелковыя.
 Ты Дуняша,
 Ему въ обманъ не давайся,
 Къ намъ опять сюда передайся.
 Слышешь ли, Дуняша?
 Что мы тебя бамизъ (говоримъ),
 Во вѣкъ тебя не оставимъ. —

Князю молодому,
 Три перстия на руку.
 Книгинѣ молодой,
 Подъ золотымъ вынцомъ стоять,
 Законъ Божій принять.
 Прощай! прощай!
 Дуняша подруженька.
 Мы тебя не увидимъ,
 Голосочку твоего не услышимъ. —

Родные невѣсты приносятъ въ избу полеть, растилаютъ ее среди комнаты; отецъ жениха беретъ икону и хлѣбъ-соль; мать жениха и крестные родители становятся съ нимъ рядомъ, на разостланномъ войло-

кѣ. Молодыхъ выводятъ изъ за стола и ставятъ ихъ на полстѣ противу отца. Они молятся образамъ, кланяются въ полстѣ два раза, а за третьимъ надаютъ отцу въ ноги; потомъ прикладываются къ иконѣ и хлѣбу-соли. Такимъ образомъ благословляютъ поочередно. Послѣ благословенія сажаютъ за столъ, только нѣхъ вдвоемъ, а всѣ остальные рассаживаются по лавкамъ и скамейкамъ (*). Дружно произносятъ громко: батюшка и матушка! благословите своего молодого князя и молодую княгиню во путь, во дороженьку, ко Божьей церкви, и тамъ принять золотый вѣнецъ.—Родители жениха отвѣчаютъ: Богъ благословитъ и мы благословляемъ. Дружно подходятъ къ столу, берутъ своей хлѣбъ, отрѣзываютъ отъ него часть; потомъ берутъ хлѣбъ невестинъ, отрѣзываютъ отъ него часть и часть отъ своего хлѣба прикладываютъ къ невестинному. Потомъ берутъ изъ своей солонки соль и кладетъ ее въ солонку невестинну; послѣ перекладываетъ соль изъ невестинной солонки въ женихову: это дѣлается для нераздѣльной ихъ любви. Послѣ атого встаютъ всѣ и престятся. Дружно беретъ за руку жепуха, женихъ невесту и молятся всѣ Богу, и потомъ выходить изъ избы. Переступая черезъ порогъ, читаютъ съ молодыми молитву: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. Ее читаютъ громко. — Дружно подводитъ жениха къ повозкѣ невестинной, женихъ сажаетъ свою невесту въ повозку а потомъ самъ садится въ еяко. — Когда усалятся всѣ, дружно беретъ

(*) Лавки ставятся прикрѣпленными вокругъ станъ, а скамейки стоятъ около станъ не прикрѣпленными, или лучше сказать: лавки всегда бываютъ неподвижныя, а скамейки подвижныя, которыя бываютъ большія и маленькія, но лавки всегда всюю стану.

благословенную икону и промѣстить грѣху: послушайте, добрые люди! Кто съ нами, тотъ садись съ нами, а кто не съ нами, тотъ отшатнись (*). Онъ идетъ съ иконою по солнышку, за нимъ идутъ его полдружи и съ ними онъ обходитъ поѣздъ кругомъ, три раза. Тогда полдружи садятся на своихъ вознамъ и связываютъ со двора, стрѣляя изъ ружья или пистолетовъ. Дружко ѣдетъ впередъ, и отбѣжавъ сажень двѣсти, оборачиваетъ свою лошадь назадъ и отправляется въ домъ невесты съ полдрузьями; поѣздъ останавливается и дожидаетъ его возвращенія. Войдя въ избу, онъ произноситъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Родители невесты, когда повезутъ ее къ вѣнцу, садятся за столъ на мѣстакъ молодыхъ, чтобы согрѣть ихъ своею любовію и сидятъ на нихъ до прибытія дружки, коему они говорятъ: аминь. — Дружко отбѣкаетъ: спасетъ Богъ за аминь, а потомъ спрашиваетъ ихъ: здорово сватушка и свахонька? — Слава Богу сватушка. (*) Потомъ дружко преситъ ихъ въ гости къ жениху, говоритъ: сватушка и свахонька! пожалуйста къ намъ въ гарны. Они встаютъ изъ за стола и отбѣчаютъ ему: хорошо сватушка, будешь; приготавливайтесь. — Они прѣщаются и уѣзжаютъ къ своему поѣзду, который ѣдетъ уже безостановочно къ церкви. Тутъ женихъ снимаетъ невесту съ повозка, дружке беретъ жену за руку, женихъ невесту за руку и входятъ въ церковь. Предъ вѣчаніемъ просятъ священника, дружко и полдрузья: батюшка! одѣлай божее-

(*) Этимъ разгоняетъ онъ злодѣевъ, колдуновъ, которые, по мнѣнію народа, портятъ молодыхъ. —

(*) Съ тахъ поръ, какъ наберется дружко, родители жениха и невесты называютъ его святомъ и сватушкою, а сваху, свахонькой и сващенкой. —

кую милость! вѣнчай по солнышку—(*). Подъ неги молодыхъ подстилаютъ платокъ бумажный. По совершении вѣчанія, священникъ заставляетъ молодыхъ поцѣловаться три раза; сваха отведить молодую въ церковь изъ сторонѣ, и заплетаетъ косу по женскому обычаю. Дружки выводятъ жениха за руку, женихъ невесту и сажаетъ ее въ прежнюю позовку; самъ садится въ свою позовку, и всѣ отираются въ домъ жениха. Когда дружки упрости същещника, чтобы онъ велъ молодыхъ домой въ вѣнцахъ, тогда священникъ идетъ впереди, за ними новобрачные, за новобрачными всѣ поцѣлуются. По приходѣ въ избу, онъ служитъ молебны; послѣ заводитъ молодыхъ за столъ и самъ садится со свѣтъ своимъ причетомъ, со свекровью жениха, сваха со стороны невесты. Поцѣлованные между тѣмъ разводятъ своихъ лошадей по домамъ.

Когда новобрачные отираются домой безъ вѣнцовъ, тогда выходятъ ихъ встрѣчать родители. Одинъ изъ родственниковъ молодого стоитъ у воротъ, и осыпаетъ ихъ хлѣбомъ. Иногда родители встрѣчаютъ молодого за воротами, съ хлѣбомъ-солью. Мать его, одѣтая въ выроченную шубу и малахай (*), держитъ въ рукахъ сквороду, наполненную хлѣбомъ, и осыпаетъ

Встрѣча
и о л о-
днхъ и
оконча-
тельный
образъ.

(*) Это обыкновеніе есть всеобщее между старообрядцами, отъ коихъ позаимствовали живущіе между нами:—Есть еще странный обычай, позаимствованный тоже отъ старообрядцевъ, что многіе изъ крестьянъ не держатъ при домахъ собакъ, думая, кто держитъ ихъ, того домъ оберегается нечистой силой, переселившейся въ ообаку; а кто не держитъ, того домъ охраняетъ ангелъ.

(**) Малахай овчинная шапка, съ длинными ушами. Въ выроченную шубу и малахай она одѣвается для того, чтобы невеста боялась ее, какъ боятся люди медвѣдей.

молодую. Другіе вносятъ на рукахъ невесту въ избу (*), чтобы она была легка (покорливая) какъ хмѣль.

Въ другихъ мѣстахъ родители встрѣчаютъ молодыхъ съ образомъ и хлѣбомъ-солью, а родственники или сваха, кладетъ въ нихъ овесъ, чтобы родился у нихъ хлѣбъ. Новобрачные, помолившись образамъ, падаютъ три раза въ ноги родителямъ, которые благословляютъ ихъ, а дружка заводитъ потомъ за столъ. Есть еще обыкновеніе. (**) Когда невесту внесутъ въ избу, тогда ставятъ ее въ заднемъ углу избы и держатъ ее тамъ дотолѣ, пока не обойдутъ всѣхъ гостей съ чаркою вина; потомъ передаютъ ее родственникамъ жениха или свахѣ, которая приводитъ къ разложенному огню въ чуланѣ, и показываетъ молодой, какъ она должна стряпать. Послѣ сажаютъ на лавку, ставятъ на ея ноги горячую сковороду, чтобы извѣдать: не сердитая ли она? Если она перенесетъ жаръ, то означаетъ, что она смирная и покорная.

Встрѣчаютъ еще иначе. Родители жениха выходятъ на дворъ и становятся у сѣней: отецъ съ образомъ а мать съ хлѣбомъ, и благословляютъ молодыхъ по прежнему порядку. Дружка беретъ молодого за руку, молодой беретъ за руку свою молодую и всѣ входятъ въ избу; войдя въ избу, дружка произноситъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Ему отвѣчаютъ: аминь. — Дружка говоритъ: спасетъ Богъ за аминь. Благословите молодого князя и молодую княгиню (завести за столъ. Ему отвѣчаютъ: Богъ благословитъ. — Дружка заводитъ молодыхъ за столъ, а самъ выходитъ изъ за стола, обойдя вокругъ

(*) Это обыкновеніе употребляется преимущественно между Мордвою, въ хвалынскомъ уездѣ.

(**) Употребляемое между Мордвою.

его. — Вскрѣ за этимъ подаютъ обѣдъ, за которымъ ничего не ѣдятъ молодые; по окончаніи обѣда отводятъ ихъ въ клѣть. Когда молодая увидитъ дверь клѣтки, тогда она останавливается и не хочетъ идти. Молодой бьетъ по ея спинѣ плетью, три раза, чтобы она не упрямилась впередъ. Сваха, передавая молодую, говоритъ новобрачному: волкъ! на тебѣ овцу. — Дружко, притворивши за молодыми дверь, затываетъ за поясъ топоръ и вноситъ въ избу ягненокъ и коровай, кладетъ ихъ въ избѣ на соломѣ, и ставъ на колѣна, разрубываетъ все это на четыре части. Тутъ молодой даютъ прозваніе по времени года, когда она вѣнчалась, напримъ: женщины осенницы, и т. п. (*).

Черезъ нѣсколько времени дружко и сваха ведутъ молодыхъ въ клѣть, которая бываетъ заперта; тамъ, на постелѣ молодыхъ, лежатъ супруги, извѣстные по своей согласной жизни, для того, чтобы обогрѣть ее своей любовью. Пришедшіе съ новобрачными, стучатъ въ дверь; находящіеся тамъ отворяютъ и принимаютъ ихъ. Здѣсь подносятъ молодымъ вино, сажаютъ за закрытый столъ, кормятъ и поятъ пивомъ; наконецъ, уложивъ ихъ, запираютъ за ними дверь. Иногда вводятъ молодую прямо въ клѣть, въ которой оживаетъ ея молодой, но больше вводятъ молодыхъ вѣстѣ. По уводѣ новобрачныхъ, угощаютъ въ избѣ поѣжанъ и гостей горячимъ столомъ (пиромъ). Дружко выходитъ тогда часто изъ за стола, прислушивается подъ дверьми: не проснулись ли молодые? Когда проснутся, тогда онъ посылаетъ дѣтя будить новобрачную, которое говоритъ ей: вставай невѣстка! ребенокъ плачетъ, корова реветъ, овцы блѣютъ, — кор-

(*) Весь этотъ обрядъ въ обыкновѣніи между Мордвою.

ну у нихъ вѣтъ.—Потомъ дружно и сваха, поднявъ новобрачныхъ, вводятъ въ избу.—Иногда дружно, обѣжавъ избу, схватываютъ горшокъ и бьютъ его объ землю,—этъ знакъ непорочности молодой. Тогда гости, соскакиваютъ съ мѣстъ и начинаютъ бить отъ радости, что имъ попадется, и кричать такъ же отъ радости. Этимъ воздается честь молодымъ и роднымъ жениха. Введенные молодые, падаютъ сначала родителями въ ноги, а послѣ цѣлуются съ ними. Дружно и посаженные родители, или подружье, двое изъ родственниковъ и сваха, отправляются къ родителямъ молодой. Взойдя въ избу, они все говорятъ: здорово сватушка и свахонька! Можете ль вы здорово? — Тѣ отвѣчаютъ: слава Бѣгу! сватушка. Садитесь, милости просимъ; садитесь у насъ, родимые. — Они садятся, ихъ угощаютъ, приговаривая: покушайте сватушки, покушайте гостинички дорогие. Между тѣмъ приниженные начинаютъ бить горошки, — этимъ воздается честь родителямъ, которые отъ радости сами увеличиваютъ битье. Угощенные ими, благодарятъ за хлѣбъ соль. — Дружно говорить: сватушка! милости просимъ съ своими родными на пиръ, на веселье, къ намъ въ гарны. — Они отвѣчаютъ: хорошо сватушка, будемъ, готовьтесь вы, а мы придемъ. Въ то время отецъ извѣсты посылаетъ собирать своихъ родныхъ. Когда сойдутся все, тогда садятся за столъ; имъ подносятъ по чарки вина; послѣ они берутъ шанки, встаютъ и вновь садятся; тутъ крестятся, потомъ встаютъ, молятся и все идутъ въ домъ свата, т. е: отца молодого. Дорогой поютъ голосовыя пѣсни (*), кавія придутъ на умъ. При входѣ ихъ на дворъ, встречаютъ

(*) Голосовыя пѣсни помѣщены въ концѣ этой свадьбы.

гостей гарныхъ, родные и молодые.—На столехъ давно уже закуска, пиво и водка. Гарные, входя въ залу, здоровываются и цѣбуются, говоря: здорово сватушка! Какъ можете? живете ли здоровы? — Имъ отвѣчаютъ: слава Богу! сватушка, здоровы и живы, пока. Господь терпитъ по грѣхамъ нашимъ, и вашими святыми молитвами. Садитесь-ка у насъ, сватушнии.— Крестнаго свата, (отца невесты) сажаютъ на первомъ мѣстѣ, податъ неге сваху, возлѣ ихъ крестныхъ родителей невесты. Когда всѣ усалятся, тогда дружкой распорядается на переднемъ столѣ, а полдружье на заднемъ. Дружке заминаетъ стаканъ вина и подноситъ прежде всѣхъ молодымъ, конхъ заставляють *почеканитися* (почтяться). Они исполняютъ общее требованіе, кланяются гостямъ и выпиваютъ. Послѣ ихъ дружкой подноситъ родителямъ жениха и невесты, а потомъ всѣмъ гостямъ. Каждый изъ нихъ встаетъ съ мѣста и поздравляетъ молодыхъ съ бракосочетаніемъ, произнося: *здравствуйте* съ законнымъ бракомъ! Дай Богъ вамъ жизни во здравіи и во спасеніи многая лѣта! — Но выпитіи за здоровье новобрачныхъ, молодые уходятъ въ свою комнату. Тогда начинается посѣлка и пьютъ до того, что всѣмъ море по колено. Тутъ возобновляютъ за здравное питье, сначала за здравое молодыхъ, потомъ сватовъ, свахъ, родственниковъ и наконецъ за каждого изъ гостей. Начиная пить, провозглашаютъ: *здравствуйай* сватушка и свахонька! Дай намъ Господи жить, да хлѣбъ-соль водить.—На такое привѣтствіе отвѣчаютъ: извольте кушать во славу Божию.—Дружкой дотолѣ не принимаетъ стакана, пока каждый не выпьетъ до суха, и въ доказательство, что не осталось ни одной капли, всякой долженъ покатыть стаканъ по столу. Во время адрасствованій страпухи собирають на столъ. Онѣ расставляютъ посуду, кладутъ ложки и хлѣбъ.

Дружко кривѣть хлѣбъ и когда разложить куски всѣмъ гостямъ, тогда онъ кричитъ на стряпухъ : стряпушки — поварушки ! что есть въ печи, на столъ меча ; чего ѣтъ, побойжись ! — Стряпухи начинаютъ немедленно подавать кушанья, которыя зависятъ отъ состоянія, но побольшей части подаютъ слѣдующія, въ этомъ порядкѣ : 1. холодное съ бараниной, 2. щи съ говядиной, 3. лапшу со свиной, 4. похлѣбку съ курицей, 5. *пашкетъ* (*), 6. часть баранины жареной, 7. часть свиной жареной, 8. лапшенникъ, 9. пшенникъ, 10. *пышашникъ* (**) 11. изъ жареныхъ : поросенокъ, 12. индѣйка, 13. утка 14. гусь ; поотмъ ставятъ свиную голову, которую *ображаютъ* (***) красными лентами. Обряженую голову ставятъ на одномъ переднемъ столѣ, а на прочихъ безъ украшеній. Въ концѣ всѣхъ кушаньевъ подаютъ курникъ (****); этимъ оканчивается гарный столъ. При перемѣнѣ каждаго кушанья, дружко кричитъ : стряпушка — поварушка! жавелись, не лѣнись, поварачивайся ! что есть въ печи, на столъ меча ; чего ѣтъ, побойжись.—При подаваніи головы, дружко провозноситъ : ну-ка сватушка, выишемъ по чаркѣ винца, для свиного рыльца.—Онъ наливаетъ каждому по стакану водки и развозитъ. Мать молодого, выходя къ гостямъ во время обѣда, приговариваетъ : кушайте сватушка ! кушайте сватухонька ! Покушайте мои родимые ! — Ей отвѣчаютъ :

(*) *Пашкетъ*,—паштетъ. Онъ дѣлается съ подливкой, изъ рода соуса.

(**) *Пышашникъ*, — папошникъ.

(***) *Ображаютъ* наряжаютъ, украшаютъ.

(****) Курникъ, пирогъ, начиненный яйцами и потрохами изъ курицы и другихъ птицъ. По причинѣ обычаевъ не считать этотъ пирогъ курицею, онъ получилъ названіе курника.

всѣма довольны свахонька, зашигъ хлѣбѣмъ-солью. При подаваніи курника, всѣ поднимаются изъ за стола, молится Богу и благодарить: спасибо сватушка и свахонька: за хлѣбъ, за соль, и за ваше угощеніе. Они отвѣчаютъ: *лишь укланялись* (*), и какова хлѣб-соль не лучилась, не судите. — Тутъ дружка спрашиваетъ у отца молодого: пора ли кланяться молодымъ? и получивъ въ отвѣтъ: пора, онъ идетъ къ нимъ и объявляетъ: ну молодые! собирайтесь кланиться гостямъ въ ноги. Они выходятъ вмѣстѣ съ дружкой, который, поставивъ рюмку на блюдо, подводитъ ихъ, прежде всѣхъ, изъ отцу молодой, и провозноситъ: батюшка! просить васъ новобрачный князь и молодая княгиня: рюмку пріймите а блюдечко осе-ребрите, не рублемъ, не подтиной, а одной золотой гривной. Помощи по силѣ, рубляка съ четыре. Они люди то на новѣ, имъ деньги надобны: на мыльца, на шильца, на бѣлилы и румяны, и на банные вѣнчики. — Молодые лежатъ у ногъ его дотѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ. Тогда встаютъ, цѣлуютъ отца, а дружка спрашиваетъ: ну, чѣмъ подаришь молодыхъ? Отецъ отвѣчаетъ: даю овцу, или телушку. Потомъ дружка подводитъ къ матерѣ молодой, тамъ къ родителямъ молодого, послѣ ко всѣмъ роднымъ и гостямъ, причитая каждому, прежнее и спрашивая, чѣмъ кто подарить. Если кто хочетъ помолиться надъ новобрачными, то, взявши рюмку водки, говорить: горько! — Молодые должны встать, поцѣловаться и опять упасть въ ноги. Они лежатъ у ногъ каждого, и каждый мо-

(*) *Линь укланялись*, т. е. прося гостей ѣсть и пить, они утирали; кланялись. — Русское гостепріимство, сопровождаемое неостепенными просьбами и поклонами. —

жетъ говорить горько, сколько захочетъ. Молодые должны всякій разъ встать, поцѣловаться и опять упасть въ ноги. Когда дойдетъ очередь до брата молодого, тогда онъ, взявъ рюмку, морщится и проноситъ: ой горько! ой горько! Молодые встаютъ, жѣлуются и опять падаютъ въ ноги. Въ то время начинается онъ рассказывать, какъ онъ вѣшалъ сватать за молодого, какъ было тогда морозно, сколько онъ перенесъ опасностей, однимъ словомъ: рассказываетъ столько, сколько душѣ его угодно. Кончивъ рассказъ, молодые встаютъ и цѣлуются. Дружка спрашиваетъ: тѣмъ же ты подаришь молодыхъ? — Онъ отвѣчаетъ: полѣномъ дровъ, — вытаскиваетъ изъ подъ лавки, кладетъ на блюдо и приговариваетъ: вотъ тебѣ молодая, полѣно! истопи утра баню и вымой своего мужа. — Жена мужа, положившаго полѣно, кладетъ вѣнникъ, произнося: вотъ тебѣ молодая вѣнникъ! истопи утра баню и выпарь своего мужа. — Поклономъ продолжаютъ почти до разсвѣта. По окончаніи ихъ всѣ поднимаются домой и благодарятъ: спасибо сватушка и свахонька! за хлѣбъ, за соль и за ваше угощеніе. — Имъ отвѣчаютъ: не прогнѣвайтесь сватушка и свахонька! какова хлѣбъ-соль не случилась. Между тѣмъ родители молодой, приглашаютъ къ себѣ своихъ сватовъ на завтра, говоря: приходите утру къ намъ на похмѣлье (*).

(*) Въ нынѣшнихъ мѣстахъ дружка разноситъ свернутые на блюде подарки, отъ имени новобрачныхъ, а полдружье разноситъ сыръ и коровай, (надрѣзанный въ куски курникъ); посаженный отецъ молодой, держитъ въ рукахъ стаканъ, налитый виномъ. Полдружье и отецъ посаженный, подчиваютъ гостей; но дружка, вызывая каждого по имени, причитаетъ: во герънища во светлой, въ бесѣда во честной. Кто отецъ, Назанъ Лу-

Родители молодого, собравъ на другой день своихъ родственниковъ, ставятъ на столъ закуску и похмѣляются; потомъ всѣ отправляются къ родителям молодой, на званное похмѣлье. По приходѣ сюда, теща встрѣчаетъ своего зятя ласково. Новобрачные сначала здоровываются, а послѣ цѣлуются съ своими родителями; теща угощаетъ зятя, болѣе прочихъ гостей, пивомъ и виномъ. У ней уже напечены блины и приготовлена яичница; этимъ она подчиваетъ всѣхъ гостей, но зятя преимущественно и называетъ его по имени и отчеству, подкладываетъ ложечку, приноситъ горячіе блины, яичницу и проситъ его неотступно: кушай, кушай. — Водку наливаетъ непрерывно, и когда развеселятся всѣ, тогда запѣваютъ похвальную пѣснь молодымъ, а укоризненную тестю и свахѣ.

Молодымъ :

Какъ за тыномъ, за дубовымъ,
Я рвчущку перепружу,
За высокими виноградомъ перейму.

ичтъ? Наволь повиыступить, княжева челобиття повиыслушать. Бьетъ челомъ князь со княгиней, сыромъ и короваемъ. Сыръ, коровай пріймите, а золотую гривну положите. Наше дѣло на новъ, много надобно: на шильце, на мыльце, на красны веретенцы. Надо намъ коня купить, воду возить; вода-то хоть и близко, да ходить-то склизко. — Вызванный беретъ стаканъ съ виномъ, пьетъ съ разстановкой и говоритъ: горько! — Молодые должны поцѣловаться, и падая въ ноги, просить, чтобы выкушалъ. Гость долго ломается надъ молодымъ и повторяетъ горько. — Когда онъ опорожнитъ стаканъ, тогда беретъ съ блюда подарокъ, утирается имъ и кладетъ несколько денегъ а молодые целуются. — Вечеромъ приходятъ родители молодой съ своими родными, къ новымъ своимъ сватамъ, которые принимаютъ ихъ съ распростертыми объятіями и угощаютъ.

Загоню я, загоню, сизаго орла.
 Сизой орель, свить Александрушка,
 Свить Яковлевичъ.
 Какъ и сизая орлинушка,
 Свить Дунашинушка,
 Молода его хозяйюшка.
 Имъ вся люди дивовалися :
 То-то пара, то-то пара сотачалася ! (*)
 Въ Божьей церкви совѣчалася,
 Золотымъ перстнемъ перемѣнялась.

Тяютю :

Заврекъ сердить у насъ тестюшка :
 Журить, бранить тещеньку,
 Молоду свою хозяйюшку.
 Ты не роскошно живи,
 Гостей къ себѣ не води ;
 Меньше того своего зятя.
 Какъ и зять любить ухоть :
 Простой водки онъ не хочеть, —
 Тестъ на тещу, плетью драть....

Снохъ.

Наша хозяйюшка да уродливая,
 Да уродливая, совсѣмъ не догадливая.
 Три дни пазбу не топила,
 Полну сору накопила.
 Всю недѣлю не мела,
 Подъ лавочни наклада.

(*) Сотачаться говорится о парныхъ гусяхъ или лебедяхъ, поразгазующихся другъ отъ друга.

Подъ лавочки наклала
 Подъ красны окошечки, —
 Не поидеть въ лукошечки.
 Пріѣхали гости, вынесли по горсти. —
 Одна гостыя дорогая,
 Она плакала, рыдала,
 Всему городу рассказала.
 Пойду, схожу къ батюшкѣ,
 Попрошу лошадушки,
 Сорѹ повозити.
 Ахъ невестушка, голубушка!
 У насъ такъ не водится,
 Сорѹ возомъ не возится;
 У насъ такъ ведется,
 Взничкомъ метется.
 А сорока за порогъ,
 И взничекъ подъ порогъ. —
 Я сорѹ отвезу,
 Къ подруженькѣ схожу.
 Сядемъ покататься,
 Съ милымъ повидаться.
 Мой миленькой вдетъ,
 На ворономъ конѣ,
 Въ бѣломъ балахонѣ.
 Ты любезная моя!
 Не гнѣвайся на меня,
 Что вечеръ не былъ у тебя.
 Ужъ я былъ, побывалъ,
 Въ новомъ городѣ гулялъ,
 Подарочки закупалъ.
 Мнѣ не дороги твои подарки,
 Дорога твоя любовь.
 Любовь мука жестокая!
 Живу съ милымъ далеко. —
 Мнѣ работушка трудна,
 Отъ того я избу не мела.

Повеселившись довольно, поднимаются домой; за угощение благодарятъ и просятъ сватовъ къ себѣ. Молодой остается на нѣсколько времени, потомъ обращается къ своему тестю и своей тещѣ, просить ихъ: батюшка и матушка приказали намъ просить васъ на похмѣлье.—Они отвѣчаютъ ему: хорошо, прійдемъ; будьте готовы.—Нѣтъ, батюшка и матушка приказали намъ не ходить безъ васъ; собирайтесь съ нами. — Тогда отправляются всѣ вмѣстѣ. Родители молодыхъ встрѣчаютъ своихъ сватовъ, вмѣстѣ съ гостями: милости просимъ сватушка и свахонька, просимъ садиться у насъ. Они садятся за столъ, ихъ угощаютъ брагою, пивомъ и водкою. Потомъ стряпухи начинаютъ набирать обѣдъ, а дружка кричать на нихъ: ну-ка стряпушки-поварушки! шевелитесь, не дѣнитесь, поварачивайтесь. Что есть въ печи на столъ мечи, а чего нѣтъ, побожись. Это повторяетъ онъ при каждой перемѣнѣ. По окончаніи обѣда подчиваютъ снова брагою и водкою, а дружку и поддружье начинаютъ дарить повобрачные. Во то время молодые падаютъ дружка въ ноги, а отецъ молодыхъ благодаритъ его за всѣ труды, называя по отчеству: спасибо, что ты управлялъ за насъ, былъ полнымъ хозяиномъ, не доводишь насъ ни до какихъ хлопотъ и соблюдалъ нашихъ дѣтей. Тутъ дарятъ его платкомъ или чѣмъ другимъ и подносятъ ему стаканъ водки. Когда онъ станетъ пить, тогда отецъ останавливаетъ его, а молодые должны лежать у ногъ дружки, какъ бы долго не разговаривалъ съ нимъ отецъ. — Остановивъ пить, онъ говоритъ ему: погоди-ка пить, мы поговоримъ съ тобою. Дружка замѣчаетъ ему: новобрачнымъ-то лежать долго. Ну полежать, отпѣчаетъ онъ, ты больше хлопоталъ объ нихъ. — Это значитъ, что дружкой довольны и ему честь. — Потомъ такимъ

же порядкомъ дарятъ поддрузьявъ. По обдареніи ихъ, они садятся за столъ на первомъ мѣстѣ. Молодой подноситъ стаканъ водки дружкѣ, который, начиная пить, произноситъ : охъ, какое вино-то горькое !—Новобрачные цѣлуются передъ нимъ, просятъ низкими поклонами, чтобы онъ выпилъ. Тогда молодой обноситъ водкою поддрузьявъ, которые такъ же поступаютъ ; послѣ нихъ онъ обноситъ родственниковъ и всѣхъ гостей. При подчиваніи поютъ голосовыя пѣсни, какія вздумаютъ (*). Слѣвши нѣсколько пѣсенъ, встаютъ изъ за стола, благодарятъ за угощеніе а родители молодой говорятъ : спасибо сватушка и свахонька, за хлѣбъ, за соль и за ваше угощеніе. Милости просимъ жаловать всегда къ намъ въ гости. — Имъ отвѣчаютъ: мы ваши гости теперича. Коли породнились, то уже будемъ ходить другъ къ дружкѣ.—Если сваты не богаты, то однимъ гарнымъ столомъ оканчивается свадьба ; если богатые, то пируютъ нѣсколько дней. На другой же день отправляются новобрачные собирать подарки, обѣщанные при поклонахъ въ гарныхъ.

Есть еще обыкновеніе, что новобрачную учать носить воду, потому на другой день свадьбы приходитъ сваха молодого , въ домъ его, чтобы поучить молодую. Одна изъ родственницъ молодой, несетъ за нею ведро ; по приходѣ на рѣку, родственница бросаетъ въ воду перстень, для того, чтобы никто не могъ испортить молодую ; за тѣмъ набираютъ воду въ ведро и даютъ нести молодой, въ ея домъ. — Сваха скачетъ и пляшетъ дорогою, въ знакъ того, что новобрачная была

(*) Голосовыя пѣсни помещены въ концѣ этой свадьбы.

прежде приучена къ хозяйству, и что молодая честная
Сваха часто распѣваетъ укоризну на счетъ женъ :

По улицѣ новой,
Идетъ Кирюшка молодой,
Взадъ, впередъ шируетъ (осматривается),
И идетъ. —

Среди окошечка равняется:
Дома ли матушка?
Дома ли сударушка? —
Нѣту никого —

Ни тетюшки, ни дядюшки,
Ползай Киря въ окно.

Киря ручку протянулъ,
Иванъ влѣтъ стегнулъ :
Что сударь за дворянинъ,
По ночамъ гуляешь одинъ?
Не дворянской сударь чести,
По окошкамъ сударь лѣзти.
А Кирюшка испугался,
По кармашкамъ забросался ;
Рублевички вынималъ,
Солдатушекъ обдѣлалъ ;
Прійми-то братцы, рубль,
Помилуйте какъ нибудь ;
Пріймите-ка другой,
И меня туда съ собой. —

Золосовыя пѣсни

УПОТРЕБЛЯЕМЫЯ ПРИ СВАДЬБАХЪ ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Жители здѣшной страны составлены изъ переселенцевъ разныхъ мѣстъ Россіи, потому они носятъ на себѣ отпечатокъ того края, откуда перешли. Самыя пѣсни ихъ выражаютъ повсюду смѣсъ великороссійскихъ, и въ подтвержденіе этого представляются здѣсь онѣ въ такомъ видѣ, какъ уже переначены и принаровлены ими къ новой ихъ осѣлости. — Многія изъ этихъ пѣсень поются не на однихъ свадьбахъ, но во всякое время, когда кому вздумается.

Подуй, подуй погодушка,
Низовенькая,
Раздуй, раздуй погодушка,
Калиновой кустъ ;
Калинушка со малинушкой,
Лазоревый цвѣтъ.
Веселое гулянье
Гдѣ мой милый,
Дружокъ живетъ.
Онъ пить не пьетъ,
Голубчикъ мой,
За мной молодой шлетъ. —
А я млада младшенька,
Закатилася.
За утками, за гусями
За лебедями ;
За вольной за пташечкой,

За журинькою.
 Журавлюшка по бережку похаживаетъ,
 Ковыль травку-шелковую
 Пощипываетъ.
 За рывеньку за быструю,
 Поглядываетъ.
 За рывенькой за быструю,
 Слободка стоять ;
 Слободушка не малая,
 Четыре двора,
 Во тѣхъ ли то во дворикахъ ,
 Четыре двора.
 Вы кумушки, голубушки!
 Кумитесь, любитесь,
 Любите меня.
 Вы пойдете въ садокъ гулять ,
 Возьмите и меня,
 Вы станете вѣночки вѣть,
 Совеите и мнѣ.
 Да всѣ дружки,
 Съ Москвы пришли,
 А мой не бывалъ ;
 Да всѣ дружки,
 Гостицы шлютъ,
 А мой ничего.

По лужечку я дваушка гуляла,
 Злы коренья конала.
 Накопавши злыхъ корней,
 Бѣлехонько вымыла.
 Ужъ я вымывши злы коренья,
 Сладкии медомъ сподоблю.
 Сподобивши сладкии медомъ,
 Дружка въ гости позвау.
 Я зазвавши дружка много въ гости,

Стакавъ меду ему поднесу.
 Поднесши стакавъ меду,
 Я раздушеньку спрошу:
 Ты раздушенка шленной,
 Что на сердце есть у тебя?
 У меня ли на сердечкѣ,
 Тяжелъ каменьекъ лежитъ.
 Ты съумѣла злодѣйка,
 Чѣмъ понть, кормить меня.
 Ты съумѣй-ка, разбойница!
 Мое тѣло схоронить.
 Не клади ты, мое тѣло,
 На постояломъ дворѣ.
 Положи ты, мое тѣло,
 Промежъ трехъ большихъ дорогъ:
 Промежъ питерской-московской,
 Петербурской широкой.
 Ты на правую сторонушку,
 Поставь коня моего;
 А по лѣвую сторонуку,
 Положи острую саблю со коньемъ,
 Со строевымъ конемъ ружьемъ.
 Въ головахъ ты постанови,
 Черный киверъ со перомъ;
 Чернальницу со перомъ
 И листь бумаги гербовой. —

Не, ясенъ соколъ казался высоко,
 Соколъ, соколъ, казался высоко.
 Была лебедушка не выше его,
 Его, его, повыше его.
 Соколикъ лебедушку сталъ выспрашивать,
 Ивать, ивать, сталъ выспрашивать.
 Скажи-ка, лебедушка, скажи гдѣ была?
 Была, была, скажи гдѣ была?

Была я лебедушка на синемъ морѣ,
 Морѣ, морѣ, на синемъ морѣ.
 Что тамъ лебедушка, что видѣла?
 Дала, дала, что видѣла?
 Видѣла я лебедушка на морѣ корабль,
 Корабль, корабль, на морѣ корабль,
 На этомъ корабличкѣ муравъ чердачекъ,
 Чердакъ, чердакъ, муравъ чердачекъ —
 На этомъ чердаченкѣ горинка стоитъ,
 Стоитъ, стоитъ, горинка стоитъ.
 Въ этой во горенкѣ вдовонька живетъ,
 Живетъ, живетъ, вдовонька живетъ.
 У этой у вдовоньки, дочка хороша,
 Хороша ли, хороша, Аннушка душа.
 Сидѣла же Аннушка подъ краснымъ окномъ
 Окномъ, окномъ, подъ краснымъ окномъ.
 Глядѣла же Аннушка на сине море,
 Море, море, на сине море.
 По синему моречку шляпонька плыветъ,
 Плыветъ, плыветъ, шляпонька плыветъ,
 Поймайте шляпоньку, вѣрныя слуги,
 Принесите эту шляпоньку Аннушкѣ душѣ,
 Душѣ, душѣ, Аннушкѣ душѣ.
 Залилася Аннушка горькими слезами:
 Знать моего милаго дружка въ живи нѣтъ.
 Нѣту, нѣту, дружка въ живи нѣтъ.
 Сронилъ со кудрей шляпоньку а самъ потонулъ,
 Потонулъ же, потонулъ, а самъ потонулъ.
 Собралася Аннушка во зеленъ садъ гулять,
 Во саду поютъ птишечки веселенько,
 Весело весело, поютъ веселенько.
 Не пойте соловушки громко во саду,
 Не давайте зазолушки сердцу моему! (*)
 Моему, моему, сердцу моему.

(*) Зазолушка, нязолушка. — ирчишушка.

Да и такъ грустненько сердцу моему:
 Лишилася милаго дружка навсегда!
 Навсегда лв, навсегда, дружка навсегда.

Я вечеръ то молодецъ,
 Позднехонько загулялся;
 Позднехонько загулялся
 У чужихъ то я у воротъ,
 У воротушекъ застоялся,
 У воротъ застоялся.
 Я не одинъ то столъ,
 Со прежней своей сударушкой,
 Со прежней сударкой.
 Сударушка моя,
 Давно со мной не видалася,
 Давно не видалася.
 На шеюшку она,
 На шеюшку мнѣ бросалась,
 На шеюшку бросалась.
 Не ходи-ка ты миленькой,
 Вдоль по улицъ поздно,
 Вдоль по улицъ поздно.
 Не носи-ка ты, дружечикъ, подарочковъ,
 Не носи дружокъ, не траться,
 Не носи, не траться.
 Я и такъ тебя, миленькой,
 И такъ тебя любить стану,
 И такъ тебя любить стану.
 Я и въ свѣтъ же отъ тебя,
 Голубчикъ мой не отстану,
 Да я не отстану. —
 Вотъ хотать тебя, дружечекъ,
 Хотать тебя поймати,
 Хотать поймати.
 Вотъ кудерюшки твои русы,

Хотят дружки оборвать,
 Хотят оборвать.
 По черной-та по грязи
 Хотят кудри разбросати,
 Хотят разбросати.
 Во желвзушки хотятъ
 Во желвзы хотятъ сковати,
 Во желвзы сковати.
 Во солдатушки хотятъ тебѣ,
 Во солдаты отдати,
 Во солдаты отдати. —

Король молодой собирался,
 Королюшка во нину землю.
 Покинулъ королюшекъ молодую жену,
 Какъ горькую кукушечку,
 Въ темнымъ лѣсу;
 Какъ горькую нолынушку,
 Въ чистомъ полѣ.
 Подъхалъ королюшка къ крутой горѣ,
 Пристигла же адсь королѣшкѣ,
 Здѣсь темная нѣчь.
 Раскинулъ же королюшка,
 Былъ тонной шитеръ.
 Лажился королюшка,
 Внизъ быльмихъ лицемъ.
 Привидѣлся королюшкѣ,
 Чуденъ, страшенъ сонъ:
 Изъ правой его рученьки,
 Ясенъ сонолъ выгнать;
 Изъ лѣваго изъ блага,
 Свра утушка. —
 Знать моя хозяйкина,
 Сынка родила и сама пошерла;
 Знать мнѣ королюшкѣ,

Веротиться назадъ.
 Подыкать королюшка,
 Къ широкому двору.
 Широки веротички растворенныя,
 Косящеты окошечки все повскрытныя.
 Коней шестерочка заложенная
 Все кучера и фореиторы,
 Привнеселыя !
 Свины девушки все наряженыя :
 Во черныхъ во платьицахъ,
 Во печальныхъ !
 Знать моя дозлюшка,
 Впередъ лезить,
 Подъ черной таетой. —
 Взошелъ королюшка,
 Въ нову горенку,
 Восплакнулся королюшка,
 Горючими слезами.
 А девушки служанушки,
 Разговариваютъ :
 Не плачь, не плачь, королюшка,
 Не воротить ее назадъ! —

Отъ чего мое сердце страдаетъ ?
 Отъ чего пылаетъ въ лицѣ кровь ?
 Кровь пылаетъ, сердце мое разжигаетъ
 Прежняя мука, со мнѣмъ любовь !
 Ты любовь, моя владыка,
 Любовь волю всю отняла,
 Нагуляться съ дружиномъ не дала.
 Гуляй, гуляй, красная девушка !
 Поколю волошка свои,
 Не пократа буйна голова.
 Накроютъ буйную головушку.
 Минуется вся волошка, гуляба,

Вся дивья красота.
 Никто девушку гулять не уишетъ,
 Никто ее не сиветъ удержать.
 Какъ ни батюшка, ни матушка ея,
 И ни братья, ни сестрицы,
 И ни морозы, ни вьюги,
 И ни осеннiе сильныя дожди.
 Только уишетъ ее, остановить :
 Какъ придетъ матушка, красная весна.
 Разольется вся поляя вода,
 Вся потопитъ зеленые луга.

Вспомни, вспомни, миленькой,
 Во дорожкѣ, во пути.
 Аль ты не думаешь,
 Дружокъ обо мнѣ?
 А я по тебѣ,
 Мой миленькой
 Сожрушаюся,
 Горючими слезами,
 Заливаюся.
 Наполнила слезами,
 Долины, луга ;
 И всѣхъ быстрыхъ рѣчекъ,
 Круты берега;
 Тяжелымъ воядыханьцедемъ,
 Склонила лѣса;
 Всѣ лѣса прекрасныя,
 Склонились ко мнѣ. —
 Шелковая травонька,
 Сплетаешь мой сладъ. —
 Злодѣи грозятся,
 Съ дружкой разлучить ;
 Мы будемъ стараться,
 Враговъ побѣдить;

Победивши враговъ,
 Въ любви со дружиномъ
 Будемъ жить.
 Но этой любви,
 Бываетъ конецъ ;
 А мнѣ красной дѣвушкѣ,
 Знать счастію вѣнецъ. —
 Знать счастію вѣнецъ. —
 Знать тебѣ,
 Мой размысленной,
 Во солдатахъ быть ;
 А мнѣ красной дѣвушкѣ,
 Во чужихъ людяхъ служить,
 Во чужихъ людяхъ, добрыхъ,
 На чужой сторонѣ.
 Отдалъ меня батюшка
 За Донъ за рѣку,
 Приказалъ мнѣ батюшка,
 Семь лѣтъ въ гости не бывать.
 Не буду я къ батюшкѣ,
 Ровнеховкѣ десять лѣтъ.
 На одиннадцатомъ годочкѣ,
 Вольной птишкой прилечу,
 Пташечкой, кукушечкой.
 Сяду я у батюшки,
 Во зеленымъ саду ;
 Печалію, кручинной,
 Весь садъ я подсушу.
 Горючкии слезами,
 Весь зеленой потоплю.
 Родимой своей матушкѣ,
 Споною не дамъ.
 Родимая матушка ,
 Раненько встанетъ ;
 По мовымъ по сѣмичкамъ,
 Похаживаетъ.
 Любимыхъ дѣвчушекъ, .

Побуживаетъ :
 Вставайте невестушки!
 Что за пташка,
 У насъ во саду?
 Отколь эта пташечка?
 Не мое ли дитятко,
 Изъ чужой дальней стороны?

Что на свѣтѣ за мука,
 Наша любовь!
 Ты покидаешь,
 Ты оставляешь,
 Несчастную меня! —
 Я вечеръ во слезахъ заснула,
 Дружка видѣла во снѣ;
 Лишь проснулась, вѣдохнула,
 Закинула кровь во мнѣ. —
 Говорила я милому,
 Любимому своему :
 Взойди мной въ мою спальню,
 Посмотри на мой портретъ.
 Если я тебя не по праву
 Сошла меня въ мою сторону.
 Возьми въ руки пистолетикъ
 Заряди легкой зарядъ,
 Разстрѣли мою грудь. —
 Я тѣмъ буду довольна, —
 Сократишь ты жизнь мою.
 И я навѣки засну,
 Отъ любви жестокой моей. —
 Какъ поведешь, маленькой, жениться,
 Завяжай на гробъ просвѣтѣся,
 И несчастную помани :
 Меня горькую несчастную,
 Какъ любила я тебя.

Вечерь-то доброй молодець,
 У Любушки былъ,
 У Любушки, у сударушки подъ окошечкомъ.
 Говорила мнѣ Любушка,
 Не радостию вѣсть,
 Не радостию, со печальную.
 Печальную вѣсточку :
 Отстать-то мнѣ вѣлять!
 Отстань-ка ты, миленькой .
 Отстань отъ меня!
 Вспомни ты, моя Любушка
 Про прежнюю любовь.
 Какъ мы съ тобою, Любушка,
 Совыкались.
 Совыкальце было съ миленькимъ,
 Во темнымъ лѣсу,
 Какъ во темнымъ во лѣснѣ,
 Подъ березою,
 А разстаньце было, съ Любушкой, подъ осиною.
 Какъ подъ былою березою,
 Трава выростала ;
 Трава выростала мелкая
 Трава шелковая.
 Какъ подъ горькою осиною,
 Трава не растеть,
 И цвѣточки не цвѣтуть.
 Какъ подъ былою березою,
 Трава выростала .
 Выростала трава мелкая,
 Трава шелковая.
 Какъ по этой по травенькѣ
 Цвѣли цвѣтики,
 Голубые цвѣты, всѣ лазоревые.
 Какъ на эжихъ на цвѣтикахъ,
 Кукушка сидитъ ;
 Сидитъ горькая кукушечка,
 Жалобно поетъ ;

Моему сердцу ретивому
 Назолье дать,
 Назола, назолушка, грусть великая!

Что ты Маша приуныла,
 Воздохнула тяжело?
 Воздохнула, вспоминула
 Любезнаго своего!
 Я въ любезнаго влюбилась,
 На злодвевъ не гляжу.
 Вы злодвѣ, лиходевѣ,
 Вы злымучители мои!
 Жила съ миленькимъ полгода,
 А за батюшкой двадцать лѣтъ.
 Не видала мученья такого,
 Какъ по разлукѣ съ удалцемъ. —
 Взялся, взялся съязъ голубчикъ,
 Прилети туда ко мнѣ.
 Сядь-ка, сядь-ка раздушенька,
 На мое право плечо.
 Погляди-ка раздушенька,
 На мое было лицо.
 Мое личко круглоличко,
 Завсегда какъ огонь горитъ.
 Мой миленькой
 Завсегда журить, бранить.
 Не жури, не брани,
 Раскрой груди бымы!
 Ты раскрой груди мои,
 Посмотри сердце мое:
 Мое сердце все называло
 По тебѣ, любезной мой!

Не шумѣ-то шумѣть, не громѣ-то громѣть,
 Молодой-то Турчанинъ
 Во походѣ пошелъ.
 Во походѣ-то пошелъ,
 Во ниѣ землю, во не русскую,
 Во не русскую, во французскую.
 Онъ забралъ-та, забралъ,
 Силы множества;
 Онъ побольше того,
 Все во плавнѣ беретъ.
 Города онъ беретъ,
 По себѣ дѣлать:
 Кому золото, кому серебро,
 Кому платье разноцвѣтное.
 Доставалась зятю тещенька!
 Заставилъ зять тещу
 Три дѣла дѣлать:
 Первое ей дѣло, — гусей пасти;
 Другое дѣлце, — ностелю стлать;
 Третье дѣлце — дитя качать.
 Ты качу, ты баю, дитя милое,
 Дитя милое, сынъ Турчаночекъ.

Цѣли въ полѣ цвѣточки,
 Цѣли да повяли;
 Любилъ паренъ дѣвушку,
 Любилъ да покинулъ;
 Послѣ надъ красной дѣвушкой,
 Послѣ насмѣлся.
 Въ хороводѣ мой миленькой,
 При большемъ народѣ,
 Снялъ съ красной дѣвушки,
 Шалевой платочекъ;
 Съ бывой шеюшки,
 Жемчужной борочекъ. —

Кань по городу по Саратову,
 Девушка гуляла ;
 Гербовой она листъ
 Бумаженьки закупала.
 Молодого-то она писаря
 Къ себѣ въ гости зазывала,
 На мила дружка, любезнаго,
 Просьбу составляла.
 Молодому она губернатору,
 Просьбу подавала :
 Ужъ ты батюшка, губернаторъ!
 Разсуди-ка ты, по правдѣ.
 Ты отдай моего дружка, любезнаго,
 Отдай во солдаты.
 Ужъ ты девушка, расирасившица
 Не зря ли (•) ты просишь?
 Не сама ли ты красна девушка
 Больше виновата?
 Не выйти-ли тебѣ голубушка,
 Вонъ изъ каменной палаты?

Я къ Машенькѣ сплвшу,
 Поклонъ Машенькѣ несу.
 Предъ тобою, предъ душою,
 На коленочки паду,

(*) Не обдуманно.—Зря употребляется повсемѣстно въ саратовской губерніи, наприм : зря онъ сдѣлалъ, виѣсто на угадъ онъ сдѣлалъ ; зря онъ бросалъ, зря онъ сказалъ и т. п., звучать безпрестанно. Пріѣзжему это выраженіе покажется страннымъ, но жители, даже благородные, не замѣчаютъ этой странности.

Ты прости меня милая,
Виновать я передъ тобой!

Я во всякъ мнѣхъ тебя прощаю, —
Ты не будь дружокъ мой!
Когда клялся предъ мной,
Клялся миленькой, божился:
Хотѣлъ впрямь всегда быть.
Не хочу лукавыхъ любить,
Они не могутъ любви цѣнить.

Полюби, полюби-ка, красная меня!
Если полюбишь меня,
Будешь счастлива навсегда,
Расчастливая Машуринька,
Ты талантливая!

Для Машуриньки такой,
Есть у меня особой покой.
Ужъ и спальню твою,
Все цвѣтами уберу;
Я цвѣтами, зеркалами,
Да и разными красами,
И подушечками.
Тесовая кровать,
На коврахъ будетъ стоять;
Расчастливая Машура,
Будетъ шажкомъ поживать. —
Серебряны самовары,
На столахъ будутъ кипѣть;
Расчастливая Машура,
За столомъ будетъ сидѣть. —

Я пойду ли молодецъ,
На почтовой дворъ;
Закричу я молодецъ,
Громкимъ голосомъ своимъ:
Кучера ли вы мои!

Слуги зврные!
 Оседлайте, кучера,
 Моего вороша коня;
 Ужь я по полямъ поведу,
 А другиимъ полямъ выведу.
 Не сонъ-то клонить моеголову,
 Дремотой сонъ валить. —
 Я пушу своего коня,
 Во зеленые луга;
 Я раскину молодець,
 Бывъ тонкой шатерь;
 Ростелю я молодець,
 Свой шелковой коверъ;
 Не одинъ то я ляжу,
 Съ красной дѣвушкой душой. —

По утру я встаю, —
 Нѣтъ ни коня, ни сѣдла
 Ни коня-та, ни сѣдла;
 Ни дѣвушки, ни шатра.
 Я пойду ли молодець,
 На дороженьку большу;
 Погляжу ли я молодець,
 По лѣвую сторону.
 Не пыль то пылить,
 Не туманъ съ моря валить.
 Молодой то король,
 Всѣхъ гонить коней;
 Моего вороша коня,
 За поводъ водеть:
 Красну дѣвушку,
 На возу везеть. —

Ужь ты пей, мой миленькой,
 Не пропейся;
 На меня ли на дѣвчоночку
 Не надѣйся.

У меня ли у дѣвушки,
 Гора много, гора много,
 И печалюшка велика.
 Я со этого со горюшка,
 Ночевку не спала;
 У тесовой у кроватишки,
 Простояла.
 Я пуховую перинушку
 Перебивала,
 Съ правой руки колечушки
 Потеряла.
 Я дѣвушка по горинькѣ гуляла.
 Съ того горя, съ той печалюшки
 Изъ кѣточки соловушка выпускала.
 Полети мой соловушекъ
 Во чисто поле,
 Приузнай ты, соловушекъ,
 Размилаго.
 На моемъ на дружкѣ,
 Привѣтъ много:
 Какъ и первая привѣтушка,
 Лицо бывое;
 Какъ другая привѣтушка,
 Брови черныя;
 Какъ и третья привѣтушка,
 На головушкѣ кудри русыя.
 Да еще привѣтушка,
 Походушка частенькая.
 На его ли я походушку
 Прельстилася,
 Ретивое мое сердечушко —
 Заразило.
 Когда то мой миленькой,
 Въ любви мнѣ взрѣсть было.

Ужь ты лагушенькой,
 Неразумишенькой,
 Дуракъ селовейка !
 Не вѣй, не вѣй тепла гитрадушка,
 Не вѣй при дорожкѣ.
 Да сядь ты тепло гитрадушко,
 Въ лугахъ при долинь,
 Въ лугахъ при долинь,
 При долинушкѣ. —
 Да сядь при долиноу,
 Въ широкомъ раздолѣ.
 Никто твою тепло гитрадушка
 Никто не разорить,
 Никто не разорить.
 Никто твоихъ малыхъ дѣтушекъ,
 Никто на разгонитъ,
 Никто не разгонитъ.
 Какъ во этой во долинушкѣ
 Стоитъ темная темница,
 Темная темница.
 Какъ во этой ли во темницѣ,
 Ни дверей, ни оконечекъ,
 Ни дверей, ни оконечекъ. —
 Одна трубочка,
 Труба дымовая,
 Труба дымовая !
 Какъ изъ этой ли съ трубочки
 Дымокъ повѣваетъ,
 Дымокъ повѣваетъ.
 Какъ во этой ли во темницѣ,
 Сидитъ удалой молодчикъ,
 Удалой молодчикъ.
 Тутъ вѣдала, тутъ проѣхала
 Гостыя дорогая,
 Гостыя дорогая.
 Тому молодцу, тому доброму,
 Матушка родная,

Матушка родная.

Да ты дитятко, да ты милое,

Съ кѣмъ отсюда поѣдешь ?

Какъ по край то берега,

По край синя моречка,

Камыши высокіе.

Какъ во тѣхъ лѣ во камышикахъ,

Стояли палатушки.

Какъ во этихъ во палатушкахъ,

Стоять столики камышевы.

Какъ на этихъ на столикахъ камышевыхъ,

Скатерти шелковыя.

Какъ за однимъ то столомъ,

Сидитъ доброй молодецъ

Съ душой красной двушкой. —

Какъ игралъ то онъ,

Съ душой красной двушкой,

Во гусли серебряныя.

Какъ проигралъ то онъ

Душѣ красной дѣвицѣ,

Проигралъ три корабличка,

Да все нагруженныя. —

Какъ и первой проигралъ корабличекъ,

Проигралъ съ чистымъ серебромъ ;

Какъ второй проигралъ корабличекъ,

Съ крупнымъ жемчугомъ,

Третій съ цѣпнымъ платьемъ.

Какъ проигравши все три кораблички,

Самъ бѣдной задумался,

Не печался доброй молодецъ !

Возвратился назадъ

Три кораблица ,

Да все твои нагруженныя.

Ты возьми удалъ, доброй молодецъ,
 Меня за мужъ за себя.
 Мы отправимся съ тобой,
 Доброй молодецъ,
 Во каменну Москву жити.
 Пропадай, пропадай лучше !
 Мои три кораблика,
 Со чистымъ серебромъ,
 И со вѣзмъ нитцѣемъ. —
 Не возыму я тебя,
 Душа красная двинца,
 За мужъ за себя. —
 Не согласенъ я отправиться съ тобой,
 Раскрасавица !
 Во каменну Москву жити,
 И тебя женой имѣти. —

Я вечеръ въ гостяхъ гостила,
 Во компаньецъ была;
 Что нѣтъ лучшаго молодчика,
 Я въ любовь къ себѣ взяла.
 Не постыдно съ нимъ водиться,
 Можно радостью называть;
 Добра молодецъ,
 Красавчикомъ величать.
 Хорошъ, пригожъ мой миленькой,
 Дружекъ уродился.
 Со мной красной двинцей,
 Повадился.
 Отъ своей сторонюшки,
 Удалился.
 Хорошъ, статенъ, приубравъ,
 Походочка щепетна,
 Тароватъ на всѣ дѣла.

Распрекраснѣвъ своимъ взоромъ,
 Милъ сердечко заразилъ.
 Своими лестными словами,
 Танцевать съ собой просилъ.
 Долго, долго танцевали, —
 Появился жаръ въ лицѣ.
 Вышли въ садъ прохладиться,
 Чтобы жаръ съ лица согнать.
 И я млада испугалась, —
 На дворѣ—та темна ночь!
 Знать мнѣ красной дѣвицѣ,
 Должно скрыться отсюда прочь.

Ночной темнотою
 Всѣ покрылись небеса (*).
 Люди для покою,
 Всѣ сомкнули глаза.
 Внезапно кто-то постучалъ,
 И сонъ пріятный перервалъ.
 Кто же тамъ стучится?
 Со гнѣвомъ я закричалъ.
 Тонко кто-то отвѣчалъ:
 Я мальчикъ бѣдной заплутался!
 Я смѣлость приняла,
 И двери отперла. —
 Согрѣйте, мерзало тѣло,
 Я мальчикъ, чуть дышу.
 Мнѣ жалко очень стало,
 Свѣчу въ комнату зажгла.
 Я вижу онъ крылами,
 Сильно машетъ предо мной!

(*) Эта пѣснь передана народомъ, потому она представляется здѣсь безъ измѣненій.

И грудь моя прошила,
 Преострая стрела.
 Лишь онъ обогрелся,
 Тотъ часъ мнѣ обаянъ :
 Врагъ твой оживился,
 Владѣть тобою принялъ.
 Всюду каменныя чароги,
 Гдѣ я съ тобою обиталъ.
 Грустно дѣвушка сказала :
 О несчастная моя судьба!
 Чародѣй нѣкогда владѣсть,
 Я пропала навсегда.
 Не успѣла слова молвить,
 Какъ очутилась я у твоихъ палатъ.
 Заиграла музыка
 Въ чародѣйныхъ домахъ,
 Дѣвушка въ памяти очутилась, —
 Чародѣй вродѣ ней стоялъ.

Солнце красное! оставяй небеса,
 Скорѣ катись за темныя лѣса.
 Мѣсяцъ ясный! останься за горой,
 Небеса! покройтесь тѣнотою. —
 Дайте мнѣ времячко,
 Укрыться отъ людей,
 И наплакаться по участи своей, —
 Люди бѣгаютъ отъ грусти моей.
 Имъ нужно знать слезъ причину!
 А гдѣ милой мой? а гдѣ радость? гдѣ дорогой?
 Не навѣки ли ты простился, .
 Дружокъ миленькой со мной?
 Пѣть ни писемъ, нѣтъ ни вѣстей,
 Отъ тебя моя радость, мой дорогой!
 Напиши милой другъ мнѣ вѣсть,
 Что забылъ ты ужъ меня. —

Дай отраду посторонне умереть,
 Чтобы на святъ мнѣ болѣе не смотреть.
 Для того знавъ и уредивъся милою,
 Чтобы узнать страсть, дружка любя.
 Любовь мнѣ терзаетъ,
 И навѣнь сжимаетъ мнѣ глѣза,
 Прощай милой другъ, надежда!
 Оставляю и я тебя. —

Вы подруженьки мои!
 Вы придите ко мнѣ,
 Погорюйте обо мнѣ,
 Погорюйте обо мнѣ!
 Посидите у меня,
 Веселѣе будетъ мнѣ,
 И матушкѣ родной,
 И батюшкѣ моему,
 И батюшкѣ моему!
 У моего родимого
 Есть зелененькой садокъ,
 Въ саду кѣтъ погодушки,
 Лишь листочки шумятъ,
 Лишь листочки шумятъ!
 Развѣвающимъ платочкамъ
 Все слухамъ гонерять,
 Все слухамъ гонерять,
 Летѣть ахъ съ соловушкѣ,
 Летѣть браво! молодой!
 Я спрошу соловушка:
 Тужать ли милой по мнѣ?
 Тужить ли, горюеть ли?
 Хоть онъ тужить —
 Малоеть обо мнѣ,
 Хоть онъ тужить —

Малость обо мнѣ,
 Во матушки во Москвиты,
 Во матушки во Мосавы.
 А я по немъ дѣвушка,
 Сокрушаюсь навсегда!
 Стой, стой кручиннушка,
 Пойду во зеленъ садъ гулять,
 Пойду во зеленъ садъ гулять.
 Со той со досадушки,
 На сыру землю паду;
 На сыру землю паду!
 До тѣхъ поръ лежати буду.
 Когда три часа пройдутъ,
 Вся минуты изойдутъ,
 Горючи слезы прольются,
 Горючи слезы прольются,
 Быстры рѣки пройдутъ,
 Ко мнѣ дѣвушки прійдутъ.
 Тогда встану я, опомнюся,
 Въ нову горницу взойду,
 Въ нову горницу взойду. —
 Сяду на лавочкѣ,
 Погляжу въ окошечко:
 Да нейдетъ ли мой милой?
 Да нейдетъ ли мой милой?
 Не летитъ ли соколикъ?
 Раздуженька свѣтникъ мой,
 Раздуженька свѣтникъ мой!
 Что ты здыгалъ надо мной,
 Надъ дѣвушкой молодой,
 Надъ дѣвушкой молодой,
 Надъ моею русой косою?—
 До чего меня довелъ? —
 До славушки до худой,
 До славушки до худой.
 Хоть славушка пройдетъ,
 Никто за мужъ не возьметъ. —

Не лести мной словами,
 Не обманывай въ глаза !
 Ты почувствуй, другъ любезный,
 Какъ я люблю тебя !
 Черезъ тебя ли, мой любезный,
 Много горечи терплю,
 Вся досады перенесла? —
 Я со младости лѣтъ
 Во долинушки выросла,
 Я отъ солнца, я отъ жару
 Лице было сберегла;
 Сберегла лице прекрасное,
 Для нещатной судьбы своей.
 Ты судьба моя, судьба !
 Судьба горькая моя !
 Вся злодѣи мнѣ грозятъ,
 Разлучить съ тобой хотятъ.
 Насъ съ тобой тогда разлучать,
 Когда кончится любовь.
 Вы шабры мои ближніе, (*)
 Вы не дайте мнѣ, шабры,
 Злою смертию умереть.
 Приведите мнѣ шабры, писари,
 Чтобы онъ дружку
 Письмо написалъ.
 Я письмо то напишу,
 И словами расскажу:
 Ты поведешь миленькой жениться,
 Забвѣй ко мнѣ дружокъ,
 Хоть проститься. —

(*) Шабры, — сосѣды, шабры ближніе, сосады живущіе
 вблизи. — Шабры слово татарское.

Ужъ степь, ты наша степь !
 Степь наша уральская !
 Ничегохоньки во степи не уродилось,
 Ни травоньки, ни муравоньки !
 Уродилась во степи,
 Одна горькая полынушка, (*)
 Уродилась еще во степи,
 Бывая березонька. —
 Мимо этой березоньки,
 Лежала дороженька :
 Никто по той дороженькѣ,
 Никто не прохаживалъ. —
 Только шли, прошли
 Одни извозничьи,
 Молодые колонисты.
 Во пути то у нихъ
 Случилось несчастье большое :
 Захворалъ, занемогъ,
 Молодой извозчикъ. —
 Онъ при смерти лежить,
 У своихъ товарищевъ молить :
 Ужъ вы братцы, вы мои товарищи !
 Не покиньте, вы братцы,
 При бѣдности меня !
 Вы возьмите, братцы,
 Вороныхъ коней моихъ.

(*) Уральская степь, представленная здѣсь безплодною, дѣйствительно есть такова, сколько мнѣ извѣстно по протяженію ахтубинской ея долины, находящейся въ царевскомъ уездѣ. Ахтубинской долиною называется солонцоватое пространство между р. Ахтубой и лѣвымъ берегомъ р. Волги, и оно идетъ до уральской возвышенности. На ахтубинской долиніи часто выгораетъ трава отъ солнечнаго зноя, въ началѣ мая. Вся степь усыiana тѣмъ азіатскою полынью, которая издаетъ прекрасный запахъ.

Вы скажите, братья,
 Матушки и батюшки нивкой поклонъ,
 Молодой жемъ мое почитанье.
 Малышъ роднымъ моимъ дѣтушкамъ,
 Вѣчное благословеніе.
 Вы скажите братья, матушки моей,
 Что я остался въ дикой степи. —
 На могилушки моей
 Растетъ ковыль травонька,
 Въ головахъ растетъ горькая полынушка,
 Въ развѣхъ ногахъ стоятъ автри лютые:
 Разарутъ мое тѣло бѣлое,
 Растаскаютъ мои ностовья.
 По дикой степи! —

Что это у меня былъ за миленькой!
 Милъ, прекрасенъ и хорошъ. —
 Носилъ милой сибирчку,
 Шалунову голубу (*);
 Носилъ онъ жибеточку,
 Матеревую хорошую;
 Носилъ другъ шараварушки,
 На лейковыхъ помочахъ,
 На могучихъ плечахъ.
 На пудрахъ у него шляпонька,
 Распрекрасна, хороша!
 Сказали про милого,
 Что милой не живъ,
 Милой безъ вѣсти пропахъ,
 Въ синѣ моръ потонулъ. —
 Какъ вечеръ ли мой размиленкой,

(*) Шалунъ, шыковая матерія: она имѣетъ отливъ сине-зеленый и красно-золотый.

Вдоль по улицѣ прошель,
 Онъ нову пѣсеньку пропѣлъ,
 На гитарѣ проигралъ,
 Въ теремъ голосъ подавалъ,
 Мнѣ красной дѣвухѣ извѣщалъ :
 Здорово ли моя Любушка,
 Пожираешь безъ меня ? —

Волга-матушка взволновалася,
 Ничего въ волнахъ не видно !
 Только видно въ волнахъ,
 Одну красну лодочку.
 Красна лодочка плыветъ, красивется,
 Весельчики на ней зеленѣются.
 Самъ хозяинъ сидитъ во нарядѣ:
 Въ желтомъ нанковомъ кафтанѣ,
 Въ черномъ бархатномъ картузѣ.
 На картузѣ славной козырекѣтъ,
 Самъ онъ кушеческой сыночекѣтъ.
 Заворачивайте ребята
 Къ Настасьинуму ко подворью.
 Настасьюшка сама выходила,
 Стаканъ води выносила,
 Ванюшкинкѣ дружѣкъ подносила.
 Ты выпейка, дружекъ, испушай!
 Нонѣ не нью Настася,
 У насъ въ домѣ несчастъ:
 Поголовной наборъ солдатской!
 Хотятъ меня молодца,
 Отдати во солдаты.
 Ужъ я выйду на сходъ, поклонюся:
 Вы помилуйте, мірски люди!
 Я ни воръ, я ни разбойникъ,
 Я до дѣвушекъ былъ охотникъ,
 До молодыхъ былъ привѣтливъ.

И воровъ совсѣтъ не зналъ,
 Приносилъ покорность вамъ,
 Всегда былъ я добръ и честенъ,
 Къ воровству не причестенъ (*).

Какъ ушелъ-та воръ казаченька,
 Ушелъ со тихаго Дону.
 Какъ унесъ съ собой воръ казаченька,
 Унесъ строевое ружье,
 И саблю острую.
 Онъ увелъ съ собой, воръ казаченька,
 Увелъ силы множества.
 По расчету-то онъ увелъ, воръ казаченька,
 Ровно сорокъ тысячцевъ, —
 Онъ увелъ ихъ, добрыхъ молодцевъ,
 Да все казаченковъ, да все вооруженныхъ.
 Какъ и ушли они, воры казаченьки,
 Все путемъ, глухими дорогами,
 Какъ глухими дорогами, дикими степями;
 Какъ дикими степями, темными лѣсами.
 Какъ и платье было, на ворахъ казаченькахъ,
 Все было шелковое,
 Какъ фураженьки, на ворахъ казаченькахъ,
 Были сукна дорогаго,
 Онъ сшиты были полка полегаго.
 Подъ командою они были, воры казаченьки,
 Полковника молодого.
 Черезъ быструю рѣчку шли воры казаченьки,
 Да всѣ перемочились;
 Во черной они во грязь,
 Да всѣ перепачкались.

(*) Вмѣсто непричестенъ.
 Часть II.

Пошли дивушки, пошли красныя,
 Онъ на рынокъ гулять,
 На рынокъ, на ярмарку малярскую,
 На славу alexaндровку. (*)
 Онъ гулял, красны дивушки,
 Бѣлой дѣнь до вечера,
 До самой полуночи.
 Полуденная звѣзда высоко взошла, —
 Звѣзда за полночь зашла.
 Оня красны дивушки,
 Въ кучу собиравшяся,
 Домой всѣ отправлялися.
 Шли они, красны дивушки,
 Закаулки, переулочки,
 Ничего онъ не боялися.
 А боялися дивушки,
 Опасались красныя,
 Журыбы свои не выпускалъ.
 Родня матушка журить, бранить,
 Любить дружка не вѣститъ.
 Хотя и дивушка
 Гулять поудно не стану,
 А любить дружка не перестану.
 Милой ласковъ и хоронъ,
 Онъ уважать мнѣ во всякъ готовъ.
 Я страдать буду отъ матери, отъ отца,
 Не расстанусь съ дружишкою навѣки, до конца.

Какъ не бывая березка, березка,
 Свивалася, ой совивалася!
 Какъ дивушка съ молодцемъ, съ молодцемъ,

(*) Почему малярская ярмарка названа въ честь alexaндровскою, я не могъ допроситься.

Совыкалася, ой совыкалася!
 Совыканьене у нихъ, у нихъ,
 Было тайное, ой было тайное!
 Раставаньене у нихъ, у нихъ,
 Было слезное, ой было слезное!
 Запрягаетъ милой другъ, дружкѣ,
 Вороныхъ, ой вороныхъ коней!
 Соважастъ дружкѣ, дружкѣ,
 Съ широка, ой съ широка двора.
 Онъ сохавши со двора, заплыть,
 Съ горя несемьку, ой съ горя нвсеньку!
 Ты прощай, прощай святникъ,
 Моя Любушка, ой моя Любушка!
 Наживай себя Любушка
 Инаго разнилаго,
 Ой дружка нилаго!
 Если лучше меня наживеши
 Позабудитъ, ой позабудетъ!
 Если хуже меня наживеши,
 Вспомниши, ой вспомниши!
 И еще, что это у меня,
 Былъ дружкѣ за миленькой,
 Былъ дружкѣ за хорошанькой!
 И гулять пойдеть дружкѣ,
 И меня, ой и меня съ собой беретъ! —
 Провожала Любушка дружка
 Далекохонька, далекохонька,
 Распростилась она съ миленькимъ. —
 Вспоминаетъ она воздыханьемъ:
 Что былъ за миленькой, ой за миленькой!

Вы комарики мои,
 Не кусайте комары,
 Мое бывое лице.
 Мое бывое лице,

Разгорьблось горячо ;
 Ровно аленькой цвѣтокъ,
 Во чистомъ полѣ цвѣтеть.
 Тамъ и травка зелена,
 Гдѣ мой миленькой гулять,
 Гдѣ ласково меня цѣловалъ ;
 Гдѣ ласково цѣловалъ,
 Туго къ сердцу прижималъ
 Раздушенькой называлъ,
 Раздушенькой называлъ.
 Ты раздушенька моя,
 Вечеръ былъ я у тебя,
 Вечеръ былъ я у тебя.
 Не узнала ты меня
 Отсылала отъ себя,
 Отсылала отъ себя,
 Тѣмъ огорчила дружка. —
 Вспомни миленькой дружекъ,
 Какъ ты былъ у меня,
 У крашеннаго крыльца,
 У крашенато крыльца;
 Во горинцу взошелъ,
 Къ кровати подошелъ
 Къ кровати подошелъ,
 Открылъ браной положекъ,
 Взялъ за рученьку мою,
 За золотой перстенецъ.

Широкохонько Волгушка разливалася,
 Во крутые бережечки не вбиралася,
 Со желтымъ песочкомъ сомикалася.
 Вобралась Волгушка во горы,
 Во доли и лѣса зеленые.
 Позатопляла Волгушка травы зеленныя,
 Оставался одинъ чистъ ракитонъ кустъ.

Какъ на кустикъ свито гизадушко,
 Во гизадушкѣ сидѣть младъ соловушекъ.
 Хорошо онъ поетъ, высаматываетъ,
 Выговорушки выговариваетъ
 Голосочкомъ всему городу,
 Матушкѣ каменной Москвѣ.
 Какъ отецъ съ матерью всю ночь не спать,
 За столомъ сидѣть, за столомъ сидѣть,
 Они думу думаютъ : котораго намъ сына
 Во солдатунки отдать? —
 Намъ большаго отдать, дѣтей много ;
 Намъ средняго отдать, жена умна,
 Какъ жена-то умна, по ней домъ стоять.
 Намъ отдать ли, не отдать,
 Сына малаго, не женатаго.
 Какъ я малой сынъ, воръ догадавъ былъ,
 Во ногахъ онъ лежить, просить жребія.—
 Ужъ вы дѣти мои молодыя!
 Вы подите дѣти на конной дворъ,
 Осѣдлайте коней, что нѣтъ лучшихъ.
 Вы ступайте дѣти, во чисто поле,
 Вы срывайте всѣ по жеребью,
 Вы бросьте во Волгу матушку.
 Какъ большой бросилъ жребій,
 Въ верхъ воды пошелъ ;
 А середній бросилъ,
 Внизъ воды пошелъ ;
 А холостъ бросилъ,
 Какъ тяжелъ камень—жребій
 На дно пошелъ.
 Какъ пришло намъ отдать,
 Сына малаго, не женатаго,
 Такъ и заплакался,
 Объ сыру землю ударился :
 Ахъ я, батюшка вамъ,
 Не кормилецъ, не работническъ былъ?

Полно близинкой ситничекъ,
 На талой земли лежать;
 Полно милешкой дружечекъ,
 Не сторонясь тоскочить.
 Не пора ли, не время ли,
 Любешую забывать?
 Что это у милаго дружечка,
 Что за унь, за разумъ такой,
 За обычай за дурной!
 Милой не сказывалъ
 Любви ниинной. —
 Если любить, скинися;
 А не любить, откажися.
 Милъ ли дѣвушка поравно?
 Не введи въ худую славу, не кледи.
 Худа славушка, безчестье;
 Роду племени укоръ,
 Стыдъ головошкѣ удалой!
 Милъ жалься прійти дѣшой,
 Оказати мигушкѣ родной.

Какъ у ключика было,
 У текучаго у колодезя,
 У студенаго у лужечка, у зеленого,
 Красна дѣвушка платья прала,
 А доброй молодецъ коня поилъ,
 Съ красной дѣвушкой, дѣвушкой разговаривалъ,
 Онъ къ себѣ дѣвушку подговаривалъ.
 Молодая-та жена была догадлива,
 Взяла ведры сама за водой пошла. —
 За водой-та пошла, она воду черпала;
 Почерпнувши воды, съ дѣвкой поразмолвилась,
 Поразмолвившись, стала ей угроживать:
 Не быть тебѣ дѣвушка,
 Не быть на бѣломъ свѣтѣ;

Не любить тебя, дѣвущикъ,
 Моего мужа, своего друга.
 Эта дѣвущка мснугалась,
 И матушкѣ пожаловалась:
 Что это, матушка,
 У меня голова болитъ? —
 Во полночи дѣвущка,
 Зѣмалась вся больна,
 Ко бѣлой зарѣ,
 Дѣвущка переставилась.
 На восходѣ солнушка,
 Стали въ колокола звонить,
 И дѣвущку хоронить.

Какъ у молодца заболѣла голова,
 У хорошаго, со зеленого вина.
 Великъ городъ Москва,
 И матушка-Москва широка.
 Никто въ Москвѣ ни ходить, ни гуляеть.
 Только шелъ, пришелъ, дѣтинушка молодой,
 У дѣтинушки нѣтъ заботы никакой.
 Только есть одна забота, сухота:
 Навязалась не по совѣсти жена.
 Журить, бранить своего мужа завсегда!
 Мужъ изъ гореньки во свѣтличку пошелъ,
 Въ потемнотѣхъ буйну голову чесалъ;
 При ясномъ огнѣ кудерюшки завивалъ, —
 Завивши кудри, черну шляпу надѣвалъ.
 Надѣлъ шляпонуку, вдоль по улицѣ пошелъ.
 Пошелъ, пошелъ, ко сударушки зашелъ,
 На бѣлой зарѣ, къ молодой женѣ пришелъ.
 Молода жена! раствори-ка ворота.
 Я неворъ пришелъ, не разбойничекъ денной,
 Я пришелъ къ тебѣ самъ хозяинъ коренной;

**Я принесъ тебѣ гостиницъ дорогой:
Шелковую плетъ въ рукахъ. —**

Какъ по морю синенькому
Плавали, гуляли корабли;
Какъ на кажиіемъ корабличкѣ,
По пяти сотъ молодцовъ,
Государевыхъ гребцовъ,
Славныхъ пѣсельниковъ.
Хорошо гребцы гребутъ,
Весело пѣсни поютъ,
Разговоры говорятъ,
Лиходѣя все бранить:
Ты лиходѣй, расканиалья!
Обобрагъ кормовыя, харчевыя,
Третьи денежныя. —
На эти денежки
Палаты себѣ слагалъ.
Бѣлыкаменны палатушки,
Стѣны мраморныя;
Изъ хрусталя потолокъ,
Позолоченой конекъ. —
Какъ на эти потолоки,
Москва рвчушка взошла;
Не сама собой взошла,
Неволюшкой взведена,
И жива рыба пущена. —
Какъ во этихъ палатахъ,
Кроватушка смощена;
На этой на кровать,
Самъ лиходѣй почивалъ,
На живу рыбу смотрѣлъ,
Онъ рѣчи говорилъ:
Ужъ ты, рыба, ты блуга!
Ты за чѣмъ сюда взошла?

Не сама собой я взошла,
 Неволонка зашла, —
 Твоя хитрость призвала.

Веселится подружки,
 Весна скоро придетъ;
 Весна скоро придетъ,
 Солнце взойдетъ.
 Сгонить снѣги и морозъ.
 Сгонить снѣги и морозъ,
 Съ горъ покатится вода,
 Во зеленые луга.
 Во лужкахъ ужъ травка зелѣветъ,
 И цвѣточки разцвѣли,
 Разцвѣли въ полѣ цвѣточки,
 Гдѣ ракизовой кустокъ. —
 Между этихъ кусточковъ,
 Волга матушка прошла.
 Какъ надъ этою, надъ Волгою,
 Кустъ малинушки стоитъ;
 И въ этомъ ли кусточкѣ,
 Соловей громко поетъ.
 Не пой, не пой, соловушекъ!
 Во зеленомъ саду весной.
 Возьми горечко съ собой,
 Унеси горе далеко, —
 Чтобъ не слыхати про него,
 Про горечко прошлое. —
 На водѣ горе не тонетъ,
 И огнемъ горе не жжется,
 Прочь отъ двушекъ пѣдетъ.
 А молодца горе беретъ. —
 На совѣтъ двушка неидетъ,
 Подарочки не беретъ. —

Я вечеръ въ пеломъ,
 Во компанияхъ пробываю;
 Сидю ли одна,
 За убранный столъ.
 Съ соколою прохлаждалася,
 Пива пьянаго напивалася, —
 Правыми ручками обнималася.
 Ни по долгой часъ,
 Промолвилъ молодецъ словечко:
 Здылай радость, сердечко,
 Поцѣлуй меня! —
 Я такой страхъ швию,
 Цѣловать тебя не смѣю.
 Боюсь мненькой тебя,
 Опасаюсь свѣтяться будешь надо мной. —

Отдавали меня молодцу,
 На чужу сторону,
 Не заровнюшку.
 Не заровней буду жить:
 Буду плакать и тужить,
 Тебя ли мненькой сушить!
 За горами, за долами,
 За крутыми берегами,
 Лужечекъ тамъ былъ.
 Во лужечкѣ дубочекъ,
 Подъ дубочкомъ молодчикъ,
 Въ пригоры сидитъ.
 При такомъ ли пригоры
 При великой кручинѣ,
 На свѣтъ не глядитъ.
 Скрыйся, скрыйся, вольной свѣтъ!
 Сударушки дома нѣтъ. —

Гдѣ гуляю, гдѣ хожу,
 На умѣ дружка держу.

На умъ, на разумъ,
 На своихъ кривыхъ нисомахъ
 Было въ рукахъ счастье,
 Не сумела содержать.
 Любила меня, молодчика,
 Не могла любовь признать.
 Стала любовь признавать,
 Стала миленькой отставать,
 Съ иной миленькой стала гулять,
 Гуляй, гуляй, Машенька!
 Гуляй развеселая:
 Поколю волюшка твоя,
 Не покрыта голова.
 Покроютъ головушку,
 Наложутъ заботушку,
 На красну дивушку.
 Первая заботушка:
 Свекоръ да свекровушка;
 Другая заботушка
 Деверъ да золовнушка;
 Третья заботушка,
 Мужъ, удаля голова,
 Онъ гуляетъ безъ меня,
 По вдовушкамъ, по вдовихъ,
 По замужниимъ женамъ.
 Какъ и замужняя жена,
 Не лучше меня. —

Шла Машенька изъ лѣсочка
 Несла въ рукахъ по вѣночку, сама говорить:
 Ты пастухъ мой, пастушечекъ!
 Пастухъ миленькой дружечекъ,
 Не покинь меня!
 Не покину сиротину
 При широкой долинь,

Во лужу одну. —
 Туда, сюда наступъ бросался,
 Съ столомъ управлялся,
 Домой постигалъ.
 Онъ жемъ своей рѣчи изъяслялъ :
 Жена моя, жемушка!
 Жена, вѣрная служанка.
 Не жди меня почевать. —
 Ты жди меня порою,
 Вечернею зарею,
 Утренней росой, —
 Пойду погулять.
 Меня звали, позывали,
 Въ вѣснъ садъ гулять.
 Тамъ гулять по садочку,
 По ракитову кусточку, —
 Гдѣ Машенька ждеть.
 Ждала Маша, поджидала,
 За ракитовъ кустъ запала.
 Пушай милъ пройдетъ!
 Машино сердце не стерпѣло,
 Громкимъ голосомъ вскричала :
 Здѣсь я милой!
 Мой миленькой взрадовался,
 На бѣлую грудь бросался,
 Началъ цѣловать.
 Онъ цѣлуетъ и мѣлуетъ,
 Туго къ сердцу прижимаетъ,
 Машой называетъ.
 Ты Машенька черноброва,
 За тѣмъ ты любишь пнаго,
 А меня покидаешь? —
 На то милой осердился,
 Съ Машей не простился, —
 Толкнулъ ее въ грудь. —

Ужь ты садъ, мой садикъ,
 Садъ зеленой винограда.
 Садилъ тебя Иванъ
 Ой, ой, ошеньки !
 А поливалъ Селиванъ,
 Обгораживала Селиванова жена.
 Въ саду молодецъ гулялъ;
 Разорили, погубили,
 Довели до конца,
 Ой, ой, ошеньки !
 Да никто по нимъ
 Не кричить, не кричить !
 Гляну я на окошечко,
 Родной дедушка идетъ,
 Восемьдесятъ рублейъ несетъ.
 Ой, ой, ошеньки !
 Гляну я, родна бабушка идетъ, —
 Льняной холстъ несетъ ;
 Еще гляну я во красное,
 Родной батюшка идетъ,
 Благословенья несетъ. —
 Родна матушка,
 Горячія слезы льетъ,
 Ой, ой, ошеньки !
 Еще гляжу я, родной дедушка идетъ,
 Зипунъ съ шубою несетъ.
 Еще гляжу я, родна тетюшка идетъ,
 Мотокъ ниточекъ несетъ.
 Ой, ой, ошеньки !
 Родной братецъ идетъ, ворона коня ведетъ;
 Родная сестрица идетъ,
 Шириночку несетъ ;
 А позади-та всѣхъ идетъ,
 Молодая жена,
 Молодыхъ дѣтушекъ ведетъ,
 Ровно пчелушка гудеть.
 Ой, ой, ошеньки !

Капъ по стѣнѣ, по дорожкѣ,
 Шли солдаты молодые,
 За собою дѣвку нашили.
 Пойдемъ дѣвка, пойдемъ красная !
 Съ нами съ молодцами.
 У насъ жить, дѣвушка,
 Прищельно и бокало.
 У насъ горы сахарныя,
 Текуть рѣчки медовыя,
 По лужку травка шоколовая. —

Старой солдатъ дѣвку унимать,
 Платкомъ слезы утирать :
 Не плачь дѣвка, не жаль красная !
 Не мечешь дѣвка на балы,
 На разпутскіе обшары. —
 У насъ горы враншныя,
 Текуть рѣчки враншныя ;
 Въ лужку травка ромашковая,
 Все осочка релешная. —

Ушелъ солдатъ со ладоху,
 Унесъ съ собой строевое ружье,
 Саблю острую. —
 Онъ пошелъ вдаль по улицѣ,
 Острой саблей подпирается,
 Остра сабля согибается. —
 Онъ зашелъ молодой солдатъ,
 Къ отцу, къ матерѣ.
 Пустя батюшка, пустя матушка,
 Пустя обогрѣтся !
 Мать, отецъ солдатика не угадали,
 Квартирушку ему отказали.
 Онъ дошелъ отъ одошечка,
 Самъ бѣдной заплакалъ ;
 Отшедши отъ одошечка,

Воспѣлъ пѣсню новую.
 Матушка и батюшка,
 Его жалось угадали:
 Поди дитятко, поди милор,
 Поди обогрѣйся!
 Взойди дитятко,
 Взойди по за-дворью.
 У насъ дитятко, у насъ милор,
 Шабры люди вѣде.
 Мать, отецъ солдатына
 Наполни, накормица,
 Золотой казной наградами.
 Ты ступай, мод дитятко,
 Ступай насъ милор,
 Къ оцесу начальству,
 Явись, поворнись полковничеству.

Не была зоря занимается,
 Не красно солнце изъ за—горъ выкатывается,
 Не свѣтель мѣсяцъ высоко всходитъ,
 Выше лѣса темнаго,
 Березничка, горькой осинишки.
 Не пылъ въ полѣ запылывается.
 Не туманъ съ поля поднимается:
 Летятъ гуси, лебеди,
 За гусьми летить сизой орелъ.
 Пойдите гуси, пойдите лебеди!
 Я не бить васъ лечу,
 Я спросить хочу.
 За орломъ летить младъ ясенъ соколъ,
 Ностой, постой, сизой орелъ!
 Я не бить тебя лечу,
 Я спросить хочу.
 Гдѣ ты сизой орелъ,
 Леталъ, полетывалъ? —

Я летать, полетывать,
 По тихой степи, по уральской.
 Ты чего орешь смотреть, высматривать?—
 Я смотрю, высматриваю диво дивное:
 Тело мертвое, убитое.

Какъ слали къ намъ указы невеселы,
 Намъ объ наборѣ говорили,
 Насъ молодцевъ выбирали въ гусары;
 Не женатыхъ, холостыхъ.
 У насъ кони вороные,
 Садлица золотая,
 Въ рукахъ поводочки шелковыя.
 У насъ ружья были заряжены, —
 Мы стояли на приступѣ, —
 Въ непріятелей палили,
 Сражались весело. —
 Сражанье долго шло,
 До бѣлой до зари.
 Какъ зоринька занялась,
 Вся силушка собралась,
 Стали тела разбирать,
 Своихъ Русскихъ узнавать.
 Много силушки побили,
 И конями потоптали.
 Отдыхали мы день весь,
 Съ предводителямъ своимъ здѣсь.
 Въ глухую полночь,
 Ушелъ Французъ съ силой прочь (*).

(*) Эта пѣсня военная, и на какой случай она сложена, не известно. Но изъ нее однако видно, что это намекъ на одну изъ битвъ 1812 г.

Какъ французская вошла
 Много горя приняла,
 Отъ Платова казака.
 Платовъ казакъ къ Французу въ гости,
 Въ гости затѣжалъ.
 Онъ безъ спросу, безъ доклада,
 Во палатунку взяшелъ.
 Платовъ Богу помолился на всѣ стороны,
 Челомъ Французу низенькой поклонъ.
 Еще Французъ не узналъ,
 На рывы ноги вставалъ,
 За купчика почиталъ,
 За дубовой столъ сажалъ,
 Рюмку водки наливалъ,
 Онъ Платову подносилъ:
 Выпей купчикъ, выпей любчикъ,
 Ты купческой сынокъ! —
 По Ростви я гулялъ,
 Много Русскихъ людей зналъ;
 Одного я не зналъ, Платова казака. —
 Кабы кто мнѣ указалъ его,
 То бы казны денегъ много далъ. —
 На что казну-деньги терять,
 Его можно такъ видать.
 Погляди на меня,
 Я похожъ на Платова казака,
 Ровно братъ онъ мнѣ родной,
 Какъ отъ матери одной.
 Прочь Французикъ отвернулся,
 Платовъ надъ нимъ усмѣхнулся.
 Вишь Платовъ, Платовъ! вотъ онъ пошелъ!
 Покрай крылець взяшелъ.
 Громкимъ голосомъ вскричалъ:
 Кабы были мои верныя слуги,
 Подвели бы мнѣ коня.
 Я бы свѣзъ, полетѣлъ,
 Самъ бы писеньку запѣлъ:

Ужъ ты, розниа ворона,
Загуменная парга!
Не съумѣла ворона,
Яснаго сокола держать.
Вытѣжай-ка ты, ворона,
Во чистое поле гулять.
Со мной силушки шитать.

На печкѣ сижу, заплатки плачу,
Своего мужа заплачиваю,
Жую, пожуриваю.
Продай мужъ кобылушку,
Сърую,
Куца мужъ шубенку,
Соболевую. —

Я наряжусь, на улицу пойду:
Люди глядятъ: чѣмъ такова? —
Со барскаго двора,
Гостина жена.
Я съ улицы приду, на печку сяду.
Мужъ говорить: жена ты моя!
Вирагай сани въ лѣсъ по дрова,
По дубовыя, по здоровыя. —
Мужъ варгалъ въ цѣликъ, (*)
Наклагъ возъ великъ. —
Подъ горку ѣду, похлывываю,
На горку ѣду, похлывываю. —
Ребятѣмъ кричу, похлывываю:
Ребятѣ, ребятѣшки! лошадка хороша, —
Возъ дровъ привезла.
Мнѣ не то тошно, что я возъ везу;

(*) Цѣликъ, — лѣсъ не початый, тоже самое говорится о не
наханой нивѣ.

Мнѣ то тошно, что песь сидитъ,
Ребятѣ кричитъ, позоритъ меня. —

Заводы мои, заводушки,
Фабричные вы, горемычные!
Скажи дѣвица: кто заводы заводилъ?
Заводилъ заводы сынъ купеческой Алексюшка,
Разорилъ заводы, сама въ лѣсъ пошла.
Сама въ лѣсъ пошла, по ягоду,
Въ лѣсъ по черную по смородину.
Не въ лѣсу дѣвица заплуталася,
На рябину дѣвица заглядѣлася,
Ты рябинушка моя, кудрявая!
Когда ты взошла? когда выросла?
Я весной то взошла, лѣтожь выросла;
По зорямъ то цвѣла,
Въ полдень цвѣтъ ональ.

За рѣчишкою за Волгою,
За другою рѣчкой за переправною,
Не коньки травка зашаталася,
Загуляла доброй молодецъ, —
Что задумевшой другъ! —
Я не самъ зашелъ,
Занесла меня неволонина,
Чужа дальная сторонюшка,
Чужа дальная, нужда крайняя.
У меня жизнь боярская,
Жизнь боярская, служба царская.
Служилъ Царю бѣлому,
Петру первому.
Хорошо ль вамъ братцы,
Во строю стоять, по ружью держать? —
Были ручки ко ружью придержались,

Ръзвы ноженьки,
 Къ сырой землѣ пристоялися.
 Мы стояли до полуночи. —
 Полуночная звѣзда высоко взошла,
 Высоко взошла, за полдень зашла. —

Попила-та моя буйная головушка!
 Попила, погуляла.
 Что за батюшкиной, да за батюшкиной,
 Большою головою.
 Что за братцовой, да за невестинной,
 Легкой работою.
 Какъ не гребень чешеть,
 Мою буйную головушку;
 Не гребень ее чешеть,
 Чешеть пора, время,
 Чешеть гульба, изгушка.
 Какъ почувала моя, буйная головушка,
 Надъ собой несчастіе,
 Что хотять меня, добра молодца,
 Поймати у прилуки, у моей сударушки;
 У красной дѣвушки, душки Аннушки.
 Хотять разудалому ръзвы ноги сковать,
 Былы руки связать, во солдаты отдать.
 Запрягалъ то я, доброй молодецъ,
 Пару вороныхъ коней.
 Разъвѣжалъ по улицамъ,
 И дорогамъ столбовымъ.
 Завѣжалъ то я ко сударушки своей.
 Какъ поймали меня, добра молодца,
 У той самой прилуки,
 У красной дѣвушки.
 Былы рученьки связали,
 Ръзвы ноженьки сковали, —
 Посадили меня, добра молодца,

На мирски подводы ;
 Повезли то меня, разудалаго,
 Во городъ во Саратовъ.
 Повели меня, добра молодца,
 Повели въ пріемную,
 Становили разудалаго подъ казенну иѣру.
 Посадили меня, добраго молодца,
 На выкрашеной стулинь.
 Какъ и начали разудалому,
 Русы кудри брить.
 Брвють мои русы кудерюшки,
 Брвють, не жалвють ;
 Бросають мои раскудривые,
 По всей по палатъ.
 Какъ не сизая павлица,
 Въ палатъ гуляла ;
 Мои русыя кудерюшки собирала.
 Слезно плакала надъ ними, вздыхала,
 Въ бывой платочекъ ихъ вязала. —
 Туго къ сердцу своему она прижимала.
 Это не сизая павлица, красная дѣвица,
 Прѣжняя моя сударушка, Аннушка. —

Мой миленькой на песокъ,
 Голубь надъ водою ;
 Голубушка сизалъ,
 Говорила со мною.
 Во первомъ часу ночи,
 Прилеталъ голубчикъ ;
 Во второмъ часу ночи,
 Прѣзжалъ молодчикъ.
 Дѣвчоночка возрадовалась,
 Къ окошечку бросалась.
 Подъскъ поднимала,
 Она идалаго принимала

За бывши ручки.
 Ты садись милой, скорою,
 Говори смѣлѣе. —
 Пили, ѣли, разсуждали. —
 Похвалялась дѣвчоночка,
 Прѣжними друзьями.
 Мой милышкой разсердилась,
 Пошелъ, не простился.
 Схватилъ съ приюку черну шляпу:
 Зеркала упали,
 Московскія хрустальныя,
 На двое раскололись.
 Пошелъ, ступа, пошелъ тропя,
 По всей мой спальнѣ.
 Услыхала моя мати,
 Во каменной палатѣ.
 Посылаетъ, наряжаетъ,
 Варную служавку, —
 Пашку грубянку.
 Что манушка, что барышня,
 Надъ вами случилось?
 Черна кошечка блудила,
 На шкафчикъ вскочила,
 Зеркала разбила.

Долго ль въ сѣнѣ одинокой
 Мнѣ скитавшись,
 Слезы лить?
 Долго ль я тебя, жестокой,
 Тщетно буду любить?
 Пусть меня сѣнь осуждаетъ,
 Что тобою я страстно, —
 Но любовь те прямо знаетъ. —
 А ты жалеть будешь обо мнѣ!
 Я вечеръ въ слезахъ уснулю,

Тебѣ видѣла во снѣ ;
 Я проснулася, вдрогнула,
 Замыслила кровь во мнѣ.
 Ты любя ко мнѣ ласкался,
 Нежно къ сердцу прижималъ ;
 Со мнѣ жгучій минувался,
 И съ мечтою онъ пропасть..
 Здавай ты меня жгучей
 Въ жизни, хоть въ послѣдній разъ.

Трусить, трусить лихорадка
 Любезнаго моего.
 Ужъ ты бабка, ты отгадай-ка,
 Ты узнаешь отъ чего.
 Говорили, — простудился
 На гулянья въ вечеру. —
 Въ понедѣльникъ онъ влюбился,
 А во вторникъ пострадалъ ;
 Въ среду прослезился,
 Въ четвергъ Машиньку сказалъ :
 Что ты, Маша, не веселишься,
 Призадумавши сидишь ?
 Рѣдко ужъ рѣзвишься,
 И на посидѣлки не спынишь.
 Но что это за садикъ,
 За зелененькой такой ?
 А что это за милой,
 За любитель дорогой ?
 Пустилъ онъ славушку худую,
 По всемъ улицамъ позоръ,
 Нельзя Машѣ по улицѣ погулять,
 Въ хороводѣ поиграть :
 Всѣ ея ругаютъ и бранятъ. —

Простясь съ балами, съ пирами,
 Въ шумной жизни городской ;
 Мнѣ наскучило жить съ кивалами, —
 Я поѣду въ уголокъ свой!
 Хоть и маленькой мой домикъ,
 Не красивъ, — да какъ же быть? —
 Съ тобой, милой мой дружокетъ,
 Безъ заботъ можно прожить.
 Въ домѣ нѣтъ большихъ затѣй,
 Пышностей не сыщешь въ немъ ;
 Нѣтъ швейцаровъ и лакеевъ,
 Просто все въ углу моемъ. —
 Бронза въ креслахъ не сіяетъ,
 Изъ казимиру нѣтъ гардинъ.
 Солнце въ люстрахъ не играетъ, —
 Для зимы лишь есть каминъ ;
 Серебро, сталь не дивить,
 Ананасовъ нѣтъ въ десертъ ;
 И Французъ столomъ не правитъ,
 По Руссакъ сварить обедъ.
 Сотня душъ въ моемъ помѣстьи,
 И прекрасно будемъ жить.
 Три пріятеля въ соседствѣ, —
 Время есть съ кѣмъ раздѣлить,

Уланы, уланы!
 У васъ лошади буланы.
 Гдѣ вы были, побывали? —
 Въ Москвѣ городъ стояли,
 Камень мостикъ проѣзжали,
 Ко вдовушкѣ заѣзжали:
 Просились ночевати, постояти. —
 А вдовушка выходила,
 Ночевать ихъ не пускала,
 Таки рвчи говорила:

У меня дворики маленьки,
И горенка не величка.—
Силой воры во дворъ ворвались,
Во горенку забрались;
Сиделись все порядкомъ,
Все по дамамъ.

Самъ хозяинъ подъ окошкомъ,
А вдовушка стала у пети;
Поджавъ свои бѣлы ручки,
Ко ретивому сердечку.

Какъ возговорить хозяинъ:
Ты вдова ль, моя вдовина,
Вдова ль горька сиротина!
Ты давно ль вдова вдовѣшь?

Вдовушка отвѣчала:
Живучи во горь, — забыла,
Много слезъ въ горь ронила.—

Ты вдова ль моя вдовина,
Вдова горька сиротинушка!
Какъ много ль у тебя
Вдова дѣтокъ?

У меня дѣтокъ троечка:
Два сыночка, третья дочка. —

Ты вдова ль моя вдовина,
Полойди вдова поближе,
Поклонись мнѣ понизе;
Ты сини съ моею черною шляпою,
А во шляпѣ платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстеньчикъ:
Которыя мы обручались,
Какъ съ тобой вѣнчались.

Тутъ вдовушка возрадовалась,
На шюмпу бросалась,
Въ уста его цѣловала,
Къ ретиву сердцу прижимала. —
Въ новы сны выходила,

Малыхъ двутушекъ будили:
 Встаньте двутушки, проснитесь!
 Встаньте малы, пробудитесь!
 Какъ прѣхалъ мой другъ милый,
 А вашъ батюшко родимый:
 Онъ прѣхалъ не годъ годовать,
 И не почтенію почевати,
 Одинъ только часикъ часовати.

Ты стой моя соснушка, ты стой, не шатайся!
 Живи моя сударушка, ни въ чемъ не печалься!
 Когда грусть, тоска найдетъ, поди разгуляйся;
 Когда грустивъ того будеть, пиши ко мнѣ письма.

Съ кѣмъ же письма мнѣ къ тебѣ писать?
 Съ кѣмъ же письма къ тебѣ послати?

Ты пиши ихъ, пиши съ добрыми людьми,
 Ты пошли ихъ съ добрыми шабрами,
 Съ добрыми людьми, съ ближними шабрами.

Гдѣ же будеть мнѣ тебя сыскати?
 Сыщи меня въ огородахъ Каванъ,
 На связженъ базаръ.

Ужъ вы вѣтры мои, вѣтерочки,
 У васъ тоненькіе голосочки.
 Вы не дуйте на сосны,
 Не шатайте вы на бору сосну,
 И такъ сосны въ стволъ тонше,
 Стоять ей тонше, отъ кручинушки!

Стоять осы на иголки,
 Какъ на артемыльнѣхъ баремчѣхъ;
 Не водою сосны подымаетъ,
 Горностаи къ соснамъ подбавляетъ,
 Злы корены подбавляетъ.
 Съ вершинкушки сосны лучи луга,

Къ этой сосиске ичеды выются;
 Онъ выются, не привьются;
 Сучки гнутся, не пригнутся —
 У молодна мудра выются,
 На молодца печаль, горе, —
 Отдаютъ моего дружка во солдаты.

Надъ реченькой быстрою,
 Два вьюнушка выются.
 Вились, вились,
 Да врозь разлетѣлись.
 Садились при лугахъ въ долину,
 Промежъ себя рѣчи говорили:
 Тошно, тошно, кто кого любитъ,
 Тошнѣй того, кто съ кѣмъ расстаётся.
 Разставался милой со милою,
 Съ красной дѣвнцей луною.
 Миленькой по улицѣ ходить,
 Душу Анночку за рученьку водить.
 Молодая жена въ окошечко смотреть,
 Со слезами она Бога просить:
 Создай Боже съ небесъ тучу грозу;
 Убей, убей, постылаго мужа,
 Помилуй Богъ милаго друга.

Что это въ полѣ за травонька?
 Что во чистомъ за муравенька?
 Она день растетъ, ночь шатается,
 Во чистомъ полѣ разстилается.
 Что это есть за цвѣтики,
 Цвѣтики лазоревые?
 Они днемъ растутъ, ночью цвѣтъ уходятъ.
 Что это есть за милый другъ?
 Милый, задушенный другъ!

Ни день, ни ночь съ ума нейдетъ.

Вечеру поздно я молодешенька,
 Спать во теремъ ложилася.
 Не хорошъ мнѣ ночью сонъ привидяся:
 Будто теремъ растворенъ стоитъ,
 И окошечки раскрытыя;
 Будто мой милый въ головахъ стоитъ:
 Онъ цѣлуетъ мои руки бывыя,
 Руки бывыя, руки вѣжныя,
 Прижимаетъ меня къ ретиву сердцу.
 Ото сна я дѣвушка пробудилася,
 Пробудившись испугалася;
 Вдругъ мой милый слово вымолвилъ:
 Не пугайся, моя милая,
 Я не воръ къ тебѣ пришелъ,
 Я не воръ и не разбойникъ;
 Я пришелъ къ тебѣ спроситися,
 Спроситися, твоей милости доложитися:
 Я хочу мой другъ женитися.

Ты женись, женись невѣрной!
 Не сердись ты на меня, моя милая,
 Я любить тебя буду богъ прежняго.
 Я твоему вѣнцу не разлучница,
 Я твоимъ гостямъ не разгонщица,
 Я твоей жемъ не постельница.
 Не святить мѣсяцу по зимнему,
 Не грѣть солнышку по лѣтнему,
 Не любить дружка по прежнему.

Сторона ль моя сторонушка,
 Сторона ль моя незнамая,
 Незнамая, незнакомая.
 На сторонушкѣ квартирушка,
 На квартирушкѣ зазнобушка,
 Зазнобушка красна дѣвушка,

Бѣлолицая, круглолицая,
 Чернобровая, черноглазая!
 Ужь не ты ль меня высушила?
 Безъ мороза сердце выжибала.
 Высоко звезда восходила,
 Выше лѣса, выше темнаго,
 Выше садика зеленого.
 Пролегала тутъ дороженька,
 Широкой она не широкая,
 А длиною, — конца-краю ей нѣтъ!
 На дорожкѣ нова улица,
 Нова улица московская,
 Что московская, посадская,
 Какъ построена тутъ тюрьма темная.
 Въ ней дубовая дверь, тяжелая,
 Запертая замкомъ кривикимъ,
 Замкомъ кривикимъ, извещикимъ.
 Во тюрьмѣ сидитъ невольничекъ,
 Невольничекъ доброй молодецъ,
 Молодецъ, донской казакъ
 Чернышевъ, Захаръ Григорьевичъ.
 Въ желѣзахъ ноги скованы,
 Въ кандалахъ руки заперены,
 Сидитъ молодецъ задумавшись,
 Задумавшись, пригорюнившись.
 О своей тужить сторонущъ,
 О своей сторонѣ, — молодой женѣ.

Калину съ малиной,
 Вода поняла;
 На ту пору матушка,
 Меня родила.
 Не собравшись съ разумомъ,
 За мужъ отдала;
 На чужую сторонушку,

За пероминишу,
 Во лану семаю.
 Чужая сторонушка,
 Безъ вѣтру сунуть;
 Чужой отецъ съ матерю,
 Безъ дѣла бранить..
 Посылають меня молоду,
 Въ поимонъ по воду;
 Зябнуть, ябннуть пожемами
 У ключа стол,
 Прищипало руленьки,
 Къ коремислану.
 Текуть; текутъ сасооньки,
 По бѣлу лану;
 Утираю слезоньки,
 Бѣлымъ платкомъ;
 Утираю горькия,
 Тошнivyя рукавомъ.
 Не буду я къ матушкѣ,
 Ровно три года,
 На четвертой, горькая!
 Пташечкой полечу.
 Сяду я у матушки,
 Въ зеленонъ саду,
 На любую яблоньку.
 На матушнину.
 Закукужую въ садикъ,
 Горькою кукушечкой;
 Горючими слезами,
 Потоплю весь садикъ я;
 Раденьцемъ матушку,
 Разбужу ото сна.
 Ото сна моя матушка
 Пробуждалася,
 По стичкамъ матушка
 Поаживала,
 Невестушку ассточу,

Побуживала:

Ты встань-ка невеселушка,

Ото сна пробудись...

Посмотри-ка, голубушка,

Что у насъ во садикъ,

За вѣшня мось,

Мнѣ малолушкѣ дастъ?

Не моя ли горемычная,

Прилетѣла съ чужой стороны?

Съ чужой стороны,

Изъ лихой семан. —

По несчастію случалось,

Я въ извиненіяхъ любилась.

Мнѣ понравился мой милый другъ,

Милый свѣта, милый бѣлаго,

Милый отца, милый матери,

И дороже всего племени.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,

У кого нѣту въ глазахъ стыда,

У кого нѣту въ глазахъ стыда,

У кого нѣту заботушки,

Заботушки красной дѣвушки.

У меня ли, молодешеньки,

Есть не малая заботушка.

Я сама дружка повысушу,

Я повысушу, повыкрушу.

Не доставайся, мой милый другъ,

Монимъ сестрамъ разлучницамъ.

Доставайся мой милый другъ,

Одной матери, — сырой земли. —

Разцвѣтай-ка, разцвѣтай-ка,
 Въ саду розовой цвѣтѣтъ;
 Побывай-ка, побывай-ка,
 Ко мнѣ-милой на часокъ.
 Посидишь-ка дружокъ милый,
 Мы послѣдній съ тобой вечерокъ;
 Поговоримъ-ка, поговоpимъ-ка,
 Мы про прежнюю любовь.
 При тебѣ ли, моя радость,
 Мучусь алой тоской?
 Я пойду ли, я пойду ли,
 Во зелененькій садокъ;
 Я сорву ли, я сорву ли,
 Съ розы розовой цвѣтокъ.
 Я совью ли, я совью ли,
 Дружку милему вѣнокъ.
 Я пойду ли, я пойду ли,
 На Дунай быстру рѣку,
 Ужъ я кину ли, я брошу,
 Свой вѣночекъ на воду.
 Мой вѣночекъ не тонетъ,
 Не тонетъ и не плыветъ.
 Такъ мой миленькой дружечекъ,
 Онъ не думаетъ, неидетъ. —

Подъ яблонькой садовой,
 Подъ кудрявой зеленой;
 Сидѣлъ молодецъ такой,
 Не женатой, холостой.
 Держить гусли подъ левой,
 Звончатые подъ правой.
 Вы играйте гусли, мои мысли,
 Я вамъ пѣсенку спою,
 Про женитьбу про свою.
 Какъ женила молодца,

Чужа дальняя сторона,
 Чужа дальняя сторона,
 Макарьевская ярмонка.

Какъ на Волгѣ на рѣкѣ
 У Макарья на ярмонкѣ,
 Близъ гостиннаго двора
 У Сафорова купца,
 Случилася бѣда, —
 Не маленькая.
 Вотъ не сто рублей пропало,
 И не тысяча;
 Какъ пропала у него,
 Дочка милая его.
 Какъ искали ту пропажу:
 По баракамъ, по ярамъ,
 По трактирамъ, кабакамъ,
 По макарьевскимъ пескамъ.
 Вотъ нашли ту пропажу,
 У Машкова на дворѣ,
 Во высокомъ чердакѣ.
 Ее буйная головка,
 Разироманая;
 Ее русая коса,
 Вся растрепанная.
 Черепанова гребешочка,
 Расколочная.
 Ее цѣнное платице,
 Изорванное.
 Сантантировой салончикъ,
 На гвоздикъ висить;
 Золотая цепочка,
 На столѣжкѣ лежить.
 Вотъ не самъ ли воръ разбойникъ,
 Подъ окошечкомъ сидѣть,
 Табаку трубку курить?
 Не за мной ли идуть—идуть?
 Не меня ли въ гости звать?

Какъ я звали молодца,
 Позывали удалца,
 Со высокаго крыльца ;
 Какъ схватили молодца,
 За бѣлы руки его :
 Его поженьки ежовали,
 Бѣлы рученьки сивзали,
 И во савочки сажали.
 Повезли же молодца,
 Во Саратовъ городокъ,
 Во желтой каменной домокъ.
 Все мальчишничка сидитъ,
 Таки рэчи говорить :
 Вотъ никто ко нивъ нейдетъ,
 И ни брать, ни сестра,
 Ни товарищи нем! —

Что ты Маша пріутнула,
 Воздохнула тяжело !
 Что воздохнула, вспомянула,
 Любезнаго своего.
 Я жила съ тобой полгода,
 А съ батюшкой двадцать лѣтъ ;
 Не видала такого мученья,
 Какъ съ тобою, милый мой.
 Взявйся, сивзенькой голубчикъ,
 Взявйся, выше полетай.
 Ужъ ты садъ-на,
 Сивзенькой голубчикъ,
 На мое право плечо.
 Погляди-на, сивзенькой голубчикъ,
 На мое бѣлое лице :
 Мое личико румяно,
 Завсегда оно горитъ ;
 Мой-то маленький ривизой,

Завсегда меня бранить.
 Не брани-ка ты меня,
 Ты не лучше другъ меня.
 Ты не лучше и не краше,
 И личикомъ не былъй,
 И бровями не чернѣй.

Веселитесь дѣвченокки!
 Къ намъ весна скоро прїѣдетъ,
 Весна красна, лѣто тепло.
 Взойдетъ солнце надъ горой,
 Сгонитъ снѣги и морозы,
 И травонька отрастетъ,
 И всѣ ракитовы кусты.
 Какъ промежъ ли двухъ кустовъ,
 Волга рѣченька прошла;
 Какъ надъ этой быстрой рѣченькой,
 Кустъ малинушки растетъ;
 Какъ на этой на малинѣ,
 Соловей громко поетъ.
 Ты не пой-ка соловей,
 Поугру рано весней,
 Возьми горечью съ собой,
 Да не слыхалъ бы и про него!
 На водѣ горе не тонетъ,
 И огнемъ горе не живетъ, —
 Молодца горе беретъ, —
 Дѣвка въ гости не зоветъ!
 Я бы рада позывала,
 Дома маменька родна,
 Во постелюшку слегла.

Какъ на горкѣ; на горѣ,
 Стоитъ новенькой теремъ.
 Тутъ жила, была вдова,
 Двоихъ сыновъ родила,
 Китанчкой повила,
 На тихой Донѣ отнесла.
 Ужъ ты, тихенькой Донѣ,
 Ужъ ты, желтенькой песокъ,
 Воспой, воскорми дѣтокъ,
 До пятнадцати лѣтокъ. —

Черезъ двадцать пять годовъ,
 Пошла вдова по воду.
 Плыветъ корабль по морю:
 Однѣ сидятъ на носу,
 А другой-то на кормѣ.
 Вотъ который на носу,
 За того дочку отдамъ;
 А который на кормѣ,
 За того сама замужъ пойду.
 Какъ у насъ-то на Дону.
 Не водится потому:
 Мать за сына не беретъ,
 А братъ сестру не беретъ.

Ходитъ молодецъ по Астрахани,
 Погуливаетъ;
 Въ синемъ бархатномъ халатѣ
 На распахечку похаживаетъ.
 Во левой-то рукѣ, молодецъ,
 Кушаетъ шелковой весетъ;
 Во правой-то рукѣ, у молодца,
 Трость серебряная.
 Въ тросточкѣ ленточка, —
 Разноцветная.

Ходить молодецъ во городу,
 Не кланяется ни съ кѣтъ:
 Ни съ господами, ни съ казаками, —
 И челомъ не бьетъ.
 Къ прежнему бывшему снєралу,
 И подъ судъ иѣдетъ!
 Увидалъ же губернаторъ
 Изъ косящетаго окна:
 Вы подите, слуги, приведите
 Удалаго молодца;
 Вы не бейте его, не журите,
 Его такъ скоро ведите.
 Вотъ пошли же слуги, привели,
 Удалаго молодца.
 Поставили молодчика,
 Прелъ губернаторскимъ лицемъ.
 Вотъ и сталъ же губернаторъ
 Крѣпко выспрашивать:
 Ты скажи, скажи, молодчикъ!
 Чіею ты рода—племѣ,
 Или царскаго колѣна?
 Иль кунеческой сынокъ?
 Иль съ Оки рѣки молодчикъ?
 Иль съ тихаго Дона казакъ?
 Я ни царской и ни боярскій,
 Ни кунеческой, сударь, сынокъ;
 Ни съ Оки рѣки молодчикъ,
 Ни съ тиха Дона казакъ.
 Не изволите-ли знать Стеньку Разина?—
 Я его сударь сынокъ,
 А меня зовутъ Семѣнушкою.
 Вы подите слуги, отвѣдите
 Его во каменну тюрьму.
 Вотъ пошли же слуги, повели,
 Удалаго молодца;
 Посадили молодца,
 Во бѣлу каменну тюрьму.

Какъ возговорить молодчикъ,
 Удавить молодца :
 Вашу камени и тюрю,
 По камешку разберу. —
 Если батюшка услышитъ,
 Во полонъ городъ возмётъ ;
 Много бѣдъ онъ учинитъ,
 И въ разоръ васъ разверитъ.

Вечоръ поадно изъ глѣсочку,
 Я коровъ домой гнала ;
 Внизъ спустяся къ ручеицу,
 Близъ зеленого лужка,
 Вижу, — баринъ идетъ съ поля,
 Дѣв собачки впереди,
 Дѣв собачки впереди,
 Да два лакея позади. —
 Лишь поровнялся со мною,
 Бросилъ взоръ на меня.
 Здравствуй, милая красота !
 Изъ котораго села? —
 Вашей милости крестьянина,
 Отвѣчала ему я. —
 Не тебя ли, моя радость,
 Егоръ за сына просилъ ? —
 Его сынъ тебя не стоить,
 Не къ тому ты рождена ;
 Хоть родилась ты крестьянкой,
 Можешь быть и госпожей.
 Ты завтра же узнаешь,
 Какова судьба твоя.
 Хоть сего дня ты крестьянка,
 Завтра жъ будешь госпожа ;
 И во всемъ этомъ нарядъ,
 Будешь вдвое хороша.

Благодарю, доброй баринъ, .
 За такі твои слова ;
 Хоть дворянкой быть и лестно,
 А Петруши очень жаль. (')

Прошло лѣто, прошла осень,
 Прошла красная весна;
 Наступаетъ злое время, —
 Мать холодная зима.
 Всѣ рученьки застыли,
 Ручеечки не текутъ,
 Въ поля травонька завяла,

(') Эта пѣснь такъ напечатана :

Вечеръ поздно изъ лѣсочка,
 Я коровъ домой гнала;
 Лишь спустилась къ ручейку,
 Оглянулась назадъ :

Вижу баринъ ѣдетъ,
 Дѣтъ собачки передъ нимъ ;
 Лишь со мною порожался,
 Бросилъ взоръ на меня.

Ты откуда красота,
 Чьей деревни и села?
 Вашей милости крестьянка,
 Отвѣчала я ему

Не тебя ли, моя радость,
 Дмитрій за мною просилъ?
 Его сынъ тебя не стоитъ,
 И не съ тѣмъ ты рождена.

Завтра иная узнаешь,
 Какова судьба твоя.
 Ты родилась крестьянкой,
 Завтра будешь госпожой.

Нов. всеобщ. и подл. пѣсен. ч. I. № 282, изд. Спб. 1819. г.

И цвѣточки не цвѣтутъ.
 Въ саду листики спали,
 Мылки птички не поютъ,
 Намъ разлуку подають.
 Чують съ миленькимъ разлуку,
 Разлучить съ дружкой хотять.
 Ты разлука, злая мука!
 Не дала съ дружкой пожить.
 Ты заставила, разлука,
 Възъ въ дѣвушкахъ сидѣть.
 Какъ бы знала про несчастье,
 Могла бы грусть истребить,
 И милаго не любить.
 Вспомни, вспомни, мой размилой!
 Какъ ты въ первый разъ пришелъ.
 Ты клялся, подлець, божился,
 Одною меня любить.

Лишь солнце закатилось,
 И садилось за горой;
 Все поле закрошило,
 Вечерней росой.
 Подъ деревцомъ вѣтвистымъ
 Близъ хижиньки одной,
 Задумчиво сидѣла
 Салдатская жена.
 Всечасно милаго ожидала,
 Изъ дальней стороны.
 Не пылъ въ полъ пылыла,
 Два храбрые гвардейца
 Лишь саблями гремятъ!
 Крестами и орденами,
 Всѣ груди убраны.
 Подъвязываютъ къ хижинѣ, —
 Просились ночевать:
 Пусти насъ, салдатка старая!

Она же отвѣчала :
 Я рада бы васъ пустила,
 Мнѣ нечемъ покормить ;
 Я пѣчку не топила,
 И каша не варила. —
 Одинъ въ лѣтахъ возрылыхъ ;
 Другой какъ бѣлой лунь.
 Не признаешь ли салатка,
 Изъ насъ кого вибуй ?
 Мнѣ некого признати :
 У меня мужъ на службѣ,
 И сынъ въ полку. —
 Не стерпѣлъ сынъ,
 При материнѣ слезахъ.
 И припалъ къ колѣнамъ ея! —

На горѣ то дождичекъ,
 Въ долинахъ туманъ ;
 На меня на дѣвочку,
 Напала тоска и печаль.
 Увѣка мой миленькой,
 Изъ дому на часъ.
 На часъ часочекъ,
 На единой денечекъ.
 А'я за нимъ дѣвочка,
 Слѣдякомъ бѣгу,
 Слѣдякомъ бѣгу,
 Голосомъ кричу :
 Воротися душенька!
 Воротися назадъ !
 Если не воротися,
 Воспокаешься. —
 Сострогаю я дѣвочка,
 Новъ, высокъ теремъ,
 Съ высокими крыльцомъ,
 Съ красными окномъ.

Сяду я на лавочку,
 За крашеной столъ.
 Погляжу въ окошечко,
 Вдоль по улицъ. —
 Молоды казаченьки,
 Съ походу идутъ ;
 Моего любезнаго,
 Въ повозкѣ везутъ.
 Вго ворона коня,
 Въ поводахъ ведутъ ;
 Золото сѣделечко,
 Во рукахъ несутъ.

Какъ по питерской было дорожкѣ,
 Тутъ ѣхали двое сенаторы,
 Сенаторы, большое начальство.
 Какъ подъ ними кони вороные,
 Кучера-то у нихъ молодые,
 Колесошки у нихъ золотыя.
 Какъ подъ ними кони притомились,
 Среди пути становились,
 Среди пути въ лугахъ, при долинахъ.
 При долинушкѣ тутъ ива стояла,
 По названію матушка Елена.
 Со кореньца она свилевата,
 Со вершинушки она кудревата.
 На вершинушкѣ сидѣла кукушка
 Жалобнѣхонько она кукукала,
 Жалобнѣй того она причитала :
 Подо мной лежитъ убитый молодчикъ,
 Не убитъ онъ, не зарванный, —
 Коньскъ острымъ,
 Молодецъ приколаный.
 Какъ возговорить удалый молодчикъ :
 Сбереги меня, матушка Елена,

Чтобы отъ солнышка тѣло не горѣло,
 Чтобы дождичкомъ тѣло не мочило.
 Но обережешь меня, сожгу тебя огнями;
 Сбережешь меня, украсу тебя цвѣтами.

Вспомни, вспомни, миленькой,
 Прежнюю любовь!
 Какъ мы съ тобой, миленькой,
 Посиживали,
 Забавныя рѣчи говаривали:
 Тебѣ мой другъ не жепитися,
 А мнѣ замужъ не идти.
 Женюсь, женюсь, миленькой,
 А я замужъ пойду.
 Переменилъ священнику клятву,
 Переменилъ ты навсегда.
 Ты поведешь, мой другъ, въ церковь,
 И я мой другъ за тобой.
 Какъ надѣнуть на насъ вѣнцы,
 Въ одно времячко съ тобой.

Чернобровой, черноглазой,
 Мальчишка удалой!
 Вложилъ мысли въ мое сердце,
 Не могу забыть!
 Съ письмомъ носило лакало,
 Велю воротиться.
 Воротиться не годиться;
 А вѣсь умилился.
 Шелъ мальчишечка лужечкомъ,
 Не нашелъ сладочку;

Злы собаки набивали,
 А онъ отшатнулся.
 Услыхала его разлюбезная,
 Лежа на кровати;
 Нестерпя своимъ сердечкомъ,
 Вышла на крылечко.
 Она вышла на крылечко,
 И промолвила словечко:
 Ахъ ты милой мой!
 И прижала его къ своей груди! —

Несчастной я мальчишечка, —
 Какое горе терплю!
 Терплю, терплю горечко,
 Самъ не знаю для кого
 Знаю, понимаю,
 Кого я вѣрно люблю.
 Любовь меня разлучаетъ
 Съ милымъ дружиномъ далеко,
 Далеко, далеченько.
 Между горъ высоко, —
 Между горъ высокинъ,
 Тамъ дѣвчоночка живетъ.
 Со той со сторонушки,
 Пріятель воздухъ несетъ.
 Не сходить ли мнѣ къ дѣвчоночкѣ?
 Не навѣдать ли мнѣ ее?
 Дѣвочка, дѣвчоночка!
 Скажи: любишь ли ты меня?
 Если любишь, ты скажи;
 А не любишь, откажи.
 Если любишь ты меня,
 Возьму замужъ за себя;
 Если ты не любишь меня,
 Убью мальчикъ самъ себя.
 Убьюсь мальчикъ, застрѣлюсь,

И покроюся навекъ тѣнью.
Пусть люди говорятъ,
Что я мальчикъ взрѣть былъ, —
Одною въ свѣтъ любилъ.

ХІІІ. СВАДЬБА ВЪ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Главныя
лица въ
засва-
таніи.

Парень, согласившійся съ выборомъ своего отца, избираетъ для своего засватанія: *отца посаженнаго, свата, дружка и подженишника*. Отцемъ посаженнымъ бываетъ всегда крестный отецъ; сватомъ, старшій въ семействѣ или деревнѣ; дружкомъ, расторопнѣйшій изъ молодыхъ людей, а подженишникомъ кто либо изъ друзей. Но еще есть довольно замѣчательное, или лучше сказать важное лице, — это *запѣвало*, который поетъ молодымъ, сидя на столбѣ (*). Современн засватанія женихъ называется молодымъ княземъ, невѣста молодой квягинею. Дружка носить полотенце черезъ правое плечо, а подженишникъ черезъ правую руку одну красную ленту.

Запѣ-
валыиъ
образъ.

При отправленіи жениха въ домъ невѣсты, является въ избу запѣвало; всѣ умолкаютъ. Женихъ, бывшій доселѣ въ числѣ шумныхъ гостей, садится тогда скромно за столъ на кутѣ; по правую руку жениха садится под-

(*) Столбомъ называется прилегающее къ печи дерево, которое поддерживаетъ брусъ полатей и полицу.

женишникъ, а по лѣвую руку свать: свать, отецъ посаженный и всѣ поѣзжаные. Запѣвало, кладетъ предъ иконами земной поклонъ, произнося : Николай пророкъ, Илья мученикъ и Филиппъ золотозубый, и всѣ святые святители, молодого князя блюстители, благословите на столбъ сѣсть, пѣсню спѣть, молодого князя свѣнчать (*). Потомъ обращается по очереди къ родному отцу жениха и посаженному, свату, дружкѣ и всему поѣзду (**) и говоритъ : отецъ родитель ! отецъ благословитель ! Сватокъ, соколокъ ! швыдка (***) леталъ, ты молодому князю княгиню сыскалъ. Дружекъ молодчикъ, люди добрые, гостики заѣзжіе ! — и послѣ каждого вызова повторяетъ : благоволите на столбъ сѣсть, благоволите раду спѣть. (****) Ему отвѣчаютъ : Богъ благословитъ и мы благословляемъ. — А Пречистая давно благословила, прибавляетъ отъ себя запѣвало, какъ народила, такъ и благословила, и долю показала. — Обращаясь къ посѣтителямъ, не участвующимъ въ поѣздѣ, запѣвало говоритъ : мужички—колосовички, молодницы—бѣлоголовицы и дѣвушки—красноперушки, благословите на столбъ сѣсть, благословите раду спѣть. Ему отвѣчаютъ прежнимъ благословеніемъ. — Онъ кладется святымъ иконамъ, но уже безъ всякаго причитанія ; садится на столбъ и поетъ :

Около двора, около Агафонича,
Пролегало тамъ три ступеньки,
Что ли торныя дороженьки, —

(*) Это причитаніе употребляютъ запѣвалы Доробужскаго уезда.

(**) Новадъ, — всѣ лица званныя на свадьбу.

(***) Быстро.

(****) Такъ называется пѣснь, которую онъ поетъ.

Какъ по первой ли по стеженькѣ,
 По той ли торной дороженькѣ,
 Тамъ шелъ самъ Иисусъ Христосъ,
 Со всѣми со Апостолами.
 По второй ли по стеженькѣ,
 По той ли торной дороженькѣ
 Тамъ шла Мать Пречистая. —
 Какъ по третьей ли по стеженькѣ,
 По той ли торной дороженькѣ,
 Тамъ шелъ самъ Козьма Демьянъ, —
 На свадьбу на Агафоновича.
 Ты святой ли ты Козьма Демьянъ,
 Да Козьма ли ты Демьяновичъ!
 Да ты скуй ли-ка намъ свадебку,
 Вязовичную, не разрывную.

Благо-
словеніе.

По окончаніи пѣсни, подають запѣвалѣ бутылку
 вина и пирогъ, и въ это время обводятъ жениха
 съ его поѣздомъ, три раза вокругъ стола; послѣ
 усаживаютъ его въ прежнемъ порядкѣ. — Запѣвало,
 не сходя съ своего мѣста, посылаетъ каждому го-
 стю по порядку, начиная съ жениха, рюмку вина
 и кусокъ пирога. (*) Выпивши и съѣвши свою долю,
 всѣ встають. — Отцы: родной и посаженный, и мать,
 наставляютъ и благословляютъ жениха; онъ кланяет-
 ся имъ въ ноги, сватья поютъ:

Ни вороной конь копытомъ землю роетъ,
 Нашъ молодой князь благословенья просить.
 У батюшки родителя, у батюшки благословителя,
 У матушки родительки, у матушки благословительницы (**).

(*) Запѣвало не развязываетъ а разламываетъ пирогъ. —

(**) Это повторяется для каждого изъ свадебныхъ — чиновъ,
 съ прибавленіемъ ихъ званія.

Послѣ благословенія укладываютъ въ ящикъ гостинцы, состоящія изъ пряниковъ, орѣховъ, вина, мыла (*), матеріи и прочихъ вещей, а женихъ отправляется съ поѣздомъ въ домъ невѣсты, гдѣ также пируютъ. Поѣздъ останавливается на дворѣ. Дружко идетъ къ окну и проситъ позволенія войти обогрѣться.—Негадѣ, отвѣчаютъ ему, у насъ пирушка. — Дружко возвращается къ своимъ, и чрезъ нѣсколько минутъ идетъ снова подъ окно ; тотъ же отказъ. Вовсе это время, съ той и другой стороны, поютъ сваты укоротельныя пѣсни. Дружко подходитъ въ третій разъ, но уже не къ окну, а къ дверямъ. Здѣсь истощаетъ онъ весь запасъ своего краснорѣчія, убѣждая непреклонныхъ хозяевъ впустить его обогрѣться въ избѣ, и наконецъ онъ достигаетъ своей цѣли: къ нему выходитъ невѣста, сопровождаемая сватомъ и поѣздомъ; на встрѣчу имъ подвигается поѣздъ жениха, предводимый такъ же сватомъ, и въ сѣняхъ сводятъ жениха съ невѣстою, и это дѣлается такъ: свать жениха подвигаясь съ нимъ впередъ на одинъ шагъ, говоритъ свату невѣсты : я къ тебѣ разъ.—Свать невѣсты, дѣлая съ невѣстою тоже, отвѣчаетъ: и я къ тебѣ разъ.—Это производится до трехъ разъ; за третьимъ сходятся сваты, дѣлаютъ *сливки* (**), которыя пьютъ сами и подчуютъ поѣзжанныхъ; недопитое ими выливаютъ черезъ свою голову ; потомъ складава-

(*) Мыло означетъ благодарность за материнскую заботливость объ ея дочери.

(**) Сватамъ подаютъ чашку ; свать жениха беретъ ее за край правой рукою, а свать невѣсты лѣвой; въ другую руку берутъ по одной рюмки; дружко наливаетъ имъ вино, а они сливаютъ его поочередно въ чашку, пока не наполнятъ ее: это слитое въ чашку называется сливками, конии подчуютъ себя и поѣзжанныхъ, а остатокъ выливаютъ.

ютъ руку жениха съ рукою невесты, вводятъ ихъ въ избу, гдѣ уже накрытъ столъ, около котораго обходятъ ихъ три раза и потомъ сажаютъ на кутъ. Поѣзжанные обѣихъ сторонъ мѣстятся возлѣ нихъ, въ томъ порядкѣ, какой былъ у жениха. При усаживаніи за столъ молодыхъ и поѣзжанныхъ, за пѣвало поетъ на столбѣ:

Божія родинька,
Прилетала;
Какъ мое дитятко,
За столъ сѣло;
Какъ мое серденько,
Радовалось.
Когда мое чадашко,
Нараждалось.

Потомъ поютъ сваты :

Какъ пошелъ виноградъ
По за столѣнку,
Стелючи скатерти,
Да билевыя. —
Ронючи слезеньки,
Да горючія.

За этимъ дружка проситъ благословенія разрѣзать хлѣбъ, пирогъ и говядину. Получивъ согласіе, онъ тотъ часъ выполняетъ. Потомъ онъ проситъ благословенія подносить водку, но прежде, чѣмъ успѣютъ дать согласіе, онъ кричитъ : пить хочу ! Поѣзжанные невесты подаютъ ему по очередно : кто воду, кто квасъ, кто горѣлку. Дружка, прикушавая у каждаго, говоритъ сморщившись : горько, прокисло, протухло, — и выливаетъ черезъ голову. Доходитъ очередь до невесты : ей подаютъ ковшъ пива, смѣшаннаго съ золою, вино-

гда съ табакомъ. Она передаетъ ковшъ дружкѣ, тотъ пьетъ и похваляется : вотъ пиво, такъ пиво ! вотъ сласть, такъ сласть ! тотъ часъ видно, что варила молодая княгиня. — У него текутъ слезы изъ глазъ, а надобно прихлебывать и похвалявать, — и долженъ опорожнить до дна. Онъ, едва успѣетъ выпить, — уже не дожидаетъ благословенія, боясь, чтобы не поднесли ему другой ковшъ, — хватаетъ рюмку, наливаетъ вина и подаетъ пить сначала молодымъ, а потомъ всему войду ; послѣ этого начинаютъ ужинать. Молодые ничего не ѣдятъ за столомъ : они ужинаютъ одни. Потомъ весь войдъ переходитъ въ другое жилье, въ косягъ играютъ музыканты, и гдѣ каждый веселится по своему, не выходя изъ повиновенія дружки, который, со времени ужина, дѣлается главнымъ распорядителемъ въ домѣ. — Такимъ образомъ веселятся до поздней ночи. —

За тѣмъ поддѣвки, подруги невѣсты, называемыя Облачаницы. еще подневѣстницами, накрываютъ снова столъ, ставятъ на него коровай (*) и отправляются за невѣстою : онѣ ведутъ ее подъ руки и сажаютъ на кутъ ; сами же поминаются по обѣимъ ея сторонамъ и поютъ :

Ты куда голубонька,
Куда сизокрылая?
За чѣмъ отлетаешь?
На кого подруженекъ,
Твоихъ сиротинушекъ,
Кому покидаешь?

(*) Короваемъ называется хлѣбъ, утыканный вѣтвями, которыми перевиваются раскатаннымъ тѣстомъ и рѣшетчатыми украшениями, тоже изъ тѣста ; все это бываетъ покрыто золоченой пишурой.

Или :

Завли Танюшку, завли,
Да куда же наши глазонки,
Глядели?

Послѣ этого начинаютъ дарить невѣсту. Дружко беретъ тарелку, ставитъ на нее рюмку вина и вызываетъ: сперва отца и мать невѣсты, потомъ по имени всѣхъ подневѣстницъ и родныхъ, прося ихъ выпить чару, а молодую княганю подарить.—Женщины дарятъ большею частію холстомъ, мушины деньгами; наконецъ дружко подноситъ вино жениху, проситъ его выпить чарочку, а будущую господиню подарить. Онъ привкусиваетъ и даритъ невѣстѣ платокъ, а она отдариваетъ его кушачкомъ. Женихъ и поѣздъ стоятъ при отдариваніи по среди комнаты. Отдаривъ невѣсту, дружко отъ имени жениха, сватовъ и своего, даритъ невѣстину мать кускомъ мыла, подневѣстницъ пряниками и орѣхами, а сватья невѣсты поютъ укоризненную пѣснь, но тогда лишь, когда подарки не понравятся подневѣстницамъ :

Говорили, что сваты
Богаты,
Чорта жъ въ нихъ!
По сметьницу ходили,
Набросачки (*) собирали,
Тѣмъ двушекъ дарили. —
Чорта жъ въ нихъ!

Подневѣстницы, получивъ подарки, выходятъ изъ за-стола; ихъ мѣсто занимаетъ женихъ и его поѣздъ;

(*) Негодиныя къ употребленію вещи.

сваты же, со стороны жениха, поютъ въ отмищеніе сватѣмъ невѣсты :

Потянулись дѣвочки,
Изъ за столѣя!
Словно сучечки
Изъ подполья.
Потянулись дѣвочки,
Потянулись!

На канунѣ свадьбы собираются дѣвушки къ своей ^{дѣвуш-} подруженькѣ-невѣстѣ. Онѣ проводятъ съ нею время въ пѣніи, и утѣшаютъ ее. Вечеромъ собираются сюда гости, въ числѣ коихъ находятся сваты и дружки съ обѣихъ сторонъ.—Для всѣхъ ихъ готовится прощальный ужинъ; до прибытія ихъ поютъ подруги :

Ахъ! жарко въ теремѣ свѣчи горять,
Горятъ свѣчи воску яраго. 2.
Ахъ! жалко плачетъ Надеждашка,
Унижаетъ ее родной батюшка,
Уговариваетъ родна матушка. 2.
Ты не плачь, не плачь, мое дитятко!
Ужъ я тебя не въ полонъ даю,
Не въ полонъ даю, не полонить хочу, 2.
А вѣдь я тебя, да дружку даю,
Дружку уминому, да разумному,
Да и былому и румяному. 2.
Вѣдь я тебя не одну нущу,
Не одну нущу, — потажанъ пошлю,
Потажанъ пошлю, сваху снаряжу. 2.

Государыня моя матушка!
Я сама знаю, про то вѣдаю. 2.
По гостямъ гости все разѣдаются,
По домамъ сваты все разойдутся. 2.
Вѣдь только я младшенька лишь остануся,

На чужой дальной сторонумкѣ 2.
 У чужого ли отца, у матери,
 У чужого ли роду племени 2.

Черезъ рѣчку черемха лежала, да лежала,
 Никто по черемхѣ не ходить, да не ходить;
 Одинъ Иванъ переходить, переходить,
 Свѣтъ Мельяновичъ переходить, переходить,
 Душу Машеньку переводить, переводить,
 Радость Сергѣевну переводить, переводить.
 Перевеши ее поцлустъ, поцлустъ,
 Черезъ низаное ожерелье, ожерелье,
 Черезъ пуговики золотыя, золотыя.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ за горъ ли, горъ высокихъ,
 Летитъ стадо лебединое,
 А другое-то гусятное. —
 Отставала лебедушка,
 Что отъ стада лебединого;
 Приставала лебедушка,
 Какъ къ стаду ко свѣрымъ гусямъ. —
 Учали ее гуся щипати,
 А лебедушка климати:
 Не щипите вы гуся свѣря!
 Не сама я къ вамъ залѣтѣла,
 Занесло меня непогодною,
 Что великою неважною. —
 Отставала ли Машенька,
 Отставала ли Сергѣевна
 Что отъ красныхъ отъ лавушекъ. —
 Приставала ли Машенька,
 Приставала ли Сергѣевна,

Къ молодымъ по молодущкамъ. —
 Учили ее люди журить,
 А Машенька плакати:
 Не журите люди добрые,
 Не сама я къ вамъ захала,
 Не свою я охотою:
 Завезли меня добры кони,
 Что добры кони Ивановы,
 Какъ Ивановы та Мельниковича,

Послѣ ужина поють разгульныя сватьи, прихлопы-
 вая въ ладони.

Какъ у нашего свата
 Да середъ избы яма,
 Да середъ избы яма!
 Напилася пьяна,
 Напилася сватья пьяна!
 Какъ у нашего свата,
 Какъ у нашего свата,
 Да середъ избы лужа, —
 Напилася сватья лужа. 2.

Сватьи бранять дружку за то, что имъ не дають вод-
 ки. —

Говорили, что дружко нашъ хорошъ,
 Говорили,
 Говорили! —
 Говорили, что дружко нашъ хорошъ,
 Чорта-жъ въ немъ!
 Чорта-жъ въ немъ!
 Чорта въ немъ! овсяное видинье, ячный носъ.
 Чорта-жъ въ немъ!
 Чорта-жъ въ немъ!
 Овсяное видинье, ячный носъ. —

Этой пѣсенію онѣ преслѣдуютъ дружка, и до того надоѣдаютъ ему, что онѣ, желая избавиться отъ нихъ, подносятъ по чаркѣ водки. Но сватьи, съ прежней безотвязностію, начинаютъ новую пѣснь :

Быленькій, румяненекій нашъ дружокъ,
 Быленькій, румяненекій,
 Быленькій!
 Быленькій!—Его очиньки соколиныя, —
 Быленькій!
 Быленькій, румяненекій нашъ дружокъ!
 Быленькій!—Его бровоньки соболинныя, —
 Быленькій!
 Быленькій, румяненекій нашъ дружокъ!

Нѣкоторые изъ сватьей обнимаютъ дружка и сидятся поцѣловать его. Онѣ, чтобы отвязаться отъ нихъ, снова подносятъ имъ водки. Разгулявшіяся сватьи подносятъ чарочку ко рту, съ радостнымъ припѣвомъ :

А ты чарочка катокъ,
 Въ одинъ тоненькій глотокъ,
 Лейся прямо въ ротокъ!
 Чарочка моя, серебряная!

Ихъ примѣру слѣдуютъ гости. — Веселіе продолжается дотолѣ, пока невѣста не скроется съ своими подругами. Дружокъ провозглашаетъ тогда : завтра, почтенные господа ! просимъ на свадьбу.

Благословеніе.

При отправленіи молодыхъ къ вѣнцу, благословляютъ ихъ. — Оба молодые кланяются по три раза въ ноги, родителям своимъ и посаженнымъ, и близкимъ роднымъ, которые держатъ по очередно хлѣбъ и святыя иконы. Молодые прикладываются къ образамъ и цѣлуютъ. Во время поклоновъ дружокъ поднимаетъ же-

ники, старшая подновѣстница вѣѣсту а сватыа, обѣ-
ихъ сторонѣ роютъ :

Не воронные коники,
Копытомъ землю роютъ ;
Молодые князники
Благословенія просить!

И смотря потому, кому кланяются молодые, при-
бавляютъ.

То у батюшки,
То у матушки,
То у родненькихъ,
То у кривенькихъ. —

По совершеніи благословенія дружка приготавлиаь
подарки священнику : чернаго пѣтуха, штофъ вииа
и ржаный хлѣбъ; потомъ весь поѣздъ садится въ сани
или телѣги, — смотря по времени года, — и заѣѣа-
ютъ :

Полетѣлъ соколъ,
Полетѣлъ!
Только крылушкоу
Засвиствѣлъ! —

По возвращеніи молодыхъ изъ подъ вѣнца, ихъ встрѣ-
чаетъ свекровь въ шубѣ, вывернутой шерстью вверхъ, Оконча-
тельный
обрядъ.
и съ чашею, въ которую насыпанъ овесъ, перемѣшан-
ный съ хмѣлемъ: этимъ она обсыпаетъ новобрачныхъ.
Дружка гоняется въ это время за свекровью съ плетью
въ рукахъ, приговаривая: за чемъ ты мнѣ засорила
молодыхъ?—Послѣ подають новобрачнымъ пива : они
пють одну половину, а другую выливають черезъ
голову; имъ слѣдуютъ и всѣ гости, стараась выливать
въ ту сторону, гдѣ болѣе народа. —

Свекровь вводит молодых въ избу, гдѣ, посидѣвъ немного, выводятъ ихъ съ музыкою и пѣснями, и отводятъ въ клѣтъ (*), въ коей уже приготовлена постель для новобрачныхъ. Гости, проводивъ молодыхъ до дверей, возвращаются въ избу и садятся за *обѣдъ незваный*, — такъ называется этотъ обѣдъ. — Дружка запираетъ за молодыми дверь, и съѣчетъ плетью по клѣтѣ (**).

Когда встанутъ новобрачные, тогда подаютъ гостямъ *званый обѣдъ*; послѣ обѣда дарятъ новобрачныхъ. Здѣсь дружка, вызывая по имени каждого, проситъ подарить молодыхъ: *конемъ, ти воломъ, ти чистимъ серебромъ. Кто будетъ дарить, тотъ будетъ со-року коровъ доить, а кто не будетъ дарить, тому одну козу да и то передѣлку (***)*. Когда дружка обойдетъ всѣхъ гостей, тогда молодые, сопровождаемые сватыми и музыкантами, отправляются съ своими посѣщеніями къ роднымъ и знакомымъ, и разносятъ всѣмъ имъ коровай. Въ каждомъ домѣ поютъ сватьи пѣсни и пляшутъ, а молодыхъ дарятъ, — этимъ оканчивается первый день свадьбы.

На другой день гонять молодую на воду. Съ разсвѣтомъ дня поѣзжанные поднимаютъ новобрачныхъ съ постели, и посылаютъ молодую съ ведрами по воду. Когда она донесетъ воду до половины дороги, тогда поѣзжанные выливаютъ ее, и продолжаютъ выливать до тѣхъ

(*) Клѣтъ здесь тоже самое, что амбаръ, въ который ссылаютъ хлебъ.

(**) Бывало дружка оставался вмѣстѣ съ новобрачными, наблюдая, что ему нужно; бывало молодой отдавалъ сватьямъ сорочку невесты, но нынѣ все это вывелось.

(***) Такъ называются коровы и козы, не принесшія приплода.

поръ, пока мужъ не откупить свою молодую. Онъ подноситъ каждому по рюмкѣ вина. Молодую уже не трогаютъ болѣе: она приноситъ воду и ставитъ въ избѣ; потомъ она начинаетъ печь блины званые (*).—За каждый званый блинъ кладутъ деньги. Въ заключеніи подаютъ дружкѣ блинъ, замѣшанный на овсѣ; половину онъ съѣдаетъ а отъ другой откупается. Молодой не ѣстъ блиновъ; ему теща подаетъ яичницу, которую онъ ѣстъ, изрѣзывая средину кружкомъ или изрѣзываетъ всю ее въ куски (**).

Знакомые, повстрѣчавшись съ новобрачными на улицѣ, привѣтствуютъ ихъ: желаю вамъ жить да богатѣть, да спереди короватѣть (***). —

(*) Блины этого дня называются зваными.

(**) Изложенные здѣсь обряды, почти одинаковы во всѣхъ уездахъ смоленской губерніи, исключая незначительнаго измѣненія въ уездахъ: вяземскомъ и юхновскомъ, именно, при обдариваніи невесты и благословенія ея къ замку. Когда братъ невесты хочетъ отрезать ея косу, тогда дружка не допускаетъ и выкупаетъ деньгами. Въ уездѣ поречскомъ обряды тѣ же, но во всѣхъ словахъ, вмѣсто ч произносятъ ц, а вмѣсто ц говорить с.

(***) Эта поговорка употребляется въ уездахъ: смоленскомъ, балыскомъ, ельнинскомъ и краснинскомъ.

ХІІІ. СВАДЬБА ВЪ БѢЛОРУССІИ.

Сваго-
ство.

Когда Самусь или Тимоха на порѣ, и ужъ съ татулькой (батюшкой) потагиваетъ на арендѣ горѣлку; тогда татулька затѣваетъ *жаниць лю*. Онъ, вмѣстѣ съ Самусемъ, забѣгаетъ къ маршулкѣ (свату) съ чаркой водки, и дружится съ нимъ; потомъ онъ посылаетъ маршалка съ своимъ сыномъ къ сосѣду, у котораго онъ *зазирнуць дзвухну* (замѣтилъ дѣвушку). — Тутъ Самусь *заяццаетцця* (любезничаетъ) съ *дзвухной*, а маршалокъ *зюкайтцця* (попиваетъ) *зъ татулькой* и *зъ мамунькою* невѣсты, и когда все уладятъ, тогда назначаютъ день заручинъ.

Заручи-
ни.

Рано съ вечера приходятъ въ домъ невѣсты сваты жениховы, и приносятъ отъ себя водку а отъ жениха кольцо. — Гостей уже полная изба, но невѣсты еще нѣтъ. — Заслышавъ, что идутъ сваты, она вмѣстѣ съ подружками выходитъ въ сѣни; тамъ надѣваютъ на нее шубу, и потомъ подружки, побравшись за руки плотно, ставятъ на одномъ концѣ младшую изъ подругъ, а на другомъ невѣсту; входятъ всѣ въ избу и останавливаются передъ сватами.

Сваты невѣстины указываютъ на младшую подругу и говорятъ: *вось ваша плявста!* — *Ньста* ли *плявста*, отвѣчаютъ жениховы сваты, и смѣются гром-

ко. — Сваты показывают на другую: такъ ось
ина! — И эта ни ина, отвѣчаютъ сваты. Такимъ обра-
зомъ перебираютъ всѣхъ дѣвушекъ, и когда укажутъ на
невѣсту, тогда маршалокъ спрашиваетъ круженку (та-
релку), ставитъ на нее чарку, въ которую бросаетъ же-
ннхово килецъ, и наливши водки, подаетъ невѣстѣ,
чтобы она выпила водку и взяла кольцо. Послѣ
этого родные благословляютъ невѣсту и сажаютъ ее
за столъ; тутъ начинается пирушка. Мужики и бабы
пьютъ; поддѣвки (подружки) прихлебываютъ и по-
ютъ:

За горою Хвеклуныка вянки вьтсь,
За ею матухна пасловъ шлетсь;
Хадзи Хвеклуныка меду пнтсь.
А ни пайдю матухна меду пнтсь:
Медъ нитъ пнтсь, сухота,
А вяночки внтсь, красота.
За горою Хвеклуныка вянки вьтсь,
За ею Самуська пасловъ шлетсь:
Хадзи Хвеклуныка вады пнтсь.
Пайдю къ тебѣ, Самуська, вады пнтсь,
Съ табою нитъ ваду пнтсь, красота,
Базъ тибѣ вянки внтсь, сухота. —

Ни правдивая калина,
Гаварила цялстии ни буду;
Якъ пришла висна, разцвила,
Бѣленькія кветнии пустила,
Зяленый лверь алюбилъ.
Ни правдивая Хвеклуныка,
Гаваривала замужъ ни пайдю,
Маладога Самуську ни люблю.
Какъ прійшла осень, такъ пашла,

Маладого Самуську любяла,
Въ яго сладочки ступила.

Ни хадзи Хвеклуныка са вчэръ на дворъ,
 Ни хадзи!
Не слухай Хвеклуныка звонныхъ гусилъ,
 Ня слухай!
Тыя тлѣбъ вусалыки спаданываюць,
 Ни хадзи! —
Атъ матухни отманываюць,
 Ня слухай!
Къ маладому Самуськи прыманываюць,
 Ни хадзи!
Ты хадзи Хвеклуныка да мою сторону,
 Ты хадзи!
На масѣ старанъ ни не ванишу,
 Ты хадзи!
На валахъ да у чанахъ ваду носюць,
 Ты хадзи!
Кухари да у катлахъ обідъ варюць,
 Ты хадзи!
Пырышка Хвеклуныка не яго старому,
 Пырышка!
Пакажъ Самуська, гдѣ ваты стоятъ?
 Ты пакажъ!
Пакажъ Самуська, гдѣ катлы кипятъ?
 Ты пакажъ!
Глупачка, дуратка, ни разуниная
 Паслухай!
На масѣ старанъ все не ванишу,
 Паслухай!
На плечахъ да у вадрахъ да ваду носюць,
 Паслухай!
У горшкахъ, да у печы обідъ варюць,
 Паслухай! —

При выдачѣ замужъ дѣвушки-сироты, поютъ ей подружки часто заунывнымъ голосомъ :

Ахъ знаць, знаць на вяселику,
 Што ня бяцюшка аддаць,
 Дворъ вялікій а зборъ ня вялікій.
 Нѣтъ у мяня радзінюшкі!
 Ой сашлю, пашлю стру зязулку,
 Па радзінюшку.
 Зязулка ляпиць ;
 Радзіня вдзець!
 Ахъ! паслала бъ я соловеньку,
 Да соловушка отказываець.
 Ахъ! паслала бъ я зязулку,
 Па свайго татулку,
 Да за родненькімъ бацькомъ.
 Свая зязулка не прылетаць,
 Ахъ татулка адмахваець :
 « Радъ бы я устаці
 Къ свайму дзціямъ,
 И парадунку даці.
 Грабавыя доски,
 Сняспулі ножкі,
 Да не могу я устаці!
 Свая зямля,
 Дверцы залегла,
 И окошечка заславіла. » —
 Мая бацюшку,
 На вяселика не пусціла.

Когда родня, подружки и сваты пируютъ у невѣсты, тогда гуляютъ у жениха его гости, а сваты величаютъ пѣснями :

Салодинькій пастарнакъ
 Ця ня ты въ погриби,

Зиму зинувать,
 Самъ сабъ маркувку алмобовать?
 Малодинькій Самуська,
 Ци ня ты въ пузенкахъ побывавъ, (')
 Самъ сабъ Хвеклуньку алмобовать?
 Ай вичерь, ай вичерь на зарь,
 Ъдитъ Самуська на кань;
 А на емъ шапачка яратка, (")
 И съ золотою вѣткою,
 И съ чирвоною лентою.

Надѣла. Послѣ полуночи прекращается пирушка и начинается *надѣла жениха* (обдариваніе). — Жениха и подкняжихъ (дружекъ) заводятъ за столъ, за коимъ женихъ занимаетъ мѣсто на кутѣ, а подкняжіе вокругъ него. Съ правой стороны садится, возлѣ подкняжихъ, кто вибудъ постарше изъ жениховой родни: передъ дружкой ставятъ сулейку съ виномъ и чарку на кружечкѣ; онъ наливаетъ въ чарку и говоритъ: *друзьцы милыи, юстики заѣзжи, просимъ чарочку выпить, маладога князя надаритсь*. — Гости пьютъ вино и надѣляютъ жениха, кто чѣмъ можетъ. — Подносящій вино, обращается къ гостямъ: *что забысь, что забысь чарочку выпить, маладога князя надаритсь*. Онъ снова подноситъ по чаркѣ. Охотники пьютъ и надѣляютъ жениха. Полученныя деньги ссыпаютъ передъ княземъ, съ поклономъ, и онъ благодаритъ гостей легкимъ наклоненіемъ головы.

Послѣ надѣла всѣ выходятъ изъ за стола. Одинъ изъ подкняжихъ подаетъ жениху новую шубу, лѣтомъ же новую свиту, и красный поясъ. Тутъ женихъ переодѣвается, кланяется гостямъ и отправляется къ невѣстѣ,

(') Пузенки, деревня.

(**) Щоярковая.

которая сидитъ за столомъ, съ расшитой косою и
позументовой тесьмою на головѣ; вокругъ сидятъ
подруги, которыя надѣяли се. Съ появленіемъ князя,
сваты поютъ :

Вось нашъ маладсеньцъ,
Стантсь вози синицъ ;
Папытайтѣ вы въ яго :
Ци ня любитсь юмъ каро?
Ой любитсь, любитсь,
Рыбку балакрылку,
Дзвѣчку чернаву.—

Молодой входитъ въ избу, молодая и подруги ея
выбѣгаютъ изъ за-стола и прячутся; онъ отыскиваетъ
свою княгиню и сажаетъ ее за столъ ; подруги запѣ-
ваютъ :

А чаго жъ ты, Хвеклушка, сядыла?
А чаго жъ ты, Хвеклушка, глядзіла?
Ци ты свайго Самуська ни ждала,
Чи ты яго въ хатушкѣ ни звала?
Купивъ тѣбѣ хустушкѣ Самуська,
Полюбицца новая хустынька. —
Погляди Хвеклушка юмъ укланяецца
(кланяется),
Да сваей Хвеклушкѣ юмъ заляцаетца.

Женихъ, подойдя къ столу, кладетъ передъ невестой
подарокъ и кланяется ей.

Когда подруги кончатъ пѣснь, тогда маршалокъ го- Выкупъ
негодой
воритъ: *мы ни Жиды, ни Татарыны какія, а честныя*
люди, прійѣхали зъ маладымъ княземъ поитьэманн, выку-
питсь нашу маладую княгиню Хвеклушкѣ. Съ этимъ
Часть II.

словомъ дружка вытаскиваетъ изъ кармана сулгоу вина, а изъ за-пazuху деревянный ковшъ, и палити въ него водки, подноситъ старшей дружкѣ, которая отвѣчаетъ ему: наша княгиня ни таковская : у ле шшо ступень, то рубль ; одка каса сто рублювъ стоитъ, а етакій зарелки мы зъ роду ня кушали. У нашій госпо-ды зарелка сыцыная, айба позалоцыная. Маршалокъ вынимаетъ изъ калиты мѣдную монету и бросаетъ въ ковшъ. Дружка пьетъ, а монету завязываетъ въ платокъ. Остальные подружьи тому же слѣдуютъ примѣру. — Почти всегда бываетъ, что дѣвушки недовольны подарками, по этому сваты поютъ укорительную пѣснь :

Да ни доля жъ твая, Хвеклунька!
 Ни сватався сватъ богатый,
 А пьяница, латрыга, якъ тутъ бывъ.
 На дваръ старца разбили,
 Тыиъ яны подружикъ дарил

Сваты жениха отвѣчаютъ :

Пашли подружки зъ за-столя,
 Якъ ты сичички зъ надполья.

Сваты невесты :

Идетъ дружка въ пѣбу,
 Ди зрялеть у печку :
 А ни густа кавуста?
 Ци вяликъ гарщекъ каши? —
 Ци падатъ каши?

Сваты жениха :

Хлѣба соли много,
 А привѣту нѣту. 2.

Свѣтъ невѣсты :

Гаварали : Самусьма нѣмъ хоронѣ,
 А чорта жъ у юмъ, што хоронѣ!
 Авсяное видзѣннѣ, лшннѣ носъ ;
 Зъ овсянаго видзѣннѣ блиновъ напаксѣнъ,
 Зъ лшнаго носика крутъ надрасѣнъ. —
 А на сѣъ жупанъ,
 Хлопсѣнъ напхсѣнъ ;
 А на сѣъ сѣнта,
 Лыкомъ сѣнта.

Свѣтъ жениха :

Стукнули, брякнули на дваръ,
 Паглядѣи матухна, чи ни по минъ?—
 Па тлѣбъ дачухна, па тлѣбъ!
 Сабирай, матухна, кублы минъ? —
 Атдамъ дачухну бѣзъ кубла,
 Чѣму мыччѣи ни скубла.

Свѣтъ невѣсты :

Ни тузи дружкѣ, ни тузи,
 Чѣбъ яму сѣмъ скулъ на пузи.
 Займа дружкѣ, займа!
 Чѣбъ яму сѣмъ скулъ на языкѣ.
 Пражора дружкѣ, пражора!
 Па сѣици хлѣба самантсѣ,
 Па палойнику хлѣбайтсѣ.

Свѣтъ жениха :

Ай няши сваття
 Мавчатъ якъ чуплаты :
 А за дѣзжатсѣ сваття,
 Якъ парослаты.

Сваты и невесты :

А въ нашего Иванка (парина) (парина)

Гидлава миса,

Шанка паса,

И то ни яго! 2. р.

Шанка сабатча,

Шубка телячча,

А боцки парасячча.

И то ни яго! 2. р.

Шанка бряхнется,

Шубка рванется,

А боцки заскачутся! 2. р.

Сваты жениха молчать, а невестины продолжают :

А наша Хвеклушка,

Якъ бѣль сыр! 2. р.

А Самуська,

Якъ пузырь! 2. р.

Сваты жениха перебиваютъ :

Князь маладый, князь маладый,

Комь вороный, комь вороный,

А нашъ князь якъ бѣль сыръ,

А княгиня якъ пузырь! 2. р.

Выкупленную невесту выводятъ изъ за-стола, на ея мѣсто садится женихъ. Въ то время сваты водятъ молодую вокругъ хлѣбной квашни, припѣвая :

Лятся гусушны черезъ садъ,

Гукнули Хвеклушку на посадъ. —

Бѣсъ вѣтъ, гудуны, да тако!
 Бѣтъ у нѣе матушка да тако,
 Благословится свѣтъ, та сяду,
 Благословится ити, я найду (*).

Посадивъ невѣсту на квашнѣ, подружки одѣваютъ; по-
 томъ родители благословляютъ и затѣмъ молодые отпра-
 вляются къ вѣнцу, въ сопровожденіи сватовъ и сватъ,
 которыя поютъ :

Запрягай татулка вараца,
 Мы поѣздимъ до вѣнца!
 Самъ Богъ ворота отчинялъ,
 Янглы коникой держали,
 Такъ нашу невѣсту вѣчали. —

Послѣ вѣнца идутъ молодые къ священнику и ко
 всему причету, приглашаютъ ихъ на свадьбу, и всѣ
 собираются потомъ въ домъ невѣсты.—Сваты поютъ :

Звнчали, шауковымъ поясомъ связали,
 А ни разарваться, а ни развязаться,
 Бытъ въкъ выковаться.

(*) Въ вѣнчѣхъ молодыхъ, прежде чѣмъ явится въ домъ
 невѣсты, приучаетъ своего коня не бояться огня а потому
 перескакиваетъ съ нимъ черезъ костеръ пылающій. — Со-
 бравшись ѣхать къ невѣстѣ, онъ и подружьи его наля-
 ваютъ на себя красныя шапки, свои шеи повязываютъ
 красными платками или перевязываются черезъ плечо бѣлыми
 полотняными, за исключеніемъ одного жениха, и отправляются
 повозкою въ домъ молодой. Уворотъ находятъ они у
 зажженной соломѣ, черезъ которую перескакиваетъ поѣздъ. То-
 гда бросаютъ въ глаза лошадей зажженные клочки соломѣ,
 стараясь не допустить въѣхать въ открытые ворота. Всадники
 однако проскакиваютъ и останавливаются предъ дверьми из-
 бы. Женихъ, съ наклоненной головою, первый входитъ въ ха-
 ту и садится за столъ. Немедленно раздается пѣснь: *Богъ,
 спаси насъ.*

Были жъ мы у Бога,
Видѣли тамъ пироговъ многи. —
А нѣ всежъ тутъ пироги,
Есть тутъ баранчини
И салотки прянички.

Сонце колесомъ у гору ѣдетъ,
А дзвухна зъ вниа зъ дворъ ѣдетъ,
А матухна у воротъ встрѣчается,
Пряды нѣтаются:
Дзвухна мѣя, чѣя жъ ты телнеръ?
Матухна! твая я и Божжа. —
Ни правда твая, ты таго пана,
Съ которымъ шлюбъ принимала,
И таго паныча зъ которымъ вничалася.

Подходя къ дому, поютъ :

Запали матухна свѣчку,
Выйди на сустрѣчку;
Сустрѣчь свое дитя
Одно роженое,
Другое суженое.

Родители встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ солью, и осыпаютъ ихъ хмѣлемъ; новобрачные, поцѣловавъ хлѣбъ, кланяются имъ и всѣмъ присутствующимъ. Потомъ вводятъ ихъ въ избу, сажаютъ за столъ, и они пообѣдавши, паруютъ до вечера. Молодой въ свои сватами, сватьями и гостями отправляется нировать въ свой домъ, а у невѣсты уже идетъ своя парушка.

Обла-
рваніе и
опонча-
ніе сва-
льбѣмъ.

Спустя нѣсколько времени, маршалокъ подаетъ невѣстѣ шапку, а самъ, взявъ тарелку, накрытую полотенцемъ, говоритъ : *что чимъ даруишь маладую кланію : ци виномъ, ци кинемъ, ци счастлими, ци долю,*

чи чирокими алмази. Отецъ и мать молодой; кладутъ на таралку хлѣбъ-самъ и провозносятъ : *даруемъ жалобѣ-солью, делю, счастливию*. За ними каждый изъ гостей дарить шеѣсту чѣмъ нибудь. —

Вскорѣ послѣ этаго прѣзжаетъ молодой и подишникіе; на женихѣ тогда надѣта шуба наизворотъ. — Дружко начинаетъ вновь выкупать молодую, а подишникіе и гости, прѣхавшіе съ новобрачнымъ, идутъ въ клѣтъ или въ другую избу, гдѣ мать новобрачной угощаетъ ихъ. — Когда молодую выкупаютъ, тогда являются гости въ избу и пируютъ снова. Подруги поютъ :

Придачачки (подруги) сестры,
У насъ насы востры,
Яще нарядиѣли,
Яще навастрѣли.

Сваты перебиваютъ ихъ :

А у нашего свата, 2. р.
Сяредъ избы яма 2. р.
Напилася пьяна!
А у нашего свата 2. р.
Сяредъ избы лужа 2. р.
Напилася дужа.

Иногда поютъ плясовую :

Людарь, людарь, людаши,
Правивъ татка линиши ;
Матка таго роду,
Правила скавороду ;
Дацка таго цыну,
Правила авцыну.

По уходѣ гостей, мать кормитъ молодыхъ за особымъ столомъ. Когда новобрачные возвратятся въ избу,

молодая начинает голосить. — Маршалокъ спешаетъ съ молодого шубу и набрасываетъ ее на молодую, а на ея голову надѣваетъ шапку; потомъ сажаетъ молодую бокомъ на колеса или на сани, и послѣ этого мать передаетъ ее молодому. — Тогда всѣ гости отправляются перовать къ молодому, дорогою кричатъ пѣсни и уже безъ всякаго разбора. —

III. СВАДЬБА ЛИТОВСКАЯ.

По снятіи хлѣба съ полей, поселіице устриваютъ ^{заботливостѣ} домашнія свои работы, и въ промежуткѣ отъ занятій, ^{звучекъ} составляютъ дружескія сходбища, на коихъ шерѣдко звучитъ пѣснь и гудеть смычекъ. Дѣвушки и парни собираются сюда съ особымъ удовольствіемъ, чтобы поплясать и попѣть. Въ селахъ и деревняхъ ни одинъ праздникъ не проходитъ тогда безъ веселія. Дѣвушки дѣлаются заботливѣе, хлопчутъ о своихъ нарядахъ, думаютъ о суженомъ и молятся Покрову о дарованіи имъ добраго мужа. — Поставивъ свѣчу предъ образомъ Божіей Матери, онѣ произносятъ въ церквѣ и въ домѣ. —

Святый Покровъ, Покровъ!
Покровъ землю и воду,
Покрой и жена молодую.

Въ семейномъ бытѣ обращаютъ дѣвушки вниманіе на опрятность въ домѣ и изысканность своего убора, особенно когда пріѣзжаютъ сваты, по четвергамъ и субботамъ. Въ то время дѣвушки рачительно перебиваютъ въ избѣ:

столы, скамейки, полки, посуду : подметають избу, надѣваютъ на себя бѣлую рубашку, цвѣтную юбку и передникъ узорчатый ; повязываютъ голову платкомъ, изъ подъ коего выпускають длинную косу, переплетенную розовой лентою.

Сва-
твовъ.

При ожиданіи сватовъ, хозяинъ и все его семейство одѣваются въ праздничныя платья, и не идутъ уже на работу, но сидятъ дома безъ занятій, исключая одной невесты, которая безпрестано суетится: то по дому, то около своего наряда. — Въ другихъ мѣстахъ парень посылаетъ двухъ своихъ сватовъ, которые ходятъ изъ дома въ домъ, пока не найдутъ дѣвушки, желающей вытти за мужъ. Сватамъ прикалываютъ ленты, или перевязываютъ ихъ рушниками (полотенцемъ) черезъ плеча, и потомъ возвращаются къ ожидающему молодцу съ радостной вѣстью. — Сватъ, войдя въ избу невесты, останавливается по срединѣ и кланяется на всѣ стороны, но его какъ будто бы никто не видитъ и ничего не говоритъ ему. Хозяинъ, сидя въ переднемъ углу, не трогается съ мѣста; онъ кажется погруженнымъ въ размышленіе. Сватъ подходитъ къ нему и нарушаетъ его молчаніе. Хозяинъ говоритъ ему довольно хладнокровно : садись сосѣдъ, будешь гостемъ. Сватъ отвѣчаетъ : спасибо, сидѣли дома, ничего не высидѣли, а что будетъ, если еще сидѣть будемъ? — Это намекъ на невесту, чтобы онъ не засниживался въ дѣвушкахъ. — Помолчавъ вѣсколько, продолжаетъ :

Намъ быкъ, къ вашей телушкѣ привыкъ,
Какъ бы далъ Богъ дождать,
Вашу телушку къ нашему быку загнать.

Хозяинъ поспѣшно встаетъ съ мѣста, беретъ свата подъ руку и проситъ его ласково, чтобы онъ сѣлъ и

переднемъ углу. Онъ садится а неvěста уходитъ тогда изъ дома, къ своей родственницѣ или пріятельницѣ; рассказываетъ ей о происшедшемъ и возвращается съ нею домой. — Онъ не входитъ уже въ избу, но въ клѣтъ. — Сватъ заводитъ рѣчь о женидѣбѣ, и хваляя добрыя качества и состояніе жениха, вступаетъ въ переговоры съ отцомъ неvěсты. Услыхавъ скрипъ дверей у клѣты, которая обыкновенно отдѣляется отъ избы сѣнями, сватъ тотъ часъ перестаетъ хвалить жениха, поспрашиваетъ на дверь и спрашиваетъ: что жъ это за скрипъ? Вѣрно не всѣ дома! Гдѣ же выны? — Отецъ отвѣчаетъ: извѣстное дѣло, молодежи не сидится дома. — Находящіяся здѣсь женщины поспрашиваютъ другъ на друга, перемигиваются, и выходятъ одна за другой въ сѣни, чтобы привесть въ избу неvěсту. Онъ приходитъ и опять выходитъ, повторивъ это нѣсколько разъ; потомъ вводитъ съ собою неvěсту. — Общее молчаніе; всѣ поспрашиваютъ на нее. Она отъ робости останавливается въ углу, подавъ нѣтъ, и отвернувшись отъ нихъ, долбитъ пальцемъ въ стѣну. Послѣ непродолжительной тишины, заводятся разговоры: сперва тихо, потомъ громче и громче, наконецъ настаетъ общій разговоръ. Сватъ, возвысивъ голосъ, обращается къ неvěстѣ: что жъ дѣвушка ты не говоришь? А я сюда не даромъ пришелъ. — Она молчитъ и долбитъ стѣну. — Мать продолжаетъ: почему сказать, молодецъ хоть куда! Не найдешь въ немъ пороковъ: ни нывица, ни гайдамака, ни воръ. Домъ зажиточный, семья добрая, — никто объ ней не скажетъ худого. Какъ думаешь, мое дитятко? Отвѣчай, вѣдь ты уже не ребенокъ. — Молчаніе. — Наконецъ дочь, наступивъ глаза въ землю, отвѣчаетъ тихо: какъ хотите себя! — Отецъ или мать говорятъ ей: нѣтъ, моя, родная! говори попенѣ: любишь ли его? Ты у

мать не лишняя, изъ дому тебя не гонять. Не для того тебя вскормили и вспоили, чтобы покинуть тебя. Какъ думаешь? — Она, отворотясь отъ стѣны, отвѣчаетъ: что жъ дѣлать? Если выходить за мужъ, такъ выходить, — пусть по вашему будетъ! — Послѣ этого она выступаетъ на нѣсколько шаговъ впередъ. Каждый изъ гостей дѣлаетъ ей приличное привѣтствіе, и разговоръ становится живѣе. —

Малая
попойка.

Сватъ вынимаетъ изъ кармана бутылку съ виномъ, ставитъ на столъ и говоритъ невѣстѣ: помина-ка же намъ чарочку. Дочь роется на полкѣ между посудой, и приноситъ чарку! Мать поспѣшно разводитъ огонь на вагнеткѣ (очагѣ), приготовляетъ яшницу и потомъ приноситъ ее на столъ. Сватъ, наполнивъ чарку водкою, пьетъ за здоровье нареченой; она же пьетъ за здоровье отца, отецъ за здоровье своей жены, жена за здоровье одной изъ подругъ своей дочери, а домашніе за здоровье всѣхъ. — Потомъ дѣлятъ яшницу и запиваютъ ее водкою. Послѣ угошенія хозяйка беретъ кусокъ холста, завертываетъ въ него опорожненную бутылку свата и отдаетъ ему. Сватъ идетъ въ домъ жениха съ благопріятнымъ извѣстіемъ. — Этимъ оканчивается первое сватовское угошеніе, называемое *малой попойкою*, которая однако не обязываетъ невѣсту окончательно выйти за мужъ, если бы она, или ея родители, раздумались бы послѣ: они обязаны заплатить только за водку. —

Отъ малой попойки до самой свадьбы, дѣлаются родители жениха и невѣсты, приглашая взаимно. Они обходятся съ уваженіемъ другъ къ другу, и хвалятъ красоту и достоинства невѣсты. Родители ея приглашаютъ въ свой домъ изъ родственниковъ двухъ дѣвушекъ или двухъ короткихъ пріятельницъ своей дочери, и просятъ ихъ проводить съ нею время до самой свадь-

бы. Эти дѣвицы называются *большилками* (друзьями); онѣ веселятъ ее пѣніемъ и забавляютъ играми.

Надѣлю спустя послѣ малой попойки, наступаетъ ^{Большая попойка.} большая попойка, которая въ нынѣхъ мѣстахъ называется еще *великою горьлякою*. Свать прѣѣзжаетъ тогда въ домъ невесты, уже съ женихомъ, и тогда надѣваютъ имъ кольца, а невеста и женихъ обмѣниваются между собою. На большую попойку приглашаются родственники невесты, которые тщательно разсматриваютъ жениха, перешепчиваются между собою о томъ, что въ немъ находятъ, и это дѣйствіе называется *судить жениха*. Послѣ ужина получаетъ женихъ опорожщенную бутылку, въ коей онъ самъ привезъ водку, съ кускомъ холста. Потомъ всѣ расходятся; женихъ же съ сватомъ садятся на лошадей и уѣзжаютъ. Послѣ этой попойки нельзя уже раздуматься ни жениху, ни невестѣ: тогда всему конецъ. Большая попойка для помолвленных такъ же священная, какъ присяга, и никто не нарушаетъ ее. —

Отецъ засватанной дочери отправляется, по прошеніи нѣкоторыхъ дней, въ ближній городъ, для закупки вещей къ свадебному убору дочери. —

Невеста не занимается уже въ домѣ никакой грубой работою: она приготовляетъ бѣлье, шьетъ узоры на рукавахъ рубашки, рушникахъ и платкахъ. Здѣшнія дѣвушки отличаются рукодѣльемъ. Та изъ нихъ, которая его не знаетъ, называется *неулыха, недольница*, и не скоро найдетъ себѣ жениха; которая же искусная въ рукодѣльи, называется *дольницею*, и та не засиживается въ дѣвкахъ. —

Въ пятый день послѣ большой попойки, дается об- ^{Сговоръ.} щее угощеніе, и при немъ совершается сговоръ. Тутъ присутствуютъ почти всѣ обыватели деревни. Ихъ приглашаетъ сама нареченная, ходя изъ дома въ домъ,

въ сопровождаемін старшей большанки, и входя въ паву, кланяется въ ноги три раза, просить пожаловать на хлѣбъ, на соль и на веселье. Встрѣтившись съ кѣмъ либо на улицѣ, она кланяется такъ же и просить на свадьбу. Женихъ съ боярами равномѣрно ходитъ просить на свадьбу, и кланяется въ ноги. Тамъ, гдѣ они бывають, оставляють калачъ съ рушникомъ а сами получаютъ въ дѣмѣтъ : холстъ, платки и т. п. Послѣ приглашеній женихъ идетъ къ невестѣ съ музыкою; въ домѣ невесты пляшутъ, поютъ и потомъ всѣ расходятся домой. Други почуютъ у невесты, и у ней онѣ расплетаютъ косу, а родители благословляютъ на доброе дѣло.

Ребятишки зажигаютъ по утру, около избы невесты, насмоленныя колоды. Этими даютъ всѣмъ знать, что въ дѣмѣ веселье. — Съ восьми часовъ утра уже толпятся гости, особенно родственницы, кои заранѣе прѣзжаютъ сюда съ дѣтьми. Своихъ дѣтей онѣ усаживаютъ на примосткѣ, устроенномъ между печью и стѣною. Сами усаживаются на лавкахъ ближе къ столу въ одинъ рядъ, и занимаются разговоромъ, съ который никто изъ постороннихъ не долженъ вмѣшиваться. Строго смотрятъ, чтобы посторонняя женщина не сѣла на примосткѣ. Если бы кто дѣлалъ это по неосторожю, или забывшись; то это считается нарушеніемъ приличія и неуваженіемъ къ родственникамъ невесты, и въ ту же минуту говорятъ ей : полвинься, матушка, дѣтей нѣкуда дѣвать, — и ее вытѣсняютъ. Послѣ насмѣхаются надъ нею и попрекають присловіемъ : разсѣлась какъ квочка на яйцахъ. —

Въ день сговорнаго угощенія, всѣмъ распоряжается родственница : она принимаетъ гостей, усаживаетъ ихъ по приличнымъ мѣстамъ и вводитъ, съ родителями и большанками, невесту, которая дотолѣ находилась

въ клѣтѣ, ибо шевѣста по обычаю не должна показываться сюда, прежде представленія ея родственницею. Около десяти часовъ утра прѣѣзжаетъ женихъ съ дружками, боярами, сватомъ и однимъ близкимъ родственникомъ. Они входятъ въ избу молча, съ важностію и въ надвинутыхъ почти на глазахъ шапкахъ; ни съ кѣмъ не здоровываются; гости не встаютъ съ мѣстъ и молчатъ; одинъ свать прѣвѣтствуетъ собраніе наклоненіемъ головы, не снимая шапки. Всѣ они идутъ въ конецъ избы и занимаютъ мѣста за столомъ; женихъ садится въ углѣ подѣ иконами, подлѣ него свать, далѣе дружки и наконецъ музыканты, избираемый преимущественно изъ родственниковъ. Остальные разсаживаются, гдѣ есть мѣсто. Долго не говорить; на лицахъ выражается какое-то не удовольствіе; одинъ свать балагуритъ, то съ тѣмъ, то съ другимъ, болѣе же съ дѣвушками, но и онѣ избѣгаютъ разговоровъ. Свать, видя продолжительное молчаніе и соскучивъ имъ, спрашиваетъ громко: да гдѣ же господа хозяева? Видно не ждали гостей! — поспѣшно встаетъ съ мѣста, выходитъ изъ избы и встрѣчаетъ хозяина у дверей, какъ бы нечаянно. — Слава Богу! говоритъ онъ, кого искали, того и сыскали. Просимъ покорно въ избу. Хозяинъ отвѣчаетъ сухо: а тамъ не нуженъ, обойдется безъ меня. — Свать говоритъ: просимъ покорно свать, войди въ избу. Въ то время какъ одинъ упрямится, а другой упрашиваетъ, выходитъ изъ избы женихъ съ поѣздомъ и упрашиваетъ своего тестя войти въ избу. Чѣмъ убѣдительнѣе его упрашиваютъ, тѣмъ упорнѣе онъ отказывается. Тогда женщины отправляются въ клѣтѣ нареченой и вводятъ ее въ избу. Тутъ она, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ большанками, кланяется всѣмъ изъ нея. По совершеніи поклоновъ, шевѣста подходитъ

къ жениху, сядшей на полу, просить ее быть при ней безотлучно до самой свадьбы. Она первоначально отговаривается, потомъ соглашается, и встаетъ съ мѣста, присоединяется къ двумъ большанкамъ. — Ибрашная женщина, называемая съ тѣхъ поръ *молодицею*, должна быть молодая и не давно за мужемъ, не болѣе двухъ лѣтъ. —

Убѣжденный хозяйнѣ просьбами гостей, входитъ въ избу; за нимъ женихъ, идя прямо въ передній уголъ. Когда усалятся за столъ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ женихъ, послѣднее отецъ нареченной; тогда садятся немедленно, а женщины садятся на противоположной скамьѣ. Невѣста занимаетъ мѣсто противу жениха, старшая большанка противу свата, младшая противу старшаго дружки, молодница противу музыканта. Когда размѣшеніе кончится, тогда невѣстина мать, которая дотолѣ не показывалась, выходитъ изъ клѣти и занимаетъ послѣднее мѣсто на скамьѣ невѣсты, противу своего мужа. Она же выноситъ изъ клѣтки закуску, состоящую изъ варенаго или жаренаго мяса, творогу и водки, и все ставитъ на столъ предъ хозяиномъ. Наполнивъ чарку водкою, она выпиваетъ сначала за здоровье свата; потомъ наливаетъ вновь и накрывъ бѣлымъ вынутымъ изъ за-пазухи платкомъ, подноситъ свату, который снимаетъ платокъ, беретъ его себѣ и выпиваетъ водку. Тотъ же сватъ наливаетъ чарку и подаетъ невѣсту, но она, поподчивавъ старшаго дружку, покрываетъ чарку цвѣтнымъ или краснымъ платкомъ. Дружка, принявъ чарку, прячетъ платокъ въ карманъ и пьетъ за здоровье невѣсты; за тѣмъ, наливъ чарку, передаетъ ее невѣстѣ, которая только подноситъ къ своему рту, и подаетъ, накрывъ чарку своимъ платкомъ, младшаго дружку. Этотъ пьетъ за здоровье молодницы, та за здоровье жениха, же-

никъ за здоровье старшей болѣзани, эта же за здоровье музыканта и описываетъ чарку тесьмою, трудъ невѣсты. (*) Музыкантъ отдаетъ чарку невѣстѣ, которая пьетъ за здоровье свата, свать за здоровье ея отца, а отецъ за здоровье жениха. Потомъ гости начинаютъ пить потому порядку, какой устанавливается между ними. —

Молодица растилаетъ на столѣ бѣлый платокъ, невѣста и женихъ кладутъ на него снятыя съ своихъ пальцевъ кольца. Двѣ большанки съ одной стороны, а двое дружекъ съ другой, берутъ за концы платокъ и поднимаютъ его съ кольцами по выше головы. Свать возглаголетъ громогласно: *свать!* Это повторяютъ всѣ сидящіе за столомъ. Потомъ опускается платокъ съ кольцами. Такой обрядъ совершается три раза. Наконецъ молодица беретъ кольцо невѣсты и надѣваетъ на палецъ жениха, а свать беретъ кольцо жениха и надѣваетъ на палецъ невѣсты.

Свать складываетъ разостланный на столѣ платокъ, причетъ его въ карманъ а изъ кармана вынимаетъ башмаки и даритъ ими невѣсту, которая, принявъ съ поклономъ, отворачивается въ сторону и бросаетъ на землю съ пренебреженіемъ. Стоящіе парни тогда поднимаютъ и подаютъ невѣстѣ; она вторично бросаетъ. Тогда свать обращается къ ней и говоритъ; не хорошо бросать башмаки! въ нашей сторонѣ земля не ровная, иногда и пригодится. — Жениху подаютъ башмаки, которыми онъ снова даритъ невѣсту; но она не

(*) Тесьмы бываютъ отъ $\frac{1}{2}$ до 2 вершк. ширины. На основу употребляютъ льняныя нитки, а на утокъ цвѣтныя гарусъ, преимущественно красный. Невѣста раздарииваетъ иногда болѣе 100 тесомъ, которыя она заготовляетъ съ 12 лѣтнаго своего возраста.

принимаетъ, и только принимаетъ отъ него; за третій разомъ. Тутъ она окладываетъ нѣкъ спрятать старшей большанкѣ, а сама, какъ бы стыдясь своего поступника, потупляетъ голову въ землю или отворачивается въ другую сторону. Большанка съ молодницею поетъ :

Не сиди телушка бокомъ,
 Это тебя не съ нарокомъ;
 Сядь себѣ примешенько,
 Будь себѣ милешенькой. —

По троекратномъ пропѣвѣ, невеста поднимаетъ голову. — Женихъ, снявъ шапку, подаетъ ей свою руку и выходитъ съ нею изъ за стола; то же самое дѣлаетъ каждый мушкетеръ, съ сидящею противу его женщиною. — Музыканты начинаютъ играть и отирывается пляска. Первые пары вертятся порядочно, по крайней мѣрѣ въ первые три круга, а потомъ начинается стукотня и шумъ. Скрипки и дудки не умолкаютъ ни на минуту. Женихъ, проплясавъ съ невестою, танцуетъ съ ея родственницами, пока не перетанцуетъ со всѣми ими. —

Въ этотъ день много выпивается водки и пива, преимущественно во время ужина. За столъ садятся тѣ только, которые прежде за нимъ сидѣли; а прочіе располагаются въ клѣтѣ, сѣняхъ и около избы, и угощаютъ другъ друга, часто привезенными съ собою съѣстными припасами. Послѣ ужина всѣ расходятся по своимъ домамъ. —

Оконча-
 ные сва-
 дебнаго
 обрада.

До самой свадьбы озабочены, родители невесты, приготовленіемъ приданаго и украшеніемъ свадебнаго веселія. Большанка и молодница забавляютъ невесту пѣніемъ, и если невеста въ веселомъ расположеніи духа, то она поетъ съ ними. — Поютъ про сѣтованіе дѣвушки, растающей съ своими дѣвическими дѣрами,

забавами и беззаботной жизнью; почти всею оккупацию молодежи на болыпашах; всцѣляютъ попойку, сговоръ и пласки. Такимъ образомъ проводятъ цѣлуя недѣлю. Въ субботу на нефѣта, въ сопровожденіи болыпанокъ и молдапы, идутъ на исповѣдь; потомъ проводятъ вечеръ въ дѣвичьемъ кругу, съ обрядными приготовленіями къ предстоящей свадьбѣ, по сему зовутъ вечеръ называемая дѣвичьимъ, т. е. дѣвичникомъ. На немъ нѣчто другой не можетъ быть, кромѣ дѣвущины. —

Свадьба совершается здѣсь почти такъ же какъ въ Малороссіи: съ разгулемъ и безотчетными веселѣніемъ. —

Когда молодой садится подлѣ своей молодой, тогда его не пускаетъ братъ или другой родственникъ невесты. Сватъ или дружка покупаетъ мѣсто, и тогда садится молодой подлѣ невесты, которая опускаетъ голову на столъ и закрываетъ себя бѣлымъ платкомъ. Женихъ старается поднять голову молодой; она противится; онъ срываетъ съ ея головы платокъ, и цѣлуетъ въ губы. Потомъ начинается пляска и угощеніе, а въ заключеніе обходитъ сватъ всѣхъ гостей, съ водкою и тарелкою, и каждый, выпивъ чарку водки, кладетъ на тарелку нѣсколько денегъ. Потомъ онъ разрѣзываетъ корову и разноситъ гостямъ; послѣ надѣваетъ сваха на голову молодой очипокъ, вышитый шелкомъ и мишурою, а поверхъ чепца набрасываетъ сваха *намитку* (тонкое и прозрачное полотно) и передаетъ молодую окончательно мужу. —

Свахи, удостовѣренныя въ непорочности молодой, украшиваются алыми лентами, а бояры подпоясываются красными кушаками. Впротивномъ случаѣ всѣ оказываютъ неудовольствіе, и замѣтно общее уныніе. — На другой день свадьбы пляшутъ у моло-

дыхъ. — Радостныя гости ходятъ по улицамъ съ музыкою или заходятъ къ богатому помещику, или къ кому либо другому; тамъ ихъ подчуютъ водкою. Иногда въ толпѣ ихъ бываетъ шутъ, который ѣдетъ верхомъ, кричитъ, поетъ и размахиваетъ длиннымъ шестомъ, съ навѣшеннымъ на немъ знаменемъ; по возвращеніи гуляющихъ въ домъ молодыхъ, родственники опять подчуютъ гостей, а новобрачныхъ дарятъ, кто чѣмъ можетъ: курицами, бараномъ, теленкомъ, гусями, полотномъ, пряжью или другими домашними вещами. Во вторникъ бываетъ, если молодые зажиточные, наряжаніе гостей; потомъ снова пляска и угощенія. — Свадебное пированіе продолжается иногда цѣлую недѣлю. —

IX. СВАДЬБА МАЛОРОССИЙСКАЯ.

Изъ старинныхъ извѣстій о нравахъ и жизни Мало-
россиянъ, мы имѣемъ сочиненіе половины XVII вѣка, Свадь-
но мно-
го и а
звѣна
объ на-
тор о с-
сѣйской
свадьбѣ.
инженера Боуплана, который жилъ въ Украинѣ около
17 лѣтъ. Онъ передалъ намъ много любопытныхъ
свѣдѣній, между прочимъ о свадьбѣ (*).

Въ Украинѣ на переکورъ всѣмъ народамъ, гово-
рить Боупланъ, не мушны сватаются за дѣвицы, а
дѣвицы за мушны. Въ этомъ содѣйствовало имъ общее
мнѣніе, что дѣвицы скорѣе достигаютъ своей цѣли.
Влюбленная дѣвушка приходила въ домъ жениха въ
то время, когда его родители были дома. Войдя въ
избу, она привѣтствовала ихъ: *помогай Вигъ!* и сажалась.
Потомъ обращалась къ жениху, называла его по
имени и говорила: я вижу, что ты человекъ добрый
и я буду съ тобой счастлива, женись на мнѣ.—Нако-
нецъ обращалась къ его родителямъ и просила ихъ
согласія. Если они не были согласны или отговарива-
лись молодостью лѣтъ сына, то дѣвушка отвѣчала,

(*) Beauplan : Descrip. d'Ukraine, изд. Рюсс. 1680 года.

что она не разстанется съ ихъ домомъ. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, родители соглашались съ желаніемъ невѣсты и уговаривали сына полюбить ее.—Но согласиться съ желаніемъ невѣсты, значило навлечь на себя гнѣвъ Божій а на домъ несчастіе. —

По соглашеніи жениха сзывали парубковъ и дѣвицъ, и разсылали ихъ по всѣмъ своимъ родственникамъ, чтобы просить ихъ на *веселье* (свадьбу), а въ знакъ уполномочія посланцыхъ, давали имъ по цвѣточному вѣнку, который надѣвался на руку. Парубки ходили попарно, имѣя впереди себя одного парня, который держалъ въ рукѣ жезлъ (*), и отъ имени всѣхъ привѣтствовалъ и просилъ на веселье.

Невѣсту наряжали къ вѣнцу въ длинное шерстяное платье, темнаго цвѣта, и съ широкою на груди оторочкою, изъ помутелковой матеріи. На голодѣ никакого не бывало убора, кромѣ цвѣточнаго вѣнка; волосы раскидывались по плечамъ, грудь и шея были закрыты,

Отецъ, братъ или ближній родственникъ, велъ невѣсту въ церковь; впереди ихъ шли два музыканта: съ скрылкою и сопилкою (свирѣль). По совершеніи вѣнчанія, одинъ изъ родственниковъ принималъ молодую и отводилъ ее домой съ музыкою.

Когда наступало время вести молодую къ брачной постели, тогда родственницы жениха вводили ее въ спальню, а за тѣмъ тайно приводили сюда жениха и задерживали у брачной постели зачѣвъ.

Собравшіеся гости сидѣли съ кубками въ рукахъ, а женщины били въ ладоши и плясали. Спусти нѣсколько времени, родственницы возвѣщали радость и тогда

(*) Изображающій казакскій мечъ.

увеличивалось веселіе. На молодую надѣвали очипокъ (чепецъ), въ коемъ она ходила во всю жизнь. Одиѣ только дѣвушки ходили простоволосыми, и ниѣ считалось за стыдъ носить очипокъ.

Если во время свадьбы провозглашали молодую дурнымъ именемъ, то ниршество прекращалось: мушани бросали кубки, а женщины переставали пѣть. Родственники молодой терпѣли всякаго рода оскорбленія. Все въ домѣ становилось верхъ дномъ: били горшки и бросали кружки на полъ. На мать новобрачной надѣвали хомутъ, шѣли оскорбительныя, пѣсни и съ уверкомъ подносили пить изъ черепка. Наговоривъ всего, что приходило на умъ гостей, они расходились съ нелюдваніемъ, а родственники запирались отъ стыда въ своихъ домахъ, на нѣсколько дней. Въ волѣ молодого было прогнать жану или жить съ нею.

ЖИВЫЯ СВАДЬБА.

Много радости на малороссійскомъ веселіи (свадь-^{Свадьба во веселіи.}бѣ), и оно, выражая вполнѣ мысль веселія, обращается въ праздникъ, нерѣдко всего околодка. Поселяне и горожане сами стекаются толпами; двери избы открыты тогда для всѣхъ, званыхъ и незваныхъ; кушанье, питье, танцы, — все для всѣхъ. Родители молодыхъ принимаютъ чистосердечно даже своихъ враговъ; угощаютъ ихъ съ чувствомъ торжествующей добродѣтели. Никто тогда не врагъ; самые злые недруги примираются, и веселье молодыхъ часто соединяетъ дружною многихъ непріязненныхъ. Малороссійанинъ легко

забываетъ нанесенныя ему обиды, но не равнодушенъ, когда осмербляютъ его простосердечіе.

Вечернія сходбища, называемыя подъ именемъ вечерницъ и досвнтокъ, сближаютъ здѣсь молодежь обоого пола, безъ нарушенія приличій въ обращеніи между ними; но горе тому, кто нарушитъ благопристойности оныхъ преслѣдуется всею громадою парубковъ (обществомъ парней). — На вечернихъ сходбищахъ парубки женятся (ухаживаютъ за дѣвушками), и долгое время.

Сватовъ-
ство.

Избирающій себѣ невесту, сближается съ нею на вечерницахъ. Тутъ онъ испытываетъ ее расположеніе къ себѣ, вывѣдываетъ ея качества, и если уже избралъ выборъ, тогда онъ приступаетъ къ дѣлу. Подъ веселый часъ онъ объявляетъ своему отцу, что такая то дивчина (дѣвушка) полюбила его, и онъ проситъ позволенія жениться на ней. Отецъ, выслушавъ его просьбу, совѣтуется съ своими свойственниками или добрыми сосѣдами. Получивъ соизволеніе отца и матери, сынъ избираетъ двухъ старостъ (*), чтобы они высватали ему дивчину, которая понравилась ему; даетъ каждому въ руки по посоху (по палкѣ), въ знакъ полномочія; вручаетъ имъ нарочно изготовленный для этого дѣла хлѣбъ и выпроваживаетъ ихъ за ворота. — Старосты отправляются въ домъ отца невесты.

Мать невесты, увидѣвъ издали незваныхъ гостей, идущихъ съ хлѣбомъ и въ новой одеждѣ, догадывается и кричитъ своему мужу: старосты идутъ! — Къ кому?

(*) Сватовъ, изъ коихъ одинъ называется старшимъ, и на немъ лежитъ обязанность высватать невесту, потому въ это дѣло избирается умный, ловкій, изворотливый и толковый человекъ. —

спрашиваетъ онъ — Къ намъ, вотъ уже ни двери. Сидишь скорѣе на лавку, а ты Ганусю (Аннушка, по-вѣста) бѣжи въ комнату, одѣвайся. —

Гануся въ испугѣ смотритъ на мать, мать толкаетъ ее дружески въ комнату, и тамъ наряжаетъ въ нилуи налхту. Въ то время старосты стучать потри раза палкою по дверямъ; отецъ поспѣшно достаетъ новую свою свиту (армякъ), новый поясъ, — одѣвается и говоритъ про себя: Господи милосердный! дай моей дочери добраго человека. — Стучать въ другой разъ, и въ третій разъ. — Одѣтый хозяинъ входитъ въ хату, застилаетъ столъ скатертью, кладетъ хлѣбъ, который всегда лежитъ на столѣ къ покуту (въ уголѣ подъ образами. — Ударилъ въ послѣдній разъ въ двери, тоже три раза. Отецъ, перекрестившись, отвѣчаетъ имъ: если добрые люди, съ добрымъ словомъ, то просимъ, — и обращаясь къ своей женѣ: садись скорѣй! Она, перекрестившись три раза, садится подлѣ него. — Тотъ часъ входятъ въ хату двое старостъ, въ свинихъ жупанахъ (кафтанахъ), подпоясанные англицкою палашайкою (англинскою бахрамою) и съ палками въ рукахъ. Старшій староста держитъ въ рукахъ святой хлѣбъ; молится Богу и потомъ кланяются хозяину и хозяйкѣ. — Хозяинъ проситъ ихъ сѣсть и спрашиваетъ: что они за люди? куда идутъ и за чѣмъ ихъ Богъ сюда принесъ? — Отецъ, хотя уже знаетъ, за чѣмъ они пришли; однако спрашиваетъ ихъ изъ одного обыкновенія. — Старшій староста говоритъ: прежде всего повелите намъ поклониться вамъ, и добрымъ словомъ прислужиться. —

Не прогнѣвайтесь выслушать насъ, и *колы буде тее, то мы и онее* (*); если же наше слово не въ ладъ,

(*) Это выраженіе нельзя перевести буквально, ибо, слово въ

то мы пойдемъ назадъ. А что мы люди честные и божьей науки, то вотъ вамъ святой хлѣбъ въ руки. — Отецъ беретъ хлѣбъ, цѣлуетъ его, кладетъ на столъ подлѣ своего хлѣба и говоритъ : хлѣбъ святой принимаемъ а васъ слушаемъ. Садитесь добрые люди. Что будетъ то будетъ, а тому бывать, чему во мнѣвать. Садитесь, будь ласково (адѣлайте милость) и ногъ своихъ не утруждайте, — вы пришли изъ далека. Съ котораго же царства, съ котораго государства? — Старый староста отвѣчаетъ : мы люди нѣмецкіе, идемъ изъ земли турецкой. Мы ловцы, удалые молодцы. Однажды, на нашей землѣ, вышла пороша (небольшой свѣтъ). Я говорю товарищу : чего намъ смотрѣть на эту непогоду, пойдемъ на охоту, и пошлемъ. Вздвигая, слѣдили и ничего не нашли. — Между тѣмъ на встрѣчу намъ ѣдетъ князь (женихъ), на верономъ конѣ, и говоритъ намъ : ай, вы ловцы, добрые молодцы ! услужите мнѣ службу, неажите дружбу : мнѣ попалась лисица или кунница, но едва ли не красная дѣвица. Бѣтъ, цитъ не желаю ; поймать ее желаю, — помогите ! Чего ваша душа захочетъ, требуйте отъ меня. Ловцамъ молодцамъ того и надобно. Мы пошли по слѣдамъ, по всѣмъ городамъ. — Первый слѣдъ показался въ землѣ нѣмецкой, а далѣе въ турецкой ; идемъ, ищемъ и не находимъ. Всѣ царства, всѣ государства прошли, а ее не нашли. Мы и говоримъ князю : мы поищемъ въ другомъ мѣстѣ, и найдемъ не только кунцу, но и красную дѣвицу. — Нашъ князь остался при своей думѣ, и сказалъ : сволько по свѣту ни ѣзжалъ, въ какихъ государствахъ ли

слово : если будетъ то, то и мы то, т. е. если состоится дѣло, то мы исполнимъ его.

бывалъ; но такой куницы, или красной дѣвицы, не видааъ. Мы вновь по слѣду пошли, и въ это село, какъ зовется, не знаемъ, несчастно зашли. Тутъ сенокоса поротва, а мы ловцы, добрые молодцы, давай ходить, давай слѣдить. — Сего дня рано встали и наслѣдъ напали. Побѣждаъ нашъ забрь да къ намъ на дворъ, а со двора до хаты; теперь хотимъ его поймать. Нѣтъ сомнѣнiя, что наша куница въ вашей хатѣ, а это наша красная дѣвица. Нашему слову конецъ, а вашему дѣлу вѣнецъ. Отдайте нашему князю купцу, вашу крадну дѣвицу. Отдадите ли, или пусть она вырастетъ еще?

Въ другихъ мѣстахъ Малороссiи, когда старосты простучатъ палкою у дверей три раза, приглашаются немедленно войти въ избы. — Послѣ обычнаго молотiя, кланяются хозяинамъ и кладутъ на столъ хлѣбъ. Потомъ заводятъ двусмысленную рѣчь о постороннихъ предметахъ, и увидѣвъ дѣвушку, намекаютъ отцу:

Нашъ быкъ къ вашей телушкѣ привыкъ, и какъ бы далъ Богъ дождать, вашу телушю къ нашему бычку загнать. Или: у насъ есть гусакъ, а у васъ гусочка, а потому мы желаемъ ихъ спароваты (соединить), чтобы вышло изъ нихъ все добрее. Или: мы чули, папе свату, шо у васъ е гусочка, а мы, бачишъ, маемъ на иримити гусака, да якъ бы тее, тотачечки, ихъ спароваты. Нехай жъ вивести ходять и вивести пасуцця. —

За тѣмъ предлагаютъ ему отдать дочь за добраго молодца, который никакого не требуетъ приданого. Замѣчательно, что между Малороссiянами женятся, не спрашивая приданого. —

Когда староста говоритъ обнимками, тогда дѣвушка сидитъ въ комнатѣ и слушаетъ, а инда бѣсть покло-

ны, чтобы отецъ выдалъ ее за милаго Петруся, который ей по сердцу, и за котораго сватають ее. — По окончаніи же рѣчи, Гануся припадаетъ слухомъ къ дверямъ и, не переводя духа, слушаетъ, что будетъ отвѣчать отецъ. Если онъ встрѣчаетъ какія либо препятствія, или не соглашается, по чему бы то ни было, то говоритъ: я не умѣю приложить къ саму дѣлу ума разума, а скажу попросту: вы идете съ дальней дороги, устали, не выпить ли вамъ по чарки водки? — Это означаетъ отказъ, и они должны взять назадъ свой хлѣбъ. Другіе же родители поступаютъ иначе: если они знаютъ, что дочь не согласится выйти замужъ; то призываютъ ее, чтобы поднести по чарки водки старостамъ и самому жениху, который иногда бываетъ вмѣстѣ съ ними. Дочь выносить изъ сосѣдней комнаты водку на деревянной тарелкѣ, вмѣстѣ съ гарбузомъ (тыквою). Пристыженные убираются немедленно и несутъ, вмѣсто хлѣба, гарбузъ. Это большое оскорбленіе для жениха; оно дѣлается публичнымъ по всему селу, и тогда жениху остается долго ждать у моря погоды. —

Случается, что съ первыми посланными старостами находится самъ женихъ, но и тогда старшій староста говоритъ тѣже рѣчи, какія прежде, и оканчиваетъ тѣми же словами. Въ то время невѣста, если любитъ жениха, смотритъ на него сквозь щелочку двери; и когда услышитъ отказъ, невольно вскрикиваетъ: охъ мое горе! несчастная я! — Женихъ бросается въ ноги отцу и матери, цѣлуетъ ихъ, горько плачетъ и умоляетъ отдать за него дочь. Будь моимъ отцемъ и матерью, говорятъ онъ имъ, не губите бѣднаго сироту! Будьте ридненькими (родными), я буду вашъ служить за батрака (работника); буду выполнять все, что ни прикажете; — только дайте мнѣ пожить еще

на свѣтъ,—а то я умру безъ нее! За что же отнимаете мою душу, мою червонную Ганусю? За что разлучаете меня съ нею? Я не прошу ни богатства, ни приданого я самъ наживу, только не губите мою душу! —

Дочь, забывшая строгое послушаніе, бросается не-рѣдко съ плачемъ къ ногамъ родительскимъ, цѣлуетъ руки и ноги, и говорить съ воплемъ, раздирающимъ сердце.—Сердечно батюшка! голубчикъ сизый! соколикъ ненаглядный! лебедикъ бѣлоснѣжный! душечко! моя родимая! утичка моя! перепелочка! голубочка мать ненаглядная! Вы оди у меня а я одна у васъ, не губите бѣдной, — дайте хоть немного пожить на свѣтъ, чтобы я знала, что за радость жить съ ма-лымъ. Я буду вамъ служить вмѣсто работницы; все буду работать, и ни охну и ни застону. —

Изъясненіе двухъ любящихся тѣмъ болѣе примѣ-чательно, что оно непринужденно изливается изъ душевныхъ чувствованій, козѣрыми такъ богаты Малороссіяне: Русскій по большей части увлекается прелестью красавицы, Малороссіянинъ добродѣтельно инативны; первый судитъ о сердечной вѣжности, иногда по волненію страстей, забывая любовь; а второй до-рожитъ чистосердечнымъ сочувствіемъ, которое уса-ждаетъ его въ самомъ несчастіи. Малороссіянинъ лю-бить, а Русской влюбляется. —

Отецъ, опустивъ голову, молчитъ, и только обти-раетъ свои слезы рукавомъ. Старшій староста обра-щается къ нему и провозноситъ въ слухъ: можетъ быть всему причиною мать!—Охъ, нѣтъ, отвѣчаетъ она со вздохомъ, развѣ я не желаю счастья своей до-черѣ, а развѣ я не жена, чтобы не слушала своего мужа! Онъ мнѣ законъ, а не я ему; онъ знаетъ, почему не выдаетъ. У насъ, старосвѣтскихъ, все идетъ по Божьему велѣнію. — Тогда староста вста-

зотъ въ лавокъ, берутъ шапки и уже идутъ съ хлѣбомъ, но старшій староста, тронутый слезами молодыхъ, рѣшается еще разъ поговорить съ отцомъ. — Свять! мнѣ не прилично говорить лишнее слово, при семъ важномъ дѣлѣ; мое дѣло сказать, что обычай волеитъ, а потомъ идти съ отвѣтомъ. Сказано, поднеси намъ по чарки, чего же тутъ ожидать добраго? но зная Петруся и видя слезы его, какъ же мнѣ не снизать: благослови дѣтей, пусть Гамуся повлияетъ насъ рушниками (полотняными утиральниками). — Отецъ встанетъ, крестится предъ образомъ и отвѣчаетъ: я молился всю жизнь объ счастьи своей дочери, захочу ли ей несчастія? — Сваты! если хотите выпить по чарки, то выпейте; если же нѣтъ, то нѣтъ. Прощайте добрые люди и не дивитесь, почему не отдаю: не настала часъ, — завтра все узнаете. Вотъ вамъ святый заплъ хлѣбъ, прощайте и зломъ не поминайте. — На другой день отецъ объясняетъ своей дочери причины, почему не соглашается, и покорная дочь повинуется родительской волѣ. —

Когда предложеніе старость соответствуетъ желаніямъ родителей, тогда онъ проситъ ихъ, чтобы дать ему время на размышленіе. Потомъ подзываетъ къ себѣ дочь и спрашиваетъ ее: выйдетъ ли она замужъ за Петруся? Если онъ ей по сердцу, то она притворяется сначала, что будтобы она не знаетъ его; потомъ оканчиваетъ тѣмъ, что она отдастъ себя въ полную волю батюка и мачехи (матери). Въ противномъ случаѣ, она изчисляеть всѣ пороки жениха и рѣшительно отказывается выйти за него замужъ.

По объявленіи согласія невесты и ея родителей, молодые предлагаютъ старостамъ притти къ нимъ съ женихомъ въ тотъ же вечеръ, или на другой день. Невѣста подноситъ старостамъ на деревянной тарелкѣ,

по рушнику, вышитому бумогою, иногда красными шалконь. Принимъ нтъ рукъ невѣсты, они перевязываютъ себя черезъ плечо и оставляютъ въ домѣ ея принесенный ими хлѣбъ, а въ замѣнъ берутъ невѣстинъ хлѣбъ.

Перевязанные рушанками, идя по селу, хвалятея Похвала
и оло-
дникъ. есѣмъ встрѣчнымъ, что Ганусю просватали за Петру-
ся; что тамою пары никогда не выдали. Что за красота! что за разумъ! Хлопецъ, красавецъ! русоволосый, чубъ длинный, усы казацкіе, глаза блестящіе, какъ звѣздочки; румяный, проворный и добрый. А она, — что объ ней говорить! — Она выросла на утѣху! Высокая, прямая какъ стрѣлочка; чернобрывая, румяная, — какъ роза; глаза словно черновыя ягодки; брови, будто перевитыя чернымъ шелкомъ вымъ шнурочкомъ; носикъ праменькій, губы алыю; зубы бѣлоснѣжные; коса долгая, по колено, и черная какъ смоля; шея лебяжья, станъ гибкій, пышный, а ходить какъ королева! —

Женихъ не рѣдко ожидаетъ старостовъ у воротъ и встрѣчаетъ ихъ здѣсь, и если приносятъ они радостную вѣсть, то входитъ съ ними въ избу. Старосты объявляютъ объ успѣхѣ, а ихъ подчуютъ.

По наступленіи вечера или на другой день, старосты идутъ съ женихомъ въ домъ невѣсты, кой хата Приходитъ
испуга. бываеъ убрана цвѣтами; свѣчи теплятся предъ иконами, отецъ и мать въ нарядныхъ одеждахъ, а дочь надѣвать красную плахту (шубу) и застегиваетея подъ сажною шеею. Плахта на ней картацкая черчатая (узорчатая) съ цвѣтами; сорочка бѣлая, тоненькая, — сама прѣла и сама вышивала; запаска (передникъ) шелковая, узорчатая; поясъ шитый орлами; подтечка (подпередникъ) изъ подъ плахты, шитая и съ висачими кисточками; панчошки (чулки) синіе, черевки (башмаки) красные сажаные, на высокихъ подборахъ и съ

подковками; коса заплетена въ дрибушку (мѣло и часто); на концѣ косы вплетена лента, которая развивается пезади; по верхъ головы скиндячка съ перевязью (ленты перевитыя), съ вѣнкомъ и цвѣтами; грудь унизана намыстомъ (монистомъ), червонцами золотыми, серебряными рублевками и кипарисными крестами.

Уже стучать старосты. Одинъ разъ, другой и третій. — Ихъ просятъ ввойтъ: они входятъ, кладутъ хлѣбъ на столъ и начинаютъ говорить прежнія рѣчи про кунцу. Петрусь стоитъ, да слушаетъ. На немъ снѣгій жупанъ, подпоясанный англійскимъ поясомъ; штаны (шаравары) тляжичевыя, чоботы (сапоги) юхтовыя съ подковками, вымазанныя олиєю (коноплянымъ масломъ) и шапка изъ барашковъ рѣшитиловскихъ (*); хусточка нестрая (платокъ носовой). По приходѣ ихъ, отецъ нарочно сердится и кричитъ: что это за напасть! Жинко! что будемъ дѣлать? Ганусю, пойдя сюда. — Дочь робко выходитъ изъ комнаты, а вся горитъ стыдомъ. Лице ея зарумянилось, словно красный макъ, а она дрожитъ, какъ березовый листъ. Она стоитъ подлѣ печи и долбитъ пальцемъ. — Смотрите ловцы—молодцы! проносятъ имъ отецъ, что вы надѣлали? меня съ жинкою смутили, дочь пристыдили, что скоро печь выковыряетъ, — вѣрно ей не жить у насъ болѣе! гай, гай, (эй, эй) вотъ что вы надѣлали!.. Но хлѣбъ святой принимаемъ, добраго слова не отвергаемъ чтобы насъ не порочили, что мы передерживаемъ кунцу, и вотъ скажемъ: дочко! пришла и наша чередъ говорить до ладу—полно печь колупать! — нѣтъ ли чѣмъ ловцевъ—молодцевъ—перевязать? — Дочь стоитъ и не тронется съ мѣста. Мать обращается къ ней: доню (дочь)! слынешъ ли, что го-

(*) Рѣшитиловка, село, недалеко отъ города Поктавы.

ворить отецъ ? Иди же, да принеси, чтобы чѣмъ было повязать людей. А можетъ быть ты ничего не приготовила, отъ того и колуешь печь. Не слушалась матери, не училась прастъ, не наготовила рушниковъ ; теперь важи, чѣмъ хочъ, — хоть веревками ! Да есть ли и это у тебя ? —

Гануса идетъ въ комнату и выносить оттуда, на деревянной тарелкѣ, два длинныхъ вышитыхъ рушника, крестъ на крестъ сложенныхъ, и кладетъ на святомъ хлѣбѣ. Сама же становится предъ образами и дѣлаетъ три земныхъ поклона ; потомъ кланяется отцу и матерѣ три раза; послѣ цѣлуетъ ихъ руку, наконецъ беретъ рушники, подноситъ на тарелкѣ старшему старостѣ, а тамъ младшему. Они встаютъ, кланяются, берутъ рушники и говорятъ : спасибо отцу и матерѣ, что дитя рано будили, доброму дѣлу учили. Спасибо и дѣвицѣ, чко рано вставала, тонко пряла и хорошіе рушники наткала.—Старосты надѣвajúть на себя рушники, и старшій изъ нихъ продолжаетъ говорить : вершите дѣло кошцемъ, и рассчитайтесь съ княземъ молодецъ ; мы присланные, и не виноваты ; важите приводца (приведеннаго), чтобы не убѣжалъ изъ хаты.—И дѣло ! кричитъ отецъ. Ну, дою ! ты сказывала, что на то пятки зарабатываешь, чтобы изъ чего было сшить шелковый платокъ и намъ заплатить пеню. А теперь на тебѣ другая пеня : ты не всѣхъ повязала.—Гануса выноситъ платокъ красный, какъ она сама, Отецъ и мать говорятъ ей : нужъ дочко, теперь надѣвай ему сама, важи за поясъ платкомъ, тани его къ себѣ, повилишься ему и люби его, — поцѣлуй же. —

Староста говоритъ засвѣтаннымъ, чтобы они кланялись отцу въ ноги, три раза.—Они кланяются, а за третьимъ разомъ лежатъ у ногъ. Отецъ даетъ имъ наставленіе: смотри, зять ! бей свою жену поутру и вече-

ромъ, съ постели вставая и ложась спать ; бранись съ нею каждый часъ. Не шей для ней : ни платья, ни одежды; не сиди дома ; ходи по шинкомъ (питейнымъ домамъ) и по чужимъ женамъ. Если будете жить вмѣстѣ, то навѣрно пойдете съ дѣтьми по свѣту. А ты, дочю, мужу не спускай, и ни въ чемъ ему не петакай. Какъ онъ пойдетъ въ поле, а ты иди въ шинокъ и пропивай послѣдній хлѣба кусокъ. Пей, гуляй, а онъ пусть умираетъ съ голоду. Около печи не хлопочи ; пусть она заростетъ пустынною травою, — вотъ вамъ и вся рѣчь. Вы же маленькіе, сами имѣете разумъ, а что я вамъ говорю, какъ надобно жить, — знаете сами. — Ба таную науку, кричитъ староста, цѣлуйте дѣти отца въ руку. — Они цѣлуютъ и потомъ кланяются матери, тоже три раза. Она ихъ не наставляетъ, а только благословляетъ. Потомъ старосты говорятъ : чего вы жемали, того достали ; а за наши рѣчи, подайте намъ по чарки горилки (водки). — Отецъ отвѣчаетъ : добре, и просимъ еще милости на хлѣбъ, на соль и на святалье. — Засватанныхъ сажаютъ на покутъ. Отецъ садится подлѣ вятя а мать подаетъ кушанье на столъ. Старосты садятся на оселинъ (скамейку) подлѣ стола. Отецъ угощаетъ старостовъ : нуте жъ, покушайте. — Староста выпиваетъ, морщится и говоритъ : отъ этаго какъ рачъ покрасиѣешь. Смотрите, вы напоите насъ такимъ, что мы, чего добраго, рачки пополземъ. — О цѣтъ, отвѣчаетъ отецъ. — Откуда же вы взяли такое вино, что хоть куды ! — Шла баба отъ Лиховъ, рассказываетъ отецъ, несла здоровья съ семь мѣшковъ, — мы у нее купили, семь золотыхъ заплатили и въ вахтонъ пустили. — Что добре, то добре, отвѣчаетъ староста, — а ну, товарищъ, попробуй ты, и скажи : пили ли мы когда въ Турціи, или у Нѣмѣйчины, или у Расохи ? — ей, съ роду не пивали ! Товарищъ

пробуютъ, хвалятъ и говорятъ, что лучшаго никогда не пивали. Послѣ первой рюмки начинаютъ угощать другъ друга, уже по просту, безъ зафѣй.

Презъ вѣсколку дамъ собираются родные жениха Сговоръ. и невесты, въ домъ ея; равно сваты, свахи и хорошие знакомые, для участія въ сговорѣ, который происходитъ по большей части послѣ вѣчерни. На этотъ сговоръ приглашаетъ невеста своихъ подружекъ — въ назначенный день всѣ являюся въ нарядахъ: одетыхъ. До прихода жениха, невеста сидитъ съ своими подружками въ особой комнатѣ. По прибытіи всѣхъ гостей, показывается съ старостами женихъ, который останавливается у порога. Нѣсколько времени не обращаютъ на него вниманія, но мать невесты, какъ будто бы только что увидѣла его, кричитъ : доню! доню! — иди сюда. Чего ты тамъ скрылась? — Смотри, двой молодецъ стоитъ у порога, безъ тебя не идетъ въ залу, не хочетъ садиться, не хочетъ выпить изъ чаши, только съ тобою одною. — Выйдя сюда, доню, скорѣй же! — Она не идетъ. — Гости смѣются надъ молодымъ : вѣрно, пане брате, она не любитъ тебя. — Эге, да какая же у васъ любовь! Нѣтъ братику, убирайся отсюда; тебѣ вѣрно стоять у порога, а не сидѣть за столомъ съ нами. — Староста старшій говоритъ ему : не говорилъ ли ты намъ, что она тебя любитъ? поэтому мы начали сватать за тебя. А, а, надѣлалъ ты намъ стыда, нанесъ ты намъ бѣзславія, осрамилъ ты насъ и обезчестилъ. А кажись, парень хорошій, казакъ правдивый, — а что теперь? не идетъ къ тебѣ, твою Гавуся; не любитъ она тебя; гай, гай! — Мать снова зоветъ, невеста не идетъ; тогда яко прабудъ изъ родственникамъ идетъ за нею, выводитъ ее силою и ставитъ ее подлѣ жениха. Всѣ гости кричатъ, почти въ одинъ голосъ : ага нуница,

красная дѣвица! теперь ты не спрячешься и не уѣжишь отсюда—Потомъ отецъ и мать молодой садятся на покутъ, на разосланой шубѣ, и берутъ въ руки вину и хлѣбъ съ солью. — Старосты или кто изъ родныхъ, подводятъ молодыхъ подъ благословеніе родительское. Они падаютъ въ ноги отцу и матерѣ, по три раза; родители благословляютъ ихъ виномъ и хлѣбомъ-солью; молодые пѣлуютъ образъ и хлѣбъ-соль, за тѣмъ своихъ родителей. — Послѣ сажаютъ ихъ за столъ и начинается общее угощеніе, за конемъ слѣдуетъ въ скоромъ времени ужинъ.

Наро-
закіе.

На другой день приглашаетъ къ себѣ, отецъ жениха, новыхъ своихъ сватовъ, родственниковъ и гостей, на родственную пирушку, которая продолжается во весь день. Тутъ поютъ и танцуютъ. Отсюда отправляются гости къ отцу невесты, и снова шумное веселіе, которое не прекращается иногда нѣсколько дней сразу: то у родителей молодой, то у родителей молодого. —

Между тѣмъ подружки невесты поютъ, во время пирушекъ, свадебныя пѣсни :

Ой ты душенько, наша Гануся!
Обидайте дворы,
Застылайте столы,
Кладите ложечки,
Сроби блюдечки,
Золоти мисочки, —
Отъ идуть дружечки.

Противъ, кланяются низенько и произносятъ : дай Боже вамъ вечеръ добрый, — помоги вамъ на все доброе. — Мать благодаритъ ихъ за доброе желаніе : спасибо, просимъ на хлѣбъ на соль и на веселье. — Ихъ сажаютъ рядомъ, противу дочери. — Садитесь

друженьки, мои голубеньки, говорить имъ мать, кушай-те, не стыдитесь, а ты, староста, угощай.—Дѣвушкамъ кажется стыдно ѣсть при постороннихъ, чтобы не сказали : вотъ голодные ! Вѣрно дома нечего ѣсть.— Онѣ благодарятъ и начинаютъ пѣть. —

Ой чому, чому
Уснѣть новымъ дому,
Такъ рано засвѣчено?
Гавусенька встала,
Косу чесала,
Батенька поражала.
Порадь мене
Мій батеньку,
Кого въ дружечки брать?
Бери доненько,
Соби ривненьку,
Щобъ не было гимненько.
Садовы, доненько,
И выще и нижче,
А свою родынюнку ближче.

Мать плачетъ отъ этой пѣсни, потому что она напоминаетъ ей разставанье съ своей дочерью. — За этимъ поютъ дѣвушки :

Дежъ бувъ селезень?
Дежъ була утинька?
Селезень на ставку,
Утинька на плавку;
А теперъ же воны,
На однокъ плавку.
Та идать же воны,
Дрибную раску;
Ой пють же воны,
Холодную воду. —

Дажь булѣ Петрусь?
 Дажь булѣ Гануся?
 Петрусь у батинька,
 Гануся у свого;
 А теперъ же воны,
 У водѣм свитлоньци.
 Ой пьють же воны,
 Зелене видо;
 Та идѣть же воны,
 Дрибныи кацачи:
 У медѣ умокаючи,
 Макомѣ обсыпаючи.

Поютъ про дочъ, которая тонѣтъ; но ни отецъ, ни
 мать не подають ей помощи, — одинъ только ея су-
 женый. —

Та въ недилнѣнку рано,
 Чегось тое та море грало?
 Тамъ Гануся та потопала,
 Къ соби батинька бажала.
 А батенько та на бережечку,
 Е човнычекъ и веселечко:
 «Потопай, мое сердечко!»
 Та въ недилнѣнку рано,
 Чегось тое та море грало?
 Тамъ Гануся та потопала,
 Къ соби матиньку бажала.
 А матинька та на бережечку,
 Е човнычонъ и веселачонъ:
 «Потопай, мое сердечко!»
 Та въ недилнѣнку рано,
 Чегось тое та море грало?
 Тамъ Гануся та потопала,
 Къ соби Петруся бажала.
 А Петрусь та на бережечку,

Е човнычекъ и веселюкѣ :

« Не потопай, мое сердечко! »

При пѣніи свадебныхъ пѣсней, прикладываютъ къ нимъ имена засватавшихся и молодыхъ. Эта пѣснь не развѣчена вѣжными чувствами, но она показываетъ, что любящій, первый подаетъ помощь своей любимой. — Поютъ еще :

Пропывъ, пропывъ, пропывъ,
Ондрійко дочку,
На зеленымъ вини.
Не треба мени дочки!
Напившись вона скаче,
А проспавшись вона плаче:
Тятничко! чимъ я тобі надокучила,
Твій двірть охрانیючи,
Чиядичку привертаючи? —

Колибъ я знала,
Колибъ я видала,
Що засватана буду;
Мыла бъ я стини,
Щобъ були биły,
Для свекорка для старенького,
Для приходу его.
Коли бъ я знала,
Колибъ я видала,
Що засватана буду;
Немовала бъ я
Золотого перстенечка;
А сповала бъ я,
Золотые крылушки.

Полютила бы я,
 Отвела б чужую сторону;
 Не так сторону, не так чужу,
 Як чужого батиньку:
 Чи винъ добрый, чи добровирий,
 Як мій ридний?
 Чи винъ буде пускаты,
 На улицу гуляты?

Казавъ яворочикъ: не бійся морозынька!
 Не пушу отъ себе листыньки.
 А теперь пускае,
 Сыру землю укрывае,
 Усе долины наповняе,
 И могилы выравниае.
 Казавъ мій батинько,
 Не отдамъ тебе, моя доненько;
 А теперь отдае, та не жалуе;
 На весь свить мене завязывае,
 Гуляты мене заказывае.

Любящіеся, милаясь другъ съ другомъ, ничего не ви-
 дятъ подлѣ себя, и ничего не слышатъ: они только
 говорятъ между собою, и ненаговорятся; смотрятъ на
 самихъ себя, а все прочее не существуетъ для нихъ.
 Посторонніе толкуютъ тогда иначе, хотя очень зна-
 ютъ, что ихъ невниманіе происходитъ отъ душевныхъ
 восторговъ, и чтобы отвлечь ихъ мнѣванье и по-
 тѣшиться надъ ними, поютъ:

Та въ саду соловейко не щебетавъ,
 Та Петрусь Гануси не миловавъ;
 Якъ же соловейко замщобетавъ,
 Петрусь Гануси пощлювавъ. —

Тогда всё смѣются надъ ними а отецъ требуетъ, чтобы они потѣшались. Дѣвушки между тѣмъ, чтобы не терять время повеселиться, поютъ :

Ой ты душечко, наша Гамуся!
Ламлеть роженку,
Стелить дороженьку,
Щобъ мягко ступаты,
На двирь танцѣваты:
Зъ скрипками, зъ цымбалами,
Зъ хорошими боярами.

Всѣ гости понимаютъ, къ чему клонится это пѣніе. Отецъ кричитъ : давай музыку!—Одна изъ цуроворныхъ дѣвушекъ бѣжитъ за скрипачомъ, и немедленно приводитъ его. Начинаются танцы, скачки, — кто какъ гораздъ. Сосѣды, услышавъ музыку, сбѣгаются.—Подъ окнами избы уже толпа народу. Веселыя дѣвушки и молодцы выходятъ на широкій дворъ, и открываютъ пляску. Дѣвушки выдѣлываютъ дрыбушки (частое дербеганіе ногами), а молодцы пукаются въ гопака (въ присядку), — все вертится и кружится ; гости расходятся почти передъ свѣтомъ. —

Со времени засватанья до свадьбы, помолвленные видятся между собою почти каждый день : они вмѣстѣ ходятъ и пѣлаются, вмѣстѣ закупаютъ вещи для домашняго обзаведенія, и новыя платья для радостнаго своего праздника ; проводятъ вмѣстѣ не только день, но и ночь, и женихъ строго наблюдаетъ благопрістойность. — Въ противномъ случаѣ остается бесчестіе на всю его жизнь (*). —

(*) При всей любви жениха, часто пробуждается въ немъ скорбное чувство. Мысль, что онъ женится, и Бѣгъ знаетъ!

Избрание
дружка

За несколько дней до веселья, молодые собирают свадебный причетъ. Женихъ собираетъ своихъ дружковъ брать, изъ конхъ старшій дружокъ распоряжается уже всѣмъ, что относится до свадьбы. Всѣмъ даются рушники бѣлые,

будетъ ли онъ счастливъ, что женатъ, только разстаться; что съ женатобю оказывается его свобода казацкая и вся огары (забавы) съ чернобровыми и румянцами дичатами, — все это заставляетъ сокрушаться его. Это чувство очень хорошо выражено въ пѣснѣ :

Хлопче, молодче, якій ты ледачо!
Задумавъ жениться, самъ не знаешь на що.
Будешъ колысь плакати!
Хлопче, молодче, якій ты ледачо!
Задумавъ жениться, самъ не знаешь на що.
Будешъ колысь плакати,
Далю прощальны,
И кулаками слезы утарати.

Хлопче, молодче,
Съ черными бровами!
На що тобі жінка? —
Канешъ за плечами! —
Виплачешъ ты очи,
Да не вернешъ доли;
И самъ зітнешъ,
Якъ неглиа у поля!
Черненькіе бровки,
Скається не въ пору;
Якъ зякотились сонце,
За високу гору.
Піадово тодіа буде,
Съ сердцемъ розшавати, —
И кулаками слезы утарати.

Лучше напередъ
Якъ съ сердцемъ попытати. —
Вжежъ оженився, —
А після не кайся. —
Козакій я доли,
Вонижъ не забуду :

которыми перевязываютъ себя черезъ левое плечо, и прикалываютъ къ шапкѣ по ленточкѣ красной.—Невѣста избираетъ для себя дружекъ и старшую свитилку (сваху). Дружки получаютъ отъ нея хустки и ленты. По избраніи свадебныхъ чиновъ, молодые отправляются по знакомымъ, чтобы просить ихъ на свадьбу. Войдя въ избу, кланяются и говорятъ: просить батько и просить маты на хлѣбъ, на соль и на виселье. Ихъ принимаютъ радушно и угощаютъ. — Приходъ невѣсты провозглашаютъ дѣвушки пѣніемъ :

Обметайте пороги,
Застылайте столы,

Однимъ любите,
Никому не буду!
Поздно мое сердце,
Поздно схлестнулось!
Рано мое счастье,
Рано извернулось!
Мабуть я жилали,
Его да побачу!
Иду на речку,
Та съ горы заплачу.
Уже мѣсяцъ свѣто,
Тучи надо мною;
А дѣла несчастныя,
Сиджу надъ водою:
Плачу, заливаюсь!
Гирькини слезани.
Ахъ, мои дѣлчата!
Ахъ, мои дѣлчата!
Я прощаюсь съ маме,
Я прощаюсь съ дѣми.

Эта пѣснь сочинена однимъ даровитымъ и образованнымъ человекомъ, г. Ярославскимъ. Мнѣ же она сообщена знакомымъ моимъ, Я. Я. Тимченко-Рубановымъ, которому я обязанъ многими источниками о далороссійскихъ обрядахъ.

Кладите ложечки,
Серебры блюдечки
Золоты пысочки,
Отъ идуть дружечки.

Войдя въ избу, она кланяется и говорить : просить батько, просить маты на хлѣбъ, на силъ и на вѣсилѣ. Во время хожденія молодыхъ по домамъ, поютъ веселыя пѣсни. —

Выди, выди матинько противу насъ,
Глянь же матинько на всѣхъ насъ :
Краше Гапуса ото всѣхъ насъ !
Не пызнала маты своего дитяти.
За дружечками, за слезечками ;
За дружечками за миленькими,
И за слезечками за дребненькими.

Я у матери була,
Я горилочку пила ;
Та не простую, а коричную,
Зъ солодкинѣ медкомъ.

Я дружечекъ люблю,
До дружечекъ иду :
Дружечка, голубочка,
Якъ зеленая груша
По двору зеленіе.

Обметайте дворы,
Купи матинько китайки,
Та застилаи столы.
Глядите, голубочки,
Идутъ къ вамъ дружечки.

Спасибо вамъ за дружку,
За ся послужку;
Хоть не уміє співати,
Та уміє танцювати.

Утицько иде,
Утинять за собою веде,
За шовковою травою.
Да не утка се иде,
Гануся не утятъ веде,
А дружечокъ за собою,
За чорною косою.

Ой ты душенько наша, Гануся!
Сухая рыбочка не трепця,
Матинько, багатій женихъ не шлеця;
А бідный не сміє,
Тань моя чорна косинька спаріє.

Ой ты душенько наша, Гануся!
Велики скоки сороки,
Низки поклоны ворони,
Довгоножикъ куличокъ,
Далеко слыхаты дружечокъ.
Ой ты душенько наша, душенько!
Лежить горохъ по дорозі,
Твій батинько въ дорозі;
Винъ того не знає,
Що дочка гадає.

Свити, свити звиадечко ясно,
Щобъ у Гануси личико було красно;

Сыти еще яснійши,
Шобъ буде краснійши,
Петрусеньку веселійши.

Печеніе
корова-
евъ.

Для за два до свадьбы, пекутъ большіе и малые корован : т : е : пшеничные хлѣбы, окрашенные красной краскою ; по верхъ ихъ налѣпливаютъ хлѣбныя птички, которыя, вмѣстѣ съ короваемъ, покрываются золотой мишурой и украшаются прапорками (спичками); сверхъ короваевъ еще пекутъ изъ хлѣба : конниковъ, коровокъ и другихъ животныхъ, какихъ вздумаютъ, конми на свадьбѣ дарятъ дѣтей и тѣхъ гостей, у коихъ есть маленькія дѣти. Печеніе короваевъ сопровождается пѣніемъ пѣсней, сколько можно веселыхъ, думая, что въ это время онѣ имѣютъ вліяніе на судьбу молодыхъ. Самую закваску свадебнаго хлѣба сопровождаютъ цѣдями, по той же самой причинѣ. — Когда коровай бываетъ спеченъ и онъ поднимется высоко, тогда женщины поднимаютъ радостный крикъ, бьютъ въ ладоши, скачутъ по лавкамъ и столамъ, и вакханскимъ напѣвомъ разгоняютъ стыдливыхъ дѣвушекъ.

Яка я уродылася,
Така и удалася;
Хотѣвъ мене Иванъ, —
Да я не подалася.

И шумить и гуде,
Дрибенъ дощидъ иде.
Ой хто жъ мене молодумъ,
Та до дому проведе?
Обызався козакъ,
На солодницѣ меду:
Гудай, гудай мое сараци,

И до дому приведу ;
 Гуляя, гуляя чернобрива,
 Я до дому проведу.

Ой прошу жъ я тебе,
 Не веди жъ ты мене;
 Сердитаго свекра маю,
 Буде биты тебе.

Ой я свекра не боюся,
 Ой я свекру поклонюся :
 Бо вишь се розтолкуе,
 И обниме, поцилуе.

На битъ хлопцы, на биты хлопцы,
 Бо чортъ свекра несе :
 Якъ побача мене аъ ваки,
 Его трясця затрясе.

Не хай трасе, не хай трасе,
 Якъ у поли грушу !
 А я таки молодая,
 Погуляты хочу !

Не хай трасе, не хай трасе,
 Якъ у саду вишню !
 А я таки молодая,
 Своего свекра вышлю.

Ой не стій падъ викномъ,
 Не махай рукавомъ ;
 Бо якъ прыйде пера,
 То я выйду сама;
 Бо якъ прыйде той часъ,
 То я выйду на часъ.

Ой не стій падъ винномъ,
 Не ворочайся ;
 Просы мене чого хочъ,
 Не соромляйся. —

Не повивъ вишь до дому,
 Та повивъ у солому.

.

Даму мій, голубе мій,
Та порада моя,
Та потіха моя.

Ой на горі метельця,
Чому старий не жениця?
Ой якъ же меня жениця.
Прійшла пора журиця....

Дѣвч-
ники.

Бракосочетаніе совершается въ воскресенье, по се-
му въ субботу назначается въ невістномъ домѣ дѣ-
вичникъ. — Сюда собираются ея дружки, поддружки
и свитилки. Старшая свитилка занимаетъ здѣсь глав-
ное мѣсто. Вечеромъ пріѣзжаетъ на ужинъ женихъ: съ
родственниками, дружками и боярами. Всѣ они садят-
ся за столъ, по распоряженію старшаго дружки. Дѣ-
вушки, дружки и свитилка противу бояръ, а женихъ
раздастъ подарки: отцу, матерѣ и свойственникамъ.
Тогда дружки поютъ свадебныя пѣсни, а потомъ ужи-
наютъ. Свитилка сидитъ въ большомъ углѣ, и держитъ
въ рукѣ казацкую саблю, увитую каленой съ ягода-
ми вѣтвию; на саблѣ прилѣпляется тройная зажженная
изъ воску свѣча. Съ тѣхъ поръ молодой именуется
княземъ а молодая княгиней. — Сабля означаетъ
казацкую вольность а калина непорочность. — Послѣ
ужина выходятъ изъ хаты, танцуютъ подъ скрипку и
гуляютъ до полуночи, —

Обрядъ
и ро дѣ
дѣвични-
ковъ по-
слѣ вѣн-
чанія.

Бояре и дружки слушаютъ заутреню въ воскре-
сенье, вмѣстѣ съ княземъ и княгиней. Подруги
идутъ потомъ къ своей молодой, чтобы одѣть ее въ
брачное платье и расчесать дѣвичью ея косу. Онѣ въ
последній разъ заплетаютъ ей косу вѣнкомъ, убира-
ютъ голову цвѣтами и преимущественно барвинкомъ и

рутою (*). Когда помолвленная умретъ до свадьбы, тогда мѣглы ея усыпають барвинкомъ и рутою, въ ознаменованіе, что съ нею похоронена любовь и надежда.—Послѣ обѣдни собираются дружки къ своимъ молодымъ, которые испрашиваютъ благословенія у родителей; при этомъ благословеніи поютъ :

Похильное то дерево, тая липа,
 Покирное то дитятко поклонилось,
 Отцу и матери та низехомько.
 Не стій вербо, розвивайся,
 Свій, свій соби вербо,
 Симъ сотъ квіттокъ :
 Щобъ всімъ болярамъ було по квіточки,
 Одну пивисти и молодому.
 Ото тоби квітка,
 Хорошая дівка. —

Свити звиздечко зъ неба,
 Свити, чого намъ треба.
 Перваго воскресенья,
 Просимъ на весілья :
 Хожъ ийти,
 Хожъ псидити,
 Хожъ дома сидити.

Суботинько, недилненько,
 Якъ одинъ день ;
 Плакала Гануся тиждень !
 Якъ мені плакать перестати?

(*) Барвинокъ означаетъ любовь, а рута надежду.
 Часть II.

Якъ свекора назвати?
 Назову я свекоркомъ, — не гарно;
 А назвати мени батинько, —
 И милуй Боже!
 Назову я свекоркомъ, не гарно;
 А назвати мени батинько,
 И милуй Боже!

Слава зоря до місяця рано, рано;
 Слава зоря до місяця ранесинько.
 Ой місячко братику, рано, рано;
 Ой місячко мій братику, ранесинько.

Послѣ благословенія отправляются въ церковь. Впереди поѣзжаныхъ идетъ дружка, за нимъ свитилки, преимущественно изъ молодыхъ дѣвушекъ: одна несетъ брачныя свѣчи, а другая предковскій мечъ, увитый рутою, барвинкомъ и красной калиною; (*) за тѣмъ идетъ молодая чета, окруженная боярами, дружками, пиддружками и свахами, а все шествіе заключается двумя или тремя музыкантами, которые съ гордой важностію несутъ въ рукахъ скрипки и бубны, и по выходѣ изъ церкви играютъ. Нѣкоторые играютъ даже и тогда, когда молодые идутъ въ церковь.

При отправленіи молодыхъ въ церковь, сопровождаютъ ихъ пѣніемъ:

Ой у поли у крыныченьки,
 Орлы воду пють;
 Та вжежъ мою днѣчиньку
 До церкви ведуть!
 Жаль, жаль мени буде,
 Разлучаютъ мене люди;

(*) Предковскій мечъ дѣлается жезломъ.

Теперь не мнѣ,
 Не будѣ мнѣ!
 Одытъ веде за рученьку,
 Другій за рукавъ;
 Третій стоять, сердце болѣть:
 Любить, та не вѣзъ!
 Жаль, жаль мени будѣ,
 Жаль, жаль мени будѣ.

По тѣмъ боцѣ Дуная,
 Вивчаръ вивчѣ гаяе;
 Вивчаръ вивчѣ гаяе,
 На молодцѣ моргае:
 Гей молодцѣ, молодцѣ!
 Накажѣтѣ моеѣ дивонцѣ,
 Нехай мене не любить,
 Сама себе не губить.
 Бо я парубокъ удовѣй,
 Аще къ тому я убогѣй.
 Смиѣ соѣтъ овнѣ дѣшныку,
 Яловныку безъ лику.

По тѣмъ боцѣ Дуная,
 Тамъ дѣвчына гуляе;
 Де козаченько ходыѣ,
 Тамъ барышнѣ уродыѣ;
 Дѣжъ дѣвчына стояе,
 Тамъ травонька повяе.

Перепелычка мала,
 Не вслычка;
 По полю лѣтае,
 Траву притортае.
 Траву пригортае,
 Сокола шукае. —
 Дѣвчыно, сырото!

Не стелы широко.
 Стелы узенько,
 Прысунься близенько.
 Будымъ говорыты,
 Якъ у святи жыты..
 Будымъ размовляты,
 Якъ ѿ горювады.

Изъ палъ крутой горы,
 Вылітало два орлы;
 Лятаючи, промовляючи,
 Та по своїй горькой доли.

Молодой, выходя изъ церкви, кланяется всѣмъ встрѣчающимся ему на дорогѣ, и отправляется съ своимъ поѣздомъ въ свой домъ, а молодая въ свой. У молодого обѣдаютъ бояре, свитилки, сваха, старосты и дружки. Тогда свитилка прищипливаетъ къ шапкамъ бояръ, старостъ и скрипача, красныя изъ лентъ квитки (букеты цвѣтовъ изъ лентъ), или однѣ красныя ленты и цвѣты, и свои шапки они должны выкупать. Послѣ обѣда родители жениха садятся на шубу, вывороченную въ верхъ шерстью, держа въ рукѣ большой ржаной или ситный хлѣбъ. Сынъ кланяется въ ноги отцу, потомъ матерѣ, которая благословляетъ его хлѣбчъ; потомъ онъ проситъ дозволенія ѣхать ему въ домъ своей невѣсты.

Встрѣча
 молодо-
 го.

Молодой съ боярами, старостами, свахою, свитилкою и дружками, отправляется въ домъ невѣсты. О его приближеніи маршалки (старосты) даютъ знать отцу и матерѣ невѣсты, и кладутъ хлѣбъ на столъ и ставятъ штофъ водки. Посрединѣ двора ставится тогда квашня, накрытая скатертью а на ней хлѣбъ и штофъ водки; мать даритъ дружку и поддружку ру-

пешками а князя встрѣчаетъ въ вывороченной шубѣ, сходя на вилы или на кочергѣ, и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ, она даритъ его: Зять, взявъ отъ нея горшокъ, выливаетъ воду на гриву своей лошади и передаетъ старшему боярину, который, принявъ отъ него, бросаетъ въ сторону и замѣчаетъ: если разшибется горшокъ, то родится сынъ; а когда уцѣлѣетъ, тогда дочь.

Потомъ молодой сходитъ съ лошади а на нее садится Прода-
ла по-
вѣсти. братъ невѣстнъ, или другой какой-либо свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре, сѣвъ на своихъ лошадяхъ, обращаются за нимъ въ поговню. Словивъ его, они ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею подчуютъ виномъ. Подающій вино говоритъ: прошу выпивать. Тотъ ему кланяется и не пьетъ. Тогда дружно выпиваетъ вмѣсто его, и наливъ другую чарку водки, подноситъ брату невѣсты; онъ опять отказывается.— Снова дружно спрашиваетъ: что тебѣ надобно? — Денегъ. — Дружно вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается къ сѣннымъ дверямъ и взявъ обнаженную заблю, садится подлѣ невѣсты. Князь съ свахою и свитлакою стоятъ въ сѣняхъ; мать невѣсты выходитъ изъ избы, зажигаетъ у свитилки, съ тройной ея свѣчи, прилѣпленной къ ея саблѣ, свою восковую свѣчу: цѣлуется съ свитлакою черезъ порогъ и, съ дозволенія старосты, вводитъ молодого къ невѣстѣ, окруженной уже дружками. Подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ, или тотъ самый, который ѣздилъ на лошади молодого. Дружно спрашиваетъ его: за чѣмъ сидишь здѣсь?—Я берегу свою сестру. — Она уже не твоя, а наша, возра-

жасть дружко. — А ежели она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ въ теченіи восемнадцати лѣтъ, — говоря о лѣтахъ невѣсты, не насчитываютъ болѣе восемнадцати, — а вы хотите взять даромъ! — Что же ты издержалъ? спрашиваетъ дружко. — Много! восемь бочекъ буракова, четыре бочки капусты, шесть воловъ, двѣнадцать кабановъ, двѣнадцать овецъ, двѣсти гусей, триста курицъ, четыреста утокъ, сто кулей муки, пива нѣтъ, двѣнадцать бочекъ, меду пятьдесятъ бочекъ, водки сороковую бочку, — а платья, а уборовъ, а черевикъ, — и счету нѣтъ! — Чѣмъ болѣе выставливается расходъ, тѣмъ почетнѣе для молодой. — Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мѣшечковъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ. По продажѣ невѣсты, братъ ея выходитъ изъ за-стола: на его мѣсто садится князь, — это называется сажаніе молодыхъ на посадѣ (за столомъ). Тутъ поютъ двѣумки:

Та усн ангглы, та усн сватые,
 Пидъ виконечкомъ сили.
 Молода Гануса у свого батиньки,
 Благословенія просить:
 Благослови мене, мій батинько!
 На посади сясти.
 Богъ тебе, дочинько, на помощь,
 Ангглы на радости.
 Ангглы радять,
 На посадь садать,
 Господь долиньку дае.

Низомъ, низомъ соколенью летить,
 Коло его соколяты;
 Сидайте вы соколяты,
 На вишняхъ, на чирешняхъ,
 А я слду въ вишневомъ саду.
 Отъ вамъ, соколяты,
 Уснмъ погалоцы,
 А мени сву зозулю.
 Низомъ, низомъ Петрусенько ихавъ,
 Коло его бояры.
 Сидайти, вы бояры, по лавочкамъ,
 А я слду у тестя за столичкомъ.
 Отъ вамъ, бояры, уснмъ подружки,
 А мени, молодому, молада Гавуся.

Якъ въ саду соловійко заснивавъ,
 А Петрусенько Гавусю не цюловавъ;
 Якъ въ саду соловійко заснивавъ,
 Петрусенько Гавусю поциловавъ.
 Въ саду соловійко гниздо вье,
 Чи уснмъ боярамъ мисто е?
 А кому не ма,
 Не хай самъ соби шукае.
 Якъ не буде шукаты,
 То буде у порога стояты. —

Ты сизая зозулишка,
 Чому летяшь, та не закукуешъ,
 Лито тепле не згадаешъ.
 Твое высокее литанье минуея,
 Высокое литаньечко,
 Хорошее кукованьечко.
 А ты, молодая Гавусю!
 Чому сидишь, та не заплачешъ?

Уже твоє минує
Суботнєе чесаньечко,
А въ неділю обриваньє.

Та нахало на нашъ двіръ,
Симъ паръ голубей,
Узнавай, голубочко!
Де буде твій двіръ?
Якъ мени угадати,
Свій двіръ узнавати?
Шо блєсєнько,
Якъ лебєдєнько, — то мій!
Нахало симъ сотъ бояръ,
Узнавай Ганусєнько,
Де твій милый? —
Шо у синниъ,
Та не усивыъ,
То не мій. —
А шо у голубому,
Та на вороному, —
Той буде мій. —

На дворі дощикъ иде зъ росєю,
Размовляла Гануса зъ своєю косою:
Коса моя, косынько!
Та важко мени вздыханьє,
Гирькоє разставаньє.
Не годъ я, не два тебе чесала,
Красны стрпчки заплетала.
Якъ розплетали и пєсю порвали,
Подъ очипокъ клали,
Усю изорвали,
Усю мою кисотьку изорвали. —

На горі жито, а на дворі пресо ;
 Шо жъ тобі буде, моя руса коса ?

Куда жъ ты, Ганюсу, вечеромъ
 Пизнесинько ходыла ,
 Шо ты того Петрусенька полюбила ?

Не я его, подружички, полюбила,
 Та полюбивъ его мій батинько :
 За его тихіє розговори,
 За его низкіє поклони.

Въ продолженіи пѣнія, родители невѣсты подчуютъ
 водкою зятя и всѣхъ гостей. — Дѣвушки поють:

Мы були въ церквѣ, бачили диво :
 Два виньцы на столыци,
 А третій на Ганусиной на головки.

Стояла Ганусенька пидъ винечкомъ,
 Чесала русу косыньку гребенечкомъ ;
 Упавъ гребенець пидъ крылець :
 Подай меня, Петрусенько, гребенець !
 Яжъ тобі, Ганусенько, не вдовець ,
 Тогда бы я подавъ, твій гребенець. —

Колесомъ, колесомъ
 Солнышко въ гору
 Поднималось ;
 Ганусенька къ подружечкамъ
 Собиралась .
 И своему батиньки
 День добрый дае;
 День до вечера,
 Зъ дівчатами гуляє.
 Ганусенько у батинька,

Кохане дитя ;
 Кохане, якъ утѣ,
 Якъ рожа въ огорожи.

Дывуются селяны,
 Що идуть бояры ;
 Конники вороны,
 Бояры молодые. —
 Де стануть,
 Тамъ играютъ,
 Ганусеньку выцапляють.
 Иди Ганусенько зъ нами ,
 Дадимъ тобі квиточку зъ цвѣтами.
 Я ту квиточку не знаю,
 Бо полюбила Петрусенька, якъ лушу.

Давжежъ улицы тисны !
 Бо по снѣмъ улличкамъ,
 Ишли бояры пышны.
 Та везли вони хоругву,
 Да на той хоругви малюванье.
 То Ганусенько твое написанье. —

Сказано матери,
 Що твоихъ дитокъ звязали ;
 Твоихъ дитокъ,
 Однихъ лнтокъ,
 Тонесенькимъ, билесенькимъ,
 Рушничкомъ. —

Поміжайте бояры до бору,
 Рубайте сосну, да довгу.

Ставьте сосну на столы,
 На столечки, на дубовицькимъ,
 На тонесенькимъ рушничку,
 На сербринимъ блюдетку.

Не війте, вы витры, изъ рожи ;
 Повійте витры по дорози,
 Рознесите русу косу,
 По красному поясу ;
 Розберите по волосочку,
 Якъ жито по колосочку.

Ой гасмъ, гасмъ,
 Ихали бояры веселеньки.
 Я тобі честь добываю,
 Василечкомъ обметаю,
 Барвинечкомъ обстилаю :
 Щобъ гай бувъ зелененькій,
 Щобъ гостей увеселить
 Веселенько. —

Летивъ горностай,
 Черезъ садъ ;
 Пускавъ ширлячко,
 На весь зелений посадъ. —
 Пора тобі, Гануся,
 Сміяти на посадъ.

Дружко между тѣмъ испрашиваетъ благословеніа у старосты: не пора ли раздавать подарки?—Получивъ согласіе, онъ подноситъ отцу хлѣбъ, матерѣ красныя козловые сапоги, родственникамъ, свойственникамъ и

всему поѣзду молодыхъ и прочимъ гостямъ : платки, рушники, коники, дѣланные изъ тѣста, бублики, ко-
роваи, пряники; потомъ дружко просить три раза
дозволенія: паны старосты и пидстаросты! благосло-
вите молодыхъ вывести изъ хаты, на двирь погу-
ляты.

Танцы. Весь народъ выходитъ на дворъ. Тройста (скрипачъ,
цимбалистъ и бась), уже играетъ. Впередъ выступа-
ютъ двѣ пары дѣвушекъ, и взявшись за руки, начи-
наютъ дрибушку : стучать каблуками, брясать под-
ковами; то кружатся вмѣстѣ, то расходятся; то какъ
лебеди гордо плывутъ, то какъ утки ныряютъ. Го-
ловы поднимаютъ вверхъ и вдругъ опускаютъ, или чер-
ными глазами устремляются къ молодцамъ. Тутъ разма-
хиваютъ руками небрежно, рисуются гибкимъ станомъ,
присѣдаютъ, сближаются и обвиваются другъ около
друга. Морозъ подираетъ по кожѣ молодцевъ! Толпа
рукоплещетъ дѣвушкамъ, — Онѣ устали, потъ льется
съ ихъ лицъ, только утрутся платочками, и снова.
Онѣ и хотѣли бы перестать, но музыка еще играетъ.
Музыканты никого не уважаютъ: дерутъ себѣ на про-
палую! Одна изъ дѣвушекъ уже не можетъ танцо-
вать; она просить и молить музыкантовъ: годи бо
дядьку! та перестанте! ось оже не здужаю! (полво
дядюшка, да перестаньте, вотъ уже не могу). Трой-
ста не слушаетъ, — она знаетъ свое дѣло. Дружко
въ то время подноситъ музыкантамъ по чаркѣ водки,
и вотъ дѣвушки рады: музыкантамъ кланяются и при-
соединяются къ своимъ подругамъ. Но тутъ одинъ не-
терпѣливый парубокъ-красавецъ, кричитъ: эй музыка!
вуте-жъ горлицы (*). Онъ выходитъ на средину, бе-

(*) Названіе танца, — по переводу : танецъ голубки

рется въ боки и смотритъ съ самодовольствіемъ. — На немъ изъ сѣрыхъ смушекъ высокая шапка, съ красивымъ верхомъ, и надѣта на бекрень. Онъ водить усами, посматриваетъ на всѣхъ важно, ни засмѣется, и приговариваетъ: одже узався танцеваты, та може и не вмію (вотъ взялся танцевать, да можетъ быть не съумію). — Тройста играетъ. — Молодецъ пошелъ въ присядку: ногами не каснется земли! Онъ скачетъ, присѣдая на колѣнахъ; потомъ обернется, привскочитъ, ударитъ въ ладоши, и вдругъ свиснетъ, что въ ушахъ засвищитъ; Затѣмъ подбочинится и снова трепака. Земля гулетъ подъ нимъ, а онъ стучитъ, гремитъ, выдѣлываетъ дрыбушку ногами; потомъ подпрыгнетъ и снова въ присядку: вертится, увивается и подскочивъ къ одной изъ дѣвушекъ, вьется около нее, выдѣлываетъ трепака и присядку, и приговариваетъ: ой дивчина горлыца, до козака горнетця; а козакъ, якъ орелъ, якъ побачивъ, та й змеръ! (ой дѣвушка голубка, къ казаку жметца, а козакъ какъ орелъ, какъ увидѣлъ ее, такъ и замеръ!). — Общее одобреніе: добре! оцѣнкъ якъ зъ лиха мудро! Онъ снимаетъ шапку, кланяется всѣмъ и выходитъ изъ круга. За нимъ другой молодецъ начинаетъ казачка, а тамъ мятелицу. Онъ поется вихремъ и подсматривая на стариковъ, приговариваетъ: ой на двори мятелиця! чому старый не жениця? — Но самъ красавецъ такъ и мнется около дѣвушекъ, а дѣвушкамъ это по сердцу. Онѣ не остаются въ покоѣ: пускаются за нимъ, вертятся, закруживаются въ сладостномъ самозабвеніи, — и тогда въ сердцахъ настоящая мятель. Все скачетъ, стучитъ и кричатъ: ой на двори мятелиця, мятелиця. Шумъ, хохотъ и неподдѣльное веселіе, подстрекаютъ другихъ плясать: все летитъ, млетъ и мигъ радости въ жизни бурной, хотя какъ мятель, доволенъ для пирующихъ. — Пляска продолжается до тѣхъ поръ, пока дружно не попро-

ситъ гостей къ обѣду. Все умоляетъ; каждой идетъ чинно и занимаетъ свое мѣсто.

Кушанье Столъ накрывается поверхъ ковра тканой скатертью: на столѣ разставлены деревянныя бѣлыя и окрашенныя тарелки, ложки, солонки, кружки и ножки съ вилками. — У зажиточныхъ бываютъ стеклянныя стаканы, муравленая посуда и бѣлыя глиняныя тарѣлки. Обѣдъ готовится въ изобиліи: лапша съ курицею, пироги, жаркое всякаго рода съ соусомъ и подливкою; холодное, перосенокъ съ тортыми хрѣномъ и сметаною: яшница, холодецъ (ботвинья), галушки (клецки) съ молокомъ, молочная каша, различные бѣлые хлѣбы, разныя водки: запеканка, полыновка, гвоздичная; настойки изъ травъ и пряныхъ кореньевъ, вишневка, терновка, сливянка, дулинка (изъ грушъ), смородиновка, малиновка; яблочный и грушевый квасъ, пиво, брага и варенуха. Въѣсто сладкихъ послѣобѣденныхъ закусокъ, подаютъ медяники (медовые пряники), маковики, моченые яблоки, сушенныя черносливы, груши, дули, вышни, павыдло (шостила), финики, орѣха, винныя ягоды и взюмъ. Таковой столъ, конечно, не всякъ можетъ имѣть, по крайней мѣрѣ, всякій старается угостить на славу. Мыщане, купцы и другіе зажиточные ничего не жалѣютъ для радостнаго дня.

Предъ женихомъ и невестою стоятъ пустыя тарѣлки, съ положенными на нихъ крестообразно двумя ложками, и ржаной цѣлый хлѣбъ, обсыпанный солью. Посреди стола коровай, накрытый крестообразно двумя утиральниками, съ воткнутою въ него вѣтвию еловой или каштановой. Подъ образами сабля, окруженная зажженными свѣчами. Молодые натаго не ѣдятъ во весь обѣдъ. По принесеніи перваго кушанья, лапши, отецъ и мать подчуютъ гостей водкою, и пьютъ за здоровье не-

вображенийъ. Подчиваніе водкою, повторяется почти при каждомъ кушаньи. Сестра невесты, снявъ съ жениха шапку, пришиваетъ къ ней кнѣтку (цѣточку), и поетъ приличную пѣснь. — Старшій староста, который въ иныхъ мѣстахъ замѣняется старшимъ дружкой, распоряжается угощеніемъ и смотритъ, чтобы всѣ были сыты, довольны и веселы. — Для этого избирается преимущественно веселый, проворный, услужливый и предупредительный; иначе онъ подвергнется посмѣянію, и дѣвушки тогда поютъ на его счетъ:

Старшій бояринъ, якъ болванъ,
Вытращивъ очи, якъ баранъ.
Обручами глаза збыты,
Мочулою свыты,
Лычкомъ подперезався,
У бояра прибрався!

Въ помощь старшаго боярина назначается нѣсколько дружекъ и поддружьевъ, которые помогаютъ угощать, но при каждомъ угощеніи спрашиваютъ у него благословенія и дозволенія на подаваніе кушанья, или на что либо другое. Старшій дружка прочитавъ, послѣ благословенія старосты, Отче нашъ, снимаетъ съ коровай рушники, беретъ одинъ себѣ, а другой отдаетъ поддружему и перевязываетъ себѣ и ему черезъ плечо; потомъ разрѣзываетъ коровай на части и дѣлитъ между гостями. — Каждый даетъ за то по нѣсколько денегъ. Послѣ обѣда всѣ идутъ на дворъ, снова танцовать, и гуляютъ до сумерокъ. Вечеромъ подаютъ ужинъ, и всѣ гости садятся за столъ по прежнему порядку.

Послѣ ужина дѣвушки расплетаютъ косу молодой Покривалью. а старшая сваха заплетаетъ по женскому обычаю, и надѣваетъ очинокъ, который срыгаетъ съ себя ново-

брачная до трехъ разъ, и бросаетъ на полъ. При надѣваніи очника, она и ея подружки плачутъ: первая объ отнятіи у нея дѣвической волюшки, а вторыя о разставаніи съ нею. Тутъ онѣ поютъ пѣсни :

Покрываночка плаче,
Покрываночка плаче,
Покрыватися не хоче;
Не такъ не покрываця,
Якъ съ ними расставаця. (*).

Онѣ прощаются съ нею: обнимаютъ и цѣлуютъ другъ друга. Тутъ поютъ грустныя пѣсни.

Зять хорошій!
Давай мени копу грошей,
Копую ще не отбудешъ
Хиба мени жупанокъ купишь.
А якъ гривень шести недасть,
Звелю тебе отъ сестры отвезти.

(*) Въ другихъ мѣстахъ поютъ еще :

Покрываночка плаче
Покриваця хоче,
Щобъ не дивувать,
А бабувать.

При надѣваніи очника иногда дѣвушки выходятъ изъ избы, и подойдя къ тому окошку, противу котораго сидитъ молодой, поютъ въ насмѣшку :

Тоби буде дивувать,
А намъ ще долго гулять,
Трай, рай, ра. 3.
Мы идемъ на вечерини
А ты уже молодцыя. 3.

Нѣзаста, услышавъ эту пѣснь, начинаетъ плакать. —

Якъ не стыдно тобі зятинько,
Що ты на конному їдеши:
Безъ сѣдельчика и безъ лучка,
За столомъ сидишь
Безъ шлычка и безъ виничка. —

Зять на мене та не надивниця,
Винь на мене сопротивця ;
Зять на мене не погляне,
Винь мене тишкомъ лас.

Таки буде не по вашему,
А буде по нашему ;
Якъ бы мы схотили,
Мы бъ їй до Дунаю повели,
Мы бъ їй тамъ кисочку заплели,
Мы бъ їй зъ собою увезли.

Слушайте бояры : де голубь гуде ?
То не голубь гуде,
То Петрусь гомонить,
Молодество здає !
Нате вамъ, бояры,
Молодество мое,
И стряку и лучекъ,
И передній тоничекъ.

Слушайте дружечки : де голубка гуде ?
Не голубка гуде,
То Ганусенька гомонить ,
Дивованье здає :
Нате вамъ, дружечки,
Дивованье мое,
Шкапку и винокъ,
И первій починокъ.

Чиє у тебе, маминько, дитинь ?
 Шлешъ їй протину мочки!
 Дай їй проводничка, хоть братичка,
 Дай їй проводнипу, хоть сестрицу.

Старша дружка маленька,
 У ней маты старенька :
 Шлетъ вона послы и посилає,
 Щобъ ея дитина дома була ,
 Щобъ ея дитину привели :
 Зъ скрипками, зъ цымбалами,
 Зъ хорошими боярами

Вышла Олена изъ подъ бѣлаго камня,
 Пытає Олена : чи люта зима ?
 Хоть люта, хоть не люта,
 Не такъ якъ лито.

Выглядає Гануся
 Изъ пидъ тонького сирняка,
 Пытаєцца у людей :
 Чи грозный ея свекорокъ?
 Хоть грозный, не грозный,
 Та не такій, якъ твій ридий.

Прощай, прощай! уже мы идемо,
 Уже твое дивованье,
 Зъ собой беремо,

Спасибо тобі, Ганусенько,
 Що ты насъ вѣ дружечки брала,
 Що близенько около себе сажала.

о благо-
получіи
молодой

дываютъ на телѣгу или сани, и посади туда неvěсту съ свѣтилкою и свахою, везутъ въ домъ жениха, который тутъ же ѣдетъ верхомъ съ боярами, съ правой стороны. Молодой, по выѣздѣ изъ тестева двора, бьетъ плетью по снѣгѣ своей молодой, нѣсколько разъ, приговаривая : покидай нравы отца и матери, и привыкай къ моимъ. При выѣздѣ въ домъ, зажигаютъ по среди воротъ кулъ соломы, черезъ который перѣѣзжаютъ молодые, а за ними весь ихъ поѣздъ ; потомъ входятъ въ хату. (*) Новобрачные кланяются въ ноги родителямъ, кои благословляютъ ихъ образомъ и хлѣбомъ-солью ; потомъ сажаютъ ихъ за столъ и подаютъ имъ ужинъ, гдѣ они ѣдятъ прежнимъ порядкомъ. Послѣ ужина дружка со свахою и свойственниками, ведутъ новобрачныхъ въ подклѣтъ, и тамъ оставляютъ ихъ вдвоемъ на нѣкоторое время. Въ иныхъ мѣстахъ музыканты, подтянувши струны на скрипкахъ, провожаютъ новобрачныхъ къ ложу торжественнымъ маршемъ. Молодая снимаетъ сапогъ съ молодаго, который по снятіи бьетъ ее слегка по снѣгѣ голенищемъ, и приказываетъ ей взять, выпавшія изъ сапога деньги. За тѣмъ ложатся спать на посланной на полу соломѣ, покрытой ковромъ или войлокомъ. — Дружка, съ обнаженною саблею въ рукѣ, въ казцкомъ нарядѣ и въ шапкѣ на бекренѣ, ѣздитъ

(*) Молодые переѣзжаютъ чрезъ огонь въ томъ мнѣніи, что огонь очищаетъ ихъ отъ всякой печистой силы и предохраняетъ отъ порчи. — Если до приѣзда молодой узнаютъ о какомъ нибудь неблагополучіи въ домѣ жениха, то выпускаютъ въ хату кошку или пѣтуха, которые должны пробыть тамъ цѣлые сутки, или заставляютъ молодую вѣзти въ окошко въ одной рубашкѣ, при чемъ произносятъ заговоры отъ колдовства. —

верхомъ около сѣнника молодыхъ. Никто тогда не смѣетъ подойти, даже самая любопытная сваха. Спустя нѣсколько времени молодой зоветъ дружку и объявляетъ ему о благополучіи своей молодой. Дружка входитъ въ подклѣтъ съ родственниками неvěсты и свахою, и удостовѣряются въ дѣйствительности; потомъ отправляются къ родителямъ жениха съ радостнымъ извѣстіемъ: поздравляютъ родителей съ счастливымъ бракомъ молодыхъ; поютъ, веселятся и пляшутъ. (') Послѣ отправляются въ домъ родителей неvěсты, и въ звакъ радости: бьютъ окошки, печи, ломаютъ столы, стулья, лавки, колотятъ посуду и все что попадется имъ въ руки. — Иногда все переломаютъ и перебьютъ въ домѣ, но родители не только за то не сердятся, — еще благодарятъ ихъ: дарятъ рушниками и платками. Разгульные вѣстовщики возвращаются въ домъ жениха, и проводятъ всю ночь, до свѣтлаго дня: въ пѣнія, пляскахъ и шумномъ веселіи (**). —

На другой день, въ поведѣльникъ, собираются гости въ домъ молодого. — По утру рано приходитъ сюда старшій бояринъ къ молодой, беретъ у нее красную записку (передникъ), привязываетъ къ высокому шесту, ставитъ его у воротъ, въ ознаменованіе цѣломуд-

(') Шны кладутъ сорочку молодой на тарелку или въ чашку, приносятъ къ родителямъ неvěсты на сохраненіе, и шла по улицѣ, поютъ:

А ваша хатина добраго роду,
Куповали кунцы, не продава;
.....
.....

(**) Если молодая окажется нечестною, то надѣваютъ хомуты на дружковъ, сватовъ и на мать молодой, и всѣхъ ихъ водятъ по улицѣ.

мудрія молодой, и запаска развивается на шестѣ до самого вечера, или покуда молодые не возвратятся изъ вечерни. Молодой бояринъ, когда идутъ молодые, встѣзаетъ на ворота, и поднявши шестъ съ запасной, машетъ на молодыхъ, а потомъ выпускаетъ ихъ во дворъ. Тогда весь свадебный причетъ, въ предшествіи дружки, который держитъ въ рукахъ хлѣбъ и штофъ водки, идетъ при пѣніи пѣсней въ домъ старшаго дружки. Послѣдній выходитъ имъ на встрѣчу, принимаетъ и угощаетъ кушаньемъ и виномъ. Послѣ выходятъ на дворъ и танцуютъ подъ музыку. Отъ старшаго дружки отправляются къ боярамъ, свахамъ и свитилки, которые ихъ такъ же угощаютъ, и обойдя всѣхъ по очередно, отправляются къ молодымъ и спрашиваютъ у родителей дозволенія, чтобы вестъ новобрачныхъ въ церковь.

Въ иныхъ мѣстахъ есть обыкновеніе, что на другой день свадьбы идутъ рано къ молодой, ея дружки, и приносятъ ей до завтрака жаренную курину и коровай, а она угощаетъ ихъ особо.

Покро-
веніе го-
ловы.

Получивъ согласіе вестъ новобрачныхъ въ церковь, даютъ на молодую очипокъ (чепецъ), намятку (повойникъ), съ красною вокругъ головы лентою. Молодые ожидаютъ на папертѣ (церковномъ крыльцѣ), или даже около церкви, пока прійдетъ священникъ. Дружка и поддружка отправляются къ дьячку и пономарю; кладутъ имъ на столъ по хлѣбу и ставятъ слянку водки; отъ нихъ идутъ къ священнику съ тѣми же самыми подарками, и просятъ его, чтобы онъ ввелъ молодыхъ въ церковь. — Попъ требуетъ платы, ему даютъ, и тогда онъ, подойдя къ дверямъ и прочтя молитву за порогомъ, беретъ новобрачныхъ за руки, вводитъ въ церковь и читаетъ молитву покровенію головы; потомъ покрываетъ молодую серпанкою (фатою), окропляетъ новобрачныхъ св. водою, благосло-

вдѣсть ихъ на новую жизнь, и отпускаетъ съ пожеланіемъ имъ счастья. —

Всѣ свадебные гости идутъ въ домъ молодого. Новобрачныхъ сажаютъ за столъ. Сюда приходитъ свекоръ съ палкою и тычетъ ею въ глаза невестки, спрашивая: не слѣпали она, что сидитъ подлѣ фатой? Въ удостовѣреніе свое, онъ снимаетъ съ нея серпанку, и отъ радости, что она не слѣпая, подбиваетъ виномъ. Дружко же ставитъ на столъ медъ, въ деревянной тарелкѣ, намазываетъ имъ кусокъ бѣлаго хлѣба и отъдымываетъ, сперва самъ; потомъ подноситъ другой кусокъ ко рту молодыхъ, и самъ свѣдаетъ; но третій кусокъ отдастъ уже имъ. Прочіе ломти хлѣба съ медомъ, раздаютъ всѣмъ находящимся тутъ. Послѣ, по благословенію старосты, выходятъ гости на дворъ, чтобы повеселиться; дружко начинаетъ пляску. Старшій бояринъ, поставивъ чарку вина и положивъ нѣсколько мелкихъ денегъ на тарелку, подноситъ все это молодой. Она взявъ деньги и выпивъ немного водки, идетъ танцовать съ нимъ, а потомъ со всѣми. По окончаніи танцовъ дружко проситъ гостей ужинать. Войдя въ избу, они садятся по указанію старосты и дружки; всѣхъ ихъ подбиваетъ отецъ и мать. — Дружко спрашиваетъ у старосты дозволенія разрѣзывать коровай. По прѣченіи Отче нашъ, онъ разрѣзываетъ который на части, водноситъ сначала отцу и матерѣ, потомъ всѣмъ свадебнымъ гостямъ, кои дарятъ новобрачныхъ, на заведеніе хозяйства, домашними птицами и скотомъ; наконецъ, взявъ жареную или вареную курцу, а иногда сырую, хлѣбъ и стульны (*), обкладываетъ ихъ калиновыми вѣтвями,

Всего свадебныхъ гостей, въ приданое не вѣдал.

(*) Стульны, родъ пироговъ. Они дѣлаются съ загибами по 6 угламъ, и съ большими загибами; иногда загибается почти вся цѣлая половина.

обводитъ красной бумагою и идетъ съ молодымъ и со всею свадебною толпою, къ тестю и тещѣ, при пѣніи и игрании музыки. Дружко тамъ кладетъ курицу съ хлѣбомъ на столъ; тесть и теща угощаютъ ихъ. Послѣ дружко дѣлитъ курицу на мѣлкія части: тестю даетъ пару стульневъ и куриную голову, а тещѣ пару стульневъ и заднюю часть курицы, прочимъ гостямъ по ломтю стульня и куску курицы. Съѣвъ все это, теща отправляется къ зятнему отцу, со всѣми пришедшими къ ней; тамъ ужинаютъ а послѣ веселятся: поютъ и танцуютъ до разсвѣта. Во вторникъ собираются гости къ обоямъ сватамъ, ходя толпами изъ дома въ домъ; ихъ угощаютъ кушаньемъ и напитками, не оставляя забавъ, которыя продолжаются нерѣдко во всю недѣлю. Субботою оканчиваются всѣ свадебныя обряды. (*) Въ теченіи свадебной недѣли князь разъѣзжаетъ по улицѣ съ своими боярами, и всѣ верхами. Бояры и дружки ѣзжаютъ съ перевязанными черезъ плечо рушниками и приколотыми къ шапкамъ лентами, а молодой съ цвѣткомъ, приколотымъ къ его шапкѣ. Во время поѣзда поютъ пѣсни:

Горе съ такимъ чловикомъ
Що самъ горылки ни пѣе,
И мени не вельгъ;
Самъ въ люди неиде,
И мене не пускае.
Якъ украду пятакъ,
Пійду въ кабакъ.

(*) Свадьба малороссійская довольно расходная. Она самому не богатому поселянину обходится не менѣе 50 руб. серебромъ. Въ прежніе годы, не болѣе 40 л. тому назадъ, она обходилась съ обѣихъ сторонъ не болѣе 10 руб. серебромъ.

Пыла я ничиньку.
 Пыла я двя,
 На третью ничиньку,
 До дому иду.
 Та встрѣтилась съ диверькомъ,
 На бытомъ шляху.
 Нивистушко, голубушко,
 Де ты була ?
 Диверько, братику,
 Горылку пыла.
 Нивистушко, голубушко,
 Мужикъ буде биты.
 Диверько, братико,
 Прийде браныты —

Я дамъ тоби сорочечку.
 Тонку льняную;
 Дамъ тоби хусточку,
 Вишивающую —

Якъ зачусь мій миленькій
 Въ вишневи́мъ саду,
 Я ту сорочичку
 Самъ изношу;
 А ту хусточку,
 Въ рукахъ изотру.
 Тоби, моя миленька,
 Головку изобью.

Покатилась головочка,
 Якъ маковочка;
 Розсыпалась черво́на,
 Якъ по пичи жаръ.
 Учинилось миленькому жалъ :
 Возьми пятакъ,
 Та пійды въ каба́къ.

Та всежъ я малесенька
 Напилась,

За твоєю головою,
Нажмлась (*).

Да ны куй старосто,
Золотого ножа;
Пыдкуй пидь сани ирване (полозья)
Пидвозы тязы, та поидимо,
Горомъ борою.
Буде каминь звенить,
А возы гудыть.
Зачують люды,
Намъ слава буде,
А сваха зачуеть,
Що славнійше буде.

Та ны куй Петрусю,
Золотого ножа;
Пыдкуй пидь сани ирване,
Пидвозы тязы,
Та поидемо,
Горомъ борою.
Возы будуть шумить,
А каминь звенить.
Зачують люды,
Намъ слава буде;
Зачуеть Гануся,
Ще славнійше буде. —

Ой темная,
Та невыднаня ниченька!
Ой дурная,

(*) Эту пѣснь поють по большей части женщины, послѣ
перваго дня свадьбы.

Та неразумная дичина !
 Полюбила козаченья старого,
 Веде ая ручешку его ньянаго;
 Кладе спаты,
 На тесовой кровати ;
 Сама пишла,
 Въ вишневый садъ гуляты. —
 А забула еоловеечку
 Приказаты :
 Ни спивай рано въ саду,
 Нибуды жъ мого шиленького
 Въ комори. —
 Яжъ думала,
 Мій шиленькій,
 Спитѣ и не чус.
 Ажъ винѣ на мене
 Наганчку готуе.
 Яжъ думала,
 Шо наганчка шуточка. —
 А якъ де вдаре,
 Тамъ лопнется шкурочка,
 Яжъ думала,
 Шо наганчка,
 Тивкій дритъ.
 А якъ де ударе,
 Тамъ розсадиця шкурочка.

При встрѣчѣ жениха съ невѣстою, дружки и бояры
 поютъ :

Ихали бояры горою,
 Звали Ганусю зъ собою :
 Пйдемъ зъ нами!
 Дамо тобі кнѣточку,
 Зъ пирѣни. —

Дружки невѣсты отвѣчаютъ :

А сю квиточку
 Не зношу,
 Бо полюбила Петруся,
 Якъ душу.

По тымъ боцн Дуная,
 Вивчарь вивьци гониле;
 Вивчарь вивьци гониле,
 На молодцивъ моргае:
 Гей молодци, молодци!
 Накажить моей дівонци,
 Не хай мене не любить,
 Сама себе не губить;
 Бо я парубокъ удовый
 А ще къ тому и убогий.
 Симъ соть овницъ дейныку,
 Яловныку безъ лику.

По тымъ боцн Дуная,
 Тамъ дивчына гуляла;
 Де козаченько ходывъ,
 Тамъ барвынокъ уродывся;
 Дежъ дивчына стояла,
 Тамъ травонька завяла.

Черепелычка мала,
 Не велычка;
 По полю литае,
 Траву пригортае.
 Траву пригортае,
 Сокола шукае.
 Дивчыно, сыроте!
 Не стелы широко.
 Стелы узенько,
 Прысунься близенько.

Будимъ говорить,
 Якъ у свити жити.
 Будимъ размовляти,
 Якъ в горіовати.

Ой горе! горе!
 Несчастливая доля.
 Воорала дівчиноньма
 Мислянками поле;
 Карими очима,
 Тай заволочыла;
 Дрибненьками слизюньками,
 Все поле смочыла.

Изъ пидъ крутой горы,
 Вылетало два орлы;
 Літаючи, промовляючи,
 Та по своїй горькой доли.

Женщины и мушныи поють, во время веселія, шуточныя и часто такія пѣсни, какія вздумаютъ или какъ имъ по сердцу. —

Ой выхавъ козакъ на Украину,
 На Украини побачивъ дівчому,
 Зъ коня заразъ уставає,
 До дівчыны прыпадає,
 Кулыною называє. —
 Кулыно моя,
 Ты пани моя!
 Ой ты козаче!
 Ой ты пани мій!

Та чы есть у тебе,

Та куринь свій?

Куринь маю крыл Дунаю ,

Очеретомъ обставляю ;

Що побачу, загоняю ;

Кулыно моя,

Ты пани моя!

Ой ты козаче,

Ой ты пане мій!

Та чы есть у тебе,

Та намдъ свій?

Соломаха, затиряха,

Отъ вся ковацкая адаха!

Кулыно моя,

Ты пани моя!

Ой ты козаче,

Ой ты пане мій!

Та чы есть у тебе,

Та одижъ свій? —

Жупаныну черви зълы,

А сорочку росточылы ;

Въ потылицы гниздо свылы,

До крыныци пыть ходылы,

Кулыно моя,

Ты пани моя! —

За Немель иду!

Гей, коню мій! коню, —

Заграй пидо мною.

Дивчыно прощай!

За Немель идешъ,

Мене покидаешъ!

Куда-жъ ты, мій мыйий,

Куда жъ отъизжашъ?

Хиба жъ тобі милый,
 Чужа сторона, —
 Ріднійше, милійше,
 Своїй воля?

Иду я туди,
 Де роблять на диво:
 Червоное пиво, —
 Зъ крови супостать.

Хиба жъ ты задумавъ,
 Тымъ пивомъ упытця?
 Хиба жъ ты задумавъ
 Зо мной розлучытця?
 Испый мою слезы,
 Испый мою кровь,
 Та тилько не кидай
 За вирную любовь!....

Дивчынно не плачь,
 Не рзы мое сердце!
 Якъ пиръ той мыстия;
 Вернусь я назадъ.

Та вжежъ тобі милый,
 Назадъ не вертатця:
 Тамъ тобі серденько,
 Навикъ заставацця!
 Дывись, пидъ тобою
 И кинь щось поныкъ.
 У поля червонийъ,
 Заснешъ ты навикъ!

Якъ воронъ до тебе
 Въ нконце закроче,
 Изъ за-моря прыскаче
 Козаченько твій!
 Якъ лавиръ зелений
 Головоньку склоне,
 Зовуля, закукне,
 Дуброва застане;
 Якъ кинь пидо мною,

Спитицетця, вадыхне ;
Тоди не буде
На свити мене ! —

.

Гоминь, гоминь по дуброви,
Туманъ поле покрывае,
Маты сына прогоняе :
Иды сыну геть видъ мене,
Нехай тебе орда визьме !
Орда мене маты знае,
Срибломъ, златомъ надиляе.
Иды сыну геть видъ мене,
Нехай тебе москаль визьме !
Мене маты москаль знае,
Обидаты прыклякае.
Иды сыну геть видъ мене,
Нехай тебе турчынъ визьме !
Мене маты турчынъ знае,
Пывомъ, медомъ напувае.
Гоминь, гоминь по дуброви,
Туманъ поле покрывае,
Маты сына завертае :
Вернысь сыну до домоньку,
Смыю тобі, счешу головеньку.
Смыють мени дрибни дощи,
А вычешуть густы терны.

Ой на гори женьця,
Жнуть. 2.
А по нидъ горою,
По нидъ зеленою,
Козаки идуть. 2.

По перелу Дорошенко,
 Веде свое військо :
 Веде Запорожцевъ дружинько. —
 А въ средини
 Сынокюжый, —
 Пидъ нымъ коньченсько,
 Пидъ нымъ вороненькій,
 Сильно дюжый. 2.
 А по заду Сагайдашый —
 Що проминавъ жиньку
 На тютюнъ, на люльку —
 Необачный!
 Ой вернися, Сагайдашый,
 Возьми свою жиньку,
 Верни мою люльку,
 Не обачный! 2.
 Мени жинка,
 Не годищя,
 А тютюнъ та люлька,
 При всякій дорози,
 Снадобыття! 2.
 Ой хто въ лиси?
 Обывыся!
 Та викрешемъ огню,
 Та покуримъ люльки,
 Не журися! 2.

Женщины и мущины поють, во время веселья, шуточные пѣсни, и часто нарушающія скромность.

А у сусида хата была,
 А у сусида жинка мила;
 А у мене ни хатынки,
 Нема щастья, нема жинки. 2.
 За сусидомъ моголиця,
 За сусидомъ и вдовыця;
 И дивчата поглядають
 И сусида вси кохають. 2.

У сусіда хата была,
 У сусіда жінка мила;
 Ніжка была, не велычкі,
 Носыць жонку черевычкі.
 Завсёгда встae раненька,
 Прыбереця чыгурненька.
 На сніданым пирожкі,
 Шулыкі та галушкі.

Въ обидѣ ставе борщъ зъ сметаной,
 Та все въ мисці поливайной;
 Зъ чеснокомъ пампушкі, квасна,
 Та гречана зъ шкваркамі каша.

А якъ все поприбирае,
 То ніколи не гуляе:
 За плахту заткну кудылку,
 Праде дуже тонку нитку.

А у мене хата чорна,
 Жінка брыдка, не маторна:
 Усе спыць, та лежыць,
 Не хоче собі робыць.

Скажу: Гапко! встань раненька,
 Приберы все хорошенька.
 Вона слухаты не хоче,
 И якъ видьма все сокоче.

Прыйшовъ зъ поля,
 Змордовавсья;
 Исты добре,
 Сподивавсья. —
 Вона борщъ
 Ни зъ чымъ ставыць;
 Хлебъ сушыць
 Ажъ въ горлі давыць.

За што жъ мужыкъ, мено бье?

За які прычыны?

Чы я жъ іому не дапрада,

За рыць тры пачыны!

Чы я жъ мужови не жинка?

Чы не господыня?

Три дни хаты не мела,

Смитя не носыла. 2.

Отъ яка у мене жинка!

Не слухае, тай брідка!

Притулася до куточка,

Вона сопе, бисова дочка.

Ой горе! горе!

Що я не вдався.

Бривъ черезъ ричиньку,

Тай не вмывався.

Охъ я вернуся,

Тай умыюся;

На свою мылую,

Тай подивлюся.

И не вертайся,

И не вмывайся.

Тыжъ мени, серденько,

И такъ сподывався —

Чы бисъ мени раду давъ,

Що я соби бабу взявъ:

Бабу, бабу, бабу, бабу взявъ.

И сорока скреготче,

Никто бабы не хоче.

Чы бисъ мени раду давъ,

Що я соби бабу взявъ. —

Бабу, бабу, бабу, бабу взявъ,

А при борозн, на гурзи,

Цягле дзябелъ бабу,

На шнурзи.

Чы бисъ мени раду давъ,

Що я соби бабу взявъ,

Бабу, бабу, бабу, бабу взять —
 Подай себе пшниц! —
 Цямле дзябэль бабу крензе.
 Ты бись мени раду даць,
 Що я соби бабу взять,
 Бабу, бабу, бабу, бабу взять.

Ой содома, пане-брате!
 Содома! содома!
 Нема у мене снопа жыта :
 Ни въ поли, ни дома.
 Було у мене, брате, жыто
 Зелене, зелене.
 Пожавъ панъ тес жыто,
 Безъ мене, безъ мене!
 Стари паны булы,
 Добры—легки на роботу.
 Цылый тыждень соби робышъ,
 Панови въ субботу.
 Нови паны лыхи сталы,
 Тяжкы на роботу.
 Цылый тыждень пану робышъ,
 Шарварокъ въ субботу.
 А въ неділи ранесенько,
 До церкви зазвоняць ;
 А Савло съ козакамы
 На пацьщину гонить
 Ой содома, пане-брате!
 Содома! содома!
 Нема у мене снопа жыта :
 Ни въ поли, ни дома!

Чи диво, чи не диво, —
 Дивчина вярубка побилла!

Ихали дивчата на войну,
 На воронныхъ коняхъ,
 Молодицы на волахъ,
 А парубки на собакахъ.
 Завоевали дивчата три города,
 А молодины двѣ слободы,
 А парубки три свиньи.
 Или дивки были колачи,
 Молодицы палиницы,
 А парубки житный хлѣбъ.
 Пили дивки медъ и горилку,
 Молодицы бражечку,
 А хлопцы гуцу
 Тута шовъ сырый винокъ :
 Дивчатамъ шапку снявъ,
 Молодицамъ поклинь отдавъ,
 А парубкамъ хвистъ подпаявъ.

Блудили парубки
 Смиъ годъ по припечку,
 Та приблудили передъ вишко,
 Зобачили дивчочокъ толочокъ.
 Дивочки наши, голубочки!
 Подайте жъ намъ исты :
 Житняго хлѣба, черепокъ сыру,
 Щербату ложку,
 Щобъ стало у смиъ потришки.

Помхали парубки на лови,
 Та уловили комаря,
 Повесали его до пана. —
 Стали судьи судиты,
 Комари дилиты :
 Сему—тому по стегну,

А одному голова;
 Що изъ нихъ великій,
 Тай безъ ума!
 А шестому полунөгтець,
 Що хорошій молодець;
 А сedyкому хвостище,
 Куда иде, тай свище. —

Отъ Кыева до Рима, (*)
 Дороженька стовбова,
 До вловынаго двора.
 А у вдовы у дворѣ,
 Стоять столы дубовы;
 А за тыми столами,
 Сыдять паны рядами.
 Воны думу думали,
 Воны раду радылы:
 Кого въ службу одать?
 Де пять, — тамъ не брать;
 Де чотыре, — не велять;
 Де три, въ двирь не йды.
 А де два, — не ризны.
 У одной вдовы одынь сынъ,
 Тай той пишовъ нидь аршинъ!
 Его паны любили,
 Чорны кудри обрыли, —
 И повели присягать.
 За нимъ иде стара маты. —
 Не плачь маты, не рыдай,
 Карыхъ очей не обливай.
 Якъ у строю побачишь,
 Тогда маты заплачешъ.
 Чимъ поля онустошены?
 Чимъ луга не выкошены?

(*) Римъ, Ромень, уездный городъ полтавской губ.

Опежъ того омыця,
Вдовыного моводя. —

Дѣвушки, ходя по улицѣ съ молодой, поютъ по-большей части веселыя пѣсни, иногда грустныя, смотря потому, за кого она вышла замужъ.

Въ четвергъ сходятся дружки и родные въ домъ молодой, и учать ее прѣсть. Тутъ подчуетъ ихъ молодой и угощаетъ обѣденнымъ столомъ. Пѣсни и пляска снова возобновляются; въ нихъ принимаютъ участіе дѣвушки и сама молодая. — Вотъ нѣсколько пѣсней :

Северинъ, Северинъ, Севериночку! (*)

«Чого?»

Посватай ты у насъ тай дивчиночку.

«На врага!»

Северинъ, Северинъ, Севериночку!

Посватай ты у насъ дивчиночку,

У нашеи дивчины карыи очи.

«Такъ якъ морква.»

Вона жъ гуляє ажъ до павночи.

«Бо честна, якъ жидивскій пятачокъ.»

Северинъ, Северинъ, Севериночку!

Посватай ты у насъ тай дивчиночку,

Вжежъ наша дивчина тай процвітає.

«Якъ макуха падѣ лавою.»

Вона жъ и богомилячко знає.

«Якъ жидъ у салі.»

Северинъ, Северинъ, Севериночку!

Посватай ты у насъ тай дивчиночку.

(*) Эту пѣснь поютъ на два голоса: первый голосъ ее скорій и протяжный, а второй короткій, и отвѣчается басомъ. — Второй голосъ отъичень здѣсь занятыми.

Съ доевнтокъ йшла, утѣмляла.

«Бо дуже поспинала.»

До дому прійшла и звалылася.

«Бо п'яна була.»

Северинъ; Северинъ, Севериночку!

Посватай ты у насъ тай дивчиночку:

Колы жъ вона така, такъ плаюнь ма їй!

«Поу на їй!»

Северинъ, Северинъ, Севериночку!

Посватай ты у насъ дивчиночку.

Якъ ишовъ я зъ вечерницъ,

Темненькой ночи ;

Сидить гуська на купини,

Вытрищыла очи.

Я на їй : гилля! гилля!

А вона и присила.

Якъ бы не кій, не ломака,

Тобъ може и зыла!

Ой якъ чумакъ несчастливый,

Зъ журьбы хожу ледве живой.

Волы росы не стрималы,

Бидны заразъ поздыхалы.

Зъ журьбы трѣхы погуляю!

Сынъ горилку, жиду—юдко!

Ты музыко заграй худко.

Нехай чумакъ погулле,

Хоть копінчки не має!

Я мазинцю и мазыло,

Що видъ воза летило,

За горилку жиду даю,

Бо ничего більшь не маю.

Ой гуляй, гуляй чумаче,

Хоть жинка дома плаче.

Требажъ їи отвидаты,
 Але буде зъ хаты гваты.
 Бо любила и кохала,
 Якъ видъ мене гроши брала;
 Теперъ хоче богатого,
 Мене киди несчастного. —

Ой оре Семень, оре,
 Да сивыми волами;
 Его жинка Катеринка,
 Зъ москалями гуляе.
 Та до орався Семень,
 Таѣ до велького лану;
 Пустивъ воливъ у дуброву,
 А самъ пишовъ до дому.

Та пытаецца Семень:
 Де, диты, ваша маты?
 Наша маты, — тавжежъ!
 Пашла зъ москалями гуляты.
 Та ударыцца Семень,
 Объ пыгъ руками:
 Ой диты, мои голубята!
 Да пронавъ же я зъ вами. —

Да не люблю жъ я ни Стецька, ни Грицька,
 Ни Идана, ни Романа, ни Яцька!
 Тилько люблю Василечка,
 У Василечка вся силечка,
 Въ його есть, еще а буде,
 Ище къ тому и роздобуде, —
 Василечка любить буду.

Да не люблю жъ я ни Тараса, ни Протаса,
 Бо дивчина я хороша, круглотаса;
 Тилько люблю Василечка, —

У Василетна вся смлетка, и проч.
 Да не люблю жъ я ни Демидъ, ни Давида,
 Бо дивчина я хороша, кругловида;
 Тилько люблю Василетна

У Василетка вся смлетка, и проч.
 Да не люблю жъ я ни Аятона, ни Платона,
 Бо дивчина я хороша, черноброва;
 Тилько люблю Василетка,
 У Василетка вся смлетка, и проч. —

Та була у мене жинка,
 Та була у мене любка;
 Тай послала вона мене,
 Та у лисъ по дрова.
 Та дала мени сокиру,
 Та дала мени тупую.
 Щобъ я уморывся.—2. р.
 Въ лиси опизыввся.—2. р.
 Якъ мени Бигъ нагадавъ,
 Я сокару поточивъ;
 Такъ я ѿ не вморывся, 2. р.
 Въ лиси не опизыввся. 2. р.
 Та дала мени кобылу,
 Та дала слепую;
 Щобъ я заблудывся, 2. р.
 Въ лиси забарывся. 2. р.
 Якъ мени Бигъ погодывъ,
 Вивкъ кобылку задавывъ.
 Такъ я ѿ не заблудывся, 2. р.
 Въ лиси не барывся. 2. р.
 Та дала мени скоринку,
 Та дала мени сухую;
 Щобъ я удавився, 2. р.
 Въ лиси опизыввся. 2. р.
 Якъ мени Бигъ погодывъ,

Я скоринку розмочить ;
 Такъ я й не удивився, 2. р.
 Въ лиси не опизився. 2. р.

Ути пори, время,
 Щеголь оженився ;
 Оженився, утратився,
 Тай жинка умерла.
 Ора взяли старостоваты,
 Орелъ летить та до гусей,
 Тай ставъ жартоваты.

Щеголь летае,
 Бояръ збирае :
 То сингирцевъ,
 То горобцивъ,
 Въ бояре сажае.

Сыниця летае,
 Дружокъ збирае.
 Посмитюшки,
 Жовтобрюшки,
 Въ дружки сажае.
 Дружкомъ соловейко,
 Щебече раненько ;
 А возуля свашкою,
 Та й все хорошенько !
 Сороки преданки,
 Скакають по лавкамъ;
 Бидна жъ наша головошкы
 Що нема кыбалки !

Отъ тамъ близя вербы,
 Въ кичи гребли,
 Що я насадыла;
 Ужежъ мени не любиты,
 Кого я любила !
 Ой у мене у садочку,
 Да зацвили груши ;

Ой хоть буде милый другій,
Да вжежъ ѿ не по души !

Ой у мене у садочку,
Да зацвѣли вишніи ;
Ой хоть буде милый другій,
Да вжежъ ѿ не по мысли !

Ой иду я у садочикъ,
Накопаю пыжины ;
Бодай моя розлучниця
Не пережила тыжня !

Ой иду я у садочикъ,
Накопаю яты ;
Бодай моя розлучниця ,
Не пережила хаты !

Ой иду я у садочикъ,
Накопаю руты ;
Бодай моя розлучниця,
Не пережила минуты !

Ой у мене у садочку,
Зацвѣли нагитки,
Бодай моея розлучниця
Дай дождали того дитки ! (*)

Я на мистичко иду,
И осинку несу;
А за мною дитынята,
Несуть клубинята.
Я осинку пропила,
Клубки на похмилѣ;
Нехай воно не лежить,
Въ коморѣ безъ дѣла.

(*) Эту пѣснь поютъ дѣвушки и на вечеринкахъ.

Отъ пива болить спинна,
 А отъ меду голова.
 Ой купижь горилочки,
 Щобъ я весела була!
 Ой ты пьешъ, мене бьешъ,
 За якій вчинки?
 Що я тобі да наприла
 За годъ три починки!
 Одинъ прла до Ршадва,
 Другій до Миколы;
 А якъ третій почала,
 Буде й до Покровы!
 Не сама ще й прла —
 Кума помогала,
 Куми дала мыску шона,
 Да три куска сала!
 Не сама ще-й кума прла, —
 Булы іѣ помошницы:
 То за хлѣбъ, то за силъ,
 То за наляницы!
 Накупывъ веретинъ,
 Чортъ наготовила!
 Такъ я й тинъ,
 Пичи подпалыла. —
 Ой ты пьешъ, мене бьешъ,
 Роспитай за що?
 Хочъ и ты, хочъ и я, —
 Обои ледащо!

Биду собі купыла,
 Та за свои гроши;
 Велять люди любиты,
 А вниъ не хорошіѣ!
 Якъ стане вередоваты,
 Треба зъ хаты утискаты.

За щожъ мене нужному б'єшь?
За якія вчинки?

Чы я тобі не напрома
За рикъ два вечника?
Чы я у тебе не жинка?
Чы я не госпоdynя?
Три дни хаты не мила,
Смыт'я не носила.

Продай мужу корову,
И купи кобылу;
Щобъ было чынь возыти,
Смыт'я на могилу!

Па бережку у стагна,
На дощечки у млына,
Плахту прада дивчына,
Плескалась якъ рыбодка,
Тай упала, встать не могла.
Гей, не має тутъ нікого!
Ой нікому підблгты,
Щобъ дивчыну выдаты!
Кричить проби! — Ім наты,
Щобъ дивчыну раговаты,
Каже, що за працю тую,
Я дивчыну подарую.

Ой дивчына уродлива,
Румяная, чорнобрыва,
Оченьки, якъ ясоньки,
Губоньки, якъ розоньки,
Рученьки млякесеньки,
Ноженьки билесеньки.
Гарная, якъ кыточка,
Любая, якъ рыбодка,
Тай умієть танцювать,
Зъ козаками жартовать.

Якъ козакъ тутъ нагодывся,
Заразъ въ ставокъ опустывся;
Знайшовъ швидко днѣ дичину,
Дай вытягъ якъ рыбчину.

Гей козаче уродливый,
Молоденькій и жартливый,
Усоньки чорилвіе,
Зубоньки перловіе!
Чубчикъ твій круглесе́нькій,
Тай жупанъ синесе́нькій;
Черво́нцая шапочка,
Тая огуля́рочка,
Сафья́новые чоботи́и,
Тай шабеля́ка при бо́и.

Стережыся дичино,
Моя любо рыбчи́но!
Одна въ млинку не ходы,
Та въ ставочокъ не впады.
Ой я дуже пра́повавъ,
Якъ тебе вытя́гавъ, —
Для гарного твоего ста́пу,
Чы якъ тебе не доста́ну?
Ввече́рь я буду близе́нько,
Прийа́ды до мене се́рде́нько!
Тыжъ дичино уродли́ва,
Румяна, чо́рнобры́ва;
Оченьки, якъ ясо́ньки,
Губо́ньки, якъ розо́ньки,
Руце́ньки мя́гкесе́ньки,
Поже́ньки блесе́ньки;
Гарна́я, якъ кви́точка,
Люба́я, якъ рыбо́чка,
Тай умі́єшь та́нцюва́ти,
Съ коза́ками жа́ртвова́ти.

Гей козаче любе́се́нькій,
Мій голу́бе сма́се́нькій!
Потаньцо́й зо мною, якъ може́шь,

Пожартуй собі, якъ хочешъ.
 За твою я працю тую,
 Всего тебе розпишлю:
 Усоньки чорнявіє,
 Зубоньки перловіє,
 Чубчикъ твій круглесенькій,
 Червонну шапочку,
 Тую огулярочку. —
 Колыжъ доля то моя,
 Такъ нехай буду твоя! (*)

Оженився волошинъ,
 Та взявъ жинку безъ грошей.
 Ой чукъ, чукъ, поберемся
 Тай будемо пановаты!
 Тай будемо пановаты,
 Тай будемо поживаты! (**)
 Оженився дурень,
 Та взявъ жинку глушовату.
 Що будемо робити? —
 Запалимо хату!

По дорози жукъ, жукъ,
 По дорози чорный,
 Подивися дивчино,
 Якій я моторный!
 Подивися, оглянься,
 Якій я удався!

(*) Пѣснь эта была любимую свѣтлѣйшаго князя Гр. Ал. Потемкина-таврическаго. По веселому своему голосу, она поется всѣми съ удовольствіемъ и прекрасно разыгрывается на музыкѣ. —

(**) Вместо двухъ этихъ стиховъ, поютъ еще:

Ты будешь свиньи пасты,
 А я загоняты. —

Хиба даси копу грошей,
Щобъ я поженыхався!

Посію я горошекъ
На зеленій нивці,
Ой куплю я черевички
Своїй чернобривці!
Коли любишъ, — такъ люби,
А не любишъ, — откажи.

Якъ запряжу свиню въ вязъ,
Та понду по рогизъ;
И рогизу не нарвала —
Свиня вязъ поламала!
Якъ запряжу козу въ дрижки,
Та понду до Явдошки.
Явдошки не бувало —
Коза дрижки поламала!
Якъ запряжу козу въ санки,
Та понду до Улянки. —
И Улянки не бувало,
Коза санки поламала!

Ой бувъ, та нема,
Та понхавъ на ричку.
Колыбъ его чорты втялы,
Поставила бъ свичку!

Ой умеръ чоловікъ,
Дай на лавці лежыть.
Сказылася жинка,
По горилу бижыть.

Чомусь маю, моя мати,
 Та дримається?
 Пидо мною воронъ коникъ,
 Снотыкається. 2. р.

Привляжу я кониченька,
 До красной калитицы,
 А самъ пиду до дивчины
 На биля перивы, 2. р.

А у тоя дущки
 Чотыри подушки,
 А пята перыва
 Сама чорнобрыва. 2. р.

Скажи моя мила, правду:
 Ты любишь ты мене?
 Коли вирно любишь,
 Возьми за себе. 2. р.
 А коли не любишь,
 Убью самъ себе. 2. р.

Нехай людя судять, —
 Нехай говоритъ;
 Нехай говоритъ,
 Що воли хотять.
 Вони мене позабудять
 И съ тымъ, — замовчать.

Ой дивчино, дивчино,
 Куды идешъ?
 Скажи, скажи серденько,
 Де живець. 2. р.
 Ой я живу козаченько,
 Край воды, край воды,
 Близь высокій, серденько,
 Лободы, лободы. —

Ой маты, маты,
 Козакъ у хаты!
 Пустуе, шартуе,
 Не має спаты. — 2. р.
 Ой дошо, дошо,
 Не будь дурною.
 Бій его дошю,
 Хоть мочергою. 2. р.

Идуть дивки, чорнобривки,
 Высоки підкивки.
 Ой тім підкивочки
 Тонки, — похилилися.
 Ой на тую дивчиночку,
 Козаки дивовалися.

Ой отдайте жъ мене
 Та за Волишина,
 Щобъ я була молода,
 Та хороша. 2. р.
 Ой отдайте жъ мене
 Та за Сербина,
 Щобъ я була молода,
 Та милосерда. 2. р.
 Ой отдайте жъ мене
 Та за Турчина,
 Щобъ я своє біло платя
 Натурбучила. 2. р.
 Отъ теперъ же я ни мала, ни велика —
 Треба мени чоловіка,
 Ни старого, ни малого,
 Козаченька молодого. — 2. р.
 Грыцю, Грыцю до коровъ,
 Грыцю каже, — не здоровъ.
 Грыцю, Грыцю до телятъ, —
 У Грыця нижешки болять.

Грыцю, Грыцю до работы —
 У Грыця не на чоботъ.
 Грыцю, Грыцю до Маруси —
 Заразъ, заразъ, приберуся.

Колыбъ мени зъ ранку
 Горшлочки чарку,
 Та тютюнь, та люльку,
 Дивачину Ганульку.
 Горшлочку бъ я пивъ, пивъ,
 Люлечку бъ я палывъ, палывъ.
 Дивачину Ганулечку,
 До серденька бъ притулынь.

Отъ тоби, милый,
 Сорочку пошылъ.
 Шовкомъ шылъ,
 Срибломъ шылъ,
 Золотомъ рубылъ.
 Оце жъ тоби, козаченьку,
 Шо врно любила. —

Оя за яромъ, яромъ,
 Брала дивка лиятъ.
 Всю долину сходила, —
 Нема жъ ного миленького,
 Шо врно любила. 2. р.
 Дежъ ты милый, чорнобривый,
 Дежъ ты? — обизвыся!
 На козака невагодынька. —
 Козакъ замурывся!
 Не журыся козаче,
 По тоби дивчына плаче!
 Нехай плаче, нехай плаче,
 Вона мене врно любе.
 Карай Боже ворогивъ,
 Шо насъ розлучають. --

ХІ. СВАДЬБА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ—МАЛОРОССІЯНЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБ.

При заселеніи саратовскихъ степей выходцами изъ внутри Россіи, многіе Малороссіане, увлеченные предоставленными имъ выгодами, добровольно устремились въ пустынный край, и заняли въ немъ привольныя земли по лѣвому берегу Волги, вскорѣ послѣ пугачевского бунта, во второй половинѣ XVIII вѣка. Съ собою они перенесли сюда свои нравы и обычаи, кои остались донынѣ вѣрными, съ незначительными измѣненіями.

Изъ замѣчательнѣйшихъ здѣсь поселеній, суть двѣ слободы на лѣвомъ берегу рѣки Волги: Покровская, противу г. Саратова, въ новоузенскомъ уѣздѣ, и Николаевская, противу г. Камышина, въ царевскомъ уѣздѣ: въ первой около 5,000 душъ: а во второй 3,908. Всѣ жители Малороссіане и составляютъ исключительное сословіе государственныхъ крестьянъ. Языкъ ихъ смѣшанъ съ русскимъ: они ходятъ поруски: въ лаптяхъ и съ бородами, но женщины сохранили прежніе наряды. Всѣ эти переселенцы отличаются трудолюбіемъ, честностію и благочестіемъ; весьма привержены къ стариннымъ

обрядамъ своихъ прадѣдовъ (*) Изъ числа нѣкоторыхъ обрядовъ представляется здѣсь свадьба, которая совершается не только однообразно между покровскими и николаевскими переселенцами, но между всѣми ими, разсѣянными по саратовскимъ степямъ.

Саратов-
ство.

По совершеннолѣтіи сына, старшіе въ его семействѣ совѣтуются между собою: гдѣ высватать ему дивчину? Если сами затрудняются найти невѣсту для своего сына, то спрашиваютъ его самаго: не знаетъ ли онъ самъ гдѣ нибудь? или, не выбралъ ли уже самъ на вечеринкахъ? Женихъ, имѣющій у себя на предметѣ дѣвушку, объявляетъ о ней. Когда избранная имъ дивчина, извѣстна его родителямъ, тогда говорятъ: въ добрый часъ! треба сватать.—Если она имъ не извѣстна, то отлагаютъ на нѣсколько времени, на день или на больше: дѣлаютъ о поведеніи ея дознаніе чрезъ родственниковъ или сосѣдей, говоря имъ: хотимъ сватать дивчину, нельзя ли будетъ узнать, согласны ли будутъ ее родители выдать свою дивчину? Если согласны, то родственники или сосѣди извѣщаютъ родственниковъ жениха. Потомъ женихъ или его родители избираютъ двухъ стариковъ, кои называются старостами, призы-

(*) Туземные Малороссіане отличаются хлебосольствомъ, радушіемъ, хорошею живнію, и они особенно любятъ хорошо поевъ и попить. Переселенцы—Малороссіане утратили многія хорошія свойства: они очень скупы и негостепріимы, особенно царевскіе, которые до того скупы, что превратились въ отчаянныхъ скрягъ, не смотря на то, что имѣіе въ нихъ имаютъ стада рогатаго скота, лошадей и овецъ. Вместо супа хлеблютъ почти одну воду, даже въ скоромные дни. Трудно повѣрить: въ Святлос воскресенье и Рождество Христово едва разгавливаются, и часто истрачаютъ эти великіе праздники, однимъ сухимъ хлебомъ и рыбою, но чтобы попить, во ничего не жаждутъ. —

взять изъ изъ себя въ домъ, и говорить жениху: ну, ноги тебѣ старосты; проси ихъ, чтобы они шли сватать за тебя дивчину. Онъ обращается къ нимъ съ просьбою; они отвѣчаютъ ему: добре хлопце, мы идѣмъ сватать за тебя дивчину; гряды дивны, ты не паробы намъ срамоты и безчестя: щобъ ты видѣ дивчины не отцурався. Когда онъ узрѣтъ ихъ, что этого не случится, и скажетъ имъ: ни, пане старосты, пань съ Богомъ! тогда они собираются въ путь. Мать немедленно зажигаетъ предъ образами свѣчи, и всѣ молятся Богу. Помолвившись, женихъ кланяется отцу и матери въ ноги, а если ихъ нѣтъ, то старшимъ изъ семейства: его благославляютъ. Послѣ этого онъ подаетъ старостамъ хлѣбъ-соль, и они отправляются въ домъ невесты. — Подошедши подъ окошко избы, говорить: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помилуй насъ. Имъ отвѣчаютъ: аминь. — Потомъ старосты спрашиваютъ: чи нустето насъ въ хату, чи ни? — Если имъ скажутъ: ходитъ, то они входятъ, и отдають отцу и матери хлѣбъ-соль, или кладутъ на столъ, говоря, что это хлѣбъ и соль отъ жениха. Прицѣпившій къ рукамъ хлѣбъ-соль, крестится, пѣдуетъ и кладетъ на столъ. Ихъ же благодарять и просятъ садиться. Они садятся возлѣ стола, и ведутъ сначала разговоръ о хозяйствѣ; потомъ говорятъ: намъ извѣстно, что у васъ есть дивчина, а у нашего свата хлопецъ, вникъ хочеть свататься. А хлопецъ намъ знаетъ дивчину вашу, и вона, якъ мы наслышаны отъ него, показала ему, то може и дивчина ваша знаетъ нашего хлопца. Согласны ли вы отдать за нашего хлопца, или нѣтъ? Скажите намъ. — Родители невесты, хотя дали уже согласіе чрезъ людей, а женихъ уговорилъ невесту; однако отговариваются: у насъ невеста еще молода и мы не готовились: того пѣтъ, другого

нѣтъ. Надо подумать, може женихъ взять не согласенъ ; вы пришли просто сами ; а може еще наша дивчина будетъ не согласна, треба распросить, по совѣтоваться съ родственниками и добрыми сторонними людьми.—Отлагають на день, или мѣсяцъ, и если родители невѣсты согласны отдать ее, и невѣста согласна вытти за мужъ, за предлагаемаго ей жениха, то оставляють хлѣбъ-соль ; старосты возвращаются къ жениху и рассказываютъ о происшедшемъ. Потомъ прежніе старосты приходятъ въ домъ невѣсты, въ назначенное время, и когда со стороны родителей и невѣсты не будетъ уже никакихъ препятствій ; тогда поручають тѣмъ старостамъ, чтобы они отправились къ роднымъ и родственникамъ жениха, и привели бы его съ собою. Между тѣмъ собираются родственники невѣсты. По собраніи ихъ приходитъ женихъ, и становится у порога ; къ нему выводятъ невѣсту, какъ ставятъ рядомъ и спрашиваютъ : первого о согласіи взять ее за себя, а послѣднюю вытти за него за мужъ. Когда, они подтвердятъ о своемъ согласіи, тогда условиваются родители и родственники невѣсты, сколько взять за нее деньгами или чѣмъ другимъ ? Многіе выговариваютъ сапоги, вино и хлѣбъ ; иногда соглашаются на самомъ пустякѣ и потомъ расходятся. Молому хлопцу удастся скоро выставать себѣ дивчину, а другому мало одной зимы, или лѣта : сватаеть года два. По окончаніи условій зажигаютъ свѣчи предъ иконами. Всѣ молятся Богу ; потомъ отецъ невѣсты, взявъ икону и хлѣбъ, садится съ женою рядомъ, а невѣста подходитъ къ отцу и падаетъ ему въ ноги три раза. При послѣднемъ поклонѣ она лежитъ у ногъ отца ; онъ благословляетъ ее, произнося : му дечко, Богъ тебя благословляетъ, и я благословляю.—Дѣлають ей родительское наставленіе, а она, лежа у

ногъ, выслушивается. За тѣмъ даетъ ей цѣловать икону и хлѣбъ; послѣ передаетъ икону и хлѣбъ своей женѣ, которая благославляетъ жениха обычнымъ. По совершеніи благословенія невіста даритъ старостѣ вышитыя рушники, и ими перевязываютъ ихъ, — тѣмъ окончивается сватовство. —

Отецъ жениха приглашаетъ всѣхъ родныхъ и добрыхъ ^{персона-} своихъ сосѣдей въ свой домъ, и угощаетъ ихъ виномъ; но не подноситъ болѣе какъ по одной или по двѣ рюмки, а женихъ съ невістою угощаютъ дѣвушекъ въ особой комнатѣ. Потомъ отецъ невісты приглашаетъ къ себѣ гостей, которые подчуются виномъ и угощаются обѣдомъ. Когда всѣ встанутъ изъ за стола, тогда невіста подноситъ имъ по чарки водки, а старухи затягиваютъ пѣснь протяжную:

Колѣбъ я знала,
Колѣбъ я видала,
Що засватана буду;
Терлабъ я стины,
Щобъ булы были,
Билою рокитою. (*)
Та мила бъ я лавки,
Щобъ булы гладки,
Для пріпаду свекорка;
Мила бъ я столы,
Щобъ булы были,
Для свекрухи, для приходу ін. —

За тѣмъ всѣ идутъ въ домъ жениха, гдѣ приготовлена уже пирушка. Отпраздновавъ здѣсь пирушку, всѣ отпра-

(*) Рокита, трава хвощъ. Ею составляютъ грязь съ домашней мебели и написанное на бумагѣ, namъсто перочиннаго письма. --

входятъ толпой въ домъ невесты, и такимъ образомъ веселяются два и три дня ордау. У богатыхъ продолжается это съ недѣлю...

Вечеръ
у невесты.

По сошествіи жениха съ невестой, онъ даетъ отъ себя вечеръ, для чего избираютъ особую залу и нанимаютъ музыкантовъ. Сюда собираются дивчины, хлопцы, и пляшутъ за полночь. —

Когда всѣ поутихаютъ, тогда молодые ложатся спать вѣстъ, а хлопцы съ дивчинами; но всѣ они ложатся рядомъ. — Кромѣ одного вечера, женихъ не дѣлаетъ другаго. Послеъ этого вечера онъ всадѣ ходитъ съ своей невестой, и нечуетъ съ нею. —

Вечеръ
коровай.

По сготовленіи всего къ свадьбѣ, пекутъ въ домѣ молодыхъ шишки и пичужки, и сверхъ того по одному большому короваю, длинной почти черезъ весь столъ. Коровай убираютъ пичужками, (разными птичками изъ тѣста), и тонкими длинными прутиками, обвитыми цвѣтной бумагою, и поверхъ прутиковъ насаживаютъ еще другихъ пичужекъ, конхъ крылушки бываютъ покрыты золоченой шумихою (мышурой). Полѣ короваевъ ставятъ два штофа или полуштофа съ водкою, и перевязываютъ ихъ красными нитками. —

Собораніе
дружковъ.

Женихъ, избравъ себѣ старшаго боярина а невеста старшую дружку, ходятъ уже по своимъ роднымъ, первый чтобы собирать бояръ, а вторая дружекъ. Но до собранія ихъ женихъ заходитъ въ домъ невесты, и спрашиваетъ у ея домашнихъ: кого просить ему въ бояры, дружки и свахи? — По собраніи бояръ женихъ даритъ каждому изъ нихъ по красной лентѣ, которая пришивается къ шапкѣ, и по румянику, которымъ перевязываютъ себѣ черезъ плечо. Невѣста заходитъ во всѣхъ домъ, гдѣ есть дѣвушки, а дружки ея поютъ:

Обметайте дворы,
Застывайте столы.

Смотрите голубочки,
Идутъ дружечки. —

Входя въ хату, невѣста говоритъ: просить батько, просить маты: на хлѣбъ, на снѣ и на веселья, а намъ дайте дивчину въ дружечки. — По выходѣ изъ избы, поютъ :

Спасибо вамъ за дружбу,
За ея послушну ;
Хоть не уміе спивати,
Та уміе тиньковати.

Такимъ образомъ ходятъ отъ двора ко двору, пока невѣста не наберетъ себѣ дружекъ.

Вечеромъ сажаютъ молодыхъ за столъ, каждою от-
дѣльно въ своемъ домѣ ; родители благословляютъ ихъ. Благо-
словіе
Во время благословенія невѣсты, поетъ свѣха съ дѣ-
вушками.

Похмыльное та дерево, та ялина покрпная, " "
То дитятко поклонилось
Отцу и нееньцы, та низенько. —

Дружко подаетъ жениху благословенную икону и Самое
на поса-
дѣ.
отворивъ дверь, кричитъ изъ сѣней, къ посажен-
нымъ у стола двумъ старостамъ: Господи Іисусе Хри-
сте, Сыне Божій ! помилуй насъ. Тѣ отвѣчаютъ ему :
аминь. — Онъ имъ говоритъ : спасетъ Богъ за аминь,
—и продолжаетъ : пане старосте и подстаросте ! — Тѣ
говорятъ ему : а мы рады слухать. — Кто до кого
а мы до Бога и до вашего здоровья. Благословите мо-
лодого князя за стилъ завести. — Они отвѣчаютъ ему :
Богъ благословитъ. — Въ другій разъ. — И въ другій
разъ Богъ благословитъ. — И въ третій разъ. — И
въ третій разъ Богъ благословитъ. — Потомъ оба старо-

сты идутъ за женихомъ, и вводятъ его въ избу. За женихомъ идетъ старшій бояринъ, за старшимъ бояриномъ всѣ бояры. Ихъ сажаютъ за столъ. На мѣстѣ жениха садится дружка, коему подаютъ рюмку водки; онъ принимаетъ. Это значитъ, что онъ пропилъ свое мѣсто. Послѣ этого онъ встаетъ изъ стола, а на его мѣсто садится женихъ; подлѣ него садится свашка съ нѣсколькими дѣвушками, изъ числа коихъ одна держитъ мечъ, убранный цвѣтами и калиной.—Дѣвушки эти ноютъ вмѣстѣ со свашкою :

Та вси аніоли, та вси святые,
 Подъ вишнюткиами,
 Сили аніолы ридомъ на посадь.
 Сидять, а Господь долинку дає.
 Молодый князь Грицю,
 У своего батеньки благословенья просить:
 Благослови мене, ты мій батыньку,
 На посади систы,
 Та на столиннымъ мѣсти.

Благословляю тебе, мій сыночку,
 Богъ меня та на помощь, аніолы да радости,
 Господь долинку дає.

Не стій вербо, розвивався,
 Звѣй соби вербо
 Синъ сотъ квіттокъ и чотыри,
 Шобъ усинъ боярамъ було по квіточки.
 И одной не стало, молодому. —
 (То тобі квітка, Гануся дивка. —

Отправ-
 ленію
 годаго
 въ пош-
 стѣ.

Потомъ свашка съ дѣвушками встаетъ изъ за стола; на мѣсто ея опять садится дружка, и кричитъ :
 Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помилуй насъ:

Старосты отвѣчаютъ ему: аминь. — Онъ имъ говоритъ: спасетъ Богъ за аминь. Старосты: намъ и падетъ роте! — А мы ради слушать. — Кто до кого, а мы до Бога и до вашего здоровья. Благословите молодого князя изъ за стола вывести, и до молодой княгини идти. — Тѣ говорятъ ему: Богъ благословитъ. — Дружко: въ другій разъ, и въ третій разъ. — Старосты: Богъ благословитъ тричи разомъ, — и дружко выводитъ жениха изъ за стола. Женихъ беретъ съ собою кумыши съ красомъ или пивомъ, и отправляется къ невѣстѣ. Женихъ и бояры поютъ пѣсни, какія только могутъ притти имъ на память. А свашка съ дѣвушками, называемыми сватилками, поютъ обрядную пѣсню:

Слава зоря до мислца рано, рано,
Слава зоря до мислца ранесенько.
Ой мислцу, мій братину, рано, рано!
Ой мислцу, мій братину, ранесенько!
На заходъ же ты ни впередъ мене, рано, рано;
Ни заходъ же ты ни впередъ мене, ранесенько.
Ой зійдемо обое разомъ, рано, рано;
Ой зійдемо обое разомъ, ранесенько. —
Освѣтимо небо и землю рано, рано,
Освѣтимо небо и землю, ранесенько (*).

По приходѣ жениха съ боярами и дружкой въ домъ ^{Народно} невѣсты, дружко его идетъ впередъ и возвѣщаетъ о ^{по} прибытіи. Ему отворяютъ сѣни; тогда онъ входитъ съ

(*) Заря означаетъ здѣсь невѣсту, а мѣсяць жениха. Есть повѣрье, что сестра разлученная съ братомъ, переселилась въ вечернюю зарю, ищетъ его повсюду, плачетъ по нему и потому вѣчно орошаетъ поля своими слезами, а братъ груститъ по сестрѣ и ходитъ по всену міру, превратившись въ печальный мѣсяць. —

мояхонь. Потомъ дружно открываетъ дверь избы и
призываетъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй
насъ. Ему отвѣчаютъ: аминь. — Дружно говорятъ:
спасаетъ Богъ за аминь. Старосте пане и подстаросте! —
А мы ради слушать. — Кто до кого, а мы до Бога и
до вашего здоровья. Благословите молодого кнзя за
столъ-завести. — Старосты говорятъ: Богъ благословитъ.
— Дружно: въ другій разъ и въ третій разъ. — Старо-
сты: Богъ благословитъ тричи разомъ. — Потомъ онъ
вводитъ его въ избу, сажаетъ за столъ въ передній
уголъ изъ невѣстъ, и самъ садится подлѣ него. Когда
подадутъ ему рюмку вина, тогда онъ выходитъ изъ
за стола, а на мѣсто его садятся двѣ свашки, одна со
стороны жениха а другая невѣсты. — Молодые дѣвуш-
ки поютъ:

Мы не хотимъ выти,
Мы не хотимъ выти,
И въ домона быти.
Мы хотимъ погуляти,
И танцовать.

Свашки встаютъ изъ за стола, а дружно садится на
ихъ мѣсто и говоритъ: Господи Іисусе Христе, сыне
Божій! помилуй насъ. — Ему отвѣчаютъ: аминь. — Спа-
саетъ Богъ за аминь. — Дружно: старосте пане и под-
старосте! — Старосты: а мы ради слушать. — Кто до
кого, а мы до Бога и до вашего здоровья. Нашъ кнзя
и княгиня киваютъ, моргаютъ, — на гулянье желаютъ.
Староста: Богъ благословитъ. Дружно, — и въ другій
разъ а въ третій разъ — Старосты: Богъ благословитъ
тричи разомъ. — Дружно выводитъ изъ за стола и от-
водитъ молодыхъ, бояръ и дружекъ въ особый домъ,
гдѣ всѣ пляшутъ подлѣ музыку, во всю волюшку. —
Потомъ молодые ложатся спать вмѣстѣ. Старики и ста-

руки остаются въ домѣ цвѣтны, гдѣ угощаютъ ихъ особымъ столомъ.

На канунѣ свадьбы невѣста ходитъ съ своими подругами на поклонъ къ тещѣ, которая сажаетъ ее за столъ и угощаетъ.

Въ день свадьбы женихъ и невѣста собираютъ по утра своихъ бояръ и дружекъ. По собраніи ихъ и по полученіи благословенія отъ родителей, идутъ въ церковь: женихъ съ своими боярами а невѣста съ своими дружками. При выходѣ невѣсты изъ избы, дружки поютъ:

Ой ты Ганусько, наша душенька!
 Лежить горохъ по дорожѣ,
 Твій батинько въ дорожѣ:
 Винъ того не знае,
 Шо дочка гадае. —

Во время вѣнчанія свашка держитъ въ рукахъ пучки цвѣтовъ, съ воткнутой въ него восковою свѣчю, — это называется мечъ. Пучъ перевязанъ лентами и бываетъ украшенъ херувимчиками. — Подъ ноги молодыхъ посыпаютъ полынь и мяту, чтобы лиходѣи не перепортили ихъ.

По совершеніи вѣнчанія хранятъ пучъ цвѣтовъ въ домѣ молодой. — Многія покрываются до свадьбы, по дѣвичьему обычаю. — За тѣмъ молодые идутъ въ вѣнцахъ и съ образами въ домъ отца жениха, а другіе снимаютъ вѣнцы въ церкви и отправляются въ домъ безъ вѣнцовъ и образовъ. — Пришедшихъ молодыхъ сажаетъ старшій бояринъ и дружка, за столъ, вмѣстѣ съ дружками, свашкою и свитылкою. Потомъ снимаютъ съ молодыхъ вѣнцы, и относятъ съ образами въ церковь. Тогда всѣхъ угощаютъ обѣденнымъ столомъ. После обѣда мать жениха даритъ деньгами невѣсту, ко-

терая, посидѣвъ нѣсколько времени, отправляется съ дружкой домой. Когда она идетъ, тогда поютъ:

Та ты душечка наша Гануся,
Колесомъ, колесомъ!
Соничко въ гору иде,
Колесомъ, колесомъ!
Соничко въ гору иде,
Молодая Гануся съ дружечками иде.

Утка иде, утнать вѣде
За собою,
Зеленой шовковой,
Травою.

Послѣ ухода молодой, отправляется женихъ съ своими боярами сѣдлать лошадей, а невеста ходитъ по улицѣ съ своими дружками, распѣвая пѣсни (*). Женихъ и бояре садятся на коней, по среди двора, а мать жениха, насыпавъ въ свою полу пшеницы, бросаетъ ее на сидящихъ. Дружка и подружья ходятъ за матерью и поганяютъ ее палкою. Когда она обойдетъ три раза, тогда подходитъ къ жениху, беретъ коня его за поводъ, и выводитъ со двора. Старшій бояринъ ѣдетъ за нимъ, а потомъ всѣ выезжаютъ и разъѣзжаются по улицѣ во весь день, при пѣніи пѣсней, какія ницъ прійдутъ въ голову. Разъѣзжающій женихъ называется княземъ, окружающіе его боярами, потому говорятъ, когда увидятъ скачущій поѣздъ: князь съ

(*) Иногда молодые, по совершеніи надъ ними вѣнчанія, отправляются порознь по своимъ домамъ; женихъ сѣдлаетъ лошадей вѣсть съ своими боярами и разъѣзжается съ ними по улицѣ, а молодая ходитъ по улицѣ съ своими дружками.

боярами ѣдетъ, — дайте дорогу! — Князь кланяется народу, а бояре посматриваютъ съ самодовольствіемъ.

Невѣста съ своими дружками ходитъ по улицѣ пѣшкомъ, до самаго вечера; дружки поютъ пѣсни. Иногда онѣ носятъ за нею пукъ цвѣтовъ, или тотъ мечъ, который держался въ церквѣ во время вѣнчанія

Оа ты душенько наша, Гануса!
 Суха рыбочка не трещя,
 Матинько, богатый женихъ
 Не шлепя!
 А бидній не сміє. —
 Такъ моя, русая коса,
 Смиріє (*).

А въ неділю рано, рано,
 Синє море играло.
 Гануса потопав
 Былы ручки поднимав.
 А батинько кругъ бережечка:
 Не потопай, моя дошенько!
 Грипенько, кругъ бережечка:
 Не потопай мое серденько! —

(*) Въ Малороссіи воспеваютъ черную косу, потому что тамъ по большей части черноволосыя дѣвушки; здѣсь же поютъ русую, по причинѣ русоволосыхъ дѣвушекъ. Замѣчательно, что въ Малороссіи мужскій и женскій полъ преимущественно имѣютъ черные волосы, и собой мушныя и женщины, румяны и блондины. Здѣсь напротивъ: она блѣдые илѣ лучше сказать безжизненные и мрачные. Волосы почти у всѣхъ ихъ русые, а у дѣтей бѣлые какъ ленъ; съ 8 или 10 лѣтняго возраста начинаютъ измѣняться.

Часть II.

37 -

Ой ты душевного наша,
 Гауся миленька!
 Нашъ сородчикъ далеко,
 Мучится нашъ дружечикъ

Тамъ ходила Гауся,
 По крутой гори;
 Зобачыла тамичко
 Селизеничка,
 На тихій воды.
 Приплынь, приплынь
 Теперь къ мени,
 Мій селизеничко.
 А за нею той Грицю,
 На бѣлѣхъ ножи.

Летивъ горюстайко черезъ садъ,
 Пускавъ пирьичко на весь садъ.
 Пора тобі, Гаусяю,
 Систи на посадъ.

Якъ пійду я до Дунаю,
 Стану та подумаю.
 Ты Дунай, мій Дунай,
 Ты тихая вода.
 Гауся тихо ходила,
 Грниця полюбила.

Предъ вечеромъ приходитъ невѣста съ своими друзьями, въ свой домъ, и становится у дверей таты. Родители выходятъ къ ней на встрѣчу: отецъ съ иконою а мать съ короваемъ. Невѣста кланяется отцу

своему въ ноги, три раза, потомъ цѣлуеъ икону, а послѣ цѣлуеъ своего отца. За тѣмъ кланяется матерѣ три раза въ ноги, потомъ цѣлуеъ коровай, а послѣ мать. Дѣвушки поютъ въ это время три раза:

Ты кланяйся Гануся,
 Попередъ Господу Богу.
 Отъ сюды веньки въ ноги. —
 Приступи близенько,
 Да поклонись низенько.

Дружко, отворивъ дверь, кричить: Господи Иисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Ему отвѣчаютъ: аминь. — Спасетъ Богъ за аминь. Старосте и пидстаросте! — Мы ради слухать. — Кто до кого, а мы до вашего здоровья. Благословите молодую за стигъ завести. Ему отвѣчаютъ: Богъ благословить. — Дружка заводитъ невѣсту за столъ и сажаетъ ее въ переднемъ углѣ. По лѣвую сторону ея садится дружко а дѣвушки поютъ:

Да вси ангелы, да вси святыи,
 Пидъ викончикомъ силы.
 Молода Гануся, батенька просе:
 Благослови, ній батенько!
 Благослови мене на посади систи.
 Богъ тоби доченько на помощи,
 Ангелы на радости.

Не незнаешъ маты,
 Свого дитяти,
 Внисти съ дружками,
 За слізочками!
 Ой выйди, выйди,
 Гануся напильно. —

Выйди со всени,
 Миленька матенько!
 Я сидаю за столичкомъ,
 Со всени дружечками. —

Послѣ прибытія бояръ съ молодымъ, жениха сажаютъ съ боярами за столъ а свашка съ дѣвушками поетъ :

Та гадайте старосты, гадайте,
 По червоному складайте,
 А вы бояре, суньте.
 По червоному пидъ сукно. —
 Теперь година не такая,
 И дороженька склизкая.
 Треба молодымъ добытокъ,
 И золотыхъ подкивокъ. —

Во время пѣнія подносятъ боярамъ по рюмкѣ вина, а ихъ дарятъ деньгами. Старшій бояринъ беретъ деньги къ себѣ. Потомъ дружка говоритъ старостамъ : Господи Іисусе Христе, сыне Божій ! помилуй насъ. — Старосты отвѣчаютъ: аминь. — Дружка: спасетъ Богъ за аминь. Напѣ квязъ киваетъ, моргаетъ, на погулянье желаетъ. — Старосты: Богъ благословитъ. — Дружка: въ другій разъ и въ третій разъ. — Богъ благословитъ трети разомъ. — Дружка выводитъ изъ за стола молодыхъ; женихъ съ боярами садится на лошадей. Дружка становится предъ дверьми. Выходитъ изъ избы мать жениха, беретъ длинный пруть или хворостину. Дружка садится на нее верхомъ и ѣздитъ. Мать кладетъ въ свою полу хмѣль, орѣхи и нѣсколько мелкихъ денегъ, обходитъ съ дружкою поѣздъ три раза кругомъ, и бросаетъ изъ полы на бояръ. Потомъ она беретъ лошадь жениха своей полой и выводитъ со двора, благословляя его къ поѣзду. Послѣ она угощаетъ род-

свѣтениковъ жениха. Молодой, по выѣздѣ со двора, ѣздитъ по церквамъ. Прежде въ ту, въ которой вѣнчался; потомъ въ другія церкви. Во всѣхъ прикладывается къ иконамъ, съ старшимъ бояриномъ.

Во время поѣзда поютъ по улицамъ разныя пѣсни, какія прійдутъ на мысль. Если встрѣчаются на дорогѣ съ другой свадьбою, то женихъ и старшій бояринъ скачутъ на противъ ее, схватываютъ лошадей за поводья: тогда женихъ съ женихомъ, а старшій бояринъ съ старшимъ бояриномъ цѣлуютъ другъ друга, и желаютъ взаимнаго счастья.—За жениховымъ поѣздомъ ѣдутъ въ санихъ или телѣгахъ свитки съ свашкою, и онѣ поютъ:

Ой лугомъ, лугомъ, вода иде;
 А по нидъ лугомъ стежичка,
 А на той стежички калинонька.
 Ой туда ихавъ староста навъ далека!
 Вивъ коничка погоняе,
 Стиха шабельку выймае:
 Хоче тую калиноньку зрубити.
 Не руби мене, старосто!
 Не для тебе се калинонька,
 Се жениха. —
 А для тебе молода дивчина,
 То наряжена.

Передъ вечеромъ подъѣзжаетъ женихъ съ боярами къ дому невѣсты. Дружко его становится у ворогъ, съ кувшиномъ квасу и съ хлѣбомъ, и начинаетъ ловить жениха, который съ боярами проскакиваетъ мимо его до трехъ разъ. Потомъ онъ подъѣзжаетъ тихонько: дружко хватаетъ лошадь за поводья и вводитъ его къ невѣстѣ на дворъ (*). За нимъ въѣзжаютъ всѣ боя-

(*) Ловятъ жениха еще иначе. Родственники невѣсты выходятъ на улицу съ палками, и въ то время, когда женихъ

ре и становятся въ рядъ подлѣ крыльца. Невѣста
выходитъ въ сѣни съ друзьями, которыя поютъ:

Ой выйди маты зъ новой хаты,
Та въ рублены синечки. —
Даемо тоби поклонѣ,
Заведитъ насъ за стѣлѣ.

Когда мать выйдетъ и молодая станетъ ей кланяться въ ноги, тогда поютъ:

Похильное то дерево, та ялиця;
Покирное то дитятко Гануся,
Поклонилось отцу и нещца та низенько,
Своему серденьку близенько.

Братъ сестру за стѣлѣ веде:
Сестро моя! косой твоей
Мостить мости я стану, —
Стелить ковра! я й сяду.

пріемъ
молода-
го те-
щею. Женихъ стоитъ на дворѣ, теща выходить къ нему
и подноситъ водку въ стаканѣ или рюмкѣ, или что
либо другое. Онъ выливаетъ на гриву лошади, и потомъ
передаетъ старшему боярину черезъ свое плечо, кото-
рый такимъ же образомъ принимаетъ отъ него и разби-
ваетъ объ землю. Тутъ поютъ:

А на зятя та метель мете,
А на зятя дрибень дощикъ иде. —

подъѣдетъ къ воротамъ, онъ забѣгаютъ и гонять его палками
на дворъ къ невѣстѣ; онъ бьетъ плетью своего коня и уско-
кивается съ боярами; это дѣлается ниш до трехъ разъ. Когда
загонятъ его на дворъ, тогда мать невѣсты беретъ у него
лошадь и привязываетъ къ столбу. Женихъ входитъ съ свои-
ми боярами въ сѣни, гдѣ встрѣчаютъ его невѣста. —

Кріїся ахто на веротамъ,
 Кріїся ахтешку кущицямъ, да листицямъ,
 Та чорными соболями.
 Та ударили люты морозы на двори,
 Та зморозили молодого молодца на кони.
 Війшла молодая свашка зъ комори,
 Віймала чашку меду а вина дви :
 Та розыграло молодого молодца на кони.

При этомъ пѣніи теща дарить боярѣ платками, за которые они благодарятъ ее: спасибо сватови, сваси, молодому кнѣзюви и кнѣгинѣ за подарокъ. Сколько на сямъ платки квиточекъ, дай Бигъ, нашей молодій, стільки диточекъ. Та щобъ одно за одного бралось, та на пичъ дралось; а послѣдне оборвалось, та всихъ попугало.

Потомъ бояре отводятъ своихъ лошадей домой, а ^{покупа} лошадь жениха и старшаго боярина оставляютъ во ^{мороков.} дворѣ. На лошадь жениха садится братъ невісты, который выѣзжаетъ за ворота и скачетъ на ней около воротъ. Дружко виѣсть съ подружкою, который со стороны невісты, выходитъ къ нему за вороты: они выносятъ на подносѣ вино и деньги, и покупаютъ у него сестру. Это дѣается такъ: на тарелку кладутъ деньги, наливаютъ рюмку водки и подаютъ ему. Онъ смотритъ, и если мало, то скачетъ отъ нихъ. Они всячески упрашиваютъ его, добавляютъ ему деньги, и когда онъ согласится принять, тогда беретъ: деньги, хлѣбъ и рюмку съ виномъ; послѣднее выпиваетъ при нихъ. Бояре возвращаются къ жениху. Тутъ дружко собираетъ поѣздъ въ сѣни, отворяетъ дверь и кричитъ: Господи Ісусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. Ему отвѣчаютъ: аминь. — Спасетъ Богъ за аминь. Старосте пане и подстаросте! — А мы рады слушать. — Кто до кого, а мы до Бога и до вашего здоровья : благосло-

вите молодого князя за стылъ завести. Ему отвѣчаютъ: Богъ благословитъ. Дружко: въ другій разъ и въ третій разъ. — Богъ благословитъ тричи разомъ. Тогда дружко ведетъ жениха съ боярами и сажаетъ его за столъ. Въ то время садится подлѣ жениха невестинъ братъ, ширяетъ соломennымъ мечемъ въ глаза жениху и не пустетъ его за столъ (*). Дружко покупаетъ у него мѣсто, тѣмъ же порядкомъ.

Саманіе
вожо-
днѣтъ за
столъ. Когда братъ оставляетъ сестру, тогда онъ встаетъ съ мѣста а женихъ садится за столъ, подлѣ своей невесты; на противъ ихъ садятся дружки, которыя поютъ:

Да вси ангели, да вси святѣи,
Пидъ виконичкомъ сили.
Отдаешъ мене, мій батиньку,
Тай самъ бачешъ. —
Ни разъ, ни двичи заплачешъ!
Якъ ниженьки цвѣточки цвистинуть,
И дивочки виночки плистинуть,
И миню твій двиръ нестинуть.
Да не будуть холоты
Миню хаты и кватирочки отвораты,
А мене на улюпу вызываты. —

(*) Въ другихъ мѣстахъ свдѣтъ, по обѣимъ сторонамъ невесты, два мальчика съ палками, изображающими мечъ; на концахъ ихъ иззерчено по шпикѣ коровайной и по платку. Когда женихъ приближается къ невестѣ, тогда начинаютъ они бить его и дружку. Дружко вынимаетъ деньги, и даетъ имъ. Они снова бьютъ его. Дружко спрашиваетъ: сколько же вамъ надобно? Багато (много), и дже багато (и очень много), отвѣчаютъ они, а якъ не дасте, то за стылъ не пустимо. — По продажѣ мѣста, мальчики выходятъ изъ за стола и уступаютъ мѣсто жениху.

Отдасть мене, мій батинько,
 Та отъ себе,
 Остается рута, нята,
 Уся у тебе.
 Уставай же раненько,
 Та поливай руту, ниту,
 Та частенько.
 И ранкии и вечерниии зоряи,
 Моими дрибненькими слизюньками. —

Ой чому, чому,
 Въ снмъ новомъ дому,
 Такъ рано засничено?
 Гануся встала, кисоньку чесала,
 Батинька прохала:
 Порадь мене, мій батиньку,
 Кого въ дружки прийняты?
 Бери доненько, чины доненько,
 Усе свою родыненьку: —
 Садови доненько свыше,
 А свою родыненьку ближше. —

Эти пѣсни поются долго, пока не запоють:

Мы не хочемо питы,
 И въ домони быты;
 Мы хочемо погуляты,
 Съ боярами на двирь таньцоваты.

Если плохо угощаютъ, то поють:

На столѣ мухи, на доми блохи,
 Чимъ наши нерезвѣя плохи? —
 Отъ того, що въ горшкахъ трохи.

Ихъ у нашего свата,
 Голова кудревата.
 Видъ кудрицы потрелъ,
 А надъ по чарки горилки виднеше.

Дружко выводить молодыхъ изъ за стола и избы по три раза, и при каждомъ выводѣ ихъ изъ за стола и при вводѣ въ избу, спрашиваетъ благословенія. Если выводить изъ за стола и избы, то говорить: благословите молодого князя и княгиню на погулянье вывести. Если вводить въ избу, то говорить: благословите молодого князя и княгиню за столъ завести. Когда дружко исполнить три раза этотъ обрядъ,— тогда поютъ свашкѣ укоризненную пѣснь:

Свашка налипашка!
 Свашка налипашка!
 Шишокъ налипила,
 Дружекъ и бояръ не дарила. —
 Одну злепила въ зеленого сына,
 Той ту сама зыла. —

Глянь же Ганусю,
 На красный коровай;
 Карини очами не плачь!
 Иде твоя краса, —
 Загубилась руса коса. —

Тогда подаютъ большой коровай и на него кладутъ платокъ, волосникъ или очипокъ, и серпянокъ. Дружко принимаетъ коровай и срѣзываетъ съ него шишки, которыя онъ подаетъ молодымъ; но они не принимаютъ ихъ, кланяются и отсылаютъ родственникамъ. Однако онъ насильно кладетъ имъ за пазуху, и потомъ раздаетъ боярамъ и дружкамъ.

Тогда припѣваютъ дружки :

Дружко коровай крас,
Семеро дитей нас :
Та уся съ кошиляни, —
Вся корован покрала.

Двѣ свашки: одна со стороны невесты а другая <sup>попри-
ванію мо-
лодой.</sup> со стороны жениха, берутъ очипокъ (чепецъ), распе-
таютъ косу молодой, перевязываютъ ее и покрываютъ
голову платкомъ по женскому обычаю. Тогда поютъ :

Поприваночка плече,
Покриваночка плече,
Покриватися плече.
Не такъ покрывала,
Якъ попиловала. —

Дѣвушки мѣлуются между собою.

Старшая дружка маленька,
Павлянька старенька. —
Шлетъ жона писмечко, —
Щобъ дитина була дома.
Щобъ малу дитину привели :
Зъ скрипками, пинбалами,
Зъ хорошиими боярами,

Когда поютъ эту пѣснь, тогда молодая сбрасываетъ съ
себя платокъ на столъ и продолжаетъ это до трехъ разъ.
За третьимъ разомъ дружка подхватываетъ очипокъ на
палку, бояре и мать молодой начинаютъ рубить ее.
— Дружки поютъ :

Вы бояры, вы бояры,
Не рубайте жердяночку :
Якъ жердяночка сыжнелла ;
Очипокъ сыбѣлелла.

Послѣ этого надѣваютъ на молодую очипокъ и прищипываютъ къ нему, изъ красной ленты, цѣтокъ. Тогда дружки пѣлуютъ молодую и прощаются съ нею. Сестра молодой садится подлѣ нея за столъ, беретъ женихову шапку, съ прищипленной къ ней красною лентою, и не отдаетъ шапку, пока не выкупятъ дружка и поддружки. Если нѣтъ сестры, то надѣваютъ шапку жениха на голову свахи. Дружка и поддружки должны выкупать, и при этомъ поютъ свахи :

Та казали люди: свать богаты!
Та казали : хорошій мнѣ !
Даютъ полушку, —
Якъ на смнѣ !

Эту пѣснь продолжаютъ дотолѣ пѣть, пока выкупятъ у ней шапку. По выкупѣ шапки встаютъ изъ за стола дружки и бояры, и они идутъ къ старшей дружкѣ ѣсть вареники. Когда они взойдутъ въ хату, тогда свахи поютъ :

Бувъ у насъ батько,
Да винъ бувъ стрелеть :
Убивъ тетерю,
Справила матинокко вечерю.
Загубивъ дружка дружку,
Въ темнимъ лужку.
Дежъ его шукати? —
Чи въ рути? чи въ мати ?
Чи въ своєї хаты ?

Между тѣмъ женихъ съ невѣстою дожидаются ихъ за столомъ съ старушками. Пока они ѣдятъ вареники, приготавливаютъ приданое невѣсты.

Отвозъ
приданна-
го.

По возвращеніи отъ старшей дружки, дружка выводитъ молодыхъ въ особую комнату и тамъ даетъ имъ ужинать ; послѣ ужина вводитъ ихъ въ избу, гдѣ всѣ

уже пируютъ. Родители, благословивъ невѣсту, даютъ ей образъ, хлѣбъ и черную курицу, и передаютъ приданое. Женихъ и всѣ бояре садятся на лошадей; молодую сажаютъ на сундукъ съ придаными; по бокамъ молодой садятся свашки, изъ коихъ у одной мечъ въ рукахъ, связанный изъ цвѣтовъ; потомъ садится на возъ дружокъ который беретъ возжи и всѣ отправляются за нимъ въ домъ жениха. Во время дороги поютъ свашки пѣсни. — По прїѣздѣ ко двору, женихъ проскакиваетъ съ своими боярами мимо воротъ три раза. Въ воротахъ между тѣмъ накладываютъ кучу соломы, и зажигаютъ. Дружокъ беретъ лошадь жениха, переводитъ ее черезъ огонь; за нимъ перескакиваетъ старшій бояринъ, а потомъ всѣ поочередно. За тѣмъ перевозятъ невѣсту черезъ огонь (*), и когда подвозятъ ее къ крыльцу, тогда свашки запѣваютъ :

Ой выйди, выйди,
Маты зъ хаты!
Щось тобі бояры привезли:
Та привезли тобі,
Молодую княгиню,
И золотую скриню —

Мать выходитъ къ снохѣ, цѣлуетъ образъ и беретъ изъ ея рукъ: икону, хлѣбъ и курицу. Бояре снимаютъ приданое и вносятъ въ клѣть.

Теща вводитъ молодую въ хату и сажаетъ ее за столъ; свашка вноситъ мечъ за молодую и ставитъ въ передній уголъ. Свашки поютъ :

(*) Это дѣлается въ очищеніе молодыхъ отъ порчи и злыхъ чаръ.

Од чому, чому,
У снитъ воякиъ дону,
Такъ рано засвѣчено? и т. д.

Поютъ три раза.—Между тѣмъ дружка отправляется съ боярами за молодымъ, который уже выѣхалъ со двора и ѣздитъ около воротъ. Онъ хватаетъ лошадь его за поводъ и прекрестясь, ведетъ на дворъ; за нимъ слѣдуютъ всѣ бояре, которые, слѣзая съ лошадей предъ воротами, крестятся съ женихомъ, и потомъ входятъ во дворъ. Женихъ идетъ въ хату и садится подлѣ молодой; по скамейкамъ разсаживаются бояре, дружка раздаетъ имъ нарѣзанныя шишки, и угощаетъ виномъ.

Дружка, подружки и двѣ свашки, отводятъ между тѣмъ молодыхъ въ почивальную. Жениха раздѣваетъ дружка, а невѣсту свашки; потомъ кладутъ ихъ спать. — При благополучіи молодой поютъ:

Не бѣдся матицако, не бѣдси!
Въ червоны чоботки обуѣси. —
Топчи вороги пидъ ноги,
А супостаты пидъ паты:
Щобъ наши вороги мовчали,
И видливки бразцали.

Выкатыли, выматыли,
Дубовую бочку;
Вымачили, вымочили,
Щобъ залеваты дочку;
Положили, положили, —
На новой провати.
Що хотили, то робили,
Чужому дивати.

Нашъ карубень ты нашоя дивни, —
 А въ пошедильны огородъ городишь,
 Перелазъ наробывъ, — таки нашъ. —

Потомъ идутъ къ тещѣ. Дорогой поютъ прежнія цѣс-
 ни. По прибытіи ихъ сюда, запираютъ двери и прислу-
 шиваются: какія поютъ пѣсни? Если къ чести доче-
 ри, то отворяютъ немедленно и пускаютъ ихъ. Если
 къ бесчестью, то не пускаютъ. — Обрадованные ро-
 дители хорошимъ извѣстіемъ, угощаютъ на пропалую
 медомъ и водкою. Тутъ поютъ:

А у нашего нана свата,
 Надъ спинною латка,
 Надъ спинною, надъ спинною латка.
 Янъ латкою потрясе,
 Горячого пимисе,
 Горячого жидисе,
 Горячого! горячого! —

Тоби маты не журитися,
 Тоби маты не журитися,
 Горилочки та налитися.
 Не журись жарко, та вкинь медку;
 Щобъ було солодесенько,
 Всему роду веселесенько.
 Та ще вкинь перцу,
 Щобъ пристало къ сердцу. —

Темного лугу налива,
 Темного луга налива,
 Честного батька дитина. —
 Хоть воша и по почина ховала,
 При собі добро досла:

Та пошла вона вискочила лить,
Своєму роду на править.

.
.

Послѣ этого возвращаются въ домъ жениха.

Дружко вводитъ молодыхъ въ избу; они кланяются въ ноги родителямъ и почетнымъ старухамъ. Пированье происходитъ тогда до разсвѣту. На другой день, т. е. въ понедѣльникъ, собираются къ жениху его родственники, а невестины къ невестѣ, и гуляютъ. Дружко, поддружко, старшій бояринъ и свашка, отправляются съ молодымъ на поклонъ къ тестю; отъ тестя къ крестнымъ родителямъ. Во время поѣзда поютъ похвалы невестѣ. По возвращеніи домой, поѣздъ жениха идетъ къ дружкѣ и старшему боярину, а поѣздъ невесты къ ея подружкѣ и тамъ веселятся весь день. Вечеромъ всѣ сходятся въ домъ жениха, который вводитъ тещу въ свою избу подъ руки, за сбереженіе ея дочери. Здѣсь новое угощеніе, и когда подгуляютъ, тогда просятъ: покажите намъ нашу молодую! Бабы наряжаютъ когонибудь и выводятъ вмѣсто молодой. Тогда иные кричатъ: наша! наша! — другіе: ни! ни! брехня! Постороннюю выводятъ до трехъ разъ, — потомъ показываютъ настоящую молодую, которая кланяется родственникамъ и со всѣми ими цѣлуется. Дружко держитъ въ рукахъ штофъ съ виномъ, молодой блюдо съ чаркою а отецъ платки, навязанные на палкѣ.

Дружко наливаетъ, молодой подноситъ а отецъ каждого даритъ платкомъ. Выпившій гость обдариваетъ молодого, чѣмъ можетъ: хлѣбомъ зерновымъ, домашними животными, деньгами и пр. Такъ же гости дарятъ невесту. За этимъ начинается обильное пированье, которое бываетъ у инаго два раза. Здѣсь является музыка и

распѣваются безумолчно пѣсни. Молодежь берется за руки и поднимаетъ журавля, съ припѣвомъ:

Таки, таки журавель,
 Таки, таки цыбатый,
 Таки, таки журавель,
 Таки, таки цыбатый,
 Таки, таки погатый,
 Таки, таки цыбатый.
 А я тому журавлю,
 Ноженьку перебыю, —
 Таки, таки перебыю,
 Таки, таки журавель,
 Таки, таки цыбатый,
 Таки, таки погатый.

У зажиточныхъ продолжается свадебное гулянье цѣлую недѣлю; у недостаточныхъ оканчивается по большей части во вторникъ.

XXII. ЗАВѢТЫ О СВАДЬБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ

ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ :

**КАЛУЖСКОЙ, ПЕРМСКОЙ, ЕНИСЕЙСКОЙ, ЭСТЛЯНДСКОЙ,
ВЪ ЗЕМЛЯХЪ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ И МЕЖДУ УРАЛЬСКИМИ
КАЗАКАМИ.**

ВЪ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I. Деревенская и II. Мѣщанская и купеческая свадьбы.

I. ДЕРЕВЕНСКАЯ СВАДЬБА.

Для засватанія жениха избираются бойкія и прозорливыя свахи, которыя бы все знали въ домѣ не вѣсты. Ихъ всегда сажаютъ на почетномъ мѣстѣ. Когда засватаніе производится чрезъ сватовъ, тогда съ ними такъ же обходятся, какъ съ свахами. Иногда сами отцы просватываютъ своихъ дочерей. Въ такомъ случаѣ это называется *пропить дѣвку*, потому что отцы, подружившись за стаканомъ водки, заклеиваютъ свою дружбу пропоемъ. Давъ другъ другу обѣщаніе, сыграть свадьбу, они бьютъ по рукамъ и начинаютъ пить и пить, потому справедливо говорятъ: *вчера Степка пропилъ дѣвку, а Васыка сына*. Послѣ пропоя женихъ избѣгаетъ свой не вѣсты, а она своего жениха; однако женихъ обязанъ снабжать ее, до самой свадьбы, до которой дѣлится иногда болѣе года, писанными лап-

трихъ (т. е. строченыя пенькою), и невестѣ спать ему вышитый колпакъ, который бываетъ обыкновенно бѣлый полотняный, съ вышитыми кумачемъ коимани, украшенный блестками и съ кисточкою. Она еще должна строчить воротникъ у его рубашки, и вышить блестками.

По деревнямъ не всегда бываетъ дѣвишникъ, только въ назначенный день для вѣчанія отправляется дружка съ родственниками къ священнику, съ хлѣбомъ и солью, и этотъ хлѣбъ-соль состоитъ изъ курника, кренделей и вина. Здѣсь договариваются о платежѣ за свадьбу, и потомъ запиваютъ со всѣмъ причетомъ.

Предъ поѣздомъ молодыхъ въ церковь, каждый изъ нихъ благословляется въ своемъ домѣ: родными и посаженными родителями. Посаженный отецъ наливаетъ потомъ воды въ чашу, прильпливаетъ къ ней восковую свѣчу и зажигаетъ ее, или затепливаетъ лампаду у образа, молится тутъ съ молодыми, и послѣ садятся въ повозку: женихъ, отецъ посаженный, поденяжники (подружки) и поручитель по жениху. — Съ невестой садится сваха; невеста закрывается фатою прозрачною. У лошадей молодыхъ, обвиваютъ гривы и хвосты лентами, а голову убираютъ оловянными лентами; на шею и подъ уши лошадей навѣшиваютъ бубенчики и колокольчики; на дугъ навязываютъ по нѣсколько колокольчиковъ. Молодые должны, во всю дорогу, креститься какъ можно побольше, чтобы колдуны не свортали ихъ, особенно должны креститься при входѣ въ церковь.

При ступаніи молодыхъ на подножки, (на разостланное полотно или платки), сваха шепчетъ невестѣ, чтобы она прежде жениха стала на подножки, для того, чтобы мужъ былъ ей послушенъ и не сердить. Жениху шепчутъ съ своей стороны, чтобы онъ сталъ

дремле, дабы *держать въ рукахъ жену*, а по этому, когда подводятъ ихъ къ подножкамъ, каждый изъ нихъ старается стать прежде, и глаза зрителей устремляются на ихъ ноги.

По совершеніи вѣчанія надѣваютъ на молодую, на церковной еще паперти, повойникъ женскій и шлыкъ, — края послѣдняго обложены позументомъ. Въ Боровскѣ надѣваютъ жемчужный кокошникъ, съ *глазками*, (блестящими камешками). Новобрачные отправляются домой въ одной уже повозкѣ. Никто изъ молодыхъ не долженъ ѣсть до вѣчанія. — Подобрачныхъ встрѣчаютъ родные съ благословеніемъ, и осыпаютъ ихъ хлѣбнымъ зерномъ; потомъ сажаютъ ихъ за столъ и угощаютъ. — Тѣмъ оканчивается деревенскій обрядъ свадьбы. Иногда бываютъ пиршества, но это зависитъ отъ состоянія.

II. МѢЩАНСКАЯ И КУПЕЧЕСКАЯ СВАДЬБЫ.

Сваха, со стороны жениха, посылается въ домъ невѣсты: она подходитъ къ воротамъ и стучится. Выходитъ хозяйка и спрашиваетъ: кто и за чѣмъ?... Мы слышали, говорить она, у васъ есть товаръ, а у насъ готовъ купецъ... Мать, у которой есть дочь-невѣста, понимаетъ, а по этому, если она согласна выдать дочь свою за мужъ, то проситъ сваху въ комнату, угощаетъ ее и потомъ улаживается между ними дѣло. — Если мать не согласна выдать дочь свою за мужъ, за предлагаемаго жениха, то говоритъ: подумаемъ. — Благоразумныя матери не допускаютъ свахъ къ разговору, и за воротами отвѣчаютъ имъ: мы не намѣрены обывать товаръ свой черезъ ваши руки. Согласные выдать дочь справляются о достоинствахъ жениха, и потомъ назначаютъ ему день, въ который онъ можетъ смирѣть

невѣсту. Этотъ смотръ бываетъ болѣе вечеромъ. На этомъ смотрѣ главное угощеніе составляютъ : варенья, плоды, орѣхи и конфеты. Къ жениху выводятъ невѣсту наряженную, какъ называется, въ пухъ; женихъ знакомится съ нею и испытываетъ ея нравъ. Для этого нарочно приглашаютъ молодыхъ съ прочими гостями, чтобы играть въ карты. Тогда молодой всячески старается задѣть ея амбіцію, которая тотъ часъ проявляется на лицѣ политичномъ. Между тѣмъ сваха выспрашиваетъ: понравился ли женихъ невѣстѣ? и если понравился, то она трубитъ родственникамъ ея, что женихъ смертельно влюбленъ въ свою невѣсту. — Когда женихъ и невѣста понравились другъ другу, тогда назначаютъ сговоръ у невѣсты. Женихъ прѣзжаетъ сюда съ своими родными; такъ же собираются сюда родные невѣсты. Тогда ставятъ столъ посреди комнаты, въ родѣ налож, обвѣшиваютъ его лентами и ставятъ на немъ закуску. Предъ образомъ затепливаютъ лампаду или свѣчу, иногда накуриваютъ ладаномъ, чтобы придать болѣе святости. Сѣдѣвшіеся гости садятся по мѣстамъ и говорятъ весьма мало; потомъ вдругъ всѣ встаютъ и молятся долго, читая каждый про себя свою молитву. — По окончаніи молитвы родные сводятъ молодыхъ, благословляютъ ихъ а потомъ они цѣлуются, отъ чего этотъ сговоръ называется еще *цаловки*. — Когда совершится моленіе, тогда говорятъ между собою знакомые: *они уже помолились*, тоже самое, что они уже сговорены. — Послѣ молитвы и цѣлованія всѣ садятся чинно, а невѣста садится рядомъ съ женихомъ, и подаетъ ему свою руку. — Дѣвицы начинаютъ пѣть:

Соколы мои, соколы, и проч.

Поютъ и другія пѣсни, но большею частію веселыя. Послѣ сговора женихъ ходитъ къ невѣстѣ своей вечеромъ, но съ гостинцами. Онъ по обыкновенію сидитъ

съ дею и тояить беды. Иногда, для развѣщенія ихъ нѣжностей, является какой нибудь скрипачъ и маршанчикъ, или какой нибудь шутъ, который, изъ зарюмки водки, выкидываетъ ногами, смѣшнить молодыхъ и всю честную компанію, состоящую преимущественно изъ подругъ невѣсты. При этомъ представленіи дѣвщцы-подруги стараются выманить у жениха невѣсту, и потомъ держать ее въ залогѣ, пока онъ не выкупитъ, за весьма дорогую цѣну. Иначе онъ провозглашаютъ его, въ своихъ величальныхъ вѣселяхъ: *ласны комъ, дастривомъ, уродомъ* и т. п.

На дѣвичникъ собираются родные съ обѣихъ сторонъ, и тутъ невѣста разноситъ имъ подарки. Тѣ, которыхъ она даритъ, должны отдаривать ее. Женихъ подаритъ своей невѣстѣ штатушку съ женскими голубными украшеніями, и между ними кладетъ иногда: бѣллы и румяна. Послѣ угощаютъ чаемъ, кофею, вареньемъ и разными плодами. Въ промежуткѣ поютъ дѣвушки величанія, въ честь молодыхъ; забавляются играми, и въ то время уводятъ невѣсту, и прячутъ ее отъ жениха, который иногда долженъ выкупать ее. — Закускою оканчивается дѣвичникъ.

Предъ поѣздомъ къ вѣнцу, плачетъ невѣста. — Не подпорсываютъ сѣткою, чтобы не испортилъ колдунъ. Въ иныхъ мѣстахъ продаютъ косу невѣсты. При вѣчаніи замѣчаютъ, чья свѣча вѣнчанная сгоритъ скорѣе, — тому умереть скоро.

Послѣ вѣнчанія провожаютъ молодыхъ изъ церкви съ крестомъ. Родители ихъ встрѣчаютъ, благословляютъ и осыпаютъ зерновымъ хлѣбомъ и хмѣлемъ. — Потомъ сажаютъ ихъ за столъ и угощаютъ. Черезъ нѣсколько времени подаютъ ужинъ, а потомъ молодые разстаются съ гостями. — На другой день бьютъ горшки объ стѣну, если молодая ильмуаренная; въ пре-

таинство случивъ подчуютъ отъ нея изъ разбитого стакана или разбитой рюмки. — Счастливыхъ молодыхъ провожаютъ въ баню свахи и дружки, съ вѣнцемъ радостнымъ. Ихъ нередко сопровождаютъ нарядные шуты, которые бываютъ въ застенку или шиварный тазъ, несутъ съ собою пѣтуха и курицу, везутъ въ домъ молодыхъ.

Послѣ бани угощаютъ молодыхъ, а отецъ новобрачной даетъ отъ себя обѣдъ званымъ гостямъ.

Въ тотъ день или на другой, вѣдутъ новобрачные съ приданомъ къ родителямъ, роднымъ и знакомымъ, и приглашаютъ ихъ на свой обѣдъ. За тѣмъ даются обѣды отъ другихъ, и тѣмъ заключается свадьба.

ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Здѣшнее мѣшанство и купечество живутъ сыновей довольно молодыми. Невѣсту считаютъ чрезъ своихъ родственниковъ, или хорошихъ знакомыхъ. О приданомъ никакого не дѣлаютъ договора; но во всемъ полагаются на волю отца невѣсты, который надѣляется, сообразно своему состоянію: платьемъ, бѣльемъ, столовой посудой и другими вещами; деньгами рѣдко. — Иногда сговоръ совершается въ присутствіи сватовника, въ домѣ невѣсты, куда приглашаются ея пріятельницы. Прежде былъ обычай, что во время сговора шли дѣвушки печальныя пѣсни: о разлучѣ дочери съ родителями и о будущей ея судьбѣ. Нынѣ это выводится изъ обыкновенія; поютъ только веселыя пѣсни молодымъ, сидящимъ за столомъ, съ разными притѣвленіями; а потомъ гостямъ, которые дарятъ ихъ за это. Послѣ сговора гостятъ въ домѣ невѣсты ея подруги, помогая ей; нѣтъ бѣлыя и пѣтыя.

Изъ родственниковъ или друзей жениха набираютъ

ся; тысяцкій, бояре и дружки. Последнiе, получивъ отъ невесты по лентѣ, навязываемой на лѣвую руку, ѣздятъ къ ней съ подарками отъ жениха; зовутъ гостей на свадьбу и угощаютъ ихъ. Сверхъ нихъ избираются, со стороны невесты и жениха, по одной свахѣ, иногда по двѣ. Тысяцкій разспоряжается свадебнымъ обрядомъ. По прибытiи жениха въ церковь, онъ посылаетъ за невестой сваху и нѣсколько дружковъ, которые прѣзжаютъ за нею въ лучшемъ экипажѣ. По совершении бракосочетанiя, молодые ѣдутъ въ домъ; тутъ встрѣчаютъ ихъ родители, для нихъ посаженные, на крыльцѣ, иногда въ самой комнатѣ, и благословляютъ; сначала образомъ, потомъ хлѣбомъ, возложивъ крестообразно на головы. Молодые падаютъ имъ въ ноги и цѣлуютъ руки. Послѣ сажаютъ молодыхъ за столъ и начинается угощенiе, которое оканчивается богатымъ ужиномъ. На другой день даютъ роскошный обѣдъ, подъ именемъ *большаго стола*, для родственниковъ, друзей и всѣхъ знакомыхъ, къ невестѣ дарятъ разными вещами, но преимущественно даатками. Обѣдъ иногда продолжается до вечера, послѣ начинается пляска подъ музыку или пѣнiе веселыхъ пѣсней. — Молодые первые открываютъ танцы. По простествiи нѣсколькихъ дней дается *пирожный столъ*, который отличается особой веселостiю и пиршествомъ. Музыка, состоящая изъ скрипки и гуслей, раздается безумошнѣе. Въ заключенiи свадебнаго веселiя, тесть угощаетъ зятя, и такое угощенiе называется *ялбынами*. Женатые купеческiя дѣти живутъ въ домѣ своего отца, хотя бы находилось нѣсколько женатыхъ братьевъ, потому что они вмѣстѣ торгуютъ съ своимъ отцомъ и пользуются общими выгодами отъ торговли. — Жены ихъ раздѣляютъ понедѣльно домашнiя работы: съ золовками и сестрами ихъ мужей.

ВЪ ЕВНОСЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сынъ, желающій жениться, объявляетъ объ этомъ отцу, который избираетъ свата и проситъ его сосватать дѣвицу по мыслямъ сына. Сватъ идетъ къ родителямъ невѣсты, и если получаетъ согласіе, то возвращается съ радостной вѣстію, и объявляетъ о дѣлѣ смотрѣнія невѣсты. Отецъ съ сыномъ и сватомъ отправляются смотрѣть невѣсту. Сватъ проситъ показать товаръ. Является на показъ товаръ и глаза молодого разбѣгаются по прелестямъ дѣвушки, которая садится возле матери. Жениху позволяютъ сѣсть возле молодой; отцы и свать пьютъ круговую. На другой день свать возвѣщаетъ родителямъ женнаго, о времени свадьбы.

У невѣсты готовится приданое, а у жениха составляется поѣздъ: изъ дружки и поддружья, четырехъ бояриновъ, тысяцкого и свахи. Тогда женихъ называется княземъ а невѣста княгиней.

Въ день свадьбы женихъ, получивъ благословеніе отъ родителей, ѣдетъ съ своимъ поѣздомъ въ домъ невѣсты. Впередѣ ѣдутъ дружка и поддружье, главные распорядители: они охраняютъ поѣздъ на пути отъ всѣхъ непріятныхъ встрѣчъ; сворачиваютъ съ дороги встрѣчныхъ, отворяютъ и запираютъ ворота. За ними ѣдутъ четыре боярина, совершенно враздвѣе: они только ѣдутъ, пьютъ и веселятся. Послѣ нихъ ѣдетъ женихъ съ тысяцкимъ, который раслачивается, гдѣ надобно. Сваха заключаетъ поѣздъ жениха.

Гостей встрѣчаютъ на дворѣ родители помолвленной. Невѣста сидитъ въ комнатѣ за столомъ съ мальчикомъ, который долженъ продавать ее. Дружка спрашиваетъ сладкаго вина, тысяцкій вынимаетъ деньги, и все это подносятъ мальчику на поднось, съ бѣль-

шимъ уваженіемъ. Мальчикъ сначала не соглашается, потомъ торгуется, требуетъ много, наконецъ говоритъ: «дайте мнѣ съ сѣномъ кола, драго да лютого». Вы тогда прибавляютъ денегъ, онъ беретъ ихъ и тогда мѣсто куплено. — Мѣсто откуплено! мѣсто готово! кричитъ старшій въ семействѣ. — Мальчикъ уходитъ; пріѣзжіе, кромѣ дружки, садятся за столъ подлѣ невѣсты. Дружко говоритъ отцу и матерѣ: «умѣли вымерить, аснотъ вамъ дитятно, умѣйте же отдать князю новобрачному». — Отецъ немедленно обвертываетъ свою руку бѣлой шириною, беретъ за руку дочь и передаетъ ее жениху, который такъ же принимаетъ ее, обернутой рукою въ ширину.

Потомъ начинается пиръ. Дѣвушки поютъ пѣсни; женихъ подноситъ княжій медъ а невѣста даритъ его. Послѣ молодые падаютъ въ ноги отцу и матерѣ, принимаютъ отъ нихъ благословеніе и отправляются въ церковь.

Молодой отъ вѣнца везетъ молодую въ свой домъ. Тутъ они кланяются въ ноги родителямъ, и получивъ благословеніе, садятся за столъ; молодые поютъ пѣсни, женихъ подноситъ княжій медъ а молодая дары. — За тѣмъ сажаютъ молодую на стулѣ, среди комнаты, снимаютъ съ нея платокъ и расплетаютъ косу. Новобрачная плечетъ по своей волнистой косѣ, которую раздѣляютъ родственницы на двѣ части, и обвивъ голову дѣвѣ косицами, надѣваютъ на нее колпакъ. Наконецъ двѣ свахи отводятъ ее въ полкѣтъ, и пожелавъ молодымъ пріятной ночи, запираютъ ихъ замкомъ.

Съ зарею докучивыя свахи и дружка поднимаютъ новобрачныхъ, ведутъ ихъ въ отопленную баню и снова запираютъ тамъ. Стоя подъ дверьми, они выпрашиваютъ у молодыхъ подарковъ, торгуются, и тогда только открываютъ баню, когда удовлетворятъ ихъ требованіямъ.

Пѣсни поютъ тѣ же самыя, что въ Россіи. Вотъ одна, которая должна быть чистого сибирская, въ ней употреблено слово маганый (быкоурый), совершенно не русское.

Дзвица съ молодцемъ
Особо сидѣли,
Втай рѣчи говорили.
Молодецъ, молодецъ!
Хорошій, пригожій,
Кудрявый, маганый,
Холость, не женатый!
Сшей два башмачка,
Изъ желта песочка.

Дзвица, дзвица,
Красная-умная!
Выпреди кошечки,
Изъ дождевой капли;
Конны чтобъ не рвались,
Башмачка не дрались.

Молодецъ, молодецъ!
Хорошій, пригожій,
Кудрявый, маганый,
Холость, не женатый!
Подари фатою,
Изъ макова цвѣта.

Дзвица, дзвица,
Красная-умная!
Напреди мѣть шелку,
Изъ бѣлаго сѣтка;
Чтобъ шить бы не рвалась,
Фата не поролась.

Молодецъ, молодецъ!
Хорошій, пригожій,
Кудрявый, маганый,
Холость, не женатый!
Сдѣлай мнѣ перстень ливный,

И въ преге сонна;
И ацкай въ ной встанку,
Воскочную арведу.
Дзвинна, дзвинна,
Красная-умная!
Напой ты миз коня,
Средь бурнаго моря;
Чтобъ конь мой напился,
А самъ не залился. — (*)

ВЪ ЭСТЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Женихъ отправляется съ сватомъ въ домъ невесты, и покуда свать объясняетъ родителямъ пѣль своего посѣщенія; догадливая дѣвушка поскорѣй прячется въ уголокъ своего дома. Съ позволенія родителей свать отыскиваетъ бѣглянку, и объяснивъ ей имя, званіе, качества и состояніе жениха, приводитъ и сажаетъ ее подлѣ него. Тутъ свать беретъ принесенный штофъ водки, подчууетъ родителей, не забывая себя; а молодецъ съ молодкой, всматриваются между тѣмъ другъ въ друга и знакомятся. — Сватанье происходитъ только по средамъ и четвергамъ. Если при первомъ свиданіи понравятся молодые люди одинъ другому; то посѣщеніе повторяется въ слѣдующій день, и также съ запасомъ водки. Дѣвушка тогда выходитъ уже сама, по одному зову отца или матери. Свать требуетъ рѣшительнаго согласія, и когда получить его, то подчивая водкою, условливается уже о приланомъ и времени брака; а молодые, сидя вмѣстѣ, переглядываются и разговариваютъ свободно. Для окончательныхъ обо всемъ переговорахъ, сходятся и на третій день. —

(*) Степановъ: Опис. енисейск. губ. ч. 2, с. 115.

Когда наготовится приданное невесты и все, что нужно для пиршества; тогда женихъ получаетъ благословеніе своихъ родителей, приѣзжаетъ съ своимъ дружкой верхомъ, въ домъ родителей невесты, гдѣ уже собрались родные и гости. Невѣсту, одѣтую, украшенную, благословляютъ родители къ вѣнцу, а женихъ, въ сопровожденіи общихъ родственниковъ и гостей, везетъ ее въ церковь. Впередъ посылается туда дружка, но въ воротахъ, при вѣздѣ въ село или въ ограду церкви, собирающіеся мальчики, бѣже чужъ родственниковъ молодыхъ, останавливаютъ его, платяши, и онъ долженъ откупить право вѣзда, бросая имъ нѣсколько мелкихъ монетъ, а если этихъ денегъ мало, то мальчики задерживаютъ дружку. Тогда женихъ, видя, что дружка не встрѣчаетъ его, и догадываясь о причинѣ, посылаетъ впередъ себя другого дружку; случается со вторымъ тоже; тогда посылается третій. Щедрость этого послѣдняго, или умѣренность продающихъ право вѣзда, отвордеетъ закодцы ворота, и посланный встрѣчаетъ молодыхъ, уже вѣзжающими. — Въ 12 часовъ по полудни совершаются бракъ; новобрачныхъ поздравляютъ и отправляютъ въ домъ родителей молодой. Тутъ при питьѣ водки и пива, начинаются посылы поздравленія, и вскорѣ потомъ начинается обѣда, съ подчиваніемъ тѣми же напиткими; водку пьютъ и женщины. Послѣ стола играетъ сиринать одобрительный свой вальсъ; молодые и гости танцуютъ и поютъ въ комнатѣ и на дворѣ; пиршество продолжается до самаго утра. — На другой день прѣисходитъ также пиръ, только въ домъ родителей жениха. Послѣ обѣда ставятъ на столъ чаду, покрытую полотенцемъ или платкомъ, и гости, по усердію и средствамъ хозяина, кладутъ туда денежныя подарки на разсказъ новобрачныхъ; а иные вмѣсто этого общаются имъ,

или новое хозяйство: лошади, корову, теленка, овцу, или что нибудь из мелких домашних животных; иногда же ищи, употребляя въ домохозяйствѣ. После свадьбы новобрачные раздѣляются съ постьшеніями и собираютъ обѣданные подарки.

ВЪ ЗЕМЛѢ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ,

СТАРИННАЯ СВАДЬБА.

Мужчины могли видѣть дѣвушекъ только въ хоровахъ, на гуляньи, на свадьбѣ или на крыльцѣ. Дѣвцы, до самаго ея замужества, не удавалось сказать трехъ словъ постороннему мужчине. Старые Донцы находили грѣхъ, когда мужчина разговаривалъ свободно съ дѣвушкою. Не глядя въ глаза мужчине, твердила бабушка своей внучкѣ, — Богъ не дастъ счастья. Рѣдкій Донецъ женился по собственному желанію: большею частію родители назначали ему невесту. Сынъ, время тебѣ жениться, говорилъ отецъ, мы съ матерью выбирали тебѣ невесту: она умѣетъ хозяйничать, изъ хорошаго дома и чиберка (швел). — Воля ваша, отчиталъ сынъ, и поклопъ въ ноги. — Дѣло начиналось съ осмотра невесты. — Женихъ съ однимъ или двумя почтенными родственниками, отправлялся, по большей части вечеромъ, въ домъ невесты, гдѣ ихъ принимали ея родители. Гости заводили разговоръ о дочерѣ хозяйки, хвалили ея красоту и умъ; называли ее дуброю хозяйкою и просили, чтобы она поднесла имъ по чарки вина. По зову матери она являлась, одѣтою по домашнему, держа въ рукѣ подносъ съ кубками вина; разносила и отходила къ сторонѣ, ожидая смирено, пока выпьютъ гости. Старики съ умысломъ медлили пить, чтобы дать жениху время всмотрѣться въ невесту, и между тѣмъ хвалили вино и подносили

шую его. Принимать бежалы, она удалялась: вслѣдъ за нею гости, которые не переставали хвалить дочь и окончивала: Богъ дастъ, она полюбитъ и насъ. —

Черезъ нѣсколько дней послѣ смютра, присылались отъ жениха сваты изъ родственниковъ или постороннихъ. Для этого выбирали опытныхъ людей, славившихся умѣніемъ высватать и могшихъ насчитать до сотни, сыгравшихъ ими свадьбы. Дурный выборъ сваты ставили жениху въ укоръ, и потому часто отказывали ему. — Объясниться же самимъ родителямъ жениха и невѣсты, почиталось не приличнымъ. Сваты начинали дѣло просто: Кузминчъ и Акулиновна! (родители жениха) съ вами хотѣтъ вступить въ родство, — и т. д., и потомъ осыпала похвалами жениха и его семейство. Имъ отвѣчали благодарностію за доброе мнѣніе о дочерѣ, а между тѣмъ отговаривались, что не могутъ выдать ее, по неимѣнію всего нужнаго для свадьбы, — это уже отказъ. Въ случаѣ согласія родителей невѣсты, отецъ ея просилъ дать ему время посоветоваться съ своею роднею, и назначалъ день, въ который приходили сваты за отвѣтомъ. Сваты, выходя изъ комнаты, старались прикоснуться рукою къ печи и приговаривали: какъ эта печь не сходить съ своего мѣста, такъ бы и отъ насъ не отошла наша невѣста. — Въ назначенный день являлись по утру сваты, вынимали изъ за пазухи кусокъ чернаго хлѣба, посыпаннаго солью; клали на столъ, говоря: отецъ и мать Васильевича (жениха) кланяются и просятъ принять хлѣбъ соль. Тогда родители невѣсты цѣловали гостинище. Сватовство окончивалось согласіемъ, и сваты требовали, въ знакъ согласія, руку ея. Дай Богъ въ добрый часъ, говорилъ отецъ невѣсты, естѣя себя простицынъ знаменіемъ, и обернувъ полойю своего платка руку, подавалъ ее сватамъ: это называлось ввать руку. — Подать или взять тогда руку,

не завернуть ее въ полу платья, почиталось дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ старину думали дѣвцы, что голая рука есть примѣта бѣдности. — Невѣста подносила тогда сватамъ по стакану меда, которые тутъ же поздравляли ее съ женихомъ.

Въ этотъ вечеръ дѣлалось рукобитье. Женихъ съ родителями и родными приходилъ къ своей невѣстѣ, въ домъ коей собирались ее ближніе родственники. Тамъ встрѣчали жениха и поздравляли его съ невѣстою, а онъ отпѣвалъ поклономъ своему тестю и тещѣ, и становился у порога. Родители давали другъ другу руки, называя уже сватушкой и свашинькой, и дѣлали зарядъ, на случай отказа какой-либо стороны отъ свадьбы. По окончаніи условій свать выводилъ жениха и невѣсту на средину комнаты, подносилъ имъ по рюмкѣ вина или меда; они выпивъ, цѣловали другъ друга. Родители соединяли ихъ руки, приговаривая: дочь! вотъ тебѣ женихъ, а тебѣ, мой сынъ, невѣста, да благословитъ Господь Богъ союзъ вашъ! — Послѣ благословенія молодые иногда дарили другъ друга. Между тѣмъ выносили серебряный подносъ, уставленный серебрянными съ чернью стаканами, полными меда или вина. Женихъ, послѣ него невѣста, обносили всѣхъ гостей, которые, выпивъ до дна, привѣтствовали ихъ и желали совершить *какое-то дѣло*. Этимъ оканчивалось рукобитье, которое называется въ Россіи помолвкой. Когда соединяли руки новой четы, тогда женщины пѣли двѣ пѣсни: *Ой заюшка, горюстѣй молодой, для жениха; и перепелушка, раба перушки, для невѣсты*. По совершеніи рукобитья, старики уходили въ другую комнату, чтобы записать радостное начало. Женщины, проходя по улицамъ, постоянно пѣли заюшку и перепелушку, дабы невѣстѣ житье-бытье претсходошнее.

Давъ позвѣстия (позывати), одна со стороны жениха а другая невѣсты, вѣзли съ утра изъ дома въ домъ, къ роднымъ и вѣщи знакомымъ : съ приглашеніемъ ихъ на сговоръ. — Въ позыватыя избиралѣсь молодыя женщины, которыя бы умѣли хорошо упрасивать, были бы веселыя и разговорчивыя. Въ каждомъ домѣ онѣ должны были сказать поклонъ отъ отца и матери, и просить на сговоръ, приговаривая : да *пожалуйте жь мои родненькія* ; въ каждомъ домѣ угощали ихъ сладкимъ виномъ и просили выпить непременно. — Къ шести или семи часамъ вечера собирались къ невѣстѣ ея подруги, а къ ея родителямъ женщины и мужчины. Дѣвушки сидѣли съ особой комнатѣ, а гости, коихъ всегда называли стариками, въ залѣ, въ которомъ былъ раскинутъ большой столъ, покрытый скатертью ; угловый столикъ былъ заваленъ пряниками, орѣхами и съмечками. — Въ домѣ жениха собирались его знакомые ; здѣсь приготовляли десять и двадцать блюдъ съ кренделями, пряниками, орѣхами, винными ягодами, финиками и всякими сладостями, и нѣсколько дюжинокъ лучшей меда и вина. Всѣ гости отправлялись съ хлѣбомъ и солью, въ домъ невѣсты : впереди несли блюдо, за гостями шла жена-тыя, потомъ замужнія женщины, и наконецъ женихъ съ своими пріятелями. Родители невѣсты встрѣчали ихъ на крыльцѣ, вводили въ залу и сажали сватуш-ку, сватиху и родню ихъ, на первый мѣста женихъ съ товарищами становился у порога ; принесен-ныя же блюда и напитки, устанавливали раски-нутый по срединѣ столъ. Отецъ невѣстиныхъ, потомъ мать, обносили гостей по стакану водки. — Тогда сваты требовали, чтобы молодые, въ виду всего соб-ранія, были сговорены. — Жениха и невѣсту ставили посреди залы, и повторяли тотъ же обрядъ, который

наблюдался при рукобитии, Родственники жениха и невесты, поздравляя ихъ, дарили другъ друга. Свекоръ и свекровка, должны были превзойти всѣхъ щедростію. Сговоръ оканчивался тѣмъ, что женихъ и невеста подносили гостямъ вино или медъ, и принимали отъ всѣхъ по поцѣлюю. — Отъ послѣдняго гостя убѣгала невеста въ другую комнату къ дѣвушкамъ, и садилась между ними, дабы не отдать мѣста женику даромъ, который долженъ былъ купить его, чтобы сѣсть возлѣ своей суженой. Начинался торгъ, женихъ набавлялъ цѣну, дѣвицы не уступали, говоря, что ихъ невеста золотая, и не дешево ему достанется. Этотъ торгъ забавлялъ всѣхъ, старики оставляли стаканы и толпились смотрѣть. Какъ скоро женихъ получалъ мѣсто, подлѣ своей невесты, тогда родители его просили сватушку, свашиньку и всѣхъ гостей къ себѣ въ домъ, *смотреть печи*. — Это было угощеніе, состоявшее въ томъ, что посреди залы накрывался столъ; гости садились ужинать, подавали блюда 30; за каждымъ пили медъ и вино, и чтобы не было отговорокъ, то ко всякому стакану придумывали тостъ: начинали обыкновенно здоровьемъ сватушки, потомъ свашиньки, будущей четы, всѣхъ гостей порознь и наконецъ пили за упокой умершихъ родственниковъ. Во время десерта веселые гости пѣли сначала богатырскія, а потомъ плясовые пѣсни :

А кто въ моемъ во садуку. — Ахъ матушка жениха, — Утушка луговая. — Тутъ была перепалочка. и пр.

Женихъ долженъ былъ платить за всѣ издержки этого вечера, даже въ домѣ невесты. — Послѣ сговора, родственницы невесты оставались при ней до самой свадьбы, и шили для нее приданое: Если бы какую вещь задумали отдать въ постороннія руки за деньги, то это ставилось въ укоризну дѣверкамъ. —

Женихъ съ друзьями бывалъ каждый вечеръ у невесты, и приносилъ узелъ гостинцевъ. Тутъ продолжались прыгъ до полуночи: жмурки, четки, короли, кончики и пр.

За два дни до свадьбы, смотрѣли приданое или праздновали подушки, а на канунъ *дѣвичника*,

Подушки такъ отправлялись. Ввечеру собирались въ домъ невесты: всѣ знакомыя дѣвѣны, женихъ съ своими товарищами и родные молодыхъ. Изъ гостей одинъ послѣ другаго входили въ комнату, гдѣ находилось приданое: богатая постель и платье въ сундукахъ. Чиберки предлагали имъ садиться на подушки. Женихъ съ невестою садились первые, пивъ подносилъ жениху стаканъ меда, который выпивалъ онъ въ нѣсколько приѣмовъ, цѣлуя всякій разъ свою возлюбленную и приговаривая: *медъ горекъ, надобно подсластити*. Осушивъ бокалъ, онъ клалъ чибернать деньги на поднось. Потомъ садились всѣ товарищи молодого; каждый изъ товарищей его просилъ къ себѣ въ сосѣдки дѣвицу, нравившуюся ему; такъ же каждый пилъ медъ и цѣловалъ ее, сколько хотѣлъ. Отпустивъ отъ себя выбранную имъ, онъ могъ просить другую, третью и т. д. и за всякимъ бокаломъ онъ клалъ деньги на поднось, а подносящіе бросали въ сидящую пару подушками, приговаривая, по татарски: *раса баса саенъ* (и вамъ того желаемъ). — Сидѣніе на подушкахъ продолжалось до полуночи, и сколько ни были застѣнчивыя дѣвушки, но ни одна не отказывалась отъ поцѣлуевъ. — Бывала иногда музыка, но она не препятствовала сидѣнію: пока одни танцовали, другіе не переставали срывать жаркіе поцѣлуи съ дѣвственныкъ устъ.

Дѣвичникъ былъ послѣднимъ праздникомъ для невесты. Но въ этотъ день она плакала. Предъ заходомъ солнца, она, одна съ нянюшкой, ходила на мо-

щды, своимъ приданомъ, и просила ихъ, благословеніи съ горючими слезами. Между тѣмъ помѣщныя невѣсты, а также ея родственники и знакомыхъ цушавъ и женщинъ, на вечеръ, — наволакивать пелушки, а на другой день на выданье мѣлаши. Со стороны жениха: свахи и дружки, пресли гостей, чтобы сажать коровай, а на завтра встрѣтить новобрачныхъ. Съ самаго утра начинала готовить коровай. Когда сажали большой коровай, тогда все собраніе держалось за допату; дружки и сваха освѣщала печь, и сѣли ихъ, общица, дѣтми, вручались на другой день жениху и невѣстѣ, для зажженія, предъ алтаремъ.

Гости жениха, забравъ коровай, отправлялись въ вечеру, въ домъ невѣсты. Она, посреди своихъ подружекъ, была въ слезахъ; голова ея была покрыта выскокой шапкою изъ черныхъ смушекъ, съ красными бархатнымъ или парчевымъ верхомъ, украшеннымъ цафтами и перьями; въ косѣ висѣлъ, золотый косинокъ. Подруги нацѣвали жадеобныя шнурки, а разлука ея съ родными, — Съ появленіемъ жениха замолчали шнурки, и молодыя садясь на подушки. Гости шли къ столу, досадъ которого входили женщины, одѣяныя, прицѣвая: сестрицы, подружки, несли подушки, и пр. Потомъ разбирали постель и другія вещи, и со всѣмъ обществомъ отправлялись къ жениху.

Въ воскресенье, въ день свадьбы, дѣвцы убрали невѣсту въ брачную одяжку; въ богатый парчевый мундиръ, въ парчевую рубашку; на голову надѣлали тужю шапку, жакую на дѣвичьи, и на косу заплетали по дѣвичьему. Съ благоуханіемъ къ обѣду, отецъ и мать, благословляли ее ищомъ; жавѣра кланялась земныхъ поклона, цѣловала образъ, кланялась въ ноги плачущимъ родителямъ; прощалась со всѣми родными, домашними и сама заливалась слезами. — Же-

нихъ, получить благословеніе отъ родителей, старавшихся къ невестѣ: впередъ его шелъ священникъ съ крестомъ, потомъ мальчики после благословеннаго образа съ палачами; за ними шелъ женихъ, между дружкой и сватами, въ парчовомъ кафтанѣ, алой суконной терекскѣй, обшитой серебрянными позументами; къ красныхъ сапогахъ, шитыхъ золотомъ, держа подъ рукою высокую шляпу, изъ сѣрыхъ омушковъ, съ краснымъ бархатнымъ верхомъ. — Рядомъ съ нимъ шелъ серебряный полковъ или жалахалы, отдававшіе послѣднее прощаніе своему товарищу. Подлѣ жениха шелъ ездунъ (охранитель), котораго приискивалъ дружка заблаговременно, и онъ не отлучался отъ жениха до окончанія брака, наблюдая, чтобы на порогахъ и на дритовкахъ не было чародѣйства, и чтобы въ пищу и питье не привѣшивалъ кто порчи. — Брачная одежда хранилась въ семействѣ и она переходила изъ рода въ родъ. Нередко видали правнука, предъ брачными алтаремъ, въ предѣловскомъ вѣнчальномъ кафтанѣ. Во многихъ станицахъ было по одному общественному вѣнчальному платью: чепмень изъ краснаго сукна, цвѣтныя кафтаны и красныя или желтыя сапоги. Всѣ жители той станицы вѣнчались въ этомъ платьѣ, которое возвращали, по совершеніи вѣнчанія, въ станичную казну.

Женихъ находилъ уже невесту на посадѣ, въ переднемъ мѣстѣ подъ сѣнцами. Подлѣ нея сѣдѣли одинъ или два мальчика, ея братья, съ державою, т. е. съ протогою или толковой плетью, шитою золотомъ и украшенную серебрянными бляшками и шурками. — Братья не допускали жениха, грозя ему плетью; дружка долженъ былъ купить мѣсто. — Потомъ отправились молодые въ церковь, въ притворѣ церковномъ приготовляли невесту къ вѣнцу: снимали шапку, расплетали косу, разделяли ее на две, потомъ заплетали по-женски въ две,

и обмыть или голову, надѣвали соболью шапку или новейникъ; потомъ отправлялись въ домъ жениха. На крыльцѣ встречали молодыхъ родители, съ хлѣбомъ и солью; осыпали ихъ пшеницею или другимъ хлѣбнымъ зерномъ, перешагивали съ хлѣбомъ; орѣхами, пряниками, мѣлкой монетою и пр. — Угостивъ молодыхъ, отводили ихъ на брачное ложе.

Между тѣмъ званые гости пировали, пили: тосты за молодого князя съ княгиней, родителей и гостей. Передъ жаркимъ поднимали молодыхъ: все общество требовало, чтобъ имъ показали *честь новобрачныхъ*. Въ знакъ радости и доброй воли молодой, навязывали дружкѣ вѣтки на обѣ руки, а свахъ окутывали матеріями крестообразно чрезъ плеча; всѣ гости прикалывали къ головному своему убору или къ груди, источки свѣжей камны, какъ символъ невинности. Дружко и сваха просили гостей кушать и пить, и тогда раздавались всѣмъ въ честь молодой. Дружко и сваха отправлялись въ первыя къ родителямъ, съ волеищеніемъ и дочерней честью и съ приглашеніемъ ихъ на веселіе. Ихъ также перевязывали адѣй. — Былъ обычай: что когда приглашали родителей молодой прямо къ столу, тогда въ ихъ присутствіи поднимали молодого князя съ княгиней. —

По собраніи кушанья со столовъ, вводили молодыхъ въ собраніе: дружко шелъ впереди на блудѣ, покрытомъ шелковымъ или парчевымъ платкомъ; широкимъ въ куски большой коровой, котораго каждая часть была украшена серебрянымъ лебедемъ или золотой соосенкою, и на каждой части было положено немного сыру; за дружкой шла сваха подъ руку молодого князя и княгиню. — Сотворявъ молитву, дружко открывалъ корову, разносилъ гостямъ, просилъ именовъ молодыхъ: *сыр-каравай приклясть и молодыхъ надылать*; въ слѣдъ за этимъ молодые подчивали ихъ

медомъ и ринкомъ. Каждый изъ гостей, принявъ часть корова и бокалъ, обнималъ новобрачныхъ, поздравлялъ и дарилъ ихъ: кусками богатой матеріи, которую вѣшали на плечо молодой; оружіемъ, деньгами и табунами лошадей или рогатого скота. — Родители молодой такъ же получали подарки отъ своихъ сватовъ: отецъ сукно, мать бархатъ или парчу, а прочихъ гостей дарили: мужчинъ сафьянами или платками а женщинъ красными туфлями. Остальную часть дня проводили въ шумномъ пированіи. Громогласно желали счастья молодымъ, пили за здоровье и кричали во все услышаніе: «желаю здравствовать князю молодому съ княгиней! княжему отцу, матери, дружкѣ съ сватами и всѣмъ любящимъ гостямъ, всей честной компаніи на бѣсѣдѣ, не всѣмъ по имени, но всѣмъ поравненно; что задумала, загадали, опредѣли, Господи! талантъ и счастье: слышанное видѣть, желанное получить, и быть въ чести и въ радости нерушимо!» Всѣ отвѣчали: «опредѣли Господи!»

На другой день поутру мать молодой присылала новобрачнымъ супъ изъ курицы, съ масломъ и кореньями, и вареное, приготовленное на винѣ съ сахаромъ и пряными кореньями. Блюда носили: няня молодой и бывшія ея прислужницы; онѣ были переизвезены матеріями и одна въ карикатурномъ видѣ. Проходя по улицѣ, онѣ пѣли свадебныя пѣсни. —

Послѣ продолжительныхъ угощеній съ обѣихъ сторонъ, назначились отводы. Родители молодой давали обѣдъ, на коемъ появлялись въ первый разъ новобрачные, и всѣ гости заключали свое веселіе пированіемъ. —

Точно были такіе свадебные обряды у низовыхъ казаковъ, и преимущественно въ Черкасскѣ. Въ

ставивших серьезные обряды и тѣмъ и некоторымъ шнѣ-
неніа (*).

ВЪ ЗЕМЛѢ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ, НЫНѢШ- НЯЯ СВАДЬБА.

Повсюду невѣста занимаетъ главное мѣсто: и въ забавахъ и при выходѣ ея за мужъ, и вездѣ женихъ старается повсемѣ угрождать ей.—Между донскими козаками, конхъ нравы во многихъ сходствуютъ съ малороссійскими, дѣвушка невѣста должна отличаться не столько своею красотою, сколько добротою сердца и знаніемъ хозяйства; посему донской козакъ преимущественно избираетъ ее съ этими качествами; онъ не требуетъ за нею никакого приллагаго, напротивъ, самъ одѣваетъ ее, можно сказать, съ ногъ до головы. —

Сговоръ совершается помощію свахи и дружки.—Дѣвичникъ уже есть прощальный день для подругъ невѣсты: онъ поютъ ей пѣсни, готовятъ ей вѣчное платье, убираютъ и заплетаютъ ей косу. Женихъ проводитъ дѣвичный день въ обществѣ съ своими товарищами. Дружка сопутствуетъ ему во всѣхъ его забавахъ. —

Невѣста не отправляется въ церковь съ своими пріятельницами, но за нею прѣзжаетъ самъ женихъ верхомъ. Лошадь его обвѣшивается колокольчиками, чтобы невѣста могла слышать его прѣздъ. Потомъ онъ отправляется къ вѣнцу съ нею и со всѣмъ своимъ поѣдомъ. Отъ вѣнца ѣдутъ пировать въ домъ жениха.

Послѣ вѣнчанія снимаются колокольчики съ лошади жениха, одной только свахою, которые хранятся родителями новобрачныхъ или самими молодыми. Нѣкото-

(*) Корнил. Русск. старина, изд. С. П. Б. 1825 г.

рые, по звуку колокольчиковъ, дѣлають замѣчанія о счастливой и несчастливой жизни молодыхъ.

Свадебный пиръ бываетъ довольно веселый: музыка изъ двухъ и трехъ скрипокъ, пѣнiе, пляска и радужное угощенiе, удерживаютъ пирующихъ на всю ночь, не смотря на то, что новобрачные давно уже спятъ.— Иногда нѣсколько дней сряду гуляютъ гости: то у родителей новобрачныхъ, то у ихъ родственниковъ.— Водка и родное донское вино, льется здѣсь рѣкою.— Чѣмъ болѣе пьютъ, бьютъ стеклянныхъ покаловъ и посуды, тѣмъ жизнь новобрачныхъ должна быть счастливѣе.

МЕЖДУ УРАЛЬСКИМИ КАЗАКАМИ.

Выборъ невѣсты между уральскими козаками, зависитъ отъ жениха; родители не препятствуютъ ему; но избранiе жениха зависитъ отъ родителей. — О приданомъ не спрашиваютъ; что дадутъ родители, тѣмъ довольны; молодые всегда надѣются, что ихъ надѣлать достаточно. —

Послѣ сговора до самой свадьбы, собираются подружки къ невѣстѣ, каждый вечеръ: поютъ пѣсни, пляшутъ и веселятся съ молодцами. Вечернiя сходбища продолжаются иногда до полугода. Женихъ обходится съ своею невѣстою, какъ мужъ съ женою. Нарушенiе приличiй строго преслѣдуется; свободное же обращенiе, протекающее отъ взаимной довѣрчивости, отнюдь не дѣлаетъ бесчестнымъ имя дѣвушки.

Въ дѣвичникъ сходятся къ невѣстѣ ея подружки, и поютъ ей прощальныя пѣсни. Сюда допускается и женихъ, который долженъ принести невѣстѣ въ подарокъ: цвѣтное платье, башмаки, головной уборъ, игольникъ съ нитками, наперстокъ и ключи. Послѣднимъ онъ даетъ ей знать, что она вступаетъ въ права до-

мохозяйки. Невѣста даритъ ему: шапку, сапоги, шейный платокъ, рубашку и шаровары.

Въ назначенный день поѣзда къ вѣнду, невѣсту провожаютъ ея подруги, а жениха его хорошіе пріятели и знакомые. Невѣста отправляется въ церковь въ сопровожденіи старшей дружки и свахъ. Женихъ въ сопровожденіи своего дружки и поддрузьевъ, и онъ ѣдетъ отдѣльно отъ нея. Послѣ вѣчанія невѣста ѣдетъ въ повозкѣ, съ короткими своими пріятельницами; позади ея сидитъ мать и сваха: послѣдняя должна имѣть кольца на всѣхъ пальцахъ. — Во время поѣзда мать и сваха закрываютъ молодую полотенцемъ, чтобы нечистый глазъ не испортилъ ее. За повозкою ѣдетъ женихъ, послѣ него тянутся, въ цѣсколько рядовъ, вершники, и одинъ изъ нихъ держитъ на длинномъ шестѣ, вмѣсто знамени, полосатую плахту (юбку).

По прибытіи новобрачныхъ домой, ихъ сажаютъ вмѣстѣ за столъ. Свадьбу проводятъ въ пѣтьѣ, пляскѣ и пѣвѣ, не только дома, но и на улицѣ. Съ парующими раздѣляютъ веселіе, часто не приглашенные, и гуляютъ до полночи. Молодую отводятъ въ брачную избу сваха и мать посаженная; дѣвушки раздѣваютъ, а молодой приходитъ послѣ, съ однимъ дружкой.

По утру поздравляютъ новобрачныхъ родные и всѣ ихъ знакомые. Прежде выставляли красное знамя у воротъ, въ ознаменованіе благополучія невѣсты. Въ старинные годы былъ еще обычай, что если кто разводился съ женою, тотъ выводилъ ее на торговое мѣсто и продавалъ; послѣ этого онъ могъ жениться на другой.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

I. Обзоръ свадебныхъ обрядовъ .	3.
II. Свадьбы великокняжескія	47.
III. Свадьбы Царскія	57.
IV. Свадьбы благородныхъ и простолюдиновъ, по извѣстію Кошкнхна	82.
V. Свадьба начала XVII вѣка, по извѣстію Петра .	91.
VI. Свадьба около половины XVII вѣка, по извѣстію Олеарія.	96.
VII. Измѣненіе свадебъ.	107.
VIII. Очеркъ нынѣшнихъ свадебныхъ обрядовъ. .	116.
IX. Свадьба въ псковской губерніи .	143.
X. Свадьба въ востромской губерніи	166.
XI. Свадьба въ орловской губерніи	194.
XII. Свадьба въ олонецкой губерніи .	207.
XIII. Свадьба въ вологодской губерніи .	230.
XIV. Свадьба въ нижегородской губерніи .	261.
XV. Свадьба въ пензенской губерніи.	280.
XVI. Свадьба въ саратовской губерніи.	288.
XVII. Свадьба въ смоленской губерніи. . .	446.
XVIII. Свадьба въ Бѣлорусіи	460.
XIX. Свадьба литовская. .	471.
XX. Свадьба малороссійская	485.
XXI. Свадьба переселенцевъ Малороссіянъ, въ сара- товской губерніи	565.
XXII. Замѣтки объ свадебныхъ обрядахъ, въ губерніяхъ: калужской, пермской, енисейской, эстляндской, въ землѣ донскихъ казаковъ и между уральскими казаками .	594.

